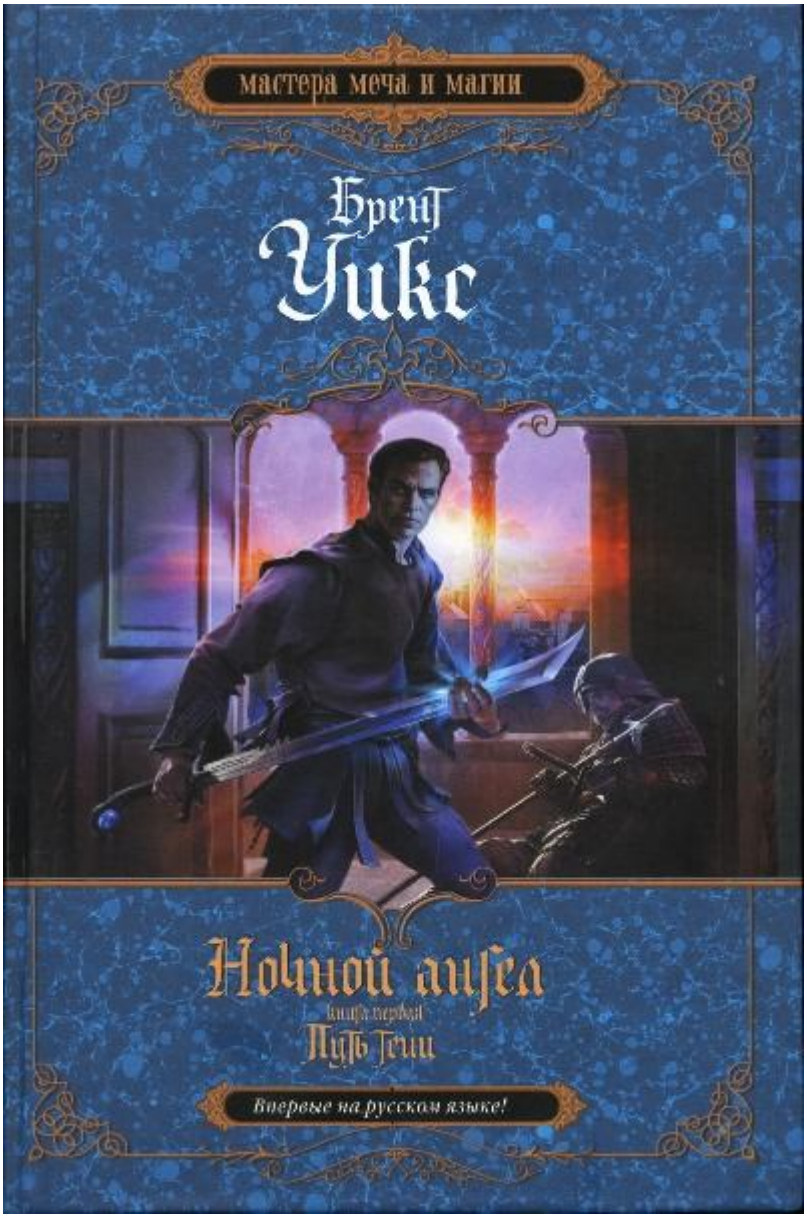
Брент Уикс
Путь тени

Ночной ангел – 1



- Alex1979, OCR & ReadCheck - Tramell http://oldmaglib.com
«Брент Уикс "Ночной ангел. Книга 1. Путь тени"»: Эксмо, Домино; Москва, СПб.; 2010
ISBN 978-5-699-43442-8

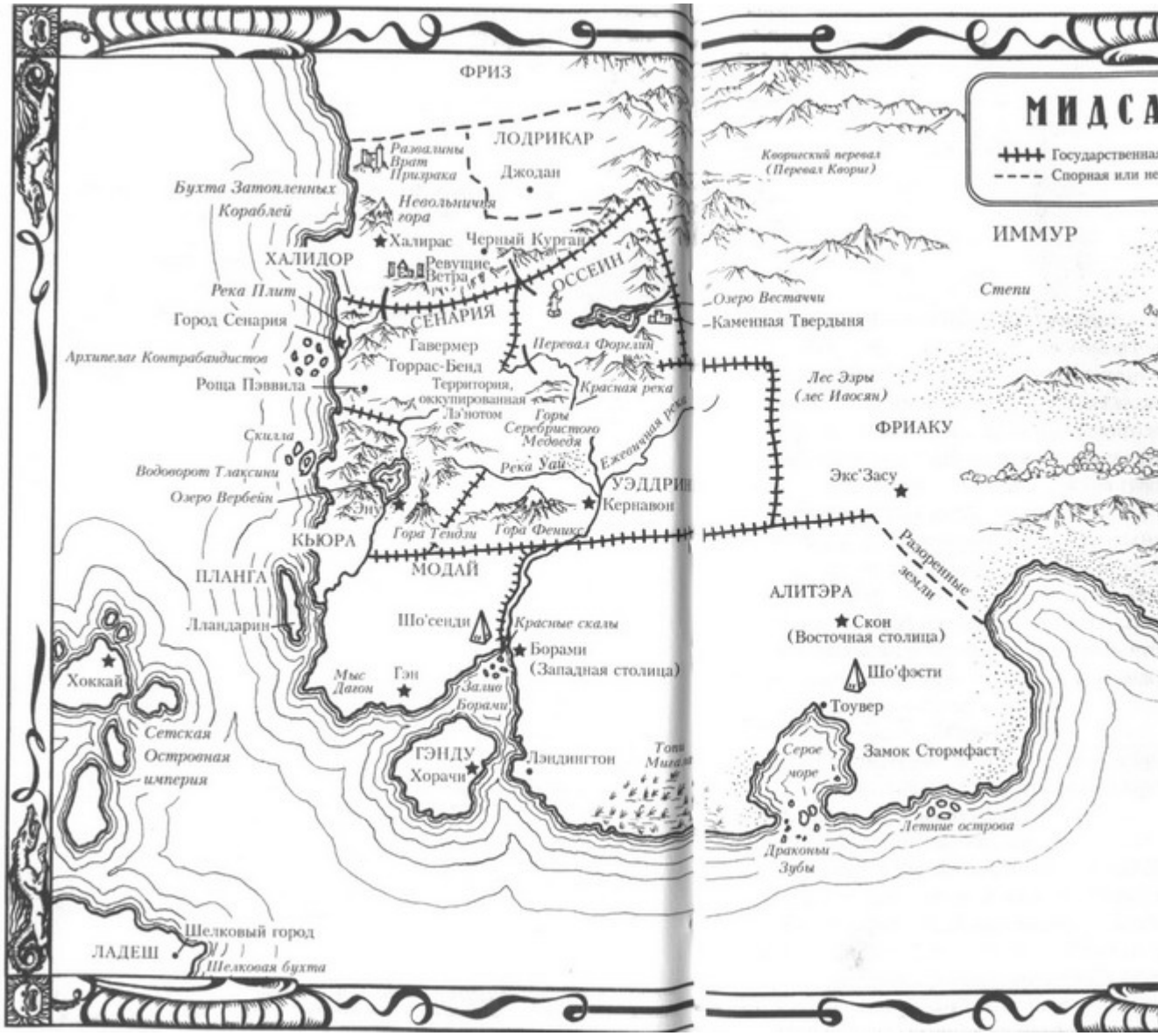
Аннотация

В мире Мидсайру царят жестокие нравы. Если не убьешь ты, то убьют тебя. Маленький воришка Азот убедился в этом на собственной шкуре, иначе бы он ни за что не пошел в ученики к Дарзо Блинту, наемному убийце. Как всякий вступивший на этот путь, юный ученик меняет имя. Теперь он не Азот, а Кайлар, и для того, чтобы по-настоящему овладеть профессией, ему нужно пробудить в себе колдовской талант. Тем временем в королевстве происходят события, не предвещающие для его жителей ничего хорошего. Убит наследный принц, похищен ка'кари, серебряный шар, способный сделать человека неуязвимым для любого оружия и продлить до бесконечности его жизнь, а на само

королевство идет войной армия неприятеля.

Брент Уикс
«Путь тени»

Посвящается Кристи — самому близкому человеку,
спутнице, лучшему другу, невесте.
Все это — тебе.



1

Азот присел на корточки и, собираясь с духом, заглянул в узкую щель под стеной. Его босые ноги утопали в холодной жиже. До рассвета оставалось несколько часов; таверна пустовала. Полы в большинстве здешних трактиров были земляные, однако эта часть Крольчатника располагалась на болотах, а пить, стоя по колено в грязи, не желали даже последние пропойцы, поэтому таверну чуть приподняли над землей на сваях и сделали настил из прочных стеблей бамбука.

В щели между ними иной раз проваливались монеты, но втиснуться в тесное пространство между полом и землей мог далеко не всякий. Большие цеховые ребята были слишком крупные, а мелюзга не отваживалась лезть в удушливо-темное царство крыс, пауков, тараканов и свирепого полудикого хозяйского котяры. Хуже того: когда по настилу проходил посетитель, бамбук врезался тебе в спину. Азот целый год собирал тут больше монет, чем в других местах, однако в последнее время он заметно вырос. В прошлый раз даже застрял и несколько часов кряду не знал, как быть; потом пошел дождь, земля размокла, и Азот наконец выбрался наружу.

Сейчас кругом была грязь, посетителей не предвиделось. Котяра ушел — Азот сам видел. К тому же завтра Крыс ждал по четыре медяка сбора, а у Азота не было и одного. Словом, выбирать не приходилось. Крыс не слушал никаких оправданий, и рука у него была тяжелая. От побоев Крыса многие цеховые дети испускали дух.

Азот разгреб в слякоти ямку и лег в нее ничком. Тонкая грязная рубаха тотчас насквозь промокла. Работать следовало быстро — Азот был кожа да кости, если простудится, сляжет надолго.

Протиснувшись внутрь, он принялся всматриваться во тьму — не блеснет ли где металл. В таверне догорали два фонаря, и на грязь да стоячую воду причудливыми прямоугольниками падал лившийся сквозь щели свет. В столбиках света клубился густой болотный туман. К лицу Азота прилип кусок паучьей паутины, по шее пробежал морозец.

Азот замер. Нет, показалось. Он медленно выдохнул, вдруг заметил блеск, схватил первый медяк, переполз к необработанной сосновой балке, под которой застрял в прошлый раз, и принялся разгребать грязь. Ямка быстро заполнялась водой. Пространства все равно было мало. Азот повернул голову, окуная лицо в слизистую воду, задержал дыхание и медленно пополз дальше.

Голова и плечи прошли беспрепятственно, а рубаха зацепилась за сучок; затрещала материя, кожу поцарапало. Азот чуть не вскрикнул и порадовался, что смолчал, увидев сквозь широкую щель между бамбуковыми стеблями человека у стойки. В Крольчатнике следует быстро прикидывать, кто перед тобой. Даже ловкач вроде Азота, который воровал каждый божий день, в конце концов попадался. Торговцы нещадно лупили цеховых крысят, в противном случае те перетаскали бы весь товар. В лавку купца, от которого им как следует доставалось, воришки больше не лезли. Впрочем, избить их могли на каждом углу. Азоту почему-то показалось, что от долговязого посетителя веет добром, грустью и одиночеством. Незнакомцу было лет тридцать, сивая борода торчала клочьями, на боку висел огромный меч.

— Почему ты отвернулся от меня? — прошептал он. Азот с трудом разобрал слова. В левой руке посетитель держал винную чашу, а в правой что-то сжимал, Азот не видел что. — Как ты мог? Я ведь столько лет прослужил тебе. Это из-за Вонды?

Что-то защекотало ногу Азота. Он не обратил особого внимания, решив, что ему опять кажется. Скорее бы отцепить рубаху, собрать монеты и уматывать.

Бамбуковый пол внезапно промялся под чьей-то тяжестью, голову Азота вдавило в слизь. У мальчика перехватило дыхание. Хватая ртом воздух, он чуть было не хлебнул мутной воды.

— Ты не перестаешь меня удивлять, Дарзо Блинт, — сказал тот, кто теперь стоял над Азотом. Азот мог рассмотреть лишь поблескивающий обнаженный кинжал. Должно быть, человек спрыгнул откуда-то сверху. — Говори про меня, что хочешь, но видел бы ты Вонду, когда она поняла, что ты не собираешься ее спасать. Я чуть слезу не пустил.

Долговязый повернулся и произнес — медленно и сокрушенно:

— Я убил сегодня шестерых. Ты уверен, что нужен и седьмой?

До Азота стало доходить, о чем речь. Долговязый был Дарзо Блинт. Мокрушник. Наемный убийца против мокрушника — все равно что котенок против тигра. Среди товарищей ему, бесспорно, не было равных. Точнее, как говаривал старшина Азотова цеха, если споры и возникали, то продолжались недолго.

Это он-то, Дарзо Блинт, показался Азоту добряком? Что-то снова щекотало ногу. Кто-то довольно крупный, но меньше таракана, ползал по внутренней стороне его штанины. Азот в ужасе догадался: белый паук-волк. Его яд распространяется медленно, кругами. От одного укуса, даже если на помощь придет целитель, взрослый человек в лучшем случае потеряет руку или ногу. Цеховому крысенку о подобной удаче не приходилось и мечтать.

— Смотри сам уцелей, Блинт. Так пить! Только при мне ты влил в себя…

— Восемь чаш. И четыре до тебя.

Азот боялся пошелохнуться. Сдвинь он ноги, чтобы раздавить паука, и по плеску воды о его присутствии узнают. Может, Дарзо Блинт и выглядит добродушным, но меч у него поистине великанский, а Азот давно уяснил: взрослым доверять нельзя ни на йоту.

— Врешь, — сказал тот, кто стоял над ним, с нотками страха в голосе.

— Я никогда не вру, — ответил Дарзо Блинт. — Что ж ты не зовешь дружков?

Паук продвигался вверх по внутренней стороне Азотова бедра. Весь дрожа, мальчик задрал сзади рубаху и оттянул пояс штанов в надежде, что паук выползет в дыру.

Человек наверху засунул в рот два пальца и свистнул. Дарзо вроде бы и не шелохнулся, но свист перешел в хрип, а мгновение спустя человек, стоявший над Азотом, повалился на пол. Распахнулись обе двери, послышались крики. Заскрипели, прогибаясь, доски. Азот не двигался, думая лишь о пауке. На пол упало еще одно тело, и лицо Азота опять окунулось в воду.

Паук пересек ягодицу и перешел на подставленный большой палец. Азот медленно приподнял руку. Верно он угадал: то был белый паук-волк, с длинными, как палец, лапами. Азот смахнул мерзкую тварь, потер ладонь, удостоверяясь, что она невредима, дотянулся до расщепленного сучка и отломил его. Треск показался особенно громким из-за воцарившейся наверху тишины.

Азот больше никого не видел. Чуть в стороне сквозь щель что-то капало в воду — что именно, догадаться было нетрудно даже в темноте.

Тишина казалась сверхъестественной. Если бы по таверне ходили люди, доски бы скрипели и бамбук врезался Азоту в спину. Сражение длилось секунд двадцать, таверну никто не покидал. Неужели все друг друга поубивали?

Азота трясло — и не только от холода. Смерть в Крольчатнике была гостьей нередкой, но чтобы столько людей простились с жизнью так запросто и в столь короткий срок — с подобным Азот сталкивался впервые.

За несколько следующих минут, хоть и приходилось осторожничать из-за паука, удалось найти шесть медяков. Будь Азот посмелее, обшарил бы карманы покойников, только ему не верилось, что Дарзо Блинт мертв. Может, как говорят некоторые цеховые крысята, он и впрямь демон. Или поджидает снаружи, чтобы прикончить Азота — за то, что шпионил за ним.

Ни жив, ни мертв от страха, Азот повернулся и пополз назад. Шесть медяков — очень даже неплохо. На сбор уйдет всего четыре, а еще на два можно купить хлеба и поделиться им с Джарлом и Куклой.

До дыры оставался всего фут. Внезапно перед самым носом что-то ослепительно блеснуло. От неожиданности Азот не сразу понял, что это — огромный меч Дарзо Блинта, воткнутый сквозь пол в грязь прямо у самого выхода.

Сверху послышался шепот:

— О том, что видел, ни звука. Ясно? Мне ребенка убить — раз плюнуть.

Меч исчез. Азот выкарабкался в ночную тьму. И что было духу понесся прочь.

2

— Четыре медяка! Четыре! А ты мне сколько даешь?

Физиономия Крыса так побагровела от ярости, что прыщи на коже казались россыпью белых точек. Схватив Джарла за грудки, Крыс поднял его с земли. Азот резко опустил

голову. Он не мог на это смотреть.

— Четыре! — орал Крыс, брызжа слюной.

Разыгрывает представление, подумал Азот.

Нет, бил Крыс по-настоящему, но не сжимая пальцы в кулак — чтобы позвучнее. На Джарла Крыс даже не смотрел; он наблюдал за остальными и упивался их страхом.

— Кто следующий? — спросил он, отбрасывая Джарла в сторону.

Азот поспешил шагнуть вперед, чтобы Крыс не пнул его друга. В свои шестнадцать Крыс был высокий, как взрослый мужчина, и мог похвастать жирком, чем разительно отличался от других рожденных в рабстве.

Азот протянул четыре медяка.

— Восемь, ничтожество! — рявкнул Крыс, забирая монеты.

— Восемь?

— Плати и за Куклу.

Азот осмотрелся по сторонам, ища поддержки. Некоторые большие ребята обменялись взглядами и смущенно поежились, но никто не вымолвил ни слова.

— Она ведь совсем маленькая, — сказал Азот. — Дети младше восьми лет не платят сборы.

Все посмотрели на Куклу, сидевшую в пыли. Та скривилась и сжалась в комок — совсем кроха, с огромными глазами и правильными, тонкими, как у настоящей куклы, чертами перепачканного лица.

— Ей восемь. Если нет, пускай докажет. — Крыс бросил на Куклу злобный взгляд. — Ну же, Кукла, скажи, что я вру, не то я изобью твоего дружка.

Глаза Куклы сделались еще больше. Азот молчал. Крыс и без него прекрасно знал, что Кукла нема. Все знали. Но Крыс был главным и подчинялся лишь Джа'лалиэлю, а Джа'лалиэля поблизости не было.

Крыс притянул Азота ближе:

— Может, тоже станешь моим сладким мальчиком, а, Азо? Тогда вообще не будешь платить сборы.

Азот хотел было ответить, однако горло сдавило, и с губ сорвался лишь писк. Крыс захохотал. Засмеялись и все вокруг, кто-то — забавляясь Азотовым унижением, кто-то — желая угодить Крысу. Азота пронзил приступ черной ненависти. Ненависти к Крысу, к цеху и к самому себе.

Откашлявшись, он приготовился заговорить вновь. Крыс взглянул ему в глаза и ухмыльнулся. Сволочь, но отнюдь не дурак. Измываясь над Азотом, он знал, что рано или поздно и тот сдастся. Как сдавались все остальные.

Азот плюнул ему в лицо сгустком мокроты.

— Сам себя ублажай, жирная крыса!

Последовала бесконечная мертвая тишина. Светлая минута торжества. Азоту казалось, он слышит, как отпадают челюсти. Рассудок только-только начал возвращаться к нему, когда в ухо впечатался кулак Крыса. Азот упал; на мгновение все вокруг потемнело. Крыс высился над ним, заслоняя солнце, черные волосы светились на просвет, как нимб. Азот понял, что настал его последний миг.

— Крыс! Крыс, поди-ка сюда!

Азот перекатился на бок и увидел Джа'лалиэля. Бледное лицо покрывали бусины пота, несмотря на то что день был нежаркий. Джа'лалиэль надсадно закашлялся.

— Крыс! Сию минуту, слышишь?

Крыс отер лицо. И улыбнулся Азоту. Всего лишь улыбнулся.

— Хей-хо, Джей-о, — сказал Азот.

— Хей-хо, Азо, — ответил Джарл, приближаясь к Азоту и Кукле. — Ну и дурак же ты!.. А звать его за глаза Жирной Крысой будут теперь все вокруг.

— Он хотел, чтобы я стал его подружкой, — напомнил Азот.

Они сидели под стеной в нескольких кварталах от цеха и уплетали купленный Азотом черствый хлеб. Аромат теста, пусть и порядком выветрившийся, частично перебивал вонь нечистот, гниющего на берегу реки мусора и мочи, в которой вымачивали кожу на сыромятне.

В Кьюре повсюду красовались стены и ширмы из бамбука и рисовой соломы, архитектура Сенарии же была грубее, увесистее и не могла похвастать продуманной простотой Кьюры. Зато по сравнению с гранитно-сосновой Алитэрой Сенария, с ее менее долговечными постройками, не так устрашала. Оссейн изобиловал изящными шпилями и высокими арками, а в Сенарии, особенно в Крольчатнике, здания были одноэтажные, приземистые, сырые и дешевые. Не вписывались в общую картину лишь господские особняки на восточном берегу.

В строительстве сенарийцы использовали что подешевле; никто из них не смел тешить себя далеко идущими планами, ибо век большинства был весьма короток. Постройки часто сочетали в себе бамбук и рисовую солому (и то и другое произрастало в здешних краях), а также гранит и сосновую древесину (тоже легкодоступные). Впрочем, определенным стилем тут и не пахло. На протяжении веков страну слишком часто завоевывали, поэтому гордиться местным жителям оставалось лишь тем, что еще живы. В Крольчатнике не водилось даже гордости.

Азот разломал буханку на три части и сдвинул брови. Два куска получились примерно одинаковые, а третий — поменьше. Он положил одну из больших краюх на ногу, вторую протянул Кукле, ходившей за ним тенью, и было собрался отдать маленький кусок Джарлу, но тут заметил, что Кукла неодобрительно морщится.

Вздохнув, Азот взял меньшую порцию себе. Джарл ничего не заметил.

— Лучше быть его подружкой, чем умереть, — сказал он.

— Не хочу я идти дорогой Бима.

— Азо, сразу после проверки старшиной станет Крыс. Тебе одиннадцать. Чего-то добиться ты сможешь только через пять лет, но так ты их просто не протянешь. Крыс тебе устроит такую жизнь, что ты еще Биму позавидуешь.

— Что же ты предлагаешь, Джарл?

Обычно подобные минуты были самыми светлыми в жизни Азота. Он проводил их с двумя людьми, которых мог не бояться, и к тому же хоть немного заглушал муки голода. Однако сегодня хлеб вставал у него в горле комом. Азот смотрел на рынок и не видел даже, как рыботорговка лупит своего муженька.

Джарл улыбнулся, блестя белыми зубами, резко выделявшимися на фоне темной ладешской кожи.

— Если я открою тебе секрет, ты никому не расскажешь?

Азот огляделся по сторонам, наклонился к товарищу и тут обратил внимание на хруст хлебной корки и чмоканье.

— Я-то не проболтаюсь. А Кукла?

Ребята взглянули на подругу, глодавшую горбушку. Ее лицо, все в крошках, искажала гримаса негодования. Азот и Джарл покатились со смеху.

Азот потрепал Куклу по светлым волосам, но та продолжала хмуриться. Он привлек ее к себе. Кукла стала вырываться, однако, когда Азот убрал руку, не убежала, а вопросительно посмотрела на Джарла.

Тот приподнял край рубахи и показал приятелям коврик, которым обвязался, точно кушаком.

— Я не хочу жить как остальные, Азо. Не желаю плыть по течению. Поэтому сбегу. — Он отогнул складку коврика, демонстрируя дюжину медяков, четыре серебреника и — невероятно! — два золотых. — Четыре года. Целых четыре года я копил деньги.

Он засунул в складку еще два медяка.

— Значит, ты не платишь сборы, терпишь тумаки Крыса, а сам все это время живешь при таких деньжищах?

Джарл улыбнулся. До Азота наконец дошло. Побои — не столь большая цена за надежду. Цеховые крысята с каждым днем теряли силы и в конце концов превращались в животных. Или, как сегодня Азот, срывались, обрекая себя на верную гибель.

Глядя на богатства Джарла, Азот боролся с желанием напасть на приятеля, отобрать у него кушак и убежать. С такими деньгами можно уехать, снять с себя лохмотья и купить приличную одежду, внести плату и поступить к кому-нибудь в подмастерья. К кому угодно. Быть может, даже стать учеником Дарзо Блинта — Азот много раз делился этой своей мечтой с Куклой и Джарлом.

Тут он взглянул на Куклу и представил, как она посмотрит на него, если он присвоит себе кушак, в котором — новая жизнь.

— Если кто из нас и заслуживает иной участи, так это ты, Джарл. Тебе и впрямь лучше покинуть Крольчатник. Ты уже наметил план?

— Только этим и занимаюсь, — сказал Джарл. Он взглянул на друга блестящими карими глазами. — Возьми их себе, Азо. Как только мы выведаем, где живет Дарзо Блинт, ты уйдешь из цеха. Договорились?

Азот посмотрел на пригоршню монет. Четыре года. Избиение за избиением. Он не только не догадывался, как щедр его друг, но даже подумывал отнять у него деньги. Глаза наполнились горячими слезами. Ему сделалось стыдно. И очень страшно. Он боялся Крыса. Боялся Дарзо Блинта. Он жил в постоянном страхе. Если посчастливится сбежать из цеха, тогда удастся помочь и Джарлу. Блинт научит Азота убивать.

Он взглянул на приятеля, не смея поворачиваться к Кукле и не желая знать, что отражается в ее больших карих глазах.

— Хорошо, я их возьму.

Он уже знал, кого убьет в первую очередь.

3

Дарзо Блинт влез на невысокую стену и стал следить за стражником. То, что надо, подумал Дарзо. Чуть медлителен, ограничен и послушен. Стражник отсчитал положенные тридцать девять шагов, остановился на углу, упер алебарду в дощатый настил, почесал живот, засунув руку под стеганую куртку, покрутил головой и пошел дальше.

Тридцать пять. Тридцать шесть. Дарзо выскользнул из тени стражника, сполз со стены и повис на краю настила. В то мгновение, когда воин стукнул алебардой по настилу, Дарзо разжал пальцы и ловко спрыгнул на траву. Стражник и без того наверняка бы ничего не услышал, но осторожность для мокрушника — вторая натура. Двор оказался маленьким, впрочем, как и дом. Стены в кьюрском стиле были из полупрозрачной рисовой бумаги, двери и арки — из кипариса и белого кедра, оконные рамы и пол — из более дешевой местной сосны. Излишеств, как и прочие жители Кьюры, хозяин, генерал Агон, себе не позволял, что вполне соответствовало его военному прошлому, аскетическому образу жизни и, главное, — скромным доходам. Несмотря на многочисленные заслуги генерала, король Дейвин не осыпал его наградами. Отчасти поэтому сюда и пожаловал убийца.

Дарзо заметил приоткрытое окно на втором этаже и ловко пробрался к нему. Жена генерала спала на кровати. Стало быть, не во всем они походили на местных, по крайней мере не довольствовались циновками. Однако и не шиковали: матрас был набит не пером, а соломой. Жена генерала, ничем не примечательная женщина, негромко храпела, лежа ближе к середине кровати. Простыни были измяты на обоих краях.

Убийца скользнул в комнату, пуская в ход *талант,* чтобы приглушить звук своих шагов по деревянному полу.

Любопытно. Беглый осмотр подтвердил слух о том, что генерал не просто приходит сюда по ночам для супружеской близости, а обитает в этой комнате вместе с женой. По-видимому, жили они хуже, чем о них болтали.

Дарзо нахмурился под маской. Таких подробностей ему не следовало знать. Достав

короткий нож, он приблизился к кровати. Генеральша ничего не почувствует.

Его что-то остановило. Она лежала, повернувшись лицом к смятым простыням. Значит, пока муж не встал, спала, прижавшись к нему, не откатившись на самый край, как делают женщины, которые отдаются мужьям лишь из супружеского долга.

Это брак по любви. После убийства генеральши Алейн Гандер планировал предложить вдовцу тотчас жениться повторно — на богатой аристократке. Только генерал, женившийся по любви на простолюдинке, вряд ли примет такое предложение.

Какая чушь! Принц был столь увлечен расчетами, что полагал, будто и остальные ему под стать… Мокрушник убрал нож в ножны и осторожно вышел в коридор. Следовало выяснить, где находится генерал. Немедленно.

— Черт! Король Дейвин при смерти. Удивлюсь, если он протянет больше недели.

Говоривший, кто бы он ни был, не ошибался. Убийца накануне вечером преподнес королю последнюю порцию яда. К рассвету его не станет, а из-за трона вспыхнет спор между двумя людьми, один из которых сильный и справедливый, другой — слабый и порочный. Преступный мир Са'каге будет ждать исхода битвы с особым интересом.

Голос звучал из гостиной внизу. Убийца поспешно перешел в конец коридора. Дом был столь невелик, что гостиная служила и кабинетом. Теперь Дарзо прекрасно видел обоих беседовавших.

Генерал Брэнт Агон, человек с седеющей бородой и нечесаными, коротко остриженными волосами, ходил дергающейся походкой и останавливал взгляд на всем, что попадалось на глаза. Он был худой и мускулистый, с кривоватыми от верховой езды ногами.

Напротив него сидел герцог Регнус Джайр. Когда он переменил положение, кресло с изогнутой спинкой заскрипело. Герцог был великан — высокий, с широченными плечами. Жирка на его могучем теле практически не было. Он сложил на животе унизанные кольцами пальцы.

Ночные ангелы, подумал Дарзо. Можно теперь же убить обоих, и Девятеро вздохнут с облегчением.

— Мы что, водим за нос самих себя, так получается, Брэнт? — спросил герцог Джайр.

Генерал ответил не сразу.

— Милорд…

— Нет, Брэнт. Я обращаюсь к вам как к другу, не как к вассалу.

Дарзо подкрался ближе и осторожно, не касаясь покрытых ядом лезвий, достал метательные ножи.

— Если мы ничего не предпримем, — сказал генерал, — королем станет Алейн Гандер. А он слаб, бесчестен и вероломен. В Крольчатнике и так уже заправляют Са'каге; королевские дозорные не смеют даже сойти с дороги. Дальше будет только хуже. Са'каге укрепили свое положение благодаря «Игрищам смерти». У Алейна нет ни малейшего желания бороться с Са'каге, а у нас еще есть возможность их уничтожить. Так обманываем ли мы себя, считая, что будете куда более достойным королем? Ничуть. К тому же трон принадлежит вам по праву.

Блинт сдержал улыбку. Лорды преступного мира, Девятеро из Са'каге, мыслили точно так же, поэтому Блинту и следовало позаботиться о том, чтобы Регнус Джайр не стал королем.

— А с точки зрения тактики? По-вашему, мы можем это устроить?

— Малой кровью. Герцога Уэссероса нет в стране, а мое войско как раз в городе. Люди верят в вас, милорд. Нам нужен сильный и благочестивый король. Вы, Регнус.

Герцог Джайр посмотрел на свои руки.

— А семью Алейна придется убить? Это тоже малая кровь?

— Хотите правду? — тихо спросил генерал. — Даже если мы не отдадим такой приказ, кто-нибудь из наших людей, дабы оградить вас от опасности, все равно их убьет, пусть и рискуя оказаться на виселице. Так в вас верят.

Герцог Джайр вздохнул.

— Словом, все сводится к вопросу, стоит ли убить нескольких людей сейчас, чтобы спасти многих других в будущем?

«Интересно, когда меня последний раз мучили такие сомнения?» — подумал Дарзо, насилу удерживаясь от того, чтобы метнуть ножи.

Он сам удивился своей злости. С чего бы это? Дело было в Регнусе. Он напомнил Дарзо короля, на которого тот работал в далеком прошлом. Короля, которому стоило служить.

— Ответить на этот вопрос надлежит вам, милорд, — сказал генерал Агон. — Но, если позволите, настолько он ли затруднителен?

— Что вы имеете в виду?

— Вы до сих пор влюблены в Налию?

Налия была женой Алейна Гандера. На лицо Регнуса легла тень печали.

— Я был помолвлен с ней целых десять лет, Брэнт. Друг с другом мы познали прелесть любовных ласк.

— Сожалею, милорд, — сказал генерал. — Не мое это…

— Подождите, Брэнт. Я ни с кем не завожу об этом речь. Быть мне королем или не быть — решить слишком непросто. — Герцог глубоко вздохнул. — С тех пор как отец Налии расторг нашу помолвку и женил дочь на этом подлеце Алейне, минуло пятнадцать лет. Мне давно пора прийти в себя. Я и пришел. Однако по сей день не могу спокойно смотреть на Налию и ее детей, а как представлю ее в постели с Алейном Гандером, делается тошно. Моя собственная женитьба принесла мне единственную отраду — сына Логана. Полагаю, что жизнь Налии ничуть не слаще.

— Милорд, и вы, и она вступили в брак против воли. Тем не менее вы не сможете развестись с Катринной и жениться на…

— Не смогу, — кивнул Регнус. — А если королевские дети останутся в живых, то будут вечной угрозой моему сыну, что бы я ни решил: усыновить их или отправить в ссылку. Старшему мальчику Налии четырнадцать лет — он слишком взрослый и уже понимает, что должен стать наследником престола.

— Правда на вашей стороне, милорд. Кто знает? Может, когда вы взойдете на трон, все вопросы нежданно разрешатся сами собой?

Регнус печально кивнул. Он понимал, что в его руках судьбы сотен тысяч людей, но не ведал, что сам сейчас — на волосок от смерти.

«Если он затеет мятеж, клянусь ночными ангелами, я тотчас убью его, — решил Блинт. — Сейчас я на службе у Са'каге. И, как обычно, у самого себя».

— Да простят меня нерожденные поколения, — сказал Регнус Джайр со слезами на глазах. — Я никого не стану убивать, Брэнт. Не могу. Лучше присягну ему на верность.

Мокрушник вернул ножи в ножны, стараясь не обращать внимания на смешанное чувство облегчения и отчаяния.

Все из-за этой чертовой бабы. Она меня сгубила. Она все губит.

Блинт разглядел засаду с пятидесяти шагов и без раздумий пошел дальше. До рассвета оставалось не меньше часа. На извилистых улочках Крольчатника можно было встретить лишь торговцев, которые задержались у потаскух и теперь спешили домой к женам.

Цеховые — судя по знаку, который Блинт увидел на стене, из «Черного Дракона», — прятались в узком переулке, где на жертву можно броситься со всех сторон, в том числе и поспрыгивать с невысоких крыш.

Блинт прикинулся, что прихрамывает на правую ногу, запахнул накидку и опустил ниже на глаза край капюшона. Как только он вошел в переулок, к нему, размахивая ржавой саблей и оглушительно свистя, подскочил один из детей постарше — их обычно называли «большие». Мгновение, и цеховые крысята окружили мокрушника плотным кольцом.

— Умно, — заметил Блинт. — Вых**о** дите на ночную охоту, когда остальные цеховые спят, и нападаете на «мешки», что блудят по ночам. Объяснять женам, откуда у них синяки,

не хочется никому, вот они и отдают вам деньги без боя. Неплохо. Кому в голову пришла эта мысль?

— Азоту, — сказал «большой», указывая куда-то за спину убийцы.

— Заткнись, Рот! — прикрикнул цеховой старшина.

Душегуб взглянул на тщедушного мальчика на крыше. Тот, держа наготове камень, пристально смотрел на него светло-голубыми глазами. Дарзо где-то видел его прежде.

— Сдал товарища, — произнес он.

— А ты языком-то не болтай! — воскликнул «большой», продолжая размахивать саблей. — Гони кошелек или прощайся с жизнью.

— Джа'лалиэль, — сказал темнокожий цеховой крысенок. — Он назвал их «мешками». Торговцы не знают, что мы их так зовем. Он из Са'каге.

— Молчать, Джарл! Сделаем, что задумали. — Джа'лалиэль закашлялся и сплюнул кровью. — Давай сюда…

— У меня нет времени на глупости. Отойди с дороги, — сказал Дарзо.

— Гони…

Убийца прыгнул вперед, поворачиваясь вокруг своей оси, левой рукой выхватил у Джа'лалиэля саблю и ударил его в висок локтем правой, однако так, чтобы не убить. Не успели крысята и глазом моргнуть, как борьба закончилась.

— Я же сказал: у меня нет времени на глупости.

Дарзо сдернул капюшон.

Он знал, что наружность его неказистая. Он был долговяз, с грубыми чертами, русыми волосами, клочковатой бородой и рябыми щеками. Но дети, взглянув на него, бросились врассыпную, будто от треглавого чудища.

— Дарзо Блинт, — пробормотал Рот.

Камни попадали из детских рук.

— Дарзо Блинт, — волнами прокатилось по стае цеховых крысят.

Во взглядах вспыхнул благоговейный страх. Они затеяли напасть на живую легенду!

Дарзо усмехнулся.

— Наточи эту штуковину. Знатоки своего дела не расхаживают с тупыми клинками.

Он бросил саблю в сточную канаву и пошел сквозь толпу. Дети расступались, словно боясь, что мокрушник прикончит всех до одного.

Азот наблюдал, как, подобно прочим его надеждам, вечно уплывавшим в сточную канаву Крольчатника, Дарзо Блинт уходит в туманность раннего утра. В этом человеке было все, что отсутствовало в Азоте. Сила, угроза, бесстрашие, уверенность. Такими Азоту представлялись боги. Блинт взглянул на целый цех ребятни — даже на больших, как Рот, Джа'лалиэль и Крыс, — и лишь позабавился. Позабавился! «Настанет день…» — поклялся себе Азот. Он не посмел додумать мысль до конца — вдруг Блинт что-нибудь почувствует, но всем существом мечтал, чтобы желание сбылось. «Непременно настанет…»

Когда Блинт удалился на приличное расстояние, Азот последовал за ним.

4

Охранники секретной палаты Девятерых, братья-близнецы, окинули Дарзо хмурыми взглядами. Такие великаны, как они, в Са'каге были наперечет. На лбу у каждого темнел наколотый разряд молнии.

— Левша, — поприветствовал Дарзо одного из стражей, сдавая меч, три ножа, отстегивая дротики от запястья и доставая из рукава небольшие стеклянные ядра.

— Левша — это я, — сказал второй охранник, старательно обыскивая Дарзо.

— Послушай-ка, — произнес убийца. — Мы все прекрасно знаем, что если я захочу кого-нибудь здесь убить, то обойдусь без оружия..

Левша вспыхнул.

— А не воткнуть ли мне этот прекрасный меч…

— Он имеет в виду, почему бы тебе не притвориться, будто ты не представляешь собой угрозы? А мы прикинемся, будто не без пользы делаем свое дело, — сказал Бернерд. — Нам положено — мы тебя обыскиваем. Все равно что спросить «как дела?», хотя тебе на самом деле плевать.

— Я не спрашиваю.

— Сочувствую насчет Вонды, — сказал Бернерд.

Дарзо застыл. У него в животе как будто провернули копье.

— Ужасная история.

Здоровяк открыл дверь и взглянул на брата. Дарзо сознавал, что должен ответить что-нибудь резкое, или нагрубить, или отшутиться, но его язык будто налился свинцом.

— Гм… мастер Блинт? — позвал Бернерд.

Дарзо очнулся и, не поднимая глаз, пошел в зал Девятерых.

Это место нагоняло ужас. Стены здесь были черные, посередине, на возвышении, стояли девять кресел. Над ними, словно трон, темнело десятое. Больше ничего, лишь голый пол. Собеседникам Девятерых надлежало стоять.

Зал был прямоугольный, длинный. Высоченный потолок терялся во мраке. Тех, кто тут оказывался, не покидало чувство, что их допрашивают в преисподней. В довершение всего на креслах, стенах и даже на полу были вырезаны изображения стенающих людей, чудищ и драконов.

Дарзо вошел в этот зал с привычным спокойствием. Ночь его не пугала. Тени радовали глаз и ничего от него не скрывали. «Хотя бы в этом все остается по-прежнему», — подумал он.

На Девятерых, за исключением Мамочки К., были сутаны с капюшонами, хоть большинство и знало, что прятаться от Дарзо бессмысленно. На возвышавшемся над остальными троне восседал шинга, Пон Драдин. Он был, по обыкновению, спокоен и безмолвен.

— Рашправилша ш женой? — спросил Корбин Фишилл.

Он был молод, щеголеват, красив и славился жестокостью, особенно по отношению к детям, работавшим в принадлежавших ему цехах. Если кого забавляла его шепелявость, то охота посмеяться тотчас сходила на нет, едва человек заглядывал Корбину Фишиллу в глаза и видел в них негасимую злобу.

— Все не так, как вы предполагали.

Дарзо кратко отчитался о проделанной работе. Король вот-вот простится с жизнью. Люди, которых опасаются Са'каге, не намерены бороться за власть. Трон достанется Алейну Гандеру, а он слишком труслив, чтобы бороться с Са'каге.

— Я предлагаю, — сказал Дарзо, — заставить принца пожаловать генералу Агону чин лорда-генерала. Агон позаботится о том, чтобы власть принца оставалась довольно слабой, а если Халидор затеет…

Его перебил маленький и щуплый бывший рабовладелец:

— Ваши… опасения насчет Халидора мы понимаем, мастер Блинт, но не намерены тратить свой политический капитал на какого-то генерала.

— В этом нет надобности, — сказала Мамочка К. Жрица любви и теперь была хороша собой, хотя с тех пор, когда она была самой знаменитой куртизанкой в городе, минуло много лет. — Мы можем достичь своих целей, если просто притворимся, что нас об этом попросили другие. — Остальные притихли и внимательно слушали. — Принц желал подкупить генерала выгодной женитьбой. Мы заявим, что генералу нужна не жена, а высокий пост и влияние. Сам генерал об этом никогда не узнает, а принц вряд ли станет задавать ему вопросы.

— Тогда можно будет вновь поднять вопрос о рабстве, — сказал рабовладелец.

— Давно пора! — воскликнул командующий стражами Са'каге, здоровяк, заплывающий жиром, с тяжелой челюстью, маленькими глазками и шрамами на руках, которые он считал украшением.

— Обшудим подробношти пошле. Этот ражговор не для Блинтовых ушей. — Корбин Фишилл взглянул на Блинта из-под тяжелых век. — Щегодня вы никого не убили, — строго произнес он с утвердительной интонацией.

Дарзо смотрел на него молча, не желая попадаться в ловушку.

— Может, ражучились?

Разговаривать с Корбином Фишиллом не имело смысла. Он понимал лишь слово «расправа». Дарзо направился к нему. Корбин не вздрогнул, даже не отвернулся, когда мокрушник поднялся на платформу, хотя другие из Девятерых явно заволновались. Однако на ноге Фишилла, обтянутой бархатной штаниной, напряглись мышцы, что не ускользнуло от Блинтова внимания.

Корбин попытался пнуть убийцу, но тот ловко вогнал иглу ему в икру и тотчас отскочил назад.

Мгновение спустя зазвонил колокольчик, и в зал влетели Бернерд и Левша. Блинт скрестил руки на груди, не пытаясь защищаться.

Он был высокий, довольно худой и жилистый. Левша бросился к нему, как боевой конь. Дарзо лишь вытянул вперед руки, даже не сжал пальцы в кулаки. Левша приблизился, и случилось невероятное: страж не сбил мокрушника с ног, а воткнулся носом в его ладонь. Левшу подбросило вверх, и он всей тушей рухнул на каменный пол.

— Штой! — крикнул Корбин Фишилл.

Бернерд резко остановился прямо перед Дарзо и осел на колени рядом с братом. Левша стонал, кровь с его носа капала в разинутую пасть вырезанной в каменном полу крысы.

Корбин, кривясь, выдернул из ноги иглу.

— Что это жначит, Блинт?

— Вы хотели выяснить, не разучился ли я убивать. — Дарзо поставил перед стражем крошечный пузырек. — Если игла с ядом, то вот противоядие. Если яда на игле не было, значит, противоядие окажется для вас смертельным. Хотите, выпейте его, хотите, не пейте.

— Выпейте, Корбин, — сказал Пон Драдин. До этого мгновения шинга не произносил ни звука. — Вы были бы лучшим из мокрушников, Блинт, если бы не знали, что вы — лучший. Да, вы мастер своего дела, но приказы вам отдаю я. Еще раз тронете кого-либо из Девятерых, понесете наказание. А теперь убирайтесь!

Тоннель оказался неправильным. Азоту приходилось бывать в тоннелях. Двигаться ощупью в густой темноте было страшновато, но Азот умел подавлять в себе страх. Поначалу он не замечал ничего необычного: тоннель был грубо вырезан, конечно, не освещался и становился шире и шире. Чем глубже он уходил под землю, тем ровнее становились стены, а пол — глаже. Судя по всему, этот тоннель был какой-то особенный.

Особенный — не неправильный. По-настоящему сбивала с толку лишь ступенька. Азот присел перед ней на корточки перевести дыхание и поразмыслить, готовый в случае опасности тотчас сорваться и унестись прочь.

Необычных запахов он не чувствовал. Пахло так, как и должно пахнуть под землей. Азот прищурился, и ему показалось, что он видит что-то еще. Потом вытянул руку и прикоснулся к… прохладе.

Воздух двигался. Азота охватил внезапный страх. Двадцатью минутами ранее здесь прошел Дарзо Блинт. Факела у него не было. Азоту вспомнились жуткие рассказы, о которых, отправляясь за мокрушником, он как-то не подумал.

Щеки коснулось дуновение кисловатого воздуха. Азот хотел пуститься наутек, но не знал, в какую сторону бежать. Защититься было нечем. Все их оружие хранилось у Крыса. Другую Азотову щеку вновь лизнул ветерок. Чем это пахнет? Чесноком?

— В нашем мире есть множество тайн, мальчик, — послышался чей-то голос. — Например, волшебные сигналы тревоги или имена Девятерых. Если ты двинешься дальше, откроешь для себя одну из этих тайн. А потом тебя обнаружат два премилых стражника, которым велено убивать непрошеных гостей.

— Мастер Блинт? — Азот всматривался во тьму.

— Если задумаешь проследовать за кем-нибудь еще, не особенно ловчи — это выглядит подозрительно.

Азот не вполне понимал, о чем речь, однако догадывался, что о чем-то не слишком достойном.

— Мастер Блинт?

В ответ послышался удаляющийся смех. Азот вскочил, напуганный мыслью, что мечта вновь ускользает от него вместе с этим смехом, и побежал в темноту.

— Постойте!

Никто не откликнулся. Азот припустил бегом, споткнулся о валун и полетел на каменный пол, разбивая коленки и ладони.

— Мастер Блинт, подождите! Мне нужно стать вашим учеником! Мастер Блинт, пожалуйста!

Прямо над его головой раздался голос, хоть Азот и никого не видел.

— Я не беру учеников. Ступай домой, мальчик.

— Я не такой, как все! Буду исполнять, что прикажете. И у меня есть деньги!

Ответа не последовало. Блинт ушел.

Тишина причиняла боль, ежесекундно пульсировала, как ссадины на руках и ногах, и ее было не унять. Хотелось плакать, но плачут только маленькие.

Азот поплелся назад, к «Черному Дракону». Небо светлело. Крольчатник частично пробуждался от хмельной дремы. Поднялись булочники, взялись за работу кузнецы-подмастерья. Цеховые крысята, шлюхи, стражники и мелкие грабители только-только отправились спать. А карманники, жулики, мошенники — словом все, кто работал при свете дня, — еще видели сны.

Пахло как обычно. Загонами для скота, человеческими испражнениями, плывшими по уличным сточным канавам к реке Плит, гниющими речными растениями, выброшенными на берег во время прилива. Как всегда, нестерпимо воняли попрошайки, которые в жизни не мылись и могли обидеть цехового крысенка просто из ненависти ко всему миру; легкий ветерок приносил более приятный солоноватый запах океана. Азот впервые в жизни почувствовал, что пахнет не домом, а мерзостью. Казалось, от каждой развалины, от каждой кучки дерьма несло беспросветным мраком.

Заброшенная мельница, в которой когда-то лущили рис, теперь была не просто ночлегом для цеховых, а особым знаком. Мельницы на западном берегу грабили те, кто настолько отчаялся, что не боялся уже и стражников. Вся местная жизнь представляла собой царство дерьма и отбросов, а Азот жил этой жизнью.

Добравшись до дома, он кивнул дозорному и скользнул внутрь. Цеховые дети нередко вставали среди ночи и выходили наружу справить малую нужду. Никто не поймет, что Азот отсутствовал довольно долгое время. Если бы он попытался схитрить, то навлек бы на себя подозрение.

Может, это и называлось ловкачеством.

Пробравшись к своему привычному месту возле окна, Азот лег между Куклой и Джарлом. Было холодно, зато относительно гладкий пол не изводил занозами. Азот подтолкнул друга локтем:

— Джей-о, а что такое «ловчить»? Не знаешь?

Джарл что-то проворчал и перевернулся на другой бок. Азот снова легонько его толкнул, но Джарл не шелохнулся.

«Видимо, слишком крепко уснул», — подумал Азот.

Подобно другим цеховым детям, Джарл, Азот и Кукла спали, прижавшись друг к дружке, чтобы было теплее. Обычно Кукла ложилась посередине, потому что таким малышкам ничего не стоит простудиться. Сегодня же она и Джарл спали на некотором расстоянии друг от друга.

Кукла повернулась и обняла Азота. Согреваясь ее теплом, он никак не мог отделаться

от тревоги, крысой вгрызавшейся в его мысли, но на раздумья не оставалось сил. Он быстро уснул.

5

Кошмар начался, как только Азот проснулся.

— С добрым утром, — сказал Крыс. — Как себя чувствуешь, кусок дерьма?

По злобной улыбке на его губах Азот определил, что стряслось нечто из ряда вон выходящее.

Чуть дальше Крыса стояли Рот и Заячья Губа. Обоих распирало от злорадства.

Куклы и Джарла не было, не было и Джа'лалиэля. Щурясь от света, лившегося сквозь дырявую крышу, Азот поднялся на ноги и осмотрелся но сторонам. Вокруг больше не было никого. Одни цеховые работали, другие ходили по помойкам в поисках съестного, третьи просто решили, что сейчас безопасней снаружи. Значит, они видели, что Крыс вошел внутрь.

На случай, если Азот вздумает рвануть к выходу или к окну, Рот стоял у задней двери, а Заячья Губа — за спиной у Крыса.

— Где ты шастал ночью? — спросил Крыс.

— Отлить ходил.

— Долго же ты отливал. Поэтому и пропустил самое интересное.

Когда Крыс разговаривал столь бесстрастным тоном, Азота брал такой жуткий страх, что было невозможно его прогнать. Он знал не понаслышке, что такое жестокость. Видел собственными глазами убитых моряков, проституток со свежими шрамами, а одного его приятеля так избил торговец, что мальчик тут же умер. Свирепость бродила по улицам Крольчатника рука об руку с нищетой и яростью. Глаза Крыса казались пустыми — он был более чокнутый, нежели Заячья Губа. Заячья Губа родился с уродливой губой, Крысу же Бог не дал ни капли совести.

— Что я пропустил? — спросил Азот.

— Рот? — Крыс кивнул Большому.

Рот открыл дверь, пробормотал, будто собаке, «хороший мальчик», что-то схватил и затащил внутрь. Это был Джарл. Его губы раздулись, вокруг глаз чернели синяки, веки опухли, и Джарл смотрел сквозь узкие щелочки. Во рту недоставало зубов, с раны на голове, в том месте, где у него вырвали клок волос, на лицо стекала кровь.

На нем было девчачье платье.

Азота бросило в жар, потом зазнобило. К щекам прилила краска. Не следовало обнаруживать страх перед Крысом. Он с трудом отвернулся, чтобы его не вырвало.

Джарл захныкал:

— Азо, пожалуйста. Только не отворачивайся от меня. Я не хотел…

Крыс ударил его по лицу. Джарл упал на пол и замер.

— Теперь Джарл мой, — сказал Крыс. — Дурачок грозится, что станет сопротивляться каждую ночь. Так оно и будет. До поры до времени. — Он улыбнулся. — Но я с ним справлюсь. Торопиться мне некуда.

— Я убью тебя. Клянусь, — пообещал Азот.

— Ты что же, теперь ученик мастера Блинта? — Крыс вновь улыбнулся, Азот, догадываясь, что его предали, бросил взгляд на Джарла. Тот, уткнувшись лицом в пол и содрогаясь, беззвучно плакал. — Джарл нам все рассказал. По-моему, после Рота и перед Дави. Только я не совсем понимаю… Если мастер Блинт взял тебя в ученики, почему же ты здесь, а, Азо? Вернулся, чтобы убить меня?

Джарл прекратил реветь и взглянул на друга. Азоту не оставалось ничего другого, кроме как сказать правду.

— Блинт меня не взял, — признался он.

Джарл уронил голову.

— Всем известно, что у него не бывает учеников, болван, — сказал Крыс. — Слушай

внимательно, Азо. Не знаю, что за услугу ты оказал Джа'лалиэлю, но он распорядился не трогать тебя, и я повинуюсь. Только рано или поздно цех станет моим.

— Думаю, скоро. — Рот повел бровями на Азота.

— У меня насчет «Черного Дракона» масса задумок, Азо. Не советую становиться у меня на пути, — предупредил Крыс.

— Чего тебе нужно? — спросил Азот тонким тихим голосом.

— Мне нужно, чтобы ты превратился в героя. Пусть каждый, кто не смеет выступать против меня сам, смотрит на тебя и надеется. А потом я разрушу все, чего ты добился. Уничтожу все, что ты любишь. Растопчу тебя так, что остальным будет неповадно бросать мне вызов. Победителем в любом случае выйду я. Это закон. Понял?

На следующий день Азот не заплатил сбор, понадеявшись, что Крыс изобьет его и тем самым сбросит с пьедестала, а Азот станет таким, как остальные. Крыс не тронул его. Лишь, улыбаясь глазами, смачно выругался и велел Азоту принести на следующий день двойную плату.

Естественно, Азот и в следующий раз не принес ни монеты. Только протянул пустую руку, будто выпрашивая побоев. Крыс и теперь не стал его лупить. Так продолжалось день за днем. Спустя некоторое время Азот вернулся к обычной жизни и стал добавлять медяки в копилку Джарла. Крыс не позволял Джарлу разговаривать с Азотом, а чуть погодя Азоту показалось, что Джарл больше и сам не желает с ним знаться. Азотов друг постепенно исчез. И не вернулся, даже когда Джарла наконец перестали рядить в девчачье платье.

Ночи были еще мучительней. Крыс уводил Джарла, а остальные прикидывались, будто ничего не замечают. Азот и Кукла крепче обнимались, а после, под звуки тихого плача, Азот битый час лежал на спине и разрабатывал план мести, который никогда не проведет в жизнь.

Действовал он все смелее. В лицо обзывал Крыса; получая от него распоряжения, вступал в спор и защищал всякого, на кого Крыс поднимал руку. Крыс отвечал проклятиями, а в его глазах каждый раз светилась все та же улыбка. Цеховые дети и неудачники стали поглядывать на Азота с восторгом и благоговением.

Как-то раз двое больших принесли ему завтрак и устроились с ним на крыльце. Азот вдруг почувствовал, что наступает предел. Раньше ему и привидеться не могло, что большие так его почитают. С какой стати? Он не представлял собой ничего особенного. Стало ясно, что он совершил ошибку: не придумал, что ему делать, когда все закончится. Джа'лалиэль, жалкий и беспомощный, сидел в дальнем конце двора и кашлял кровью.

«Какой же я дурак, — подумал Азот. — Крыс все заранее просчитал. Он сделал так, чтобы все увидели во мне героя, и сразу предупредил меня об этом. Вся история — подготовка. А никакое не везение».

— Папа, пожалуйста, не уезжай!

Логан Джайр, чуть не плача, держался за узду отцовского боевого коня, не замечая предрассветного холода.

— Нет-нет, не надо, — обратился герцог Джайр к Уэнделю Норту, мажордому, который только что приказал слугам вынести сундуки, набитые герцогской одеждой. — Но в течение недели надо бы доставить войску тысячу шерстяных плащей. Деньги возьми из нашей казны, возмещения ни с кого не спрашивай. Не желаю давать королю повод для отказа. — Он заложил за спину руки в латных рукавицах. — Понятия не имею, в каком состоянии гарнизонные конюшни, но хотел бы узнать, сколько лошадей могут прислать до зимы из Гавермера.

— Будет исполнено, милорд.

Тут и там сновали слуги, нагружая повозки, отправляющиеся на север, продовольствием и всем необходимым. Сто рыцарей Джайра в последний раз проверяли оружие и упряжь. Те слуги, которым тоже предстояло отправиться в путь, поспешно прощались с родными.

Герцог Джайр повернулся к Логану. Тот смотрел на отца, облаченного в кольчугу, со

слезами гордости на глазах.

— Сын мой, тебе двенадцать лет.

— Я умею сражаться. Даже мастер Ворден признает, что я владею мечом не хуже его воинов.

— Логан, я оставляю тебя не потому, что сомневаюсь в твоих способностях, а наоборот — потому что верю в них. Пойми же наконец: дома матери ты нужен больше, чем мне в горах.

— Я хочу с тобой!

— А я никуда не хочу уезжать. Далеко не все зависит от наших желаний.

— Джейсин говорит, что Девятый просто издевается над тобой. По его словам, командовать столь малочисленным войском для герцога — сущий позор.

Джейсин сказал и кое-что еще, но Логан об этом смолчал. Себя он не считал свирепым бойцом, однако за три месяца с того дня, как умер король Дейвин и Алейн Гандер стал зваться Алейном IX — или просто Девятым, — Логану довелось поучаствовать в полудюжине битв.

— А ты что об этом думаешь, сын мой?

— Я думаю, что ты никого не боишься.

— Стало быть, Джейсин назвал меня трусом, правильно? Из-за этого у тебя разбиты костяшки пальцев?

Логан внезапно заулыбался. Ростом он был с отца, но похвастаться мощью еще не мог. Их главный страж, Рен Ворден, уверял его в том, что пройдет какое-то время и Логан станет таким же крепким и широкоплечим, как Регнус Джайр. Из схваток с другими ребятами Логан всегда выходил победителем.

— Не давай вводить себя в заблуждение, сын. Командовать войском на Воющих Ветрах и впрямь унижение, однако куда более приятное, чем ссылка или смерть. Останься я, и король рано или поздно «пожалует» меня тем или другим. Ты будешь приезжать к нам каждое лето и тренироваться с воинами. Но ты нужен и здесь. Полгода живи в Сенарии и замещай здесь меня. Твоя мать…

Герцог Джайр замолчал и посмотрел куда-то мимо Логана.

— …Считает, что твой батюшка глупец, — сказала Катринна Джайр, неслышно подходя к сыну и мужу. Дочь герцога Грэзина, она унаследовала от отца зеленые глаза, изящные черты лица и крутой нрав. Час был ранний, но Катринна вышла в великолепном платье из зеленого шелка, подбитом горностаевым мехом, и с аккуратно уложенными волосами. — Регнус, если ты сядешь на коня, так и знай: я больше не желаю тебя видеть.

— Катринна, пожалуйста, не начинай.

— Этот подлец хочет рассорить тебя с моей семьей, сам ведь понимаешь. Его мечта — уничтожить тебя и их. Так или иначе, он добьется своего.

— Со своей семьей разбирайся сама, Катринна. А я принял решение.

Голос герцога Джайра прозвучал как удар хлыста. Логану захотелось съежиться и стать незаметным.

— Кого из своих девок ты берешь с собой?

— Служанок я вообще не беру, Катринна, хотя некоторые из них почти незаменимы. Оставляю их дома из уважения к твоей…

— Полагаешь, я настолько глупа? И не понимаю, что потаскушек ты найдешь себе и там?

— Катринна! Ступай в дом. Сию минуту!

Герцогиня повиновалась. Муж проводил ее взглядом и сказал, не поворачиваясь к Логану:

— Твоя мать… Когда ты повзрослеешь, я тебе кое о чем расскажу. А пока просто почитай ее и будь вместо меня лордом Джайром.

Логан округлил глаза. Отец хлопнул его по плечу.

— Это не означает, что ты освобождаешься от занятий. Всему необходимому тебя

обучит Уэндель. Клянусь, он знает о том, как управлять нашими поместьями, лучше меня. А я буду всего в четырех днях езды. У тебя светлая голова, мой мальчик, поэтому я и хочу, чтобы ты остался. Этот город — змеиное гнездо. Рядом с нами живут люди, которые мечтают нас уничтожить. Об этом не раз намекали твоей матери, отчасти поэтому она и сама не своя. Я иду на риск, Логан, и не желал бы рисковать тобой. Ты — моя единственная опора. Удиви их. Будь умнее, чище, смышленее и отважнее — действуй так, как никто не ожидает. Знаю, что не должен класть на твои плечи такое бремя, но иного выхода нет. Я рассчитываю на тебя. Владение Джайр, все наши слуги, вассалы и, может, даже все королевство… Ты наша общая надежда.

Герцог Джайр сел на огромного белого боевого коня.

— Я люблю тебя, сын мой. Не подведи меня.

6

Тьма была близка и холодна, как объятие мертвеца. Азот присел у стены на узкой улочке, надеясь, что из-за свиста ночного ветра больше никто не слышит биения его сердца. Пятый, примкнувший к Азотовой компании, украл с оружейного склада самодельный нож. Азот сжимал тонкую рукоятку так крепко, что металл врезался в ладонь.

Все безмолвствовало. Азот воткнул оружие в землю и обхватил себя руками, чтобы согреться. Просидеть на одном месте предстояло, быть может, битый час. Ерунда. Из его рук уплыло слишком много возможностей, а времени оставалось крайне мало.

Крыс был умен. При всей своей жестокости он умел строить планы. А Азот жил как придется. Целых три месяца он боролся со страхом, а мог потратить это время на расчеты и продумывание дальнейших действий. Крыс объявил, как намерен поступить. Азоту оставалось лишь вычислить, что именно предпримет мучитель. Он раздумывал об этом, и ему казалось, что поставить себя на место Крыса и угадать его мысли — легче легкого.

«Мое нынешнее положение — не выход, а лишь отсрочка, самое большее года на два, — рассуждал он сам с собой. — Некоторые ради того, чтобы стать старшиной цеха, идут на убийства. Если и я кого-нибудь убью, ничем не отличусь».

Азот раздумывал все напряженнее. Крыс затевал нечто грандиозное — в противном случае он не стал бы целых три месяца сдерживать ненависть. Ради чего он все это время не прикасался к Азоту и пальцем?

Ради полного уничтожения. Вот к чему все шло. Крыс растопчет Азота исключительным способом, чтобы утолить свою свирепость и укрепить власть. Он сотворит что-нибудь столь ужасное, что Азот превратится в цеховую легенду. Возможно, мучитель не убьет его, а лишь жутко искалечит, чтобы остальные при виде этих уродств боялись Крыса сильнее и сильнее.

Послышался шорох; Азот насторожился и медленно вытащил нож. Улочка была настолько узкой, а домишки стояли так тесно, что взрослый человек, проходя по дороге, касался стен. Потому-то Азот и выбрал это место. Отсюда жертве не уйти. Внезапно стены будто бы злобно оскалились и вытянули руки, загораживая звезды и мечтая сцапать Азота. Ветер, бивший по крышам, затянул песню смерти.

Шорох повторился, и Азот, увидев, откуда он, вздохнул с облегчением. Из кучи обгорелых досок вышмыгнула, поводя носом, старая драная крыса. Азот замер. Крыса, покачиваясь, приблизилась, ткнулась влажным носом в босую Азотову ногу, не почувствовала опасности и приготовилась утолить голод.

Как только она раскрыла пасть, Азот вонзил ей за ухо нож и вогнал его до земли. Крыса дернулась, но не пикнула. Азот выдернул нож, довольный своей хитростью, и снова прислушался. Тишина.

«В чем моя главная слабость? — подумал он. — Как бы действовал я, окажись на месте Крыса?»

Что-то щекотнуло его шею. Азот провел по ней рукой. Проклятые жуки!

Жуки? На улице стоял мороз. Азотова ладонь вспотела от страха. Он медленно опустил руку, повернулся и рванул в сторону, но нож вылетел из его пальцев, когда что-то ударило по запястью. В футе от него сидел на корточках Дарзо Блинт. Он не произносил ни слова, лишь смотрел на Азота ледяным, как эта ночь, взглядом.

Некоторое время оба не сводили друг с друга глаз.

— Вы видели крысу, — наконец сказал Азот.

Блинт повел бровью.

— Поймали меня там, где я поймал ее. Показали мне, что вы настолько же ловчее меня, насколько я — ловчее крысы.

Губы Блинта тронуло подобие улыбки.

— До чего же ты странный. Чертовски умен и чертовски глуп.

Азот посмотрел на нож, удивительным образом оказавшийся в руке Дарзо, и устыдился. Чертовски глуп! На что он надеялся? Неужто мечтал напасть на убийцу и пригрозить ему? Однако собрался с духом и заявил:

— Я хочу быть вашим учеником!

Блинт ударил его по лицу раскрытой ладонью, и Азота отбросило к стене. Проехав щекой по холодной каменной поверхности, он тяжело упал на землю.

А когда перекатился на спину, Блинт уже стоял над ним.

— Назови хоть одну причину, по которой тебя не следует убивать, — сказал мокрушник.

Кукла! Она вспомнилась Азоту в ответ не только на Блинтов, но и на свой вопрос. Кукла — единственная, кого он любит. Вот каким образом Крыс затевал уничтожить его. К горлу Азота подкатил приступ тошноты. Сначала пострадал Джарл, теперь очередь Куклы.

— Убейте, — попросил Азот.

Блинт снова шевельнул бровью.

— Вы лучший мокрушник в городе, но не единственный. Если не возьмете меня в ученики и не убьете, я попрошусь к Хью Висельнику или к Резаному Враблю. Буду учиться всю свою жизнь, чтобы однажды добраться до вас. Дождусь, когда вы позабудете про эту ночь, когда уверите себя в том, что то была глупая угроза цехового крысенка. Вы непременно услышите обо мне и какое-то время будете шарахаться от собственной тени. Просто так, когда меня не будет рядом. Но однажды расслабитесь, тут-то я и расправлюсь с вами. Убьете ли и вы меня — мне наплевать. Я посвящу всю свою жизнь охоте на вас.

Насмешливо-угрожающий взгляд Дарзо слегка изменился — сделался просто зловещим. Азот ничего не заметил — в его глазах стояли слезы. Перед ним маячили пустые глаза Джарла, и представлялось, что та же участь постигнет Куклу. В ушах звучали ее вопли — так она будет кричать, если Крыс станет забирать ее по ночам. Она будет без слов бороться, быть может, царапаться и кусаться, но лишь поначалу, а со временем прекратит сопротивляться. Остальные будут слушать лишь возню и довольное похрюкивание Крыса. Как сейчас, с Джарлом.

— Неужто тебе незачем жить, мальчик?

«Будет незачем, если ты не примешь меня», — подумал Азот.

— Я хочу стать таким, как вы.

— Никто не хочет быть таким, как я.

Блинт достал огромный черный меч и прикоснулся лезвием к Азотовой шее. Азоту в эту минуту было совсем не жаль проститься с жизнью. Лучше уж умереть, чем наблюдать, как у него на глазах исчезнет нынешняя Кукла.

— Любишь причинять людям боль? — спросил Блинт.

— Нет, сэр.

— Когда-нибудь кого-нибудь убивал?

— Нет.

— Зачем же тогда отнимаешь у меня столько времени?

К чему он задавал эти вопросы? Неужели говорил всерьез? Нет, такого не могло быть.

— Я слышал, что и вам это не по сердцу. Что лучшими становятся не только те, кто любит убивать.

— Кто так говорит?

— Мамочка К. По ее мнению, именно этим вы отличаетесь от других.

Блинт нахмурился, достал из сумы дольку чеснока, забросил ее в рот и, жуя, убрал меч в ножны.

— Все с тобой ясно, мальчик. Мечтаешь разбогатеть?

Азот кивнул.

— Да ты не промах. Соображаешь быстро? А память у тебя хорошая? И можешь ли ты работать руками?

Азот трижды кивнул.

— Тогда будь картежником. — Дарзо засмеялся.

Азоту же было не до смеха. Он уставился на собственные ноги.

— Мне надоело жить в страхе.

— Джа'лалиэль тебя бьет?

— Джа'лалиэль — пустое место.

— Тогда кого же ты боишься?

— Нашего главного. Крыса.

Произнести его имя далось Азоту с трудом.

— Он тебя лупит?

— Было бы здорово… если бы вы с ним что-нибудь сделали… — Голос Азота прозвучал неуверенно, а Блинт ничего не ответил, поэтому Азот добавил: — Я больше никому и никогда не позволю себя бить.

Блинт смотрел куда-то мимо него, давая ему возможность смахнуть с глаз слезы. Полная луна купала город в золотистом сиянии.

— А старый блудник бывает красив, — сказал Блинт. — Несмотря ни на что.

Азот проследил его взгляд — никого. От теплого навоза в загонах для скота поднимался и уплывал кольцами к старым дырявым трубам серебристый туман. Сейчас окровавленный человек, которого нацарапали поверх черного дракона, был не виден, но Азот знал, что он здесь. С тех пор как Джа'лалиэль заболел, территория их цеха заметно сократилась.

— Сэр? — позвал Азот.

— В этом городе нет никакой культуры, кроме уличной. Тут дома из кирпича, там из глины и прутьев, дальше из бамбука. Титулы алитэрские, музыку играют сплошь на арфах из Сета да лирах из Лодрикара. Чертов рис-сырец, и тот из Кьюры. Однако если ни до чего не дотрагиваться и не особенно приглядываться, иногда этот старый черт чудо как хорош.

Азот вроде бы понял, о чем речь. В Крольчатнике следовало четко знать, к чему можно прикасаться, к чему нет, и давать себе отчет, куда ты держишь путь. На улицах тут и там пестрели лужи рвоты и прочих исторгнутых из человека жидкостей, все вокруг покрывал слой сальной копоти от костров и баков с бурлящим жиром. Однако Азот не знал, что отвечать. Даже не был уверен в том, что Блинт беседует с ним.

— Говоришь ты убедительно, мальчик, но я никогда не беру учеников, не приму и тебя. — Блинт, крутя в руке нож, помолчал. — Если только ты не выполнишь невыполнимое.

Грудь Азота наполнилась надеждой, ожившей впервые за несколько месяцев.

— Я сделаю все, что скажете, — выпалил он.

— Никому ни слова. Справишься с заданием в одиночку. Как, когда и где — решай сам. Однако без чьей-либо помощи.

— Какое задание?

Азот чувствовал, как ночные ангелы сжимают пальцами его сердце. Что за мысль пришла в голову Блинту?

Тот поднял с земли мертвую крысу и бросил ее Азоту.

— Сделай то же самое. Убей своего Крыса и предъяви мне доказательства. Даю тебе

неделю.

7

Солон Тофьюсин шел по Пути Сидлина, ведя в поводу лошадь. По обе стороны высились затейливого вида особняки знатных семейств Сенарии, по большей части выстроенные за последние десять лет. Другие были старше, однако все время подновлялись. Эта улица разительно отличалась от остальных. Здешние дома возводили люди, надеявшиеся с помощью своих денег создать подобие культуры. Постройки как будто стремились перещеголять соседей необычностью, выставляя напоказ позаимствованные у ладешцев и видоизмененные изобретательными зодчими шпили или великолепные купола Фриаку, очертания алитэрских дворцов и целые фрагменты летних замков Кьюры. Один из особняков походил на луковицеобразный дворец Иммура, который Солон Тофьюсин как-то раз видел на картине. Плоды рабства, подумалось ему.

Ужасало его отнюдь не само рабство. На его родном острове рабы были обычным явлением. Здесь действовали иные законы. Эти прекрасные дома в прямом смысле стояли на замученных взрослых и детях. Солону было не совсем по пути, но он желал узнать, что представляет собой тихий район города, почти ставшего его новым домом. За счет нищеты и убогости других улиц эта купалась в немыслимой роскоши.

Солон утомился. Он был невысок ростом, но дороден — с брюшком и, по счастью, с мощной грудью и широкими плечами. Лошадь была хорошая, но не особо выносливая, поэтому половину пути приходилось давать ей отдых и идти пешком.

Впереди высились настоящие замки. От прочих особняков они отличались не столько размерами, сколько прилегающими огороженными участками. Остальные здешние дома стояли близко друг к другу, замки же раскинулись привольно. Стражи охраняли ворота из крепкого дерева — не какие-нибудь замысловатые литые решетки, от которых одна красота и никакой прочности.

На воротах первого имения красовался герб Джадвинов — золоченая форель. Сквозь калитку виднелся прекрасный сад, украшенный мраморными и позолоченными статуями. Неудивительно, что у них так много стражников, отметил Солон. Судя по виду, все они были настоящие воины и все, как на подбор, уродливы. Про герцогиню поговаривали, что она охотница до мужчин. Солон поспешил дальше. Смуглый, привлекательный, черноглазый, с волосами все еще черными, как ночь без проблеска серой утренней тени, он вовсе не желал оказаться в доме у ненасытной герцогини, чей муж частенько и надолго уезжал по важным делам. Лишние неприятности ему ни к чему.

«Впрочем, там, куда я иду, неприятностей наверняка будет не меньше, — подумал Солон. — Дориан, друг мой, надеюсь, то, что ты отправил меня сюда, — не ошибка».

— Я Солон Тофьюсин. Хотел бы видеть лорда Джайра! — воскликнул он, остановившись у ворот имения Джайров.

— Герцога? — спросил стражник, приподнимая шлем и почесывая лоб.

Осел, подумал Солон.

— Да, герцога Джайра.

Говорил он медленно и более старательно, чем следовало, хоть и чертовски устал.

— Весьма сожалею.

Солон подождал продолжения, но страж не добавил ни слова. Нет, он не осел, решил Солон, а настоящий дурак.

— Лорд Джайр в отъезде?

— Не-а.

«Так, все с тобой ясно, — подумал Солон. — Дориану следовало предупредить меня о здешних порядках».

— Я прекрасно знаю, что на Кьюру нападали тысячелетие за тысячелетием и что самые умные ее жители переселились подальше от океана, бросив на побережье всех остальных, в

том числе и твоих предков. Догадываюсь и о том, что всех симпатичных женщин из твоей деревни увезли пираты-сетцы. Поэтому ты не по своей вине так туп и уродлив. Может, все же попробуешь объяснить, дома ли лорд Джайр? Хотя бы самыми простыми словами.

Странно, но стражу эти речи как будто пришлись по вкусу.

— На тебе нет отметин, твое лицо не унизано кольцами, говоришь ты по-человечески и даже неплохо упитан. Попробую угадать: тебя отправили в море, морские боги тебя не приняли, а когда ты прибился к берегу, попался на удочку какой-нибудь красавице?

— Она оказалась слепой, — ответил Солон.

Стражник рассмеялся. А он неплохой парень, подумалось Солону.

— Герцог Джайр уехал сегодня утром. И не вернется, — сообщил страж.

— Не вернется? Ты имеешь в виду, никогда?

— Об этом не мне рассуждать. Но, думаю, нет, он уехал не навсегда. Если, конечно, меня не подводит чутье. Ему поручено командовать войском на Воющих Ветрах.

— Когда я спросил, в отъезде ли лорд Джайр, ты ответил «нет», — сказал Солон.

— Герцог велел до его возвращения звать лордом Джайром его сына.

— Стало быть, отныне и вовеки?

— Вы, надо понимать, не из тугодумов. В общем, Джайр сейчас — молодой Логан.

Нехорошо, подумал Солон. Вспомнить, как сказал Дориан — «герцог Джайр» или «лорд Джайр», — он не мог, как ни напрягал память. Ему и в голову не приходило, что владениями правят не один, а два Джайра. Если пророчество следовало передать герцогу, то Солону надлежало без промедлений отправляться в путь. Если же его сыну, значит, Солон нужен здесь.

— Могу я побеседовать с лордом Джайром?

— А мечом вы владеете достаточно ловко? — спросил страж. — Если нет, лучше спрячьте его.

— Что-что?

— Только не говорите потом, что я вас не предупреждал. Следуйте за мной.

Страж позвал приятеля, прохаживавшегося по верху стены, тот встал на пост у ворот, и выходец из Кьюры повел гостя в глубь имения. Лошадь забрал младший конюх, а с мечом Солон предпочел не расставаться.

Обстановка поражала. Все в имении Джайра дышало постоянством и надежностью древнего рода. Вдоль стены на специально привезенной, как догадался Солон, красной почве был высажен акант. Заросли не просто защищали от попрошаек и грабителей — акант был старинным символом алитэрской знати. Сам дом с толстыми каменными стенами, широкими арками и тяжелыми дверями выглядел устрашающе и мог выдержать долгую осаду. Единственной уступкой красоте были кроваво-алые розы, увивавшие двери и окна первого этажа. Черный камень и чугунные решетки выгодно оттеняли их цвет.

Солон не обращал внимания на звон стали, пока страж не провел его на задний двор. Отсюда открывался вид на реку Плит и на сенарийский замок. Несколько воинов наблюдали за боем двоих мужчин в учебных доспехах. Тот, что пониже, отступал, двигаясь кругами, а более высокий колотил по его щиту. Первый споткнулся.

Противник набросился на него, как разъяренный бык, и повалил, точно баранью тушу. Невысокий вскинул меч, но неприятель ловким ударом выбил оружие из руки и стукнул по шлему противника, который зазвенел, словно колокол.

Логан Джайр снял с головы шлем и рассмеялся, помогая стражнику подняться на ноги. У Солона упало сердце. Это и есть лорд Джайр? Этот ребенок-гигант с детски пухлыми щеками? Ему лет четырнадцать, если не меньше. Солону представилось, как смеется Дориан. Дориан знал, что Солон не любит детей.

Стражник-кьюрец подошел к лорду Джайру и что-то негромко сказал ему.

— Здравствуйте! — воскликнул мальчик-лорд, поворачиваясь к Солону. — Маркус говорит, вы хвастались, что прекрасно владеете мечом. Это так?

Солон взглянул на кьюрца, а тот довольно улыбнулся. Маркус? В этой стране даже

имена можно было встретить какие угодно — их происхождению никто не придавал особого значения. Алитэрские имена — Маркус, Лусиенна — соседствовали с лодрикарскими, например Родо или Дейдра, кьюрскими, такими как Хайдео или Шизуми, и обычными сенарийскими — Алейн, Фелена. Казалось, здешние люди не называют детей лишь именами рабов — Шрамом или Заячьей Губой.

— Держу в руке меч я весьма уверенно, лорд Джайр, но с вами хотел бы поговорить, не подраться, — сказал Солон, а про себя подумал: «Если я отправлюсь в путь теперь же, то мы с доброй старой лошадкой доберемся до войска дней за шесть или даже за семь».

— Мы непременно поговорим, но сначала сразимся. Маркус, дай-ка ему учебный доспех.

Страж довольно улыбнулся. Судя по всему, молодого лорда тут любили точно родного сына. С ним свободно общались, смеялись, его баловали. К мысли, что мальчик настолько внезапно стал лордом Джайром, видимо, еще не привыкли.

— Не надо доспеха, — сказал Солон.

Смешки резко стихли. Все посмотрели на гостя.

— Будете состязаться без доспеха?

— Я вообще предпочел бы не состязаться, но, если вы того желаете, я подчинюсь. Однако обойдусь лишь своим мечом.

Стражники заулюлюкали, представив, как невысокий сетец станет биться с их юным великаном совсем без брони. Обеспокоились лишь Маркус и еще двое воинов. На Логане были тяжелые доспехи. Серьезно поранить его гость не мог. Но он таил в себе угрозу. Мальчик тоже почувствовал опасность — Солон увидел это по его взгляду. Логан, глядя на крепкие плечи незнакомца, уже раздумывал, стоит ли принимать в своем доме человека, о котором ему ничего не известно и который может желать его гибели.

— Милорд, — проговорил Маркус, — не лучше ли…

— Что ж, как хотите, — вдруг сказал Логан Солону, вновь надевая шлем и опуская забрало. Схватив меч, он воскликнул: — Я готов!

Не успел мальчик и глазом моргнуть, как Солон просунул пальцы в прорезь Логанова забрала, схватил его за нос, дернул к себе и отбросил в сторону. Логан со стоном шлепнулся наземь. Солон выдернул нож из ножен на Логановом поясе, ловко оперся ногой на его защищенную шлемом голову и поднес острие ножа к глазу противника.

— Сдаетесь? — спросил Солон.

Мальчик тяжело дышал.

— Сдаюсь.

Солон отпустил его, выпрямился и смахнул пыль со своих штанов, не предлагая лорду Джайру руки.

Стражники настороженно наблюдали за происходящим. Некоторые из них вынули из ножен мечи, но никто не двинулся с места. Если бы Солон желал Логановой смерти, то уже убил бы его. Стражники, само собой, думали о том, что сделал бы с ними герцог Джайр, приключись такая беда.

— Вы глупый мальчишка, лорд Джайр, — сказал Солон. — Паясничаете перед людьми, которым, быть может, однажды предстоит за вас погибнуть.

«Дориан сказал „герцог Джайр“, — подумалось ему. — Да, он точно сказал „герцог“. Почему же тогда отправил меня сюда? Если бы имел в виду герцога, то наверняка велел бы мне ехать прямо в гарнизон. Впрочем, предсказание же не обо мне. А Дориан не мог знать, что я задержусь и что приеду в город так поздно. Или мог?..»

Логан снял шлем. Его щеки пылали, но он не позволял своей неловкости превратиться в ярость.

— Я заслужил наказание. Заслужил то, как вы со мной обошлись. Впрочем, этого даже мало. Простите. Плох тот хозяин, который нападает на своих гостей.

— Стражники вам поддаются, вы об этом знаете?

Логан смутился пуще прежнего, метнул быстрый взгляд на того, с кем сражался, когда

появился Солон, и потупился. Собравшись с мужеством, вновь поднял глаза на гостя.

— Да, скорее всего, вы правы. Мне ужасно стыдно, но… спасибо вам.

Теперь засмущались стражники. Они из любви позволяли юному господину одерживать над собой победу, а добились лишь того, что поставили его в неловкое положение. Им было совестно до боли.

Почему они так ему преданы? — подумал Солон. Или это преданность его отцу? Он стал наблюдать за мальчиком. Тот смотрел по очереди на каждого из воинов. Они прятали глаза, потом поднимали на него взгляд и стыдливо отворачивались. Солон усомнился в своем предположении. Герцог тут ни при чем, стражи чувствовали вину перед самим мальчиком.

— Через полгода, — обратился к ним Логан, — я отправлюсь на службу к отцу — не усижу в замке дольше. Мне придется всерьез драться, и вам тоже. Полагаете, что подобные схватки — забава? Что ж, прекрасно. Забавляйтесь хоть до полуночи. Все до одного. А завтра начнем тренироваться всерьез. Собираемся здесь за час до рассвета. Все понятно?

— Да, сэр!

Логан повернулся к Солону.

— Простите нас, мастер Тофьюсин. Простите за все. Зовите меня просто Логан. На обед вы останетесь непременно, но, может, распорядиться, чтобы слуги приготовили для вас комнату?

— Да, — ответил Солон. — Пожалуй, я приму ваше предложение.

8

Вюрдмайстер Неф Дада встречался с Крысом каждый раз в новом месте. В комнате на постоялом дворе, в подвале лодочной мастерской, в булочной, в парке на восточной окраине или в глухом переулке в Крольчатнике. С тех пор как Неф понял, что Крыс боится темноты, они виделись исключительно по ночам.

Сегодня Неф ждал Крыса и его охранников на небольшом старом кладбище, где для новых могил уже не оставалось места. Было не так темно, как Неф рассчитывал: шагах в тридцати от погоста горели огни игорных домов, таверн и борделей. Крыс и его дружки подошли к краю кладбища и остановились. Как и почти весь Крольчатник, погост возвышался над уровнем воды самое большее на какой-нибудь фут. Кролики, как называли местных жителей, закапывали своих умерших прямо в слякоть, самые богатые возводили над землей саркофаги; приезжие же, не знавшие местных обычаев, несколько лет назад погребли жертв уличного столкновения в гробах. Земля над ними вспучилась, гробы вылезли на поверхность. Некоторые рассыпались, и останки чужаков сожрали дикие собаки.

Крыс и его охранники обмирали от страха.

— Ладно, ступайте, — наконец проговорил вожак, хватая череп и с наигранной беззаботностью бросая его одному из приятелей.

Тот отскочил в сторону. Череп, хрупкий от времени и пережитых его обладателем болезней, ударился о булыжник и разбился вдребезги.

— Здорово, ребенок, — прохрипел Неф прямо Крысу в ухо. Тот вздрогнул. Неф улыбнулся беззубым ртом, чуть тряхнул светлыми сальными волосами и встал так близко к Крысу, что тот попятился.

— Чего тебе нужно? Зачем ты меня позвал?

— Больно ты нетерпелив и слишком много болтаешь.

Неф, шаркая ногами, вновь подошел ближе к Крысу. Вырос Неф в Лодрикаре, который лежал восточнее Халидора, а лодрикарцы полагали: если собеседник стоит от тебя так далеко, что ты не чувствуешь, как пахнет его дыхание, значит, ему есть что скрывать.

Торговцы в Сенарии, имевшие дело с лодрикарцами, терпеть не могли эту их привычку, однако, получая от них деньги, охотно стояли прямо у лодрикарцев перед носом. Однако Неф так поступал отнюдь не по культурной традиции. Лодрикар он покинул полвека

тому назад. Ему просто нравилось издеваться над Крысом.

— Ха! — выдохнул Неф в лицо Крысу, обдавая его вонью.

— Что? — спросил тот, едва удерживаясь, чтобы не отшатнуться.

— Я от тебя еще не отстал, ясно, великий безмозглый мальчишка? Порой ты, как ни удивительно, *поддаешься* обучению. Впрочем, сегодня я явился сюда не потому. Ты тоже. Пора действовать. Твои враги готовятся к сражению, но еще не продумали план.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю гораздо больше, чем тебе кажется, Жирная Крыса.

Неф засмеялся, брызжа слюной в лицо собеседнику. Тот чуть не двинул ему по челюсти. Главным в цеху он стал неспроста. Однако ударить Нефа Крыс не мог. На вид старик был хилый, но, как всякий вюрдмайстер, мог с легкостью защититься отнюдь не кулаками.

— Тебе известно, сколько у твоего отца сыновей? — спросил Неф.

Крыс осмотрелся по сторонам, как будто Неф не убедился прежде, что их не подслушивают. Мальчишке и впрямь недоставало мозгов. Однако он был хитер и неслыханно жесток. К тому же выбирать Нефу не приходилось. Явившись в Сенарию, он получил в подчинение четырех мальчиков. Самый многообещающий в первый же год съел кусок несвежего мяса и умер раньше, чем Неф узнал о его отравлении. Второго убили на этой неделе в схватке за территорию между цехами. В живых оставались всего двое.

— По моим последним подсчетам, сыновей у его святейшества сто тридцать два. Большинство не могут похвастать *талантом* , поэтому их не принимают в расчет. Ты — один из сорока трех, кто пошел в отца. Я уже говорил тебе об этом. Но не упоминал о другом: для каждого из вас приготовлено задание. Если выполнишь его, то докажешь отцу, что можешь приносить ему пользу, а в один прекрасный день, не исключено, тоже станешь королем-богом. Догадываешься, какая перед тобой стоит задача?

Выпученные глаза Крыса, вдруг представившего себя обладателем несметных богатств, взволнованно заблестели. Неф шлепнул его по спине.

— Так какова твоя задача, а, мальчик?

Крыс потер щеку, содрогаясь от возмущения.

— Стать шингой, — тихо сказал он.

«Значит, метит он выше, чем я предполагал, — подумал Неф. — Что ж, замечательно».

— Его святейшество объявил, что Сенария падет, как и все южные земли. В Сенарии есть одна настоящая власть — Са'каге. Верно, ты станешь шингой. А потом передашь отцу Сенарию. Или, что более вероятно, проиграешь и погибнешь, а задание выполнит кто-нибудь из твоих братьев.

— Кто-то из них живет в этом городе? — спросил Крыс.

— Твой отец — бог, но ему подчиняются простые смертные, поэтому и случаются разного рода неудачи. Его святейшество строит планы, как подобает. А каков твой план насчет Азота, мой дорогой, обреченный на провал мальчик?

Кровь вновь бросилась Крысу в лицо, но он опять сумел сдержаться. Скажи Неф лишь слово, к утру Крыс будет плавать в Плите вместе с другими покойниками. Неф его испытывал. Жестокость была самым большим достоинством Крыса — Неф собственными глазами видел, как старшие ребята, которые могли запросто прикончить Крыса, ходили перед ним по струнке — и все из-за его жестокости. Однако без умения держать себя в узде она ничего не стоит.

— Я убью Азота, — сказал Крыс. — Будет истекать у меня кровью, как…

— Убивать его не стоит. Не то о нем быстро забудут, и его место займет кто-нибудь другой. Лучше пусть живет уродом и пугает своим видом всех остальных.

— Тогда изобью его на виду у всех. Сломаю ему руки и…

— А если его «ящерки» кинутся ему на помощь?

— Не кинутся. Побоятся…

— Азот, в отличие от остальных мальчишек, отнюдь не дурак, — сказал Неф. — Когда

вокруг него стали виться большие, он быстро смекнул, что это может значить. Теперь, не исключено, рассчитывает на их поддержку. И догадывается, что рано или поздно ты испугаешься и попробуешь его избить. Наверняка уже подготовился.

Крыс подумал о том, что может потерять цех, и на его лице отразился испуг. Без цеха он не мыслил себя.

— Как мне раздавить его? Ты уже придумал?

— И даже готов рассказать тебе об этом, — произнес Неф.

Наступал решающий день. Азот чувствовал это, лежа на полу в окружении ящерок. Теперь многие цеховые видели в нем своего главаря. В нем! Пятнадцать малышей и пятеро больших. Половина младших и четверть старших. Все мирно спали, окружив Азота. Спал, быть может, даже Барсук, который обычно лишь притворялся спящим.

Азот не смыкал глаз четверо суток. В ту ночь, когда ему посчастливилось встретиться с Блинтом, и все последующие ночи он лежал, глядя во тьму, строил планы, терзался сомнениями и ликовал, представляя себе жизнь без Крыса. Потом всходило солнце, и планы исчезали вместе с утренним туманом. Ящерками своих сторонников Азот называл в шутку — никакие они были не драконы. Но дети носили новое прозвище с гордостью, не догадываясь, что в нем кроется намек на отчаяние.

Днем Азот играл свою роль, отдавал распоряжения и настраивал жалких ящерок на борьбу — делал все, что угодно, лишь бы не думать об убийстве Крыса. Как долго Крыс планировал играть в свою жуткую игру? Она должна была кончиться со дня на день. Все гадали, что Крыс затевает, и не сомневались, что некий план у него уже есть. Иначе его приспешники в нем усомнятся, и он может в мгновение ока потерять цех.

Трем самым надежным малышам Азот поручил день и ночь охранять Куклу, потом засомневался, правильно ли поступил. Не следовало так разбрасываться своими силами. Малыши могли бы собирать сведения: прислушиваться к разговорам, выяснять, не примет ли к себе ящерок какой-нибудь другой цех. Да малыши восьми, десяти, даже одиннадцати лет и не уберегут Куклу от больших Крыса — куда им против пятнадцати-шестнадцатилетних.

В конце концов Азот решил поручить охрану Куклы двоим большим, которые встали на его сторону одними из первых, и старался в течение дня не выпускать подругу из виду.

Однако внимание его часто рассеивалось. Давали о себе знать бессонные ночи. В голове все перемешалось. Еще немного, и он совершит непоправимую ошибку. И все из-за того, что ему не хватало смелости убить Крыса.

Следовало теперь же собрать в кулак все свое мужество. Момент был самый что ни на есть подходящий. Незадолго до полуночи Крыс куда-то ушел с двумя большими, а по возвращении наверняка собирался лечь спать. Дрых негодяй всегда как младенец. А у Азота был нож. Теперь даже не один — тот же самый парень украл со склада второй, настоящий. Требовалось всего лишь подойти к Крысу и воткнуть в него клинок. Куда-нибудь в живот — так будет надежнее. Даже если верные псы отнесут Крыса к целителю, на лечение уйдут все его сбережения. Задаром с цеховым никто возиться не станет. Надо дождаться его возвращения, встать и выйти, будто бы по малой нужде, а на обратном пути убить его.

Уберечь Куклу от беды можно лишь так.

Азот прекрасно понимал, что значит стать мокрушником. Все переменится. Наемные убийцы — как острый нож в кромешной тьме. Азот научится драться и убивать. Не просто узнает, как это делается, а сам станет убийцей. Эта мысль преследовала его, как пристальный взгляд Куклы. Взгляд этот ничего особенного не значил, если только Азот не смотрел ей в глаза. О подробностях убийства он не задумывался. Но нередко вспоминал, как Дарзо Блинт посмеялся над их цехом — над Крысом и всей его небольшой армией. Бесстрашный Дарзо Блинт, подобием которого мог стать и Азот.

Блинт заберет его. И Азот никогда не возглавит «Черного Дракона». Покинет даже команду ящерок, и правильно сделает. Он не желал, чтобы дети смотрели на него, как на отца, а большие заглядывали ему в глаза, видя в нем свое спасение. Ведь защитить Азот не

мог даже самого себя. Весь этот спектакль был поставлен Крысом. Азота Избавителя не существовало, а ящерки этого не понимали.

Звук раскрывающейся двери известил о появлении Крыса. Азот так перепугался, что заплакал бы, если бы не знал, что по его просьбе не спит Барсук. Лить слезы перед своими большими он просто не мог. Но знал, что рано или поздно Крыс подойдет к нему, заставит своих дружков вытащить его и учинит над ним такую чудовищную расправу, что издевательства над Джарлом покажутся смехотворными. Однако Крыс, как Азот и предполагал, сразу ушел в свой гарем, улегся и через несколько мгновений заснул.

Мокрушники не плачут. Азот постарался успокоиться и прислушался, проверяя, спят ли охранники Крыса.

Мокрушники никого не боятся. Они могут убивать. А все перед ними дрожат. Мокрушники нагоняли ужас даже на Са'каге.

«Если я так и пролежу здесь, тем более усну, то назавтра или через неделю Крыс со мной расправится. Тогда будет вовсе незачем жить, — размышлял Азот. Он видел по взгляду Крыса, что ждать черного дня остается недолго. — Лучше уж мне его убить».

В мечтах он рисовал себя героем, воспетым бардами. Представлял, как вернет Джарлу деньги, как поможет Джа'лалиэлю, как все будут благодарить его за избавление от Крыса, как вдруг заговорит Кукла и как она, глядя на спасителя с восторгом, назовет его настоящим героем.

Фантазии казались глупыми, а быть глупцом Азот не желал.

Ему захотелось по-маленькому. Он, злясь на себя, встал и пошел к задней двери. Стражи Крыса даже не шелохнулись.

На улице было холодно и несносно воняло. Деньги из копилки Азот постепенно тратил на пропитание ящерок. Сегодня он купил рыбу. Вечно голодные дети съели ее вместе с внутренностями и отравились. Азот, справляя нужду, вдруг подумал, что следовало оставить кого-нибудь на страже. Еще один промах с его стороны!

Изнутри послышался шорох. Азот, зашнуровывая штаны, всмотрелся в темноту, но ничего не увидел. Он совсем сходил с ума. Пугался каждого звука. Стоило спящим цеховым крысятам перевернуться с боку на бок, и он уже воображал себе невесть что.

Его губы внезапно растянулись в улыбке, а рука сама собой легла на рукоять ножа. Пусть он знает далеко не все и многое не зависит от его желаний, понятно, что должен сделать сейчас.

Крыс должен умереть. Вот и все. Что случится после этого с Азотом, по большому счету не имело значения. Пусть его благодарят или тоже убьют, он в любом случае прикончит гада. Крыса следовало уничтожить прежде, чем он причинит страдания Кукле. То есть немедленно.

Приняв твердое решение, Азот сжал в руке нож и пошел назад. Крыс спал, окруженный гаремом. Азоту предстояло всего лишь свернуть со своего пути шага на два. Если окажется, что охранники Крыса не спят, Азот притворится, будто споткнулся, и воткнет нож в живот мучителю. Потом пырнет его снова и снова, чтобы уж наверняка убить, пусть даже Азот поплатится за это собственной жизнью.

До цели оставалось шага четыре. Взгляд Азота случайно упал на то место, где он обычно спал. Барсук лежал на спине, на его шее чернела тонкая полоса. Глаза распахнуты, но он не двигался.

Куклы не было. Не было и Крыса.

9

Азот лежал в темноте, не в силах даже плакать. Однако и в своем ослепляющем потрясении он знал, что большие Крыса не спят. Вот чего они все так долго ждали. Азот вышел буквально на минуту-другую, и Куклу тут же утащили. Если он даже разбудит весь цех, ничего не изменится. Перепуганный до смерти, окутанный тьмой, Азот не знал, кто из

дружков Крыса ушел, а кто остался. А если бы и знал, что это изменит? Он все равно не выяснит, куда они отправились. И если даже выяснит, что можно сделать?

Мысли в голове путались. «Будь я проклят, — думал Азот, глядя на провисший потолок. — Я слышал, все слышал и не рванул ей на помощь».

Он лежал и лежал, совершенно убитый. Сменились дозорные. Взошло солнце. Зашевелились, пробуждаясь, цеховые крысята. Азот, не в силах двинуть ни рукой ни ногой, все смотрел и смотрел в потолок, мечтая, чтобы он обвалился, чтобы рухнул весь мир вокруг.

Начался новый день. Дети визжали, младшие дергали Азота, что-то крича. Что-то про Барсука. Кто-то о чем-то спрашивал. Отовсюду звучали слова. Слова — пустой звук. Азота схватили за руку и дернули, но он был где-то далеко отсюда.

Очнуться ему пришлось скоро. Из полузабытья его мог выдернуть единственный звук: смех Крыса.

Азот, содрогаясь, рывком сел. Нож до сих пор был при нем. На полу темнела засохшая кровь, но Азот ее почти не видел. Вскочив на ноги, он пошел к двери.

Послышался очередной взрыв мерзкого хохота, и Азот побежал. В ту секунду, когда его нога ступила на порог, он заметил краем глаза, что дверная тень растягивается и прыгает вперед со скоростью и четкостью паука-каменщика, которого Азоту доводилось видеть лишь раз в жизни. Он налетел на эту тень, будто на стену. Его вытащили наружу и толкнули в затемненный проход между зданием и пестревшими рядом развалинами. У Азота пошла кругом голова.

— Так спешишь умереть, да, мальчик?

Азот не мог ни пошевелиться, ни высвободиться. Чья-то рука держала его за лицо мертвой хваткой. До Азота вдруг дошло, что это Дарзо Блинт.

— Пять дней, мальчик. У тебя было целых пять дней, но ты так и не убил его, — прошептал он Азоту в ухо, обдавая его запахом лука и чеснока.

Чуть поодаль стоял Крыс, разговаривая с цеховыми и хохоча. Все смеялись с ним вместе, в том числе и многие ящерки, надеявшиеся вернуть себе расположение Крыса.

Началось, подумал Азот. Все, что ему удалось создать, рассыпалось прахом. Остальных ящерок не было. Азот не сомневался в том, что позднее они, крадучись, вернутся, чтобы выяснить, как обстоят дела, но не злился на них. В Крольчатнике все спасались, как только могли. И потом то был не их проигрыш, а проигрыш Азота. Блинт все верно говорил. Дружки Крыса и он сам ждали, что последует дальше. Если Азот бросится к ним, его убьют или сотворят с ним что-нибудь еще хуже. Все это время ему следовало строить планы, а он бездействовал. Стало быть, заслуживал смерти.

— Успокоился, мальчик? — спросил Блинт. — Хорошо. А теперь я покажу тебе, какую цену ты заплатил за свою нерешительность.

На обед Солона повел сутулый старик в тщательно выглаженной ливрее, украшенной золотым галуном и фамильным гербом Джайров — изображением белого сокола, нападающего на степного соболя. Однако за века картинка поблекла настолько, что узнать на ней кречета было не так-то просто. В Халидоре и даже Лодрикаре северных соколов не водилось. Они обитали лишь на севере. «Выходит, Джайры, как и я, не сенарийцы», — подумал Солон.

Обед подали в большом зале, что удивило Солона. Не то чтобы залу недоставало пышности — напротив, он был чрезмерно великолепен и, наверное, не уступал в размерах парадной приемной сенарийского замка. Стены украшали шпалеры, знамена, щиты давно погибших неприятелей, огромные картины; тут и там стояли мраморные с позолотой статуи, потолочная роспись изображала сцену из Алькестии. Стол на фоне такого роскошества казался крошечным, хоть и имел в длину примерно двадцать локтей.

— Лорд Солон Тофьюсин, дом Тофьюсин, ветвь королевского рода Брааден островной империи Сет, — объявил старый слуга, то ли давно зная, то ли специально выяснив все

титулы гостя.

Сет в нынешние времена больше не считался империей, однако Солону пришлась по вкусу оказанная ему честь. Он прошел к леди Джайр.

Это была привлекательная величавая женщина с зелеными глазами, смуглой кожей и тонкими чертами лица, унаследованными от отца, герцога Грэзина. Ее наряд, по сенарийским меркам, отличался скромностью: высокий воротник, юбка длиной до изящных щиколоток. Серое платье сидело на прекрасной фигуре ладно, но довольно свободно.

— Приветствую вас, миледи, — сказал Солон, низко кланяясь и по традиции Сета поворачивая руки ладонями вперед. — Пусть солнце вам улыбается, а буря свирепствует, лишь когда вы дома.

Может, не стоило приветствовать хозяйку столь многословно, но зал был так огромен, что казался целой страной, и упоминания о погоде сами собой сошли с губ Солона.

Герцогиня хмыкнула и не сочла нужным отвечать. Сели за стол. Слуги принесли первое блюдо — суп из утки-мандаринки со сладким укропом.

— Сын сообщил мне, откуда вы, но говорите вы хорошо, не голый и без кольца в носу. Что ж, очень славно.

По-видимому, хозяйке рассказали о том, что приключилось с ее сыном, и она досадовала, что его так унизили.

— А что, это правда? — спросил Логан. Он сидел в одном конце стола, герцогиня в другом, а Солон, к его неудовольствию, посередине. — Верно говорят, что даже на кораблях сетцы расхаживают в чем мать родила? — полюбопытствовал юный лорд.

— Логан, — строго произнесла Катринна Джайр.

— С вашего позволения, леди Джайр, я объясню. Это не совсем так. Наш остров омывают воды самого теплого течения в Великом море, поэтому у нас бывает жарко даже зимой. А летом так печет, что не знаешь, куда деваться. То есть, хоть мы и не носим так много одежды, и такой тяжелой, как здешние жители, за принятые у нас рамки приличия, поверьте, не выходим.

— Приличия? По-вашему, женщин, что бегают по кораблю полуобнаженными, можно назвать приличными? — спросила леди Джайр.

Лицо Логана восторженно засияло.

— Приличные, естественно, не все наши женщины. Однако для нас обнаженная женская грудь — все равно что для здешних мужчин голая шея. Целовать грудь, само собой, приятно, но нет причин…

— Что вы себе позволяете! — Воскликнула леди Джайр.

— С другой стороны, дама, чьи щиколотки не прикрыты платьем, у нас не отважится спуститься под палубу одна. Так что, леди Джайр… — Солон повел бровью и притворился, будто смотрит на ноги герцогини, хоть и не мог их видеть. — Вас, появись вы в Сете, сочли бы чересчур смелой.

Герцогиня побледнела, однако не успела вымолвить ни слова — Логан рассмеялся.

— Щиколотки? Но ведь это… глупо! — Мальчик присвистнул. — А у вас они очень даже ничего, мама. — Он снова засмеялся.

Слуга принес второе блюдо, но Солон не заметил, как перед ним поставили другую тарелку. «Что я за человек?» — раздумывал он. Язык подводил его далеко не впервые.

— Я решила, что нападение на лорда Джайра — предел непочтительности, — сказала герцогиня. — Оказывается, вы куда хуже.

Ах вот оно что, подумал Солон. Значит, стражи не по своей воле обращались с лордом Джайром как с дитятком. По-видимому, оберегать его от боли и ран приказала им госпожа.

— Да ведь он не оскорбил меня, мама. И вовсе не хотел обижать вас. — Логан посмотрел на мать, потом на гостя. Оба сидели с каменными лицами. — Правда же, лорд Тофьюсин?

— Миледи, — сказал Солон, — как-то раз мой отец объяснил мне, что в учебном бою лордов нет, как нет их на поле брани.

— Вздор! — отрезала герцогиня. — Истинный лорд всегда остается лордом. Сенарийцы знают, что это значит.

— Мама, он имеет в виду: неприятельский меч рубит благородных так же уверенно, как и простолюдинов.

Леди Джайр не обратила внимания на слова сына.

— Чего вам от нас нужно, мастер Тофьюсин?

Задавать подобные вопросы гостю, да еще и обращаться к нему как к человеку незнатного происхождения было верхом неучтивости. Солон рассчитывал, что его примут по всем правилам, чтобы можно было некоторое время побыть в этом доме, недельку-другую понаблюдать за Джайрами и лишь потом объявить им о цели своего визита. С мальчиком он, возможно, смог бы поладить, но с этой женщиной — боже упаси! Уж лучше закрутить роман с обольстительницей Джадвин.

— А вам не кажется, мама, что вы несколько?..

Герцогиня даже не взглянула на сына, лишь подняла руку, повернув ее к нему ладонью. Смотрела она все это время на Солона.

Значит, вот как тут обстоят дела, подумал он.

Логан приходился ей не только сыном. Несмотря на юный возраст, в отсутствие отца он был еще и ее лордом. Пренебрежительный жест герцогини рассказал гостю всю историю их семьи. Мать подняла руку, и мальчик как послушный сын умолк, а не наказал ее, как поступил бы лорд. По презрению, с которым герцогиня держалась и встретила гостя, Солон понял, почему герцог Джайр переложил свои обязанности на плечи молодого сына. Жене он доверять не мог.

— Я жду ответа, — сказала леди Джайр.

Услышав ее ледяной тон, Солон тотчас принял решение. Детей он просто не любил, а тиранов всем сердцем ненавидел.

— Я приехал, чтобы стать наставником лорда Джайра.

На его губах заиграла теплая улыбка.

— Ха! Это исключено.

— Мама, — чуть более решительно произнес Логан.

— Только через мой труп, — заявила хозяйка. — Если начистоту, мастер Тофьюсин, я хотела бы, чтобы вы уехали.

— Мама!

— Немедленно.

Солон сидел с ножом в одной руке и двузубой вилкой в другой, радовался, что не забыл сенарийских правил поведения за столом, и не двигался.

— Когда вы планируете позволить лорду Джайру действовать, как ему подобает? — спросил он.

— Когда он повзрослеет. Когда настанет время. С какой стати я отвечаю на вопросы какого-то сетского дикаря и…

— Неужели так распорядился герцог, объявляя, что в его отсутствие герцогом Джайром будет его сын? Неужели сказал, пусть, мол, начнет действовать, только когда придет время? Мой отец говорил: затянувшееся повиновение — это неповиновение.

— Стража! — крикнула герцогиня.

— Черт побери! Мама, прекратите же!

Логан так резко вскочил, что его стул с грохотом упал на пол.

На лицах устремившихся к Солону стражников отразилась растерянность. Они переглянулись и перешли с бега на быстрый шаг, тщетно стараясь приблизиться незаметно — их выдавал звон металлических кольчуг.

— Логан, с тобой мы поговорим после, — сказала Катринна Джайр. — Таллан, Брэн, выведите этого человека вон. Сию минуту.

— Лорд здесь я! Не прикасайтесь к нему! — прокричал Логан.

Стражники замерли. Глаза Катринны засверкали от злости.

— Да как ты смеешь отменять мои приказы? Позорить свою мать перед чужаком? Мне стыдно за тебя, Логан Джайр. Ты бросаешь тень на всю нашу семью. Отец положился на тебя и совершил серьезную ошибку.

Солону сделалось не по себе, а Логан страшно смутился, растерялся и залился краской стыда.

Змея, подумал Солон. Разрушает то, что обязана всячески укреплять. Убивает в сыне уверенность.

Логан взглянул на Таллана и Брэна. Тем было так неловко наблюдать сцену Логанова унижения, что они не знали, куда девать глаза. Логан весь съежился, сокращаясь в размерах.

Надо что-нибудь предпринять, решил Солон.

— Лорд Джайр! — воскликнул он, вставая и привлекая к себе всеобщее внимание. — Прошу прощения. Я вовсе не хотел злоупотреблять вашим гостеприимством, тем более вносить в вашу семью раздоры. Признаю, я забылся и заговорил с вашей матушкой слишком прямо. Мне не всегда удается… выбрать правильный тон в беседах с чувствительными сенарийцами. Леди Джайр, прошу извинить меня, если я поневоле нанес оскорбление вам или вашему лорду. Лорд Джайр, еще раз простите. Видимо, мои речи показались вам дерзкими. Я, разумеется, покину ваш дом, если только вы пожелаете.

Последние слова он особенно выделил. Логан расправил плечи.

— Не пожелаю.

— Милорд? — Солон притворился растерянным.

— В этом доме все только и делают, что выбирают подобающий тон, однако правильно поступают не часто, лорд Тофьюсин, — сказал Логан. — Вы ничем меня не оскорбили. Я хотел бы, чтобы вы остались. Уверен, и моя матушка постарается вести себя так, чтобы вам было здесь уютно.

— Логан Джайр, ты не посмеешь… — начала было Катринна Джайр.

— Стража! — громко произнес Логан, перебивая мать. — Леди Джайр очень взволнована и переутомлена. Проводите ее к покоям. Одного из вас прошу остаться у ее дверей до утра на случай, если ей что-либо понадобится. Утром встретимся в столовой.

Солон торжествовал. Логан, не дав матери договорить, отправил ее прочь и велел стражнику охранять ее до завтра.

«Еще чуть-чуть, и мальчик станет грозным и категоричным взрослым мужчиной, — подумал Солон. — Станет? — переспросил он у самого себя. — Грозности в нем достаточно и сейчас. А я только что приковал себя к нему».

Мысль его встревожила. Еще полчаса назад Солон не знал, останется ли. И собирался недельку-другую не принимать твердых решений. А тут вдруг взял и связал себя с Логаном невидимыми узами.

Знал ли Дориан, что все сложится именно так? В случайные совпадения он не верил. Солон же придерживался на сей счет иного мнения. Но, так или иначе, он теперь зависел от Логана, отчего чувствовал напряжение в шее, как раб, которому надели не по размеру маленький ошейник.

Отменную трапезу окончили в тишине. Потом Солон с позволения лорда отправился на ближайший постоялый двор, где подавали сетское вино.

10

Ей изуродовали лицо. Как-то раз Азот видел человека, которого лягнула копытом лошадь. Хрипя и истекая кровью, он умер на усыпанной собственными зубами земле. Лицо Куклы пострадало сильнее.

Азот отвернулся, Дарзо схватил его за волосы и повернул назад:

— Гляди же, черт тебя дери, гляди! Вот что ты наделал, вот чем оборачивается нерешительность. Если я говорю «убей», значит, ты идешь и убиваешь. Не завтра, не через пять дней. А сию секунду. Без раздумий. Без сомнений. Ты должен повиноваться.

Понимаешь, о чем я толкую? Я знаю, что делаю. А ты не знаешь ни черта. Ты — пустое место. Вот кто. Ты — слабость. Ты — грязь. Ты — кровь, что течет из носа этой малышки.

Из груди Азота вырвалось рыдание. Он дернулся и вновь попытался отвернуться, однако хватка Дарзо была железной.

— Нет уж! Смотри! Вот что ты наделал. Она страдает из-за тебя. Ты проиграл! Всему виной твоя бездеятельность! Бездеятельности на все плевать. Она все равно что смерть. И становится смертью не через пять дней, а с самого начала. Понимаешь?

Азота начало рвать. Дарзо и теперь не отпускал его, лишь повернул его голову так, чтобы рвота не попадала на Куклу, а разжал пальцы только тогда, когда блевоты больше не было. Азот, не вытирая губ, опять взглянул на Куклу. Каждый вздох давался ей с трудом. Кровь волнами текла из ее носа, пропитывала простыни, капала на пол. Несчастная была обречена на гибель.

Азот смотрел на нее до тех пор, пока лицо не исчезло, не превратилось в одно неровное рваное пятно, заменившее собой некогда кукольные черты. Вот куски кровавой плоти раскалились перед его глазами добела и стали вплавляться ему в память, обжигая мозг. Теперь он не издавал ни звука, позволяя плодам своей нерешительности подробно запечатлеться в воображении. Картинка грозила навек остаться в точности такой, каким было испещренное глубокими ранами лицо Куклы.

Дарзо не произносил ни слова. Он больше не имел значения. Самого Азота будто тоже не стало. Мир сократился до истекающей кровью маленькой девочки на алых простынях. В Азоте вдруг что-то разрушилось, и стало трудно дышать. Какой-то частью сознания он возликовал, обрадовавшись, что раздавлен, что стал ничтожеством и обречен на вечное презрение. Ничего другого слабаки не заслуживают.

Внезапно все прекратилось. Азот моргнул и осознал, что в его глазах нет слез. Нет, сдаваться рановато. Внутренний голос шептал ему, что не все потеряно. Азот повернулся к Дарзо:

— Если спасете ее, я ваш раб. На всю жизнь.

— Неужели ты не понимаешь, мальчик? Ты проиграл. А она умирает. Ты не в силах ей помочь. Она теперь ни на что не годна. Бездомная девчонка стоит ровно столько, сколько ей платят за торговлю телом. Спасать жизнь этой крохи — жестокость. Она не скажет тебе спасибо.

— Как только я убью его, разыщу вас, — сказал Азот.

— Ты уже проиграл.

— Вы дали мне неделю. Прошло всего пять дней.

Дарзо покачал головой:

— Ночные ангелы! Впрочем, поступай, как знаешь. Однако учти: если явишься без доказательств, тебе не жить.

Азот не ответил, ибо уже шагал прочь.

Она умирала. Медленно, но умирала. Дарзо негодовал. Мучители сделали дело неряшливо и с предельной жестокостью. Очевидно, им хотелось, чтобы она осталась в живых и жила долгие-долгие годы с уродливыми шрамами на лице. Но девочка умирала. Жизнь покидала ее капля за каплей через сломанный окровавленный нос.

Дарзо не мог ей помочь и быстро это понял. Он убил бы двоих парней, охранявших ее, но подозревал, что не они изувечили девочку. Оба выглядели испуганными, сознавая свою причастность к сотворенному злу. Порядочность, до сих пор жившая в Дарзо, требовала немедленно отыскать извращенца и прикончить его, однако сначала следовало позаботиться о девочке.

Она лежала на низкой койке, в Крольчатнике, в одном из небольших домов-укрытий, принадлежавших Дарзо. Он, как мог, смыл с ее лица кровь. О целительстве Дарзо знал столько же, сколько об убийстве, — это просто приближение к границе жизни и смерти с разных сторон. Словом, Дарзо без труда определил, что тут он помочь не в состоянии.

Девочку били ногами, били сильно. Она так и так умрет — если не от внешнего кровотечения, то от внутреннего.

— Жизнь бессмысленна, — сказал Дарзо. Девочка лежала, не двигаясь. — Жалка и ничего не стоит. Жизнь — сплошная боль и страдания. Лучший выход для тебя — смерть. В противном случае ты будешь уродиной. Над тобой будут смеяться. На тебя будут глазеть. Указывать пальцем. Твой вид будет нагонять ужас. Ты будешь слышать, как о тебе перешептываются, как ради собственного успокоения бормочут слова сочувствия. Ты станешь пугалом, предметом всеобщего любопытства. Тебе незачем жить.

Надо дать ей умереть. Это несправедливо, но великодушно. Несправедливо… Эта мысль мучила Дарзо, так же как мучило изуродованное лицо и хриплое дыхание девочки.

Или все-таки спасти ее? Ради мальчика. Может, с ее помощью будет легче им управлять. По мнению Мамочки К., Азот слишком добр. Потеряв подружку, он научится действовать быстро, убивать врагов прежде, чем те доберутся до него? В этот раз он слишком долго мешкал. Если Дарзо спасет девочку, Азот станет его верным подчиненным. Но как скажется на нем вечное присутствие маленькой калеки? Не станет ли она безмолвным напоминанием о промахе?

Дарзо не мог допустить, чтобы мальчик из-за ее гибели уничтожил сам себя.

Хрип придал ему решимости. Убивать ее он не станет и даже не подумает трусливо сбежать, чтобы она умерла в одиночестве. А сделает все, что в его силах, дабы спасти ее. Если девочка все же погибнет, Дарзо будет не виноват. Если выживет, он придумает, как быть с Азотом.

А кто поможет ей?

Солон смотрел в стакан на осадок паршивого, если выражаться мягко, сетского вина. Любой уважающий себя виноторговец на острове постыдился бы подавать такую дрянь даже в день рождения нелюбимого племянника. Осадок этой гадости занимал полстакана. Следовало сказать хозяину, что долго выдерживать это вино не нужно. Самое большее через год оно приходит в негодность.

Солон сделал хозяину замечание и по выражению его лица понял, что говорит об этом не в первый раз. По меньшей мере в третий.

Ну и черт с ним. В конце концов, он платил большие деньги за дурное вино, все надеясь, что после очередного стакана перестанет замечать, насколько оно ужасно. Получалось все наоборот. С каждым стаканом Солон лишь сильнее злился из-за скверного качества. Кто возит такое кошмарное вино через все Великое море? Получали ли поставщики хоть какую-нибудь прибыль?

Опуская на стол следующий серебреник, Солон вдруг понял, что торговцы наживаются за счет скучающих по родине дураков вроде него. От этой мысли или, может, от вина его затошнило. Следовало как-нибудь при случае убедить лорда Джайра вкладывать деньги в настоящие сетские вина.

Солон откинулся на спинку стула и взмахнул рукой, прося принести еще стаканчик. На других посетителей и скучающего хозяина он почти не обращал внимания. Им владела почти недопустимая жалость к самому себе, проявления которой, например, в Логане Джайре следовало нещадно искоренить. Солон проделал весь этот путь, но чего ради? Ему вспомнилась озорная улыбочка Дориана, безотказно сводившая с ума молодых девиц.

— В твоих руках судьба целого королевства, Солон.

— А с какой стати мне печься о Сенарии? До нее — полземли.

— Я ведь не сказал «судьба Сенарии». — Дориан снова улыбнулся проклятой улыбкой. Она тут же растаяла на его губах. — Солон, ты же знаешь, что я не стал бы обращаться к тебе с просьбой, будь у меня другой выход.

— Ты просто не все принимаешь во внимание. Другой выход наверняка существует, надо лишь получше его поискать. Хотя бы расскажи, что мне предстоит сделать. Эх! Ты же прекрасно знаешь, что мне придется оставить. Понимаешь, какую цену я заплачу за это

путешествие.

— Понимаю. — На лице Дориана отразилась боль, какую может испытывать благородный лорд, отправляя своих людей на верную гибель для достижения некой великой цели. — Ты нужен ему, Солон…

Воспоминания Солона резко оборвались, едва он почувствовал, как к его спине приставили кинжал. Он резко выпрямился, выплескивая на стол осадок из седьмого по счету стакана.

— Довольно, приятель, — произнес ему на ухо чей-то голос. — Я знаю, кто ты такой. Мне нужна твоя помощь. Пойдем со мной.

— А если я откажусь? — спросил растерянный Солон.

Кто мог знать, что он здесь?

— Попробуй, — с ухмылкой сказал голос.

— И что тогда? Ты убьешь меня в присутствии пяти свидетелей? — спросил Солон.

Вообще-то он никогда не позволял себе выпивать зараз более двух стаканов. А сегодня, как назло, расслабился. Кто, черт возьми, у него за спиной?

— Предполагается, что ты умен, — сказал незнакомец. — Я знаю, кто ты, но угрожаю тебе. Стало быть, вполне готов тебя убить. Неужто ты в этом сомневаешься?

Солон вспыхнул.

— Если уж я захочу, никто не помешает мне…

В его спину снова ткнулось острие кинжала.

— Хватит болтать. Тебя отравили. Делай, что я говорю, тогда получишь противоядие. Еще вопросы будут?

— Вообще-то…

— Хочешь убедиться в том, что я не лгу? Сейчас от яда у тебя зачешется шея и подмышки.

— А! Это, случайно, не корень ариаму? — произнес Солон, быстро соображая, как ему быть. Врал незнакомец или говорил правду? Зачем ему понадобился Солон?

— Зачешутся и некоторые другие места. Предупреждаю в последний раз.

У Солона внезапно защекотало плечо. Проклятье. С ядом из корня ариаму он мог справиться и без противоядия, однако…

— Чего тебе нужно? — спросил он.

— Пойдем со мной. Не поворачивайся и помалкивай.

Солон пошел к выходу, чуть-чуть качаясь. Незнакомец сказал: «Я знаю, кто ты такой». Это могло бы означать: «Мне известно, что ты сетец», если бы он не добавил: «Предполагается, что ты умен». О сетцах много чего болтали, хорошего и дурного, но сообразительности большинству из них недоставало.

Как только Солон вышел на улицу, вновь почувствовал легкий тычок кинжалом в спину. Незнакомец вытащил меч из Солоновых ножен.

— В этом нет особой необходимости, — сказал заложник. — Говори, что нужно делать.

Показалось ему или нет, что шея чешется?

Отравитель провел его на зданий двор, они забрались на лошадей, поскакали на юг, пересекли Ванденский мост и очутились в Крольчатнике. Солон не думал, что незнакомец кружит умышленно, чтобы его запутать, но вскоре совсем перестал понимать, куда они держат путь. Проклятое вино!

Наконец они остановились напротив одной из лачуг. Солон медленно слез с лошади и следом за незнакомцем вошел внутрь. На отравителе был широкий и длинный серо-черный плащ, его голову покрывал капюшон. Солон мог видеть лишь то, что человек этот высокий, предположительно худой, но жилистый. Он кивнул на дверь. Солон вошел в комнату.

Ему в нос ударил запах свежей крови. На низкой кровати лежала, почти не дыша, маленькая девочка с чудовищным месивом вместо лица. Солон отвернулся.

— Она при смерти. Я ничем не смогу ей помочь.

— Я сделал все, что было в моих силах, — произнес незнакомец. — Теперь и ты прими

возможные меры. Я приготовил все, что тебе понадобится.

— Не знаю, что ты обо мне слышал, но это неправда. Я не целитель!

— Если она умрет, умрешь и ты.

Солону казалось, он чувствует, насколько тяжел взгляд незнакомца. Тот внезапно развернулся и вышел.

Солон посмотрел на закрывшуюся дверь. В его душе двумя темными волнами поднималось отчаяние. Он тряхнул головой, стараясь взбодриться. Им владели хмель и усталость, его отравили, кожа зудела, а достойным целителем он себя никогда не считал. Дориан сказал, что кто-то из сенарийцев в нем нуждается. Стало быть, прощаться с жизнью Солону было рановато.

Если, конечно, его миссия не заключалась лишь в том, чтобы помочь Логану преодолеть страх перед матерью.

С предсказаниями всегда так — ничего нельзя определить наверняка. Солон опустился на колени перед кроватью и принялся за работу.

11

Мамочка К. закинула ногу за ногу. Иные люди непроизвольно ерзают на стуле, Мамочка К., куртизанка с большим стажем, непроизвольно принимала обольстительные позы. С фигурой, которой большинство ее девочек могли лишь позавидовать, она выглядела самое большее на тридцать, однако своего истинного возраста никогда не стыдилась, поэтому, празднуя сорокалетие, устроила большой шумный праздник. Лишь единицы из тех, кто сказал ей в тот вечер: «Ты выглядишь лучше всех», кривили душой. Гвинвера Кирена была куртизанкой столетия. Дарзо слышал по меньшей мере о дюжине дуэлей из-за нее, столько же лордов просили ее руки, но Гвинвера Кирена не желала зависеть от мужчины, ибо знала мужчин как никакая другая женщина.

— Ты сам не свой из-за него, из-за этого Азота? — спросила Мамочка К.

— Нет.

— Лжешь.

Полные алые губы растянулись в улыбке, обнажая прекрасные зубы.

— Как ты догадалась? — спросил Дарзо почти равнодушным голосом, хоть и действительно был сам не свой. Все складывалось не так, как он предполагал.

— Ты пялишься на мою грудь, а видишь во мне женщину, лишь когда очень увлечен своими мыслями и забываешь притворяться безразличным. — Мамочка К. вновь улыбнулась. — Не переживай. Если честно, мне это даже нравится.

— Может, прекратишь?

— Ты более обыкновенный, чем тебе кажется, Дарзо Блинт. А спасаешься, если тебе совсем невмоготу, тремя путями. Сказать, какими, мой сильный и грозный убийца?

— Клиентов ты развлекаешь такими же разговорами?

Дарзо хотел задеть собеседницу за живое и с опозданием осознал, что подобные вопросы для шлюхи — привычное дело. Наверняка Мамочка К. слышала их достаточно часто и выработала в себе способность не придавать им большого значения.

Она даже глазом не моргнула.

— Нет. Но был у меня один трогательно щедрый барон, которому нравилось думать, что я его нянька, а он шаловливый ребенок. С ним я…

— Пощади мои уши!

Остановить Мамочку К. было невозможно. Она рассказывала о бароне целых десять минут, не опуская ни малейшей подробности.

— Так чего же ты хочешь, Дарзо? Теперь ты уставился на свои руки.

Она все верно говорила. Дружба с Гвинверой могла повлечь за собой массу неприятных последствий, но ее советы дорогого стоили. Проницательнее ее Дарзо не знал никого на всем белом свете, и она была куда умнее его.

— Не знаю, что мне делать, Гвинвера. — Он помолчал и наконец поднял глаза.

— С мальчиком? — спросила она.

— По-моему, в нем нет того, что мне требуется.

Когда Азот вышел из-за угла, Крыс сидел на заднем крыльце развалины, которую цеховые называли домом. При виде мерзавца у Азота сжалось сердце. Крыс был один, поджидал Азота, воткнув в землю острие меча и крутя рукоятку. В тех местах, где не темнела ржавчина, сталь поблескивала в свете неполной луны.

Крыс полагал, будто его никто не видит. Выражение его лица играло, как поверхность меча. Азот видел в нем то чудище, каким всегда его знал, то испуганного ребенка-переростка. Шаркая ногами, Азот двинулся дальше. Проблеск человечности в Крысе больше напугал и смутил его, нежели успокоил. А успокоения он больше не ждал.

Дорожка ужасно воняла. Цеховые пользовались этой тропой как общей уборной. Азоту было плевать, вляпается ли он в дерьмо. У него внутри царила жуткая пустота.

Крыс поднялся с крыльца и, улыбаясь жестокой улыбкой, указал острием меча на шею Азота:

— Стоять!

Азот вздрогнул.

— Крыс, — произнес он и проглотил слюну.

— Больше ни шага, — приказал мучитель. — У тебя самодельный нож. Дай его сюда.

Азот чуть не плакал. Достав из-за пояса нож, он протянул его Крысу рукояткой вперед.

— Послушай… я не хочу умирать. Прости… Я сделаю все, что ни пожелаешь. Только не трогай меня.

Крыс взял нож.

— Признаю, он смышленый, — сказал Дарзо. — Но одного ума тут мало. Ты не раз его видела, вместе с остальными цеховыми детьми. Как по-твоему, в нем достаточно?..

Он щелкнул пальцами, пытаясь подобрать нужное слово.

— Большинство из них я вижу только зимой. Весной, летом и осенью они спят на улице. Я даю им лишь крышу над головой, Дарзо, отнюдь не дом.

— Ты видела его.

— Да, видела. — Мамочка К. прекрасно помнила Азота.

— Достаточно ли он изворотлив, Гвинвера?

Крыс засунул нож за пояс и обыскал Азота. Другого оружия при нем не оказалось. Страх Крыса улетучился, ему на смену пришло торжество.

— Не трогать тебя? — Он нанес Азоту удар слева.

Тот пролетел над землей, приземлился в грязь и медленно встал. На его ладонях и коленях алела кровь. «Мелюзга, — подумал Крыс, мысленно смеясь над самим собой. — И чего я испугался?»

В глазах Азота горел страх. Окутанный тьмой, он лил слезы и хныкал.

— Мне придется тебя наказать, — сказал Крыс. — Ты сам меня вынудил. Я хотел, чтобы все было иначе. Хотел, чтобы ты был со мной добровольно.

Азот вернулся в цех и так совсем убитый. Но Крысу этого было мало. Ему хотелось, чтобы Азотово унижение не проходило никогда.

Он шагнул вперед, схватил Азота за волосы и, дернув за них, заставил его встать на колени. Азот визжал, что доставляло Крысу радость.

Страсть к удовольствию, которым он собирался потешиться, возникла в нем благодаря Нефу. Не то чтобы Крыс предпочитал мальчиков девочкам. Особой разницы между теми и другими он не ощущал. Просто Неф объяснил ему, что для уничтожения чувства чьего-либо собственного достоинства оружия надежнее не существует.

Теперь это издевательство было у Крыса одним из самых любимых. Девчонок мог

напугать кто угодно, а мальчишки больше никого не боялись так, как Крыса. Они смотрели на Бима, или Уиза, или Пода, или Джарла и содрогались от ужаса. А Крыс с каждым разом все больше и больше входил во вкус. Один вид стоящего на коленях Азота, с круглыми от страха глазами, действовал на Крыса возбуждающе. Это было самое приятное: наблюдать, как буря протеста в его жертве ночь за ночью сходит на нет, потом вспыхивает вновь и угасает навсегда.

— Идеальный убийца должен уметь забывать обо всем на свете, — сказал Дарзо. — Даже о себе. Чтобы стать мастером нашего дела, нужно быть готовым подстраиваться под каждое отдельное убийство. Ну, ты понимаешь, Гвинвера. Правильно?

Мамочка К. снова положила ногу на ногу.

— Понимание — главное, чем куртизанки отличаются от шлюх. Мне приходится ставить себя на место каждого мужчины, который сюда приходит. Если я понимаю мужчину, тогда знаю, как доставить ему удовольствие, как управлять им, чтобы он стремился еще и еще раз купить мою любовь, чтобы чувствовал себя соперником других моих клиентов и при этом не ревновал меня к ним.

— Убийце точно так же следует понимать своих жертв, — сказал Дарзо.

— Азот, по-твоему, на это не способен?

— Нет, почему же. На это — способен. Но когда ты прекрасно узнаешь человека, когда побываешь в его шкуре, пройдешься в ней милю-другую, непременно прикипаешь к нему душой…

— Это не настоящая любовь, — тихо произнесла Гвинвера.

— В то мгновение, когда убийца влюбляется в жертву, он должен ее убить.

— Вот что не по силам Азоту.

— Он слишком мягок.

— Даже теперь? Даже после того, что случилось с его маленькой подружкой?

— Даже теперь.

— Ты прав, — сквозь слезы сказал Азот, глядя на возвышавшегося над ним, залитого лунным светом Крыса. — Я знал, чего ты хочешь, и сам хотел того же, просто… не решался. Теперь же я готов.

Крыс смотрел на него с легким сомнением во взгляде.

— Я даже подыскал для нас подходящее местечко… — Азот резко умолк. — Это не столь важно. Можно заняться этим и здесь. — Взгляд Крыса оставался напряженным, но угадать его чувства было невозможно. Азот медленно поднялся, не отдаляясь от мучителя ни на шаг. — Давай же, прямо здесь. Пусть нас слышит весь цех. Пускай все-все узнают!

Азота всего трясло, и он не мог ничего с собой поделать. Отвращение пронзало его разрядами молнии, но ему удавалось прикидываться, что эта дрожь всего лишь от неуверенности.

«Нет, я этого не вынесу, — думал он. — Не вынесу. Лучше пусть убьет меня. Я вытерплю все, что угодно, только не это…»

Ему вдруг стало ясно, что если он сию секунду не заглушит свои мысли, то пропадет.

Поднявшись на цыпочки, он протянул дрожащую руку к щеке Крыса и поцеловал его.

— Нет! — воскликнул тот, ударяя Азота. — Все будет по-моему.

— Чтобы стать мастером этого дела, надо забыть о каких бы то ни было ценностях, пожертвовать… — Голос Дарзо оборвался.

— Всем? — спросила Гвинвера. — Хочешь сказать, что у тебя это всегда получалось? Моя сестра бы возразила, и многословно.

— Вонда мертва, потому что я не такой, каким должен быть, — произнес Дарзо, не глядя на Гвинверу.

Чернота за окном только-только начала светлеть. Гвинвера посмотрела на грустное

щербатое лицо Дарзо, освещенное желтым светом лампы, и ей стало его жаль.

— Ты влюбился, Дарзо. Получается, даже убийцы уязвимы. Любовь — это сумасшествие.

— Любовь — ошибка. Я потерял все, потому что допустил оплошность.

— А что станешь делать, если и Азот оступится? — спросила Гвинвера.

— Позволю ему погибнуть. Или убью его.

— Он тебе нужен, — ласково сказала она. — Ты сам говорил, что благодаря ему получишь ка'кари.

Не успел Дарзо ей ответить, как раздался стук в дверь.

— Войдите! — крикнула Мамочка К.

Из-за двери показалась голова служанки, возможно тоже бывшей жрицы любви, теперь слишком старой для работы в борделе.

— К вам пожаловал мальчик, миледи. Его зовут Азот.

— Пусть войдет, — распорядилась Гвинвера.

Дарзо взглянул на нее.

— Что, черт возьми, он тут делает?

— Понятия не имею. — Гвинвера довольно улыбнулась. — Но полагаю, что если из мальчишки можно сделать настоящего убийцу, значит, он не лишен талантов.

— Проклятье! Я видел его каких-нибудь три часа назад, — сказал Дарзо.

— И что с того?

— И пригрозил, что убью его, если он явится без доказательств. Бросать слова на ветер я не могу, ты знаешь. — Дарзо вздохнул. — Может, ты и права, но у меня нет выбора.

— Он пришел не к тебе, Дарзо. А ко мне. Так что лучше пусти в ход свой трюк с тенью и исчезни.

— Трюк с тенью?

— Не прикидывайся, Дарзо.

Дверь раскрылась, и на пороге появился жалкий окровавленный мальчик. Даже в таком виде — жестоко избитого — Гвинвера узнала бы его из тысячи цеховых крысят. У этого крысенка горел огонь в глазах. Лицо разбито, с губ и с носа капала кровь, но он стоял не горбясь и — то ли потому, что был слишком юным, то ли благодаря редкому уму — смотрел не на полуобнаженную грудь Мамочки К., а прямо ей в глаза.

— В тебе, если сравнивать с остальными, есть что-то особенное, верно я говорю?

Она произнесла эту фразу с утвердительной интонацией.

Азот даже не кивнул. Подстраиваться под нее и отвечать вопросом на вопрос он не мог. В немигающем взгляде горело нечто новое.

Ах да, все понятно, подумала Мамочка К.

— Ты столкнулся с чем-то ужасным?

Азот молча смотрел на нее огромными от ужаса глазами и весь дрожал. Подобные ему невинные создания в Крольчатнике гибли каждый божий день. Вид мальчика пробудил в Мамочке К. что-то давнее, то, что, как ей казалось, навсегда умерло. Она могла не говорить ни слова, просто протянуть Азоту руки, по-матерински тепло обнять его и приютить в своем доме. Скорее всего, этого выросшего в Крольчатнике ребенка никогда в жизни по-настоящему не обнимали. Стоит лишь ласково взглянуть на него, прикоснуться к его щеке, вымолвить слово, и он сам бросится ей на шею и зальется слезами.

«Как поступит Дарзо?» — подумала она. С тех пор как умерла Вонда, не прошло и трех месяцев. Он потерял не просто любимую, а гораздо больше. Гвинвера не знала, суждено ли ему прийти в себя. Неужели он не понимает, что слезы Азота ничуть не ослабят его силы?

Обнять Азота ей хотелось не только ради него самого. Она не могла припомнить, когда в последний раз ласкала кого-нибудь не за деньги.

Что сделает Дарзо, если увидит сейчас проявление настоящей любви? На миг станет обычным человеком или вновь решит, что Азот слишком слаб, и убьет его?

Гвинвера взглянула на мальчика и быстро взвесила все за и против. Нет, рисковать не

следовало. Она отказалась от своей затеи, сложила руки под грудью и спросила:

— Итак, Азот, кого же ты убил?

С Азотова лица капала кровь. Он моргнул; в освободившихся от слез глазах отразился зловещий страх.

— Убил впервые в жизни, — добавила Мамочка К. — Молодец.

— Не понимаю, о чем вы, — протараторил Азот.

— Я прекрасно знаю, как выглядят убийцы, — резко произнесла Гвинвера. — Кого ты убил?

— Мне надо поговорить с Дарзо Блинтом. Это важно. Где он?

— Здесь, — сказал Блинт, появляясь за спиной у Азота. Мальчик вздрогнул. — Раз уж мы встретились, кое-кому придется умереть…

— Он… — Азот взглянул на Мамочку К., явно раздумывая, можно ли разговаривать в ее присутствии. — Он мертв.

— А тело? — строго спросил Блинт.

— Оно… оно в реке.

— Значит, доказательств у тебя нет. Очень удобно.

— Вот доказательство! — прокричал Азот, внезапно разъяряясь.

Он бросил Дарзо то, что держал в руке.

— Ты называешь это доказательством? — спросил убийца, разжимая кулак. На его ладони лежало окровавленное ухо. — А по-моему, это всего лишь ухо. Ты когда-нибудь слышала, чтобы кто-нибудь умер, лишившись уха, а, Гвин?

— Только не впутывай меня в это дело, Дарзо Блинт, — ответила Мамочка К.

— Я покажу вам тело, — пообещал Азот.

— Ты сказал, что оно в реке.

— Да, в реке.

Дарзо задумался.

— Черт возьми, Дарзо! — воскликнула Мамочка К. — Иди же с ним. Он этого заслуживает.

Когда они добрались до лодочной мастерской, солнце уже стояло высоко над горизонтом. Дарзо вошел внутрь один, вышел через десять минут, раскатал мокрый рукав и сказал, не глядя на Азота:

— На нем нет одежды. Он что…

— Я накинул ему петлю на ногу, прежде чем… прежде чем… В общем, он не успел.

Азот рассказал обо всем — чужим холодным голосом. Теперь, когда ночь растаяла, будто страшный сон, он не мог поверить в то, что сделал. Казалось, несколько часов назад здесь был кто-то другой. Дарзо, слушая, смотрел на него так, как не смотрел еще никто прежде. И, наверное, жалел его. Впрочем, Азот не мог знать наверняка. Сталкиваться с настоящей жалостью ему не доводилось.

— Кукла выживет? — спросил он.

Дарзо положил руки ему на плечи и заглянул в его глаза.

— Не знаю, мальчик. Она была ужасно плоха. Я разыскал лучшего в городе целителя и надеюсь, что он ей поможет. — Блинт, моргая, отвел взгляд в сторону. — Что ж, я даю тебе последний шанс.

— Еще одно испытание? — Плечи Азота опустились. Говорил он тихим и слабым голосом, даже на гнев у него не хватало сил. — Нет, так нечестно. Я сделал все, что вы велели!

— Испытаний больше не будет. Я даю тебе последний шанс подумать. Да, ты сделал все, что я велел. Но готов ли ты к такой жизни? Может, тебе просто надоело болтаться по улице? Я подарю тебе суму серебреников и отдам в ученики к мастеру по изготовлению луков и стрел или к травнику, что живет на восточном берегу. Если станешь учиться у меня, лишишься всего. Как только ты займешься этим делом, навсегда превратишься в другого

человека. В одиночку. И будешь совсем не таким, как теперь. Навсегда. Это еще не самое страшное. Не подумай, будто я хочу запугать тебя. Впрочем, может, и хочу. Но я не преувеличиваю. И не лгу. Самое страшное в том, что общаться тебе будет позволено лишь с веревками, а любить — только арканы. Если ты станешь работать со мной, должен будешь навек отречься от любви. Понимаешь, что это значит?

Азот покачал головой.

— Это значит, что иметь женщин ты сможешь без счета, но не должен влюбляться ни в одну из них. Я не позволю тебе погибнуть из-за девчонки. — Голос Дарзо зазвучал жестко. Его руки вцепились в плечи Азота, точно когтистые лапы, глаза сделались звериными. — Понимаешь?

— А как же Кукла? — спросил Азот. Наверное, его подвела усталость. Еще не закончив фразу, он осознал, что не следовало упоминать о подруге.

— Тебе сколько? Десять? Одиннадцать? Думаешь, ты ее любишь?

— Нет. — Ответ прозвучал неубедительно.

— Если она уцелеет, я непременно скажу тебе об этом, но если ты решишь жить так же, как я, тогда должен забыть о ней. Понял? Иди в ученики к изготовителю стрел и луков или к травнику, и можешь видеться с ней, сколько душе угодно. Прошу тебя, мальчик, воспользуйся этой возможностью. Скорее всего, это твоя последняя надежда на счастье.

«Счастье? — подумал Азот. — Я буду счастлив, лишь когда перестану дрожать от страха».

Блинт не боялся никого. Более того — нагонял жуть на других. Его имя везде произносили с благоговейным ужасом.

— Если пойдешь со мной, — сказал Блинт, — то, клянусь ночными ангелами, будешь полностью зависеть от меня. Как только мы начнем, ты станешь убийцей или умрешь. Третьего не дано — Са'каге этого не допустят. Если передумаешь, я разыщу тебя через несколько дней и отвезу к твоему новому хозяину.

Блинт до сих пор потирал все еще влажные руки, будто пытаясь прогнать с них остатки соприкосновения с тем, что произошло накануне ночью. Внезапно развернувшись, он удалился в тень аллеи.

Азот отошел от стены, у которой будто от чего-то прятался, и взглянул туда, где в сотне шагов, в конце улицы, темнела развалина — дом цеховых. Может, не следует идти сейчас с Блинтом? Крыса больше нет. Не вернуться ли к былой жизни?

А что дальше? Возглавить цех он не сможет. Джа'лалиэль умирает. Джарл и Кукла изувечены. Никто не встретит Азота как героя. Во главе цеха теперь встанет Рот или еще кто-нибудь из больших. И Азот будет по-прежнему дрожать от страха.

«Но ведь он пообещал, что определит меня в ученики! Верно, пообещал… Черт, всем известно, что взрослым доверять нельзя…»

Речи Блинта озадачивали. Азоту не понравилось то, что душегуб сказал про Куклу, но вместе с тем он увидел в нем нечто новое. Блинта волновала судьба Азота. Какой-то частью души знаменитый убийца определенно желал для мальчика лучшей доли.

Азот не считал, что Кукла, лишившись привлекательности, стала никчемной. И не был уверен в том, что может снова кого-нибудь убить. Не знал и того, как будет обращаться с ним Блинт. Но то, что мальчик увидел в убийце, показалось ему гораздо более ценным и значимым, чем все его страхи и сомнения.

В конце улицы из дома цеховых вышел Джарл. Увидев Азота, он заулыбался. Его белые зубы засверкали в свете солнца, выделяясь на фоне ладешской кожи. Заметив кровь на заднем крыльце и отсутствие Крыса, все, по-видимому, догадались, что мучитель мертв. Джарл взмахнул рукой и торопливо пошел к Азоту.

Азот повернулся к лучшему другу спиной и шагнул в тенистую прохладу аллеи.

— Добро пожаловать домой!

В голосе мастера Блинта звучали нотки сарказма, но Азот, околдованный последним словом, не слышал их. Собственного дома у него никогда в жизни не было.

Обиталище Дарзо Блинта ютилось в самом сердце Крольчатника, рядом с руинами старого храма. Азот рассматривал дом широко раскрытыми от удивления глазами. Снаружи он выглядел обыкновенной лачугой, внутри оказалось несколько немаленьких комнат.

— Здесь ты будешь тренироваться, — сказал Блинт, задвигая, отодвигая и вновь задвигая каждый из трех дверных засовов.

Комната была просторная и изобиловала мишенями, набитыми соломой подушками, всевозможным тренировочным оружием, подвешенными над полом балками, диковинными треногами с деревянными приспособлениями, канатами, веревками, крюками и лестницами.

— И научишься пользоваться всем этим.

Блинт указал на расставленное вдоль стен четко выделявшееся на белом фоне оружие разнообразной формы и размеров. Тут были простенькие кинжалы, громадные мясницкие топоры, ножи с кривыми и прямыми клинками, мечи обычные и обоюдоострые, одноручные и двуручные, всевозможных цветов, изготовленные из разных видов стали. На клинках мечей скалили пасти шипы, крюки и зазубрины. С кинжалами и ножами соседствовали булавы, цепы, топоры, боевые молоты, дубинки, шесты, опоры, серпы, копья, стрелы, гарроты, цепи, большие и малые луки, арбалеты.

Следующая комната производила не менее сильное впечатление. Вдоль таких же белоснежных стен здесь висели разного рода маскировочные принадлежности и высились этажерки с книгами и пузырьками. Книжки пестрели хвостиками закладок. Огромный стол был заставлен посудой, наполненной цветками, семенами, листьями, грибами, жидкостями и порошками.

— Это основные компоненты для большинства известных ядов. Как только Мамочка К. научит тебя читать, ты прочтешь и выучишь многое, что написано в моих книгах. Отравление — искусство. Необходимо развивать его в себе.

— Да, сэр.

— Через пару лет, когда твой *талант* окрепнет, я научу тебя применять магию.

— Магию?

На Азота наваливалась усталость.

— Думаешь, я принял тебя из-за красивых глаз? Волшебство в нашем деле — одно из главных орудий. Нет *таланта,* нет и убийцы.

Азота затрясло, и он чуть не упал. Мастер Блинт подхватил его за спину, прикрытую ветхой рубахой, и повел в следующую комнату. Тут лежал единственный соломенный тюфяк, но Блинт прошел мимо него и остановился лишь перед крошечным камином.

— Первые убийства самые тяжелые, — сказал он. Его голос прозвучал будто издалека. — Быть может, на этой неделе ты не раз поплачешь. Но лей слезы, лишь когда меня не будет рядом. Понял?

— Я не стану плакать.

— Конечно. А теперь ложись и поспи.

— Жизнь бессмысленна. Когда мы у кого-нибудь ее отнимаем, мы не берем ничего ценного. Мы убийцы. Вот в чем наша задача. Вот кто мы такие. Поэзии в нашем горьком деле нет ни капли, — сказал Блинт.

Очевидно, пока Азот спал, Блинт куда-то уходил, потому что сейчас он вручил ученику небольшой меч, которого среди оружия не было, — вполне подходящий размерами для одиннадцатилетнего мальчика. Азоту сделалось не по себе.

— Нападай на меня, — велел Блинт.

— Что?

Мастер ударил Азота по голове плоской стороной клинка.

— Я приказываю, ты подчиняешься. Без промедлений. Ясно?

— Да, сэр.

Азот встал на ноги и, потирая висок, поднял с пола меч.

— Нападай, — распорядился Блинт.

Азот яростно рванул вперед. Но всякий раз, когда он бросался на Блинта, тот ловко отражал удары или увертывался, и Азот падал, ибо атаковал противника изо всех сил. Блинт все это время давал указания:

— Мы не красуемся, мы убиваем. — Он блокировал удар, и меч Азота с грохотом полетел на пол. — Поднимай. — Блинт снова приблизился к Азоту, и бой продолжился. — Не играй в глупые игры. Не стремись убивать красиво, единственным ударом. Нанеси жертве двадцать ранений, пусть она ослабнет и упадет от кровопотери. Тогда прикончи ее. Не думай о красоте. Наше дело — не выставляться, а умерщвлять.

Так началось обучение. На каждом уроке мастер и ученик сражались, занятия сопровождались бесконечными монологами, а в самом конце подводились итоги.

В кабинете Блинт говорил о другом:

— Никогда не пробуй смерть на вкус. В каждом здешнем кувшине, в каждой склянке — погибель. Если работаешь со смертью, значит, можешь выпачкаться порошком или мазью. Никогда не облизывай пальцы. Никогда не подноси их к глазам. Мой руки этой жидкостью, а потом этой водой, всякий раз над этим тазом. Выливать его содержимое следует в одном и том же месте, я покажу где. Никогда не пробуй смерть на вкус.

На улице Блинт учил:

— Полюби тени… Дыши тишиной… Не привлекай к себе внимания, будь почти невидимкой… Следи за жертвой… Изучай все входы и выходы…

Когда Азот совершал ошибки, Блинт на него не кричал. За неверно отраженный удар ученик получал наказание в виде удара по голени деревянным мечом. А если не мог слово в слово повторить то, что надлежало выучить, зарабатывал шлепок по голове.

Все было по справедливости. Но Азот не мог расслабиться ни на минутку. Допусти он слишком много ошибок, и мастер Блинт, пусть и в своей манере бесстрастно, просто-напросто прикончит ученика. Все, что от него потребуется, — лишь посильнее ударить. Азот не успеет сообразить, что сплоховал, как поймет, что умирает.

Ему не раз приходило в голову остановиться. Однако пути назад не было. Он не единожды подумывал сам убить Блинта. Однако любая попытка грозила смертью. Случалось, Азоту хотелось поплакать. Но он поклялся, что не будет лить слез, и был верен слову.

— Мамочка К., а кто такая Вонда? — спросил Азот.

После урока чтения и перед занятиями по политике, истории и придворному этикету Мамочка К. сделала перерыв и распорядилась принести им по чашечке оотая. Азот целое утро тренировался с Блинтом, а теперь битый час постигал науки. От усталости у него непрестанно ныло все тело, но за ночь изможение как рукой снимало, и он просыпался бодрым, забыв о вчерашней дрожи. Подрывающий силы и изводящий говорок голода теперь был для него лишь дурным воспоминанием.

Роптать Азот не смел. Он знал, что его тотчас отправят обратно.

Мамочка К. ответила не сразу.

— Вопрос этот очень деликатный.

— Значит, вы ничего мне не расскажете?

— Не хотела бы. Тем не менее расскажу, поскольку думаю, что ты должен знать, а тот, кто обязан открыть тебе секрет, никогда этого не сделает. — Она помолчала, прикрыла глаза и продолжала ровным голосом: — Вонда была возлюбленной Дарзо. Дарзо обладал настоящим сокровищем, но оно понадобилось королю-богу Халидора. Помнишь, что я тебе рассказывала о Халидоре?

Азот кивнул.

Мамочка К. широко раскрыла глаза и приподняла брови. Азот скривился и заговорил:

— Халидорцы — наши северные соседи. Они всегда считали, что Сенария и большая часть Мидсайру принадлежит им, однако присвоить эти земли не могут, потому что отец Логана на Воющих ветрах.

— Перевал там прекрасно защищен, — подсказала Мамочка К. — Как же смотрят на положение дел северяне?

Азот взглянул на нее растерянно, и она продолжила:

— Халидорцы могли бы обойти горы, но не делают этого, потому что…

— Потому что мы того не стоим. У нас всем заправляют Са'каге.

— Сенария продажна, наша главная казна пуста, с юга на нас постоянно нападают кьюрцы, нашими восточными землями владеет Лэ'нот, а они ненавидят халидорцев больше, чем волшебников. Одним словом, да, мы того не стоим.

— По-моему, я так и сказал?

— Да, ты ответил верно, но не полно. — Мамочка К. сделала еще глоток оотая. Азот решил, что про его первый вопрос она забыла или же надеется, что забыл он. — Чтобы заполучить сокровище Дарзо, король-бог похитил Вонду и предложил сделку: сокровище или жизнь Вонды. Дарзо решил, что сокровище важнее, и его возлюбленная погибла. Но произошло еще кое-что, и Дарзо лишился сокровища. Получилось, что Вонда умерла просто так.

— Вы на него злитесь? — спросил Азот.

Лицо Мамочки К. потемнело, голос зазвучал глухо:

— Это сокровище и впрямь было бесценным, Азот. Будь я на месте Дарзо, быть может, поступила бы точно так же. Только вот… — Она отвернулась. — Вонда была моей младшей сестрой.

13

Солон блокировал алебарду длинным мечом, шагнул вперед и пнул Логанова воина в живот. Несколько лет назад он доставал ногой до головы противника. Наверное, следовало радоваться, что ему вообще удалось одержать победу над стражником Джайров, но это лишь благодаря тому, что он дружил с предсказателем и мастером клинка второго эшелона. «Фир затянул бы длинную песню о том, как я разжирел, — подумалось ему. — И о том, каким стал неповоротливым».

— Милорд, — сказал Уэндель Норт, приближаясь к сражающимся.

Логан прекратил борьбу, в которой проигрывал. К нему подошел Солон. Мажордом окинул гостя настороженным взглядом, но ничего ему не сказал и повернулся к Логану.

— Милорд, ваша матушка только что вернулась.

— Да? А где она была, Уэндель? Гм… то есть, мастер Норт? — спросил юный лорд. Общаться с воинами было проще, но, разговаривая с человеком, который еще неделю назад мог запросто его отшлепать, мальчик нередко смущался. Солон, несмотря ни на что, не позволял себе и намека на улыбку. Пусть леди Джайр принижает сына как хочет. Солон не желал принимать в этом участия.

— Она встречалась и беседовала с королевой.

— О чем?

— О возможности стать полноправной попечительницей.

— Что? — спросил Солон.

— Леди Джайр просит королевского позволения быть герцогиней до тех пор, пока не вернется герцог или пока наш лорд не достигнет совершеннолетия, то есть до двадцати одного года, мастер Тофьюсин. Таковы существующие в этой стране правила.

— Но ведь отец оставил письма, в которых передает свои права мне! — воскликнул Логан. — Король не может вмешиваться в такие дела, если только они не связаны с государственной изменой.

Уэндель Норт нервно поправил очки.

— Вы не совсем правы, милорд.

Солон взглянул на воинов, которые пара за парой прекращали учебные бои и подходили ближе к хозяину.

— Не отвлекаться! — прикрикнул на них Логан, и стражники тотчас вернулись на прежние места.

— Король вполне может приставить опекуна к несовершеннолетнему лорду, если хозяин дома, покинув его, не оставил соответствующих документов, — сказал Уэндель. — Ваш отец написал два письма, в которых передал вам свои полномочия, и отдал одно вашей матушке, а второе мне. Как только я узнал сегодня, куда она направляется, сразу пошел проверить, на месте ли моя копия. Я хранил ее под замком, в надежном месте. Письмо исчезло. Простите, лорд Джайр. — Мажордом покраснел. — Клянусь, я тут ни при чем. Мне казалось, ключ от тайника есть только у меня…

— Что же сказала королева? — поинтересовался Солон.

Уэндель моргнул. Солон догадался, что мажордому все известно, но он не хочет рассказывать гостю, насколько ладно работает его команда подсматривающих и подслушивающих. Мгновение-другое помедлив, Уэндель ответил:

— Вопрос может решиться довольно быстро и просто, однако король не позволяет королеве самостоятельно принимать решения. Когда она разговаривала с вашей матушкой, он перебил их и сказал, что займется этим делом сам. Простите, но я не знаю, что это значит.

— А я, кажется, знаю, — пробормотал Солон.

— Что? — спросил Логан.

— Кто ходатай по делам вашей семьи?

— Я первый спросил, — возмутился Логан.

— Молодой человек!

— Граф Римболд Дрейк, — немного мрачнея, ответил Логан.

— Нам нужно побеседовать с графом Дрейком. Немедленно.

— А обуваться обязательно? — спросил Азот.

Он не любил носить башмаки. В них невозможно определить, насколько скользкая грязь под ногами, и потом они вечно жмут.

— Нет, совсем не обязательно. Явишься к графу Дрейку в приличном платье и босиком! — сказал Дарзо.

— Серьезно?

— Конечно нет.

Азот всю жизнь завидовал сыновьям торговцев и лордов, которых видел на рынке, однако ни разу не задумывался о том, насколько неудобна их одежда. Но теперь Дарзо его хозяин и уже начал злиться, потому что Азот, собираясь, слишком долго возился. Пришлось умолкнуть и смириться с судьбой. Он жил у Дарзо еще не так долго и до сих пор боялся, что ему укажут на дверь.

Они отправились по Ванденскому мосту в восточную часть города. Азот будто вступал в новую жизнь. Он никогда даже не пытался пересечь мост и не верил тем цеховым крысятам, которые заявляли, будто им это удалось, потому что мост охраняли стражники. На восточном берегу не было ни развалин, ни бесхозных зданий.

По здешним улицам не слонялись попрошайки. И пахло тут совсем по-другому — чем-то чужим, незнакомым. Запаха скотных дворов Азот совсем не чувствовал. Даже система сточных канав на этом берегу действовала иная. На главных улицах их вообще не было. Жители не выплескивали помои и нечистоты прямо из окна, чтобы те мало-помалу стекли, куда следует, а несли их туда, где по краям мощеных улиц тянулись аккуратные каменные каналы. Словом, тут можно было не бояться вляпаться в какую-нибудь мерзость. Самым же странным и тревожным казалось то, что и от людей здесь пахло противоестественно. От мужчин не несло потом и тяжелым трудом. Женщин сопровождала лишь легкая дымка духов, а не густое облако, смешанное со стойкими запахами пота и

похоти. Азот поделился своими мыслями с Дарзо. Тот ответил:

— Над тобой еще работать и работать.

Они прошли мимо длинного здания, из труб которого валил дым. Из парадных дверей выходили сияющие чистотой и идеально причесанные люди. Азот не осмеливался ни о чем спрашивать.

— Это купальня, — объяснил Блинт. — Еще одно заимствование у кьюрцев. Только у нас, в отличие от них, мужчины и женщины моются в таких местах отдельно. Если не считать купальни Мамочки К., конечно.

Хозяйка «Подвыпившей распутницы» поприветствовала Блинта, назвав его мастером Тулии. Он ответил ей с непривычным акцентом и странно беспечным голосом и попросил подать карету.

Когда тронулись в путь, Азот спросил:

— А куда мы едем? И кто такой этот граф Дрейк?

— Один мой старый приятель. Человек благородного происхождения, но на жизнь ему приходится зарабатывать собственным трудом. Он ходатай по делам.

На лице Азота отразилось недоумение.

— Ходатай — это тот, кто совершает в рамках закона куда более изощренные нарушения, чем мошенники, чьи действия ничем не защищены. Впрочем, несмотря ни на что, граф Дрейк — человек хороший. С его помощью я сделаю так, что из тебя выйдет толк.

— Мастер? — произнес Азот. — А что с Куклой?

— Теперь это не твоя забота. Больше никогда о ней не спрашивай. — С минуту они ехали молча. Наконец Дарзо добавил: — Состояние ее тяжелое, но жить она будет.

До тех пор пока их не провели в небольшое графское имение, он больше не произнес ни слова.

Граф Дрейк оказался человеком лет сорока, с добрым лицом. Из жилетного кармана выглядывало пенсне. Закрыв за пришедшими дверь, он, прихрамывая, прошел к заваленному стопками бумаг столу и сел на стул.

— В жизни бы не подумал, что когда-нибудь ты возьмешь ученика, Дарзо, — сказал он. — Насколько помню, ты даже многословно клялся, что ничего подобного не случится.

— Я и сейчас не отказываюсь от тех своих слов, — угрюмо произнес Дарзо.

— Стало быть, ты либо чертовски умен, либо говоришь сам не знаешь что.

Граф Дрейк неожиданно улыбнулся. В улыбке не было ни угрозы, ни какого-либо расчета.

К великому удивлению Азота, улыбнулся и Дарзо.

— До тебя все никак не доберутся.

— А что, кто-то пытается? Мне казалось, в последнее время обо мне позабыли.

Дарзо рассмеялся. Азот чуть не упал со стула. Он и не подозревал, что его хозяин на такое способен.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал Дарзо.

— Я к твоим услугам.

— Я бы хотел, чтобы этот мальчик стал другим человеком.

— Что ты имеешь в виду? — спросил граф Дрейк, с любопытством рассматривая Азота.

— Пусть будет из благородных. Относительно бедный. Тем, кого приглашают на званые вечера, но не считают важными птицами.

— Гм… — протянул граф Дрейк. — Значит, сделаем его третьим сыном барона. Станет чистокровным аристократом, но не будет представлять собой ничего особенного. Или нет, подожди-ка. Лучше восточным бароном. Мои троюродные братья живут в двух днях езды от Гавермера. Большую часть их земель захватили лэ'нотцы. В общем, если хочешь, чтобы никто не сомневался в подлинности его происхождения, пусть он будет Стерном.

— Да, пожалуй.

— Имя? — спросил граф Дрейк, глядя на Азота.

— Азот.

— Не настоящее имя, мальчик, — объяснил граф. — А новое.

— Кайлар, — сказал Дарзо.

Граф достал чистый лист бумаги и надел пенсне.

— Назови по буквам.

Дарзо произнес имя по буквам, ходатай записал его и улыбнулся.

— Каламбуришь?

— Ты меня знаешь, — сказал Дарзо.

— Нет, Дарзо, тебя никто толком не знает. А имя несколько зловещее, не находишь?

— Но прекрасно ему подходит.

Азот в сотый раз почувствовал себя не только глупым ребенком, еще и чужаком. Казалось, чего ни коснись, всюду прятались загадки, отгадок к которым он не знал, тайны, постичь которые было ему не по силам. Сейчас, в отличие от разговоров Дарзо с Мамочкой К. о чем-то, называемом ка'кари, о махинациях Са'каге, о придворных интригах, о магии, о выдуманных созданиях с севера, которые, как утверждал Дарзо, существовали в действительности, или о других, которых, по его мнению, на самом деле не было, или о богах и ангелах — про них Дарзо ничего не рассказывал, даже если Азот спрашивал, — сейчас обсуждали его имя. Азот было отважился потребовать объяснений, но взрослые уже беседовали о чем-то другом.

Граф спросил:

— Насколько они должны быть надежными? И когда ты хотел бы их получить?

— Надежными — насколько это возможно. Когда получить? Чем скорее, тем лучше.

— Я так и подумал, — сказал граф. — В надежности бумаг можешь не сомневаться. Никто ничего даже не заподозрит, если только сюда не пожалуют настоящие Стерны. И еще: тебе, естественно, придется обучить его хорошим манерам.

— Не придется.

— Но ведь… — Граф оборвал себя на полуслове, прищелкнул языком, поправил на носу пенсне и взглянул на Азота. — А, понятно. Когда он здесь поселится?

— Через несколько месяцев, если еще будет жив. Сначала надо кое-чему его научить. — Дарзо выглянул в окно. — Кто это?

— Это? Юный лорд Логан Джайр, — ответил граф. — В один прекрасный день он станет славным герцогом.

— Нет, я спрашиваю про сетца.

— Не знаю. Я вижу его впервые в жизни. Выглядит как советник.

Дарзо выругался, схватил Азота за руку и почти потащил его к двери.

— Готов мне подчиняться? — потребовал он.

Азот часто закивал.

— Видишь этого мальчика?

— По-вашему, он еще мальчик?

На молодом человеке, которого граф назвал Логаном Джайром, были зеленый плащ с черным кантом, начищенные до блеска черные сапоги из мягкой кожи и хлопковое платье. На боку висел меч. В эту минуту привратник раскрывал перед ним входную дверь. Лицо молодого человека казалось совсем юным, хотя выглядел он на несколько лет старше Азота, ибо был таким высоким, каким Азот, наверное, никогда не станет, мускулистым и широкоплечим, но ничуть не толстым. Азот чувствовал себя в добротной одежде неловким и смешным, Логан смотрелся в ней уверенным в себе красавцем, настоящим лордом. Взглянув на него всего лишь раз, Азот ощутил себя бесконечно жалким.

— Вступи с ним в бой. Отвлеки сетца, а я тем временем выскользну вон.

— Логан! — послышался с лестницы девичий голос.

— Сэра! — воскликнул Логан, глядя вверх.

Азот посмотрел на мастера Блинта, но тот уже исчез. На разговоры не было времени. Не имело значения, верно или нет понял Азот распоряжение. Тут и там прятались тайны,

познать которые Азоту пока не разрешалось. Он мог лишь действовать или мешкать, противиться или подчиняться.

Привратник распахнул дверь. Азот спрятался за углом. И вышел, как только Логан, с улыбкой на губах, ступил внутрь.

Они столкнулись, и Азот полетел на спину. Логан чуть не споткнулся о него, но Азот перекатился на бок, и Логан угодил ему ногой в живот.

— Ай!

Логан налетел на лестничные перила.

— Пожалуйста, простите…

— Жирная обезьяна! — Азот, держась за живот, с трудом поднялся на ноги. — Скользкое дерьмо из сточной канавы…

Он резко умолк, вдруг осознав, что ругается, как житель Крольчатника, и выдает себя с потрохами.

— Да я ведь не… — пробормотал Логан.

— Что происходит? — крикнула с лестницы девочка.

Юный лорд Джайр взглянул на нее, виновато краснея. Азот подпрыгнул и ударил его в нос. Голова Логана качнулась назад.

— Логан! — прокричал сетец.

Добродушное выражение исчезло с Логанова лица. Оно превратилось в маску — напряглось, но не исказилось от ярости. Схватив Азота за плащ, Логан приподнял его с пола.

Азот перепугался и, вопя, отчаянно заколотил кулаками по щекам и подбородку противника.

— Логан!

— Перестань! — прокричал лорд Джайр прямо в лицо Азоту. — Перестань же!

Азоту было не остановиться. Напряжение Логана вдруг превратилось в злобу. Он поднял Азота выше и дважды ударил его кулаком под дых. Из легких Азота вмиг вышел весь воздух. Кулачище размером с молот впечатался ему в нос. От ослепляющей боли из глаз брызнули слезы.

Тут его развернули, и он полетел. Крики вокруг звучали дальше и дальше.

Голова Азота врезалась в твердую деревянную дверь. Перед глазами поплыли алые круги.

14

Логан заявил, что должен подняться наверх и помочь графине ухаживать за Кайларом Стерном. Юный лорд был смущен и, по-видимому, не только тем, что потерял самообладание перед хорошенькой дочерью графа Дрейка. Солон за эти десять секунд многое себе уяснил.

Граф Дрейк и Солон остались одни. Граф провел посетителя в свой кабинет.

— Прошу вас, садитесь, — сказал он, опускаясь на стул за столом. — Откуда вы, мастер Тофьюсин?

Солон усмехнулся, не поняв, поддразнивают его или потчуют любезностью.

— Мне впервые задают этот вопрос. — Он указал на себя рукой, будто говоря: «Вы что, не видите, какого цвета моя кожа?»

— Родовых колец на вас нет. Нет и шрамов от них.

— Не все сетцы носят кольца.

— А мне всегда казалось, что все, — сказал граф Дрейк.

— Что вы имеете в виду? К чему клоните?

— Мне интересно, кто вы на самом деле такой, мастер Тофьюсин. Логан Джайр не просто славный молодой человек, к которому я отношусь как к сыну, но с недавних пор еще и лорд одного из самых влиятельных домов в нашей стране. С вами я незнаком, никогда ничего о вас не слышал. Вы появляетесь из ниоткуда и вдруг становитесь советником

Логана. Меня это озадачивает. То, что вы сетец, не столь важно — если вообще сетец. Я провел какое-то время на островах Хоккай и Таугату и знаю, что колец в щеках не носят лишь те сетцы, которых выгнали из клана и из семьи. С другой же стороны, если бы вы были изгоем, тогда кольца вырвали бы с вашего лица, отчего остались бы шрамы, а у вас их нет.

— Ваши познания достойны восхищения, однако они не полные. Я происхожу из дома Тофьюсин, это ветвь королевского рода. Мой отец служил в Шо'сенди.

— С красными магами?

— Да. В Шо'сенди принимают учеников со всех уголков земли. Поскольку у меня не было волшебных талантов, я получал образование вместе с купцами и дворянами, а они не слишком терпимы к чужим традициям. Без колец мне было намного проще. Их отсутствие объясняется и еще кое-чем, но, полагаю, остальные подробности моей судьбы вас не касаются.

— Согласен.

— Что вас привело в Сет? — полюбопытствовал Солон.

— Рабство, — ответил граф. — Прежде чем стать полноправным участником движения, усилиями которого здешние рабы семь лет назад наконец-то обрели свободу, я попробовал действовать менее жестко. И отправился на Хоккай, где надеялся отыскать способ для улучшения рабской жизни.

Дом ходатая для человека благородного, пусть даже всего лишь графа, отличался весьма скромными размерами. В отличие от недавних рабовладельцев стыдиться нажитых богатств ему не приходилось. Судя по всему, он и впрямь был настоящим противником рабства.

— В Сете все совсем по-другому, — сказал Солон. — Год радости все меняет.

— Верно. Я и здесь пытался укоренить подобную практику, даже предложил ввести новый закон, но его тут же видоизменили Са'каге. Они постановили, что рабы будут освобождаться не на седьмом году жизни, а через семь лет после того, как их купят, заявив, мол, так проще, и было бы глупо, если бы хозяин приобретал их шестилетними и через месяц или неделю отпускал на волю. В общем, тогда как у вас через каждые семь лет рабы полностью освобождаются и ликуют, у нас все устроилось так, что шел год за годом, а рабов вообще не отпускали. Более того, их избивали, заставляли принимать участие в «Игрищах смерти», их детей отправляли на детские дворы.

— Я слышал, насколько ужасно с ними обращались, — сказал Солон.

— Эти дворы создали Са'каге. Туда отправляли детей проституток, которые тоже становились рабами, однако могли обрести свободу. Задумка неплохая, но к чему это все привело… Простите, наверное, мне не стоит углубляться в эту тему. То были страшные времена. Когда же наконец появится мальчик?

— Может, начнем без него? — предложил Солон. — Дело наше срочное, а Логан так смотрел на вашу дочь, что, думаю, они заболтались.

Граф усмехнулся.

— Хотите узнать, что я думаю по этому поводу?

— А знает ли об этом герцог Джайр?

— Да. Мы с ним давние друзья. Регнус не желает запрещать мальчику любезничать с девочками, ибо сам всю жизнь страдает от того, при каких обстоятельствах его женили.

— Мне о них ничего не известно. Расскажете? — спросил Солон.

— Не имею такого права. А Логан и Сэра повзрослеют и оставят эти глупости. Что у вас за дело?

— Это связано с леди Джайр.

— С ней будьте осторожны, — посоветовал граф.

— Герцог Джайр оставил вам документы, в которых подтвердил, что на время своего отсутствия передает свои полномочия сыну?

— Он упомянул об этом, но вскользь — слишком торопился. Сказал, бумаги мне передаст его мажордом.

— Леди Джайр похитила письмо, уничтожила его и отправилась к королеве.

— К кому, к кому? — изумленно спросил граф.

— А почему вы так удивляетесь?

— Они недолюбливают друг друга. Зачем леди Джайр поехала к королеве?

— Хочет, чтобы ее назначили опекуншей Логана. Беседу услышал король. Он сказал, что займется этим делом сам. Что это значит?

Граф Дрейк снял пенсне и потер переносицу.

— Это значит, что если король не затянет с решением, то вполне может приставить к Логану опекуна.

— Неужели Катринна Джайр готова возложить на свои плечи столько малоприятных обязанностей?

Граф Дрейк вздохнул.

— По закону король может поставить на Логаново место кого угодно, лишь бы человек этот имел к мальчику какое-то отношение и был благородных кровей. Тогда даже Регнус будет не вправе что-либо изменить. По милости Катринны судьба дома Джайров теперь в руках короля.

— Но ведь вы — ходатай по делам герцога, а вам он сообщил о своих пожеланиях. Неужели это не играет никакой роли? — спросил Солон.

— Играло бы, если бы короля волновало истинное положение дел. Чтобы спасти Джайров, необходимо раздобыть пергамент с их фамильным гербом, большую печать герцога и подделать государственный документ, что отнюдь не безопасно. Через полчаса король устраивает собрание при дворе. Полагаю, делом леди Джайр он займется в первую очередь. У нас нет времени.

Солон откашлялся и достал свернутый трубочкой тяжелый пергамент и большую печать.

Граф Дрейк улыбнулся и взял пергамент.

— А вы мне нравитесь, мастер Тофьюсин.

— Составить текст мне помог Уэндель Норт, — объяснил Солон. — Я подумал, что поставить подпись и печать лучше вам.

Граф Дрейк отыскал среди груды документов письмо герцога, положил его на верхнюю половину поддельного распоряжения об опекунстве, быстрыми уверенными движениями руки безупречно подделал герцогскую подпись, виновато взглянул на Солона и сказал:

— Если желаете, называйте это напоминанием о потраченной впустую юности.

Солон накапал на пергамент сургуча.

— В таком случае да здравствуют растранжиренные юные годы!

— В следующий раз будь попроворней, — сказал Блинт.

Азот, постанывая, приходил в себя.

— Следующего раза, чувствую, не будет. Голова звенит, будто кто-то ударил ее о стену.

Блинт засмеялся второй раз за сегодняшний день. Он сидел на краю Азотовой койки.

— Ты неплохо справился с задачей. Все подумали, что ты взбесился, потому что тебя сбили с ног в присутствии дочери Дрейка, и решили, что не произошло ничего из ряда вон выходящего. Молодой лорд Джайр устыдился, что отделал тебя. По-видимому, этот великан по натуре добряк и умеет до последнего держать себя в руках. То, что ты настолько ниже и меньше его, и то, что Сэра обозлилась на Логана, сыграло в нашу пользу. Словом, все под серьезным впечатлением.

— Под впечатлением? Вся эта схватка — чистой воды глупость.

— В их мире сражаются по строгим правилам. Всякая драка грозит обернуться позором, невыносимой болью и, самое страшное, подпорченной наружностью. Им жутко представить себя со сломанным носом или неприглядным шрамом. О смерти, убийстве они в это время не думают и нередко водят дружбу с теми, с кем познакомились в драке. Тебе тоже

надо будет сделать так, чтобы вы с Логаном стали приятелями, потому что с людьми вроде него после такой стычки можно или крепко сдружиться, или стать заклятыми врагами. Понимаешь, о чем я толкую, Кайлар? Скоро ты станешь другим человеком. Чуть погодя мы всерьез займемся твоим преобразованием.

— Да, сэр. А почему вы не хотели, чтобы вас видел мастер Тофьюсин? Именно поэтому вы велели мне напасть на Логана, правильно? Чтобы я переключил на себя их внимание?

— Солон Тофьюсин — маг. Большинство волшебников не могут определить, наделен ли ты *талантам,* просто посмотрев на тебя. Волшебницы могут. От их взглядов можно защититься, позднее я научу тебя, как это делается. Сегодня у меня было слишком мало времени, а бежать наверх и выпрыгивать из окна не хотелось.

Азот озадачился.

— Он ведь совсем не похож на волшебника?

— С чего ты взял? — спросил Дарзо.

— Гм… Маги в сказках совершенно другие, — сказал Азот первое, что пришло в голову.

— Дело в том, — стал объяснять Дарзо, — что Солон не рассказал о своих волшебных способностях ни Логану, ни кому-либо другому. Помалкивай и ты. Если знаешь чью-то тайну, значит, человек в твоей власти. Тайна — это слабость. У всякого они есть, независимо от…

Голос мастера Блинта внезапно умолк, а взгляд померк и сделался холодным. Он встал и без слов вышел.

Растерянный Азот закрыл глаза и стал размышлять о своем новом хозяине. И о цеховых. Ему было любопытно узнать, что сталось с Джа'лалиэлем. И как поживает Джарл. Но сильнее всего прочего его волновала судьба Куклы.

— Хей-хо, Азо.

— Хей-хо, Джей-о, — ответил Азот.

Он произнес эти слова со всегдашним выражением, однако почувствовал, что внутри у него что-то умерло. В качестве Азота он доживал последние дни. Еще немного, и ему придется стать Кайларом и перемениться во всем — иначе разговаривать, иначе ходить. У него больше не будет возможности навещать с рождения знакомые места в Крольчатнике. Но уже и теперь он ощущал, что Азотов мир исчезает и что с Джарлом им больше не дружить. К лживой истории Кайлара Стерна это не имело никакого отношения, ни при чем тут был и Крыс. Просто все изменилось. Навсегда.

Азот и Джарл, стоя в общей зале, в доме Мамочки К., долго всматривались друг в друга. Близилась полночь. Скоро цеховых крысят выгонят вон. Днем им позволялось проводить здесь сколько угодно времени, на ночь разрешалось оставаться только зимой. И все были обязаны соблюдать установленные Мамочкой К. правила: не затевать драк, не воровать, не заходить никуда, кроме кухни и гостиной, и не приставать ко взрослым, которые приезжали с визитами. Если кто-нибудь из цеховых нарушал эти правила, всей компании запрещалось показываться здесь зимой. Виновник тем самым подписывал себе смертный приговор: за необходимость всю зиму ютиться по сточным канавам цеховые его убивали.

В гостиной постоянно толпилась ребятня. Тут был камин, а пол устилали мягкие ковры, на которых пресладко спалось. Некогда ковры сияли чистотой, теперь на них темнели пятна — следы чумазых крысят. Мамочка К. никогда не гневалась, что терпит убытки, и раз в несколько месяцев велела менять ковры. Тут и там стояли прочные стулья, на которых позволялось сидеть, и пестрели кучи игрушек. Порой Мамочка К. даже приносила угощения. Цеховые свободно играли здесь в карты, болтали и обменивались сплетнями, порой даже с ребятами из других цехов. Дом Мамочки К. был единственным местом, где им разрешалось вести себя более или менее как обычным детям. Лишь тут им не грозили никакие опасности.

Теперь Азот смотрел на все вокруг другими глазами. Еще недавно эта комната казалась

ему пределом мечтаний, а теперь выглядела обыкновенной, обставленной очень просто, заполненной неприглядными игрушками. Все более дорогое и изящное крысята вмиг пачкали или ломали. Не потому, что срывали на ценностях злобу, а просто по неумению обращаться с ними. По сути, гостиная оставалась прежней. Переменился сам Азот. Он — или Кайлар — стоял и недоумевал: неужели они сами не чувствуют, что от них воняет? Неужто им ничуть не стыдно? Или стыдно было ему — признавать, что такой жизнью совсем недавно жил и он сам?

После урока чтения с Мамочкой К. Азот, как обычно, отправился на поиски Джарла. Теперь они стояли друг напротив друга и не знали, о чем говорить.

— Мне нужна твоя помощь, — наконец сказал Азот.

Не имело смысла прикидываться, будто он явился сюда лишь затем, чтобы навестить давнего друга. У него к Джарлу было серьезное дело.

— Моя помощь?

— Я хотел бы узнать, что сталось с Куклой. Где она? И расскажи, как дела у наших.

— А разве тебе не все равно?

— Нет.

Впрочем, судьбы цеховых теперь мало волновали Азота. Он жил совсем другой жизнью.

— Это хозяин тебя побил? — спросил Джарл, глядя на синяки под глазами Азота.

— Нет, я подрался. Хозяин, бывает, бьет меня, но он совсем не то, что…

Его голос резко оборвался.

— Крыс?

— Как он? Продолжает свирепствовать? — спросил Азот, прикидываясь, будто ничего не знает.

— Не валяй дурака. Это ведь ты его убил?

Азот было приоткрыл рот, но, заметив поблизости двух малышей, решил помолчать.

— Блинт заставил тебя прикончить его, чтобы посмотреть, годишься ли ты на роль мокрушника? — спросил Джарл.

— Ты что, с ума сошел?

В ушах Азота прозвучали слова мастера Блинта: «Болтовня подводит. Подводит всегда».

Во взгляде Джарла сквозила горечь. Он долго молчал.

— Не следует мне приставать к тебе с расспросами, Азот. Прости. И спасибо. Крыс… Он отравил мне жизнь. Я до сих пор сам не свой. Его я ненавидел, однако порой… Когда он исчез и я увидел, как ты уходишь с Блинтом… — Джарл моргнул и отвел взгляд в сторону. — Бывает, я и к тебе пылаю ненавистью. Бросил меня совсем одного… Но неправильно это. Ты не сделал ничего плохого. Дурной только Крыс… и я.

Азот не знал, что отвечать. Джарл снова отчаянно моргнул.

— Молчи, Азот! Не говори ничего. — Он кулаками смахнул слезы с глаз. — Чего тебе нужно?

Азоту следовало подобрать слова и утешить Джарла, однако ничего подходящего в голову не приходило. Джарл был его другом, но очень изменился. Изменился и Азот. Теперь ему следовало быть Кайларом, однако он чувствовал себя обманщиком, который мечется между двумя расходящимися мирами и пытается ухватиться хоть за что-нибудь. Крутой поворот, называемый Крысом, привел к тому, что между Азотом и Джарлом образовалась пропасть. Азот боялся даже приближаться к ней и толком не знал, откуда она взялась. Он уже ничего не понимал, сознавал лишь единственное: одно присутствие этой бездны заставляло его чувствовать себя грязным и нагоняло страх. Задав простой вопрос, Джарл позволял Азоту вновь отдалиться. Стоило так же просто ответить и больше ни над чем не ломать голову.

— Кукла, — сказал Азот, чувствуя облегчение оттого, что он покидает друга, и вместе с тем стыдясь этого.

— Эх… — произнес Джарл.

— Ей лучше?

— Она жива. Но неизвестно, вынесет ли все это. Над ней издеваются. Без тебя она стала совсем другой. Я подкармливаю ее, но теперь цех разваливается. Дела идут хуже некуда. Еды не хватает…

«Цех, — подумал Азот. — Я теперь не имею к нему отношения». Он постарался притвориться, что ему ничуть не больно. Воспоминания не должны были мучить его. Вырваться из прежней жизни он хотел больше всего на свете и ушел из нее по доброй воле. Однако внутри у него до сих пор царила пустота.

«…Навсегда превратишься в другого человека. В одиночку. И будешь совсем не таким, как теперь. Навсегда».

— Джа'лалиэль почти покойник. Как выяснилось, Крыс стащил его деньги. Береговая мастерская перешла к «Поджигателю», а остальные намереваются закрыть.

— Намереваются? Кто именно?

Лицо Джарла исказилось.

— Те, кто сейчас хозяйничает в «Черном Драконе». Если хочешь знать, меня оттуда выгнали. Нам всем указали на дверь. Сказали, для любовников Крыса у них нет места.

— Значит, ты теперь вообще не у дел?

Новость потрясла Азота. Цеховые, выброшенные из цеха, становились объектом всеобщих нападок. То, что Джарл до сих пор оставался в живых, то, что умудрялся добывать еду и делился ею с Куклой, поражало и вызывало уважение.

— Какое-то время мы все держались вместе. Нас теперь зовут Извращенцами. Я попробую попроситься в один цех в северной части города. Болтают, будто в скором времени в их владение перейдет целый рынок, — сказал Джарл.

В этом был весь он. Просчитывал каждый свой шаг.

— А Куклу они тоже примут?

Последовало тягостное молчание.

— Я спрашивал о ней, Азот, честное слово, спрашивал. Но они не желают ее принимать. Если бы ты… — Джарл явно хотел что-то добавить, но умолк.

— Вообще-то я пришел не с просьбой, Джарл, а по другому делу. Хочу вернуть тебе вот это.

Азот задрал край платья, отвязал с пояса кушак с монетами и отдал его Джарлу.

— Их тут вдвое больше, чем я тебе давал, Азот!

— О Кукле я сам позабочусь. Но не раньше, чем недели через две. Не мог бы ты до тех пор за ней присмотреть?

В глазах Джарла стояли слезы. Азот боялся, что вот-вот заплачет и он. Теперь они звали друг друга Азот и Джарл, не Джей-о и Азо.

— Я расскажу Мамочке К., какой ты умный. Может, она подыщет для тебя какое-нибудь занятие. Ну, если у тебя не получится устроиться в тот цех.

— В самом деле расскажешь?

— Конечно, Джей-о.

— Азо? — произнес Джарл.

— Что?

Джарл помедлил, глотая комок слез.

— Мне бы хотелось всего лишь…

— Мне тоже, Джарл. Мне тоже.

15

«Плата за неповиновение — смерть». Эти слова звучали в ушах Азота день за днем, а он продолжал строить план неповиновения.

Жесткие тренировки шли своим чередом. Но жестокости в них не было. Цеховые

предводители избивали подчиненных по любому поводу, а если не рассчитывали силы, бедняги становились калеками. Мастер Блинт всегда четко знал, сколько боли желает причинить Азоту. Обычно ее хватало ученику с лихвой.

Ну и что в этом такого? Ел он дважды в день, сколько хотел. Его мышцы от ежедневных тренировок мало-помалу переставало жечь.

Поначалу занятия сводились к одним проклятиям и побоям. У Азота ничего толком не получалось. Впрочем, ругань его не волновала, а боль довольно скоро проходила. Калечить ученика Блинт не собирался, а задумай он его убить, Азот был бы не в силах защититься.

Его жизнь никогда не бывала настолько приближенной к благополучию. Через несколько недель он осознал, что тренироваться ему даже по вкусу. Учебные бои, знакомство с оружием, преодоление препятствий и изучение трав — его все увлекало. Самыми сложными были уроки чтения с Мамочкой К. Тем не менее и эту науку он шаг за шагом постигал. Два часа тягот за целый день — по сути, пустяк. Жизнь шла как нельзя лучше.

Примерно через месяц Азот понял, что наделен талантами. Он никогда не узнал бы об этом, если бы так пристально не следил за тем, как меняется настроение Блинта и как тот реагирует на успехи ученика. Порой в его взгляде отражалось едва приметное удивление, если Азот усваивал тот или иной урок быстрее, чем мастер Блинт ожидал. Азот старался работать еще упорнее, чтобы радовать хозяина не раз в неделю, а каждый день.

Занятия с Мамочкой К. и расшифровывание загогулин длились бесконечно. Азот выдерживал это испытание лишь благодаря ее улыбкам и умению подбадривать верной фразой.

— Слова — сила, — повторяла она. — Для тех, кто умеет ими пользоваться, слова — все равно что оружие. Тебе предстоит уверить весь свет в том, что ты Кайлар Стерн, стало быть, без слов тебе никуда.

Мамочка К. добросовестно готовила ученика к жизни под другим именем, засыпала его вопросами, которые ему могли задать другие аристократы, сочинила невинную историю о том, как он рос на востоке Сенарии, и обучала его хорошим манерам.

— Об остальном узнаешь от графа Дрейка, — говорила она. — Когда поселишься в их доме. Как только переедешь к ним, станешь Кайларом на веки вечные. Занятия с Блинтом будешь продолжать в одном безопасном месте на восточном берегу. Там же будем видеться и мы с тобой, в одном из моих особняков.

В Крольчатник Азоту предстояло вернуться лишь в ту пору, когда он станет настоящим помощником Блинта.

На занятиях с Мамочкой К. Азот старался изо всех сил и не роптал, только раз, обозлившись на собственную тупость, швырнул книжку на пол. Неделю после этого ему пришлось мучиться и терпеть немилость Мамочки К. Потом он своровал цветов и преподнес ей букет. Она простила ученика.

Денег на заботу о Кукле Азот дал Джарлу предостаточно, но тот не мог просто вручить ей монеты — их непременно украли бы. Самое ужасное было в том, что Кукла жила теперь совсем одна. Немая, с изуродованным лицом. Кто захочет водить с такой дружбу?

«Плата за неповиновение — смерть», — говорил мастер Блинт. Он запретил Азоту видеться с Куклой. Велел навсегда о ней забыть.

Мамочка К. сказала Азоту, что в конце концов мастер Блинт станет доверять ему, что они даже подружатся. И объяснила, что до поры до времени все его распоряжения Азот должен принимать как закон. Он было обрадовался, но Мамочка К. добавила: «Как закон улицы — нерушимый и всесильный; не жалкий королевский». Азот пал духом: увидеться с Куклой ему следовало непременно, хотя бы единственный раз.

Удобный случай подвернулся сам собой, Азоту даже не пришлось хитрить. Мастеру Блинту дали задание, поэтому он бросил ученика на целый день, оставив ему список различных указаний. Азот быстро прикинул, что если поторопится, то успеет переделать все куда быстрее, чем предполагалось, и в его распоряжении до занятий с Мамочкой К.

останется несколько часов.

За дела он принялся, не теряя ни мгновения. Вытер пыль с оружия, забираясь к тому, что хранилось на верхних полках, и к верхушкам массивных приспособлений с помощью лестницы. Проверил и почистил деревянные учебные мечи, которыми мастер Блинт пользовался в последние дни; кожаные мишени и чучело для нападений натер разными видами масел и зашил швы, разошедшиеся от мощных ударов мастера Блинта. Пользоваться иглой и ниткой у Азота получалось не ахти как, однако в этом мастер Блинт и не требовал совершенства. Азот подмел пол и не выбросил мусор на улицу, а ссыпал его в небольшое ведерко. Мастер Блинт не позволял ему почем зря выходить из укрытия. Показываться на глаза посторонним Азот мог, лишь получив четкое указание.

Он принялся чистить один из Блинтовых кинжалов. Клинок был длинный и узкий, украшенный золотой филигранью. В углублениях, вырезанных специально для декоративной проволоки, она истончилась от времени (или всегда была такой), и в промежутках у стенок скопилась засохшая кровь. Блинт пользовался этим кинжалом совсем недавно, а убирая его в ножны, как видно, торопился. Азот взял другой кинжал, острием вычистил кровь из углублений на клинке первого, потом смочил его водой и почистил щеткой. Это было последнее на сегодня задание. До урока с Мамочкой К. оставалось целых три часа. Если бы поручений было больше, тогда вырваться и вовсе не удалось бы.

— Что случится, если ты не выполнишь задачу? — однажды спросил у него мастер Блинт. — Если не сделаешь то, что должен? У тебя всякий раз будет возможность в последнюю минуту передумать. Но если ты пойдешь на попятный, то поплатишься. Помни об этом, мальчик.

Он говорил тогда о нападении на того, кого следовало убить. Но Азот именно теперь почувствовал на своих плечах всю тяжесть предупреждения.

«Если я сделаю что задумал, чем это грозит? — раздумывал он. — Мастер Блинт меня убьет». Мысли о смерти пугали, однако вероятность столкнуться с мастером Блинтом была предельно мала. В отличие от прочих мокрушников, некоторые из которых в жизни не покидали Крольчатник, мастер Блинт принимал заказы лишь от тех, кто мог себе позволить заплатить за его услуги. Обычно к нему обращались аристократы, то есть жители восточной части города. Сейчас мастер Блинт был наверняка на приличном расстоянии от Азота.

«А если я передумаю? Что тогда? Тогда Кукла умрет».

Он, кривясь, положил кинжал на место.

Разыскать Куклу оказалось не так-то просто. Цеха «Черный Дракон» больше не существовало. Он исчез. Кайлар пришел на их старую территорию и увидел, что ее поделили между собой «Красная рука», «Поджигатель» и «Ржавый нож». Старые знаки «Черного Дракона», выведенные на зданиях и акведуках, мало-помалу бледнели. Азот прихватил с собой пару кинжалов, однако пустить их в ход не пришлось. На пути его остановила группа «Поджигателей», но одним из их старших оказался парень, некогда звавшийся ящеркой. Он что-то шепнул остальным, которые уже было собрались обыскать Азота, и его оставили в покое. Ящерка не сказал ему ни слова.

Азот обошел бывшую территорию «Черного Дракона» раз пять, но Куклу так и не нашел. В какую-то минуту ему показалось, что он повстречал Корбина Фишилла. Фишилл был важной птицей; по словам мастера Блинта, одним из Девятерых. Попадавшиеся на пути цеховые крысята обходили Азота стороной.

Времени почти не оставалось, когда ему вдруг вспомнилась старая пекарня. Кукла была именно там. Сидела одна-одинешенька, к Азоту спиной. Он на миг замер, боясь окликать ее. Кукла повернула голову.

Ее лицо стало вечным свидетельством невиданного садизма. За месяц раны не успели толком затянуться и красноречиво говорили о том, как они выглядели чуть раньше и как будут выглядеть всю жизнь. Очевидно, Крыс сначала избил Куклу — так, что она больше не смела сопротивляться, или даже до потери сознания, — а потом изрезал ее лицо ножом.

Один глубокий порез петлей опускался от левого глаза к уголку губ. На ране светлела

дюжина небольших стежков, но было ясно, что, несмотря на старания лекаря, шрам будет вечно растягивать рот Куклы в неестественной улыбке. На другой щеке темнел порез в виде буквы Х, такой же, чуть меньше, пересекал губы. Судя по всему, есть, улыбаться и даже приоткрывать рот доставляло ей жуткую боль. Один глаз до сих пор был опухший; Азот не мог сказать наверняка, сможет ли она когда-нибудь им видеть. Остальные раны как будто заживали быстрее. На лбу пестрели корочки, кожа вокруг другого глаза, некогда, видимо, черно-лиловая, теперь была бледно-зеленой. Сломанный нос ей, судя по всему, вправили.

В общем и целом теперь лицо Куклы, как и задумывалось, было живой иллюстрацией людской жестокости. Крыс постарался сделать так, чтобы всякий, кто взглянет на Куклу, сразу понимал, что она стала калекой отнюдь не из-за несчастного случая. Ему хотелось, чтобы все знали: ее изувечили с умыслом. В какое-то мгновение Азот пожалел, что не заставил мерзавца мучиться дольше.

Потом вдруг время будто потекло заново. Азот уставился на лицо подруги с нескрываемым ужасом. Ее глаза, исполненные удивления и внезапной надежды, заблестели от слез. Она закрыла лицо руками, отвернулась и тихо заплакала. Ее худенькие плечики задергались.

Азот сел с ней рядом.

— Я пришел, как только смог. У меня теперь новый хозяин. Чтобы вырваться к тебе, мне пришлось нарушить его наказ. Я не мог бросить тебя на произвол судьбы. Ужасно то, что случилось.

Кукла зарыдала.

Азот представил, как изощренно ее обзывают. Порой он возгорался желанием убить всех до одного в Крольчатнике. Как они смели издеваться над ней? Как могли причинять ей новую боль? Удивительно, что она до сих пор была жива. Поблагодарить за ее спасение следовало Джарла. Наверняка он далеко не раз шел из-за нее на риск.

Азот обнял подругу и привлек к себе. Она прижалась к нему так, будто боялась, что ее смоет потоком собственных неостановимых слез. Азот тоже заплакал.

Время шло. Азот чувствовал себя выжатым. Он не знал, сколько времени они просидели, обнимая друг дружку, но чувствовал, что очень долго.

— Я кое-что придумал, — сказал он наконец.

Кукла взглянула на него своими большими карими глазами.

— Пойдем со мной.

Они вместе покинули Крольчатник, пересекли Ванденский мост и направились к графу Дрейку. Кукла испуганно расширила глаза, увидев графский дом. Привратник раскрыл перед Азотом дверь, и они с подругой вошли внутрь.

Граф Дрейк был в кабинете. Поднявшись со стула, он предложил гостям войти, странным образом не подавая вида, что лицо Куклы его ужасает. По-видимому, он был куда более достойным человеком, чем Азот.

— Азот поведал вам, зачем вы явились ко мне, юная леди?

Граф неспроста назвал Азота прежним именем. Кукла была частью его былой жизни и никогда не могла стать подругой Кайлара. Ей вообще не следовало знать его новое имя.

Кукла, прижимаясь к Азоту, смущенно покачала головой.

— Мы нашли для тебя семью, девочка, — сказал граф Дрейк. — Эти люди хотят, чтобы ты жила с ними и была им дочерью. Они будут заботиться о тебе. Ты больше никогда не останешься на ночь посреди улицы. Это слуги из одного здешнего дома. Если хочешь, можешь отныне вообще не возвращаться в Крольчатник.

Конечно, все было не так просто, как казалось. Семью, о которой вел речь граф Дрейк, он знал довольно давно. Они воспитывали нескольких рожденных в рабстве сирот, но кормить еще одного ребенка не могли себе позволить. Азот поклялся, что будет выделять им некоторую сумму из своих заработков. Мастер Блинт уже и теперь платил ему вполне прилично, а со временем и приобретением навыков его жалованье должно было постепенно вырасти. Граф Дрейк не желал действовать втайне от мастера Блинта, однако, когда Азот

объяснил, какая участь постигла Куклу, согласился помочь.

Кукла по-прежнему прижималась к Азоту, то ли не понимая услышанного, то ли не веря в такое чудо. Граф Дрейк снова поднялся со стула.

— Уверен, ты хочешь ей что-нибудь сказать на прощанье, а мне надо проверить, готов ли экипаж. Словом, с вашего позволения?..

Он оставил их наедине. Кукла взглянула на Азота с упреком.

— Ты ведь всегда была умницей, — сказал он.

Она крепко сжала его пальцы.

— Хозяин запрещает мне видеть тебя. Сегодня мы встретились в последний раз. — Кукла легонько дернула его руку, всем своим видом выражая протест. — Да, в последний раз, — повторил Азот. — Мне все это не по сердцу, поверь, однако, если я не буду подчиняться, он меня убьет. Прости. И пожалуйста, не сердись.

Кукла вновь заплакала. Азот был бессилен ее успокоить.

— Мне пора идти. Хозяин вот-вот вернется. Прости.

Он оторвал от нее взгляд и шагнул к двери.

— Не бросай меня.

По спине Азота пробежал холодок. Не веря ушам, он повернул голову. Раздавшийся голос был таким, каким и должна разговаривать маленькая девочка, и не удивил бы никого, кто не знал, что Кукла нема.

— Пожалуйста! — взмолилась она.

Ее голосок звучал мелодично и очень не соответствовал жуткой маске, в которую Крыс превратил ее лицо.

Глаза Азота снова наполнились слезами. Он рванул прочь…

…налетел на кого-то высокого и крепкого, будто вырезанного из твердого камня, шлепнулся на задницу и в ужасе поднял глаза.

Лицо мастера Блинта было багровое от ярости.

— Как ты посмел? — закричал он. — После всего, что я для тебя сделал? Как посмел ослушаться? Я только что прикончил одного из Девятерых, а ты подался на место убийства и ошивался там битый час! Теперь всякий скажет, что именно в том месте маячил ученик Блинта! Ты чуть не погубил меня!

Он сбил Азота с ног, будто котенка. Тот упал; затрещала рвущаяся ткань его платья. Мастеру Блинту этого было мало. Он снова ударил ученика — на сей раз кулаком в челюсть.

Голова Азота ударилась об пол, но он заметил, как Кукла бросается к мастеру Блинту и как тот выхватывает из ножен огромный черный меч.

— Не трогайте ее! — прокричал Азот, как безумный вцепляясь в клинок меча Возмездия.

Блинт, не замедляя темпа, схватил Куклу, выставил ее в коридор, захлопнул дверь, запер замок, отпер его и снова запер. Потом повернулся к Азоту, но то, что он собирался сказать, растаяло на его губах. Азот до сих пор сжимал в руках лезвие огромного черного меча. Однако теперь оно было не черное. А пылало синим пламенем.

Огонь, расползаясь по клинку, обволок руку Азота, стал пробираться горячим холодом внутрь пальцев.

— Нет, только не это! Он мой! — прокричал Блинт, отбрасывая меч в сторону, подальше от обоих, точно гадюку.

Теперь в его глазах светился не просто гнев, а безумная ярость. Азот даже не заметил, что ему наносят следующий удар, не понял, как вновь очутился на полу. Глаза застлало что-то мокрое и липкое.

Потом мир превратился в поток тяжелых ударов, вспышки света и боли, запах чеснока изо рта мастера Блинта и отдаленный стук по двери, звучащий все тише и тише.

Дарзо всматривался в пенный эль, будто надеялся увидеть в нем ответы. Ответов не находилось, а решение принять следовало. Вокруг, как всегда, кружила карусель наигранной бордельной веселости, но Дарзо не замечал ни мужчин, ни женщин. Быть может, из-за того, что на столе лежал вынутый из ножен меч Возмездия. Или из-за того, что перед глазами так и стояло выражение мальчишеского лица.

«Не трогайте ее!» — крикнул Азот. Неужто он думал, что Дарзо может убить семилетнюю девочку? За кого парнишка его принимает? За чудовище? Ему вспомнилось, как он жестоко избил ученика, как колотил по обмякшему детскому телу до тех пор, пока граф Дрейк не выломал дверь и не остановил его. За это Дарзо чуть не прикончил и графа Дрейка — его ярости не было предела. Но граф приковал к нему проклятый взгляд своих чертовых святых глаз, и Дарзо успокоился.

Синий огонь. Будь он неладен. Будь неладна вся магия. Когда на мече Возмездия вспыхнуло пламя, Дарзо увидел, как умирают остатки его надежды. Она капля за каплей исчезала с тех пор, как погибла Вонда. Сегодняшняя синева стала будто навек захлопнувшейся перед лицом дверью, сообщением о том, что Азот чего-то стоит, а Дарзо нет, что все бесконечные годы исправной службы теперь ничего не значат. Мальчик забрал у него все, благодаря чему Дарзо считался особенным. Что осталось ему?

Пепел. Пепел и кровь. Больше ничего.

Внезапно меч Возмездия показался ему насмешкой.

«Возмездие? Действительно ли мой долг — карать людей, по заслугам их наказывать? Если бы это было так, тогда я давным-давно воткнул бы этот меч в собственную глотку».

Когда умерла Вонда, он тоже будто лишился рассудка. С тех пор прошло ровно четыре месяца и шесть дней. С губ Дарзо слетел вздох. Он поболтал эль в стакане, но не сделал ни глотка. «Потом. Напьюсь потом, а сначала приму решение. После этого выпью стаканов двенадцать, что бы ни надумал».

Они много пили на пару с Вондой. Это бесило ее сестру. Само собой, Мамочка К. вообще была против их связи. Она запретила Дарзо видеться с ее непорочной младшей сестренкой, а Вонде не разрешала встречаться с убийцей. Однако, столь умная во всех других делах, Мамочка К. не понимала, что сама же подталкивает сестру и мокрушника к сближению. Ему нестерпимо захотелось проверить, лжет ли хозяйка борделя, переполненного полуголыми девицами, что ее сестрица невинна.

Оказалось, Мамочка К. лгала. Дарзо разочаровался, однако искусно скрыл это. Получалось, Вонда хитрила. Но его влекло к ней море прочих загадок. Порой она дурно с ним обходилась, зато не боялась его. Быть может, потому, что плохо понимала. Казалось, Вонда скользила по поверхности жизни, тогда как остальным приходилось вброд пробираться по нечистотам. Сам Дарзо вообще не понимал Вонду, это-то его и завораживало.

Когда у них завязался роман, Дарзо следовало устроить все так, чтобы об их тайне никто не проведал. Он прекрасно знал расписание Гвинверы, и они с Вондой могли бы встречаться без ее ведома на протяжении долгих лет. Гвинвера была на редкость прозорлива, однако Дарзо, как никто, умел скрывать свои чувства и хранить секреты. Однако Вонда сама призналась сестре. Очевидно, сразу же. Ее поступок отдавал жестокостью, но Вонда вряд ли понимала, что делает.

— Немедленно порви с ней, Дарзо Блинт, — спокойным тоном сказала ему Гвинвера. — Она тебя погубит. Я люблю сестру, но чувствую, с ней тебе не избежать беды.

То были просто слова. Слова, которыми Гвинвера пыталась сделать так, чтобы все шло по ее сценарию. Она негодовала, что при всей своей власти не в состоянии подчинять себе тех, кем хотела управлять больше всего.

Она, конечно, была права. Хоть и, не исключено, видела все по-своему. Гвинвера всегда понимала Дарзо лучшего всех на свете, а он прекрасно понимал ее. Друг для друга они служили своего рода зеркалами. Быть может, Гвинвера Кирена была бы ему идеальной парой, если бы только он мог полюбить то, что видел в зеркале.

«Почему я раздумываю обо всем этом? Все в прошлом и не имеет никакого смысла». Следовало принять решение: воспитывать мальчика и на что-то надеяться или теперь же его убить.

«Надежда! Да, конечно! Надежда — ложь, которой мы тешим себя, размышляя о будущем». Он всегда на что-то надеялся. Смел мечтать об иной жизни, но когда настало время…

— Выглядишь печально, Гэлан Звездный Огонь, — сказал ладешский бард, без приглашения усаживаясь напротив Дарзо.

— Раздумываю, кого бы убить. Еще раз назовешь меня этим именем и попадешь в первую строчку моего списка, Аристархос.

Бард улыбнулся с уверенностью человека, знающего, сколь великолепны его зубы и как эффектно они подчеркивают красоту лица. Вы только взгляните на него, подумал Дарзо.

— Всем ужасно интересно, что происходит в последние месяцы, — сказал Аристархос.

— Иди ты со всеми остальными куда подальше, — проворчал Дарзо.

— По-моему, ты просто любишь быть центром внимания, Дарзо Блинт. Если бы ты хотел нас убить, то давно бы это сделал. Или, может, ты и впрямь подчиняешься только закону возмездия? Об этом болтают на каждом углу.

— До сих пор ломаете голову все над теми же вопросами? Вам что, больше нечем заняться? Треплетесь, треплетесь, треплетесь! Лучше бы делали что-нибудь полезное.

— Мы и стараемся делать полезное, Дарзо. Собственно говоря, поэтому-то я и пришел сюда. Я готов тебе помочь.

— Как великодушно!

— Ты утратил его? — спросил Аристархос. — Утратил, или же он сам тебя покинул? Говорят, будто камни сами выбирают хозяев. Так ли это?

Дарзо поймал себя на том, что крутит в руках нож. Нет, он делал это вовсе не из желания запугать ладешца, который, надо отдать ему должное, даже не смотрел на оружие. Дарзо просто нужно было чем-то себя занимать. Впрочем, глупая игра не имела смысла. Он отложил нож.

— Знаешь, почему я держусь подальше от тебя, Аристархос, и от всех твоих приятелей? Невозможно определить, я ли вам интересен или мои секреты. Как-то раз я чуть было не поделился одним из них с вашим братом, но вовремя сообразил, что об этом тут же узнаете вы все, и решил не открывать карты врагам.

— Ах, вот как! — воскликнул Аристархос. — Стало быть, мы — твои враги? Тогда почему же ты не уничтожишь нас? Тебе ведь это раз плюнуть.

— Без повода я не убиваю. А страх для меня — недостаточно веская причина. Не знаю, поймешь ли ты, но я умею сдерживаться и не пускать свои возможности в ход почем зря.

Аристархос потер подбородок.

— Значит, ты более достойный человек, чем многие считают. Теперь я понимаю, почему тебя выбрали на эту роль. — Он поднялся на ноги. — Запомни, Дарзо Блинт: хоть я и далеко от дома, а мои здешние возможности ограниченны, если ты обратишься ко мне, я с готовностью окажу тебе посильную помощь. Объяснений не потребую: мне будет достаточно знать, что ты действуешь не без причины. Удачного дня!

Он направился к выходу, улыбаясь и подмигивая девицам. Те провожали ускользающий источник заработка недовольными взглядами. Дарзо отметил, что веселость Аристархоса ненатуральная — он будто носил маску.

«Маски меняются, а их обладатели остаются прежними», — подумал Дарзо.

Он насмотрелся в жизни столько мерзостей, что видел грязь в каждом сердце, знал, что непорочных не бывает, и был уверен в своей правоте. Даже в Римболде Дрейке жили грязь и мрак. Однако руководили им не они.

Дарзо заявил, что страх для него — недостаточно веская причина, а сам в это время продумывал, как убьет ребенка.

«Кто я такой? — спросил он у самого себя. — Что за чудовище?»

Его будто поймали в ловушку. Выхода из нее не было. Дарзо только что убил Корбина Фишилла. Покончить с ним велел шинга с согласия остальных Девятерых. Корбин управлял цехами, как в Халидоре: настраивал один против другого, одобрял насилие и не предпринимал ничего для прекращения межцеховых войн. Халидорцы поступали так же, надеясь, что в итоге выживут сильнейшие. Однако в Са'каге не терпели кровожадных чудовищ.

Хуже того, теперь выяснилось, что Корбин работал на Халидор. Подобного не прощали. Он не только получал от халидорцев задания, а еще и утаивал это от остальных. Предательство считалось в Са'каге одним из тягчайших грехов.

Словом, Корбина по справедливости решили убить. Но это не означало, что его смерти желали все, особенно друзья. Дарзо и раньше доводилось уничтожать столь важных птиц, однако он всякий раз действовал предельно осторожно и не оставлял ни единого следа. Теперь же по месту убийства битый час прогуливался Азот — до того, как дело было сделано, и после. Слух о том, что Дарзо взял ученика, успел распространиться по городу. Всякий мог увязать гибель Корбина с Азотовой «прогулкой». Наверняка последнюю работу Дарзо теперь называли неряшливой, а его самого считали отслужившим свой срок.

Он был лучшим из лучших, поэтому и судили его со всей строгостью. А его ошибки, даже намек на них, давали надежду второсортным мокрушникам, мечтавшим взлететь повыше. Азот обо всем об этом, конечно, даже не догадывался. Он о многом еще не имел понятия. Тем не менее во вспышке синего пламени на клинке Возмездия Дарзо увидел собственную погибель. Если оставить мальчика в живых, Дарзо рано или поздно не станет.

Так все и складывается, по закону небесной бережливости: одному — жизнь, другому — смерть.

Дарзо Блинт наконец принял решение и начал пить.

— Мастер Блинт все не появляется.

— Что верно, то верно, — ответила Мамочка К.

— Прошло целых четыре дня. Вы сказали, что он больше не сердится, — пробормотал Азот, сжимая пальцы в кулаки.

Ему казалось, что на костяшках ссадины, но его руки были невредимы. Болели и многие другие места, стало быть, он не придумал, что его избили. Однако его пальцы почему-то совершенно не пострадали.

— Не четыре, а три. И он в самом деле больше не сердится. На вот, выпей.

— Нет, я больше не хочу. От этого мне делается хуже.

Азот тут же пожалел о сказанном. Мамочка К. вскинула брови, ее взгляд стал холодным. Азот лежал в ее доме, в гостевой спальне, и, несмотря на гору одеял, увидев льдинки в глазах Мамочки К., почувствовал озноб.

— Я кое о чем расскажу тебе, мальчик. Ты когда-нибудь слышал о Змее из Гарана?

— Нет, — ответил Азот.

— У него семь голов, но если отрубаешь одну из них, на ее месте вырастает две.

— Правда? Неужели такое бывает?

— Нет. В Гаране его называют Змеем из Ладеша. Конечно, это выдумка.

— Тогда зачем вы мне ее рассказали? — спросил Азот.

— Ты притворяешься бестолковым или в самом деле такой? — Не дождавшись ответа, Мамочка К. продолжила: — Если позволишь мне договорить до конца, то сам найдешь аналогию. Аналогия — это у взрослых ложь.

— А зачем она им?

Азот несколько дней не вставал с постели, поэтому становился немного дерзким.

— Зачем взрослым ложь? Она нередко выручает. Давай-ка выпей лекарство и поменьше болтай, — велела Мамочка К.

Азот сознавал, что и так позволил себе лишнее, поэтому не стал приставать с дальнейшими расспросами и выпил густое варево, пахшее мятой и анисом.

— В Са'каге объявился свой собственный Змей Гарана, Азот… Вернее, Кайлар. Знаешь Корбина Фишилла?

Азот кивнул. Корбин Фишилл, молодой броский красавец, порой приезжал, чтобы побеседовать с Джа'лалиэлем.

— Корбин был одним из Девятерых. Управлял цехами, где работают дети.

— Был?

Азот чуть не вскрикнул. Ему не полагалось знать подробностей о значимости Корбина.

— Три дня назад Дарзо убил его. Когда закрылись детские дворы, у Са'каге появилась возможность в прямом смысле взрастить собственную армию. Однако Корбин разжигал межцеховые войны, которые выкашивали рожденных в рабстве детей. К тому же Корбин был шпионом. Са'каге полагали, что он работает на Кьюру, но теперь считается, что он служил Халидору. Халидорцы платили ему кьюрскими золотыми, может, на случай, если Корбина раскусят, и затем, чтобы он не принимался тратить деньги немедленно и не привлекал к себе внимания. Теперь, когда Корбина больше нет, люди из Са'каге обыскали его дом, перетрясли вещи, но, к сожалению, не нашли никаких доказательств. Если он был халидорцем, значит, таил в себе гораздо большую опасность, чем мы предполагали. Са'каге следовало арестовать его и пытками выбить из него ответы. Какое-то время основное внимание мы уделяли другим вопросам, о чем теперь жалеем. По счастью, Корбин недолго занимал высокий пост и вряд ли успел внушить цеховым уважение к Халидору — по большому счету уличным крысятам все равно, откуда берется их еда. Если Халидор предпринял попытку склонить на свою сторону наших цеховых, значит, затевает нечто серьезное.

— Может, Корбин стал работать на Халидор лишь потому, что с ним из всех членов Са'каге было легче всего договориться?

Мамочка К. улыбнулась.

— Неизвестно. Сейчас в Халидоре вспыхивает восстание за восстанием, подавлять их не так-то просто. Но их король-бог известен как человек, который во что бы то ни стало добивается своего. По моим предположениям, он считает, что Халидор не готов для похода на юг, хочет восстановить силы, на что уйдет не один год, и вместе с тем желает, чтобы Сенария, когда настанет время, пала от первого удара. Если Са'каге перейдет в его подчинение, тогда халидорцы без труда завладеют и всем городом. Нас беспокоит то, что если Халидор ухитрился сделать своим союзником столь высокопоставленного человека, как Корбин, значит, не исключено, ему подобных — десятки. Вполне вероятно, что не сегодня-завтра на месте одной срубленной головы появятся несколько новых. Быть может, на Халидор работает и кто-то из тех, кому мы полностью доверяем.

— А почему это так вас тревожит? — полюбопытствовал Азот.

— Потому что я тоже одна из Девятерых. Я Госпожа Удовольствий.

Азот изумленно приоткрыл рот. Са'каге до этой минуты представлялось ему чем-то опасным, громадным и отдаленным. Мамочка К. содержала бордель и была очень богата. Но Азоту и в голову не приходило, что ее пост настолько высок. Получалось, будучи Госпожой Удовольствий, она заправляла всеми продажными женщинами в Сенарии; каждая из них подчинялась Мамочке К.

Она улыбнулась.

— Мои девочки не только выполняют… прямые обязанности, но еще и держат ухо востро. Ты и представить себе не можешь, как порой болтливы мужчины в компании, по их мнению, безмозглых шлюх. Одним словом, я управляю целой шпионской сетью Са'каге. Мне надо выяснить, каковы планы Халидора. Если я не смогу этого сделать, никто ничего не узнает. Если мы не примем меры, халидорцы захватят нашу страну. Поверь мне, никому не хочется подчиняться Гэроту Урсуулу.

— Зачем вы мне все это рассказываете? — спросил Азот. — Я ведь никто и ничто.

— Азот был никем и ничем. А ты вот-вот станешь Кайларом Стерном, — ответила Мамочка К. — На мой взгляд, ты умнее, чем полагает Дарзо. Я рассказываю тебе об этом

потому, что ты нужен нам и должен оставаться на нашей стороне. Азоту ума не хватило, вот он и пошел болтаться по Крольчатнику. Тебе или Дарзо это может стоить жизни. Если бы ты знал, что происходит, ни за что бы не отправился туда. Ты совершил ошибку, но Дарзо не следовало тебя избивать. Ты всего лишь осуществил задуманное. Если честно, я уверена, что Дарзо раскаивается, однако просить прощения он никогда не станет. Не в его это духе — признавать, что он оплошал. Мы хотели бы, чтобы ты был не просто нашим учеником, Кайлар. А союзником. Ты готов?

Азот-Кайлар медленно кивнул.

— Что я должен делать?

17

Очутившись в имении Джайров, Кайлар изо всех сил старался дивиться тому, чему следует. Азот, как предупредила Мамочка К, глазел бы на все подряд — большое, золотое. Баронету же Каширу Стерну надлежало обращать внимание лишь на произведения искусства. Логан пригласил его к себе, желая загладить вину. Са'каге дали Кайлару первое задание — подружиться с юным Джайром.

Мажордом провел гостя к другому, более изысканно одетому человеку. Кайлар чуть было не поприветствовал его как герцога Джайра, но до него вовремя дошло, что перед ним управляющий. Управляющий повел гостя через огромную переднюю с двойной лестницей, которая шла на три этажа вверх, огибая громадную мраморную скульптуру, изображение двух мужчин, близнецов, стоявших друг к другу лицом в одинаковых позах — в выпаде перед ударом.

По словам Мамочки К., то была одна из самых известных скульптур в мире: «Кончина Грэскских близнецов». Мамочка К. рассказала Кайлару, что на настоящих Грэскских близнецах были тяжелые доспехи. Во время продолжительного сражения оба потеряли легкие плащи, которые в те давние времена все мужчины носили поверх чешуйчатых кольчуг и использовали в качестве знаков различия. Близнецы в самом деле убили друг друга, хотя из всех предыдущих схваток ухитрялись выходить невредимыми. Здешние мраморные воины были обнаженные и держали в руках по щиту и мечу. Щиты располагались так, что близнецы, собираясь убить друг друга, могли впервые взглянуть в глаза противнику.

Управляющий и Кайлар поднялись по лестнице и направились в конец более широкого, чем аллеи в Крольчатнике, бесконечного коридора. Тут и там красовались мраморные бюсты, на стенах пестрели картины с изображением беседующих людей, воинов, мужчин и женщин, прогуливающихся семейств, скорбящих дам, полей сражения и жутких чудовищ, выползающих из дыр в земле. Почти все картины были огромные, все красовались в тяжелых золоченых рамах. Управляющий шел немного впереди, и Кайлар мог глазеть вокруг, сколько душе угодно. Наконец они остановились перед громадной дверью. Управляющий постучал по косяку палочкой и раскрыл дверь. За ней оказалась библиотека с десятками шкафов вдоль стен и ровными рядами книг и свитков.

— Милорд, баронет Кайлар Стерн.

Логан Джайр поднялся из-за стола, на котором лежал развернутый свиток.

— Кайлар! А я как раз заканчиваю… Одолжил этот манускрипт… Впрочем, неважно. Проходи же! Чувствуй себя как дома.

— Спасибо, что пригласили меня, герцог Джайр; ваше имение великолепно. А «Кончина Грэскских близнецов» — просто загляденье.

Эти слова придумала для Кайлара Мамочка К., но он произносил их сейчас, ничуть не кривя душой.

— Пожалуйста, зови меня просто Логан. Ты премного добрый. Близнецы тебе и впрямь понравились?

Нелепым «премного добрый» он себя выдал. Кайлар вмиг смекнул, что Логан тоже

боится допустить промах. Кайлар волновался, потому что был самозванцем, но примерно так же чувствовал себя и «герцог» Логан. Держаться свободно и уверенно, ощущая всю тяжесть непривычного громкого титула, у него не вполне получалось. Поэтому-то Кайлар и постарался ответить на вопрос как можно честнее.

— На мой взгляд, скульптура замечательная. Только зря их сделали голыми.

Логан рассмеялся.

— Вот-вот! Сам я почти не обращаю на них внимания, но иной раз вхожу в дом, думая о чем-нибудь своем, и вдруг на тебе! Два обнаженных гиганта! Теперь я выполняю множество обязанностей отца, встречаюсь с его вассалами, друзьями. Бывает, к нам приезжают дамы с дочерьми, надеясь, что я, едва познакомившись с ними, без памяти влюблюсь. Как-то раз я приветствовал у себя мать и дочь. Их имен называть не буду, скажу только, что обе — прелестные создания, благопристойные, весьма строгих правил. А я ведь довольно высокий. В общем, разговаривая со мной, им приходилось поднимать головы. Я что-то увлеченно рассказываю и вдруг замечаю, что мать чуть не смеется, а у дочери горят глаза, и что обе смотрят куда-то немного в сторону. Я задумываюсь, не застряло ли у меня что-нибудь в волосах или не испачкано ли ухо.

— Вот так история! — смеясь, воскликнул Кайлар.

— Поворачиваюсь и вижу… прямо у себя над плечом мраморное мужское достоинство в три раза больше обычного. Гостьи, естественно, смекают, что я понимаю, на что они все это время поглядывали, а до меня доходит, что девица видит голого мужчину впервые в жизни. И я напрочь забываю, о чем вел речь.

Они вместе рассмеялись. Логан объяснялся просто и ясно. Кайлару не пришлось гадать, что значит «мужское достоинство». «Неужели все благородные разговаривают так же? — с благодарностью подумал он. — Или мне просто повезло? Что, если следующую шутку Логан отпустит без предисловий?»

Хозяин указал на портрет лысого человека с выступающей челюстью. Он был в странной одежде.

— А повинен во всем вот кто. Мой прапрапрадед — большой почитатель искусств.

Кайлар усмехнулся, но почувствовал себя так, будто ему дали затрещину. Логан знал, кто был его прапрапрадедом. А Кайлар не имел представления даже об отце. Последовало молчание. Кайлар понял, что ему следует что-нибудь сказать.

— Гм… я слышал, что Грэскские близнецы сражались друг с другом в общем шесть раз.

— Ты знаешь про них? — удивился Логан. — Не многие из наших ровесников интересуются такими вещами.

Кайлар с опозданием осознал, что напрасно выставил себя знатоком истории перед любителем читать и обладателем такого количества книг.

— Мне нравятся разные древние легенды. Но мои родители полагают, что нет смысла «морочить себе голову этими россказнями».

— Серьезно нравятся? А Алейн всякий раз, едва я завожу разговор на какую-нибудь историческую тему, притворяется, что храпит.

«Алейн? — подумал Кайлар. — Алейн Гандер, принц Алейн Гандер X?» Логан жил совсем в ином мире.

— Взгляни-ка. — Молодой лорд подозвал Кайлара к столу. — Прочти вот этот кусочек.

«С удовольствием бы, если бы я умел читать». У Кайлара похолодело сердце. Притворяться баронетом было для него еще слишком непривычно.

— О, нет. Чтения мне хватает и на уроках. Ты будешь бездельничать, а я сидеть, уткнувшись в писанину? Лучше расскажи о самом интересном своими словами.

— Мне и так кажется, что я чересчур много болтаю, — признался Логан, внезапно смущаясь. — По-моему, это невежливо.

Кайлар пожал плечами.

— На мой взгляд, ты очень даже вежлив. О чем тут написано? О чем-нибудь

новеньком?

Глаза Логана вспыхнули, и Кайлар понял, что волноваться больше не о чем.

— Нет, о закате Алкестийского периода, о том времени, которое предшествовало падению Семи королевств. Отец велит мне побольше читать о великих правителях прошлого. В данном случае это, конечно, Джорсин Алкестес. Когда их окружили в районе Черного Кургана, правой рукой Джорсина Алкестеса был Безумец Эзра. Точнее, нет, тогда его еще не звали Безумцем. Прозвище он получил потом, примерно через пятьдесят лет, когда ушел в лес. Впрочем, речь не об этом. При императоре Джорсине Алкестесе Эзра был лучшим магом. В общем, представь себе: они в окружении близ Черного Кургана. Эзра творит небывалые чудеса: управляет боевыми молотами Оурена Рейзина; снабжает войско ловушками из огня и молний — пользоваться ими под силу даже солдатам, не наделенным *талантом;* орудует Кьюрохом, мечом власти; Иуресом, жезлом закона; и шестью волшебными штуковинами, называемыми ка'кари. Это светящиеся шары. Если шестеро бойцов сожмут такие шары в руках, они тают, покрывают их обладателей, будто второй кожей, и дают мощь. Вторую кожу из жидкого металла получает и Арикус Даадрал, она делает его неуязвимым. Корвир Черный Колодец становится Корвиром Красным, повелителем огня. Трейс Арвагулания превращается из вульгарной уродины в самую прекрасную женщину своего времени. Оурен Рейзин получает власть над землей, тяжелеет до тысячи фунтов и превращается в камень. Ирена Блочуэй становится владычицей зелени и остальных растений. Шрэду Мардену достается вода и способность высосать ее даже из человеческой крови.

Но больше всего меня интересует непревзойденная способность Джорсина Алкестеса управлять людьми. Ему подчинялось множество талантливых личностей, нрав у большинства был свободолюбивый, многие отличались большим самомнением. Однако Джорсин Алкестес заставил их объединиться и действовать сообща. Увы, в самом конце он оскорбил одного из своих лучших друзей, Акела Торне, и отдал ка'кари не ему, а Шрэду Мардену, которого недолюбливал. Слышал про Акела Торне?

— Что-то слышал, — ответил Кайлар. Он говорил правду. Порой цеховые крысята собирались под окнами таверны, когда туда приходил бард. Однако расслышать они могли лишь отдельные обрывки его историй.

— Акел был отменным борцом, хоть и немного с приветом. Коварства не признавал ни в чем. Ненавидел ложь, политику и магию и мог схватить меч и в одиночку рвануть на толпу врагов. Он был настолько безрассуден и настолько ловок, что его войско следовало за ним куда угодно. Но его слишком волновали вопросы чести. Если в его присутствии удостаивали большего внимания других, он принимал это за оскорбление. Вот из-за чего у них и вышел раздор с Джорсином. И как тот не догадался, что Акел обидится?

— А ты как думаешь?

Логан почесал затылок.

— Причина, наверное, в чем-то банальном. Шла война, все выбивались из сил, голодали, не могли размышлять трезво. Вот Джорсин и допустил ошибку.

— Что полезного ты берешь из этой истории для себя? — спросил Кайлар. — Ты ведь тоже когда-нибудь будешь руководить войском?

Логан озадачился.

— Надо всегда в достатке есть и хорошенько высыпаться?

— А может, стараться в обычных разговорах быть на равных с подчиненными, чтобы они тебе не мстили? — подсказал Кайлар.

— Не хотите ли вы сразиться со мной, баронет Стерн?

— С удовольствием одержу над вами победу, достопочтенный герцог.

18

Раскрасневшийся Кайлар вошел в Блинтов дом-укрытие, все еще ликуя. Логан нанес

ему два удара, а Кайлар Логану — три. По большому счету Логан был искуснее, но его превосходство в росте уже не было Кайлару большой помехой. За последний год, как заметила Мамочка К., он вытянулся на целый фут, хоть еще и не привык к этому.

— Я не только подружился с Логаном Джайром, еще и одержал над ним победу в схватке на мечах.

Дарзо даже не повернулся. Он стоял у печи и раздувал огонь. Наверху поблескивала медная миска.

— Хорошо. Но больше не сражайся с ним. Подай-ка…

Кайлар, досадуя, взял бутыль из-под змеевиков перегонного куба и подал ее Дарзо. Тот налил густую синюю жидкость в миску на печи. Какое-то время поверхность жидкости оставалась спокойной, потом пошла пузырями и закипела.

— Почему? — спросил Кайлар.

— Принеси лохань.

Кайлар сходил за лоханкой и поставил ее на стол.

— Наш метод ведения боя отличается от всех остальных, известных в городе. Если ты будешь сражаться с Логаном, то поневоле переймешь его традиционный стиль и станешь бесполезен в нашем деле. Или же он поймет, что тебя обучают по совершенно иным правилам, или произойдет и то, и другое.

Кайлар, глядя на огонь, сердито нахмурился. Разумеется, мастер все верно говорил, и даже если бы он ошибался, его слово было законом. Синяя жидкость на печи превратилась в темный порошок. Дарзо взял миску толстой шерстяной прихваткой, ссыпал содержимое в лохань, достал еще одну медную посудину, налил синей жидкости и в нее, поставил ее на огонь, а первую миску убрал в сторону, чтобы она остыла.

— Мастер, а вам известно, почему Джорсин Алкестес оскорбил лучшего друга и не дал ему ка'кари?

— Быть может, потому, что тот задавал слишком много вопросов.

— Логан говорит, что Акел Торне был самым благородным товарищем Джорсина, но предал его, поэтому и пали Семь королевств, — сказал Кайлар.

— Смотреть на мир по-нашему далеко не у всех хватает духу, Кайлар, вот они и увлекаются утешительными иллюзиями — верят в богов, справедливость или людскую добродетель. На войне же любой убеждается в том, что вся эта их вера — глупость. Это их потрясает. По-видимому, нечто подобное случилось и с Акелом.

— Вы в этом уверены? — спросил Кайлар.

Логан смотрел на историю Акела совсем по-другому.

— Уверен? — насмешливо переспросил Блинт. — Я толком ничего не знаю даже о том, что произошло семь лет назад, когда знать отменила здесь рабство. А ты спрашиваешь про события многовековой давности. Отнеси это свинье.

Кайлар взял лохань с помоями и понес ее поросенку, которого они недавно купили для экспериментов мастера Блинта.

Когда Кайлар вернулся, Блинт посмотрел на него так, будто намеревался что-то сказать. Внезапно послышался свист, и позади Блинта, над медной миской поднялся столб огня. Не успел Кайлар и глазом моргнуть, как Блинт развернулся. Из его рук выдвинулась призрачная третья рука. Она схватила посудину из пламени, поставила на стол и исчезла. Все произошло настолько быстро, что Кайлару показалось, будто ему это привиделось.

От миски валил дым; внутри был не темно-синий порошок, а черная корка. Кайлар не сомневался, что отскребать черноту и начищать медь до блеска придется ему. Блинт выругался.

— Видишь, что случается, если замешкаешься в прошлом? Становишься негодным для настоящего. Пошли посмотрим, жива ли еще эта вонючая свинья. А потом надо будет что-нибудь сделать с твоими волосами.

Поросенок умер. Есть его было нельзя из-за яда, поэтому Кайлар полдня разрезал тушу на куски и сжигал их. Потом мастер Блинт приказал ему по пояс раздеться и натер его голову

какой-то кашицей с едким запахом. Смесь жгла кожу, но Блинт велел ходить с ней целый час. Когда Кайлар наконец смыл ее и Блинт подвел ученика к зеркалу, тот не узнал собственного отражения. Его волосы стали почти белыми.

— Скажи спасибо, что ты молод, не то я намазал бы тебе и брови, — сказал мастер Блинт. — Одевайся. В одежду Азота. Сегодня будешь им.

— Я пойду с вами? Выполнять заказ?

— Одевайся.

— Прекрасно понимаю, почему за ложную «смерть от болезни» берут девятьсот гандеров. Наверняка жертве приходится скармливать несколько разных ядов, чтобы лекари заподозрили то или иное заболевание, — сказал аристократ. — Но полторы тысячи за «самоубийство»? Это смешно! От вас требуется лишь зарезать кого следует и вложить нож ему в руку.

— Давайте по порядку, — спокойно произнес мастер Блинт. — Вы сами говорите, что я лучший мокрушник в городе, а я соглашаюсь взяться за это дело.

Они сидели на верхнем этаже, в комнате на постоялом дворе. Напряжение росло. Лорд-генерал Брэнт Агон был явно недоволен. Вздохнув, он провел рукой по седым волосам и спросил:

— Почему, скажите на милость, за инсценировку самоубийства вы требуете аж полторы тысячи золотых?

— Дело это непростое, на подготовку может потребоваться несколько месяцев, — ответил мастер Блинт. — В подобных случаях все зависит от того, в каких условиях живет «самоубийца» и кто он вообще такой. Если это человек, который нередко подавлен и невесел, тогда срок можно сократить до шести недель. Если он уже пытался наложить на себя руки, мне хватит и недели. Я нахожу способ подкрасться к нему, проделываю с ним кое-какую штуку.

Азот пытался вслушиваться в разговор взрослых, но старая одежда как будто вернула его в прошлое. Кайлар исчез, и не только потому, что Азот старательно выполнял распоряжение и притворялся Азотом. Кайлар был всего лишь маской, фальшивой уверенностью. Какое-то время она водила за нос Логана и даже самого Азота, но в конце концов съехала с лица, упала и потерялась. Азот оставался Азотом. Слабаком. Он не понимал, зачем его привели сюда, и съеживался от страха.

Блинт продолжал беседу, даже не глядя на ученика:

— Жертва впадает в уныние, замыкается в себе, начинает странно себя вести. Постепенно его состояние ухудшается. Потом вдруг ни с того ни с сего умирает его любимая собака или кошка. «Самоубийца» становится невыносимым, подозрительным — сущим наказанием для окружающих. Его друзьям это вскоре надоедает, они с ним ссорятся, перестают его навещать. В отдельных случаях жертва пишет предсмертную записку, а бывает, уходит из жизни без моего непосредственного вмешательства, однако я до самого конца пристально слежу за ходом дел и удостоверяюсь, что способ выбран поистине надежный. Если все подстроено с умом, в самоубийстве не сомневается никто. Семья покойника и та стремится утаить подробности и спрятать какие бы то ни было доказательства.

— Клянусь бородой Верховного Короля… — пробормотал лорд-генерал. — Такое невозможно…

— Возможно. Но это великий труд. Основную работу выполняет ряд тщательно подобранных и умело приготовленных ядов. А реагирует на них каждый по-разному. Вам об этом известно? Словом, я трачу на подобные дела невообразимо много времени. Бывает, требуется написать фальшивую записку. Для этого приходится перечитывать письма и дневниковые заметки жертвы, чтобы не только почерк, но и стиль и даже отдельные слова не вызывали никаких сомнений. — Дарзо свирепо улыбнулся. — Убийство — искусство, милорд, а я — лучший мастер этого дела.

— Сколько человек вы убили? — спросил лорд-генерал.

— Позвольте ответить уклончиво: работы мне всегда хватает.

Генерал, теребя бороду, с пасмурным видом продолжал изучать бумагу, которую ему дал Блинт.

— А о других возможных заказах мы можем поговорить, мастер Блинт?

В голосе генерала вдруг зазвучало уважение.

— Я предпочитаю обсуждать только те дела, к которым вы по-настоящему готовы, — ответил Блинт.

— Почему?

— Мои секреты дорогого стоят. Поэтому я не люблю их обсуждать. К тому же, если начнешь посвящать заказчиков во все тонкости, нагонишь на них страху. Какое-то время назад один клиент попросил меня объяснить ему, как я намерен действовать. Человек этот очень гордился тем, что у него исключительно надежная охрана. Мне надоели его приставания, и я поведал ему, каков мой план. После этого он попытался нанять другого, чтобы тот убил меня. Люди, знающие толк в нашем деле, отказались с ним связываться. В итоге он нанял какого-то новичка.

— Вы говорите о себе как о легенде, — заметил лорд-генерал, морща худое лицо.

Дарзо Блинт и был легендой! Если бы об этом не знала вся округа, тогда он не пользовался бы такой популярностью. Однако слушать, как мастер Блинт говорит на подобные темы с человеком благородным, напоминающим графа Дрейка, было несколько странно. Казалось, два Азотовых мира придвинулись друг к другу непозволительно близко. Азот чувствовал в себе отголоски благоговейного страха, который владел генералом.

Для цеховых Дарзо Блинт был легендой, потому что слыл всесильным, потому что его все боялись, а он не боялся никого. Это-то и притянуло к нему Азота. Но генерал страшился Блинта по другим причинам. Для него Дарзо Блинт был ночным существом. Тем, кто приходит и уничтожает самое дорогое, кого не остановит никакая преграда. Точнее, генерал даже не боялся Блинта — мокрушник вызывал в нем крайнюю неприязнь.

— Я не заявляю, что держу в страхе всех убийц города. — Мастер Блинт улыбнулся. — Просто мы если и не работаем вместе, то входим в одну команду, и нас не много. Мы одного поля ягода, некоторые даже дружат. Тот человек, о котором я рассказал, обращался и к Резаному Враблю…

— Я слышал о нем, — сказал Брэнт Агон. — Говорят, он тоже отменный наемный убийца.

— Мокрушник, — кивнул Блинт. — И мой друг. Он-то и рассказал мне о замысле того клиента. Благодаря приятелю, если сравнивать с военным делом, я стал подобием города, который знает, что его вот-вот попытаются захватить. Впрочем, горожане, даже если их предупредить о набеге, все равно могут проиграть. В моем же случае исход был очевиден. Тот малый подписал себе смертный приговор.

— Да уж. — Лорд-генерал помолчал, очевидно дивясь, что мастер Блинт знает, кто такой его заказчик, и внезапно улыбнулся. — А вы, оказывается, ловкий тактик.

— Почему вы так решили?

— Рассказали мне эту историю, хоть мы еще и не подписали ни одного договора.

Мастер Блинт широко улыбнулся. Азот почувствовал, что эти двое прекрасно понимают друг друга.

— Верно, не подписали. Как говорится, дипломатия — раздел военного искусства.

— А у нас все наоборот: военное искусство — раздел дипломатии, — сказал Брэнт Агон. — Впрочем, я вполне с вами согласен. Как-то раз мы сражались с лэ'нотцами. Их войско превосходило наше по численности. В ожидании подкрепления нам предстояло удерживать позиции целых два дня. У нас было несколько пленных; я в их присутствии сказал страже, что подкрепление прибудет на рассвете. Во время сражения мы позволили пленникам бежать. Они тотчас сообщили новость своим командирам. Те так испугались, что отдали приказ отступать, а мы спокойно дождались подкрепления. В данном случае

дипломатия спасла десятки жизней. Но давайте вернемся к нашему вопросу. Видите ли, тут потребуется такая методика, о которой не упоминается в вашем перечне. Я не обо всем рассказал вам, мастер Блинт. Я здесь по просьбе короля.

Лицо мастера Блинта внезапно сделалось бесстрастным.

— Понимаю, что, сообщая вам об этом, ставлю под угрозу человека, устроившего нашу встречу. Однако король счел, что есть смысл пойти на риск. Он готов принести в жертву даже жизнь своего посланника, то есть мою.

— Надеюсь, вы не сглупили? Не отдали приказ своим воинам оцепить здание? — спросил мастер Блинт.

— Не настолько я туп. Я приехал один.

— Верное решение.

— То, что наш выбор пал на вас, тоже верно, не так ли, мастер Блинт? К тому же я выкладываю вам все, как есть. Надеюсь, вы это оцените. Вам прекрасно известно, что наш король богат, однако весьма слаб в смысле военном и политическом. Осознавать это горько, но мы к подобному привыкли. У нас не было сильного правителя вот уже сотню лет. Алейн Гандер желает изменить положение. Однако страна страдает не только от внутренних неурядиц — вам о них известно гораздо лучше, чем мне, я не хочу забивать себе этим голову, — а еще и от хитроумного плана, согласно которому из государственной казны и из карманов чуть ли не всей нашей знати воруют значительные суммы денег. Королю стало известно об этом совсем недавно. По нашим предположениям, в ближайшем будущем Сенария настолько обнищает, что не сможет содержать армию.

— Получается, значительные суммы уплывали на сторону, и никто ничего не замечал?

— Главный казначей все замечал, но именно он все и устроил. Остальные же пребывали в неведении. План был блестящий. Работал много лет. Ключевые посты занимали люди преступников, подозрений не возникало. Подробностей этого дела открылось множество, но вам незачем о них знать.

— О чем же мне знать следует? — спросил Блинт, прикрывая глаза.

— Я навел о вас справки, мастер Блинт, — сказал лорд-генерал. — Хотя раздобыть нужные сведения оказалось весьма непросто. Видите ли, в деле серьезно замешано Са'каге. Это известно не только внутри страны, но и за ее пределами. В том числе и в Халидоре. Король хотел бы заключить с вами далеко не один договор, на многие годы вперед. Одних людей надо просто убрать, других перед убийством выставить в определенном свете, третьих вообще лишь заставить мелькнуть в указанный час в необходимом месте. Короля-бога Урсуула следует убедить в том, что Са'каге и их люди действуют заодно с нами.

— Предлагаете мне стать правительственным агентом?

— Не совсем так…

— А потом, когда я выполню все задания, меня возьмут и за все простят, на это вы намекаете? — спросил мастер Блинт.

— Мне дали такое право.

Мастер Блинт засмеялся и встал со стула.

— Нет, лорд-генерал. Всего хорошего.

— Простите, отрицательный ответ я принять не могу. Это приказ короля.

— Надеюсь, вы не пригрозите мне смертью, — сказал мастер Блинт.

— Для начала, — ответил лорд-генерал, впервые глядя на Азота, — мы убьем мальчика.

19

Мастер Блинт пожал плечами.

— И что изменится?

— А потом и вашу возлюбленную. Ее зовут Вонда, угадал?

— Как пожелаете. Однако боюсь, тут вас ждет разочарование. Она давно умерла.

Лорд-генерал и бровью не повел.

— Потом мы доберемся до Мамочки Кирены. Говорят, она ваш единственный настоящий друг. Затем настанет и ваш черед. Мне этот план не по вкусу, поверьте, но король ни о чем другом и слышать не желает.

— Вы совершаете две ошибки, — сказал мастер Блинт. — Во-первых, полагаете, что жизнь других людей я ценю выше собственной. С чего вы пришли к такому выводу? Во-вторых, думаете, будто я боюсь умереть.

— Поймите меня правильно: я выполняю приказ. Будь на то моя воля, я вообще не стал бы с вами связываться, — произнес лорд-генерал. — По-моему, не пристало королю нанимать преступников. Я на его месте не платил бы вам деньги, а заковал бы вас в кандалы. Лично мне вы отвратительны. Я не вижу в вас ничего человеческого. Король же уверен, что без наемника вроде вас нам никуда. Я воин. Мне велели встретиться с вами, и я выполняю приказ.

— Но совершаете тактическую оплошность, — сказал мастер Блинт. — Король может убить и моего ученика, и друга, и меня самого, но рискует потерять по меньшей мере лорда-генерала.

— Не думаю, что моя смерть сильно огорчит короля, — ответил генерал.

— Значит, вы догадались? Меня вы, быть может, видите впервые, Брэнт Агон, а я вас видел и прежде.

На лице лорда-генерала отразилось недоумение.

— Что ж, это вполне вероятно. Меня видели полгорода.

— Жена к вам по-прежнему прижимается во сне? Премило. А спит она в чем? Все в той же желто-коричневой ночной сорочке с вышитыми по краю маргаритками? Вы ее по-настоящему любите?

Лорд-генерал обмер.

— Говорите, я вам отвратителен? Вы обязаны мне жизнью! — воскликнул мастер Блинт.

— Что?!

— Вы никогда не задумывались о том, почему получили повышение, а не нож в спину?

Лицо генерала изменилось, и даже Азот понял, что он не раз задумывался над этим вопросом.

— В ночь, когда умер король Дейвин, я был в вашем доме. Вы беседовали с Регнусом Джайром. Мне надлежало убить вашу супругу. А принц собирался предложить вам в жены другую женщину, благородной крови. Она родила бы вам сыновей. Если бы я узнал, что вы с Регнусом затеваете государственную измену, я бы убил вас обоих. Я сжалился над вами и не получил ни монеты — мне платят, только когда налицо плоды моих трудов. Я не ожидаю вашей благодарности, лорд-генерал, но требую хотя бы уважения!

На лицо Брэнта Агона легла тень.

— Значит… вот почему Алейн меня повысил? Решил вместо новой жены пожаловать высоким постом? — Очевидно, он прокручивал в голове то, что слышал в последние месяцы, и ему становилось все больнее и больнее. — Но зачем?

— Вы — известный генерал, закаленный в боях, настоящий герой. Лучше вы объясните мне зачем, — усмехнулся Дарзо.

— Меня назначили главнокомандующим, чтобы в лагере врагов Са'каге произошел раскол. И чтобы это место не занял тот, на кого может положиться король. У вас, у мерзавцев, всюду свои люди!

— У нас? Я всего лишь наемник. И во мне нет ничего человеческого.

Лицо генерала оставалось мрачным, но плечи он все это время держал расправленными.

— Вы… сообщили мне много такого, о чем предстоит серьезно подумать, мастер Блинт. Я остаюсь при своем мнении: за преступления, которые вы совершаете, по вам плачет виселица. Но признаю, что своими необдуманными словами оскорбил вас и выставил в

дурном свете себя. Примите мои извинения. Однако желание короля нанять вас на государственную службу остается неизменным. Я…

— Идите вон, — распорядился мастер Блинт. — Убирайтесь. Я пробуду здесь еще несколько минут. Если удосужитесь пересмотреть свои угрозы, возвращайтесь.

Генерал встал и, не сводя глаз с мастера Блинта, прошел к двери. Он смотрел на мокрушника до тех пор, пока не скрылся из вида По коридору зазвучали его твердые шаги.

Мастер Блинт, пристально глядя на дверь, отошел от стола. Вместо того чтобы расслабиться, он сильнее напрягся, точно мангуст перед прыжком на змею. Весь его вид говорил о готовности действовать.

— Отойди от двери, Азот, — велел он. — К окну.

Азот тотчас выполнил распоряжение. Он давно приучил себя повиноваться. Понимания от него не требовалось.

На лестнице что-то грохнуло, кто-то громко выругался. Азот взглянул на мастера Блинта, но рябое лицо мокрушника ничего не выражало.

Несколько мгновений спустя с шумом распахнулась дверь. В комнату, пошатываясь, вошел лорд-генерал с мечом в руке.

— Что вы сделали? — проревел он.

Ноги подогнулись, и, дабы не упасть, ему пришлось привалиться к дверному косяку.

Мастер Блинт молчал. Генерал моргнул и попытался выпрямиться, но у него сдавило желудок, а все тело свело судорогой. Когда все прошло, он спросил:

— Как?

— Я намазал дверную задвижку особым ядом, — объяснил мастер Блинт. — Он проникает внутрь через кожу.

— А если бы мы подписали договор?.. — спросил лорд-генерал.

— Я сам раскрыл бы дверь. Если бы вы пришли в перчатках, тогда я воспользовался бы иным средством. А теперь послушайте меня внимательно. Король — ни на что не годный, вероломный, похабный мальчишка, поэтому я буду с вами прям. Я — лучший в городе мокрушник. А он никчемный король. Ему я служить не буду. Если желаете, наймите меня лично вы. Его я убить готов, а действовать по его указке — увольте. Заставить меня работать поневоле у вас не выйдет. Знаю, он в это не поверит, потому что Алейн Гандер из числа тех, кому кажется, что все в их власти. Но мы кое-что устроим. — Мастер Блинт встал со стула. — Во-первых, сегодня вечером я оставлю для него в замке предупреждение. Во-вторых, вам придется выведать, какая участь постигла графа Йосара Глина. Это и есть тот клиент, который меня предал. В-третьих, надо разобраться с тем, что приключилось с вами. А в-четвертых, присядьте, Агон, и спрячьте меч. В конце концов, это оскорбительно.

Лорд-генерал тяжело опустился на стул. Меч с длинным клинком выпал из его пальцев. Казалось, на то, чтобы поднять оружие, У воина не оставалось сил. Однако смотрел он по-прежнему ясным взором и слышал все, что говорил мастер Блинт.

— Лорд-генерал, мне безразлично, кого король вознамерился убить. И я знаю, что постоялый двор окружен и что окно под прицелом арбалетчиков. Они меня не интересуют. Не волнуют и угрозы короля, что более важно. Я не желаю быть чьей-либо ручной собачкой. Я служу, кому и когда пожелаю, и вести дела с Алейном Гандером не намерен. Азот, подойди ко мне.

Азот приблизился к мастеру, удивляясь, что тот назвал его настоящим именем. Мастер Блинт положил руки Азоту на плечи и повернул его лицом к генералу Агону.

— Азот — мой лучший ученик. Он расторопен, неутомим и умен, запоминает все, что ему скажут, с первого раза. Азот, скажи-ка генералу, что ты знаешь о жизни.

Азот без промедления выпалил:

— Жизнь бессмысленна. Жизнь никчемна. Когда мы лишаем человека жизни, мы не забираем у него ничего ценного. Мокрушники — убийцы. Вот чем мы занимаемся. Вот кто мы такие. В нашем горьком деле нет места поэзии.

— Лорд-генерал? — позвал Блинт. — Вы меня слышите?

— Слышу, — ответил генерал, сверкая глазами.

— Тогда попрошу вас кое-что запомнить, — произнес мастер Блинт ледяным тоном. — Я убью своего ученика прежде, чем позволю вам использовать его против меня.

Генерала передернуло от ужаса. Он уставился на Азота. Азот заметил, что тот смотрит ему на грудь, опустил голову, увидел торчащие из своей груди несколько дюймов окровавленной стали и почувствовал неприятный толчок и странное ощущение, распространявшееся от спины по всему туловищу. Сначала было холодно, потом тепло, потом больно. Азот медленно моргнул и посмотрел на генерала. В его глазах светился предельный страх. Азот снова взглянул на сталь.

И узнал клинок. Он чистил его в тот день, когда ходил на поиски Куклы. В сознании мелькнула мысль: «Только бы мастер Блинт протер его, а то будет трудно выскребать засохшую кровь». Клинок украшала филигрань. На его чистку уходила пропасть времени.

Азот обратил внимание на расположение кинжала. Клинок, должно быть, вошел прямо над сердцем. Если его вытащить, жертва тотчас рухнет на пол. Из раны хлынет река крови. Жертва умрет в считаные секунды.

Клинок исчез, Азота дернуло. У него стали подгибаться ноги, но он этого уже почти не чувствовал. Его повело в сторону.

Доски на полу были жесткие. Азот упал лицом кверху. По груди струилось что-то теплое. Мастер Блинт, держа в руке окровавленный кинжал, что-то говорил.

«Неужто мастер меня зарезал?» — промелькнуло в затуманивавшемся сознании Азота. Он не мог в это поверить, ведь ничем не заслужил подобной участи. Ему даже казалось, что мастер Блинт им доволен. «Наверное, это из-за Куклы… Он до сих пор сердится. А я уж было подумал, что все наладилось…» На него хлынули потоки желто-золотистого света. И стало тепло. Очень-очень тепло.

20

— Ваше величество, послушайте моего совета!

Король Алейн Гандер IX в сердцах опустился на трон.

— Брэнт, речь о единственном человеке! Об одном-единственном! — Он продолжительно выругался. — Из-за него одного ты советуешь мне отправить в деревню всю свою семью?

— Ваше величество, — сказал лорд-генерал Брэнт Агон, — Дарзо Блинта вряд ли можно назвать человеком. Понимаю, это повлечет за собой некоторые последствия…

— Вот-вот! Представляешь себе, какие пойдут сплетни, если я ни с того ни с сего отошлю семью из города? — Король снова выругался, сам того не замечая. — Обо мне и так болтают разный вздор. Я прекрасно знаю! Не желаю доставлять им такого удовольствия, Брэнт!

— Ваше величество, этот убийца не бросает слов на ветер. Он прикончил собственного ученика, просто чтобы настоять на своем!

— Мошенник. Полно вам, генерал. Вас отравили, вы толком и не поняли, что там случилось.

— Пострадало мое тело, но не разум. Я прекрасно знаю, о чем толкую.

Король фыркнул и вдруг скривил губы, учуяв в воздухе слабый запах серы.

— Проклятье! У этих болванов руки не оттуда растут, что ли?

Опять сломалась одна из труб, по которым из расселины острова Вое, расположенного чуть севернее, в замок поступал теплый воздух.

«Его совершенно не интересует, сколько денег он экономит благодаря стараниям наших изобретателей, — подумал лорд-генерал. — Трубы, по которым в замок поступает тепло, вмурованы прямо в камень! Он не задумывается, что турбины, вращаемые ветром из расселины, заменяют две сотни ветровых мельниц. Его заботит лишь то, что раз в две недели до него долетает запах серы. Какого бога прогневала Сенария, что он наказал ее таким

королем?»

Надлежало убедить в своей правоте Регнуса Джайра. Следовало найти более веские доводы. Даже солгать, что детей Налии, если на трон взойдет Алейн, ждет несчастье. Регнусу Агон служил бы с радостью. Верой и правдой.

— Хорошо, допустим, ты уверен, что он зарезал мальчишку, — сказал король. — И что с того? Кого это волнует?

«Должно бы волновать тебя, — подумал Агон. — И разумеется, взволновало бы Регнуса».

— Наверняка то был уличный крысенок, — продолжал король. — Он подобрал его специально, чтобы показать тебе этот фокус.

— При всем моем уважении, ваше величество… вы ошибаетесь. Уж мне-то доводилось иметь дело с опасными людьми. Я боролся один на один с Дорганом Дануолом, сражался с лэ'нотскими уланами сублорда Грэблана. Я…

— Да-да, конечно. В проклятые времена моего отца ты участвовал в тысяче чертовых битв. Замечательно, — сказал король. — Однако ты ничего не смыслишь в управлении страной. И никогда не изучал эту науку?

— Нет, ваше величество, — сдержанно ответил генерал Агон.

— А если бы был с ней знаком, то наверняка знал бы, генерал, насколько опасно пятнать свое доброе имя. — Король вновь неразборчиво и с увлечением выругался. — Сбежать из собственного замка, посреди ночи! Где это видано?

Продолжать спор не имело смысла. Король стыдил Агона и был всецело убежден в собственной правоте. Однако Агон присягнул ему на верность и много лет назад решил, что одним из главных достоинств в человеке должно быть умение держать слово. К женитьбе он относился так же и не мог отречься от данных клятв лишь потому, что Бог не давал им с женой детей.

Но так ли важно хранить верность королю, который намеревался тебя убить? — пришло ему на ум. Причем не в честной схватке, а ночью, руками наемного убийцы?

С другой же стороны, случилось это до того, как Агон дал клятву, а теперь не имело значения. Узнай он о коварстве Алейна Гандера IX раньше, лучше умер бы, чем стал ему служить.

— Ваше величество, позвольте мне хотя бы провести с войском боевые учения. Нам понадобится и ваш маг. Капитан устраивает подобные тренировки внезапно, чтобы бойцы всегда были готовы к действию.

«Зачем я так стараюсь спасти твою пустую голову?» — задался вопросом Агон.

— Замучили вы меня своими навязчивыми идеями! Ладно. Делайте что хотите.

Генерал пошел прочь из тронной залы. Предшественник нынешнего короля, Дейвин, был тоже бестолковым, но хотя бы знал об этом и прислушивался к советчикам.

Алейну X, сыну теперешнего короля, было всего четырнадцать лет, но он уже подавал надежды. По-видимому, мальчик унаследовал ум от матери. «Если бы Алейн X был постарше и имел право взойти на трон, я, наверное, согласился бы на это убийство, — раздумывал Агон. — Боже мой! Не исключено, что я все-таки найму мокрушника». Он покачал головой. Вот уже и его посещают крамольные мысли. Генералу нельзя так думать.

Фергунда Са'фасти назначили на службу в Сенарии не столько из-за *таланта,* сколько из-за политической прозорливости. По правде сказать, право носить синюю мантию он заслужил с большим трудом. Справляться с нынешними обязанностями ему прекрасно помогали особенности характера. Здешний король был тупым, безрассудным и вздорным сквернословом, но терпеть его было можно.

Сегодня Фергунд обходил замок как простой стражник. Он умолял короля, Алейна IX (за глаза, выпивая с друзьями, все называли его просто Девятым), избавить его от унизительного поручения, но тот полил мага бранью и велел исполнять приказ лорда-генерала.

Лорд-генерал Агон, по мнению Фергунда, был пережитком. На Девятого он особого влияния не имел, а жаль — старик мог бы научить того уму-разуму. Впрочем, чем меньше советчиков держал при себе король, тем больше значения придавалось Фергунду.

Злясь на свое дурацкое задание — он никак не мог понять, что разыскивает, — Фергунд в одиночестве шагал по двору замка. У него мелькнула мысль попросить, чтобы ему выделили сопровождение, но он отказался от этой затеи, вспомнив, что маги считаются более сильными, чем сотня обычных воинов. В случае Фергунда это было не совсем так, однако о своих слабостях надлежало помалкивать.

Двор был в форме неровного ромба, три сотни шагов в ширину и почти четыре — в длину. На северо-западе и юго-востоке его огибала река Плит, в которую на полмили врезался остров Вое.

Тут и там сновали люди, лошади и собаки. Час был не слишком поздний, поэтому воины в казармах еще играли в карты, а туманный воздух заполняли звуки лир и добродушной брани.

Фергунд запахнул плащ. Серебристый свет луны не пробивал густую пелену речного тумана. Шею Фергунда холодила вечерняя влага. Он сожалел, что остриг волосы. Его любовницу они восхищали.

Король потешался над локонами мага, но и короткая стрижка Фергунда его смешила.

Заметив, что у ворот странно клубится туман, маг замер, обнял силы — хоть на объятие это мало походило, скорее напоминало рукопашный бой — и стал всматриваться в ворота. Наконец он почувствовал успокоение, его слух и зрение обострились. Ничего устрашающего поблизости не было.

Фергунд, глубоко дыша, приблизился к воротам. Быть может, разыгралось его воображение, но ему показалось, что туман, подобно армии завоевателей, нарочно стремится к фасаду замка, пробиваясь сквозь отверстие в железных воротах. Туманная пелена уже достигала плеча, прозрачно-белая дымка обволакивала даже факелы над головами стражников.

Кивнув им, Фергунд повернулся, пошел назад к замку. Внезапно он почувствовал странную тяжесть между лопатками и едва подавил в себе желание обернуться. Когда он приблизился к конюшне, необыкновенное ощущение усилилось. Воздух был густой и тяжелый, казалось, ты бредешь по громадной тарелке с супом. Туман клубился вокруг Фергунда, лизал обнаженную шею и будто смеялся над ним.

Чуть погодя не стало видно ни звезд, ни луны. Весь мир будто попал в громадное облако. Обходя угол конюшни, Фергунд споткнулся. Чтобы не упасть, он схватился за деревянную стену и на миг прикоснулся к чему-то мягкому, что тут же исчезло. Чувство было такое, будто он дотронулся до человека.

В ужасе отпрянув, Фергунд опять попытался обнять силы, однако ничего не увидел. Перед ним темнела лишь стена. Его *талант* наконец окончательно пробудился. Фергунд заметил мимолетное движение у входа в конюшню, но тут же решил, что ему примерещилось.

Чем-то запахло. Не чесноком ли? Нет, с ним определенно играло шутки воображение. С чего вдруг? Фергунд долго стоял на месте, не зная, как быть. Магом он был слабым, но отваги и мужества ему было не занимать. Приготовив огненный шар, достав нож и собравшись с силами — магическими и обыкновенными, — он выскочил из-за угла, влетел в конюшню, быстро осмотрелся по сторонам, однако ничего не увидел. Лошади стояли на своих местах, пахло конским навозом и речным туманом. Фергунд напряг слух, но услышал лишь постукивание копыт да сопение спящих животных. Всмотрелся во тьму — ничего странного.

Чем дольше он вглядывался, тем глупее себя чувствовал. Какая-то часть сознания велела ему пройти вглубь, но другая половина советовала исчезнуть отсюда. Никто никогда не узнает, что он был здесь и сбежал от возможной опасности. Можно перебежать на другую сторону замка и специально побродить там. С другой же стороны, если в одиночку изловить

незваного гостя, тогда король, вне всякого сомнения, щедро наградит храбреца. Что-что, а раздавать друзьям похвальбы Девятый любил.

Фергунд медленно вызвал огонь. Шар мигнул и вспыхнул, горяча ладонь. В ближайшем стойле фыркнула и подалась назад испуганная лошадь. Фергунд шикнул, пытаясь успокоить ее, но та при виде огня и поблескивающей стали клинка лишь пуще всполошилась.

От ее ржания и стука копыт проснулись другие лошади.

— Ш-ш! — прошипел Фергунд. — Успокойтесь, это всего лишь я.

Животные его не знали. Незнакомец с огнем в руках! В конюшне поднялся переполох. Жеребец во втором стойле стал в тревоге лягаться.

— Эй, ты! Хорош стращать лошадей, — прогремел за спиной Фергунда чей-то громкий голос.

Маг до того перепугался, что выронил нож, а его пламя вмиг погасло. Он резко повернулся. Перед ним стоял не злоумышленник, а главный конюх, невысокий и широкоплечий уроженец острова Планга. Дорг Гамет держал в руке фонарь и смотрел на мага с нескрываемым презрением. Тот наклонился и взял из кучи конского навоза оброненный нож.

Дорг быстро обошел всю конюшню. От его прикосновений и голоса лошади тотчас успокоились. Фергунд наблюдал за ним, чувствуя себя последним болваном. Наконец Дорг вернулся к выходу.

— Я просто обходил… — пролепетал маг.

— Носи с собой факел, дуралей, — проворчал Дорг, отдавая Фергунду фонарь и уходя прочь. — Пугает моих лошадей своим проклятым колдовским огнем.

— Магическим огнем! Не колдовским. Это разные вещи, — сказал Фергунд спине конюха.

Тот даже не обернулся. Едва он вышел наружу, Фергунд услышал глухой удар и тоже выскочил. Дорг лежал на земле без чувств. Не успел Фергунд вымолвить ни звука, как почувствовал что-то горячее у себя на шее. Он вскинул руку. Кто-то осторожно взял фонарь из его второй руки. Фергунд весь напрягся. Свет погас.

21

— Что, черт возьми, ты натворил? — спросила Мамочка К. у ввалившегося в гостиную Дарзо.

— Что натворил? Прекрасно справился с заданием. Еще осталось время погулять.

Он криво улыбнулся. От него несло выпивкой и чесноком.

— Твои кутежи меня не интересуют. Что ты натворил с Азотом?

Мамочка К. взглянула на недвижимую фигурку на кровати.

— Ничего, — ответил Дарзо, глупо усмехаясь. — Проверь. С ним ничего серьезного.

— Что ты имеешь в виду? Он в беспамятстве! Когда я вернулась домой, прислуга дрожала мелкой дрожью. Они доложили мне, что ты принес мертвеца! Я пришла сюда, увидела Азота. Его не разбудить. Он ничего не слышит.

Дарзо неизвестно почему рассмеялся. Мамочка К. со всей силы шлепнула его.

— Говори, в чем дело. Ты что, отравил его?

Дарзо успокоился и покачал головой, пытаясь прояснить сознание.

— Он мертвый. Так было нужно.

— О чем ты?

— Гвинвера, дорогая, — сказал Дарзо. — Это тайна. Кое-кто мне пригрозил. Человек, который действовал по указке других людей. Он заявил, что сначала они убьют Азо, потом тебя. Им удалось пронюхать даже про Вонду!

Мамочка К. откинулась на спинку стула. Кто посмел угрожать самому Дарзо? Что или кто мог запугать Дарзо Блинта?

Дарзо тяжело опустился на стул и прижал ладони к лицу.

— Пусть думают, что он мертв. Особенно после сегодняшнего.

— Ты что, не по-настоящему его убил?

Дарзо мотнул головой.

— Надо было уверить их в том, что мне на все плевать. Показать им, что из-под палки я работать не стану.

«Все равно ты испугался их, а они от тебя не отстанут», — подумала Мамочка К. Она знала, что мысли Дарзо — о том же самом. Уязвим даже самый жестокий мокрушник, а непобедимость его обманчива. Стоит дать слабину, и раскрываются все его раны. Мамочка К. могла помочь Дарзо одним способом: отправить его в бордель и распорядиться, чтобы за ним присмотрели. Там, в относительной безопасности, он проведет дня три.

— О мальчике я позабочусь сама, — услышала Мамочка К. собственный голос. — Что с ним делать, когда он очнется? Надеюсь, ты знаешь?

— Как мы и планировали, надо отправить его к Дрейкам. Для остальных он мертв.

— Что ты пустил в ход? — спросила Мамочка К.

Дарзо взглянул на нее в некоторой растерянности.

— Я имею в виду — какую отраву? Скажи хотя бы, долго ли он пролежит без чувств?

— Не знаю.

Мамочка К. прищурилась, подавляя желание еще раз стукнуть Дарзо. Он был точно ненормальный. С дозой для ребенка даже столь опытный отравитель, как Дарзо Блинт, мог запросто просчитаться. Иметь дело со взрослыми куда проще. Не исключено, что Азот умер, что Дарзо его убил. Либо отравил так, что Азот придет в себя и станет дурачком или не сможет двигать ногами-руками.

— Ты знал, что это очень опасно.

— Иногда приходится рисковать.

Дарзо стал шарить по карманам в поисках чеснока.

— Ты не на шутку привязываешься к мальчику и до смерти этого боишься. Поэтому даже желаешь его смерти, правильно, Дарзо?

— Может, предложишь выпить? Так мне будет легче выслушивать твою болтовню.

— Ответь на вопрос.

— Жизнь бессмысленна. Любовь пагубна. Лучше пусть умрет сейчас, чем чуть позже увидит мертвыми нас с тобой.

С этими словами Дарзо будто ушел в себя. Мамочка К. поняла, что он больше ничего не скажет.

— Как долго ты намерен утешаться с девочками? — спросила она.

— Не знаю, — произнес Блинт, почти не двигаясь.

— Черт побери! Хотя бы скажи, дольше ли, чем обычно?

— Дольше, — ответил Дарзо после минутного молчания. — Наверняка дольше.

Поток отборной брани ворвался в тронную залу на добрых десять секунд раньше, чем сам король. Лорд-генерал Агон наблюдал за шарахавшимися в разные стороны лакеями, растерянными стражниками у входа и норовившими незаметно ускользнуть слугами.

Вот на пороге наконец показался Алейн IX.

— Брэнт! Знаешь, кто ты? Куча…

Лорд-генерал мысленно вставил в уши затычки, чтобы не слышать длинный перечень того, кого и что он королю напоминает, и сосредоточил на разговоре внимание, лишь когда Алейн дошел до главного:

— Что случилось вчера вечером?

— Ваше величество, — ответил лорд-генерал. — Мы ничего толком не знаем.

Последовала очередная волна брани, на сей раз чуть более разнообразной, хоть Девятый и не отличался особенной изобретательностью, а остальные в его присутствии сквернословить не смели, поэтому его обычный набор ругательств ограничивался словом

«дерьмо» и различными к нему синонимами.

— Вот что нам известно, — сказал Брэнт Агон. — Кто-то проник во дворец. Полагаю, тот человек, о котором мы с вами беседовали.

Последствия ночного визита говорили сами за себя.

— Дарзо Блинт. — Король кивнул.

С губ лорда-генерала слетел вздох.

— Да, ваше величество. Судя по всему, он привел в состояние беспамятства одного из стражников во дворце, Фергунда Са'фасти и старшего конюха.

Снова брань.

— Как понимать «привел в состояние беспамятства»? — спросил король, расхаживая туда-сюда.

— На них нет ни порезов, ни синяков, и они ничего не помнят. Только у стражника на шее крошечная ранка, как от укола иголкой.

Король полил всех, в том числе и мага, очередным водопадом ругательств. Агон не принимал их за оскорбления — они лишь нагоняли на него тоску. Все эти бранные слова значили единственное: что король Сенарии — избалованный ребенок. Девятый вдоволь набранился и задал следующий вопрос:

— Больше ничего не обнаружили?

— Пока нет, ваше величество. Стражники, охранявшие покои вашей супруги, ваших дочерей и сына, не заметили ничего необычного.

— Нет же, это несправедливо! — воскликнул король, топая к трону. — Что я такого сделал? Я этого не заслуживаю!

Он уселся на трон, вдруг завизжал, подскочил и вцепился в руки лорда-генерала Агона.

— О боги! Мне дурно. Я умираю! Будьте вы прокляты, все до одного! Умираю! Стража! На помощь! Стража!

Голос короля звучал все пронзительнее, потом он зарыдал; стражники засвистели в свистки, зазвонили в колокольчики, и в тронном зале поднялся оглушительный шум.

Генерал Агон отцепил от своих рук пальцы слабеющего короля и передал его подхалиму Фергунду Са'фасти. Тот был настолько неумел и неловок, что не додумался поддержать Алейна. Король шлепнулся на пол и захныкал, как ребенок. Генерал Агон, даже не взглянув на него, пошел к трону.

Он нашел то, что желал отыскать, спустя мгновение-другое: из потертой тронной подушки торчала толстая длинная игла. Генерал попытался вытащить ее, но не смог. Иглу укрепили так, чтобы она не согнулась, если бы король неудачно сел на нее.

Генерал Агон извлек из ножен нож, разрезал подушку и достал иголку, не обращая внимания ни на звон колокольчиков, ни на стражников, одни из которых окружили короля, другие уводили всех остальных в соседнюю палату, где намеревались допросить.

К игле была привязана записка. «Возможно, на мне яд».

— Всем разойтись! — прокричал с порога невысокий человек, пробиравшийся сквозь толпу стражников.

Это был придворный лекарь.

— Пропустите его! — приказал лорд-генерал. Воины отступили от короля, до сих пор хныкавшего на полу.

Брэнт подал лекарю знак, показал ему записку и прошептал:

— Дайте ему снотворного, и побольше. Он не отравлен.

— Благодарю, — ответил лекарь. Король стянул с себя штаны и, выгибая шею, пытался рассмотреть ранку на заду. — Уж я-то знаю, как его угомонить, поверьте моему опыту, — шепнул лекарь.

Генерал едва удержался, чтобы не улыбнуться.

— Проводите короля к его покоям, — велел он стражникам. — Поставьте усиленную охрану возле дверей, в том числе двух стражников внутри. Остальные возвращайтесь к своим делам.

— Брэнт! — завопил король, когда воины стали поднимать его. — Брэнт! Надо убить его! Убить! Слышишь?

Брэнт Агон стоял, не двигаясь. Тронный зал мало-помалу опустел. Король желал объявить войну призраку, бесплотной тени, вооруженной стальными клинками. Вот что представлял собой этот мокрушник. Быть может, он еще опаснее. Скольким людям предстоит отправиться на тот свет из-за королевской прихоти?

— Милорд? — послышался несмелый женский голос. На пороге возникла служанка с узелком в руках. — Меня… отправили доложить, как обстоят дела. Но короля нет… и потом… Может, мне?..

Генерал посмотрел на нее внимательнее. Служанка, пожилая женщина, очевидно, опасалась за свою жизнь. Честь доложить о делах выпала ей, видимо, по жребию.

— Что у вас? — спросил генерал.

— Мы нашли вот что. Их оставили в королевских спальных покоях, сэр.

Служанка протянула Агону узелок. Тот развязал его и увидел шесть черных кинжалов.

— Где? — задыхаясь, спросил он.

— Лежали под… подушками… у всех членов королевской семьи, сэр.

22

Сознание Азота уловило звук детских шажков. Было странно слышать их, ведь он умер, но точно знал, что шаги ему не снятся. Голые ножки шлепали по камню. Наверное, Азот был на улице — стук не отдавался от стен эхом. Он попытался открыть глаза, ничего не вышло. Может, все это и значит — быть мертвым? Может, душа не должна отделяться от тела, а вынуждена до конца оставаться в нем и чувствовать, как оно медленно разлагается? Он взмолился о том, чтобы его не сгрызли собаки. Или волки. Ему снились кошмарные сны о волчище с жутким оскалом и горящими желтыми глазами. Что, если они все же явятся и станут рвать его на куски? Что с ним станет? Его поглотит вечная тьма? Или же он разделится на части, побывает в желудках дюжины волков и в конце концов окажется в земле?

К его лицу что-то прикоснулось, и глаза раскрылись сами собой. Азот услышал испуганное «ах» и лишь мгновение спустя увидел, кто его произнес. Над ним стояла маленькая девочка, быть может, лет пяти от роду. Широко распахнутые глазищи занимали пол-лица.

— Ты что, никогда не видела покойников? — спросил Азот.

— Папа! Папа! — заверещала девочка — так громко, как умеют кричать только дети.

Ее вопли отозвались в голове Азота лязганьем клинков. Он застонал и вновь упал на подушки. Подушки? Получалось, что его не убили. Наверное, следовало этому порадоваться.

Когда он вновь открыл глаза, по-видимому, прошло какое-то время. В комнате было светло и свежо. Большие окна стояли настежь раскрытыми, мебель из вишневого дерева и мраморный пол поблескивали на солнце. Азот узнал потолок с лепниной — ему уже доводилось рассматривать эти узоры. Он лежал в гостиной графа Дрейка.

— Воскрес из мертвых? — спросил, улыбаясь, хозяин дома. Заметив выражение Азотова лица, он добавил: — Прости. Ни о чем не размышляй. Постарайся вообще не думать. Вот, поешь.

Он поставил перед Азотом тарелку с дымящейся яичницей и ветчиной и бокал вина, обильно разбавленного водой. Вид еды пробудил дремавший желудок Азота. Несколько минут спустя он осознал, что и тарелка и бокал уже пусты.

— Так-то лучше. — Граф присел на край кровати и принялся по привычке протирать пенсне. — Ты помнишь, кто я такой? Понимаешь, где ты? Замечательно. А кто ты — знаешь?

Азот медленно кивнул. Кайлар.

— Мне велели кое-что тебе передать, но если ты еще не вполне хорошо себя

чувствуешь…

— Нет-нет. Что просили передать?

— Мастер Тулии сказал, что твоя главная задача сейчас — приготовиться к новой жизни и окончательно поправиться. Если дословно: «Не поднимай свою задницу с кровати. Надеюсь, к нужному времени ты будешь в должной форме».

Кайлар засмеялся. Сообщение ему передал явно мастер Блинт.

— А когда он за мной придет? По лицу графа пробежала тень.

— Позднее. Не волнуйся об этом. Теперь ты будешь жить здесь. Постоянно. На занятия с мастером, конечно, продолжишь ходить, а обо всем остальном позаботимся мы. Твой мастер сказал, что на полное выздоровление тебе потребуется время. У меня есть для тебя еще кое-что. Новости о твоей подруге.

— Вы про?..

— У нее все хорошо, Кайлар.

— Правда?

— Родители назвали ее Эленой. Она ходит в чистой одежде, ест трижды в день. Они очень добрые люди. И полюбили ее. У нее теперь вполне достойная жизнь. А тебе, если ты хочешь быть ей полезен, необходимо поправиться.

Кайлару показалось, что у него выросли крылья. Потоки лившегося сквозь окна солнечного света стали вдруг ярче, светлее. Букеты из лаванды и оранжевых роз на окне будто засияли. Последний раз так ему было хорошо очень давно — когда «Черного Дракона» еще не возглавил Крыс.

— Они даже сводили ее к женщине-магу. Та сказала, что сможет помочь Элене, только не знает, как убрать шрамы.

В счастье Кайлара будто плеснули дегтя.

— Да, это очень печально, — сказал граф Дрейк. — Но ты сделал для нее все, что смог. Теперь ей живется во сто раз лучше, чем на улице.

Кайлар почти не слышал его. Он смотрел на окно.

— Я сейчас не могу вам платить. А деньги получу, только когда продолжу заниматься с мастером… со своим мастером.

— Торопиться некуда. Заплатишь, когда сможешь. Ах да, твой мастер попросил передать тебе еще кое-что. «Учись от этих людей всему, что поможет стать сильным. Об остальном не задумывайся. Говори поменьше, слушай повнимательней, выздоравливай и радуйся. Быть может, другого столь же счастливого времени тебе больше не выдастся».

Кайлар был прикован к постели несколько недель кряду. Он старался спать столько, сколько ему советовали Дрейки, но у него не всегда получалось, и оставалось много лишнего времени, что сбивало с толку. Никогда прежде у него не было ни одной подобной минуты. Ошиваясь по улицам, он только и делал, что добывал пропитание или боялся Крыса или других издевавшихся над ним старших парней и девчонок. С мастером Блинтом приходилось до упаду тренироваться, и не оставалось времени даже на раздумья.

Теперь же, дни и ночи проводя в постели, он от безделья много размышлял. Тренироваться было нельзя. Чтение до сих пор давалось ему с большим трудом. Временами Азот готовился быть Кайларом. Следуя советам мастера Блинта, он сочинял рассказы о своей семье, о тех местах, где якобы прошло его детство, о разного рода приключениях. Истории получались невинными — такими, какие людям приятно слышать из уст одиннадцатилетнего мальчика.

Вскоре думать о себе как о Кайларе вошло у него в привычку. Он познакомился с дочерьми графа Дрейка и какую-то часть времени проводил в общении с ними. Хорошенькую пятилетнюю девочку, которую он до смерти перепугал, проснувшись в первый раз, звали Иленой. Долговязой Мэгс было восемь, а неуклюжей и замкнутой, как все подростки, Сэре — двенадцать. С девочками Кайлару было не так скучно, но графиня не позволяла им «надоедать» ему, твердила, что он должен «побольше отдыхать».

Граф и графиня оказались премилыми людьми, но граф Дрейк очень много работал, а у его жены были особые представления об одиннадцатилетних мальчиках, совершенно не совпадавшие с Кайларовыми. Он никак не мог понять, известно ли ей, кто на самом деле новый член их семейства, или же граф ничего ей не рассказал.

Графиня была стройная, светлокожая и голубоглазая — земное подобие небесных созданий, в существование которых свято верили Дрейки. Как и граф, она сама ухаживала за Кайларом, будто желая доказать, что не считает себя выше него. Доброта ее была искренней. Когда однажды, через несколько дней после первого пробуждения, Кайлару сделалось плохо и его стало рвать прямо на пол, графиня до последнего его придерживала, а потом засучила рукава и сама убрала рвоту. Кайлара всего трясло; ему было так дурно, что не хватало сил даже на то, чтобы по-настоящему удивиться. Но позднее он воспроизвел в памяти события того дня.

Графиня постоянно приносила ему еду, справлялась о его самочувствии и читала ему вслух глупые детские книжки. В них доблестные герои убивали колдунов-злодеев. И не было оборванцев-детей, которым приходится рыться в помоях и блевотине у постоялых дворов, чтобы найти что-нибудь съестное. В этих книгах не упоминалось ни про малолетних жертв насилия, ни про покинутых друзей; а спасенных книжных принцесс никто не уродовал так, что даже маги не могли заживить шрамы.

Кайлар ненавидел эти истории, однако знал, что графиня желает ему добра, поэтому кивал и улыбался, а когда герои побеждали — проигрышей они не ведали, — прикидывался, что безумно рад.

Неудивительно, что все мальчики из благородных семей мечтают командовать целыми армиями, думал он про себя. Вот если бы и в жизни все было так, как в сказках, которые им читают матери! Хорошо бы и впрямь ликовать, что враг убит, а не давиться рвотой, потому что ты видел голый хрящ и кровь там, где отрезал ему ухо. Потому что кровь миллионами завитков растекается по воде, откуда ему не выбраться из-за привязанного к ноге тяжелого камня.

Графиня всякий раз решала, что дрожь Кайлара после ее чтения вслух — признак того, что ему пора отдохнуть. И, воскресив в нем жуткие воспоминания, уходила, а он оставался один на один с разъяренными призраками.

Каждую ночь Кайлар вновь становился Азотом. Каждую ночь он возвращался в лодочную мастерскую и видел голого, волосатого, жирного Крыса. Тот приближался к Азоту, горя похотью. Потом вдруг с плеском шлепался в воду и выпрямлялся, притягиваемый ко дну тяжелым грузом. Каждую ночь Азот видел, как Крыс уродует лицо Куклы.

От кошмаров Кайлар просыпался и лежал в кровати, борясь с чудовищными видениями. Азот был слаб, но его больше не существовало. Кайлар же мог похвастать силой, умел действовать. И собирался стать таким же, как мастер Блинт. Его ничто не страшило. В любом случае жизнь изменилась. Куда лучше лежать здесь, в постели, чем на полу, под звуки Джарлова хныканья.

Спустя какое-то время он опять засыпал, но его одолевали новые кошмары. Утро приносило некоторое облегчение. Воспоминания мало-помалу отступали. Днем Кайлар повторял себе, что поступил так, как должен был. Ему надлежало убить Крыса и бросить Куклу и Джарла, больше с ними не видеться. Он знал, как устроилась судьба Куклы, и этого было достаточно. «Жизнь бессмысленна, — вновь и вновь звучало в голове. — Лишив Крыса жизни, я не отнял у него ничего ценного».

Если бы не визиты Логана Джайра, Кайлар, быть может, не выдержал бы. Логан приходил через день, неизменно с Сэрой Дрейк. Сначала Кайлару казалось, что юный лорд навещает его, потому что до сих пор чувствует себя виноватым, но вскоре выяснилось, что это совсем не так. Между ребятами завязалась дружба, общение доставляло им радость. Логан был странный: не глупее Джарла и прочел сотни книг. В Крольчатнике он не выжил бы и недели, зато о придворной политике рассуждал запросто. Имена знатных особ, их

биографии, устремления, имена их друзей и врагов, важные события в истории страны — обо всем этом Логан мог говорить часами. Нередко Кайлар не понимал, почему не возьмет в толк, о чем ему рассказывают. Потому ли, что он ничего не знает о придворной жизни, или потому, что Логан изъясняется витиеватыми фразами? Сам себя юный лорд называл «многоглаголивым». Что это значило, для Кайлара оставалось загадкой.

Тем не менее их дружба крепла, а Сэра Дрейк этому способствовала. Она всегда приходила с Логаном, желая больше бывать с ним рядом, и, если разговор прерывался неловким молчанием, придумывала, чем его заполнить. Кайлар, прослушав очередную речь Логана, нередко не знал, что отвечать, тогда Сэра, не успевал Логан спросить «что тут непонятного?», заводила речь о чем-нибудь совершенно ином. Если бы Кайлар не жаждал спастись от тягостных воспоминаний, он, быть может, сошел бы с ума от болтовни Сэры. Но, судя по всему, таковы были все девочки-аристократки.

Как-то утром Кайлар сидел в кровати после очередной кошмарной ночи. Ему снилось, что лицо Куклы искалечил именно он, что он бил ее ногами, он торжествовал, наблюдая, как исчезает ее красота.

В комнату вошел граф Дрейк. Пальцы в чернилах, лицо уставшее. Придвинув стул, он сел рядом с кроватью.

— Опасность, как нам кажется, миновала.

— Что, простите? — спросил Кайлар.

— Извини, мы кое о чем тебе не рассказывали. Боялись, что ты сгоряча натворишь глупостей. В последнее время твоего мастера не раз пытались убить. Теперь в городе на четыре мокрушника меньше. После трех покушений он дал понять, что, если безобразие не прекратится, следующим простится с жизнью сам король.

— Мастер Блинт убил короля! — воскликнул Кайлар.

— Тсс! Не произноси это имя, — велел граф Дрейк. — Один из Девятерых, Дейбин Воша, главный в Са'каге по контрабанде, узнал об угрозе твоего мастера, решил, что ему выдается блестящая возможность заполучить побольше власти, и натравил на Дарзо очередного мокрушника. Воша надеялся, что Дарзо либо погибнет сам, либо сдержит слово и прикончит короля. Дарзо обо всем узнал и убил того мокрушника и Вошу.

— Значит, все эти события происходили, пока я отлеживался в постели?

— Помочь мастеру ты не мог, — сказал граф Дрейк.

— А что этот Дейбин Воша имел против мастера… моего мастера?

Кайлар даже имя это слышал впервые.

— Не знаю. Может, ничего. Таковы обычные методы Са'каге, Кайлар. У них повсюду интриги и заговоры, но ни к чему дельному это не приводит. Большинство из них рано или поздно отваживаются на особо крупную аферу, мечтая быть не просто наблюдателями, а главными действующими лицами, и гибнут подобно Воше. В общем, король узнал о последней попытке убить твоего мастера и до смерти испугался. Другой на его месте сумел бы воспользоваться случаем, Алейн же неспособен укреплять свою власть. Логану в связи с происходящим придется некоторое время пожить за пределами города.

— А мы только-только по-настоящему подружились, — протянул Кайлар.

— Дружба с таким человеком, как Логан Джайр, поверь мне на слово, продлится всю жизнь.

23

Кто-то ударил Кайлара. Довольно чувствительно.

— Просыпайся, мальчик.

Кайлар выбрался из дебрей кошмара и увидел буквально в футе от себя лицо мастера Блинта. Тот собирался шлепнуть его еще раз.

— Мастер… — Кайлар споткнулся. — Мастер Тулии?

— Замечательно, что ты меня помнишь, Кайлар. — Мастер Блинт встал и закрыл

дверь. — У меня не так много времени. Как ты себя чувствуешь? Нормально? Только не лги.

— Я еще немного слаб, сэр, но мне становится лучше.

Сердце Кайлара билось как сумасшедшее. Он все это время мечтал поскорее увидеть мастера Блинта, а теперь вдруг обозлился на него.

— Судя по всему, тебе будет плохо еще недельку-другую. По-видимому, киндерперил и мазь из авориды вместе действуют не так, как я ожидал. Или дело в твоем *таланте.*

— В *таланте?* Что вы имеете в виду? — спросил Кайлар резче, чем намеревался.

Блинт как будто не обратил на это внимания.

— Я имею в виду то, что поначалу все воспринимают магию по-разному.

— Да нет. Я о том, смогу ли я после этого…

— Летать? Становиться невидимкой? Лазать по стенам? Управлять огнем? Расхаживать среди смертных богом? — Блинт усмехнулся. — Вряд ли.

— Да нет же, я хотел спросить: смогу ли я ходить так же быстро, как вы? — с той же резкостью произнес Кайлар.

— Пока не знаю. Одно скажу наверняка: ты будешь перемещаться гораздо быстрее, чем те, у кого нет *таланта,* но людей, одаренных настолько, насколько одарен я, немного.

— Что же я смогу делать?

— Ты еще не вполне здоров, Кайлар. Поговорим после.

— Мне здесь совсем нечем заниматься! Я даже не встаю с кровати. Все, что происходит, от меня скрывают.

— Ладно, — сказал мастер Блинт. — Твой *талант* — все и ничего. В Уэддрине или Алитэре тебя называли бы магом. Шесть школ завели бы между собой спор о том, что тебе следует изучать и какого цвета носить мантии. В Лодрикаре или Халидоре ты считался бы майстером, вырастил бы на руках вир — подобие татуировки — и преклонялся бы перед королем, как перед Богом, но вместе с тем продумывал бы, как всадить ему в спину нож. В Иммуре ты был бы сталкером — всеми почитаемым охотником на животных и порой на людей. Во Фриаку ты бы звался горати, непобедимым воином, и в один прекрасный день мог бы стать королем, знающим толк в том, как угнетать людей и быть рабовладельцем. А на западе ты уже был бы в океане. — Он улыбнулся.

Кайлар же оставался предельно серьезным.

— Маги думают — они бы сказали «предполагают», для пущей важности, — что разные страны дарят миру разные *таланты.* Поэтому людей со светлой кожей и голубыми глазами считают колдунами, а смуглых — воинами горати. По их мнению, лишь маги из Ганду могут быть настоящими целителями. Утверждают, будто желтая кожа — верный признак того, что ее обладатель может врачевать. Это заявление ошибочно. Да, наш мир поделен на страны, но *талант* один. Каждый народ признает тот или иной вид магии, за исключением лэ'нотцев, которые ненавидят волшебство и соответственно не верят в него, но это отдельный разговор. Однако всякий народ имеет о магии свои представления. В Ганду много лет назад создали заклинание, страшнее которого свет не видывал. Это повлекло за собой такие ужасы, какие ты и вообразить себе не можешь, поэтому время спустя жители Ганду совсем отказались употреблять волшебство как оружие и теперь используют его только в лечебных целях. На протяжении веков они накопили серьезный запас знаний по врачеванию, а многие другие способности утратили. Если в ком-то из них проявляется *талант* управлять огнем, этот человек стыдится самого себя и позорит всю свою семью.

— Значит, нам об этих людях никогда ничего не узнать? — спросил Кайлар.

— Верно. Словом, существует то, что известно многим вокруг тебя и чему можно обучиться, то, в чем ты особенно ловок по своей природе, и то, что можешь постичь, приложив некие усилия. *Талант* — нечто само собой разумеющееся, и вместе с тем его можно менять. Это что-то вроде умственных способностей.

Кайлар недоуменно смотрел на мастера.

— Хорошо, объясню иначе. Есть люди, которые умеют производить в уме замысловатые вычисления. Другие говорят на нескольких языках. Для всего этого требуются

задатки.

— Так.

— То, что ты способен производить вычисления, еще не означает, что ты посвятишь этому всю свою жизнь. А женщина, которая вынуждена заведовать счетными книгами и у которой есть соответствующие данные, естественно, научится считать. Или возьмем политика со склонностью к языкам. Если он не станет изучать иностранные языки, то всю жизнь будет говорить на одном-единственном — на родном.

Кайлар кивнул.

— Женщина, заведующая счетными книгами, если задастся целью и если приложит много усилий, возможно, и выучит еще один язык, но никогда не сможет бегло говорить на дюжине языков, а наш политик в жизни не произведет в уме сложный расчет. Понимаешь, к чему я клоню?

Кайлар задумался. Мастер Блинт не торопил его.

— Мы знаем, что у меня есть *талант,* но какой именно и много ли его — неизвестно, поэтому сложно сказать, что я смогу делать.

— Правильно. Я буду шаг за шагом обучать тебя, и ты непременно обретешь какие-то навыки. Если тебе потребуется спрятаться, *талант* затемнит то место, где ты стоишь. Понадобится незаметно где-то пройти? Он приглушит звук твоих шагов. Однако, как и всякий талант, он не безграничен. При свете полуденного дня ты в любом случае будешь заметен. А если под твоими ногами будет ковер из опавшей листвы, шаги, разумеется, не удастся сделать неслышными. У тебя есть *талант,* но ты, увы, не бог. Стань ты хоть самым красноречивым человеком в мире, если обзовешь короля — отправишься к палачу.

— А если я прекрасно выучу двенадцать языков, а вы заговорите со мной на тринадцатом, я вас не пойму.

— Порой ты умеешь слушать, — заметил мастер Блинт. — Итак, мне пора. Граф Дрейк о тебе позаботится. Он прекрасный человек, Кайлар. Исключительный человек. На него ты можешь положиться во всем, но не прикипай к нему душой. И думай о себе только как о Кайларе. Азот мертв.

— Мертв? — В Кайларе всколыхнулись ненавистные воспоминания, страх и злость. Маска вдруг слетела с его лица, он вновь стал Азотом и схватил мастера Блинта за руку. — Но… я же не?..

— Нет. Конечно нет. Полагаешь, что ты в аду? — Блинт обвел комнату жестом. — Ха! В рай меня бы ни за что не пустили.

Азоту ясно вспомнилось, как он видел торчащий из своей груди клинок. Нет, тут не могло быть ошибки. Что все это значило?

— Я не должен был соглашаться работать на них, — сказал мастер Блинт. — Они превратили бы меня в головореза, а оправдать и защитить не сумели бы. И в конце концов прикончили бы. Расправляться с врагами проще, чем с друзьями.

— Значит, вы убили нескольких мокрушников? — спросил Азот, стараясь держать себя в руках.

Он все это время гнал прочь мысли о том злополучном дне, а теперь больше не мог бороться с ними. Ему вспомнился ужас во взгляде лорда-генерала и то, как он, Азот, посмотрел себе на грудь…

— Толковые ребята не станут даже пытаться охотиться за мной. Врабль, Висельник, Рубщик — они вполне прилично получают и за обычную работу. Рисковать собственными шкурами им нет никакого смысла. А ты запомни: ты Стерн. И носишь эту фамилию с гордостью, несмотря на то что она не дарит тебе богатств. Стерны — бароны, то есть принадлежат к высшей знати, хоть и стоят на самой низшей ее ступени…

— Знаю, — сказал Азот, перебивая мастера. — Знаю.

Лицо мастера Блинта на миг сделалось виноватым. Или Азоту это лишь показалось? Мокрушник достал из кармана зубок чеснока и забросил его в рот. Если бы на его месте был кто угодно другой, он исчез бы из комнаты, не мешкая ни минуты, чтобы ничего не

объяснять.

«Почему я так стараюсь угодить человеку, который чуть не убил меня? — подумал Азот. — Наверное, до сих пор надеюсь, что я ему дорог…»

Несколько недель подряд Азот пролежал в постели, совсем один. С прежней жизнью его теперь ничто не связывало. В ней остались его настоящие друзья — Кукла и Джарл. Только для них одних он что-то значил. Теперь его приятелем как будто стал Логан Джайр, но и ему пришлось уехать. Азота не навещала даже Мамочка К.

Когда граф и графиня приходили к больному вместе, это причиняло ему почти настоящую боль. Они непритворно любили друг друга, были счастливы и дорожили тем, что имели. Даже Логан и Сэра время от времени обменивались взглядами, в которых сквозило глубокое чувство. Эти взгляды, эта любовь отзывались в сердце Кайлара такой отчаянной тоской, что начинало сосать под ложечкой. Это не было голодом. Голод изводит, но его не стоит бояться. Нынешнее же ощущение можно было сравнить с иссушающей тело предельной жаждой. Кайлар как будто умирал от жажды, лежа на берегу самого большого в мире озера.

Эта вода предназначалась не ему. Для него она была океаном, соленым морем. Попьешь — захочешь пить еще нестерпимее, хлебнешь еще глоток — и сойдешь с ума, а потом околеешь. Любовь для мокрушника — все равно что смерть. Привязанности, слабости и уязвимость грозят гибелью не только ему самому, но и всем, кого он любит. Жизнь Азота умерла. Он поклялся никого никогда не любить, еще не ведая о существовании того, что роднило графиню и графа. И переносил бы легче свои муки, если бы знал, что и он кому-то нужен.

Живя у мастера Блинта, Азот лелеял надежду, что он дорог мокрушнику, что тому небезразлична его судьба. Порой ему казалось, что мастер Блинт даже гордится им. Седовласый лорд-генерал был Азоту непонятен, однако в неверии, отразившемся в глазах этого человека, когда мастер Блинт зарезал ученика, Азот увидел нечто очень верное. Блинт не должен был так поступать.

Азот вдруг заплакал.

— Как вы могли? Что на вас нашло? Ведь нельзя же так!

Блинт на миг растерялся, но внезапно пришел в ярость. Схватив Азота за рубаху, он тряхнул его.

— Черт тебя дери! Пораскинь мозгами, если до сих пор ничего не понял! Мне следовало отправить тебя на тот свет. Помнишь, я сказал, что мне плевать, убьют ли они тебя? Думаешь, он в это поверил?

Азот отвернулся, признавая правоту мастера.

— Вы все заранее просчитали.

— Разумеется, просчитал! Для чего, скажи на милость, мы осветлили твои волосы? Это был единственный способ тебя спасти! Азоту следовало умереть, но Кайлар остался в живых. В противном случае ты бы стал их жертвой. Запомни: любую привязанность рано или поздно используют против тебя. Наша сила в одиночестве. Вот почему четверо мокрушников не смогли меня одолеть. Я ни к кому не привязан. Поэтому-то я и запретил тебе влюбляться в кого бы то ни было. Любовь — это слабость. Едва ты не в силах от кого-то уйти, считай, что ты угодил в ловушку и обречен. Если кто-то втемяшит себе в голову, что мне хоть самую малость небезразлична твоя судьба, ты станешь мишенью. Для всех вокруг.

«Как он так может? — раздумывал Азот. — Откуда у него столько мужества?»

— Смотри. Внимательно смотри на мои руки, черт побери!

Блинт поднял руки. В них ничего не было. Он сжал пальцы в кулак и ударил по второй руке. Из нее, с другой стороны, высунулся окровавленный клинок. Блинт отдернул кулак, лезвие расплылось, как дым, и исчезло.

— Моего *таланта* хватает и на подобные фокусы, Кайлар. В прошлый раз у меня получилось лучше, потому что от этого многое зависело. Я всего лишь уколол тебя в спину иглой, а потом создал мираж. Все вышло, как я задумывал.

— Но ведь я что-то почувствовал… — сказал мальчик.

К нему возвращалось самообладание. Он вновь ощущал себя Кайларом и больше не плакал.

— Естественно, почувствовал. Я уколол тебя иглой, в это мгновение из твоей груди высунулся клинок. И начал действовать набор разнообразных ядов — твой организм стал с ними бороться. Ты воспринял происходящее так, как и должен был. Я пошел на огромный риск, Кайлар. На создание подобного миража требуются почти все силы, которые обычно я расходую за целый день. Если бы в комнату ворвались воины Агона, мы бы с тобой пропали. Из-за отравы, которую я в тебя вколол, ты очень ослаб. Тебе хватило бы одного удара. Тем не менее у меня не было иного выхода.

«Мастеру Блинту все же небезразлична моя судьба». Мысль пронзила сознание Азота разрядом молнии. На его спасение мастер Блинт решился пустить в ход все свои силы. Пусть даже его заботил не сам ученик, а только его способности. Азоту — вернее, Кайлару! — показалось, что мокрушник только что его обнял.

Ни один взрослый никогда прежде не проявлял к нему ни малейшего участия. Единственным человеком, который мог ради него поставить на карту все, был Джарл, но Джарл остался в прежней жизни.

Азот ненавидел Азота. Из-за его трусости, слабости, предательств, страхов, нерешительности. Азот вечно во всем сомневался. Мастер Блинт не знал об этом, но отрава с той иглы убила Азота. Теперь он был Кайларом, а Кайлар намеревался стать тем, кем Азот быть не отваживался.

В это самое мгновение Азот навек превратился в Кайлара, а Кайлар стал безгранично предан Блинту. Раньше он подчинялся мастеру из страха, даже мечтал убить его, когда всему выучится. Теперь от всего этого не осталось и следа. Мастер Блинт сурово обходился с Кайларом лишь потому, что того требовала суровая жизнь.

Блинт был суровее всего того, что Азот видел в Крольчатнике. Он не позволял себе любить, ибо знал, что любовь погубит Кайлара. Мастер Блинт был опытнее и прозорливее Кайлара. Обладал невиданной силой, которую желал развить и в Кайларе. И бывал свиреп, но лишь ради Кайларова блага. Все, что делал Блинт, делалось для защиты ученика либо для того, чтобы воспитать из него отличного мокрушника.

Назвать все это любовью было невозможно. Ну и что с того? Следовало довольствоваться малым. Берега огромного озера и обилие питья, по-видимому, предназначались знати. А жизнь цехового крысенка течет по совсем иным законам. Кайлар будто бы обитал в пустыне. Впрочем, и в пустынях есть оазисы. Один из них возник специально для Кайлара. Для Азота в нем не хватало места. Оазис был небольшим, а Азотова жажда не знала предела. Кайлар мог выжить. Знал, что выживет. И станет таким, что мастер Блинт будет им гордиться.

— Итак… — сказал мастер Блинт. Прочесть мысли Кайлара он, конечно, не мог, но его глаза заблестели особенным блеском. — Готов ли ты, мальчик, стать мечом во тьме?

24

— Вставай, мальчик. Настало время убивать.

Кайлар мгновенно очнулся ото сна. Ему было четырнадцать лет; тренировки делали свое дело, поэтому теперь он, едва раскрыв глаза, проверил, не грозит ли ему опасность. На любой вопрос следовало давать краткий ответ. Не заострять внимания на чувствах. Что тебя разбудило? Голос. Что ты видишь? Темень, пыль, полуденный свет, лачугу. Чем пахнет? Блинтом, сточной водой, рекой Плит. Что вокруг тебя? Теплое одеяло, свежая солома, моя кровать и никаких сигналов тревога. Двигаться можешь? Да. Где ты? В укрытии. Не подстерегает ли тебя опасность? Последний вопрос, само собой, был главным. Движений Кайлара ничто не стесняло, его оружие лежало на месте, как и полагается, в ножнах. Все как будто шло своим чередом.

Тем не менее расслабляться не следовало даже здесь, в мрачном доме-укрытии за уцелевшим строением древнего акведука. Дарзо не раз привязывал меч к потолку над кроватью Кайлара; заметить его сразу было почти невозможно. Дарзо будил Кайлара, выжидал несколько секунд, определял, что ученик не видит опасности, и перерезал веревку. В первый и во второй раз на острие был защитный наконечник, в третий его не было.

Однажды Дарзо подослал к спящему Кайлару Резаного Врабля — Дарзо называл его Беном. Резаный Врабль надел одежду Дарзо и, пустив в ход свой *талант,* заговорил голосом Дарзо. В этот раз Кайлар не попался в ловушку. Накануне Врабль съел чесночное блюдо, но запах от него шел совсем не тот, какой бывает, когда ешь зубчики чеснока просто так, причем довольно часто.

Наконец Кайлар вспомнил, что услышал. Настало время убивать.

— По-вашему, я уже готов? — спросил он с замиранием сердца.

— Ты был готов уже год назад, да все не подворачивалось подходящей работы, которую я мог бы тебе поручить.

— Что нужно делать?

«Неужто я и впрямь был готов год назад?» — подумал Азот. Дарзо был скуп на похвалы, а когда все же отвешивал комплимент, не вдавался в подробности и тут же находил, к чему придраться.

— Жертва во дворце, убрать его следует сегодня. Ему двадцать шесть лет от роду, военному делу не обучен, наверняка будет безоружен. Однако он всегда в центре внимания, и у него множество разных дел. Наемному убийце… возможно, придется прикончить не только его одного. — Слово «убийца» он произнес с усмешкой, как сделал бы и любой другой мокрушник. — Но на оплату это не повлияет. Главное условие соглашения — убить жертву. Ступай и выполни задание.

Сердце Кайлара билось все громче. Значит, вот как все складывается. Ему поручают не пробную работу и не для того, чтобы проверить, может ли он убивать в одиночку, может ли вообще быть мокрушником, сумеет ли проникнуть внутрь — не просто чьего-либо дома, а самого дворца! — а после выбраться оттуда целым и невредимым? И в состоянии ли он воспользоваться *талантом* — тем, что отличает мокрушника от убийцы?

Как это у него получается? — в который раз задумался Кайлар. Блинт с блеском определял и исследовал все слабые места ученика, в особенности главный его недостаток — Кайлар не мог применять на деле *талант.* Пока не мог. Это не удавалось ему еще ни разу. Блинт сказал, что пользоваться своими магическими силами Кайлару будет теперь гораздо проще. Мастер не упускал возможности ставить ученика в затруднительные условия, надеясь, что дополнительные встряски и необходимость срочно найти выход помогут разбудить Кайларов *талант.* Увы, тот до сих пор дремал.

Дарзо не раз рассуждал вслух, не стоит ли ему просто взять и убить Кайлара, однако не делал этого, ибо с прочими задачами Кайлар справлялся неплохо. Однако без *таланта* его ждал провал. И ему не светило стать настоящим мокрушником.

— Кто заказал убийство? — спросил Кайлар.

— Шинга.

— Вы доверяете это дело мне?

— Проникнешь во дворец под вечер. Если не справишься с задачей, тогда в полночь приду я, а шинге принесу две головы.

Кайлар не стал спрашивать, чья будет вторая голова.

— В чем вина жертвы?

— Тебя это не касается.

— Это важно?

В руке Дарзо появился нож, но во взгляде не вспыхнуло ярости. О чем-то задумавшись, он принялся перемещать нож с пальца на палец. Палец, палец, палец, остановка. Палец, палец, палец, перекат. Как-то раз Азот наблюдал, как такую же штуку проделывал с монетой бард. Забавляться с ножом умел лишь Дарзо.

— Нет, — наконец ответил он. — Это не столь важно. Его имя — Девон Корги. Скажем так: выбираясь из темноты, большинство людей стремятся прихватить с собой пару мешков со сладостями. Мешки затрудняют путь и сбивают с толку. Я знал единственного человека, который был готов сполна заплатить за уход из Са'каге.

— Как его звали?

— Мальчик, через два часа у тебя свидание с жертвой. Может, задашь вопросы посущественнее?

— Девон Корги? — Стражник нахмурился. — Не-а, я такого не знаю. Эй, Игрок, ты, случаем, не знаешь Девона Корги? — спросил он у другого стража, входившего в огромные западные ворота дворца.

Все устроилось слишком просто. Кайлар давным-давно украл платье и сумку, которые носили посыльные крупнейшей в городе курьерской службы. Те, кому недоставало слуг, нанимали мальчиков (из благополучных районов, не цеховых крысят), и те доставляли послания кому следует.

Если кто-нибудь из попадавшихся навстречу Кайлару стражников смотрел на него с подозрением, он подходил к ним и просил указать ему дорогу. Неужели они не видят? Неужто не догадываются? — думал он. Все эти люди были обязаны охранять покой Девона Корги, равно как и всех остальных обитателей замка, а не подсказывать убийце, как найти жертву. Неужели они настолько тупы? Кайлар чувствовал власть над этими людьми, а вместе с ней — некоторое смущение. Должно быть, бесконечные тренировки с Блинтом делали свое дело. Кайлар становился опасен. «Как они не понимают, кто я такой?» — снова и снова спрашивал у себя он.

— Это наверняка тот, у которого дергается глаз, тот, что шарахается от каждой тени. Проторчал в замке целую неделю. Думаю, он сейчас наверху, в северной башне. Если хочешь, я сам передам ему послание. Через десять минут начинается моя смена. Начну обход как раз с этой башни.

— Нет, благодарю. Надеюсь, он мне щедро заплатит. Как туда попасть?

Стражник стал объяснять Кайлару, как пройти к северной башне, Кайлар по ходу дела продумывал план. Убить будет нетрудно. Ребенок не вызовет особенных подозрений. Можно будет подойти совсем близко к жертве. Но прежде надо найти ее — в этом и заключалась основная сложность. Девон не сидел на одном месте, а перемещался по всему замку. Это грозило разного рода опасностями, в особенности потому, что убить надлежало сегодня же. Северная башня, судя по всему, стояла особняком, что обнадеживало. С другой стороны, то, что туда собирался наведаться стражник, пугало. Кайлар только что беседовал с ним и сообщил ему, кого ищет.

Блинт замаскировал ученика, и теперь Кайлар выглядел совершенно иначе и на несколько лет моложе. Убивать следовало так, чтобы все терялись в догадках. Мокрушник оставляет покойников, но не улики. Надо было найти Корги, спрятаться, дождаться, когда уйдет стражник, и прикончить жертву.

«Как пришел, так и уйду, трудностей не возникнет, даже без *таланта»,* — сказал себе Кайлар.

Дворец поражал воображение. Блинт всегда отзывался о нем с презрением, однако Кайлару он показался самым прекрасным зданием в мире. Сооруженный из такого же черного гранита, из которого много-много лет назад в Крольчатнике строили акведуки, дворец красовался на фоне гор у самой границы с Кьюрой. Каменоломнями теперь владели Са'каге; в нынешние времена строить дома из камня могли позволить себе лишь богатеи. Поэтому-то из акведуков исчезли почти все опоры — их для личных нужд или на продажу на черном-пречерном рынке утащили на свой страх и риск бедняки из Крольчатника.

Сенарийский замок возвели четыреста лет назад, в те времена, когда после тридцатилетнего правления короля Абиназэ Сенария считалась непобедимой. Строительство едва закончилось, как королю пришла мысль расширить свои владения и соорудить чуть

восточнее дворцовую часовню. Его желание претворили в жизнь тысячи магов. Оборонял замок не ров, а река Плит, насыпь на острове Вое и сооруженная на нем крепость. Нынешняя северная окраина Крольчатника в ту пору служила внутренним двором замка. Крольчатник лежал на узком обрывистом полуострове. Замок был продуман так хитро, что ни деревянную крепость, ни обнесенный частоколом Крольчатник ни разу не захватывали. Король Абиназэ возгордился и спустя годы заменил деревянный дворец каменным. Город разрастался, народ стал заселять и восточный берег реки Плит. Акведуки для всех оставались загадкой. Они появились задолго до короля Абиназэ неизвестно с какой целью — воды для питья всегда было вдоволь в реке, хоть и особой чистотой она никогда не отличалась.

Кайлар пересек ромбовидный двор и стал подниматься по каменной лестнице. За несколько веков серединные части ступеней стерлись, превратившись в углубления. Стражи не обращали на посыльного никакого внимания, а Кайлар шел с видом прислужника, притворяться которым ему доводилось чаще всего. Блинт всегда повторял, что достойная маскировка надежнее самой густой тени. В таком виде Кайлар мог спокойно пройти мимо любого своего знакомого, за исключением, пожалуй, графа Дрейка, примечая все, что попадалось ему на пути.

Вскоре шум внутреннего двора и главной залы остались позади. Кайлар миновал длинную очередь ожидавших беседы с его величеством, раскрытые двойные двери в сад и направился к северной башне. Во всех залах, мимо которых лежал его путь, было полно народа. Наконец он приблизился к передней палате, служившей входом в башню.

Девона Корги там не оказалось. Кайлар, стараясь производить как можно меньше шума, открыл дверь, вышел на лестницу и стал тихо подниматься по ступеням. Места, чтобы спрятаться, не было: ни статуй у стен, ни занавесей.

На самом верху располагались просторные спальные покои. Последнее время в них, судя по всему, никто не жил. Там-то и обнаружился тот, кого искал Кайлар. Держа в руке учетную книгу, Девон Корги выдвигал один за другим ящики комода — видимо, пересчитывал аккуратно сложенные простыни и запасные занавеси для большого закрытого ставнями окна. Кайлар ждал. Девон стоял боком к двери; воспользоваться *талантом* и стать незаметным Кайлар не умел, поэтому Девон мог его запросто увидеть.

Ожидание — всегда самое трудное. Спрятаться Кайлару было негде; его стали одолевать мысли о том, что наверх с минуты на минуту поднимется стражник. Если тот увидит, что посыльный все еще тут, непременно заподозрит неладное, обыщет его, заметит разрез на штанах и обнаружит нож в ножнах, пристегнутых к внутренней стороне Кайларова бедра. Однако пока ничего не происходило. Кайлар стоял незамеченный и напрягал слух, стараясь расслышать даже скрип пера по страницам учетной книги.

Наконец Девон прошел к дальней стене почти круглой комнаты и исчез в кладовой. Кайлар прокрался внутрь покоев и стал осматриваться по сторонам в поисках укрытия. Ступал он совершенно бесшумно. Мастер Блинт научил его уваривать сок каучукового дерева, чтобы получилась очень мягкая подошва для башмаков. Стоили материалы дорого (их привозили из далеких краев), а разница в сравнении с подошвой, сделанной из качественной кожи, была не столь велика, но для мастера Блинта и всякая малость имела значение. Поэтому-то он и считался лучшим из лучших.

Подходящего укрытия все не находилось. Кайлару требовалось такое место, где он мог бы достать и приготовить оружие, откуда мог бы видеть всю комнату и в определенное время выскочить — либо для нападения, либо для побега. Такое место, которое позволяло бы приготовиться или уйти без каких-либо помех. В этой же комнате не было ни одного затененного угла. Тут и там светлели ширмы из рисовой бумаги, но все они были сложены и стояли у стен. Спрятаться оставалось лишь под кроватью. Будь Кайлар мокрушником, он мог бы вскарабкаться по стене и повиснуть на цепях люстры, но об этом не следовало и мечтать.

«Под кровать? — подумал он. — Мастер Блинт мне подобного не простит».

Увы, выбирать не приходилось. Кайлар опустился на пол и, опираясь лишь на кончики пальцев рук и ног, заполз под ложе. Хорошо, что он до сих пор оставался довольно худым —

места под кроватью оказалось маловато. С лестницы послышались шаги.

«Стражник, — подумал Кайлар, замирая в неудобной позе. — Наконец-то. Только не задерживайся тут, заглянешь и иди своей дорогой».

Расположился он так, чтобы наблюдать за кладовкой, то есть видеть входную дверь не мог, но по звуку шагов ему вдруг стало ясно, что пришел вовсе не стражник. Девон выскочил из кладовой, прижимая к груди сундучок.

— Тебе нельзя сюда приходить, Бев, — сказал он исполненным вины голосом.

— Ты уезжаешь, — с упреком произнес женский голос.

— Нет. — У Девона задергался глаз.

— Ты обокрал их всех, а теперь воруешь и у короля. Удивительно, но я никак не могу поверить в то, что ты мне лгал. Мерзавец!

Женщина повернулась к двери. Девон подскочил к кровати и, чуть не задевая Кайлара носком, поставил на нее сундук.

— Бев, прости меня. — Он направился к выходу. Кайлара охватил ужас. Что, если Девон последует за ней, а она устремится вниз? Тогда Кайлару придется убить обоих на лестнице, перед самым приходом стражника? — Бев, пожалуйста!

— Отправляйся к дьяволу! — Женщина выбежала, хлопнув дверью.

Будет исполнено, подумал Кайлар, шутя сам с собою в духе Дарзо. Мастер Блинт любил повторять, что самое приятное в этом грязном деле — возможность подслушивать чужие разговоры и что мудрость сказанных перед смертью слов непомерно преувеличивают. Будет исполнено? Кайлару сделалось совестно за свою бессердечную шутку. Планам и намерениям Девона было суждено оборваться, а Кайлар еще и насмехался над ним.

Девон выругался, однако за женщиной не последовал.

— Где чертов стражник? Давно должен был быть здесь.

Так складывается всякий раз, объяснял Дарзо Кайлару. Ты приходишь в разгар драмы — не важно, началась ли она только что или длилась долгие годы. Твое появление — развязка. Тебе незачем знать, с чего все началось и почему. Кем Бев приходится Девону? Возлюбленной? Соучастницей в преступлении? Подругой? Сестрой?

Кайлар не знал. И не должен был знать. Из-за двери послышалось приглушенное звяканье. Девон схватил счетную книгу. Дверь открылась.

— Здорово, Дев! — воскликнул стражник.

— Привет, Игрок. — В голосе Девона звучала тревога.

— Нашел тебя посыльный?

— Какой еще посыльный?

— А-а! Должно быть, заплутал, чертенок. Как тут дела? Порядок?

— Конечно. Все хорошо.

— Ну, бывай.

Стражник ушел. Девон выждал полминуты, приблизился к кровати и стал набивать карманы. Чем — Кайлар не видел.

Пора. Страж уже достаточно далеко; если Девон вскрикнет — никто ничего не услышит. Девон отошел к комоду. Кайлар, точно насекомое, выполз из-под кровати, выпрямился и достал нож. До Девона было рукой подать. Сердце Кайлара бешено колотилось; ему казалось, он слышит, как несется по жилам кровь.

Он все делал правильно. Прежде чем встать, должным образом настроился, двинулся к жертве проворно и неслышно, готовый к любому непредвиденному повороту. Подняв руку с ножом примерно на уровень глаз, он уже вообразил, как хватает Девона и «одаривает» его, как называл это Дарзо, красной ухмылкой — шейным порезом глубиной до дыхательного горла.

Тут ему представился укоризненный взгляд Куклы. Так она смотрела на него, когда он хотел взять себе кусок побольше. «Что ты делаешь, Азот? — прозвучало у него в голове. — Ведь знаешь же, что так нельзя!»

Кайлару вдруг показалось, что упорные тренировки не научили его ничему. От Девона

его отделяли считаные дюймы, жертва до сих пор даже не подозревала об опасности, но сама ее близость смертельно пугала Кайлара. Он ударил ножом в шею Девона, и тот стал поворачивать голову. Лезвие, поразив цель, будто само собой вышло назад. Кайлар судорожно вцепился в рукоятку (Дарзо бы его за это избил); его рука дрогнула, и нож выпал.

Девон посмотрел на Кайлара и вскрикнул. Казалось, внезапное появление незнакомца ужасало его больше, нежели удар в шею. Он и Кайлар одновременно попятились. Девон пощупал рану на шее, увидел на руке кровь, и они вместе с Кайларом взглянули на нож.

Девон и не подумал схватить его. Кайлар подобрал оружие и тотчас выпрямился. Девон рухнул перед ним на колени.

— Пожалуйста, — взмолился он. — Пожалуйста, не надо…

Невероятно. Взрослый мужчина широко распахнутыми от страха глазами смотрел на юного Кайлара, который из-за маскировки казался меньше и моложе. Не могла же нагонять ужас одна его наружность? Тем не менее Девон выглядел так, будто предстал перед Страшным судом. Его лицо было бледным как полотно, круглые несчастные глаза безмолвно молили о пощаде.

— Пожалуйста… — снова попросил он.

Кайлар, разозлившись, воткнул нож ему в глотку. Почему, черт возьми, он не защищался? Почему даже не попробовал? Ведь он гораздо крупнее Кайлара и сумел бы спастись, если бы, как глупая овца, не затрясся от страха, если бы предпринял хоть что-нибудь. Удар пришелся по дыхательному горлу, но вряд ли задел яремную вену. Смерть была неизбежна, однако наступить обещала не мгновенно. Кайлар схватил Девона за волосы и нанес ему еще две раны, так, чтобы кровь хлынула не вверх, а потекла вниз. На Кайлара не попало ни капли. Дарзо остался бы доволен.

На лестнице вновь послышались шаги.

— Девон, прости! — воскликнула Бев, еще не войдя в покои. — Я решила вернуться. Мне ведь вовсе не…

Она застыла на пороге и приоткрыла рот, увидев Кайлара, нож в его руке и то, что он держит за волосы умирающего Девона. Бев была невзрачной молоденькой женщиной в белом платье служанки. С широкими бедрами, широко расставленными глазами и прекрасными черными, как вороново крыло, волосами.

«Доведи дело до конца», — приказал Кайлару внутренний голос.

Вмиг вспомнив все, чему его научил мастер, он подлетел к двери, схватил Бев за шкирку, ударил ее ногой, с силой дернул, и она упала лицом вниз на покрытый ковром пол. Кайлар действовал безжалостно, как Дарзо Блинт. Следовало воткнуть жертве нож в спину. Она почти ничего не почувствует. А он не увидит, что отразится на ее лице.

Кайлар медлил. Если он не убьет служанку, то погибнет сам. Она видела его. Маскировка помогала лишь при условии, что никто в городе не подозревал о существовании четырнадцатилетнего убийцы. Бев теперь примерно знала, как он выглядит, была свидетельницей расправы с Девоном и служила лишней помехой. Дополнительной угрозой, как выражался Блинт. Мокрушник на месте Кайлара не задумывался бы о том, как должен поступить. Устранение свидетелей усложняло дело, но порой было неизбежно. «Не морочь себе голову, — повторял Блинт. — Заканчивай работу, и точка».

Жить Кайлару светило до тех пор, пока, даже без *таланта,* он мог четко справляться с задачами мокрушника.

Бев лежала, не двигаясь, Кайлар прижимал ее ногой к полу, острием ножа убирал волосы с ее шеи и старался не представлять себе, как белое платье мгновенно покраснеет от крови. Служанка никому ничего не сделала…

«Жизнь бессмысленна. Жизнь никчемна. Когда мы лишаем человека жизни, мы не забираем у него ничего ценного, — мысленно повторил Кайлар. — Так оно и есть. Так и есть…»

Нет, существует и другой выход. Может, пусть с богом бежит отсюда? Может, взять с нее слово, что она никому ничего не расскажет? Велеть ей уехать из этой страны и никогда

не возвращаться? Сдержит ли она обещание? Разумеется, нет. Помчится к первому же стражнику. А в присутствии обученного военному искусству здоровяка он любому покажется тщедушным слабаком, цеховым крысенком, где-то раздобывшим нож.

— Я говорила ему, какая его постигнет участь, если он не прекратит воровать у Са'каге, — на удивление спокойно произнесла Бев. — Сволочь. Пользовался мной, сколько его душе угодно. На тот свет мог бы отправиться и без меня. А я-то, глупая, примчалась попросить прощения. Ты хочешь меня убить?

— Да, — солгал Кайлар.

Он уже приставил нож к тому месту на ее спине, по которому Должен был нанести удар, но действовать дальше не мог.

На лестнице показалась тень. Заметив ее краем глаза, Кайлар не переменил положения, даже не признался себе в том, что в самом деле что-то увидел. Его охватил ужас. На дворе стоял день; сейчас никто не пользовался ни свечами, ни факелами. Тень отбрасывал определенно мастер Блинт. Он наблюдал за Кайларом, видел все-все. Сегодняшний заказ поступил от шинги, провалить дело было недопустимо.

Воткнув нож между ребер и немного отклонив его вбок, Кайлар почувствовал, как вздрогнула умирающая женщина. Он выдернул из нее оружие и вдруг ощутил, что сознание отключается, совсем как в ту ночь с Крысом, в лодочной мастерской. Вытерев клинок о белое платье, он убрал его в ножны на бедре и посмотрелся в зеркало, проверяя, как и надлежало, нет ли на нем крови.

Следов убийства не оказалось ни на одежде, ни на руках. Сознавая, что выходит из дьявольской игры чистеньким, он почувствовал на плечах невидимый груз вины и нестерпимой печали.

Блинт стоял у порога, скрестив руки на груди. Кайлар, будто онемев и заблудившись внутри самого себя, без слов посмотрел на мастера.

— Не ахти как, — сказал Дарзо. — Но приемлемо. Шинга обрадуется. — Он заметил отчужденность в глазах Кайлара и, крутя между пальцев зубок чеснока, поджал губы. — Жизнь никчемна. Жизнь не имеет смысла. Когда мы у кого-нибудь ее отнимаем, мы не берем ничего ценного.

Кайлар продолжал молча смотреть на него.

— Слышишь, черт тебя дери?

Дарзо вскинул руку, прочертил ножом дугу в воздухе и воткнул его в комод, возле которого стоял Кайлар.

Тот даже не вздрогнул. Машинально повторяя слова мастера, он вновь и вновь чувствовал, как свободно входит клинок в человеческую плоть. Неужели все и впрямь настолько легко и просто? Раз, и жизни больше нет. И не приключается ничего сверхъестественного, никого не забирают на небеса, обожаемые графом Дрейком, никого не сталкивают в ад… Люди были, и вот их нет. Они перестали разговаривать, ходить, а минуту спустя даже дергаться. Перестали, и все.

— Тебе больно, — почти ласково сказал мастер Блинт. — Но только оттого, что ты прощаешься с иллюзией. Она — кажущийся смысл. Никаких возвышенных целей не существует, Кайлар. И нет ни богов, ни тех, кто определяет, где добро, где зло. Такова действительность. Никто не заставляет тебя ею восхищаться, но будь сильнее, чтобы мириться с ней. Помимо того что мы видим, ничего нет. Добиться в этой жизни можно единственного: отточить мастерство и быть неумолимым и твердым, как меч. Возвышенного ты не найдешь никогда. Жизнь — бессмыслица. Доказать, что ты прав, в силах только ты сам. Мы правы, потому что одерживаем победу. Стремиться следует только к победе. Но и она ничего не значит. Проигрывать не стоит, потому что это позорно. Цель не оправдывает средства. И средства не оправдывают цель. Оправданий вообще не должно быть, потому что оправдывать некого. Справедливость — пустой звук. Знаешь, сколько на моем счету мертвецов?

Кайлар покачал головой.

— Я и сам не знаю. Поначалу я их считал. Помнил имя каждого, кому всадил в спину кинжал. Потом их стало слишком много, и я лишь продолжал вести счет. Потом запоминал только ни в чем не повинных. Потом и на это занятие махнул рукой. Знаешь, какими наказаниями меня осыпает Бог за все мои преступления, за так называемые грехи? Да никакими. Я живое доказательство тому, что самые почитаемые человеческие устои и принципы — чушь собачья. В справедливой вселенной для меня не нашлось бы места.

Блинт взял Кайлара за руки.

— На колени.

Кайлар преклонил колена рядом с лужей крови, вытекавшей из убитой служанки.

— Прими обряд крещения, — сказал мастер Блинт, опуская руки Кайлара в еще теплую кровь. — Это твоя новая религия. Если жаждешь кому-нибудь поклоняться, поклоняйся, как другие мокрушники, Нису, богу крови, семени и вина. От них хотя бы есть какой-никакой толк. Сам Нис — выдумка, как и остальные боги, хотя с ним ты, по крайней мере, не превратишься в слабака. Ты только что стал мокрушником. Вставай, но руки не мой. И запомни: если тебе приходится убивать невиновных, не позволяй им произносить ни слова.

Кайлар плелся по улицам как пьяный. С ним творилось что-то неладное. Он должен был что-нибудь чувствовать, но ощущал только пустоту. Казалось, кровь на его руках вытекла из раны не на теле, а где-то в душе.

Кровь засыхала, становилась липкой и везде, за исключением сжатых в кулаки ладоней, превращалась из ярко-алой в коричневую. Кайлар прятал руки, прятал кровь, и сам старался быть неприметнее, а умом понимал (его сознание страдало гораздо меньше, чем сердце), что и в этом есть некий смысл. Он станет мокрушником и будет скрываться до гробовой доски. Сам образ Кайлара был маской, придуманной для удобства защитой. Она прекрасно ему подходила, как и все прочее, с помощью чего он уничтожал в себе напоминания об Азоте. Маска обманывает всех вокруг. А под ней ничего быть не должно.

Появляться в Крольчатнике в форме рассыльного Кайлар не мог — туда не отправляли серьезных посланий, — поэтому он направился в дом-укрытие на восточном берегу, где жили преимущественно ремесленники и часть господских слуг. Свернув за угол, Кайлар налетел на шедшую навстречу девочку в простеньком белом платье прислужницы. Если бы он не успел схватить ее за руки, она упала бы.

— Прошу прощения!

Ее волосы были уложены на затылке в прическу; в руках она держала корзину с травами. Тут Кайлар заметил, что оставил на ее рукавах кровавые отпечатки. Следовало умчаться прочь, пока девочка не увидела чудовищных пятен, но Кайлар вдруг взглянул на ее лицо с дугообразными и крестовидными шрамами и мгновенно сообразил, кто перед ним.

Теперь следы Крысовой жестокости были бледными полосками, а Кайлар до сих пор видел их глубокими ярко-красными порезами и уродливыми ранами; ему по сей день мерещилось, что он смотрит не на знакомое личико, а на кровавое месиво с пузырьками в районе сломанного носа. Да, это была она. Эти шрамы и большие карие глаза Кайлар не мог спутать ни с какими другими на свете.

Кукла, не узнавая в убийце своего Азота, сдержанно опустила взгляд, увидела отпечатки на рукавах и вновь посмотрела ему в лицо. В каждой ее черточке отразился ужас.

— Боже мой… — пробормотала она. — У вас кровь! Вам помочь?

Кайлар уже несся прочь — летел, не разбирая дороги, через весь рынок. Но сострадание и ужас, которые он увидел в ее прекрасных глазах, странным образом следовали за ним по пятам. Ему казалось, что она может наблюдать за ним, где бы он ни был. И что так будет всегда.

25

— Готов стать победителем? — спросил мастер Блинт.

— О чем вы? — удивился Кайлар.

Они только-только закончили утреннее состязание, в ходе которого Кайлар превзошел самого себя. Он давно привык к тренировкам, и его больше не мучили боли в мышцах. Ему было шестнадцать лет, упорные занятия наконец начинали приносить плоды. Нет, одержать победу над мастером Блинтом он, разумеется, еще не мог, однако подавал немалые надежды. Несмотря на это, Блинт целую неделю пребывал в дурном настроении.

— Королевский турнир, — ответил он.

Кайлар взял тряпку и вытер лицо. Этот дом-укрытие был небольшим; становилось невыносимо душно. Король Алейн Гандер затеял провести в Сенарии турнир «Мастер клинка». Естественно, настоящего мастера могли и не выбрать, но не исключалось, что три-четыре участника все же удостоятся высокого звания. Лучшим из лучших светил выгодный пост при королевском дворе в Мидсайру. Однако Блинт все время посмеивался над этой затеей.

— Вы же сами говорили, что турнир — для оборванцев, богачей или дураков.

— Мм… — промычал Блинт.

— И все равно хотите, чтобы я принял в нем участие, — сказал Кайлар.

Мастер, по-видимому, относил его к «оборванцам». *Талант* у большинства подростков развивался лет в тринадцать — пятнадцать. Кайлар в этом смысле до сих пор не мог похвастать ничем особенным, а Блинт терял терпение.

— Король для того проводит этот турнир, чтобы нанять самых ловких в свою личную охрану. Мокрушников он принимать не желает, так что обладателей *таланта* среди участников не будет. На входе всех проверит майа, специально обученная целительница. Она же заговорит мечи, чтобы никто никого не убил, и вылечит раненых. Девятеро решили, что им не мешает заявить о себе. Они хотят отправить на турнир своего человека, который обязан победить и напомнит всему городу, кто здесь главный. Иными словами, ты подходишь для состязания, как деревянная нога — калеке. Имей в виду: это не чистая случайность. Если бы Девятеро не были заинтересованы в турнире, тогда его и не устраивали бы. Им все известно и о тебе, и о твоей небольшой проблеме.

— Что?! — в изумлении воскликнул Кайлар.

Ему и в голову не приходило, что о нем могут знать наверху. А что, если он проиграет?

— Хью Висельник на этой неделе продемонстрировал Девятерым, на что способна его ученица, Виридиана. Девчонка, Кайлар! Я видел, как она владеет мечом. Конечно, у нее есть *талант*. Тебя она в два счета заткнет за пояс.

Кайлара окатила волна стыда. Хью Висельник отличался особой страстью к своему делу. Он обожал убивать, сам процесс доставлял ему высшее наслаждение. Промахов не совершал, но каждый раз убирал далеко не только того, кого следовало. Блинт его презирал. Получалось, что в смысле учеников мастер Блинт стоял ниже гнусного головореза.

— Подождите-ка, — сказал Кайлар. — А когда турнир? Случайно не сегодня?

На стадион, располагавшийся на северной окраине Крольчатника, Кайлар явился в полдень. Последние двенадцать лет здесь устраивались только лошадиные бега, а раньше традиционно проводились «Игрища смерти». Кайлар еще с приличного расстояния услышал взволнованный шум. Стадион вмещал пятнадцать тысяч человек и, по-видимому, был полон.

Шел Кайлар вразвалочку. Во-первых, чтобы казаться дерзким и самонадеянным мечником, во-вторых, из соображений маскировки. Граф Дрейк, утверждавший, что нынешний турнир — живое напоминание об «Игрищах смерти», вряд ли сидел среди зрителей, а вот Логан Джайр вполне мог оказаться здесь, как и любой другой молодой человек, с которыми Кайлару теперь нередко доводилось общаться. Обычно он преспокойно расхаживал по городу в гриме, потому что давно привык к нему и четко уяснил, что тревога обращает на себя нежелательное внимание. Однако сегодня сходил с ума от волнения, потому что грима на нем не было.

Мастер Блинт просто выдал ему одежду мокрушника и не сказал ни слова. Костюм был из добротной некрашеной материи — такие же носил сам мастер Блинт. Пятнистый

черно-серый цвет помогал прятаться во тьме лучше, чем просто черный. Одежда пришлась Кайлару в самый раз: рукава плотно обхватили руки, штанины — ноги, но при этом ничто не стесняло движений. Он догадался, что, предоставив ему облегающий костюм, Девятеро преследуют еще одну цель: им хотелось, чтобы их участник выглядел как можно более юным. «Мы отправили мальчика, не наделенного *талантом.* Он разбил вас в пух и прах. Представьте, что будет, когда мы пришлем взрослого мокрушника».

Завершали наряд черный шелковый (шелковый!) плащ и черная шелковая маска с прорезями для глаз и щелью для рта. Голова с копной темных волос оставалась непокрытой. Кайлар втер в них специальную мазь, чтобы они стали черными, и посильнее растрепал их. Вместо обычной черной перевязи Блинт вручил ему золотую и дал золотые ножны для кинжалов, метательных ножей и меча. Золото поразительно выделялось на фоне серо-черной одежды мокрушника. Блинт закатил глаза.

— Если хочешь разыграть мелодраму, тебе выдается прекрасный случай, — сказал он.

«Можно представить, я иду туда по собственной воле», — подумал Кайлар.

На улицах народа почти не было, но как только Кайлар приблизился к боковому входу на стадион, на него уставились десятки зрителей и торговцев. Войдя внутрь, он сразу направился в палату участников. Там уже толпились две сотни мужчин и две дюжины женщин: здоровяки бандиты, которых Кайлар сразу узнал, наемники, воины, медлительные аристократы и простолюдины из Крольчатника, понятия не имевшие, как правильно держать в руке меч. Оборванцы, богачи и дураки — верно говорил мастер Блинт.

Кайлара заметили мгновенно. Горлопаны шутники, разминавшие кости воины, без конца проверявшие оружие женщины — все вмиг притихли.

— Итак? Все в сборе? — спросила, появляясь из соседней комнаты, женщина с умными глазами.

Резко затормозив, она чуть не врезалась в великана, который вышел вместе с ней.

У Кайлара перехватило дыхание. Это был Логан. Стало быть, он и не думал протирать штаны на зрительской скамейке, а тоже пришел драться. Майа смотрела на Кайлара, искусно пряча удивление.

— Гм… а-а, понятно. Идемте со мной, молодой человек.

Кайлар, не забывая о том, что ходить следует вразвалку, спокойно прошел мимо Логана. Взволнованные шепотки за спиной доставляли ему странное удовольствие.

В проверочную комнату когда-то стаскивали рабов-бойцов. Казалось, стены до сих пор помнят всех тех, кто простился здесь с жизнью. На полу вдоль стен темнели решетки; в былые времена в них стекали потоки крови.

— Меня зовут сестра Дрисса Найл, — сказала женщина. — Да, все правильно: мастер клинка обязан владеть разными видами оружия, однако на сегодняшнем состязании вам понадобится только меч. Все остальное я попрошу вас оставить здесь.

Кайлар уставился на нее неподражаемым взглядом Дарзо Блинта.

Сестра Дрисса Найл прочистила горло.

— Хорошо, тогда я их заколдую, и примерно на шесть часов они как будто прирастут к ножнам. Потом заклинание перестанет действовать.

Кайлар кивнул в знак согласия. Пока она что-то нашептывала себе под нос, обрабатывая его оружие, он рассматривал висевшую на стене турнирную сетку. Имя Логана сразу бросилось ему в глаза, а его собственного в списках вообще не было.

«Ну да, разумеется, — подумал он. — Не могли же Девятеро сообщить организаторам, как меня на самом деле зовут».

— А я в списке под каким именем?

Дрисса в растерянности помолчала и указала на одну из позиций.

— Если не ошибаюсь, вот под каким. Так было и написано — «Каге», — пробормотала она, произнося слово совершенно правильно. — «Каге», то есть «Тень». Надо понимать, вас, молодой человек, прислали Са'каге? В противном случае вам не поздоровится…

Кайлар ничего не ответил. Определив, что ему не придется сражаться с другом, он

обрадовался. В последнее время Логан Джайр очень возмужал и при своем исполинском росте теперь не смотрелся неуклюжим подростком. Силы и сноровки ему было не занимать, но тренировался он лишь по часу и через день, тогда как Кайлар упражнялся по полдня, без выходных, к тому же под руководством самого мастера Блинта. Логан прекрасно владел мечом, но ему не светило выиграть даже в своей категории. До боя с Кайларом он явно не дойдет.

Кайлар вытащил меч, и сестра Найл заговорила его. Кайлар проверил клинок. Он ничуть не расплющился, а всего лишь несколько притупился с обеих сторон. Целительница знала толк в своем деле. Поранить противника, если ударить посильнее, можно даже учебным оружием, а вес меча от заклинания сестры Найл нисколько не изменился.

— Отлично, — сказал Кайлар.

Подобно мастеру Блинту, говорить он старался как можно меньше, чтобы никто не узнал его по голосу. При любых маскировках его голос звучал как писк мальчика, жаждавшего походить на взрослого мужчину, что только портило дело. Словом, тут было лучше обходиться вообще без каких-либо уловок.

— Правила таковы: участник, который трижды задевает противника мечом, выигрывает. Я поставила защиту вокруг каждого из бойцов, мечи будут реагировать на нее. Прикоснешься к неприятелю в первый раз, клинок засветится желтым, второй — оранжевым, третий — красным. И последнее, — сказала сестра Найл. — Давайте проверим, нет ли у вас *таланта.* Для этого мне придется до вас дотронуться.

— Я думал, вы все и так видите.

— Конечно вижу, но некоторые ловко маскируют свой *талант,* а я поклялась, что турнир будет справедливым, несмотря на то, что устраивают его здесь, и на то, что в нем участвуют Са'каге.

Дрисса положила руку поверх Кайларовой и что-то забормотала. Как объяснял Блинт, женщины, пуская в ход свой *талант,* должны все время говорить что-то неразборчивое. Она вдруг резко умолкла, посмотрела Кайлару в глаза, прикусила губу, на миг убрала руку и снова прикоснулась к его руке.

— Нет, это определенно не маскировка… — произнесла она. — Никогда с подобным не сталкивалась… А они что, не знают?.. Должны знать, я уверена… в противном случае не прислали бы его… Но ведь…

— Что вы имеете в виду? — спросил Кайлар.

Сестра Найл неохотно отошла, будто не желая общаться с человеком, тогда как ей в руки попало нечто гораздо более занимательное.

— Вы безнадежны…

— Чтоб вам сдохнуть!..

Сестра Найл моргнула.

— Простите. Я имею в виду… Мы привыкли, что люди на каждом шагу упоминают о *таланте,* словно о чем-то обыкновенном. А тут все очень непросто. Чтобы человек стал магом, необходимо взаимодействие трех вещей. Во-первых, нужно глоре вирден. Грубо говоря, это основа волшебства, то, что вырабатывается в процессе жизнедеятельности организма. Это нечто вроде энергии, которую нам дает пища; быть может, глоре вирден поступает из души — наверняка никто ничего не знает, ясно одно: идет оно изнутри. Половина человечества или даже все на свете наделены глоре вирден, но в некоторых его настолько мало, что невозможно определить, есть ли оно вообще. Во-вторых, необходим канал или то, что превращает эту силу в магию и позволяет ею пользоваться. Обычно этот канал очень узкий, а у отдельных людей он вообще закрыт.

Но, бывает, при особых обстоятельствах проход открывается, и человек может использовать свое глоре вирден единственный раз в жизни. Например, если прямо перед ним на его родного брата падает нагруженная сеном повозка, канал внезапно распахивается, и человек может остановить телегу. Люди, наделенные глоре вирден и широким открытым каналом, нередко становятся силачами или воинами и овладевают боевыми искусствами

намного успешнее всех остальных, однако периодически им требуется время на восстановление. Количество магии, которое они могут использовать, весьма ограниченно и быстро истощается. Большинство таких людей даже не подозревают, что обязаны своими успехами волшебству. Полноценному магу необходима и третья составляющая: он должен уметь впитывать магию из солнечного света или огня, чтобы постоянно пополнять запас глоре вирден. Большинство из нас вбирают свет глазами, некоторые — кожей. Горати из Фриаку воюют обнаженными — не потому, что таким образом стараются нагнать на врага страх или сбить его с толку, а потому, что не желают лишаться магии.

— А зачем вы все это мне рассказываете? — спросил Кайлар.

— Молодой человек, вы могли бы впитывать магию что глазами, что кожей. Кожа у вас почти светится. Полагаю, вам под силу любые заклинания. А глоре вирден? Ничего подобного, клянусь, я на своем веку не видывала. Вы в состоянии расходовать магию хоть полночи, и она не иссякнет. Прекрасные данные для мокрушника. Но… — Сестра Найл покривилась — Канал… Надо же, какая досада!

— А что с ним? Он закрыт? Этого никак не исправить?

Кайлар уже знал, что его канал закрыт. Блинт годами пытался решить эту проблему, поэтому и заставлял Кайлара жариться на солнце или сидеть до жути близко к кузнечному горну.

— У вас вообще нет канала.

— А вы можете его создать? Я заплачу, сколько скажете, — проговорил Кайлар, чувствуя небывалое напряжение в груди.

— Это вам не дыру пробурить. Тут потребуется сложнейшая работа, это все равно что сделать новые легкие. Целительницы из нашей часовни никогда с таким не сталкивались. К тому же ваш *талант* настолько мощный, что, боюсь, убьет и вас, и целителя. Есть ли среди ваших знакомых-магов такие, кто отважится рискнуть ради вас жизнью?

Кайлар покачал головой.

— Что ж… Мне очень жаль.

— А целители из Ганду не смогут мне помочь? Они ведь самые сильные?

— Не буду принимать это за оскорбление, хотя многие другие сестры обиделись бы. Да, я слышала о некоторых целителях невероятные истории, но, если честно, не верю в них. Про одного рассказывают, будто он спас нерожденного ребенка умирающей женщины, переместив его в утробу ее сестры. Даже если это и правда, то тут совсем другое дело. С осложненными беременностями мы, целители, сталкиваемся постоянно. А того, чем страдаете вы, вообще не встречаем. Люди приходят к нам в часовню, потому что им плохо. Приводят детей, которые силой разума подожгли амбар, или вылечили товарища, или запустили в кого-нибудь стулом. Такие люди, как вы, за помощью не обращаются. Они просто страдают от своего бессилия.

— Спасибо, — произнес Кайлар.

— Ужасно вам сочувствую.

— Неужели мне совсем не на что надеяться?

— Древние наверняка могли бы вам помочь. Не исключено, что где-нибудь в библиотеке, в Ганду, хранится какой-нибудь старинный манускрипт… Или есть такие целители, которые специально изучают подобные отклонения, только мне о них ничего не известно. Ничего. Можете попробовать… Но я бы на вашем месте не стала убивать всю свою жизнь на поиски того, чего, вероятно, нет вообще нигде. Смиритесь с судьбой и живите как есть.

Кайлару и не требовалось ничего искать. Такие вопросы за него решал Дарзо Блинт.

26

Кайлар вышел на усыпанную песком площадку. Ему не терпелось одержать над кем-нибудь победу. Лавки прогибались под тяжестью зрителей; Кайлар никогда в жизни не

видел столько народа. В проходах сновали торговцы, предлагая рис, рыбу и эль. Жара усиливалась. Перед лицами аристократов махали веерами слуги; король восседал на троне, пил, болтал со свитой и то и дело весело смеялся. Кайлару показалось, что в одном человеке из королевского окружения он узнал лорда-генерала Агона. Завидев юного Каге, толпа загомонила пуще прежнего.

Вот отворились противоположные ворота, и навстречу Кайлару вышел дюжий простолюдин. Зрители поприветствовали его жидкими возгласами. Вообще-то никому не было дела до того, кто выиграет. Публику радовала сама возможность понаблюдать очередную схватку. Протрубил рог, и простолюдин достал из ножен ржавый самодельный меч. Кайлар последовал его примеру и замер в ожидании. Замахнувшись для удара по голове, простолюдин рванул на противника.

Кайлар подпрыгнул, ткнул острием меча неприятелю в живот и, когда тот подался назад, ударил его в область печени и по колену. Кайларов клинок засветился желтым, потом оранжевым, потом красным светом.

Народ, не ожидавший такого исхода, изумленно ахнул; не удивились лишь мастера клинка, которые сидели в отдельной секции, облаченные в красно-серые плащи. Зазвонили в колокол.

Послышались отдельные одобрительные возгласы и улюлюканья, но большинство зрителей потрясенно молчали. Кайлар убрал меч в ножны и отправился назад в палату бойцов, а простолюдин поднялся с земли и, чертыхаясь, стал отряхивать песок со штанов.

Кайлар сел в сторонке и, ни с кем не разговаривая, принялся ждать следующего выхода. С ним рядом опустился громадный парень бандитского вида с вытатуированной на лбу молнией. Кайлар вспомнил, что его зовут Бернерд. «Или это его брат-близнец Левша? — задумался он. — Нет, у Левши на носу, кажется, шрам…»

— У тебя среди публики есть Девятеро поклонников. Им бы хотелось, чтобы в следующий раз ты немного продлил удовольствие. — Сказав эти слова, громила поднялся и ушел.

Следующим противником Кайлара оказался иммурец. Коневоды были в Сенарии нечастыми гостями; зрители в предвкушении занятного зрелища взволнованно переговаривались. Иммурец, небольшой человек, одетый в бурые лошадиные шкуры (даже его маска была из выделанной кожи), тоже оставил при себе дополнительное оружие. На поясе у него висели несколько кинжалов с изогнутыми клинками. Он вынул из ножен ятаган. Для поединка верхом это оружие незаменимо, а вот для пешего боя не слишком подходит. К тому же иммурец был в подпитии.

Кайлар, исполняя приказ, стал с ним играть: наносить удары в последнее мгновение, чередуя их с ударами во вращении и прочими трюками, которые в других случаях Дарзо советовал вообще не пускать в ход. По словам мастера, пинать противника разумно не выше колена, не то будешь терять впустую слишком много времени. А траекторию, по которой опускаешься из прыжка, невозможно изменить. Удар ногой на лету хорош лишь для того, для чего кьюрцы его и выдумали: для выбивания противника из седла в том случае, если сам ты не на коне и ничего другого предпринять не можешь. В этот раз публика отметила Кайларову победу дружным ревом.

Когда Кайлар возвращался в палату, ему навстречу попался Логан. Сражаться молодому лорду предстояло с Бернердом, или Левшой. Кайлар понадеялся, что здоровяк не причинит его другу особого вреда. Однако несколько минут спустя Логан вернулся раскрасневшийся и сияющий. Бернерд (или Левша), по-видимому, недооценил своего противника, за что и поплатился.

Третьим соперником Кайлара стал местный мастер, зарабатывавший на жизнь тренировкой знатных молодых людей. Он смотрел на Кайлара, как на ядовитую змею Мидсайру, но смело бросался на него, нанося ответные удары. Единожды прикоснувшись к Кайлару мечом, он тут же проиграл и поспешил скрыться из вида. Одержав третью победу, Кайлар заподозрил неладное. Четвертый его противник был опытный воин невысокого

звания и низкого происхождения, но с ним Кайлар надеялся сразиться по-настоящему. Боец, в отличие от всех остальных, не умел толком притворяться и стал так откровенно играть в поддавки, что Кайлар тут же смекнул, в чем дело.

Простолюдин ни о чем не подозревал. Иммурца напоили. Учителя по фехтованию запугали. А воина подкупили. Исход турнира был предрешен заранее; участников оставалось всего шестнадцать. Четверых Кайлар знал, они работали на Са'каге; быть может, кто-то еще тоже был из их числа. Турнирную сетку наверняка составили Девятеро. Кайлара охватила злоба. Однако он продолжал сражаться так, будто придавал каждому бою особое значение, усердно выделывая удары во вращении, рычаги локтя, захваты ног, замысловатые комбинированные удары и много других несуразностей, какие только всплывали в его памяти.

А он-то думал, что Девятеро в самом деле возлагают на него большие надежды, дают ему шанс: покажи, на что способен, или погибни. Они же всего лишь проворачивали очередную аферу. На турнир съехалось немало достойных бойцов, но им велели проигрывать. Победу за победой одерживали только Кайлар и Логан, а букмекеры, вне всякого сомнения, бессовестно обогащались. Красавец Логан Джайр, наследник известного в городе семейства, особенно полюбился публике. Первые его бои проходили более или менее правдоподобно, а последующие противники, выполняя план Са'каге, тоже явно ему поддавались.

Зрители, возможно, ничего не замечали, но Кайлар уже не сомневался в своей правоте и знал, что и мастера клинка обо всем догадываются. Они сидели с мрачными лицами, а он, глядя на них, раздумывал о том, что проводить в Сенарии подобные турниры у них больше не возникнет желания. Ложь и фальшь были настолько очевидны, что Кайлар потерял надежду на высокое звание.

Ясно было и то, что король ни о чем не подозревает. Он рассердился и вскочил с трона, лишь когда один из мастеров подошел и что-то сказал ему на ухо. Приближенные несколько минут уговаривали Алейна IX ничего не предпринимать, сесть и успокоиться. Одним словом, Девятеро продемонстрировали королю свое превосходство — не только над ним, но и над всеми в городе.

Кайлар с тяжелым сердцем вышел на площадку, чтобы сразиться с Логаном. Это был последний бой турнира. По его результату определялся победитель. Кайлар раздумывал, не кинуть ли меч к ногам Логана и не сдаться ли добровольно. Но в таком случае король решит, что и Логан — игрушка Са'каге. Что оставалось Кайлару? Выиграть в сражении и унизить лучшего друга?

Радость побед совершенно исчезла с Логанова лица. Он был в легкой кольчуге, украшенной спереди и сзади изображением северного сокола. Когда бойцы остановились друг перед другом, толпа разразилась криками, но участники будто ничего не слышали.

— Не настолько я умел и ловок, чтобы взлететь так высоко. Вы все подстроили, — сказал Логан. — Я раздумываю, как мне быть. Не лучше ли бросить меч и выйти из игры, чтобы провалить ваш грязный план? Но ведь ты Са'каге, а я Джайр. Не в моих правилах сдаваться тьме и пороку. Интересно, что вы придумали для последнего боя? Может, ты где-нибудь прячешь второй меч, не околдованный? И собираешься на глазах у всех прикончить меня, чтобы показать всей Сенарии, насколько вы всемогущи?

— Я всего лишь боец, — мрачно, как Блинт, ответил Кайлар.

Логан усмехнулся.

— Боец? Ишь как для тебя все просто! Нет, ты не боец, а человек, который продал все, что в нем было хорошего, и добровольно решил окунуться в мерзость и темноту. Ради чего? Ради денег. — Он плюнул в песок. — Что же, так и быть, раз уж тебе заплатили, убей меня, проклятая Тень. Но имей в виду: я приложу все усилия, чтобы прикончить тебя.

Деньги? Да имел ли Логан право о них рассуждать? У него они были всегда, от рождения, каждый божий день. Одна его старая перчатка стоила столько, что цеховой крысенок на такую сумму мог кормиться несколько месяцев. Кайлара окатила волна ярости.

Логан ни черта не понимал, но вместе с тем говорил все верно.

Как только затрубил горн, Кайлар рванул вперед, не заботясь о том, нарушает ли он правила. Логан только начал вынимать меч из ножен, как Кайлар изо всех сил ударил его ногой в правую руку.

Удар выбил рукоять из руки противника и отклонил его в сторону. Кайлар набросился на Логана, захватил ногой его ноги, и они повалились на землю.

От удара у Логана вышибло дух. Кайлар ловко заломил ему локти за спину, сжал их одной рукой, а второй схватил Логана за волосы и изо всех сил ткнул лицом в песок, потом еще и еще раз.

Выпрямившись, Кайлар поднял меч. Воцарившуюся вокруг мертвую тишину разбавляло лишь его собственное тяжелое дыхание да стоны Логана. Публика молчала, не свистел даже ветерок. Становилось невыносимо жарко. Кайлар нанес противнику удар по левой почке, потом по правой. Меч был околдован и не рубил, но удары все равно были чувствительные.

Логан закричал неожиданно юным жалобным криком. На вид он был взрослым мужчиной, хоть и ему только-только исполнилось восемнадцать. Вопль поразил Кайлара. В нем слышались слабость, унижение и ярость. Кайлар осмотрелся по сторонам. За ним откуда-то все это время наблюдали Девятеро. Все они сидели среди обыкновенных горожан, в такой же одежде, и даже, как остальные, изображали на лицах ужас. Все прикидывались дружелюбными, хоть и презирали всех вокруг и за деньги могли предать кого угодно.

Услышав шум, Кайлар снова посмотрел на Логана. Тот поднимался на колени и ладони, с великим трудом пытаясь встать. Лицо, изрезанное песчинками, было в крови, глаза заволокло туманной дымкой.

Кайлар поднял руку с оранжевым мечом, демонстрируя его толпе, и нанес последний удар — плашмя, по затылку. Его друг опять упал, лишаясь чувств. Толпа хором ахнула.

Спасти Логана можно было лишь так — через предельное унижение. Но его проигрыш лишний раз доказал превосходство Са'каге. Они порочны, бессовестны и всесильны. А Кайлар сыграл роль их главного оружия. Отбросив в сторону светящийся красным меч, он поднял руки, еще раз помахал публике, говоря про себя: «К черту вас всех, к черту и меня». И торопливо удалился.

27

Окна в модайской курильне были из толстого стекла, причудливой клинообразной формы и с изображениями диковинных животных. Один их вид заставлял забывать о внешнем мире — в этом и состояла задумка владелицы. Картинки настолько поражали воображение, что посетители не замечали установленных снаружи решеток. Кайлар стоял у одного из окон и наблюдал сквозь железные прутья за девушкой на рынке Сидлина, разговаривавшей с торговцем.

Кукла — Элена — стала совсем взрослой. Ей было лет пятнадцать, а Кайлару — восемнадцать. Она превратилась в настоящую красавицу, по крайней мере казалась такой издали. Простенькое платье служанки ладно сидело на гибкой, стройной фигуре, убранные в прическу волосы на солнце отливали золотом, а сдержанная улыбка покоряла открытостью. Шрамы отсюда были незаметны, а белое платье из-за ярких оконных картинок казалось пятнисто-алым. Красные лапы причудливых животных напомнили Кайлару о ее ранах.

— Она тебя погубит, — прозвучал из-за Кайларовой спины голос Мамочки К. — Твоя жизнь и ее — два совершенно разных мира.

— Знаю, — тихо ответил он, едва взглянув на нее через плечо.

Мамочка К. приехала с новой девушкой, уроженкой восточного берега, молоденькой и красивой, и расчесывала ее светлые волосы. Модайская курильня не походила ни на один другой бордель в городе. Здешних девиц, помимо умения доставлять мужчинам удовольствие, обучали искусству вести беседу и игре на музыкальных инструментах. Они не

расхаживали в вызывающих нарядах, не щеголяли полуголыми и не позволяли прикасаться к себе в присутствии посторонних. Простолюдинов сюда вообще не впускали.

О том, зачем Кайлар сюда приходит, Мамочка К. догадалась давно. От нее было невозможно что-либо утаить. Она пыталась объяснить ему, чем это грозит, но, определив, что разговаривать с ним без толку, взяла с него слово, что впредь он будет наблюдать за Куклой только из курильни, исключительно через окно. «Раз тебе недостает ума, — сказала она, — подумай хотя бы о безопасности. Снаружи ты рано или поздно столкнешься с ней, заговоришь, заманишь ее в постель, по уши влюбишься и пропадешь».

— Ну же, не стыдись, — сказала Мамочка К., обращаясь к новенькой. — Переодеться при мне — это пустяк. Впереди у тебя задача посложнее.

Зашелестело платье, но Кайлар даже не повернул головы. Ему было не до того.

— Прекрасно понимаю, что тебе страшно, Дейдра, — ласково проговорила Мамочка К. — Еще бы! Это твой самый первый раз. Наш труд жесток, ведь правда, Кайлар?

— Не знаю. У меня нет ничего жесткого. А если все мягкое, тогда вообще все равно.

Дейдра хихикнула — больше от волнения, чем над шуткой Кайлара. Он все смотрел и смотрел в окно, не сводя глаз с Элены. Как она взглянула бы на него, увидев за его спиной девушку, готовящуюся принять первого клиента?

— Поначалу ты будешь чувствовать себя виноватой, Дейдра, — сказала Мамочка К. — Помяни мое слово. Постарайся не обращать на это внимания. Ты не какая-нибудь грязная потаскушка и не коварная обманщица, а дорогое развлечение. Мужчины покупают изысканное сетское вино не потому, что хотят утолить жажду, а потому что это приносит им радость. По этой же причине они приходят сюда. Мужчины всегда платили и будут платить за грехи — будь то вино или возможность забраться к тебе под юбку…

— Или кого-нибудь убить, — прибавил Кайлар, похлопывая рукой по набитой монетами суме и кинжалу у себя на поясе.

Ему показалось, что из-за его слов вдруг подул холодный ветер, Мамочка К. пропустила их мимо ушей.

— Главное решить, что ты никогда не продашь. Никогда не продавай сердце. Некоторые девочки отказываются целоваться. Другие не желают бывать с одним и тем же клиентом. Третьи не оказывают отдельные услуги. А я одаривала мужчин всем, чем только можно, но мое сердце до сих пор неприкосновенно.

— Серьезно? — спросил Кайлар. — Не шутите?

Он наконец повернулся и чуть не ахнул от удивления. Благодаря ухищрениям Мамочки К. Дейдра выглядела совсем как Элена. Сложена она была примерно так же, прелестные изгибы ее тела облегало белое простенькое платье служанки. Даже ее волосы тоже отливали золотом. Но она была по эту сторону решетки, буквально в двух шагах от Кайлара, а Элена оставалась по другую. Дейдра несмело улыбнулась, будто не веря, что он может разговаривать с Мамочкой К. в таком товарищеском тоне.

Мамочка К. разозлилась. Подскочив к Кайлару, она схватила его за ухо, будто непослушного маленького мальчишку, и отвела На второй этаж, туда, где стояли мягкие кресла, пол был устлан толстыми коврами, а в углу дежурил стражник. Двери из этого помещения вели в четыре комнаты, в которых работали девушки, а лестница — вниз, в гостиную, украшенную интригующими, но вполне пристойными картинами и книгами в кожаных переплетах. Мамочка К. наконец отпустила Кайлара и бесшумно закрыла за собой дверь.

— Черт тебя дери, Кайлар! Дейдра и так сама не своя от страха. Что ты делаешь, скажи на милость?

— Говорю неприглядную правду. — Он пожал плечами. — И лгу. Какая разница?

— Если бы я на твоем месте захотела правды, то взглянула бы на себя в зеркало, черт побери! В нашей жизни нет никакой правды, остается довольствоваться тем, чем только можешь. Ты из-за этой девушки совсем потерял голову! Это безумие! Ты спас ее, Кайлар. Пусть живет спокойно. Только благодаря тебе у нее теперь такая жизнь.

— И шрамы — тоже благодаря мне.

— Дурак ты, вот ты кто! Ты хоть раз задумывался о том, что сталось с остальными девочками из вашего цеха? Они давно спились, скурились, превратились в воровок-карманниц, или калек-попрошаек, или дешевых шлюх, или малолетних мамаш с заморышами детьми. А некоторые из них никогда не родят, потому что сотню раз травились настоем пижмы. Держу пари, шрамы от издевательств какого-то ненормального достались далеко не одной Элене, а вот надежда на нормальную жизнь и светлое будущее есть только у нее. Все благодаря тебе, Кайлар!

— Но я должен был…

— Единственное, что ты мог предпринять, — это прикончить того парня намного раньше. Если бы ты был способен на убийство, то не болел бы душой за покалеченную девочку. Я к тому это говорю, чтобы ты наконец понял: даже если ты действительно в той или иной степени ответственен за ее шрамы, они — слишком малая плата за жизнь, которую ты ей подарил.

Кайлар отвернулся. Здесь тоже было окно, смотревшее на рынок. Из обыкновенного прозрачного стекла, обычной формы. Его тоже защищала наружная решетка, но прутья не отличались изысканностью линий; их края были заточены, почти как кинжалы Дарзо. Теперь Элена стояла ближе, и Кайлар видел ее шрамы. Она вдруг улыбнулась, и рубцы словно исчезли.

Улыбались ли так же девочки в Крольчатнике? Кайлар поневоле ответил Элене улыбкой и почувствовал такую радость, какой не испытывал долгое-долгое время. Продолжая улыбаться, он повернулся и взглянул на Мамочку К.

— Не пытайтесь оправдать меня.

— Это не оправдание, а действительность! Если я не раскрою тебе глаза на правду, то никто этого не сделает! К тому же тебя, как и Дарзо, гнетет бремя вины.

— Дарзо? — удивился Кайлар. — Дарзо никогда ни в чем себя не винит.

На лице Мамочки К. отразилась легкая досада. Она посмотрела на Элену.

— Прекращай эту дешевую комедию, Кайлар!

— Что вы имеете в виду?

— Дарзо ведь объяснил тебе, каковы правила: спать с женщинами — спи, но любить их нельзя. Он-то не подозревает, что ты тут вытворяешь, а я про тебя знаю все. Ты втемяшил себе в голову, что любишь Элену, поэтому решил вообще ни с кем не спать. Так не пойдет, Кайлар. — Голос Мамочки К. зазвучал мягче. — С девушкой, которая стоит на улице, тебе знаться нельзя. Зато можешь утешиться тем, что тебе доступно.

— О чем вы?

— Ступай к Дейдре. Она тебя за это даже поблагодарит. О том, что ты неопытен, не переживай. Она ведь тоже девственница.

Тоже? — подумал Кайлар. Мамочке К. что, известно все на свете?

— Нет, — ответил он. — Нет, спасибо. Мне не хочется.

— Кайлар, чего ты ждешь? Возможности чудесным образом духовно соединиться с Эленой? Тебе позволительно только спать с женщинами, об остальном и думать забудь. Таковы условия игры, ты знал об этом с самого начала. Мы все вынуждены подстраиваться под обстоятельства — я, Дарзо. И ты тоже.

Понимая, что Кайлара не переубедить, Мамочка К. жестом попросила стражника впустить очередного клиента.

По ступеням, громко пыхтя, поднялся волосатый грязнуля. Несмотря на богатство наряда, он был жирный, уродливый, мерзко вонял и улыбался во весь рот, демонстрируя гнилые зубы. Приостановившись на втором этаже, толстяк похотливо облизнул губы, кивнул Мамочке К., заговорщически подмигнул Кайлару и пошел в одну из комнат, где его уже ждала девственница.

— Может, неправильные мы выбрали игры? — спросил Кайлар.

— Теперь это неважно. Пути назад в любом случае нет.

28

Фир Коусат постучал в одну из дверей огромной пирамиды Шо'сенди. Два удара, пауза, два удара, пауза, еще удар. Когда они с Дорианом и Солоном учились в магической школе огня, жили в комнатах попроще. Да и теперь Фиру и Дориану предоставили такие хоромы отнюдь не в знак благодарности за их службу и вклад в развитие страны, а для того, чтобы удобнее было за ними следить.

Дверь приоткрылась, и из-за нее выглянул Дориан. Фира это всегда забавляло: Дориан был пророком и мог предсказать падение королевств или исход лошадиных бегов — что приносило немалые прибыли, если, конечно, Фиру удавалось уговорить друга, — но определить, кто к нему пожаловал, Дориан не умел. Он говорил, прорицания, касавшиеся его самого, могут свести с ума.

Втянув Фира внутрь, Дориан закрыл дверь на засов. Фир почувствовал, что проходит сквозь немыслимое количество защит, и стал в них вглядываться. Защита от подслушивания его ничуть не удивила; защита от вторжения показалась несколько странной — обычно ее ставили, уходя из дома. Но больше всего сбивала с толку защита, удерживавшая внутри магию. Фир пощупал прожилки заклинания и изумленно покачал головой.

Дориан был магом, какие рождались раз в целое поколение. Выучившись в Хот'саларе, потом в целительской школе Ганду и усвоив все преподаваемые там волшебные науки, Дориан шестнадцатилетним юношей поступил в школу огня и стал изучать огненные заклинания, хоть они его совершенно не интересовали, а он даже не трудился прикидываться, будто ими увлечен. Если бы не дружба с Фиром и Солоном, Дориан махнул бы на Шо'сенди рукой. Дарования Солона почти не выходили за рамки общения с огнем, зато он из троих приятелей был самый сильный. Фир не понимал, почему Солон и Дориан с ним подружились. Быть может, потому, что он не страшился их превосходства. Солона и Дориана, вне всякого сомнения, любили боги; Фир, зная это, не видел смысла им завидовать. Помогало, наверное, и то, что он был из простонародья, а еще то, что всякий раз, когда ему не давалась учеба и хотелось позлиться на друзей, либо тот, либо другой звали его поупражняться с мечом.

Фир был полноват, но весьма проворен, к тому же каждый день тренировался с мастерами клинка — их основная учебная база располагалась в десяти минутах ходьбы от школы Шо'сенди. Вызываясь сразиться с Фиром, Солон и Дориан знали, что выйдут из боя в синяках. Дориан умел их залечивать, но поначалу оба терпели адскую боль.

На кровати Дориана лежали наполовину упакованные седельные вьюки. Фир вздохнул:

— Ты прекрасно знаешь, что Собрание запретило тебе уезжать за пределы страны. До Сенарии им нет особого дела, и мне не было бы, не отправься туда Солон. Может, пошлем ему письмо, скажем, чтобы немедленно возвращался?

Руководство школы, естественно, рассуждало иначе. По сути, их волновал один вопрос: попадет ли единственный на континенте Мидсайру — или даже единственный на всем белом свете — пророк в руки короля-бога.

— Ты еще не знаешь самого интересного, — сказал Дориан, улыбаясь как мальчишка.

У Фира от лица отхлынула кровь. До него внезапно дошло, зачем Дориану понадобилось заклинание, маскирующее магию.

— Только не говори, что хочешь похитить его…

— Похитить? Но ведь он наш. Мы трое вычислили, где он, нашли его, вернули на место. Это они похитили его у нас, Фир.

— Ты же сам согласился, что хранить его лучше здесь. Мы позволили им его забрать.

— А теперь я беру его назад, — сказал Дориан, пожимая плечами.

— Иными словами, ты снова бросаешь вызов всему миру, так понимать?

— Нет, Фир, не так, наоборот: я выступаю за сохранение всего мира. Поедешь со мной?

— Поехать с тобой? По-видимому, ты уже обезумел? А я думал, у тебя в запасе еще лет десять, — сказал Фир.

Как только у Дориана обнаружился пророческий талант, он первым делом попытался увидеть собственное будущее. И узнал, что однажды сойдет с ума, как бы ни пытался этого избежать. Очередные попытки предсказать свою судьбу грозили ускорить страшный день.

— В любом случае, не слишком много. — Дориан пожал плечами, будто перспектива лишиться ума его ничуть не волновала. Он вел себя точно так же, отправляя Солона в Сенарию, хоть и знал, что цена этой поездки — любовь Солона. — Предупреждаю, Фир: если ты согласишься составить мне компанию, то не раз об этом пожалеешь и больше никогда не получишь возможности пройтись по залам Шо'сенди.

— Предложение заманчивое, ничего не скажешь, — пробормотал Фир, закатывая глаза.

— Зато тебе предстоит по меньшей мере дважды спасти мою жизнь, обзавестись собственной кузницей, прослыть на весь мир лучшим из лучших оружейников, внести небольшой вклад в спасение мира и умереть вполне довольным собой, но не настолько старым, как мы с тобой надеемся.

— О, какое счастье! — язвительно воскликнул Фир, скрывая страшное волнение. Дориан редко рассказывал, что знал, но если о чем-то упоминал, никогда не лгал. — Говоришь, внесу небольшой вклад в спасение мира?

— Смысл твоего существования, Фир, отнюдь не твое личное счастье. Все мы — составные части чего-то огромного. Каждый из нас. Если тебе суждено внести в общее дело весьма скромную лепту, это не значит, что она не важна. Цель нашей поездки не спасти Солона, а увидеться с мальчиком. По пути нам придется преодолеть массу препятствий, над нами не раз нависнет смертельная опасность. Знаешь, что этому мальчику от нас нужно? Всего лишь три слова. Или даже два, если считать за одно имя собственное. Сказать, что это за слова?

— Конечно скажи.

— «Спроси Мамочку К.».

— И все? Что это значит? — спросил Фир.

— Понятия не имею.

Случалось, провидец был невыносим.

— Слишком многого ты от меня хочешь.

Дориан кивнул.

— Говоришь, я пожалею, если скажу «да»? — спросил Фир.

— И не раз. Но в самом конце посмотришь на все иначе.

— Может, не стоило так много мне рассказывать? Тогда я быстрее бы согласился.

— Поверь, я был бы рад, если бы не знал, что тебя ждет впереди, — ответил Дориан. — Не расскажи я тебе все, как есть, ты заявил бы, что я скрытничаю. Расскажи больше, тогда тебе станет не мила жизнь.

— Довольно!

«Боги! — подумал Фир. — Неужели мое будущее и впрямь настолько неприглядное?»

Он взглянул на свои руки. У него будет кузница. О нем узнает весь мир как о лучшем оружейнике. Он об этом мечтал. Вероятно, ему даже посчастливится обзавестись женой, сыновьями. Можно было спросить об этом у Дориана, но Фиру не хватило духу. Он вздохнул и потер виски.

Лицо Дориана расплылось в широкой улыбке.

— Вот и замечательно! А теперь помоги-ка мне придумать, как нам вынести отсюда Кьюрох.

Фиру показалось, что он чего-то недопонял. У него от лица снова отлила кровь. Одно из расставленных заклинаний помогало удерживать магию внутри, не выносить ее за пределы школы.

— Что ты имеешь в виду? Может, хочешь, чтобы я попытался уговорить тебя не воровать самый ценный волшебный предмет в Мидсайру? Так?

Дориан откинул с кровати покрывало. На матрасе лежал обычный меч в ножнах. Ножны были из свинца, меч скрывался в них целиком, вместе с рукоятью, приглушавшей силу магии. Это было не просто волшебное оружие, а мощнейшее волшебное оружие в мире. Кьюрох, меч императора Джорсина Алкестеса. Меч власти. У большинства магов не хватало сил использовать его. Если бы Фир попытался это сделать, меч грозил тотчас убить его. По словам Дориана, даже Солону он мог причинить вред. Однако после смерти Джорсина Алкестеса на свет появлялся не один маг, который мог пустить меч в ход, в результате чего погибло несколько цивилизаций.

— Сначала я подумал, что должен предсказать свое собственное будущее, чтобы забрать меч, потом решил определить судьбу стражников. Все шло как по маслу, и вдруг в коридоре послышались шаги одного из стражей. Вероятность того, что он явится, была ужасно мала, но он все же решил сюда заявиться. Мне пришлось его вырубить. Но это даже хорошо, потому что ухаживать за ним возьмется премилая девушка, на которой он чуть погодя женится.

— Ты что, серьезно? Наверху лежит бесчувственный стражник, которого вот-вот обнаружат, а мы тут преспокойно болтаем? Зачем ты все это делаешь?

— Потому что так надо. В том числе и ему.

— И ему? Стало быть, ты своровал Кьюрох, чтобы сказать какому-то мальчику: «Спроси Мамочку К.»? — потребовал Фир.

— Гм… Нет, не совсем так. Мальчик, которому следует взять в руки Кьюрох — это важно для целого мира, — еще не появился на свет. Но другой возможности завладеть мечом нам не выдастся.

— Боги! Неужто ты всерьез?

— Хватит делать вид, будто Кьюрох что-то меняет. Ты уже принял решение, я прекрасно знаю. И мы вместе едем в Сенарию.

«Провидец невыносим не иногда, — подумал Фир. — А постоянно».

29

— В чем дело?! — заорал мастер Блинт.

— Я не… — начал было Кайлар.

— Давай сначала! — проревел Блинт.

Кайлар сложил руки перед собой и попытался схватить руку Дарзо, чтобы вывернуть ее, но мокрушник ловко нырнул в сторону.

Они тренировались в новом укрытии, отбрасывая друг друга к стенам и балкам, используя каждый в своих целях любую неровность пола.

Кайлар тренировался под руководством Блинта вот уже девять лет и заметно окреп и вырос. Теперь ему было около двадцати, ростом он был ниже Дарзо, но отличался стройностью и жилистостью. Глаза оставались такими же, как прежде, — светло-голубыми. Борясь с Дарзо, он двигался так, что каждая мышца его рук, груди и пресса напрягалась и работала должным образом, однако полностью сосредоточиться на задании не мог.

Дарзо Блинт это видел и злился. Поливая ученика потоками отборной брани, он унизительно сравнивал Кайларово отношение к делу с поведением растяпы шлюхи, его лицо — со срамными местами, а ум — с мозгами рогатого скота.

Наряду со всем прочим в мастере Блинте пугало то, что его ярость никогда не отражалась на борьбе. Он позволял злобе выплескиваться лишь тогда, когда противник уже лежал на лопатках, обычно истекая кровью.

Дарзо медленно перемещался перед Кайларом по пустой комнате, сжимая одну руку в кулак, а во второй держа учебный нож. Клинок выписывал в воздухе зигзаги и арки. В какое-то мгновение Кайлару удалось увернуться от удара и схватить мастера Блинта за запястье.

Однако тот не выронил нож, выдернул руку и ударил тупым лезвием по большому

пальцу Кайлара.

— Ты поторопился, мальчик, и лишился пальца.

Кайлар остановился, тяжело дыша и не сводя глаз с учителя. Они тренировались с разными мечами, со всевозможными ножами. Порой с одинаковыми, порой мастер Блинт брал обоюдоострый палаш, а Кайлар — клинок Ганду, или Кайлар вооружался кинжалом, а Блинт — ножом с кривым клинком.

— Любой другой на вашем месте выронил бы оружие, — сказал Кайлар.

— Ты сражаешься не с любым другим.

— Я не стал бы драться с тобой, если ты с оружием, а я — без.

Мастер Блинт отвел руку назад и метнул нож. Тот пролетел аккурат мимо Кайларова уха. Кайлар даже не вздрогнул. Не потому, что больше не задавался вопросом, хочет ли мастер Блинт его убить. А потому что давно уяснил себе: если хочет, то его ничто не остановит.

Когда Блинт снова напал на ученика, тот отреагировал, как и следовало. Пинки предотвратил блоками, от ударов рукой и ножом ловко увернулся, другие встретил напряженными предплечьями, ногами, бедрами. Нет, он не красовался и совершенно не хитрил. Просто действовал четко и быстро.

Борьба была в самом разгаре; Кайлар, как обычно, вдруг понял, что победу одержит мастер Блинт, просто потому, что он искуснее и опытнее. В подобные минуты Кайлара охватывало желание пойти на крайние меры. А мастер Блинт только того и ждал.

Кайлар разразился вереницей ударов, быстрых и легких, как горный ветер. Ни один из них не мог причинить мастеру Блинту вреда, но, двигаясь все живее и живее, Кайлар надеялся, что учитель пропустит следующий. Мастер Блинт отклонял удар за ударом или встречал их, напружив мышцы.

Наконец правой руке Кайлара удалось пробиться сквозь защиту, и он ударил мастера Блинта под дых. Мокрушник непроизвольно сгорбился; Кайлар занес руку для мощного удара по челюсти и резко остановился. Блинт мгновенно поставил блок, Кайлар, пользуясь заминкой, двинул мастеру в нос, защитить который тот никак не успел бы.

Удивительно, но Кайлар промазал. Кулак отшвырнуло в сторону потусторонней силой, некой невидимой добавочной рукой. Пошатываясь, Кайлар попытался восстановить равновесие и поставить блок против пинка и снова стал жертвой нечеловеческой мощи. Его впечатало в балку с такой силой, что дерево затрещало. Он сполз на пол.

— Если не можешь меня ударить, понесешь особое наказание, — проговорил Блинт.

Особое наказание? Замечательно. Согнувшись на полу, изнывая от пульсирующей боли в руках, Кайлар не ответил. Когда он с трудом поднялся на ноги и повернул голову, на месте Блинта стоял Логан. Однако на его губах играла ухмылка не молодого лорда Джайра, а Дарзо. То была иллюзия, человек-призрак ростом в семь футов, с ужимками Блинта. Кайлар осатанело пнул его в колено, но не прикоснулся ни к чему, лишь разбил картинку. Блинт стоял дальше, футах в двух от видения. Кайлар, пошатываясь, сделал шаг назад; Блинт поднял руку. Из его пальцев со свистом вылетел призрачный кулак. Кайлар получил очередной удар и вновь повалился на пол.

Тотчас же вскочив, он заметил, как Блинт подпрыгивает. Потолок был высотой двенадцать футов, но мокрушник подлетел к нему, ударился о него спиной и как будто прилип. Потом медленно пополз в сторону Кайлара и исчез из вида, спрятавшись в густой тени. Сначала Кайлар слышал шорох, а потом все внезапно стихло. *Талант* Блинта был способен приглушать звуки.

Непрестанно ходя по комнате, Кайлар стал пристально всматриваться в потолочные тени.

— Резаный Врабль мог бы подстроить даже так, что ты услышал бы его голос или другие звуки оттуда, где на самом деле их нет, — сказал Блинт с противоположного конца потолка. — Интересно, на что способен ты.

Кайлар увидел — или это ему лишь показалось, — что густая тень возвращается к

нему. Прицелившись, он метнул в нее нож. Тень растворилась, а клинок воткнулся в деревянный брус. Еще одна иллюзия! Кайлар стал медленно поворачиваться, прислушиваясь к малейшим шорохам и стараясь успокоить свое бешено бьющееся сердце.

У него за спиной послышался шум от соприкосновения материи с полом. Кайлар резко развернулся и рванул вперед, но увидел перед собой лишь Блинтову рубаху. Позади снова раздался звук — на сей раз с потолка спрыгнул определенно сам мокрушник. Кайлар опять резко повернулся, и тут кто-то схватил его за левую руку, а потом и за правую.

Мастер Блинт стоял с обнаженным торсом, глядя на ученика неживым взглядом, опустив настоящие руки по швам. Запястья Кайлара удерживала в воздухе магия. Вот она медленно потянула их в противоположные стороны. Кайлар терпел и молчал до последнего, но, почувствовав, что его вот-вот разорвет пополам, закричал что было мочи.

Волшебство исчезло. Поверженный Кайлар рухнул на пол.

Дарзо разочарованно покачал головой. Кайлар вскочил и опять рванул в бой. Его нога, соприкоснувшись с коленом Дарзо, замедлила темп, как будто ударив по пружине, резко отскочила, и Кайлара в который раз швырнуло на пол.

— Ты понял, что произошло? — спросил Дарзо.

— Вы опять задали мне жару, — сказал Кайлар.

— Нет, перед этим.

— Я вам чуть было не двинул.

— Ты меня надул и действительно обработал бы, но я пустил в ход *талант,* а ты до сих пор не желаешь пользоваться своим.

«Потому что я безнадежен», — подумал Кайлар. За четыре года, минувшие со встречи с Дриссой Найл, он сотню раз подумывал о том, не рассказать ли правду Дарзо Блинту. Так, мол, и так, у меня нет канала, и это невозможно исправить. Но в последнюю минуту всякий раз вспоминал о правилах игры: ему надлежало либо стать настоящим мокрушником, либо умереть. А без *таланта* быть продолжателем учителя он не мог — Дарзо снова это подтвердил. Порой Кайлар даже желал открыть мастеру секрет, чтобы побыстрее прекратить свои мучения. Все это время чего он только не предпринимал, чтобы заставить *талант* работать, каких только не прочел книг — ничто не помогало.

Блинт глубоко вздохнул и произнес спокойным голосом:

— Пришло время поговорить начистоту, Кайлар. Ты неплохой боец. Но должен посерьезнее тренироваться с опорой, булавой, арбалетом и… — Он поймал себя на том, что читает нотацию, и остановился. — Впрочем, в рукопашном бою ты достиг настоящего успеха и прекрасно освоил все тонкости боя с кьюрским мечом-полуторником. Тем не менее сегодня опять проиграл. Не одержишь надо мной победу и в следующий раз, однако продвинешься еще на шаг вперед, потому что знаешь, что должен делать — умом и телом. С годами ты станешь быстрее, выносливее и сообразительнее. Твоя учеба закончена, Кайлар. Теперь набирайся опыта.

— А дальше что? — спросил Кайлар.

— Пойдем со мной. У меня кое-что есть, это может тебе помочь.

Кайлар проследовал за Блинтом в мастерскую. Она была меньше той, в старом укрытии Блинта, где Азот очутился впервые, зато в этом доме загоны для животных отделялись от мастерской толстыми стенами и дверьми, поэтому здесь гораздо приятнее пахло. К тому же теперь все вокруг выглядело знакомым. Книги на полках казались старыми добрыми друзьями. Кайлар даже собственноручно вписывал в некоторые из них новые рецепты. За девять лет он по достоинству оценил умение Блинта готовить отравы и восхищался им.

Разумеется, ядами пользовались все мокрушники. Болиголов, ваточник курассавский, корень мандрагоры, ариаму — все эти растения произрастали в здешних местах и могли убить человека. Однако Дарзо использовал сотни ядов. Его книги пестрели пометками и пояснениями, сделанными убористым неровным почерком. Он знал, через какое время подействует та или иная отрава, каким способом ее лучше вводить, умел ухаживать за растениями, привезенными из других стран, и те жили у него сколько требовалось.

Мастер Блинт взял коробку.

— Присядь.

Кайлар сел на табурет за высоким столом, уперся в него локтем и уткнулся подбородком в основание ладони. Блинт перевернул коробку.

На стол прямо перед Кайларовым лицом вывалилась белая змея. Не успел он сообразить, что это, как она бросилась на него. Кайлар отчетливо видел раскрывающуюся пасть и огромные блестящие зубы. Он подался назад, но слишком медленно.

Змея вдруг исчезла, а Кайлар полетел с табурета. Упав на спину, он тотчас же вскочил на ноги.

Блинт держал змею за голову — поймал ее на лету, когда она кинулась на жертву.

— Знаешь, что это, а, Кайлар?

— Белая кобра.

То была одна из самых опасных ядовитых змей в мире, довольно мелкая, но ее укус убивал в считаные секунды.

— Нет, Кайлар. Это цена за проигрыш. Борешься ты лучше любого другого бойца, у которого нет *таланта.* Но ты не мокрушник. Ты овладел искусством варить яды и умеешь убивать. У тебя бесподобная реакция и отменное чутье. Ты можешь спрятаться, замаскироваться, сражаться. Все это — мелочи, пустой звук. Достоинства обыкновенного убийцы. Убийца преследует цель. А мы убиваем. Спросишь, в чем разница? Те, кого надлежит прикончить нам, считаются мертвецами с той минуты, когда мы ставим в договоре подпись. У тебя есть *талант,* Кайлар, а ты им не пользуешься. И не собираешься пользоваться. Я еще многому обязан тебя обучить, но в этом нет смысла, потому что ты не выпускаешь свои способности.

— Да… я знаю, — сказал Кайлар, не глядя мастеру в глаза.

— А ведь мне вовсе не нужен был ученик, я не собирался никого принимать. До меня дошел слух, что в Сенарии спрятан старинный артефакт: серебряный ка'кари. Болтают, будто создал его сам Безумец Эзра. Это небольшой серебряный шар, который может сделать тебя неуязвимым для любого оружия и продлить до бесконечности твою жизнь. Другими способами, без участия металла, тебя убить могут, но этого нетрудно избежать, и тогда ты будешь жить вечно! Как раз в этот момент на горизонте и появился ты, Кайлар. Знаешь, кто ты такой? Майа Дрисса Найл не рассказала тебе?

Дарзо знал и о Дриссе Найл?

— По ее словам, я безнадежен.

— Ка'кари сделали специально для таких «безнадежных», как ты. Предполагается, что между людьми с мощным *талантом* , вроде твоего, но без канала и без ка'кари, существует взаимное притяжение. Ты должен обнаружить шар, Кайлар. Как им пользоваться, ты все равно не знаешь. Найди его, отдай мне, и я стану бессмертным!

— А я, как был, так и останусь безнадежным, — с горечью проговорил Кайлар.

— Как только я заполучу ка'кари, мы попросим Дриссу тщательно изучить его. Она исключительная целительница. Пусть на это ей потребуется даже несколько лет — не беда. Но у нас не так много времени, Кайлар. Надеюсь, ты понимаешь, почему я не могу позволить тебе быть просто убийцей?

Дарзо ухмыльнулся, хоть и теперь это было совсем не к месту.

Естественно, Кайлар не раз ломал голову над этим вопросом, а вывод всегда делал один: Дарзо считает ниже своего достоинства держать у себя ущербного ученика.

— Благодаря *таланту* мы даем магически подкрепленную клятву на верность шинге. Ему она служит гарантией безопасности, а с нас снимает любые подозрения. Это нечто вроде небольшой обоюдной подстраховки. Если мокрушник нарушает клятву, он должен стать подчиненным мага или майстера. Все маги в городе работают на Са'каге, а служить майстеру согласится разве что круглый дурак. Ты стал опытным убийцей, Кайлар. Шинга начинает беспокоиться. А волноваться ему вредно.

— Неужто я пойду против шинги? Это все равно что подписать собственный смертный

приговор.

— Да, но не в этом дело. Такова уж их судьба: все, кому доводится стать шингой, или сходят с ума, или довольно рано умирают.

— А почему вы ничего этого не рассказывали мне раньше? — требовательно спросил Кайлар. — Еще и избивали меня за то, что я не могу воспользоваться *талантом.* Это ведь все равно что лупить слепого за то, что он не умеет читать!

— Твое отчаянное стремление высвободить *талант* — дорога к ка'кари. Я тебе просто помогал. И сейчас помогаю. — Мастер Блинт кивнул на змею, которую до сих пор держал в руке. — Это движущая сила. И самый надежный яд в мире. — Он не сводил с Кайлара напряженного взгляда. — Найти ка'кари — твоя основная задача, мальчик. Разыщи его. Или пеняй на себя.

На Кайлара повеяло холодом. Ему давали последнюю возможность.

Мастер Блинт убрал змею, взял кое-что из оружия, схватил суму, которую заранее собрал, снял со стены меч Возмездия, проверил длинный черный клинок и опустил его в ножны.

— Я на некоторое время отлучусь, — сказал он.

— А меня вы с собой не берете?

— Будешь только мешаться.

«Буду мешаться?» Небрежный тон, которым Блинт произнес эти слова, ударил по Кайлару почти так же хлестко, как осознание того, что мастер прав.

30

— Не нравится мне все это, — сказал Солон.

Регнус Джайр смотрел вдаль, подставляя лицо ветру, трепавшему его седые волосы. Близнецы сегодня молчали, шумел только не стихавший ветер. Регнус прислушивался, будто знал, что воздух ему что-то сообщит.

— Держать вас здесь десять лет и вдруг затребовать к себе, — проговорил Солон. — Ваш сын вот-вот достигнет совершеннолетия. Зачем королю это понадобилось именно теперь?

— Для чего собирают в одном месте все вражеские силы? — спросил Регнус, повышая голос ровно настолько, чтобы собеседник услышал его сквозь свист ветра. Стояла поздняя весна, но погода не баловала благодатью. На Воющих Ветрах никогда не бывало тепло. Северный ветер без труда пробирался под одежду, насмешливо развевал длинные волосы и бороды, которые воины отращивали, чтобы было хоть чуточку теплее.

— Чтобы разбить их, — ответил Солон.

— Разбивать их лучше по отдельности, — возразил Регнус. — Король прекрасно знает, что я сделаю все возможное, чтобы в торжественный день оказаться рядом с сыном. И понимает, что я поскачу домой во весь опор. То есть с небольшим сопровождением.

— А он, оказывается, не настолько глуп, — сказал Солон. — Признаться честно, я от него такого не ожидал.

— На размышления у него было целых десять лет, мой друг, и помощь проныры.

Пронырой Регнус называл Фергунда Са'фасти, мага, далеко не самого достойного выпускника Шо'сенди. Фергунд знал Солона в лицо и, если бы мог извлечь из этого какую-либо выгоду, давно бы объявил миру, что Солон тоже маг. Из-за Фергунда Солон и оставался с Регнусом, а фамильными владениями все увереннее и увереннее управлял Логан.

Солону начинало казаться, что он совершил серьезную ошибку.

— Полагаете, они нападут на нас по дороге? — спросил он.

Регнус, не поворачиваясь, кивнул.

— Уговаривать вас не ехать наверняка не имеет смысла? — проговорил Солон.

Регнус улыбнулся. Солон им восхищался. Регнус Джайр согласился возглавить армию на Воющих Ветрах и остался в живых, хоть ему и пришлось отказаться от мыслей о троне и

надолго покинуть родной дом.

В Регнусе Джайре пылал огонь и жило нечто яростное и горделивое, как в царе-полководце из былых времен. Его слово было законом благодаря мощи, которая от него исходила, воины видели в нем отца, короля и брата. В борьбе со злом он преуспевал и находил в этом удовольствие. Горцы Халидора, некоторые из которых ни разу в жизни не преклоняли колен перед другим человеком, были прирожденными воинами. Они жили войной, считали позором умереть в постели и верили в единственно возможное бессмертие — бессмертие через подвиги в бою, воспетые менестрелями.

Регнуса они звали Рурстаком Слаагеном, Дьяволом Стен. Последние десять лет отважные молодые халидорцы бились в эти стены, пытались вскарабкаться по ним, тайком обойти их, проникнуть внутрь с помощью подкупа, однако Регнус всякий раз давал им отпор, нередко совсем без потерь.

Воющие Ветра представляли собой три стены в районе трех узких проходов на единственном перевале между Сенарией и Халидором. За стенами врага поджидали изобретенные специальной командой Регнуса силки, ловушки, капканы и каменные осыпи. Неприятель дважды доходил до первой стены, но рассказать товарищам, что их ожидало дальше, не смог ни один, ибо все погибли.

— Логан говорит, что близко дружит с принцем, — сообщил Солон.

— Принц меня не особенно волнует, — ответил Регнус.

— Он в самом деле водит дружбу с вашим сыном. Быть может, мальчик пошел в мать? Не она ли влияет на него?

Регнус промолчал. Произносить вслух имя Налии он не желал. Даже теперь.

— Что ж, будем надеяться на лучшее, но готовиться к худшему? — спросил Солон. — Возьмем десять доблестных бойцов, запасных лошадей для нас всех и отправимся в путь не по основной дороге, а берегом?

— Нет, — ответил Регнус. — Если они устроили одну засаду, значит, позаботились и о второй. Давайте доставим им удовольствие и открыто вступим в игру.

— Слушаюсь, сэр, — проговорил Солон, гадая, с кем именно им предстоит сразиться.

— Кстати, ты до сих пор пишешь письма той женщине?

Солон кивнул, весь напрягаясь. По его груди расползлась гадкая пустота. Разумеется, предводитель все знал. Солон отправлял послания каждую неделю, а в ответ не получал ни строчки.

— Если и в этот раз она не откликнется, тогда ты хотя бы поймешь, что она молчит не потому, что находит твои письма скучными. — Регнус похлопал Солона по плечу.

Тот печально улыбнулся. Удивительно, но в присутствии этого человека было легче переносить сердечную тоску и не столь страшно смотреть в лицо смерти.

Мамочка К. сидела на балконе особняка, стоящего там, где особнякам совсем не место. Вопреки общепринятым нормам и здравому смыслу, Рот Гримсон построил свой роскошный дом посреди Крольчатника.

Мамочке К. Рот никогда не нравился, но судьба редко сводила ее по работе с людьми, приходившимися ей по вкусу. Быть нелюбезной с Ротом она не могла себе позволить — в Са'каге он считался восходящей звездой. Рот отличался умом и исключительной способностью преображать все, чего бы ни коснулась его рука. Он возник по окончании межцеховой войны, внезапно стал хозяином «Красных бандитов» и в два счета подчинил себе половину Крольчатника.

Разумеется, все происходило не без участия Са'каге. Началась история Рота Гримсона с убийства Дарзо Блинтом Корбина Фишилла. Девятеро, конечно, терялись в догадках: «Как Рот умудрился прибрать к рукам столь обширную территорию?» Расспросы Мамочки К. ему досаждали, но он помалкивал. Скажи она слово, и ему никогда не стать одним из Девятерых; отдай соответствующее распоряжение, и его мгновенно отправят на тот свет. Рот прекрасно понимал, с кем имеет дело.

Ему было под тридцать. Молодой, грозного вида человек, он в любом обществе держался как принц среди попрошаек. Обладатель близко посаженных голубых глаз и черных волос, Рот обожал изысканные наряды. Сегодня на нем была серая блуза со шнуровым орнаментом острова Планга, только-только вошедшим в моду, такие же штаны и высокие сапоги, отделанные серебром. Прядь напомаженных волос то и дело спадала ему на глаза.

— Если вам когда-нибудь прискучит нынешнее занятие, можете взять на себя управление одним из моих заведений. — Мамочка К. сказала это лишь для того, чтобы взглянуть на реакцию Рота. — У вас получится. Мужчины вам будут очень признательны.

Он засмеялся.

— Буду иметь в виду.

Они сидели рядом за столиком, стоявшим у внешней ограды балкона. Рот знаком велел прислуге подавать завтрак. Ему явно хотелось, чтобы гостья восхитилась его имением и чтобы спросила, почему он решил поселиться в Крольчатнике.

Мамочка К. не желала доставлять ему такого удовольствия. К тому же она уже провела небольшое расследование и нашла ответ на этот вопрос. Рот Гримсон обосновался в Крольчатнике по ряду причин. Во-первых, ему принадлежал небольшой кусок прибрежной части города, что позволяло втихую заниматься контрабандой. Во-вторых, этот участок земли он купил за сущие гроши, но сэкономленной суммы, увы, давно лишился: дом строили большей частью жулики; растаскивать что плохо лежит им с удовольствием помогли вытесненные с нажитого места нищие. Ни те, ни Другие никак не могли взять в толк, что понадобилось дураку богачу в их районе. Воров, попадавшихся на месте преступления, нещадно избивали. Пятерых или шестерых, насколько было известно Мамочке К., даже убили. Гримсон и теперь любого, кто совался на его территорию без специального разрешения, велел убивать на месте.

Высокие стены особняка были утыканы битым стеклом и металлическими кольями. Охраняемый командой здоровяков громадина дом нагонял на местных жителей страх, и они больше не смели сюда наведываться. Неопытные воры либо уже попытали счастья и поплатились за это, либо услышали о том, какая участь постигла их собратьев. А профессионалы знали, что проще и безопаснее пересечь Ванденский мост и поживиться на другом берегу.

Сады Рота Гримсона пленяли великолепием, но деревья и цветы в нем росли сплошь приземистые, ибо ничто не должно было загораживать обзор стрелков-убийц. Кроваво-красные, желтые, зеленые и оранжевые краски сада резко контрастировали с серостью и унылой бесцветностью Крольчатника.

Прислуга принесла первое блюдо — засахаренные дольки апельсина-королька. Рот приступил к еде, вскользь заметив, что выдалась чудесная погода. Ничего более остроумного, как видно, не пришло ему в голову, впрочем, Мамочка К. на другое и не рассчитывала.

Когда подали горячую зобную железу, Рот распространялся о редких растениях в своих садах. Он страдал присущей всем новоиспеченным богачам страстью поразглагольствовать о том, сколько что из его окружения стоит. И не догадывался, что Мамочка К. может точно определить, какие суммы он тратит на ведение хозяйства, единожды взглянув на прислугу и на угощения. Когда же он перейдет к главному? — все гадала она.

— В зале Девятерых освобождается место, — сказал Рот.

Он сменил тему слишком внезапно. Ему следовало рассказать о каком-нибудь курьезном случае, приключившемся в ходе его работы, и лишь после этого плавно перейти к Девятерым. Мамочка К вдруг усомнилась в том, что он подходит для столь высокого поста.

— Верно, — сказала она, не намереваясь подстраиваться под его правила.

Солнце поднималось над горизонтом, окрашивая небо в огненно-оранжевые тона. День обещал быть жарким; уже теперь можно было спокойно снять с плеч шаль.

— Я шесть лет работал с Финеасом Сератсином и разбираюсь в делах лучше, чем кто

бы то ни было.

— Вы работали *на* Трематира, не *с* ним.

Рот сверкнул глазами, однако ничего не сказал. Мамочка К. поняла, что характер у него вздорный и что он не любит, когда ему перечат.

— По-видимому, не так уж хороши ваши шпионы, раз не замечали, сколько работы выполнял я и сколько старик.

Мамочка К. вскинула бровь.

— Шпионы?

— Всем известно, что они у вас повсюду.

— Всем известно. Замечательно. Что ж, значит, так оно и есть.

— Ах да, конечно! — воскликнул Рот. — Об этом знают все вокруг, но мне не следует упоминать о подобных вещах, потому что это дурной тон.

— Некоторым людям в нашем сообществе лучше не грубить, молодой человек. Если желаете, чтобы я замолвила за вас слово, лучше постарайтесь со мной подружиться.

Рот дал знак слугам. Они убрали пустые тарелки и принесли нарезку различных видов тушеного мяса со специями и омлет из яиц с сыром.

— Просить я вас ни о чем не собираюсь, — тихо произнес Рот.

Мамочка К. съела омлет и приступила к мясу. Оно оказалось бесподобным. По-видимому, Рот выписал повара из Ганду. Наслаждаясь блюдом, Мамочка К. наблюдала за светлевшим небом. Солнце медленно поднималось над высоченной оградой имения. «Оставлю его в живых, если он заберет свои слова обратно», — решила она.

— Не знаю, как вам удается оказывать на Девятерых такое влияние, но это не столь важно. Да, мне нужно, чтобы вы за меня проголосовали, и вы это сделаете, — сказал Рот. — В противном случае прощайтесь со своей племянницей.

Мясо, которое секунду назад казалось Мамочке К. настолько изысканным, что таяло у нее во рту, вдруг застряло в горле.

— Хорошенькая девочка, правда же? С очаровательными косичками. Как жаль, что умерла ее мамаша, и как хорошо, что богатая тетка нашла для ребенка местечко, да не где-нибудь, а в самом замке! Только вот странно, что старая шлюха доверила племянницу служанке.

Мамочка К. обмерла. Как он узнал?

Счетоводы! Ее счетоводы вели подсчеты секретным кодом, но Финеас Сератсин был хозяином монетного двора и имел доступ к таким финансовым записям, какие не попадали в руки даже приближенным короля. Рот, судя по всему, изучил все отчеты и нашел сведения об оплате той служанке. Она и так всю жизнь тряслась от страха. Припугни ее Рот, и с ней приключится удар.

Хозяин поднялся из-за стола. На его тарелках уже ничего не было.

— Нет-нет, пожалуйста, сидите. Спокойно доешьте.

Мамочка К. машинально продолжила есть, раздумывая, как ей быть. «Не похитить ли девочку? Но как? Дарзо ведь об этом не попросишь! Впрочем, он не единственный мокрушник в городе».

— Я исключительно жесток, Гвинвера. Лишить человека жизни — это же… — Рот поежился от удовольствия. — Наслаждение послаще всего того, что вы продаете в борделях. Но я умею усмирять свой аппетит. Этим мы, люди, и отличаемся от рабов, правильно?

Он стал натягивать на руку перчатку из толстой кожи. Тем временем стража подняла решетку на главных воротах. Мамочка К. увидела столпившихся перед ними оборвышей простолюдинов. По-видимому, нечто подобное происходило здесь изо дня в день.

Четверо слуг вынесли в сад огромный поднос, нагруженный съестным. Опустив его на стол, они поспешили скрыться из вида.

— А вот эти несчастные — рабы, не люди. Они настоящие рабы своего голода, — заметил Рот.

Голодные люди подались вперед, но приостановились, боязливо взглянули на

устрашающие прутья застывшей наверху решетки, потом на Мамочку К. и на Рота. Но все их мысли, отражавшиеся в глазах, были о еде. Толпа напоминала стаю зверей, сходящих с ума от голода.

Первой вперед рванула молодая женщина. Не успела она отбежать на несколько шагов, как за ней последовали и все остальные — старики, дети, люди совсем молодые и зрелые. Всех объединяло единственное — предельное отчаяние.

Достигнув подноса, они принялись набивать рты и карманы колбасами и прочими жирными вкусностями, от которых позднее им могло сделаться дурно.

Роту принесли заряженный арбалет.

— Что вы собираетесь делать?! — воскликнула Мамочка К. Нищие, увидев оружие, бросились врассыпную.

— Всего лишь поупражняться в стрельбе, — ответил Рот, поднимая арбалет и нажимая на спусковой рычаг.

Один из молодых парней, получив стрелу в спину, упал на землю. Рот опустил руку с арбалетом и взвел тетиву не с помощью железного рычага, а рукой в перчатке. На ней вдруг показались похожие на татуировку, дрожащие от избытка мощи знаки. Невероятно!

Рот выстрелил во второй раз, и молодая женщина, рванувшая к еде первой, упала в непристойной позе.

— Я подкармливаю свое стадо каждый божий день. В первую неделю месяца я стреляю в них в первый день. Во вторую — во второй. — Рот сделал паузу и выпустил третью стрелу. Она вошла в голову еще одной несчастной. — Ну и так далее. Однако я никогда не убиваю более четверых подряд.

Теперь во дворе никого не было, лишь дряхлый старик еле тащился к воротам, до которых оставалось еще шагов тридцать. Стрела пронзила ему колено. Вскрикнув, он упал и продолжил путь ползком.

— Рабы не умеют работать мозгами. Они подчинены не уму, а желудку. — Рот дождался, пока старик достигнет ворот, снова выстрелил, промазал и выпустил еще одну стрелу, которая прикончила раненого. — А вон того видите?

Мамочка К. взглянула на входившего во двор простолюдина. Всех остальных и след простыл.

— Мой любимый, — сказал Рот. — Он вычислил правила моей игры.

Человек безбоязненно посмотрел на Рота, поприветствовал его кивком, приблизился к столу и стал спокойно есть.

— Конечно, он мог бы поделиться секретом с остальными и таким образом спасти несколько жизней, но ведь я могу изменить правила, и тогда ему несдобровать. Такие, как этот парень, умеют выживать, Гвинвера. И готовы приспосабливаться. — Рот отдал арбалет и перчатку прислужнику и взглянул на гостью. — Итак, интересно было бы узнать, умеете ли выживать вы.

— Я приспосабливалась к такому, что вы и представить себе не можете. Хорошо, я проголосую за вас.

Мамочка К. решила, что убьет его чуть погодя. Сейчас же следовало сохранять полное спокойствие. Рот был животным и чуял малейшее проявление страха.

— Мне нужен не только ваш голос. Еще Дарзо Блинт. И серебряный ка'кари. И… много всего другого. Мои желания осуществятся. С вашей помощью. — Он улыбнулся. — Не хотите отведать тушеного простолюдина?

Мамочка К. рассеянно покачала головой и посмотрела на свою пустую тарелку. Тут до нее дошел смысл его слов. Она выглянула во двор. Слуги подбирали тела и заносили их внутрь.

— Вы сказали… «простолюдина»?

Рот лишь снова улыбнулся в ответ.

— Выглядишь вполне ничего, — сказал Логан, преграждая Кайлару дорогу посреди двора графа Дрейка. — Во всяком случае, лучше лошадиной задницы.

— Спасибо. — Кайлар обошел друга. Тот стоял на прежнем месте. — Чего тебе, Логан?

— Гм… — промычал молодой лорд.

На вид он был самой невинностью, если, конечно, невинность бывает такой огромной. И не мог себе позволить продолжать разговор в том дурашливом тоне, с которого начал, потому что был слишком умен и хорошо воспитан.

Логан Джайр отличался невероятной красотой. Если бы в городе решили выбрать образец мужской неотразимости, им, вне всякого сомнения, стал бы Логан. Окрепший и возмужавший после полугодовалой тренировки с войском отца, он походил на статую древнего героя и был предметом обожания большинства сенарийских девиц. Картину дополняли идеальные зубы, густые волосы и пропасть денег, обещавших перейти в его собственность, как только ему исполнится двадцать один год (ждать оставалось всего три дня). Внимания он приковывал к себе почти столько же, сколько его друг, принц Алейн, а девушки, которые не желали быть выброшенными за борт после первой же ночи любви, интересовались Логаном даже больше. Главное же его достоинство состояло в том, что он не имел ни малейшего понятия ни о своей красоте, ни о всеобщем восхищении, ни о зависти. Кайлар в шутку прозвал его Людоедом.

— Логан, в чем дело? Не стоял же ты посреди двора полдня? Значит, увидел, что я вхожу в ворота, и специально вышел мне навстречу. Стало быть, ждал меня. А теперь не желаешь входить со мной внутрь, то есть не хочешь, чтобы наш разговор кто-то услышал. И потом с тобой рядом нет Сэры. Должно быть, она поехала с твоей матерью купить новое платье или еще какую-нибудь ерунду.

— Украшения, — сказал Логан.

— Ну так что у тебя за дело? — спросил Кайлар.

Логан переступил с ноги на ногу.

— Ненавижу, когда ты так делаешь. Мог бы дать мне возможность самому все объяснить… Я просто… Эй, ты куда?

Кайлар продолжил путь.

— Ты не мычишь и не телишься.

— Ладно. Подожди. Я просто подумал, что иногда нам не грех поразмяться в кулачном бою, как в старые добрые времена, — сказал Логан.

В кулачном бою, подумал Кайлар. А еще говорят, что здоровякам не хватает мозгов.

— Ты же в два счета разукрасишь меня с головы до пят, — ответил он, улыбаясь.

Драться им не следовало, не то Логан стал бы задавать вопросы. Удивился бы. Еще и, чего доброго, догадался бы, что в последний раз они дрались отнюдь не девять лет назад.

— Думаешь, что я проиграю, правильно? — спросил Логан.

С тех пор как Кайлар отделал его на стадионе, молодой лорд относился к тренировкам гораздо серьезнее и упражнялся по несколько часов в день с лучшим мастером по фехтованию в городе, не имевшим отношения к Са'каге.

— Ты всякий раз легко и просто укладывал меня на лопатки, — сказал Кайлар.

— Всякий раз? Мы боролись всего единожды! Целых десять лет назад!

— Девять.

— Какая разница! — воскликнул Логан.

— Ударь меня хоть разок своей кувалдой, которую ты называешь кулаком, и мне не встать, — сказал Кайлар.

— Я буду осторожен.

— Не мне сражаться с людоедом.

Что-то тут было не так. Логан предлагал Кайлару побороться примерно раз в год, но никогда так не настаивал. Благовоспитанность не позволяла ему принуждать друга к тому, чего тот не желает делать, даже если причина отказа ему, Логану, не вполне ясна.

— Что случилось? — спросил Кайлар. — Почему тебе вдруг приспичило подраться?

Лорд Джайр потупился и почесал висок.

— Сэра спрашивает, почему мы с тобой никогда не меряемся силой. Ей кажется, что мы друг друга достойны. Нет, она, конечно, не хочет, чтобы кто-то из нас пострадал, но…

Логан смутился и замолчал.

«А ты не прочь немного повыставляться», — подумал Кайлар.

— Кстати, о достойных союзах. Когда ты наконец наберешься смелости и женишься на ней?

Людоед тяжело вздохнул. Все его вздохи были тяжелыми, но этот говорил об особенно увесистом грузе на сердце. Помолчали. Логан схватил табурет конюха и сел на него, не замечая, что подол изысканного плаща улегся на грязную дорожку.

— Вообще-то я уже поговорил об этом с графом Дрейком… пару дней назад.

— Серьезно?! — воскликнул Кайлар. — И что же?

— Он не возражает…

— Поздравляю! Когда играете свадьбу? Без пяти минут бывший холостяк?

Людоед смотрел перед собой рассеянным взглядом.

— Только на душе у него неспокойно…

— Шутишь?

Логан покачал головой.

— Да ведь он знает тебя с рождения! — воскликнул Кайлар. — Ваши семьи крепко дружат сотню лет. Для Сэры в смысле титула это очень выгодный брак. Можно сказать, путь наверх. Тебя ждет блестящее будущее, к тому же вы давным-давно помолвлены. О чем графу Дрейку волноваться?

Логан приковал к Кайлару напряженный взгляд.

— Он сказал, что тебе все известно. Сэра влюблена в тебя, правильно?

Приехали!

— Нет, — ответил Кайлар после продолжительного молчания.

Его заминка сильнее обеспокоила Логана.

— Влюблена? — потребовал он.

Кайлар растерялся.

— По-моему, она сама толком не знает, в кого влюблена.

По сути, он не лгал, просто кое о чем умалчивал. В любом случае Логан заблуждался. Сэра не любила Кайлара, а ему она даже не нравилась.

— Я люблю ее всю свою жизнь, понимаешь?! — воскликнул Логан.

Кайлар не знал, что говорить.

— Кайлар? — Людоед не сводил с него глаз.

— Что?

— А ты ее любишь?

— Нет.

Кайлара охватил приступ злобы и отчаяния, но на его лице ничего не отразилось. Он же просил Сэру во всем признаться Логану, даже требовал. Она дала слово, что сделает это.

Людоед посмотрел на него со странным выражением во взгляде.

— Сэр, — послышалось у Кайлара из-за спины. Он и не заметил, как к нему подошел рассыльный.

— Да?

— Вам передали вот это.

Кайлар развернул незапечатанный листок бумаги и, не глядя на Логана, прочел: «Надо встретиться. Сегодня, в десять. В „Синем кабане“. Джарл».

По спине Кайлара пробежал морозец. Джарл. Они не общались с тех пор, как Кайлар ушел с улицы. Предполагалось, что бывшие знакомые считают его погибшим. Получалось, что Джарл либо искал встречи с Кайларом Стерном, либо знал, что Кайлар — это Азот. Что могло понадобиться Джарлу от Кайлара Стерна? Ответа не находилось.

А если правду знает Джарл, не знает ли и кто-нибудь еще?

Мастер Блинт был занят делами. Позднее они планировали встретиться. Но разобраться с Джарлом Кайлару следовало самостоятельно.

— Мне надо идти, — сказал он, поворачиваясь и устремляясь к калитке.

— Кайлар! — крикнул Логан.

Кайлар повернул голову.

— Ты мне доверяешь? — спросил он.

Логан беспомощно приподнял руки.

— Конечно.

— Тогда я все улажу.

«Синий кабан» был одним из лучших борделей Мамочки К. Располагался он на восточном берегу, неподалеку от пути Сидлина и моста Томой и славился изысканными винами, чем успешно пользовались торговцы, когда жены приставали к ним с расспросами. «Одна знакомая мне сказала, что видела, как ты входишь в „Синего кабана“». — «Да-да, дорогуша. У меня была деловая встреча. Там подают отменные вина, ты же знаешь».

Кайлар оказался здесь впервые. Бордель был трехэтажный. Помещение на первом, где посетители ели и пили вино, походило на вполне приличный дорогой трактир. На двери второго этажа висела вывеска «Гостиная», третьего — «Комнаты отдыха».

Кайлар в растерянности остановился на пороге.

— Здравствуйте, милорд, — прозвучал рядом с ним обольстительный женский голос.

Кайлар повернул голову и густо покраснел. Перед ним стояла девица. Аромат пряных духов обволок его густым облаком. Она смотрела на него так, будто они двое знали некий секрет или будто ей предстояло сообщить ему какую-то тайну. Впрочем, откровенный взгляд был цветочками по сравнению с тем, как она выглядела. Кайлар не имел представления, назывался ли ее наряд платьем. Одежка покрывала тело девицы от шеи до щиколоток, но была сплошь из прозрачного кружева и не скрывала округлых прелестей.

— Что, простите?

Кайлар заставил себя перевести взгляд на лицо женщины и покраснел пуще прежнего.

— Чем могу помочь? Может, принести вам стаканчик сетского красного и рассказать о том, какие мы предоставляем услуги?

Конфузливость Кайлара ее, по-видимому, забавляла.

— Нет, благодарю, миледи, — ответил он.

— Не желаете ли подняться в гостиную и познакомиться со мной… поближе? — спросила она, проводя пальцем по его подбородку.

— Вообще-то… гм… нет, не желаю. Спасибо за предложение.

Девица изогнула бровь.

— Я люблю, когда меня немного разогреют, но если хотите сразу пойти ко мне в комнату, то…

— Нет! — До Кайлара с опозданием дошло, что он повысил голос. На него стали оглядываться. — То есть… нет, спасибо. Я пришел на встречу с Джарлом.

— А, ты из этих, — проговорила девица совершенно другим голосом. Резкая перемена резанула Кайлару ухо. Он только теперь заметил, что девушка совсем молоденькая, самое большее лет семнадцати. Ему невольно вспомнилась Мэгс. — Джарл у себя. Вон там.

Прекратив строить ему глазки, девица изменилась даже на вид. Ее лицо сделалось недовольным и злобным. Кайлар пошел прочь, но услышал, как она говорит кому-то:

— Симпатичные вечно не по нашей части.

Он не понял, о чем речь; возможно, жрица любви насмехалась над ним. Дойдя до середины заставленного столиками зала, Кайлар обернулся. Девица уже обхаживала пожилого торговца, что-то нашептывая ему на ухо. Его физиономия сияла от удовольствия.

Кайлар постучал в дверь указанной комнаты. Она тут же раскрылась.

— Входи. Быстро, — сказал Джарл.

Кайлар шагнул внутрь; мысли в его голове окончательно спутались. Его давний друг — это определенно был он — превратился в красавца мужчину. Одет он был по последнему слову моды — в шелковую синюю блузу и узкие штаны из оленьей шкуры с украшенным серебряным орнаментом ремнем. Напомаженные волосы Джарла были заплетены в множество тонких длинных косичек. Он изучающе посмотрел на друга.

Кайлар услышал шорох и тотчас определил, что откуда-то из угла к нему направляется человек. Действуя машинально, он рванул в ту сторону и ударил телохранителя в грудь. Тот оказался крепким парнем, но врезался в стену и сполз на пол.

Кайлар тотчас обвел пристальным взглядом всю комнату и больше никого не увидел. Джарл поднял руки, показывая, что не прячет оружия.

— Он вовсе не собирался на тебя нападать. Хотел проверить, не вооружен ли ты, вот и все, честное слово. — Он взглянул на недвижимого телохранителя. — Клянусь яйцами верховного короля, ты его убил!

Кайлар нахмурился, опустился на колени рядом с пострадавшим и приложил пальцы к его шее. Пульс не прощупывался. Кайлар осторожно провел руками по груди телохранителя, проверяя, не сломаны ли ребра и не повреждено ли сердце, сжал пальцы в кулак и ударил ему в грудь, потом еще раз.

— Что, черт возьми, ты…

Джарл умолк, заметив, что пострадавший шевельнулся.

Телохранитель кашлянул и застонал. Кайлар знал, что каждый вздох будет причинять ему адскую боль, но не сомневался и в том, что телохранитель выживет.

— Позови кого-нибудь, пусть о нем позаботятся, — сказал Кайлар. — У него сломаны ребра.

Джарл, тараща глаза, поспешно удалился и вернулся с двумя другими телохранителями. Они тоже были крупными и мускулистыми и вполне могли оказаться врагами. Парни, почти не глядя на Кайлара, подняли раненого товарища с пола.

Как только они вышли, Джарл закрыл за ними дверь.

— А ты, оказывается, даром времени не терял. Ты не подумай, это я не для подстраховки… Он сам заявил, что должен остаться. А я ничего такого даже не… В общем, забудь.

Кайлар мгновение-другое изучал друга.

— Выглядишь неплохо, — наконец заключил он.

— В первую очередь тебя волнует то, как я разыскал тебя, а не то, как я выгляжу, угадал? — Джарл засмеялся.

— Как, черт возьми, ты разыскал меня?

— А я тебя и не терял. И никогда в жизни не думал, что ты умер.

Джарл улыбнулся.

— Серьезно?

— От меня ничего не утаишь, Азот.

— Не произноси этого имени. Тот мальчик мертв.

— Правда? — спросил Джарл. — Очень жаль.

Воцарилось молчание. Кайлар, продолжая рассматривать Джарла, не знал, что говорить. Этот парень был его другом, точнее, другом Азота, но приходился ли он товарищем и Кайлару? Раз он знал Кайларову тайну, быть может, все эти годы, значит, видимо, не желал Кайлару зла. Кайлар хотел верить, что Джарл просто мечтал увидеть его или надумал как следует проститься, ведь много лет назад, на улице, им не представилось такого случая. Впрочем, проведя столько времени бок о бок с мастером Блинтом, Кайлар научился не быть наивным. Если Джарл вызвал его только теперь, значит, ему что-то понадобилось.

— Как много утекло воды, — проговорил Джарл.

— Ты об этом хотел поговорить?

— Очень-очень много воды… — В голосе Джарла прозвучало разочарование. —

Признаться, я в душе надеялся, что ты изменился не так сильно, как я. Мне хотелось встретиться с тобой давным-Давно, сразу после того, как ты ушел. Я должен просить у тебя прошения.

— Прощения?

— Я не желал ее смерти, Кайлар. Но у меня совсем не было свободного времени. Когда же выдавался часок-другой, я искал ее и никак не мог найти. Она, наверное, переходила с места на место. А потом совсем исчезла. А мне так и не удалось выяснить, что с ней приключилось. Прости.

Джарл плотно сжал губы и отвернулся, не желая показывать другу слезы.

Он считает, что Элена мертва, подумал Кайлар. И винит в этом себя. Жил с грузом вины все эти годы. Следовало рассказать ему, что она жива, что, как уверяли Кайлара, ее дела идут вполне нормально, что порой ему даже удается взглянуть на нее издалека, но он не произносил ни слова. Мастер Блинт повторял, что двое могут хранить тайну лишь в том случае, если один из них мертв. Кайлар совсем не знал нынешнего Джарла. Как видно, он заправлял делами в одном из борделей Мамочки К., стало быть, регулярно держал перед ней отчет, а она, не исключено, отчитывалась перед кем-то еще.

Словом, рисковать не следовало. Кайлар не имел такого права. «Взаимоотношения — веревки, что связывают по рукам и ногам, — вспомнились ему слова Блинта. — А любовь — петля».

Кайлар до сих пор оставался в живых, потому что никто не знал о существовании его петли. Он и сам не имел понятия, где именно живет Элена. Где-то на восточном берегу, и у нее все хорошо. Быть может, она уже обзавелась семьей. Семнадцать лет — вполне подходящий для замужества возраст. Выглядела Элена счастливой, впрочем, Кайлар никогда не видел ее вблизи. Мастер Блинт верно говорил. Элена жила в безопасности лишь потому, что Кайлар держался от нее на должном расстоянии.

Спокойствие Элены Кайлар ценил выше всего. С остальным можно было смириться.

«Проклятье! Как вам удается сохранять предельное спокойствие, мастер Блинт? Как вы умудряетесь быть таким сильным, таким твердым?»

— Я никогда не винил тебя, — сказал Кайлар.

Его сердце обливалось кровью. Он сознавал, что этим Джарлу не поможешь, но другого утешения предоставить не мог.

Джарл моргнул. Когда он снова взглянул на Кашгара, в его глазах больше не было слез.

— Это не все. Из-за такого разговора я бы не стал тебя тревожить. У Дарзо Блинта есть враги, и у тебя тоже.

— Ясное дело, — ответил Кайлар.

Заказы, которые им приходилось выполнять, они с Блинтом никогда не обсуждали, а тех, кто случайно узнавал о них, убирали с дороги. Несмотря на это, слухи о мастере и ученике гуляли по городу постоянно. Порой их распускали другие мокрушники, заметая свои следы, порой — болтливые заказчики. Кайлара и Дарзо ненавидели многие. Такова участь любого, кому сопутствует успех. Пылали к ним ненавистью и родственники умерших, догадываясь по безупречности убийств, кто их совершил.

— Рота помнишь? — спросил Джарл.

— Это тот, который был в команде Крыса?

— Да. Оказывается, он намного умнее, чем мы думали. После смерти Крыса… В общем, нам всем показалось, что цех мгновенно исчез. Наши территории сразу стали занимать другие. Каждый из нас спасался, как только мог. А Рот, когда был правой рукой Крыса, больше ни с кем не общался, поэтому не водил нужных знакомств, и потом ему пришлось очень туго. Он винит во всех своих бедах тебя.

— Меня?

— Крыса ведь убил ты. Если бы он не умер, Рота бы никто пальцем не тронул. Он тоже никогда не верил в то, что тебя больше нет, но ему все никак не удавалось выяснить, где ты и что ты. Теперь положение меняется.

У Кайлара все сжалось в груди.

— Он знает, что я жив?

— Нет, но в течение года он станет одним из Девятерых. Быть может, это случится гораздо раньше — одно место сейчас свободно, Рот пытается его занять. Как только ему в руки попадет такая власть, он найдет тебя. Сам я с ним давно не встречался, но о нем ходит море слухов… Говорят, он настоящий придурок. Жестокий. Мстительный. Меня пугает сама мысль о нем, Кайлар. Прямо как воспоминания о… сам понимаешь о ком.

— Значит, ты затем меня позвал? — спросил Кайлар.

— Это еще не все, — ответил Джарл. — Скоро вспыхнет война.

— Война? Подожди-ка, а откуда ты обо всем знаешь?

Джарл помолчал.

— Ты вот уже десять лет живешь под защитой мастера Блинта, а я — Мамочки К. Ты наверняка научился не только драться, я же… не только блудил. Все тайны этого города рассказываются в спальных покоях.

Кайлар узнавал в его словах речи Мамочки К.

— Но почему ты решил мне помочь? С тех пор как мы были цеховыми крысятами и воровали хлеб на рынке, прошла сотня лет.

Джарл пожал плечами и снова отвел взгляд в сторону.

— Ты мой единственный друг.

— Да, в детстве мы, конечно…

— Не в детстве, а вообще. Я больше ни с кем никогда не дружил, Кайлар.

Кайлар задумался о том, когда он в последний раз вспоминал о Джарле, и, подавляя приступ вины, произнес:

— А как же все остальные? Все эти люди, с которыми ты теперь работаешь?

— Они для меня либо сотрудники, либо подчиненные, либо клиенты. Есть еще один человек… для занятий любовью.

— У тебя есть любовница, и ты не считаешь ее другом?

— Любовницу зовут Стефан. Он пятидесятитрехлетний торговец тканями, женат, отец восьмерых детей. Я удовлетворяю его плотские потребности, а взамен получаю защиту и добротную одежду.

— О… — Тут Кайлар понял, что имела в виду шлюха, пробормотав ему вослед «не по нашей части». — И тебе здесь что… нравится, Джарл?

— Нравится? Что за дурацкие вопросы? Как такое может нравиться?

— Прости.

Джарл горько засмеялся.

— Откуда в тебе эта наивность, Кайлар? Ты же сам сказал: Азот умер.

— О чем ты?

— В общем, теперь ты знаешь, кто я такой. Если не хочешь со мной общаться, можешь уйти хоть сию минуту.

— Нет, — сказал Кайлар. — Ты мой друг.

— И ты мой друг. Знаешь, если бы я собственными глазами не увидел, как ты чуть не прибил Джерка, то, честное слово, не поверил бы, что ты теперь настоящий мокрушник. Разве так бывает? Человек — убийца, но его душа чиста, а, Кайлар? — Он особо выделил последнее слово.

— А в чем твой секрет? Ты торгуешь телом, но душа у тебя тоже чиста.

— Нет у меня никаких секретов.

— И у меня нет, — сказал Кайлар.

Джарл какое-то время молча изучал приятеля.

— Что произошло в тот день?

Кайлар содрогнулся, сразу поняв, о чем его спрашивают.

— Дарзо сказал, что если я в самом деле хочу стать его учеником, то должен убить Крыса. После того, что он сделал с Куклой… я выполнил задание.

— Трудно тебе было? Или не очень?

Кайлар подумал о том, не стоит ли солгать, однако решил, что Джарл имеет право знать правду, ведь от жестокости Крыса он пострадал, как никто иной. Об участи Куклы Кайлару пришлось умолчать, но врать другу без особо серьезной причины он не желал.

Поэтому рассказал все от начала до конца, точно так же, как рассказывал мастеру Блинту.

Описание убийства и того, как жалко Крыс выглядел, не особенно тронуло Джарла. На его лице почти ничего не отразилось.

— Гад этого заслуживал. Заслуживал давным-давно. Жаль только, что его прикончил не я. Что хотя бы не наблюдал за этой сценой со стороны. — Он сделал женоподобный жест рукой. — Ко мне скоро явится клиент. Послушай меня внимательно. На нас собирается напасть Халидор. Са'каге принимают меры, но в основном по собственной защите. Как конкретно обстоят дела, знают, вероятно, только Девятеро. Или даже один шинга. Я не имею понятия даже о том, чью сторону придется принять нам. Сенарии нельзя проигрывать в этой войне — вот что самое главное. Понимают ли это Девятеро — мне неизвестно. Халидор грозит нам много веков подряд, а несколько месяцев назад король-бог Урсуул потребовал вернуть им какую-то редкую ценность и освободить перевал. По его словам, пойти войной они больше склонны на Модай, чем на Сенарию. Король Гандер посоветовал ему отправиться куда подальше, ну… сам понимаешь. До меня дошли слухи, что король-бог поклялся нас наказать. В его распоряжении более пятидесяти колдунов, может, даже намного больше. А у короля Гандера всего десяток магов.

— Са'каге в любом случае уцелеют, — сказал Кайлар.

До Са'каге ему не было никакого дела, его волновала судьба Дрейков и Логана. Их халидорцы запросто могли убить.

— Да, Кайлар, Са'каге уцелеют. Но если все остальное пойдет прахом, им будет не на чем зарабатывать деньги. Играть в азартные игры или посещать бордели станет некому. На некоторых войнах можно нажиться. Эта уничтожит нас всех.

— А почему ты заговорил об этом со мной?

— Все крутится вокруг Дарзо.

— Разумеется, — согласился Кайлар. — Половина воинов-аристократов мечтает убрать командиров, чтобы благополучно занять их места. Только мастер Блинт никогда не берется за те дела, которые могут поставить под угрозу весь город. Даже в худшие времена.

Джарл покачал головой.

— По-моему, он работает на короля.

— Мастер Блинт в жизни не станет работать на короля, — возразил Кайлар.

— Станет, если нависнет опасность над его дочерью.

— Над кем?!

32

Лорд-генерал Агон стоял на посыпанной белым гравием аккуратной дорожке посреди королевского сада, украшенного статуями, и отчаянно старался замаскировать растерянность. Прекрасное местечко для встречи с убийцей, раздумывал он.

Блинт велел ему не подключать к делу воинов. Если бы Агон решил ослушаться, его бойцы спрятались бы в саду так, что Блинт не заметил бы ни одного. Привычная обстановка и близость дворца Агона успокаивали бы, если бы увидеться ему предстояло с кем угодно другим, только не с мокрушником.

Луну загородило проплывавшее мимо облако. Ночь была ветреная. Агон напрягал слух, ожидая услышать хруст гравия. В том, что Блинт без труда проникнет на территорию замка, он ничуть не сомневался. У него перед глазами снова и снова вырисовывались острые кинжалы, которые однажды убийца оставил под подушками королевской семьи. Хотелось уйти, но Агон выполнял приказ.

Он посмотрел на окружавшие его статуи. Каждый из изображенных людей был героем. Агон задумался, какого черта делает в их компании. Раньше сад неизменно восхищал его. Прогуливаясь по дорожкам, усыпанным белыми и черными камнями, он не раз всматривался в мраморные лица героев и гадал, как бы они вели себя на его месте. Сегодня их тени казались непомерно огромными и нагоняли ужас. Агон пытался уверить себя в том, что все эти страсти — плод его больного воображения, но опять и опять вспоминал о том, что десять лет назад Блинт побывал в его спальне и чуть не убил его. Любое соприкосновение с таким человеком грозило смертельной опасностью.

Послышался тихий шорох гравия. Агон машинально схватился за рукоятку меча.

— Не стоит, — сказал Дарзо Блинт.

Агон резко повернулся. Дарзо стоял футах в двух от него. Агон отпрянул.

— Шумел кто-то из ваших. Не я. — Блинт зловеще улыбнулся. — Подождите-ка, мы же договорились, что вы явитесь один?

— Я и так один.

— Мм…

— Вы опоздали, — заметил Агон, беря себя в руки.

С человеком, который ни во что не ставит жизнь, лучше не иметь никаких дел. Однако при нынешних обстоятельствах у Агона не было иного выхода. Он старался понять позицию Блинта, тем не менее то и дело задавался вопросом: «Имеют ли такие, как он, право жить?»

— Я знал, что ваши ребята спрячутся за статуями, — сказал Блинт.

Агон с содроганием отметил, что одет мокрушник для убийства. Хлопковая темно-серая рубаха, не стеснявшая движений, такие же штаны и ремень с прикрепленным к нему набором метательного оружия. Некоторые из клинков генерал видел впервые в жизни. На нескольких стальных остриях явно был яд.

«Он что, решил меня разыграть?» — подумал Агон. Его жизнь в сравнении с тем, что им предстояло обсудить, может, и не имела особого значения, но рисковать ею почем зря он тоже не желал, поэтому не привел с собой ни единого воина.

— Я умею сдерживать обещание, даже если даю его головорезу Са'каге.

— Забавно, но я вам верю, лорд-генерал. Вы непростой человек, однако меня не подведете, потому что вам хватает и ума и благородства. Вы уверены, что не желаете отделаться от короля? У вас в распоряжении целая армия. Вы удачливый и смышленый, так что трон можете спокойно занять сами.

— Нет, — ответил Агон. — Я присягнул королю на верность. «Скрепя сердце», — добавил он про себя.

— Жаль. А то я выполнил бы ваш заказ со скидкой. — Блинт засмеялся.

— Может, перейдем к делу? — спросил Агон.

— Сдается мне, мы уже разговаривали об этом, — сказал Блинт. — Мой ответ остается прежним. Я пришел, только чтобы взглянуть на вашу улыбку, лорд-генерал. И чтобы показать — уж давайте говорить прямо, — что ваша жалкая охрана для меня пустое место.

— Сначала выслушайте, какую вам предлагают работу. Король прекрасно знает о ваших талантах и восхищен вами. Он заплатит столько, сколько вы не получали никогда в жизни. Ему хотелось бы…

— Чтобы я сохранил ему жизнь. Я прекрасно знаю. Хью Висельник уже подписал с ним договор. — У Агона от удивления вытянулось лицо, но Дарзо не обратил на это особого внимания. — Мне очень жаль, я за это дело не возьмусь. Не желаю работать на жалкого пустобреха. Давайте начистоту: Алейн Гандер, хоть и называет себя «Девятым», будто имеет какое-то отношение к восьмерым предыдущим королям, носившим имя Алейн, гроша ломаного не стоит.

Из-за высокой статуи герцога Гандера, стоявшей позади Агона, кто-то с шумом выскочил. Лорд-генерал повернул голову, и у него упало сердце.

Алейн Гандер IX скинул с головы капюшон.

— Стража! Стража!

С балконов, из-за кустов — отовсюду стали выныривать лучники и арбалетчики. К ним спешили присоединиться те, кто дежурил по периметру сада.

— Вот те раз! Какой сюрприз, — сказал Блинт, склоняясь в почтительном поклоне. — Кто бы мог подумать, что вы прячетесь в густой тени собственного батюшки?

— Ты гнусная… вонючая… дрянь! — проверещал король. — А вы чего разинули рты? — заорал он на воинов. — Окружить его!

Стрелки заключили Дарзо, Агона и короля в плотное кольцо. То, что король стоит бок о бок с мокрушником, тревожило всех до одного, но никто не смел чего-либо предпринимать без соответствующего приказа, так как это могло повлечь за собой очередную вспышку королевской ярости.

— Ваше величество!

Агон, заметив, что король задумал ударить самого Дарзо Блинта, тотчас встал между ними.

— Ты будешь работать на меня, проклятый душегуб! — заявил король.

— Нет. Я уже говорил об этом, но готов повторить свои слова лично вам. Убить вас я соглашусь с удовольствием, а убивать для вас ни за что не стану.

Воины смотрели на происходящее широко раскрытыми глазами. Агон поднял руку. Стрелки стояли чересчур близко друг к другу, поэтому воспользоваться луками и арбалетами, естественно, не могли. Агон подумал о том, что если начнется беспорядочная пальба, то ни ему, ни королю не уцелеть. Блинт же вполне мог ускользнуть живым.

— Что ж, — сказал король.

— Что ж, — повторил Дарзо, бесстрастно улыбаясь.

Король улыбнулся ему в ответ.

— Тогда мы убьем вашу дочь.

— Мою кого?

Король не переставал улыбаться.

— Подумайте об этом!

Он засмеялся.

Секунду-другую, которые длились бесконечно, Агон гадал, не придется ли ему ловить бездыханное тело короля. Потом перед его глазами что-то мелькнуло. Дарзо Блинт вроде бы еще стоял прямо перед ним, но в то же самое время уже устремлялся в сторону. Все произошло настолько быстро, что Агон не сразу сообразил, в чем дело. Перепрыгнув через стену воинов, мокрушник подскочил к статуе, внезапно изменил направление, а мгновение спустя со стороны ограждавшей замок стены послышались звуки, похожие на те, какие раздаются, когда кошка вскарабкивается на дерево.

Один из стрелков с перепугу вскинул лук и выпустил в воздух стрелу. Агон метнул в него строгий взгляд. Воин проглотил слюну.

— Прошу прощения, сэр.

Алейн отправился в замок, а до Агона лишь пару минут спустя дошло, что он чуть было не заговорил о государственной измене под носом у короля.

Кайлар почувствовал движение воздуха, едва стала открываться парадная дверь дома-укрытия. Оторвав взгляд от книжной страницы, он тотчас взял лежавший перед ним на столе меч с коротким клинком.

Со стула, на котором Кайлар сидел, дверь, конечно, была прекрасно видна. Обустраивая мастерскую, мастер Блинт всегда продумывал каждую мелочь. Впрочем, Кайлар и по звуку догадался, что открывает дверь не кто иной, как Блинт: щелк-щелк-щелк. Щелк-щелк-щелк. Щелк-щелк-щелк. Он всегда запирал, отпирал, а потом снова запирал любой замок. То была одна из его странностей.

Кайлар не стал задавать мастеру вопросов о работе. Сделав дело, Блинт не любил о нем упоминать.

— Ночным ангелам не понравилось, — только и сказал он. Кайлар понял это

по-своему: «Хочу поскорее обо всем забыть».

На столе среди прочих склянок с отварами и настоями Блинта стоял пузырек с ядом белой кобры. Кайлар, стремясь ослабить царившее в комнате напряжение, сказал:

— Некоторые отравы не действуют. Я вот читаю ваши книги… Тут не все понятно.

— Значит, надо написать новую книгу.

Блинт принялся раскладывать отравленные клинки по специальным чехлам, а яды, которые со временем теряют свои свойства, стирать тряпкой.

— Некоторые отравы скармливают животным, и им от этого хоть бы что. Но если человек съест мясо такого животного, ему сделается дурно. Мы проводили опыты и не раз в этом убеждались. Тут вроде все понятно, а вот как быть с двойными ядами? Что-то я никак не разберусь, — сказал Кайлар.

Блинт повесил на крюк пояс с оружием.

— Будущий мертвец съедает кусок свинины и ничего не чувствует. Ну разве только легкое головокружение. Подкрепляется перепелкой, и его начинает подташнивать. Съедает то и другое и падает замертво. В подобных случаях действие одного яда усиливается другим. То есть использовать надо и первый, и второй, только тогда достигнешь конечной цели.

— Но скормить отраву придется целой свинье и стае перепелок.

— В больших домах едоков много. К тому времени как кто-нибудь заподозрит неладное, наш клиент будет готов, — сказал Блинт.

— Так можно отравить и многих других. Ведь невозможно предугадать…

— Я предугадываю все! — вскрикнул Блинт. Отшвырнув нож в сторону, он вышел и так сильно хлопнул дверью, что задрожало все находившееся в доме оружие.

Элена посмотрела на чистый лист и еще раз макнула в чернильницу почти сухой кончик пера. Сидя за тем же столом, в столовой Дрейков, Мэгс и Илена Дрейк складывали кусочки игровой мозаики. Мэгс, старшая из сестер, была сосредоточена на картинке, а Илена то и дело поглядывала на Элену.

— И почему я вечно влюбляюсь в тех, кого любить нельзя? — спросила та.

Элена Кромуилл дружила с Мэгс и Иленой Дрейк много-много лет. Общество не одобряло приятельских отношений между слугами и знатью, однако старшие Дрейки считали, что перед Богом все равны. С возрастом девочки стали понимать, что их дружба может показаться странной, поэтому виделись теперь только без посторонних, но это им не мешало.

— Егеря Джина ты вполне могла любить, — сказала Илена, рассеянно придвигая очередной кусочек мозаики.

Мэгс бросила на пятнадцатилетнюю сестру сердитый взгляд.

— Он интересовал меня всего два часа, — ответила Элена. — А потом открыл свой жирный рот, и моей любви как не бывало.

— А Пол? — напомнила Мэгс. — К нему ты тоже пылала страстью.

— Вовсе нет. Это он пылал, поэтому в какой-то момент я и вбила себе в голову, что должна ответить на его чувства.

— Пол хотя бы был настоящий, — сказала Илена.

— Только не язви! — воскликнула Мэгс.

— А ты не злись. Никто не виноват, что ты не умеешь складывать мозаику и опять проигрываешь.

— Ничего я не проигрываю!

— Еще три кусочка, и победа за мной, — объявила Илена.

— Неужели? — Мэгс всматривалась в картинку. — Ну и пожалуйста, мерзкая проныра. Очень хорошо, что ты отвергла Пола, Элена. Только вот на нашем празднике тебе придется скучать без кавалера.

Элена отложила перо, прижала руки к щекам и тяжко вздохнула.

— Вы, случайно, не помните, что я написала ему в прошлом году?

Она неотрывно смотрела на лежавший перед ней лист бумаги:

— Не знала, что Пол умеет читать, — сказала Илена.

— Я не про Пола. А про своего благотворителя.

— Какая разница, что ты написала? Деньги ведь он не прекратил посылать, правильно? — спросила Илена, не обращая внимания на убийственный взгляд Мэгс. Илене было всего пятнадцать, но она умудрялась вертеть Мэгс как захочет, не могла командовать только их старшей сестрой, Сэрой.

— Конечно не прекратил. Он не стал присылать меньше, даже когда я написала, что денег более чем достаточно, — ответила Элена. — В прошлом году я объяснилась ему в любви. — Она умолчала о том, что даже размазала чернила слезами. — И сказала, что буду называть его Кайларом, потому что Кайлар — хороший парень, а имени благодетеля я не знаю.

— Иными словами, теперь тебе нравится Кайлар… с которым ты тоже даже ни разу в жизни не разговаривала.

— Я сама не знаю, кто мне нравится. И почему я болтаю с вами о мальчиках?

— Илена только о Кайларе и трещит, — заметила Мэгс, пользуясь положением старшей сестры. — Потому что и сама к нему неравнодушна.

— Неправда! — закричала Илена.

— А зачем же ты тогда постоянно пишешь про него в дневнике? «Почему Кайлар так мало со мной разговаривал?» — произнесла Мэгс, копируя тонкий голос младшей сестренки. — «Сегодня я болтала с Кайларом за завтраком, он сказал, что я милая девочка. Интересно, это он всерьез или я для него до сих пор ребенок?» Как тебе не стыдно, Илена? Кайлар ведь нам почти что брат.

— Дура! — вскрикнула Илена, вскакивая со стула и набрасываясь на Мэгс.

Та закричала, а Элена замерла, не зная, ужасаться ли ей или посмеяться.

Сестры подрались не на шутку. Илена, вопя, дергала Мэгс за волосы, Мэгс стала ее бить. Элена поднялась из-за стола, решив, что лучше разнять драчуний, пока они не причинили друг другу вреда.

Внезапно распахнулась дверь — с такой силой, что ее чуть не сорвало с петель. На пороге стоял Кайлар с мечом в руке. Обстановка в комнате мгновенно переменилась. Кайлар так и дышал мощью и угрозой, отчего казался самой мужественностью. Элену будто окатило волной: ее ноги ослабели, и стало нечем дышать.

Кайлар влетел в комнату, пригнувшись к полу и держа обнаженный меч обеими руками, и окинул взглядом стены, двери, окна, каждую тень, даже углы потолка.

Сестры прекратили драку и с виноватыми лицами потупились. Илена до сих пор сжимала в руке несколько волосков Мэгс.

Бледно-голубые глаза Кайлара казались Элене очень знакомыми. У нее вдруг возникло чувство, что и он ее знает. Должно быть, с ней играло шутки ее бурное воображение. Их взгляды встретились, и по ее спине пробежал волнительный морозец. Кайлар смотрел на нее — на нее, а не на шрамы. И видел перед собой Элену. Она хотела что-нибудь сказать, но не находила подходящих слов.

Его губы дрогнули, как будто он тоже желал с ней заговорить, но лицо вдруг сделалось бледным как полотно. Убрав меч в ножны, Кайлар отвернулся.

— Прошу прощения, дамы. — Он тут же исчез.

— Боже праведный, — пробормотала Мэгс. — Нет, вы видели?

— Я испугалась, — сказала Илена. — И знаете…

— Потрясающе! — воскликнула Элена.

У нее пылали щеки. Она вернулась на место и взяла перо, хоть и была не в состоянии писать.

— Элена, что происходит? — спросила Мэгс.

— Когда он увидел мое лицо, сделался белый как смерть, — ответила Элена.

«Почему?» — задумалась она. На ее шрамы Кайлар почти не взглянул. Остальных

парней отпугивали в основном они.

— Все с ним понятно. Ты — ангел. Дай ему шанс, обещаешь? А давайте пригласим его на праздник? — предложила Илена.

— Нет-нет. Что за глупости! Он же баронет, не забывай.

— Баронет, но бедный. Его земли захватили лэ'нотцы.

— Все равно его мне тоже нельзя любить. Ничего, я переживу, — пробормотала Элена.

— Почему же нельзя? Господь всех мужчин создает одинаковыми.

— Илена, пожалуйста, перестань. Я обыкновенная прислужница. Еще и со шрамами. Неважно, что думает о мужчинах Господь…

— Неважно? — ласково спросила Мэгс. — Ты это серьезно?

— Ты сама все прекрасно понимаешь.

— Логан вот-вот женится на Сэре. Между его положением в обществе и ее пропасть примерно такая же, как между тобой и баронетом.

— Если высший аристократ берет в жены девушку со скромным титулом — это полбеды. Когда же речь о благородном и простолюдинке…

— Никто не просит тебя выходить за него замуж. Позволь нам всего лишь позвать его на праздник.

— Нет, — строго ответила Элена. — Только попробуйте!

— Элена…

— Нет, и точка. — Она смотрела на сестер до тех пор, пока они не отказались от своей затеи. — Лучше просто расскажите мне о нем, — попросила Элена.

— Кайлар, — позвал граф Дрейк, когда Кайлар пытался проскользнуть мимо его кабинета к лестнице. — Зайдешь ко мне на минутку?

Кайлару ничего не оставалось, как согласиться. Он мысленно выругался. Следующий день обещал быть длинным и трудным. Кайлар надеялся несколько часов поспать, встать перед рассветом и выполнить задания, порученные ему мастером Блинтом. О чем с ним заговорит граф Дрейк, он догадывался, поэтому, входя в его кабинет, чувствовал себя мальчишкой, отец которого собрался рассказать сыну об отношениях между мужчинами и женщинами.

Граф Дрейк оставался таким же, как прежде. Казалось, он будет выглядеть на сорок, даже если проживет на свете сотню лет. Его письменный стол стоял на том же месте, костюм был того же Цвета и покроя, а перед трудным разговором граф, как всегда, потирал переносицу, на которой сидело пенсне.

— Ты спал с моей дочерью? — спросил он.

У Кайлара отпала челюсть. Вот так подготовка к нелегкой беседе!

Граф Дрейк смотрел на него бесстрастным взглядом.

— Я и пальцем к ней не прикасался, сэр.

— Я спросил не про пальцы.

Кайлар сделал большие глаза, не веря, что подобные вопросы ему задает человек, не переставший рассуждать о Боге.

— Ладно, успокойся. Я тебе верю. А завел этот разговор из-за Сэры.

Кайлар густо покраснел и ничего не сказал.

— Она влюблена в тебя, правильно? — спросил граф Дрейк.

Кайлар покачал головой, почти радуясь, что ему задали вопрос, на который он мог ответить.

— По-моему, Сэра просто хочет заполучить то, что ей недоступно, сэр.

— Поэтому и спит с разными молодыми людьми, только не с Логаном?

— На мой взгляд, с моей стороны было бы бесчестно… — пролепетал Кайлар. — Я не имею права…

Граф Дрейк, явно страдая, поднял руку.

— Если бы ты полагал, что я возвожу на дочь напраслину, тогда среагировал бы совсем иначе. Заявил бы «такого не может быть», сказал бы, что выдвигать подобные обвинения —

бесчестно и неправильно с моей стороны. Я не стал бы возражать. — Он потер переносицу. — Прости, Кайлар. Я обошелся с тобой не очень порядочно. Порой я до сих пор использую умственные способности, которыми меня наделил Бог, не вполне так, как следует. Но, знаешь, я всегда стараюсь быть справедливым, соотносится ли это или нет со всем тем, что люди называют добропорядочностью. Иногда это совсем разные вещи, понимаешь?

Кайлар пожал плечами и ничего не сказал. Впрочем, ответа и не требовалось.

— Я не собираюсь сурово наказывать свою дочь, — сказал граф. — Я и сам совершал ошибки, случалось, даже такие, какие ей и не снились. Тем не менее на карту поставлено не только ее счастье. Логану известно о ее… неблагоразумных поступках?

— Я уговаривал ее во всем ему признаться, но, по-моему, она так и не выполнила обещание, сэр.

— А о том, что Логан попросил у меня ее руки, ты знаешь?

— Да, сэр.

— Как, по-твоему, следует ли мне благословить их?

— Более достойного сына вы не сыщете на всем белом свете.

— Для нашей семьи это благо, согласен. Но каково будет Логану?

Кайлар в нерешительности помолчал и наконец произнес:

— Думаю, что он по-настоящему любит Сэру.

— Я пообещал, что дам окончательный ответ через два дня, — сказал граф. — Как только ему исполнится двадцать один год, он станет одним из самых богатых и влиятельных молодых людей в округе, невзирая на то, что в их семейные дела столь грубым образом вмешивался король. Логан Джайр принадлежит к высшей знати. Повсюду начнут болтать, что он женился крайне невыгодно, будут утверждать, что Сэра его недостойна. — Граф отвел взгляд в сторону. — Обычно мне совершенно нет дела, Кайлар, до светских сплетен, потому что их распускают те, кто озабочен бог знает чем. Но в этом деле, боюсь, я буду вынужден согласиться с общественным мнением.

Кайлар не знал, что отвечать.

— Я годами молил Бога, чтобы тот послал моим дочерям подходящих мужей. И отчаянно надеялся, что Логану повстречается другая девушка. Почему все складывается иначе? — Граф покачал головой и сдавил переносицу пальцами. — Прости меня. Я задал тебе дюжину вопросов, на которые ты явно не знаешь ответов, но до сих пор не спросил о главном.

— О чем, сэр?

— Ты любишь Сэру?

— Нет, сэр.

— А ту девушку? Которой десять лет посылаешь деньги?

Кайлар покраснел.

— Я поклялся, что никогда никого не полюблю, сэр.

— Тем не менее ты ее любишь?

Кайлар вышел из кабинета.

— За тебя я тоже молюсь, Кайлар, — сказал ему вслед граф Дрейк.

33

Бордель закрылся несколько часов назад. Девицы, окутанные привычными запахами перегара, пота, табачного дыма, дешевых духов и похоти, спали наверху под грязными простынями. Двери были заперты, лампы погашены. На первом этаже горели лишь два простеньких медных светильника. Разбрасываться деньгами почем зря Мамочка К. не любила.

Не спали лишь два человека, оба сидели у стойки. Пол возле табурета устилал толстый слой битого стекла. Допив тринадцатый стакан пива, Дарзо поднял его и разжал пальцы.

Стакан рухнул вниз и разлетелся на десятки осколков.

Мамочка К., не моргнув глазом, налила очередной стакан. Она не произносила ни слова, зная, что, когда настанет время, Дарзо сам заговорит, но до сих пор недоумевала, почему он выбрал этот бордель — сущую дыру. Здесь работали самые непривлекательные девушки. Расположенный вдали от главных дорог, среди жалких хибар и загонов для скота, в самой глубине Крольчатника, этот притон почти никогда не ремонтировался. Именно здесь много-много лет назад Мамочка К. лишилась девственности. Ей заплатили десять серебреников, и она почувствовала себя счастливицей.

Бывать здесь теперь она не любила.

— Убить тебя мало, — после шестичасового молчания наконец произнес Дарзо.

Осушив и этот стакан, он кинул его в стойку. Посудина треснула, улетела на несколько футов в сторону, приземлилась на полу и покатилась прочь.

— Ты, оказывается, еще не лишился дара речи?

Мамочка К. взяла очередной стакан и стала наполнять его пивом.

— Так, значит, у меня есть дочь?

Мамочка К. обмерла, проливая пиво.

— Я поклялась Вонде, что никогда не расскажу тебе об этом. Сама она слишком боялась признаться… а потом, после ее смерти… Хочешь, возненавидь ее за то, что она сделала. Но дурочка тебя любила.

Дарзо взглянул на нее с таким недоверием и отвращением, что Гвинвера чуть не влепила ему пощечину.

— Да что ты можешь знать о любви, грязная шлюха?

Ей казалось, что ранить ее словами не сможет никто. Она слышала в свой адрес бессчетные ругательства и лишь посмеивалась про себя. Но то, как ее назвал сейчас Дарзо, — что-то в его тоне — ударило настолько хлестко, что у нее перехватило дыхание.

С трудом придя в себя, она наконец ответила:

— Если бы мне, как тебе, выдалась возможность любить, я перестала бы торговать телом. Сделала бы все, что в моих силах, лишь бы сберечь любовь. Я с самого рождения окружена тем, чем живу сейчас. Ты же сделал выбор осознанно.

— Как зовут мою дочь?

— Тебе любопытно, как зовут твою дочь? Из-за тебя я притащилась в эту вонючую дыру, где меня сотню раз имели как хотели! Зачем ты привез меня сюда? Захотел напомнить мне о прошлом? Я и без того все помню. Помню! Да, я продавалась, но только для того, чтобы моей сестренке не пришлось идти той же дорогой! А ей повстречался ты. Ты! Который трахал меня пять раз в неделю и при этом клялся Вонде, что ты любишь ее! Она забеременела. Ты ее бросил. Я могла растолковать ей, что ничего другого не следовало и ожидать, что все случилось по избитому сценарию. Но этого тебе показалось мало. В довершение всех бед Вонду из-за тебя еще и похитили. Как же ты поступил? Помчался ей на выручку? Бросился доказывать, что в самом деле безумно ее любишь? Черта с два! Ты назвал ее врушкой. Ты всегда обожал поиграть с чужими судьбами, верно, Дарзо? Трус! Жалкий трус, вот ты кто!

В бочонок за спиной Гвинверы врезался брошенный Дарзо стакан. На пол посыпались осколки. Мокрушника трясло. Он указал на нее пальцем:

— Ты!.. Да как ты смеешь? Говоришь, все бросила бы ради любви? Бред! Почему бы тебе сейчас не сойтись с мужчиной, а, Гвин? Теперь ведь ты больше не работаешь, что тебе мешает? Я знаю что. Ты была отменной шлюхой и никогда не жила с мужчиной по одной причине. Ты не умеешь любить. У тебя на уме было единственное — трах. Ты всю жизнь облизывала клиентов с головы до пят и брала за это деньги! Так что не строй из себя невинную жертву, не вешай мне, что занималась своими гнусными делами исключительно из-за любимой сестренки! Любишь ты только власть, больше ничего и никого. Да, одни становятся потаскухами из-за денег, другие из-за славы, у третьих просто нет иного выбора. А некоторые и рождаются шлюхами. Ты, Гвин, отошла от дел, но как была шлюхой, так ею и

умрешь. А теперь. Будь. Добра. Как. Ее. Зовут?

Последние слова ударили по Гвинвере будто кусочки черствого заплесневелого хлеба.

— Ули, — тихо ответила она. — Улиссандра.

Ее взгляд переместился на пиво в стакане. «Так вот какого он обо мне мнения. В его глазах я всего лишь жалкая, ничтожная…» Мысли путались у нее в голове. А в груди воцарилась такая чудовищная пустота, что казалось, если посмотреть вниз, увидишь выпавшие и обвившие ноги собственные кишки.

Собрав в кулак все мужество, она плюнула в пиво и поставила стакан на стойку чуть ли не с улыбкой на губах.

— Ужасно, когда приходится быть жертвой обстоятельств, — проговорил Дарзо с жуткой угрозой в голосе.

— Ты не посмеешь… Не посмеешь убить собственного ребенка.

«На такое не способен даже мокрушник», — подумала Гвинвера.

— Мне не придется ее убивать, — ответил Дарзо. — За меня это сделают другие. — Он взял стакан, с ухмылкой взглянул на слюну и выпил половину пива одним большим глотком. — Я пошел. А то тут невыносимо воняет старой шлюшатиной.

Выплеснув остатки пива на пол, он осторожно поставил стакан на стойку.

Кайлар проснулся за два часа до рассвета и на миг задумался о том, не стоит ли поскорее умереть, чтобы хоть раз в жизни выспаться. Не найдя определенного ответа, пару минут спустя он нехотя вылез из-под одеяла, достал в темноте из третьего ящика в комоде одежду мокрушника, быстро и бесшумно оделся в темноте и вымазал лицо золой из специальной банки.

В последние девять лет, стремясь компенсировать отсутствие *таланта,* он каким только хитростям не выучился. Блинт, пребывая в благодушном расположении духа (что случалось крайне редко), даже хвалил его за это. По словам мастера, остальные мокрушники во всем полагались на магию, Кайлар же развивал в себе массу побочных способностей и был готов к любым неожиданностям. А неожиданное в их горьком деле случалось очень часто. К тому же Блинт подчеркивал, что если приучить себя ходить совершенно беззвучно, то и *таланта* не надо, ибо нет необходимости приглушать звуки.

Порой умение Кайлара выживать проявлялось весьма удивительным образом, но в основном сводилось к незатейливым каждодневным привычкам. Серо-черный костюм, например, он всегда сразу после стирки клал в одно и то же место, даже сворачивал всякий раз одинаково. По крайней мере, ему хотелось верить, что это тоже одно из доступных средств приспосабливаться к обстоятельствам, а не передавшаяся от Дарзо болезненная страсть к порядку. В Дарзо многое не переставало удивлять. Возня с замками, игры с ножами, неуемная любовь к чесноку, дурацкие упоминания о ночных ангелах…

Бесшумно открыв окно, Кайлар ловко вылез на крышу. Многолетние тренировки научили его определять чутьем, когда можно идти, а когда лучше передвигаться ползком, чтобы никого не разбудить и не привлекать к себе внимания. Перебравшись к другому краю крыши, он спрыгнул в вымощенный камнем задний двор, перебежал к валуну у ограды, залез на него, выглянул на улицу, никого не увидел, перекинулся через забор и крадучись двинулся вверх по улице.

За пределами графского дома и на приличном расстоянии от лавки травника можно было идти обычным шагом, но развивать в себе такую привычку было опасно. «Работа есть работа, — повторял Кайлар очередную мудрость мастера Блинта. — Только когда сделаешь дело, можешь гулять смело».

Впрочем, сегодня Кайлар крался от одной тени к другой и убил на дорогу в две мили почти целый час не только из-за передавшегося ему от Блинта обыкновения предельно осторожничать. А еще и потому, что в его голове вновь и вновь звучали слова Джарла: «У тебя есть враги. У тебя есть враги».

Может, настала пора переехать от Дрейков куда-нибудь в другое место. Ради их же

безопасности. Кайлару было двадцать лет, и, хоть и на наследство ему рассчитывать не приходилось, Блинт платил ему очень приличные суммы. Сам Блинт не придавал деньгам большого значения. На себя он тратил немного, в основном на нечастые попойки и на женщин в борделе. Разумеется, ему приходилось покупать оружие и составляющие для приготовления ядов, однако многое, что Блинт приобретал, оставалось у него на всю жизнь. На убийствах он прекрасно зарабатывал, а заказы ему поступали бесперебойно. По всей вероятности, денег у него была пропасть.

Кайлар, воспитав в себе Блинтово равнодушие к богатствам, никогда не интересовался материальным положением мастера. Определенную сумму из своего заработка Кайлар ежемесячно отдавал графу Дрейку на содержание Элены, но у него еще предостаточно оставалось. Часть состояния он хранил в монетах, часть в драгоценностях, а все остальное вкладывал в дела Мамочки К. и Логана. Деньги для Кайлара ничего особенного не значили, потому что покупать ему было нечего. Жил он как обедневший аристократ из провинции, а работал тайно, поэтому не должен был привлекать к себе внимания. Иными словами, даже если страсть посорить деньгами в нем время от времени и просыпалась бы, он не мог бы себе позволить ничего подобного.

Но съехать от Дрейков ему следовало. И снять небольшой дом где-нибудь южнее, здесь же, на восточной стороне, на окраине не слишком дорогого района. Блинт говорил, что если купишь одно из самых дешевых жилищ в округе, тогда, независимо от того, насколько престижен квартал, останешься неприметным. Соседи, конечно, могут обратить на тебя внимание, но и они будут изо всех сил делать вид, будто не замечают нового небогатого жильца.

Кайлар приблизился к лавке. Все торговцы травами в городе были в сговоре с Са'каге. У травников постоянно водились незаконные растения, а Са'каге заботились о том, чтобы эти лавки никто не грабил. Власти прекрасно знали о положении дел, однако были бессильны что-либо изменить.

В лавку Гудмана Аалиепа нередко наведывались богатые купцы и знать, поэтому он не держал на виду запрещенные травы, боясь, что столь вопиющее нарушение закона повлечет за собой неприятные последствия. С Са'каге он вообще не желал работать, но заказы мастера Блинта выполнял долгие годы и снабжал его редчайшими растениями. В ответ мастер Блинт договорился с Са'каге о том, чтобы они даже не приближались к лавке Аалиепа.

Забирать у поставщика все необходимое и приносить ему деньги входило в обязанности Кайлара. Он извлекал из этого массу выгоды: не только полнее осваивал хитрости убийственного искусства и знакомился с людьми, с которыми ему предстояло иметь дело в будущем, но еще и собирал свою собственную коллекцию. На приобретение сокровищ, которыми мог похвастать мастер Блинт, требовались долгие годы и тысячи или даже десятки тысяч гандеров.

Увы, ночные походы к травнику отнимали время, предназначенное для сна и отдыха. Молодые аристократы имели право спать до полудня исключительно после кутежей с приятелями. Поэтому, хоть Кайлар и возвращался домой перед рассветом, вставать он был обязан строго с восходом солнца.

Мысленно ворча и вспоминая о тех временах, когда тайные походы по ночным сенарийским улицам доставляли ему удовольствие, он неслышно прокрался к черному ходу. Дверь, как обычно, оказалась заперта. Гудман Аалиеп, подобно Дарзо, обожал дверные замки. Кайлар никогда с ним не встречался — они общались через записки, — но ему казалось, что они с травником прекрасно знакомы. Аалиеп был явно со странностями. Защиту его лавке обеспечивал сам Дарзо Блинт. Никому в городе и в голову не приходило украсть у Аалиепа хотя бы единственную склянку, так что он мог спокойно держать двери распахнутыми настежь. Однако, как повторял Блинт (у него для каждого случая находился меткий афоризм), самое ценное для человека — его фантазии.

Кайлар достал с внутренней стороны пояса подходящую отмычку и крюк, опустился

перед дверью на колени и принялся за работу. С его губ слетел вздох. Замок был новый, изготовленный лучшим кузнецом в городе — мастером Проклом. Новые замки, даже не очень высококачественные, всегда прочнее старых. Сломать крюк Кайлар не особенно боялся, но не желал терять впустую так много времени.

Он просунул отмычку к штырям. Их было четыре штуки, два входили в отверстия неплотно, стало быть, замок делал не сам мастер Прокл, а кто-то из его подмастерьев. Кайлар справился с задачей секунд за десять, при помощи крюка, который пришлось погнуть. Открыв дверь и мысленно чертыхаясь — теперь ему предстояло раздобыть новый крюк, — он убрал орудия взлома. В будущем надо заказать мистариловые отмычки и крюк, как у мастера Блинта. Или хотя бы только крюк. Мистарил гнется, но не ломается. Впрочем, он и стоит дороже алмазов.

Гудман Аалиеп подходил к делу со всей серьезностью. В его магазине было три помещения: просторный и удобный торговый зал с выложенными напоказ образцами; крохотный кабинетик и подсобка, куда и вошел Кайлар. От букета густых ароматов у него тотчас слегка закружилась голова.

Взглянув на ящики с грибами, он довольно улыбнулся. Еще неделька, и отрава будет готова. Грибы Гудман Аалиеп мог безнаказанно выращивать прямо в магазине, поскольку отличить ядовитые от съедобных были в состоянии лишь опытные травники или прожженные отравители.

Шагая с предельной осторожностью, чтобы не наступить на скрипучую половицу, Кайлар прошел дальше и стал внимательно рассматривать выставленные емкости. Приподняв крышку на третьей коробке во втором ряду, он увидел шесть пучков, аккуратно уложенных в мешочки из шкуры ягненка. Прежде чем забрать их, надлежало проверить, требуемые ли внутри травы. Четыре пучка заказал мастер Блинт, а два Кайлар планировал оставить себе. Спрятав травы в прикрепленную к спине под плащом потайную суму, он положил в условленное место деньги и вернул коробку на полку.

Тут ему показалось, что что-то не так. Он в мгновение ока вытащил из ножен два меча с короткими клинками и замер. Тревога не проходила. Опасность таилась где-то рядом, Кайлар это чувствовал. Кругом царила тишина, и на него никто не нападал, но он ощущал едва заметное давление, казалось, кто-то собирается прикоснуться к нему пальцем.

Напрягая слух и оглядываясь вокруг, Кайлар сосредоточил внимание на странном чувстве. Прикосновение невидимой руки не исчезало, но создавалось впечатление, что она движется мимо него, куда-то в направлении…

В двери щелкнул замок. Кайлар оказался в ловушке.

34

С трудом подавляя в себе желание рвануть к выходу и выбить дверь ногой, он стоял не двигаясь. В подсобке больше никого не было, это не вызывало сомнений. Но где-то внутри магазина кто-то дышал — Кайлар различал едва уловимые характерные звуки.

Тут ему стало ясно, что человека два. Один дышал часто и взволнованно, второй медленно и ровно, без малейшего напряжения, что испугало Кайлара.

Кто мог затеять нападение на мокрушника и при этом ничуть не тревожиться? Боясь оказаться в наименее выгодном положении, Кайлар медленно двинулся к стене, отделявшей подсобку от торгового зала. Если чутье его не подводило, значит, один из неприятелей стоял по другую сторону. Убрав в ножны оружие — чтобы не шуметь, пришлось сделать это невообразимо медленно, — Кайлар достал из задних ножен кьюрский полуторник, приставил острие к стене и замер в ожидании.

Ничего не происходило. Теперь он даже не слышал взволнованного дыхания. По-видимому, это означало, что за стеной стоял именно тот, кто тревожился, а спокойный отошел дальше.

Кайлар ждал, чуть не дрожа от напряжения. Один из неприятелей явно колдун. Не

халидорцы ли это пожаловали, как и предупреждал Джарл? Кайлар постарался отделаться от пугающей мысли. Сосредоточиться следовало на том, что его поймали, кто именно это сделал и потому ли, что его приняли за мастера Блинта, сейчас не имело особого значения.

«Который из них колдун? — задумался Кайлар. — Тот, что трясется от страха? Маловероятно, но сила, которая ко мне прикоснулась и закрыла замок, по-моему, шла от этой стены…»

Скрипнула половица.

— Фир! Назад! — крикнул человек, который стоял дальше от Кайлара.

Кайлар воткнул меч в стену из сосны, выдернул его, подскочил к порогу, вылетел сквозь занавесь в торговый зал, перескочил через стойку и кинулся к незнакомцу. Тот упал на пол и сделал перекат, увернувшись от удара в голову.

Он был огромный. Крупнее Логана. И походил на ствол дерева — казалось, у него нет ни талии, ни шеи. Несмотря на полноту и на то, что он был на полу, здоровяк выхватил из ножен меч, чтобы поставить блок, и защитился бы от Кайларова удара, если бы клинок полуторника не раскололся надвое силой магии, когда Кайлар воткнул его в стену.

Орудуя вполовину более легким мечом, Кайлар опустил его гораздо быстрее, чем рассчитывал противник, и чуть было не вспорол здоровяку живот. Однако Кайларова голова вдруг загудела, будто он внезапно очутился под огромным звонящим колоколом, или словно рядом с ним приземлился рухнувший с высоты двух этажей камень.

Его отшвырнуло в сторону; он влетел на полку с травами, сбивая банки и коробки и половину роняя на пол.

Перед глазами замелькали вспышки света. Меча в его руке не было. Часто моргая, он посмотрел перед собой. Полки проломились под его весом и рухнули на пол. Банки побились, травы рассыпались. Кайлар лежал на полу поверх осколков и досок.

Здоровяк что-то проворчал, послышались шаги. Кайлар лежал не двигаясь; притворяться лишившимся чувств в его положении не составляло особого труда. В двух дюймах от его носа темнели растения. Как только гул в голове стих и перед глазами прояснилось, он смог рассмотреть семя пронуи, почки голубого лотоса, корень тысячелистника. И — о счастье! — мелкие семена тантана, растертые в порошок. Если его вдохнуть, легкие истекут кровью.

Шаги звучали теперь совсем близко. Кайлар вскочил, зачерпывая рукой порошок, бросил его в сторону противника и мгновенно выхватил из ножен два длинных ножа.

— Уймись, Человек-тень!

Воздух вокруг Кайлара вдруг превратился в желе. Он попытался нырнуть вбок, но желе затвердело, становясь каменным.

Два незнакомца принялись рассматривать его сквозь облако застывшего тантанового порошка.

Светловолосый великан скрестил на груди гигантские ручищи.

— Только не пытайся уверить меня в том, что ты был к этому готов, Дориан, — проворчал он.

Его приятель усмехнулся.

— Кто бы мог подумать, — проговорил Гора. — Такой кроха — смотреть не на что.

У куда более низкого и менее плотного Дориана была короткая черная борода, умные большие голубые глаза, острый нос, ровные белые зубы, напомаженные черные волосы и бледная кожа. Этот, как пить дать, явился из Халидора. Сильным колдуном был он.

— Кроха не кроха, а если бы не я, Фир, ты бы уже отправился на тот свет.

Фир нахмурился.

— Еще неизвестно.

— Очень даже известно. Не вмешайся я, он бы сейчас раздумывал, как вытащить отсюда такой огромный труп. Кстати, к помощи *таланта* он не прибегал.

Великан что-то недовольно пробурчал себе под нос. Дориан взмахнул рукой, порошок тантана послушно осел на пол и улегся в аккуратную кучку. Колдун посмотрел на Кайлара.

Тут незримые силы заставили его выпрямиться и опустить руки по швам. Он до сих пор держал ножи.

— Так удобнее? — спросил Дориан, явно не ожидая услышать ответ. Прикоснувшись к Кайлару одним пальцем, колдун стал всматриваться куда-то внутрь него, будто вырезав в нем отверстие. — Взгляни-ка, — сказал он Фиру, хмуря брови и кладя руку другу на плечо.

Фир стал так же смотреть на Кайлара. Тот стоял, не зная, как быть и что говорить. В голове роилась стая вопросов, но он не имел понятия, хочет ли получить ответы.

После продолжительного молчания Фир произнес:

— А где у него канал? Такое чувство, что его почти видишь, ведь место же есть… — Он присвистнул. — Клянусь светом, он должен быть…

— Да-да, все правильно. Даже страшно, — согласился Дориан. — Он создан для ка'кари. Меня тревожит не это. Взгляни вот сюда.

Внутри Кайлара что-то зашевелилось. Его как будто стали выворачивать наизнанку.

Фир что-то увидел и определенно испугался. Его лицо оставалось спокойным, но Кайлар почувствовал, как здоровяк вдруг весь напрягся. В воздухе запахло страхом.

— В нем есть что-то такое, что не желает мне показываться, — сказал Дориан. — Эта мощь сильнее меня. Окутанный тенью напряжен, это тоже мешает.

— Оставь его, — попросил Фир. — Не то тебе же хуже будет.

Кайлар почувствовал, как то, что раскрывало его, вдруг исчезло, но он до сих пор не мог пошевелиться. Дориан стал раскачиваться с носков на пятки. Фир схватил его мясистыми руками за плечи и остановил.

— Почему вы так назвали меня? Кто вы такие? — потребовал Кайлар.

Дориан усмехнулся, внезапно успокаиваясь.

— Лучше ты нам ответь, кто ты такой, человек со множеством имен. Сейчас ты Кайлар. Хорошая шутка. Мне нравится. Кому пришла в голову такая мысль? Тебе или Блинту? — На лице Кайлара отразился испуг. Дориан прибавил: — Наверняка Блинту.

Он опять посмотрел внутрь Кайлара, как будто там был некий перечень, написанный человеческой рукой.

— Безымянный. Марата. Куэллар. Спекс. Кайлар. Даже Каге — впрочем, тут я не вижу ничего оригинального.

— О чем вы? — спросил Кайлар.

Происходило нечто странное. Откуда взялись эти люди?

— «Са'каге» означает «повелители тени», — сказал Дориан. — Стало быть, «Каге» — «тень». Странно, что ты сам не задаешься вопросами. Тебя никогда не удивляло, например, то, что у остальных имена обычные — Джарл, Бим, или даже рабские — Кукла, Крыс, а ты почему-то Азот?

Кайлар похолодел. Он слышал о том, что колдуны могут читать мысли, но никогда в это особенно не верил. Откуда им стали известны все эти имена? Причем с такой поразительной точностью?

— Вы колдуны. И тот и другой.

Фир и Дориан переглянулись.

— Наполовину — да, — ответил Дориан.

— Даже чуть больше, чем наполовину, — уточнил Фир.

— Когда-то я был настоящим колдуном, — сообщил Дориан. — Вернее, майстером. Сталкиваться с ними тебе наверняка не доводилось.

— Кто вы такие? — спросил Кайлар.

— Друзья, — ответил Дориан. — Мы проделали длинный нелегкий путь, все ради того, чтобы тебе помочь. Гм… ну, не только ради этого, а еще и…

— С какими только трудностями нам не пришлось столкнуться, — перебил его Фир, бросая на друга строгий взгляд.

— Надеюсь, ты не сомневаешься, что мы можем запросто тебя убить? И сообразил, что, если бы нам это было нужно, ты бы уже отправился на тот свет, — сказал Дориан.

— Причинить страдания можно разными способами, — ответил Кайлар. — Мокрушнику это известно, как никому другому.

Дориан улыбнулся, а Фир до сих пор выглядел встревоженным. Невидимые узы вдруг отпустили Кайлара. Он насторожился: эти двое прекрасно поняли, на что он способен, тем не менее освободили его, не отобрав оружие.

— Позволь нам представиться, — сказал Дориан. — Это Фир Коусат, будущий лучший оружейник во всей Мидсайру. Он ви'сана и мастер клинка второго эшелона.

«Прекрасно!»— подумал Кайлар.

— А вы кто? — спросил он.

— Я отвечу, да ты не поверишь. — Дориан довольно улыбнулся.

— А вдруг поверю?

— Я — Са'сеуран и Хот'салар и единожды вюрдмайстер двенадцатой шу'ры.

— Ничего себе! — Кайлар слышал эти слова впервые в жизни.

— Но, что самое важное для тебя, я провидец. Меня зовут Дориан, — сказал Дориан с халидорским акцентом. — Дориан Урсуул.

— Ты правильно предположил, — заметил Фир. — Он тебе не верит.

Убить мокрушника могли только собственная неосмотрительность, другой мокрушник, маг или колдун. По оценке Блинта, их наиболее опасными врагами были колдуны. Он не раз предупреждал об этом ученика.

— Можно взглянуть на ваши руки? — спросил Кайлар.

— Ага, все ясно. Значит, ты знаешь, что такое вир. Что именно тебе известно?

Дориан закатал рукава по локоть. Отметок на его руках не оказалось.

— Мне известно, что вир есть у всех колдунов и что знаки увеличиваются по мере того, как разрастается колдовская мощь. Замысловатость — знак того, что уровень колдуна довольно высок, — ответил Кайлар.

— Не надо, Дориан, не делай этого, — попросил Фир. — Не желаю потерять друга из-за подобной глупости. Передай ему слова и давай поскорее смоемся.

Дориан как будто не услышал его.

— Использовать вир могут только те, у кого есть *талант.* Виром легче управлять, и он дает больше возможностей. Но к этому быстро пристращаешься, а если уж говорить о нравственной стороне — для меня это немаловажно, — вир зло, — сказал Дориан, не сводя с Кайлара своих блестящих глаз. — В отличие от *таланта,* который может приносить вред или добро, вир пагубен по своей природе и разлагает тех, кто им пользуется. Моей семье он сослужил неплохую службу — все майстеры получили метки. Мои предки носить знаки постоянно не пожелали, поэтому Урсуулы могут приказывать виру исчезнуть. Он показывается, только когда мы прибегаем к его помощи.

— Об этом мне Блинт не рассказывал, — проговорил Кайлар.

— Очень зря. Мы — самые опасные на свете вюрдмайстеры.

— Дориан, скорее передай ему слова. И давай…

— Фир! — воскликнул Дориан. — Пожалуйста, помолчи. Я знаю, что делаю.

Великан притих, окидывая Кайлара недобрым взглядом.

— Кайлар, — произнес Дориан. — Считай, что ты просишь пьяницу, завязавшего с выпивкой, влить в себя всего лишь стаканчик вина. Из-за тебя мне придется мучиться несколько недель подряд. А Фиру предстоит все это время следить за мной — я могу в любую минуту сойти с ума. Впрочем, ты этого заслуживаешь.

Фир поджал губы, однако не произнес ни слова.

Дориан вытянул руки, и по ним пробежала дрожащая волна. Кайлар уставился на них с неподдельным любопытством. Вены колдуна вдруг напружились, будто стремясь вырваться на поверхность, и разом выступили. Кожа почернела, словно на нее вдруг нанесли миллион татуировок. Один слой изображений лежал поверх другого, знаки переплетались с нижними и верхними; более темные выделялись на фоне более светлых. Картина восхищала и ужасала. Вир подрагивал от невиданной мощи и существовал как будто не только на руках Дориана,

но и отдельно от них. Казалось, татуировки мечтают оторваться от кожи. Темнота вира распространилась по всему залу, поглощая свет. Кайлар был уверен, что все происходит в действительности, что ему это не мерещится.

Зрачки Дориана расширились до такой степени, что стало почти не видно голубой радужки. Лицо осветилось безумной радостью и помолодело лет на десять. Вир увеличился настолько, что стал потрескивать.

Фир схватил Дориана, как тряпичную куклу, и затряс изо всех сил. Кайлар позабавился бы, если бы его не сковывал жуткий страх. Фир тряс друга до тех пор, пока мрак не рассеялся, потом усадил его на стул.

Дориан издал стон, внезапно постарел и заметно ослаб.

— Рад, что теперь ты не сомневаешься, Окутанный тенью, — произнес он, не поднимая головы.

Кайлар не сомневался, но не желал в этом признаваться.

— Может, вы всего-навсего создали иллюзию?

— Иллюзии не поглощают свет. Иллюзии… — проговорил Фир.

— Он просто упрямится, — перебил его Дориан. — Он верит. — Колдун посмотрел на Кайлара, тотчас отвел взгляд в сторону и опять застонал. — М-м… На тебя даже глядеть невозможно. Картинки о твоем будущем… — Он крепко зажмурился.

— Чего вам от меня нужно? — спросил Кайлар.

— Я умею предсказывать судьбу, Безымянный, но я всего лишь человек, поэтому могу ошибаться. О боги! Как было бы хорошо, если бы я ошибался! Согласно моим видениям, если ты завтра не убьешь Дарзо Блинта, Сенарию захватят халидорцы. Если ты не прикончишь его и на следующий день после этого, тогда погибнут все, кого ты любишь. Глава вашего Са'каге, шинга, твои друзья — старые и новые — все. Если же ты единожды совершишь то, что должен, будешь год мучиться чувством вины. Если сделаешь это повторно, сам лишишься жизни.

— Ах вот в чем дело! Вы разыграли весь этот спектакль только для того, чтобы я предал мастера Блинта? По-вашему, я такой наивный? — спросил Кайлар. — Сколько же вам пришлось заплатить за сведения обо мне? Наверняка целое состояние.

Дориан приподнял ослабевшую руку.

— Я не прошу тебя сейчас же во все поверить. Это, конечно, слишком. Ты наверняка решил, что мы халидорцы и задумали убрать с дороги Блинта, чтобы он нам не мешал? Ты ошибаешься. В доказательство этого я попрошу тебя первым делом убить моего брата. Нельзя допускать, чтобы ему в руки попал ка'кари.

Кайлару показалось, что в него всадили нож.

— Что-что?

— Фир, — произнес Дориан. — Передай ему главные слова.

— Спроси Мамочку К., — сказал Фир.

Кайлар покачал головой.

— Подождите-ка! Что? Спросить ее о чем? О ка'кари?

— Спроси Мамочку К., — повторил Фир.

— А ваш брат? Кто он?

— Если я тебе скажу, ты проиграешь в схватке с ним. — Дориан до сих пор не смотрел на Кайлара. — Будь неладна вся эта колдовская мощь. Какой в ней прок, если я ничего не могу объяснить тебе так, чтобы ты понял? Если представить, что время — река, Кайлар, тогда большинство людей живут под водой. Лишь некоторые выныривают и угадывают, что произойдет в будущем, или понимают прошлое. Я не такой, как все. Если я не стараюсь сосредоточиться, то выпадаю из временного потока. Мое сознание будто плывет над рекой. Я вижу тысячи и тысячи разных возможностей. Спроси меня, куда упадет лист, и я затруднюсь ответить. Вероятностей чересчур много. А шум вокруг меня стоит такой, что, кажется, я гоняюсь за каплей воды, которая падает из тучи в озеро, плывет к водопаду и несется дальше по течению. Если же я к кому-нибудь прикасаюсь или затягиваю песню, то

могу сосредоточиться. Но не всегда. — Казалось, Дориан смотрит сквозь стену и заблудился в собственных мыслях. — Порой, когда я выхожу за пределы реки, я начинаю различать узор. И вода перестает быть водой; она превращается в материю, сотканную из множества решений — незначительных, принимаемых простолюдинами, и крайне важных, королевских. Как только мне становится понятна замысловатость всей этой путаницы, мой мозг будто раскалывается надвое.

Колдун моргнул, посмотрел на Кайлара и сощурился, словно от адской боли.

— Бывает, я ни с того ни с сего вдруг вижу совсем непрошеные картинки. Ужас на лице молодого человека, который наблюдает, как я умираю. Кто он такой? Почему так страдает? Когда это случится? Я не имею понятия. Например, в том, что завтра прямоугольная ваза подарит тебе надежду, я не сомневаюсь. Еще я вижу девочку, которая плачет над тобой и тянет тебя за руку, но ты слишком тяжелый. От чего она хочет тебя уберечь? Этого я тоже не знаю.

Кайлара бросило в дрожь.

— Девочка? Когда это произойдет? — Неужели колдун видел Илену Дрейк?

— Не могу сказать. Подожди-ка… — Дориан моргнул; его лицо напряглось. — Ступай. Уходи немедленно. Спроси Мамочку К.!

Фир распахнул парадную дверь. Кайлар, удивленный столь неожиданным поворотом, посмотрел на одного мага, потом на другого.

— Иди же, — велел Фир. — Иди!

Кайлар выбежал в ночную темень. Фир проводил его долгим взглядом, сплюнул и опять уставился в уличный мрак.

— Ты о чем-то умолчал.

Дориан, содрогаясь, вздохнул.

— Он умрет. Неважно, каким образом.

— Разве такое возможно?

— Не знаю. Может, он вовсе не тот, за кого мы его приняли.

35

Кайлар бежал не останавливаясь, сопровождаемый сомнениями. Небо на востоке начинало светлеть, город подавал первые признаки жизни. Вероятность наткнуться на дозорных была предельно мала. Кайлар выбирал улицы, на которых располагались лишь мелкие лавчонки, а дозорные дежурили только возле крупных и дорогих. Однако если ему не повезет и он все же наткнется на стражников, что скажет? «Я просто вышел подышать утренним воздухом»? Нарядившись в темно-серый костюм, прихватив запрещенные растения и вымазав лицо золой? Так ему и поверили!

Он наконец перешел на шаг. До Мамочки К. рукой подать. Что он делает? Подчиняется сумасшедшему и его дружку-гиганту? Перед Кайларовыми глазами так и стоял пульсирующий вир Дориана, и его сердце сжималось от страха. Может, Дориан вовсе не безумец. Зачем им понадобилось разыскивать Кайлара? Из чувства долга? По совести в этой жизни жили только Дрейки, но они, как Кайлар давно определил, были исключением из правил. Все же остальные — Са'каге, судьи, да кого ни возьми — только гонялись за выгодами.

Фир и Дориан честно признались, что в Сенарию их привели и другие дела, но Кайлару казалось, что встреча с ним играла для них особенно важную роль. Возникало чувство, будто они свято верят в то, что именно он переменит жизнь всего королевства! Это походило на бред. Кайлар, как ни странно, принял их слова за чистую монету.

Если бы они просто лгали, тогда бы наверняка расписали, каким прекрасным станет мир после гибели Блинта. С другой стороны, может, и это — просто хитрый ход? Судя по тому, что поведал Дориан, Кайлару, что бы он ни сделал, предстояло лишиться всего. Разве пророки рассказывают о подобном тем, кому грозит беда?

Кайлар незаметно для самого себя опять побежал и перепугал прачку, наполнявшую ведра водой. Остановившись на парадном крыльце Мамочки К., он снова растерялся. Она ложилась поздно, а вставала довольно рано, но именно сейчас наверняка спала, поэтому ее дверь была заперта.

«Черт тебя дери! — выругался на себя Кайлар. — Прими наконец решение и действуй!»

Он постучал в дверь ужасно несмело, демонстрируя свою проклятую трусость и загадывая, что, если никто не откроет, он тут же уйдет. Дверь распахнулась почти сразу же. Увидев Кайлара, служанка, пожилая женщина в платье прислуги и шали на плечах, сделала большие глаза.

— Гм… доброе утро, милорд! Надо же, как вы подгадали! Я все не могла уснуть, ночь напролет думала о том, что у нас почему-то слишком быстро закончилась мука, хоть я и проверяла запасы совсем недавно. Никак было не отделаться от этих мыслей! Я решила подняться и заглянуть в кладовую еще разок и как раз проходила мимо двери, когда вы постучали… Ой! Двенадцать сосков Ариксулы! Что-то я разболталась как ненормальная!

Кайлар приоткрыл рот, но не нашелся что сказать говорливой бывшей шлюхе. Впрочем, она и не дала бы ему возможности вставить словечко.

— Старая перечница — ха-ха! Вы, наверное, думаете: «Пора ее стукнуть по темени и выбросить в реку»? Эх, стать бы мне опять молоденькой! На меня, бывало, так засматривались мужчины, что забывали обо всем на свете. Особенно если я показывалась им в ночных одеждах. Старушечьи тряпки, как теперь, я в те времена никогда не носила. Сейчас попробуй надень прежние наряды — распугаешь всю местную детвору. Знаете, порой я скучаю по…

— Мамочка К. спит?

— Что? А-а! Нет, не думаю. В последнее время она, бедненькая, страдает бессонницей. Может, даже лучше, что к ней пожаловали гости. Хотя я думала, что это Дарзо. Ах, как ей сейчас нелегко! Превращаться из той, какой она была прежде, в такую, какая я теперь! Она ведь живет на земле почти что полвека. Меня это наводит на мысли о том…

Кайлар прошел мимо болтушки и стал подниматься по лестнице. Она, возможно, и не заметила, что слушать ее больше некому.

Кайлар постучал в дверь и замер. Никто не ответил. Сквозь щель пробивался тусклый свет, и Кайлар открыл дверь.

Мамочка К. сидела к нему спиной. Комнату освещали всего лишь две догоравшие свечи. Кайлар ступил на порог; Мамочка К. сидела в той же позе и медленно повернула голову только некоторое время спустя. Ее глаза были опухшие и красные, как будто она ночь напролет проплакала.

«Неужели она и впрямь лила слезы?» — изумленно подумал Кайлар.

— Мамочка К.? Мамочка К., вы так ужасно выглядите…

— Отвесить даме комплимент ты умеешь, ничего не скажешь!

Кайлар вошел в комнату, закрыл за собой дверь и увидел, что сталось с зеркалами. Зеркало у кровати, перед которым Мамочка К. обычно красилась, ее ручное зеркальце и даже то, в котором она могла видеть себя в полный рост, — все были разбиты. Осколки, валявшиеся на полу, слабо поблескивали в неярком свете.

— Мамочка К.? Что происходит?

— Не называй меня так. Больше никогда так меня не называй!

— В чем дело?

— Во лжи, Кайлар, — ответила она, глядя себе на колени. Кайлар видел только половину ее лица — вторую скрывали тени. — В прекрасной лжи. Я жила в ней настолько долго, что забыла, какова реальность.

Она повернулась. Кайлар только теперь заметил, что на половине ее лица нет косметики. Никогда прежде Мамочка К. не показывалась ему без краски. Она выглядела старой и измученной. Некогда точеные черты Гвинверы Кирены испещряли мелкие

морщинки, а круги под глазами придавали всему ее облику призрачную уязвимость. То, что половина лица оставалась полностью накрашенной, делало ее нелепой, неприглядной, почти смехотворной.

Кайлар слишком поздно спохватился и постарался скрыть свои чувства. Впрочем, от Мамочки К. было невозможно что-либо утаить. Она, казалось, даже радовалась возможности усугубить свою боль.

— Насколько понимаю, ты пришел не затем, чтобы понаблюдать клоунаду. Что тебе нужно, Кайлар?

— Никакая вы не клоунада…

— Ответь на вопрос. Я прекрасно вижу но твоему лицу, что ты пришел за помощью. Чем могу быть полезна?

— Мамочка К., ради всего святого! Прекратите…

— Нет, это ты прекрати, черт тебя дери!

Ее голос ударил по Кайлару точно хлыст. А взгляд поразительно разных глаз вдруг потеплел и устремился куда-то Кайлару за спину.

— Теперь слишком поздно. Да, все правильно, я сама так решила. Будь он проклят, но он прав! Я добровольно выбрала такую жизнь, Кайлар. Выбрала все до мелочей. А как говорится, в разгар траха шлюху не меняют. Ты пришел побеседовать насчет Дарзо, правильно?

Кайлар растерянно потер лоб. На лице Мамочки К. читалось: «Только не пытайся хитрить». Кайлар ничего подобного и не планировал, но не был уверен в том, что пришел сюда только из-за Дарзо. Впрочем, начать, наверное, следовало именно с него.

— Он сказал, что убьет меня, если я не найду серебряный ка'кари. А я даже толком не знаю, что это такое.

Мамочка К. глубоко вздохнула.

— Я много лет подряд говорила ему, что надо все тебе объяснить, — сказала она. — Шесть ка'кари были созданы для шестерых воинов Джорсина Алкестеса. Те, кто пользовался ка'кари, не были магами, но шары давали обладателям магические способности. Да не такие жалкие, какими наделены маги в наши времена, а те, которыми колдуны могли похвастать семь веков назад. Ты — один из избранных. Ты рожден для ка'кари. Только он может послужить мостиком для твоего *таланта.*

Значит, Мамочка К. и Дарзо всегда об этом знали? Почему же не удосужились поговорить с Кайларом?

— Ах вот, значит, как. Большое спасибо! Не подскажете, где расположена ближайшая лавка с магическими артефактами? Или лучше та, в которой мокрушникам предоставляют скидки? — съязвил Кайлар. — Послушайте, если что-нибудь подобное и существовало, то его давно прибрали к рукам маги, или же все эти ваши ка'кари лежат на дне океана. Или приключилось еще что-нибудь.

— Еще что-нибудь.

— Вы что же, знаете, где можно достать этот серебряный шар?

— Представь себе, что ты король. Ка'кари раздобыть смог, а как им пользоваться, не имеешь понятия. И никому вокруг не доверяешь. Как ты поступишь? Оставишь ка'кари на черный день? Прибережешь его для потомков? Записывать, что это такое, не стоит, потому что как только ты умрешь, толпа «доброжелателей» тотчас перетрясет все твои вещи, и прощай драгоценность! Ты решаешь, что все объяснишь сыну, естественно, с глазу на глаз. Перед тем, как он взойдет на трон. Но, как это часто случается с королями, вскоре тебя убивают. Что происходит с ка'кари?

— Он достается наследнику.

— Да, но тот понятия не имеет, что это за штуковина. Или всего лишь предполагает, что вещь эта ценная, магическая, однако, как ты верно сказал, едва он откроет свою тайну магам, они задумают украсть ка'кари и рано или поздно сделают это, может, когда шар перейдет по наследству следующему королю. В общем, новый правитель помалкивает и

бережно хранит ка'кари. По прошествии веков на артефакт уже смотрят как просто на одну из королевских драгоценностей, которых в казне пруд пруди. А через семьсот лет на свете не остается никого, кто мог бы подсказать, как пользоваться этим шаром. И вот вдруг наступает день, когда халидорский король-бог требует заплатить ему дань, в том числе и отдать конкретную ценную вещь. Немыслимо глупый сенарийский король берет и вручает эту ценность любовнице.

— Вы хотите сказать… — начал было Кайлар.

— Я только сегодня узнала о том, что Девятый подарил серебряный ка'кари, Шар беспредельных возможностей, леди Джадвин. Выглядит он как алмаз с серебристым отливом. Королева Налия всегда была от него в восторге. Она думает, что ка'кари затерялся, сердится, заставляет искать его по всему замку. Поэтому завтра ночью кто-нибудь из приближенных короля — кто именно, я не знаю — отправится и заберет шар назад. У Джадвинов в этот вечер как раз будет праздник. В общем, выдается прекрасная возможность перехватить ка'кари. Стражи, маги, окутанные защитными заклинаниями стены королевской казны — ничего этого поблизости не будет. Леди Джадвин или вынесет шар сама, или его заберут прямо из ее покоев. Ты должен четко сознавать, Кайлар, что поставлено на карту. Предполагают, будто ка'кари сам выбирает себе хозяина, но халидорцы верят, что смогут с помощью магии заставить его работать по принуждению. Если это у них получится… Только вообрази, в какой кошмар превратится весь мир, если король-бог обретет бессмертие.

Кайлара бросило в дрожь.

— Вы это все… серьезно? А Дарзо в курсе?

— Видишь ли, мы с Дарзо… Одним словом, я сейчас не расположена ему помогать. Это еще не все, Кайлар. О том, о чем я тебе поведала, знаю не только я.

Лицо Мамочки К. исказило страдание. Она отвернулась.

— Что вы имеете в виду?

— Халидорцы кое-кого наняли, шар собираются похитить. Благодаря этой сделке мои шпионы и выведали, как обстоят дела. Не исключено, что грядет настоящий погром.

— Не исключено?

— За дело взялся Хью Висельник.

— Хью Висельник устроит погром? Но ведь он специализируется на убийствах!

— Знаю, — ответила Мамочка К.

— Кого же тогда ему предстоит убить?

— Тут возможны варианты. На праздник съедется половина высшей знати со всего королевства. Приглашение принял и твой приятель Логан, возможно, он туда явится на пару с принцем — они ведь близкие друзья.

— А кто для вас шпионит? Может, и для меня можно достать пригласительный?

Мамочка К. загадочно улыбнулась.

— Мои шпионы для тебя совершенно бесполезны. Правда, есть одна девушка… Она наверняка тебе поможет. Я делала все, что в моих силах, чтобы вы не общались, но, увы, обстоятельства сильнее нас… Ты с ней знаком.

36

Кайлару доводилось приближаться к жертве средь бела дня, почти перед носом у стражников; сидеть, согнувшись в три погибели, под низким столом, где его оцарапала кошка, пока соседнюю комнату обыскивали воины. Как-то раз он был вынужден спрятаться в винной бочке, чтобы не попасться на глаза дегустатору вин, который раздумывал, какую бы выбрать бутылку на ужин хозяевам-аристократам. А однажды, подсыпав отравы в котел, он затаился буквально в ярде от печи и наблюдал за поваром, раздумывавшим, почему блюдо вышло столь странным на вкус.

Но никогда прежде Кайлар не волновался так, как сегодня.

На дверь — узкий вход для слуг — он смотрел жалостливым взглядом. Ему предстояло

сыграть роль нищего и попросить корочку хлеба. Его волосы были пропитаны жиром и посыпаны пеплом, лицо намазано коричневой краской, руки казались грубыми и шишковатыми. Чтобы приблизиться к этой двери, ему пришлось открыто пройти мимо вооруженных стражников у высоких ворот имения. Один из них, коренастый молодой парень с алебардой в руке, окликнул его:

— Эй, старик! Тебе чего?

— Болтают, будто тут живет одна девочка… Мисс Кромуилл. Я подумал, не найдет ли она для несчастного сухую хлебную корку?

К разговору подключился второй стражник, крепыш лет сорока, который, если бы его товарищ не стал задавать вопросов, пропустил бы Кайлара, лишь окинув его беглым взглядом.

— Говоришь, мисс Кромуилл? Ты ей что, родня? — От него так и веяло угрозой.

— Нет-нет, никакая не родня. — Кайлар хрипло засмеялся. — Просто я ее знаю.

Стражники переглянулись.

— Ты притащился сюда именно сегодня, когда тут вот-вот закатят пир горой. Намерен отвлечь ее от важных дел? — спросил Коренастый.

Второй покачал головой, что-то пробормотал себе под нос и похлопал Кайлара по плечу.

— Честное слово, в один прекрасный день моему терпению придет конец, и я погоню оборванцев мисс Кромуилл в три шеи, только пятки засверкают!

— У нее золотое сердце… — пробормотал Кайлар.

— Эй, Бирт, иди ты со своими похлопываниями знаешь куда! Так ты их вовек не отвадишь.

— Кухня вон там, — сказал Кайлару более взрослый стражник. Он повернулся к товарищу. — А ты, если еще раз пошлешь меня, сам полетишь ко всем чертям, понятно?

Кайлар, хромая, поплелся к кухне. Стражники, хоть и болтали много лишнего, явно знали толк в своем деле. Оружие оба держали так, что могли в любую минуту пустить его в ход, и не преминули обыскать Кайлара, что могло закончиться для него провалом. К счастью, ни один, ни другой ничего не заподозрили.

До кухни Кайлар шел не спеша. Джадвины были герцогами в пятом поколении, их дом считался одним из лучших в городе. Стоял он на берегу реки Плит и смотрел прямо на сенарийский замок. Левее раскинулся восточный королевский мост, официально предназначенный исключительно для военных целей, но используемый, как утверждала людская молва, для тайных встреч короля с любовницами. Если леди Джадвин и впрямь изменяла мужу с Алейном, значит, ее имение было расположено очень удобно еще и в этом смысле. Слухи подтверждались и тем, что король без конца отправлял герцога с дипломатическими поручениями то в один, то в другой уголок Мидсайру; все, кроме самого герцога, знали, что в его поездках нет никакого смысла.

Особняк возвышался на холме, с которого была лучше видна река; впрочем, любоваться на нее изнутри можно было только с верхних этажей — имение Джадвинов окружала двенадцатифутовая стена, утыканная железными кольями.

Дрожащей, якобы от старости, рукой Кайлар постучал в дверь для слуг. Она мгновенно раскрылась.

— Да?

Стоявшая на пороге молодая женщина, вытирая руки о передник, вопросительно посмотрела на Кайлара.

Она была красавица — лет семнадцати, с фигурой, напоминавшей песочные часы, которой позавидовала бы любая из девиц Мамочки К. и которую не портила даже грубая суконная одежда прислуги. Шрамы до сих пор оставались на ее лице — крест на щеке, крест на полных губах и петля, начинавшаяся от уголка губ и заканчивавшаяся рядом с уголком глаза. Из-за рубцов казалось, что она все время чуть улыбается, однако неприглядность шрамов скрашивалась добрым выражением лица.

Кайлар до сих пор прекрасно помнил, как выглядел ее глаз много лет назад. В ту пору казалось, что он больше никогда не покажется из-за красных опухших век. Теперь оба темно-карих глаза были ясными и блестели добросердечием и радостью. Нос Куклы, жестоко разбитый, почти полностью восстановился. У Элены он был не совсем ровный, но смотрелся вполне неплохо. А зубы выросли все до одного — сломанные были еще молочными.

— Входи, дедушка, — тихо проговорила Элена. — Сейчас найдем для тебя какой-нибудь еды.

Она протянула руку. То, что незваный гость так на нее пялится, казалось, ничуть ее не смущает.

Они прошли в тесную комнатку с узким столом, за которым ели слуги, если работы на кухне было особенно много и не следовало надолго отлучаться. Элена спокойно попросила женщину лет тридцати заменить ее, пока она ухаживает за гостем. По тону, которым ей ответили, и по выражению глаз незнакомки Кайлар понял, что Элену здесь любят и что она постоянно печется о бедняках.

— Как поживаете, дедушка? Может, принести бальзам, смажем вам руки? По утрам сейчас холодно, наверняка ссадины страшно болят?

Чем Кайлар заслужил подобное обращение? Он явился к ней в виде жалкого и грязного попрошайки, а она приняла его как человека и тотчас окружила заботой, ничего не ожидая взамен. Эта девушка чуть не погибла из-за его тупости, его ошибки, его трусливости. Единственной причиной, которая портила ее совершенную красоту, был Кайлар.

Он думал, что отделался от груза вины еще два года назад, когда Мамочка К. объяснила ему, какой участи избежала Элена благодаря его хлопотам. Сейчас шрамы живо напоминали о пережитом ею кошмаре, и Кайлару казалось, что он возвращается в былой ад.

Элена положила на стол краюшку хлеба, намазанного свежей горячей подливкой, и стала разрезать его на более мелкие куски.

— Если хотите, присядьте. Так вам будет легче жевать, — кивая на хлеб, сказала она громким голосом, как делают люди, привыкшие общаться со стариками. Ее полные губы растянулись в улыбке, и шрамы расширились.

Элена тоже стала такой, какой была, по своей собственной воле, но обитала в этой кухне и общалась с любящими ее людьми только благодаря Кайлару. Он позаботился о том, чтобы ей была доступна подобная жизнь. Значит, и его существование в этом мире кому-то приносило пользу.

Он закрыл глаза и глубоко вздохнул. А когда открыл их и взглянул на Элену без примеси ослепляющей вины, то увидел, насколько она прекрасна. Золотистые волосы поблескивали, кожа, если бы не шрамы, была бы безупречной, большие глаза поражали выразительностью, губы — полнотой, зубы — белизной, шея — изяществом, фигура — стройностью. Взгляд Кайлара скользнул ниже. Элена склонялась над столом, и ее полная грудь…

Кайлар заставил себя отвернуться и постарался успокоиться. Элена, сбитая с толку его резким движением, вопросительно посмотрела ему прямо в глаза. Он собирался попросить ее предать хозяев!

Глубокие чувства, прятавшиеся в дальней темной кладовой его души, вдруг выбили дверь и хлынули наружу. Кайлар едва удержался, чтобы не всхлипнуть, и часто заморгал. «Не распускайся!» — приказал себе он.

Элена, не обращая внимания на грязные вонючие лохмотья и не произнося ни слова, обняла его за плечи. Кайлара бросило в дрожь.

— Ты догадалась, кто я такой? — спросил он, больше не прикидываясь стариком.

Элена Кромуилл растерянно посмотрела на него, ничего не понимая. Кайлару захотелось спрятаться от ее ласковых глаз, но они будто удерживали его в плену. Распрямив спину и руки, он поднялся со стула.

— Кайлар? — спросила Элена. — Да, это ты! Что ты здесь делаешь? Тебе что-нибудь

наболтали Мэгс и Илена? О, боги! Что они сказали?

Ее щеки вспыхнули, а взгляд наполнился надеждой и смущением. Кайлар смотрел на нее и не верил, что подобная красота ему не снится. Знала ли Элена, что делает с ним?

На ее лице отражалась чарующая растерянность девушки перед парнем. Боги! По-видимому, она решила, что он явился позвать ее на праздник Мэгс, может, даже мечтала об этом, как мальчишка, жаждущий возглавить алитэрскую кавалерию.

— Забудь о Кайларе, — сказал Кайлар, стараясь не обращать внимания на боль в сердце. — Посмотри на меня и скажи, кого видишь.

— Старика? — спросила Элена. — Костюм у тебя, конечно, исключительный, но тут ведь не карнавал.

Она снова покраснела, будто решив, что слишком много себе позволяет.

— Посмотри на меня внимательнее, Кукла, — напряженным голосом произнес Кайлар.

Элена замерла, точно околдованная, пристально всмотрелась в глаза Кайлара и дотронулась до его лица.

— Азот… — прошептала она, хватаясь за стол, чтобы не упасть. — Азот!

Она так резко бросилась к нему, что он насилу подавил в себе порыв поставить защитный блок, и обвила его шею руками. Кайлар стоял не двигаясь, отказываясь понимать, что происходит. Элена его обнимала!..

В нем все замерло, мысли исчезли, остались только чувства. Нежная щека прикасалась к его небритому лицу, волшебный аромат чистоты, молодости и надежды обволакивал головокружительным облаком. Элена отчаянно его обнимала, прижимаясь к нему и крепкими округлыми руками, и плоским животом, и мягкой нежной грудью.

Кайлар несмело поднял руки, дотронулся до ее спины и тут почувствовал соль на губах. Слезинка. Он плакал. Содрогнувшись от наплыва чувств, он не выдержал, зарыдал и сгреб Элену в объятия. Она прижалась к нему крепче прежнего и тоже заплакала. Мир вдруг сжался до этого объятия, до воссоединения, до радости и взаимного признания.

— Азот, мне сказали, ты умер, — сказала Элена, разбивая иллюзию.

«Тебе придется век быть одной», — мелькнуло в голове Кайлара. Он весь напрягся, приказал слезам остановиться, осторожно убрал руки с талии Элены и отошел назад. Она стала вытирать платком свои покрасневшие удивительные глаза. Кайлара вдруг захлестнуло мощной волной желание снова обнять ее и поцеловать. Моргнув, он заставил себя вернуться в действительность. Следовало перейти к главному, сказать заготовленную ложь, однако губы не двигались, и не было сил нарушить остатки сказки. Он снова настроился, но слова не желали сходить с губ. «Взаимоотношения — веревки, что связывают по рукам и ногам. А любовь — петля, — вспомнились ему слова Дарзо. — Я мог с самого начала выбрать другую судьбу, стать мастером луков и стрел или торговцем трав — Блинт мне предлагал. Но я предпочел пойти по его стопам».

— Мне велели не встречаться с тобой никогда в жизни. Мой мастер. — Его язык был будто свинцовым. — Дарзо Блинт.

Даже Элена наверняка слышала о Дарзо Блинте. Во взгляде отразилась растерянность; она слегка нахмурилась и задумалась. Раз Дарзо Блинт его мастер, значит… Ее губы тронула недоверчивая улыбка, глаза как будто сказали: «Но ведь мокрушники — чудовища, а ты совсем другой». Вдруг на ее лицо легла тень. По-видимому, до нее вдруг дошло, что именно поэтому Азот никогда с ней не общался и вообще словно исчез.

— Помню, ты с кем-то ругался, требовал оставить меня в живых… мне начинало казаться, что это мне приснилось. Тот человек и есть Дарзо Блинт, правильно?

— Да.

— А ты теперь… такой же, как он? — спросила Элена.

— Почти что, — сказал Кайлар, а мысленно прибавил: «Хуже. Я недоразвитое зло. По сути, просто головорез, наемный убийца».

— Ты стал его учеником, потому что он не убил меня? — шепотом произнесла Элена.

— Да. Нет. Не знаю. Он давал мне возможность пойти другой дорогой после того, как я

убил Крыса, но мне осточертело жить в вечном страхе, а Дарзо казался исключительным храбрецом. К тому же даже в первые годы я получал столько денег, что…

Его голос резко оборвался.

Элена, догадываясь, что он хотел сказать, сузила глаза.

— Ты получал столько, что мог содержать меня, — закончила она его мысль, прижимая руки к губам.

Кайлар кивнул. «Твоя беззаботная жизнь возможна лишь благодаря моим кровавым деньгам», — подумал он. Кто тянул его за язык? Элене не следовало ничего знать. Правда могла причинить ей серьезный вред.

— Прости. Зря я это сказал. Мне…

— Прости? — переспросила Элена, перебивая его. Кайлар подумал, что сейчас она бросит ему в лицо: «Ты ничтожество! Взгляни, что со мной сделали! Все из-за тебя!» — Я обязана тебе всем! Ты кормил меня еще там, на улице, когда я была слишком мала и не могла добывать еду сама. Ты спас меня от Крыса. И от своего мастера. Ты нашел порядочную семью, которая подарила мне любовь и домашнее тепло.

— Ты что же… не сердишься на меня?

Элена растерялась.

— С чего мне на тебя сердиться?

— Если бы я не мешкал, эта сволочь не тронула бы тебя. Следовало быть внимательнее и получше тебя охранять.

— Тебе было всего одиннадцать, — напомнила Элена.

— Ну и что? Каждый шрам на твоем лице — моя вина. Боги! Ты только взгляни на себя! Если бы не эти отметины, ты была бы первой красавицей в городе! А ты торчишь на кухне, подкармливаешь попрошаек хлебными корками.

— Если бы я не очутилась здесь, тогда знаешь, где бы была? — тихо спросила Элена. — Тебе не доводилось общаться с девочками, которым приходится торговать телом с детских лет? Я таких знаю. И прекрасно понимаю, от какой участи ты меня спас. Я благодарна тебе за это каждый божий день. И за шрамы благодарна!

— Они же у тебя не где-нибудь, а на лице!

Кайлар опять чуть не плакал.

— Это худшее, что выпало на мою долю, Азот. По-моему, я очень даже везучая.

Элена улыбнулась, и, несмотря на ее шрамы, помещение озарилось светом. Кайлар не мог на нее налюбоваться.

— До чего же ты красивая, — сорвалось с его губ.

Элена покраснела. Из всех знакомых Кайлару девиц краснеть могли только сестры Дрейк, за исключением Сэры, которую больше ничто не смущало.

— Спасибо.

Элена прикоснулась к его руке. По коже побежали мурашки.

Кайлар заглянул ей в глаза, и к его лицу тоже прилила кровь. Никогда в жизни он не чувствовал себя настолько зависимым от чувств. Положение усложнялось с каждой минутой.

Элена засмеялась. Но не над ним, не над его стыдливостью, а от кристально чистой радости. Ее смех отдался болью в сердце Кайлара. Голос у Элены был довольно низкий. Он ласкал Кайлара, точно прохладный ветерок после жаркого дня.

Наконец она замолчала. На ее лице отразилась глубокая печаль.

— Ужасно, Азот… Кайлар, что тебе пришлось заплатить за мою спокойную жизнь такую огромную цену. Даже не знаю, что говорить… Все это просто ужасно. — Она посмотрела на него долгим взглядом. По щеке вновь покатилась слезинка. Не обращая на нее внимания и не сводя глаз с Кайлара, Элена спросила: — Ты скверный человек, Кайлар?

Он в растерянности помолчал.

— Да.

— Я тебе не верю, — ответила Элена. — Скверный человек непременно солгал бы.

— Значит, я честный мерзавец. — Кайлар отвернулся.

— А по-моему, ты все еще тот мальчик, который, хоть и сам сходил с ума от голода, делился с друзьями хлебом.

— Но самый большой кусок вечно брал себе, — прошептал Кайлар.

— Мне все запомнилось иначе. — Элена глубоко вздохнула и вытерла слезы со щек. — Ты пришел… по делу?

Она будто нанесла ему удар в солнечное сплетение.

— Один мокрушник должен кое-кого убить на сегодняшнем празднике и кое-что похитить. Мне нужно приглашение.

— Зачем? Что ты собираешься сделать? — спросила Элена.

Если начистоту, Кайлар не успел как следует об этом подумать.

— Я убью его.

Да, так и следовало поступить. Хью Висельник совсем лишился рассудка. Если перерыв между заказами затягивался, он шел и убивал нищих на улице. Необходимость умерщвлять жила в нем всегда, как потребность пить — в пропойце. Если Кайлар явится первым и успеет перехватить ка'кари, тогда Хью Висельник затеет его убить. Хью полноценный мокрушник, а в боевом мастерстве почти не уступает Дарзо. Кайлар мог одержать над ним победу, лишь застав его врасплох. Это надлежало сделать сегодня вечером.

Элена не смотрела на него.

— Ты же мокрушник. Значит, можешь проникнуть внутрь и другими способами. У тебя наверняка есть отмычки. И масса нужных связей. Приглашение, конечно, самый легкий путь, но ты пришел не только за ним. Тебе важно знать, где тут что расположено, угадала?

Кайлар ничего не ответил, что говорило само за себя.

— Все эти годы, — произнесла Элена, поворачиваясь к нему спиной, — я думала, что Азот мертв. Может, его и в самом деле больше нет. Может, он умер не без моего участия. Прости, Кайлар. Я все бы отдала, лишь бы помочь тебе, но не могу пожертвовать тем, что мне не принадлежит. Мои преданность и честность идут от Бога. Предать свою хозяйку я не в состоянии. Мне очень жаль, но я прошу тебя уйти.

Она ответила ему в очень мягкой форме, тем не менее это был твердый отказ. Кайлар сгорбился, скрючил пальцы и пошел прочь, а оглянулся только у ворот. Элена не смотрела ему вслед.

Как и все хорошие засады, эта поджидала путников в том месте и в то время, когда они меньше всего ожидали на нее наткнуться. Солон, Регнус и еще несколько человек спустились с гор, пересекли центральные равнины и проехали почти две мили по самой границе Сенарии.

Они скакали по дороге, пролегавшей среди рисовых полей. Им навстречу попался человек на повозке. В поле работали несколько крестьян; у каждого штаны были закатаны по колено — оружия никто явно не прятал. Возчик, пристально всматриваясь в вооруженных незнакомцев, повернул старого коня к обочине.

Солону, разумеется, следовало сразу обратить на это внимание: крестьяне не работают на поле в длинных штанах. Догадка пришла ему в голову, лишь когда до повозки оставалось шагов двадцать, а вюрдмайстер бросил поводья и прижал одно запястье к другому. Из вира с ревом выскочило зеленое пламя и охватило его руки. Он хлопнул в ладоши, и колдовской огонь рванул вперед, ударил в одного из воинов и прошел насквозь. Магия убывала, словно тающий лед, с каждым следующим нападением. Атакуя первую жертву, огненный шар был размером с человеческую голову, на второго воина он напал, будучи не крупнее кулака, на третьего — большого пальца. Мгновение, и все трое, опаленные ревущим пламенем, упали замертво. Из каждого хлестала кровь.

Вюрдмайстер запустил очередную порцию колдовского огня, и еще трое воинов простились с жизнью. Оставались лишь Солон, лорд Джайр и двое воителей. Один из них резко свернул вправо, второй вместе с лордом Джайром поскакал влево. А Солон стал

придумывать, как бороться с врагами. Колдунов среди них было по меньшей мере трое, то есть более чем достаточно для уничтожения двенадцати воинов.

Времени на раздумья у Солона не было. Он не успел бы даже превратить в магию солнечный свет, лившийся с небес на поля. Поэтому обратился прямо к своему глоре вирден, и в воздухе засверкали три крошечные искры. Пролетев с быстротой стрел и не задевая ни лорда Джайра, ни воинов, они ударили по вюрдмайстерам, которые вызывали зеленый огонь.

Убить искры, конечно, никого не могли. Солону не хватало магии даже для схватки с одним вюрдмайстером, не говоря уже о целой троице. Однако их внимание на миг отвлеклось, мышцы напряглись, и огонь перестал их слушаться. Не успели колдуны начать все сначала, как обнажились три меча, воины пустили коней в галоп, и через минуту два вюрдмайстера лежали убитыми.

Солон направил искру в возчика, но тот поставил защиту. Точнее, просто дохнул. Искра погасла, не успев прикоснуться к нему, будто горящая ветка, брошенная в океан. В ответ вюрдмайстер пустил на Солона поток огня. Пламя с ревом устремилось к жертве, будто из драконьей пасти.

Защиты от подобного не существовало. Солон выскользнул из седла и, падая на землю с намерением скатиться с дороги, послал в колдуна еще одну искру.

Тот понял, что она все равно пролетит мимо, и, не обращая на нее внимания, вызвал еще пятьдесят футов огня. Пламенный столб, будто живое существо, устремился в сторону Солона. Искра тем временем опустилась на круп старой лошади. Та, и так перепуганная запахом крови, суетой вокруг и потусторонними вспышками, с силой дернулась, встала на дыбы и забила в воздухе копытами.

Вюрдмайстер за ревом огня не различил конского ржания. Только что он управлял столбом пламени, в следующий миг получил удар копытом в спину. Колдун упал на четвереньки и, хватая ртом воздух, принялся озираться. Тут лошадь рванула вперед, и повозка переехала колдуна.

Солон вылез из канавы, тянувшейся по краю поля. Лошадь с повозкой вихрем промчалась мимо. Конь Солона, конечно, был мертв. Дымящаяся куча посреди дороги, запах горелой шерсти и паленого мяса — вот и все, что от него осталось. Тела погибших воинов тлели — пламени больше не было. Колдовской огонь перемещался с немыслимой скоростью, но секунд через десять гас.

«Десять секунд? — подумал Солон. — Неужели все случилось так быстро?»

Стук копыт вернул его в действительность. Он поднял голову и взглянул на суровое и спокойное лицо лорда Джайра.

— Стало быть, ты маг, — сказал герцог.

— Да, милорд, — нехотя ответил Солон.

Правда обнаружилась сама собой. Герцог решил не хитрить. Другой на его месте, столкнувшись с такой неожиданностью, притворился бы, что давно догадался о магических способностях Солона, а позднее прикинул бы, как поступить. Герцог Джайр не любил играть в такие игры. В этом состояла его сила и одновременно слабость.

— Стало быть, ты связываешься с другими магами и передаешь им сведения обо мне.

— Я связываюсь только лишь… только с друзьями, милорд.

Слова Солона прозвучали неубедительно, он прекрасно это понимал. Однако не мог поверить в то, что все заканчивается подобным образом. С Регнусом его связывали десять лет дружбы.

— Верные вассалы не шпионят за своими лордами, — произнес герцог Джайр. — Сегодня ты спас мне жизнь, Солон, но долгие годы меня предавал. Как ты мог?

— Я не…

— Благодаря тебе я жив, оставлю в живых и тебя. Уходи. Возьми другую лошадь и исчезни с моих глаз. Если еще раз попадешься мне на пути, я тебя убью.

Дориан велел Солону оставаться с лордом Джайром. Сказал, что от этого зависит его судьба и судьба целого королевства. «Произнесешь слово — или промолчишь, — и король

умрет». Но Дориан не упомянул, как долго Солон должен служить лорду Джайру. Поклонившись другу и взяв поводья у растерянного воина, Солон отвернулся от герцога.

«Спас ли я сегодня Сенарию или обрек на гибель?» — подумал он.

38

День выдался безумный. Сначала Кайлар разыскивал Логана, потом они вместе искали того, кто мог бы достать пригласительный. Затем Кайлар отправился на поиски Дарзо, однако тот исчез, оставив, как всегда, краткую записку: «На деле». Мокрушник никогда не посвящал Кайлара в подробности своих заказов, но в последнее время стал еще более скрытным, как будто желал возвести между ними невидимую стену, чтобы было легче убить ученика, как только настанет время.

Впрочем, окажись Дарзо дома, пришлось бы рассказывать ему о неудачном разговоре с Эленой и о том, что теперь охрана вокруг дома Джадвинов, возможно, усилится, так что Кайлар не очень-то расстроился. О том, что он тоже приедет на праздник, теперь знал Логан, так что предстояло отправляться туда без маскировки. Если Элена увидит Кайлара, она непременно скажет хозяйке.

Чтобы не столкнуться с Эленой на улице, Кайлар отправился на вечер в экипаже, хоть это и выглядело несколько странно: молодые сенарийские аристократы обычно ездили верхом. Коляска остановилась возле самых ворот. Кайлар протянул Бирту приглашение. Стражник, естественно, его не узнал. Изучив пригласительный, он жестом позволил Кайлару войти. Стражу на входе не поменяли, что обнадеживало. Стало быть, охраны Джадвинам недоставало, и во время празднества безопасность должны были обеспечивать люди, работавшие с самого утра. Элене хозяева, возможно, не поверили. Мыслимо ли это? Девушка-прислужница толкует о планах мокрушников?

Кайлар опустил ногу из экипажа на дорогу и застыл на месте. Прямо перед его коляской стояла еще одна, из нее выходил худой, как хворостина, человек. Хью Висельник. Одет он был, подобно лорду, в шоколадную выделанную кожу и шелк, причесанные светлые волосы поблескивали, а на губах играла улыбка человека, презирающего всех вокруг. Кайлар спрятался в густой тени экипажа. Значит, шпионы Мамочки К. не ошиблись. Чтобы извозчик ничего не заподозрил и не привлек к Кайлару чьего-либо внимания, он досчитал до десяти и тоже вышел. Хью Висельник уже терялся в толпе гостей. Кайлар проследовал за ним, а у громадных дверей из белого дуба повторно предъявил пригласительный.

— Ну так что? — спросил принц Алейн. — Старый пень дал согласие?

Логан посмотрел на друга поверх стола, ломившегося от изысканных яств, которыми Джадвины стремились удивить гостей.

Стол тянулся вдоль одной из стен огромной парадной залы, отделанной белым мрамором и белым дубом. На белом фоне пышным букетом сияло многоцветие нарядов. Праздник почтили своим присутствием некоторые гекатонархи, служители сотни богов, в одеяниях, переливающихся мириадами красок. Менестрели в пестрых нарядах и с размалеванными лицами состязались за внимание знатных дам и кавалеров. На предыдущий грандиозный прием Тэра Грэзин явилась в броско-красном платье с неприлично глубоким вырезом и довольно короткой юбкой. В очереди претендентов на трон Тара стояла восьмой по счету; перед ней шли принц, дочери Гандера, Логан и отец Тэры герцог Грэзин. Она обожала быть в центре всеобщего внимания и умела влиять на публику. Ее дерзкая выходка положила начало новому модному поветрию. На сегодняшний праздник все дамы явились либо в красных платьях, либо с полуобнаженной грудью, либо с неприкрытыми щиколотками, либо в нарядах, сочетавших в себе все перечисленное, так что в большинстве своем походили на девушек Мамочки К. Тэра Грэзин в столь откровенной одежде умудрялась выглядеть роскошно. Многие же другие женщины смотрелись дешево.

— Я разговаривал с графом сегодня ут…

Логан резко замолчал, заметив проплывающую мимо грудь. Не просто грудь, а грудь-сказку. Бюст был идеальный, потрясающей формы. Его наполовину прикрывал счастливец корсаж из легкой материи. На лицо женщины Логан даже не взглянул. Посмотрел только ей вслед, на округлые покачивающиеся бедра и выглядывавшие из-под юбки стройные крепкие лодыжки.

— И? — Принц держал в руке большое блюдо, нагруженное вкусностями. — Что он ответил?

У Логана пылали щеки. Казалось, он не может владеть собой — глаза будто не зависели от разума, и было никак не вспомнить, о чем идет речь. Тарелка Логана до сих пор была пуста. Ни фрикасе, ни блюдо, облитое горящим спиртом, ни холодные закуски не задерживали на себе его внимания.

— О! Мое любимое!

Логан нагрузил тарелку клубникой, взял чашу и наполнил ее шоколадным фондю.

— Держу пари, граф ответил что-то другое. Никак не: «О! Мое любимое!»— проговорил принц Алейн, изгибая бровь. — Если он тебе отказал, так и скажи, чего тут стыдиться? Всем известно, что у него немного не все дома. Все их семейство водит дружбу с простолюдинами.

— Он ответил согласием.

— Ну я же говорю: у него не все дома. — Принц улыбнулся, а Логан засмеялся. — Когда ты намерен сделать предложение?

— Завтра. Как раз в день своего рождения. А там уж никто мне слова поперек не посмеет сказать.

— А Сэра в курсе? — спросил принц.

— Она, конечно, догадывается, что я скоро об этом заговорю, но думает, что сначала я разберусь с домашними делами и предупрежу о женитьбе родителей.

— Замечательно.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Логан.

Они дошли до конца длинного стола. Принц подошел к другу ближе.

— Я хотел бы преподнести тебе подарок. Я прекрасно знаю, что у тебя к Сэре глубокие чувства, и уважаю их, но, Логан, ты же герцогский сын! Завтра станешь одним из самых влиятельных людей в королевстве, ровней остальным герцогам и даже моей семье. Мой отец мечтает, чтобы ты женился на Сэре, мы оба прекрасно понимаем почему. Если она станет твоей женой, тогда два поколения ваших потомков не будут иметь права претендовать на трон.

— Ваше высочество, — растерянно пробормотал Логан.

— Нет, ты только задумайся! Мой отец боится тебя, Логан. Ты — предмет всеобщего уважения и восхищения, вызываешь у многих даже благоговейный страх. То, что в последнее время ты по полгода проводишь с войском, не отпугнуло от тебя людей, как надеялся мой отец, а наоборот, окружило твой образ романтикой. Герой, сражающийся за всех нас на границе и не позволяющий халидорцам прорваться на нашу землю. Король боится тебя, а я нет, Логан. Его шпионы следят за тобой и все никак не могут поверить в то, что ты такой, каким кажешься: усердный ученик, доблестный воин и верный друг принца. Все они — интриганы, поэтому уверены, что и ты должен быть таким. Я же знаю, что ты и впрямь мой надежный товарищ. Твою семью мечтают уничтожить, Логан. Мне об их грязных намерениях, разумеется, никто не сообщает, но я в любом случае не допущу ничего подобного. И сделаю все, что в моих силах, чтобы вас оставили в покое. — Он посмотрел на тарелку и взял кусочек жареного банана. — Я пришел сюда сегодня с тем, чтобы оказать отцу одну услугу. А взамен он пообещал выполнить что я ни попрошу. Что ни попрошу, понимаешь?

— Какую еще услугу? — поинтересовался Логан. Принц взмахнул рукой.

— Наш глупец король додумался подарить любовнице одну из любимых маминых драгоценностей. Я должен забрать ее назад. Но не в этом дело. Ты знаешь мою сестру?

— Конечно.

Пятнадцатилетнюю красавицу Дженин нередко называли «солнечной». Она тоже была сегодня здесь, Логан видел ее мелькнувшую в толпе улыбку.

— Она от тебя без ума, Логан. Бредит тобой вот уже два года, только о тебе и трещит.

— Шутишь? Я с ней почти не общаюсь.

— И что с того?! — воскликнул принц. — Она отличная девчонка. К тому же прехорошенькая, становится все краше и краше, а умом пошла в мать — для тебя это важно, я знаю, мой злоязычный ДРУГ.

— Вовсе я не злоязычный, — возразил Логан.

— Вот видишь? Я понятия не имею, можешь ты быть злоречивым или нет, просто ляпнул первое пришедшее на ум слово. А Дженин непременно узнает тебя лучше.

— Что-то я ничего не пойму, ваше высочество.

— Дженин — мой тебе подарок, Логан. Если хочешь, женись на ней. Только прежде дай мне слово.

Логан что-то растерянно промямлил.

— Как ты не понимаешь? Это поможет наладить ваши семейные дела. Наши с тобой дети будут расти бок о бок. А трон, возможно, разделят твой внук и мой. Ты такой друг, Логан, о котором можно только мечтать, а у большинства принцев друзей вообще не бывает. Я желаю тебе добра, поверь. Ты будешь счастлив, честное слово. Дженин превращается в удивительную женщину. Ты и сам, наверное, знаешь, — прибавил принц.

Тут Логан увидел, что Дженин стоит у противоположной стены и смотрит на него. Он со смущением понял, что видел сегодня не только ее улыбку. Еще и грудь…

Его щеки вспыхнули. Следовало что-нибудь ответить, но не находилось подходящих слов. Дженин держалась с достоинством взрослой женщины, однако когда одна из подруг что-то шепнула ей на ухо, по-девичьи весело захихикала.

Принц засмеялся.

— Скажи «да», и фантазии, которые тебя посетили несколько минут назад, станут действительностью. На законных основаниях.

— Я… я не… — спотыкаясь, проговорил Логан. — Я влюблен в Сэру, ваше высочество. Премного благодарю за предложение, но…

— Логан! От этого все выиграют. Не упрямься, скажи да. Твои родители будут на седьмом небе от счастья. Их дела пойдут в гору. Дженин только о тебе и мечтает.

— А ей ты еще ничего не говорил?

— Конечно нет. Но подумай об этом как следует. Сэра замечательная. Однако давай начистоту: при всей ее красоте ей не хватает ума, а ты любишь смышленых женщин. К тому же болтают, будто она позволяет себе такое…

— Все это вздор, Алейн! Сэра не гулящая, совсем наоборот! Если хочешь знать, дальше невинных поцелуев у нас никогда не заходило.

— Но ходят слухи…

— Слухи распускают те, кто ненавидит ее отца. Я люблю Сэру и женюсь на ней.

— Прошу прощения.

Между ними к столу за сладкой булочкой протиснулась, повернувшись к принцу, юная блондинка в скандально откровенном красном платье. Ее пышная грудь, едва прикрытая материей, казалось, вот-вот выскочит наружу. Взгляд принца скользнул на соблазнительные округлости. Логан это заметил. Алейн был большим почитателем женских прелестей.

— Я Виридиана, — промурлыкала девица, встречаясь с принцем взглядом. — Прошу прощения, — повторила она отнюдь не виноватым тоном. Само ее появление здесь было явно не случайностью.

Удаляясь назад к толпе, Виридиана бойко крутила бедрами. Принц не сводил с нее глаз и уже забывал про Логана.

— В общем, гм… подумай. Давай поговорим завтра, перед твоей встречей с Сэрой.

Виридиана направлялась к дверям, ведшим к заднему выходу. На пороге она

приостановилась, посмотрела через плечо на принца и, увидев, что он за ней наблюдает, улыбнулась ему.

Алейн взглянул на свою тарелку, где лежало понемногу каждого изысканного блюда, потом на тарелку Логана. На ней краснела одна клубника.

— Вот, мой друг, — сказал принц, — в чем разница между тобой и мной. Раз уж блюдо попало мне на глаза, я непременно должен его отведать.

Логан вздохнул и опять повернулся к Дженин, которая продолжала на него смотреть. Казалось, подруги подбивают ее подойти к нему и завести разговор.

«Проклятье! — подумал Логан. — Куда запропастилась Сэра?»

39

Каждую лестницу в доме охраняла стража, что намного усложняло задачу. Кайлар решил для начала пройти по людной зале с таким невозмутимым видом, чтобы на него никто не обратил внимания, но и это была задача не из простых, в особенности потому, что надо было следить за Хью Висельником, который тоже прохаживался туда-сюда. Ни в коем случае нельзя было попадаться ему на глаза.

Покончив с первой задачей, Кайлар отправился на заднее крыльцо. Обычно он избегал подобных мест. Задний двор — излюбленный уголок для тайных любовных встреч. При виде страстно целующейся залитой лунным сиянием парочки можно разве что почувствовать себя безгранично одиноким. Но сейчас Кайлару требовалось найти безопасный путь на второй этаж.

Прямо над крыльцом темнел балкон. По нему Кайлар мог залезть наверх проворно и незаметно, следовало лишь придумать как подняться к балконной стенке. Где лежит ка'кари, он понятия не имел, но подозревал, что драгоценность в спальных покоях герцогини. Дорогие сердцу вещицы люди обычно хранят под рукой.

Решетки на стене не оказалось. Кайлару было вполне по силам оттолкнуться от поручня, подпрыгнуть футов на пятнадцать вверх и схватиться за верх балкона, но он мог и промахнуться и тогда шлепнулся бы вниз, а шум ломающихся розовых кустов грозил привлечь к себе внимание.

Надо попробовать, решил Кайлар. Не торчать же на этом крыльце до утра. Он глубоко вздохнул.

— Кайлар? — прозвучал женский голос. — Привет. Что ты здесь делаешь?

Кайлар нехотя повернулся.

— Сэра! Приветствую.

Сэра Дрейк выглядела так, будто готовилась к торжеству с раннего утра. Платье, весьма сдержанного классического покроя, прекрасно сидело на ее фигуре и явно стоило огромных денег. Графу Дрейку, по-видимому, пришлось изрядно раскошелиться.

— Какой наряд… Просто нет слов!

Сэра просияла улыбкой, но лишь на мгновение.

— Мне его подарила мать Логана.

Кайлар схватился за поручень. Поверх стены-ограды, за рекой, горели огни сенарийского замка. Он был близок и далек, прямо как Сэра. Она подошла ближе к Кайлару.

— Знаешь, Логан собирается…

— Знаю.

Она прикоснулась к его руке. Кайлар повернулся, и какое-то время они смотрели друг другу в глаза.

— Я в такой растерянности, Кайлар. Хочу ответить ему да, потому что, кажется, люблю его. И в то же самое время…

Кайлар вдруг привлек ее к себе, положил одну руку ей на спину, вторую — на шею и стал целовать ее. Сэра на миг остолбенела, потом ответила на поцелуй.

Где-то вдалеке хлопнула дверь, быть может, за рекой, в замке. Звук прозвучал так тихо,

что Кайлар не обратил на него особого внимания. Тут Сэра вдруг вся напряглась и отпрянула. Чья-то сильная ручища вцепилась Кайлару в плечо.

— Что, черт возьми, тут происходит?! — проревел Логан, резко поворачивая Кайлара к себе лицом.

Из укромных уголков двора повысовывались головы. Воцарилась мертвая тишина.

— То, что давно должно было случиться, — ответил Кайлар. — Неужели ты против?

— Вот тебе раз! — пробормотал принц, появляясь из густой тени и пытаясь отцепиться от липшей к нему молоденькой блондинки.

Кайлар отвернулся от Логана, будто собирался еще раз поцеловать Сэру, но Логан схватил его и повернул назад. Кайлар сжал пальцы в кулак и ударил Логана по челюсти. Тот пошатнулся и часто заморгал.

До смерти перепуганная Сэра попятилась. Впрочем, про нее никто уже не помнил. Логан поднял к груди громадные кулаки. Кайлар встал в стойку, готовясь к безоружной схватке.

Логан начал битву так, как и предполагал Кайлар: благородно, с учетом всех норм. Удары, описанные в учебниках, он наносил только выше пояса. А двигался быстро, гораздо быстрее, чем можно было ожидать, но слишком уж правильно. Кайлар ловко уклонялся и ставил блоки, медленно отходя назад.

Вокруг них в мгновение ока собралась толпа зевак. Кто-то крикнул, что на улице дерутся, и из двери повалила волна гостей. Первыми выскочили стражники, однако принц не позволил им разнимать бойцов.

— Пусть сразятся, — распорядился он.

Стража отошла. Кайлар так удивился, что не успел увернуться, и получил сокрушительный удар. Логан почти вдавливал его в перила. Кайлар, тяжело дыша, защищался уже не без труда. Восстановив дыхание, он вдруг озверел, ловко поставил очередной блок и принялся колотить Логана по ребрам, отдаляя его от себя и отходя от перил.

Логан резко повернулся и ударил наотмашь. Кайлар наклонился и двинул противнику ногой по бедру. Логан, сбитый с толку нарушением правил, не устоял на месте и упал. Кайлар ударил его по лицу, и Логан скатился по ступеням на землю.

— Лучше не вставай! — крикнул Кайлар.

Толпа секунду-другую молчала, потом раздались шепотки. Никто никогда не видывал того, что позволил себе Кайлар. Пинок сослужил ему верную службу, но не вписывался ни в какие принятые среди знати правила. Кайлару было плевать. Следовало немедленно покончить с дурацким представлением.

Логан поднялся на четвереньки и медленно распрямил спину, явно собираясь встать. Боги! Кайлар чувствовал себя участником публичного увеселения. Не теряя ни мгновения, он ударил противника в висок. Тот тяжело повалился на землю.

Сэра рванула к жениху.

— Сэра, ты всегда мечтала, чтобы мы сразились! — торжествующе воскликнул Кайлар. — Похоже, я выиграл! — Он улыбнулся.

Толпа осуждающе загомонила. Сэра залепила Кайлару пощечину, такую хлесткую, что у него громко стукнули зубы.

— Ты и в подметки Логану не годишься!

Она опустилась перед женихом на колени. Кайлар понял, что вдруг перестал для нее существовать.

Оправив блузу и плащ, он стал пробираться сквозь толпу. Те, кто стоял в первых рядах, поспешно расступились, будто не желая чернить себя даже соприкосновением с ним. Кайлар не обращал на них внимания и протискивался глубже, а изнутри все валил и валил народ, жаждавший взглянуть на драку и не знавший, что она уже закончилась. Протолкавшись в коридор, Кайлар смешался с другими гостями. На лестнице для слуг стражников не оказалось. Пробравшись к ней, он взбежал наверх.

Поздравлять себя ему было не с чем. Драка стоила ему репутации, к тому же о его здесь присутствии, не исключено, узнал Хью Висельник. Так или иначе, Кайлар поднялся на второй этаж, а сейчас только это имело значение. О последствиях случившегося он подумает завтра. Самое сложное, к счастью, позади. Во всяком случае, Кайлар на это надеялся…

Хью Висельник отказался от заманчивой возможности отправиться наверх, как только стражники сбежали с лестницы и выскочили на улицу, где разодрались какие-то идиоты аристократы. Возможно, ему подворачивался удобный случай, но Хью был уверен в своих силах и не хотел менять план, согласно которому должен был еще и раздобыть некие сведения.

Леди Джадвин стояла у выхода на заднее крыльцо и выглядела растерянной, возможно умышленно. Почему король избрал ее себе в любовницы, для всех оставалось загадкой. Нашлось бы множество более привлекательных женщин, которые с удовольствием согласились бы спать с королем (даже с таким). Леди Джадвин была живым примером того, чем грозят близкородственные браки. Высокая женщина с лошадиным лицом, в преклонных годах, обладательница отнюдь не стройной фигуры, жадная до любовных связей с кем угодно, только не с собственным мужем, сегодня она вырядилась в совсем не подходящее ее годам и облику платье.

Хью Висельник решил, что леди Джадвин лишь прикидывается расстроенной. Она была страстной натурой, но умела не проявлять чувств на публике. Печальное настроение, очевидно, служило предлогом для того, чтобы оставить гостей и подняться наверх.

Да, так и есть, подумал Хью. Леди Джадвин что-то шепнула одному из стражников, потом обратилась со словами извинения к гостям, которые валили назад в дом. На лицах многих — тех, кто пропустил самое интересное, — читалось нескрываемое разочарование.

Стражник тут же поднялся к товарищу, вернувшемуся на пост наверху лестницы, и шепотом передал ему распоряжение хозяйки. Второй страж кивнул. Герцогиня стояла на пороге, к ней приближался принц. Она сказала ему пару слов; принц стал отцеплять от своей руки повисшую на ней блондинку; леди Джадвин пуще прежнего скривилась от притворного недомогания или огорчения. Еще несколько мгновений спустя герцогиня снова извинилась, сказала мужу, что нехорошо себя чувствует, покачала головой, видимо отклоняя предложение послать с ней кого-нибудь из слуг, и стала подниматься по парадной лестнице. Вне всякого сомнения, она уверила герцога в том, что должна всего лишь ненадолго прилечь. Еще и прибавила: «Спокойно развлекайся, дорогой». Или что-нибудь в этом роде.

Принц действовал более осмотрительно, но и его было совсем не сложно раскусить. Пройдя к столам со сладким, он учтиво побеседовал с кружком дам, извинился и пошел в умывальную, располагавшуюся недалеко от лестницы для слуг. Минуту спустя он приостановился в темном коридоре, быстро осмотрелся по сторонам и пошел мимо стражников, делавших вид, будто они никого не видят.

Хью, окутывая себя тенью, следовал за принцем по пятам. Стража так старалась не замечать наследника престола, что и мокрушник мог проскочить мимо них даже без маскировки.

Лестница для прислуги вела в большой коридор, где располагались покои герцога. Пол здесь тоже был из белого мрамора, посередине, с конца этого крыла и до конца противоположного, где обитала герцогиня, тянулась красная ковровая дорожка. Лампы горели тускло, дабы гости не подумали, что гулять можно по всему дому, как бывало на других праздниках.

Кайлар понятия не имел, сколько времени потратит на поиски серебряного шара, однако надеялся справиться с нелегким заданием как можно быстрее. Он прекрасно понимал, что не он один мог воспользоваться отсутствием на лестнице стражников. Хью Висельник, не исключено, уже здесь.

Кайлара утешала единственная мысль. Хью Висельник, скорее всего, жаждал не только

заполучить ка'кари, но и утолить жажду крови, значит, должен был дождаться минуты, когда герцогиня будет передавать волшебную вещицу посланнику короля, и убить обоих, чтобы убрать свидетелей. Король никогда не узнает, что сталось с драгоценностью, и не станет проводить расследования, дабы избежать необходимости признаваться всему королевству в любовной связи с леди Джадвин.

Если догадка Кайлара верна, значит, следует похитить ка'кари до того, как герцогиня поднимется в свои покои. Она могла появиться когда угодно — через два часа или через минуту-другую.

В коридоре появился стражник. Кайлар прижался к стене в углу, прячась в густых тенях. Стражник повернул в сторону парадной лестницы и исчез из вида. Кайлару предоставлялась прекрасная возможность.

Он устремился вперед, не прибегая ни к каким хитростям. Приблизившись к единственному хорошо освещенному пятачку, где начиналась парадная лестница, он весь напрягся и, глядя вперед, проскочил его в шесть шагов.

Стены коридора украшали поразительной красоты картины и мрачные статуи. Кайлар предположил, что герцог Джадвин — высокий ценитель искусства. Полотна, так не похожие одно на другое, выбирал явно человек, знающий в них толк. Скульптуры, напротив, были выдержаны в едином стиле.

Фигуры словно вырывались из камня. Одна изображала женщину, которая смотрела через плечо с ужасом в каждой черточке лица; другая — мужчину, борющегося с тучей из черного мрамора, опутавшей его руки; третья — обнаженную красавицу, с блаженной улыбкой возлежащую на облаке, которое втягивало ее в себя.

Кайлар, несмотря на спешку и предельную важность задания, увидев мраморную прелестницу, приостановился. Волшебная статуя поражала воображение. Она сочетала в себе чувственность и нечто волнующее, вызывающее странные чувства. Красавица как две капли воды походила на Элену.

Ах вот в чем дело! Кайлару показалось, что у него внутри что-то разрывается. По груди стала расползаться мерзкая пустота. Да, конечно… Она с ним спит. Он герцог, она служанка. Ему не скажешь «нет». При всем желании. Впрочем, может, ей это даже в удовольствие. Такое случается на каждом шагу.

Кайлар окинул беглым взглядом округлые руки и ноги, тонкую талию, высокую грудь и внимательнее всмотрелся в лицо статуи. Нос был идеально ровным, но на щеках и губах обозначались едва приметные шрамы. Стало быть, они не казались герцогу Джадвину изъянами; его даже интересовали скрывавшиеся под ними тайны.

«Не время восторгаться произведениями искусства, черт тебя дери!» — выругался Кайлар.

Проглотив подступивший к горлу ком, он на цыпочках пробежал в конец коридора и достал отмычку из потайного мешка на спине. Из покоев не лился свет и не раздавалось ни единого звука. Кайлар в считаные секунды открыл незатейливый замок с тремя штырями, вошел внутрь и запер дверь изнутри. Если пожалует Хью Висельник, у Кайлара на побег будет по меньшей мере несколько мгновений.

Он открепил от поясницы небольшой кинжал с футовым клинком. Для сражения с Хью Висельником следовало вооружиться чем-нибудь раз в десять поувесистее, но такое оружие невозможно пронести тайком.

Кайлар быстро осмотрелся по сторонам. Большинство людей, видимо, чтобы облегчить трудную воровскую жизнь, хранят ценные вещи в одних и тех же местах. Кайлар проверил матрасы, заглянул за картины, поискал дверцы тайников даже на полу сбоку от комода и в сиденьях стульев, однако ничего не обнаружил. Не оказалось второго дна и в выдвижных ящиках письменного стола.

Внутренности огромного шкафа Кайлар обследовать не стал, решив, что леди Джадвин не станет прятать так далеко столь дорогую сердцу вещицу. Наверняка она хранила ее где-то в более доступном месте, если, конечно, вообще не отдала на попечение служанки.

Судя по всему, герцогиня была из тех, кто любит окружать себя разного рода безделицами. Они пестрели повсюду, но серебряного шара не было нигде. Тут и там, затрудняя Кайларовы поиски, благоухали цветы, по-видимому расставленные в честь герцогского возвращения.

Или же это он любил побаловать супругу букетами. Судя по запаху мужских духов в воздухе и смятым простыням на кровати, встретили хозяина более чем тепло.

Внимание Кайлара привлекла одна из ваз. Она была нефритовая, резная, а самое главное, с прямоугольным основанием. Кайлар взял ее с письменного стола и, не обращая внимания на розы и лилии, поставил вазу на каминную полку и отодвинул в сторону деревянную шкатулку.

В полке темнело углубление. Квадратной формы. Грудь Кайлара согрелась надеждой.

«Предсказатель все верно угадал», — подумал он.

Основание вазы вошло в выемку; Кайлар повернул вазу. Послышался негромкий щелчок. Кайлар переложил безделушки с полки на пол, и она открылась.

Почти не глядя на документы и слиток золота, Кайлар схватил шкатулку. Она была большая, в ней спокойно уместился бы ка'кари. Тем не менее внутри ничего не оказалось.

Стиснув зубы, Кайлар положил шкатулку на место и закрыл тайник. Не стоило верить в глупые пророчества. Дориан сказал: «Прямоугольная ваза подарит тебе надежду». О том, что надежда будет ложной, не упомянул. Проклятье! Кайлар установил крошечную ловушку с отравленной иглой на случай, если сюда пожалует Хью Висельник, и вернул безделушки на полку, а вазу на письменный стол, все это время напряженно раздумывая. Где может лежать серебряный шар? Операция проходила черт знает как. Повезло Кайлару в единственном: он нигде не столкнулся с Эленой.

Элена! По тяжести, вмиг разлившейся в груди, Кайлар вдруг понял, что знает наверняка, где хранится ка'кари.

40

Едва принц поднялся по лестнице, в него вцепились чьи-то руки. Мгновение спустя леди Джадвин горячими губами приникла к его рту. Принц попятился, она не отступала. Принц уперся спиной в дверь герцогских покоев, хотел отойти прочь, но герцогиня ловко отодвинула щеколду, и принц чуть не упал внутрь, когда за его спиной внезапно распахнулась дверь. Леди Джадвин вошла в комнату и закрылась изнутри.

— Миледи, — пробормотал принц. — Прошу вас, остановитесь.

— Конечно остановлюсь, — ответила она. — Как только получу удовольствие. Как только вы подарите мне его.

— Я же вам говорил: все кончено. Если мой отец узнает…

— Черт с ним, с вашим отцом! Он ни на что не годен — как в постели, так и во всем остальном. И никогда ни о чем не узнает.

— Ваш муж здесь, в этом доме… Впрочем, дело даже не в этом, Трудана. Вы прекрасно знаете, зачем я приехал.

— Если ваш папочка желает забрать шар, пусть приходит сам.

Рука герцогини легла на пояс его штанов и скользнула вниз.

— Вы же понимаете, что он не может сюда прийти. Каково будет моей матери?

— Он сам мне его подарил!

— Шар магический. Отец думал, что это просто камень, а его потребовали халидорцы. Зачем бы он им понадобился, если бы… Нет!

Принц схватил ее руку, едва она попыталась расшнуровать завязки.

— Я же знаю, что вам это нравится, — прошептала герцогиня.

— Да, нравится. Но с этим покончено. Мы совершили ошибку и не должны ее повторять. К тому же меня ждет Логан. Я обо всем ему рассказал.

Ложь сошла с губ принца сама собой. Следовало отделаться от этой женщины любым

способом. Самым ужасным во всей этой истории было то, что он и впрямь обожал с ней бывать. Красотой герцогиня не блистала, зато в любовных делах ни одна из его подружек ни шла с ней ни в какое сравнение. Несмотря на это, видеть ее в своей постели утром он больше не желал никогда.

— Логан ведь — ваш друг, — сказала она. — И все поймет.

— Он потрясающий друг, — ответил принц. — Но слишком уж правильный. Видели бы вы его лицо, когда я оставил его внизу и пошел к любовнице отца! Верните мне драгоценность. Немедленно.

Порой он благодарил богов за то, что его товарищ — известный в городе ханжа.

— Что ж, — произнесла герцогиня капризным голосом.

— Где он? Ваш муж может прийти сюда в любую минуту.

— Мой муж только сегодня приехал домой.

— И что с того?

— То, что он хранит мне верность, поэтому по возвращении из дипломатических поездок буквально пылает страстью. Мой бедный! Сегодня я его измучила. Так что теперь он приходит в себя и наверх не поторопится. — Она засмеялась бессердечным резковатым смехом. — Я была с ним и представляла, что обнимаю вас…

Придав своему лицу странное выражение (ей, очевидно, казалось, что это весьма обольстительно), она дернула плечами, и передняя часть ее корсажа распахнулась. Герцогиня прижалась к принцу и снова взялась за завязки на его штанах.

— Трудана, я вас прошу… Пожалуйста, сейчас же оденьтесь. Где шар?

На ее грудь он едва взглянул, что герцогиню явно взбесило.

— Я знала, что вы придете за проклятым шаром, — сказала она наконец. — Поэтому отдала его своей служанке. Он у нее в комнате. Теперь вы довольны?

Застегнув крючки платья, герцогиня прошла к зеркалу и посмотрела на свое отражение.

Принц без слов отвернулся. Глупец! Он думал, что ему улыбается удача, что отец станет его вечным должником. Теперь же понимал, что не только не достигнет цели, но еще и навек возненавидит Трудану Джадвин. «Чтобы я еще хоть раз в жизни связался с замужней женщиной! Да никогда!» — пообещал он себе.

Его ничуть не заинтересовал звук выдвигаемого ящика. У него не было ни малейшего желания оглядываться на Трудану. Не стоило задерживаться здесь ни на мгновение, даже завязки штанов он мог спокойно завязать на ходу.

Его рука едва прикоснулась к щеколде, как за спиной послышались торопливые шаги герцогини. И ему в спину воткнулось что-то горячее, похожее на осиное жало. Трудана набросилась на него, и игла вошла глубже. Голова принца ударилась о дверь; он снова почувствовал укол.

Нет, то был не укол и вовсе не игла. Слишком глубоко проникло острие. В ушах принца зазвучал невыносимый рев; он стал ловить ртом воздух. Что-то случилось с его правым легким, поэтому стало трудно дышать. Удары не прекращались, а рев постепенно стихал. Внезапно до принца дошло, что происходит.

Его зарезали. Смертельно ранили. Женщина. Это не укладывалось в голове. Он же принц! Один из лучших фехтовальщиков во всем королевстве. И стал жертвой старой толстозадой дуры с обвисшей морщинистой грудью.

Она дышала тяжело, прямо как когда они предавались страсти. Трудана что-то говорила и кричала, будто каждый удар в спину принца странным образом тоже причинял ей боль. Самовлюбленная тварь!

— Прошу прощения… О! Простите! Вы его не знаете. У меня не было другого выхода… поверьте, не было…

Удары до сих пор не прекращались. Принца взяла злость. Он и так умирал, его легкие заливало кровью. В тщетной попытке прочистить их он кашлянул. На дверь брызнул алый фонтан, а легкие отозвались болью.

У него подкосились ноги, перед глазами потемнело. Герцогиня наконец остановилась.

Принц стал медленно сползать по двери. Последнее, что он увидел, был чей-то глаз, спокойно наблюдавший сквозь замочную скважину за тем, как умирает жертва.

Кайлар без труда разыскал дверь. Она была заперта, но он открыл ее за несколько мгновений, молясь, чтобы Элена спала.

Внутри крохотной комнатушки его встретил немыслимых размеров мясницкий нож. Его держала Элена, даже не помышлявшая о сне.

В темноте она, по-видимому, его не узнала. В ней явно шла борьба: напасть на непрошеного гостя или закричать? Взглянув на кинжал в его руке, она решила пустить в ход и то и другое.

Кайлар шлепнул ее плоской стороной клинка по руке, выхватил у нее нож, в мгновение ока скользнул ей за спину и прижал ладонь к ее рту.

— Это я! Это же я! — сказал он, уклоняясь от бивших по воздуху локтей Элены. Зажимать ей рот и при этом удерживать ее руки и ноги, которыми она норовила пнуть его в пах, было невозможно. — Успокойся, или твоя хозяйка погибнет!

Едва к ней вернулся рассудок, Кайлар наконец отпустил ее.

— Так я и знала! — тихо, но гневно произнесла Элена. — Знала, что убить ее поручили именно тебе!

— Я имею в виду, если поднимется шум, мокрушник поспешит покончить с этим делом и умертвит всех, кто попадется под руку.

— А-а… — Элена кивнула и притихла.

Кайлару показалось, что она покраснела, хотя в тусклом свете луны, лившемся через окно, было сложно сказать наверняка.

— Ты мог просто постучать, — проговорила Элена.

— Прости. Старая привычка.

Она вдруг смутилась, взяла с кровати мясницкий нож, спрятала его под подушку, растерянно взглянула вниз, на свою (к сожалению, очень закрытую) ночную сорочку, схватила халат и, отвернувшись, поспешно его надела.

— Не стоит так суетиться, — сказал Кайлар, когда она опять повернулась к нему. — И не разыгрывай из себя скромницу. Я видел статую. Обнаженная, ты выглядишь очень даже неплохо.

Зачем он обставлял все так, будто считает ее законченной шлюхой? Она спала с герцогом, потому что у нее не было иного выхода. Служанкам в герцогском особняке не приходится выбирать. Кайлар сознавал, что несправедлив к ней, но черт знает почему чувствовал себя преданным и ничего не мог с этим поделать.

Элена вся сжалась, будто от удара.

— Я умоляла ее не выставлять скульптуру напоказ, — произнесла она. — Но она ей до того понравилась… По ее словам, я не стесняться должна, а гордиться.

— Ее?

— Герцогини, — объяснила Элена.

— Герцогиня? — в идиотском изумлении переспросил Кайлар. Значит, не герцог… Не герцог?

Его охватило безумное облегчение. Он растерялся. Чему было радоваться?

— Ты что же, решил, что я позировала обнаженная герцогу? — спросила Элена. — Может, еще заключил, что я его любовница?

Прочтя по его лицу, что ее догадка верная, она в ужасе расширила глаза.

— Гм… — Кайлар устыдился, что незаслуженно обвинил ее, потом разозлился: вывод, к которому он пришел, глядя на скульптуру, был самым естественным. Потом подумал о том, что нельзя убивать время на болтовню с девчонкой, когда где-то в коридоре прячется мокрушник. — Такое нередко случается.

«Почему я веду себя как дурак? Наверное, потому же, почему наблюдал за ней со стороны… Она меня одурманивает».

— Со мной не случается ничего подобного, — сказала Элена.

— Еще скажи, что ты…

Голос Кайлара прозвучал насмешливо. Он резко замолчал. Зачем ему было насмехаться над ней?

— Девственница? — спросила Элена. — Да, — ни капли не смущаясь, сказала она. — А ты?

Кайлар поджал губы.

— Я… послушай, в доме убийца.

Лицо Элены приняло такое выражение, будто ей хотелось узнать, почему он не ответил на вопрос. Вдруг ее взгляд погрустнел.

— Даже два, — тихо сказала она.

— Что? — не понял Кайлар.

— Даже два убийцы.

Кайлар кивнул, проглатывая снова подступивший к горлу ком. Ему вдруг сделалось совестно за то, во что он превратился.

— Правильно, два. Я видел, как Хью приехал, Элена. Шар на месте?

Он пристально наблюдал за Эленой. Она, как Кайлар и предполагал, при упоминании о шаре тотчас устремила взгляд туда, где он лежал, — на шкаф, вниз.

— Да, — ответила она. — Шар… — Ее голос стих. — Ты собираешься его украсть.

— Прости, — сказал Кайлар.

— А теперь еще и знаешь, где я его спрятала. Ты все специально подстроил.

Она была наивна, но отнюдь не глупа.

— Да, — подтвердил Кайлар.

Элена взглянула на него со злостью.

— А действительно ли сюда пожаловал убийца, или ты вообще все выдумал?

— Действительно. Честное благородное. — Кайлар отвернулся.

— Что тут может быть благородного?

Да уж.

— Прости, Элена. Но иначе нельзя.

— Почему?

— Трудно объяснить, — сказал Кайлар.

— Я целый день чувствовала себя круглой дурой из-за писем, которые тебе писала. И из-за того, сколько всего ты для меня сделал. Я ни слова не сказала о тебе стражникам, потому что… потому что… Ты страшный человек, Кайлар, — помолчав, тихо прибавила Элена. — А Азота и впрямь больше нет.

Нет! У Кайлара все разрывалось внутри.

— Послушай, я непременно должен забрать этот шар, — взволнованно проговорил он.

— А я не могу отдать его тебе, — ответила Элена.

— Если ты останешься здесь, они подумают, что ты мне помогла. Тебя убьют — если не Хью, значит, Джадвины. Или вышвырнут на улицу. Пойдем со мной, Элена. Случись с тобой беда, и тогда мне не жить.

— Выживешь. Придумай себе еще одно имя. А лишние деньги будешь тратить на что-нибудь другое, из-за чего тебе бывает совестно.

— Тебя убьют!

— Я не могу платить людям злом за добро!

У Кайлара не оставалось времени. Следовало смотаться отсюда как можно быстрее. Он глубоко вздохнул. Сегодня вечером все шло наперекосяк.

— Тогда мне придется кое-что сделать… Прости меня, это ради твоего спасения.

— О чем ты? — спросила Элена.

Кайлар дважды ударил ее. По губам, так, чтобы потекла кровь, и по выразительным прекрасным глазам, чтобы веки опухли и почернели и чтобы она не видела, что он делает. Элена пошатнулась; Кайлар крепко схватил ее за руку и развернул. Беспорядочно размахивая

руками и тщетно пытаясь защититься, она наверняка думала, что он ее убивает. Кайлар же всего лишь достал иглу и уколол ее в шею, чтобы отключить сознание. Зелье подействовало через пару мгновений.

«Она никогда мне этого не простит, — думал Кайлар. — И я себя никогда не прощу».

Он схватил кинжал, порезал свою руку и накапал крови Элене на лицо, чтобы все подумали, будто ее жестоко избили. Ее неземная красота так резко контрастировала с происходившей мерзостью, что сердце Кайлара как никогда прежде изнывало от боли. Но он поступал так, как подсказывало чутье. Элена должна казаться жертвой. Глядя на нее, бесчувственную и беззащитную, он словно против воли глотал ломтик того, для чего существовало его жуткое горькое ремесло. Эта горечь была голой правдой. Сегодня, в этой каморке, ему никого не пришлось убивать, и воздух не переполняли едкие ароматы смерти, однако, на миг зажмурившись, Кайлар увидел самую суть себя, которая поглощала свет и распространяла тьму, слепила и обагряла кровью всматривавшиеся в него глаза. Кто сказал, что в этом страшном деле нет места поэзии?

Для пущей убедительности Кайлар уложил Элену в неестественно неприглядную позу. Серебряный ка'кари прятался на дне шкафа, в туфле. Кайлар взял его и поднял руку, пытаясь рассмотреть вещицу в лунном свете. Шар оказался обычным, полупрозрачным с металлическим налетом. Кайлар даже почувствовал нечто вроде разочарования. Ничего подобного он прежде не видел и не мог поверить, что какая-то безделица способна творить невообразимые чудеса.

Засунув ка'кари в сумку, он повернулся к выходу. Что ж, хорошо. Точнее, ничего хорошего сегодня вечером не случилось. Однако выбраться наружу следовало немедленно, и казалось, что это не составит большого труда. Если не удастся прошмыгнуть незамеченным мимо стражника внизу лестницы для слуг, можно прямо подойти к нему и, притворяясь, что тебе срочно надо в уборную, спросить, где находится ближайшая. Страж, конечно, ответит, что на второй этаж гостям подниматься не дозволено, Кайлар проворчит, что в таком случае хозяева должны были предупредить об этом приглашенных. Стражник окинет его недовольным взглядом, Кайлар выскочит на улицу. Особой надежностью план, конечно, не отличался, но Кайлар сегодня лишился всего, что было более или менее надежным.

Заглянув в замочную скважину, он с полминуты прислушивался. В коридоре царила тишина.

Едва Кайлар приоткрыл дверь, кто-то с нечеловеческой силой пнул по ней с другой стороны. Дверь ударила по лицу и плечу Кайлара. Его отшвырнуло внутрь комнаты.

С трудом удерживаясь на ногах, он перескочил через бесчувственную Элену, окончательно потерял равновесие, с грохотом упал, проехал по каменному полу и врезался головой в стену.

Находясь на грани сознания, видя вспышки черных точек перед глазами, Кайлар инстинктивно вытащил два ножа и вскинул руки, но по ним ударили, и ножи полетели на пол.

— Мальчик?

Кайлару пришлось проморгаться, чтобы восстановить способность видеть. Когда чернота рассеялась, он рассмотрел острие кинжала в дюйме от своего лица. Кинжал держал человек в темно-сером костюме и капюшоне.

Кайлар, подавляя приступ тошноты, задумался о том, почему он еще жив. Тут его сознание пронзила догадка. Мамочка К. предала их обоих. И отправила Кайлара, чтобы тот убил не Хью Висельника, а другого человека.

— Мастер Блинт? — позвал он.

41

— Какого черта ты здесь делаешь?! — Мастер Блинт, содрогаясь от ярости, нанес Кайлару увесистый удар слева. Тот, мгновение-другое назад почти видевший перед собой

Хью Висельника, моргнул и неуверенно поднялся на ноги. У него в ушах до сих пор стоял звон, голова шла кругом.

— Я был вынужден… А вас не было…

— Я ушел, чтобы подготовиться к этому делу! — громким злобным шепотом прошептал Блинт. — Понимаешь ты? Чтобы подготовиться! Ладно, теперь это неважно. До следующего обхода стражи у нас есть три минуты. — Он ткнул Элену носком ноги. — Эта еще жива. Добей ее и разыщи ка'кари, а я пока доделаю свои дела. Как тебя наказать, обсудим позже.

Вот что значит замешкаться, мелькнуло в голове Кайлара.

— Вы что, убили герцогиню? — спросил Кайлар, потирая ушибленное плечо.

— Убрать следовало не герцогиню, а принца. Меня кто-то опередил.

Со стороны лестницы раздались шаги. Дарзо достал из ножен меч Возмездия и выглянул в коридор.

Боги! Принц? — подумал Кайлар, глядя на бесчувственную девушку. Теперь никто не поверит в ее невиновность. Все решат, что она принимала участие и в похищении ка'кари, и в убийстве королевского наследника.

— Кайлар!

Кайлар повернул голову. Все происходило будто в кошмаре. В действительности ничего подобного случиться не могло.

— Я уже…

Он снял со спины мешок и неуверенным жестом протянул его мастеру.

Дарзо, хмурясь, схватил мешок и перевернул. Ему на руку выпал серебряный шарик.

— Черт! — выругался Блинт. В тишине коридора Джадвинов голос прозвучал резко и громко. — Я так и думал!

— Что вы имеете в виду? — спросил Кайлар.

Дарзо был не в том настроении, чтобы отвечать на вопросы.

— Девчонка видела твое лицо?

Кайлар промолчал, что говорило само за себя.

— Тогда сделай что следует. Это не просьба, Кайлар, а приказ. Убей ее.

На светлом лице Элены белели давнишние отметины. Ее глаза распухали и темнели. И в этом, и в появлении проклятых шрамов повинен был один Кайлар. «Любовь — петля», — объяснил Блинт, когда десять лет назад только-только принял ученика.

— Нет, — ответил Кайлар. Дарзо резко повернул голову.

— Что ты сказал?

С меча Возмездия капала на пол черная кровь.

У Кайлара еще была возможность опомниться, подчиниться и жить дальше. Но убийство Элены грозило до гробовой доски окружить его непроглядным мраком.

— Я не убью ее. И вам не позволю. Простите, мастер.

— Надеюсь, ты понимаешь, что это значит?! — рявкнул Дарзо. — Из-за этой девчонки тебя будут преследовать до конца твоей недолгой… — Он резко замолчал. — Кто она такая? Уж не Кукла ли?

— Да, это Кукла. Простите, мастер, — повторил Кайлар.

— Ночные ангелы! Не нужны мне твои извинения. Я требую беспрекословного подчи… — Дарзо опять резко замолчал и поднес к губам палец. Шаги звучали совсем близко. Распахнув дверь, Блинт вылетел в коридор. Меч Возмездия блеснул серебром в тусклом лунном свете.

Стражник упал, получив два удара. Именно он обыскивал Кайлара сегодня утром, дежуря на посту у ворот.

Дарзо, стоя под фонарем у стены, был окутан тенью — Кайлар почти не видел его. С меча Возмездия капала кровь. Кап-кап.

— Это твой последний шанс, Кайлар, — бесчувственным, как сталь, голосом произнес Дарзо.

— Понимаю, — ответил Кайлар, доставая из ножен кинжал и готовясь всерьез сразиться с тем, кто его вырастил и был ему как родной отец. — В самом деле последний.

Послышался звук — на пол упал и покатился металлический предмет. Кайлар наклонился, протянул руку, и ка'кари запрыгнул в его ладонь.

Кайлар выпрямился и взглянул на шар. Тот вдруг засветился теплым ярким светом. Казалось, он прилип к коже. На его поверхности вдруг загорелись руны. Они перемещались и видоизменялись, словно желая заговорить с Кайларом. Его лицо озарило голубое сияние; ка'кари вдруг сделался прозрачным и принялся поглощать кровь из пореза на Кайларовой руке. Кайлар поднял глаза и увидел смятение на лице мастера Блинта.

— Нет! — закричал тот. — Отдай его мне!

Из ка'кари вытекла жидкость, похожая на темное масло. Голубой свет засверкал, будто только что возникшая звезда. Кайлар почувствовал боль. Прохлада на его ладони стала тяжелеть, рука будто разделилась надвое. В ужасе глядя на равномерно светящуюся лужицу в своей руке, Кайлар заметил, что она уменьшается, проникая внутрь, под кожу. Ка'кари смешивался с его кровью. Вены бугрились и содрогались. Магия распространялась по всему его организму.

Кайлар понятия не имел, как долго это продолжалось. Его прошиб пот, потом пронял озноб, потом на лбу снова проступили капли пота. Холод мало-помалу исчез из рук и ног, и явилось тепло. Может, через секунду или через полчаса Кайлар осознал, что лежит на полу.

Странно, но он чувствовал себя отлично. Несмотря на то, что утыкался лицом в камень. Казалось, в нем устранили некий изъян, восполнили что-то недостающее.

«Теперь я обладатель ка'кари, — мелькнуло в мыслях. — Для этого я и родился».

Кайлару вспомнились все события этого вечера. Он поднял голову и по застывшему ужасу на лице Дарзо понял, что прошло всего несколько секунд. Вскочив на ноги, он ощутил себя сильным, здоровым и готовым к действию, как никогда в жизни.

Во взгляде Дарзо отражалась не злость. Печаль. И горечь тяжелой утраты.

Кайлар медленно повернул руку ладонью вверх. На ней по-прежнему краснела рана, но кровь больше не сочилась. Ка'кари, казалось, внедрился внутрь…

Нет. Такого не могло быть.

Внезапно из каждой поры его руки, точно пот, проступила чернота. Мгновение, и на ладони опять возник ка'кари.

Кайлара охватило странное веселье, сменившееся страхом. Он не был уверен, что по-настоящему радовался; чувство было такое, будто, разыскав хозяина, торжествовал ка'кари. Кайлар опять посмотрел на Дарзо, ощущая себя дураком и не зная, что делать.

Тут он осознал, что видит лицо мокрушника до странного отчетливо. Блинт стоял на том же месте, у стены с фонарем; пару минут назад Кайлар с трудом определял, где мастер, а теперь мог смотреть сквозь маскирующие тени как сквозь прозрачное стекло. Оглядевшись по сторонам, он обнаружил, что видит иначе все, на что устремляет взгляд. Темнота стала ему подругой, а зрение обострилось и изменилось. Замок за рекой, казалось, освещен дневным светом.

— Мне нужен ка'кари, — сказал Дарзо. — Если он его не получит, то убьет мою дочь. Ночные ангелы! Что ты наделал, Кайлар?

— Ничего! Я ничего не делал! — воскликнул Кайлар, протягивая шар. — Возьмите. Забирайте. И спасите дочь.

Дарзо взял ка'кари, заглянул Кайлару в глаза и произнес с тоской в голосе:

— Теперь ты связан с ним. Это на всю жизнь, Кайлар. Отныне твой *талант* будет работать независимо от того, держишь ты шар или нет; всем остальным его силы больше недоступны, пока ты не умрешь.

Со стороны лестницы донеслись торопливые шаги. Очевидно, кто-то бежал на крик Дарзо. Кайлару следовало уходить. Понять смысл услышанного он еще не успел.

Дарзо повернул голову, готовясь к встрече с тем, кто к ним приближался. В ушах Кайлара вдруг опять прозвучали слова предсказателя: «Если ты завтра не убьешь Дарзо

Блинта, Сенарию захватят халидорцы. Если ты не прикончишь его и на следующий день после этого, погибнут все, кого ты любишь. Если же ты единожды совершишь то, что должен, будешь год мучиться чувством вины. Если сделаешь это повторно, сам лишишься жизни».

В руке он сжимал рукоять кинжала. Дарзо стоял к нему спиной, настолько близко, что при всех своих дарованиях и навыках не смог бы ничего предпринять. Случай выдавался исключительный. На карту поставлена судьба королевства, жизнь всех, кто Кайлару дорог. Разумеется, и участь Элены. И Логана. И может, Дрейков. И сотен тысяч других сенарийских жителей, их мирное существование. Единственный удар кинжалом, и Дарзо упадет замертво. Он же сам твердил, что жизнь никчемна, пуста и ничего не стоит. Стало быть, не потеряет ни капли ценного…

Да, он так говорил, утверждал и многое другое, но Кайлар в глубине души никогда ему не верил. Мамочка К. уже воткнула в его спину нож — коварством и ложью. Кайлар не мог сделать то же самое своими руками.

Мгновение застыло и вращалось перед его глазами, как алмаз поблескивая гранями. Судьбы четко отделялись одна от другой. Кайлар посмотрел направо, на Элену, потом налево, на Дарзо, снова на Элену, и снова на Дарзо, на Элену, на Дарзо. От его решения зависела их жизнь. Можно убить Элену, свою возлюбленную, или Дарзо, который вырастил его точно сына. Истина поражала жестокостью: одному жить, другому умереть.

— Нет, — вдруг сказал Кайлар. — Мастер Блинт, лучше убейте меня.

Дарзо посмотрел на него так, будто не поверил собственным ушам.

— Она всего лишь видела меня, больше не сделала ничего, поэтому, если я умру, никому не причинит вреда. А вы возьмите ка'кари и спасите дочь.

Взгляд Блинта вдруг принял такое выражение, какого Кайлар не видел ни разу прежде. Суровое некрасивое лицо мастера внезапно смягчилось, и он превратился в другого человека — не старого и не измотанного тяжкой жизнью, а почти Кайларова ровесника. Кайлар и не подозревал, что Блинт может так выглядеть. Дарзо моргнул, боясь, что волны его бескрайней печали хлынут наружу потоком слез. И покачал головой.

— Уходи отсюда, мальчик.

Кайлар хотел уйти. Мечтал умчаться отсюда со всех ног. Но стоял на месте словно заледенелый и молился о том, чтобы Дарзо выполнил его просьбу.

«Что это со мной? — вдруг подумал он. — Я не желаю умирать. Хочу жить, забрать отсюда Элену… А еще…»

Распахнулась дверь герцогских покоев. Забрызганная кровью герцогиня, пошатываясь, вышла в коридор и завопила на весь дом:

— Убийца! Убийца! Принц мертв! Его убили!..

Дарзо среагировал мгновенно: затолкнул Кайлара в комнату Элены, заскочил внутрь и закрыл дверь. Кайлар пустил в ход всю ловкость, чтобы не наступить на Элену. Дарзо схватил его и с поразительной легкостью и быстротой, дарованными *талантом,* поднял с пола. Кайлар вылетел за окно в ночную тьму.

По милости Господа, или Его жестокости, или волей обыкновенного случая, или благодаря сверхъестественным способностям Дарзо Кайлар приземлился аккурат на верху стены-ограды. Перебравшись подальше, туда, где его не могли заметить, он без труда спрыгнул на землю. Поразительно: у него не было ни переломов, ни вывихов, ни даже мелких царапин. Задрав голову, он увидел на балконе, под которым недавно поцеловал Сэру, переполошенных гостей. Его они рассмотреть не могли, потому что дом был ярко освещен фонарями, а Кайлар стоял во тьме.

Внутри снова раздался вопль. Его подхватили другие голоса — женские и мужские. Кто-то стал выкрикивать команды, вокруг особняка, звоня колокольчиками, забегали вооруженные стражники. Кайлар окинул имение последним печальным взглядом, ощущая, что сердце бьется где-то в горле. Он понятия не имел, радоваться ему или разразиться проклятиями. Решение принял за него Дарзо Блинт. Кайлар был жив и прекрасно себя

чувствовал.

Ничего другого он пока предпринять не мог. Поэтому тихо перебежал к садовой калитке, сломал замок и исчез в ночи.

42

Король-бог Гэрот Урсуул проснулся за минуту до того, как раздался стук в дверь спальных покоев. Его будил малейший звук, поэтому спал он помалу; впрочем, старики и не нуждаются в продолжительном сне. К тому же, зная хозяина, рабы во дворце ходили на цыпочках.

Покои были вовсе не такими, каким можно себе представить обиталище короля-бога. Тут царили свет, простор, восхитительные цветные стекла с острова Планга и зеркала в оправах из слоновой кости; на кровати белело сетское кружево, пол устилали ковры из медвежьих шкур, на письменном столе и на каминной полке благоухали букеты из только-только срезанных цветов. Каждую мелочь продумывал и обустраивал раб, наделенный утонченным вкусом и соответствующими способностями. Гэроту до всех этих красот не было особого дела, его восторгали только картины. На стенах пестрели портреты его жен. Все они, за исключением нескольких, были редкими красавицами, а происходили из разных мест по всей Мидсайру. Хрупкие, изящные, полные и женственные или худенькие и мальчишески дерзкие, белокожие, смуглые…

Знакомые образы не переставали радовать глаз. Гэрот Урсуул был великим почитателем и ценителем женской красоты, на удовлетворение своих потребностей он не жалел никаких денег. В конце концов, это приносило его роду и всему миру немало пользы, ведь жены рожали ему лучших на свете сыновей. Для него подбирали некрасивых представительниц различных королевских семейств, и Урсуул ставил эксперименты, надеясь, что сыновья от родовитых женщин получатся еще более достойными. Девять его нынешних любимцев были как раз от спаривания с высокородными, но неприглядными женами. Спать с ними было куда менее приятно, зато наследников они дарили исключительных.

Отчасти ради сыновей, отчасти ради собственного развлечения Гэрот умудрился устроить все так, что некоторые из женщин горячо его любили. Добиться их чувств получалось на удивление просто: ему даже не приходилось, как он заранее планировал, усердствовать во лжи. Жены находили в этом радость. Гэрот слышал, что любовь делает ласки слаще, но не наблюдал ничего из ряда вон выходящего. С помощью магии он заставлял любую женщину вести себя в постели так, как ему хотелось. Было забавно видеть, как на ее лице отражается ненависть и злоба, а тело извивается от невиданного наслаждения. К сожалению, за подобные удовольствия приходилось платить: две жены после подобных игр наложили на себя руки. За остальными Гэрот приказал чутко следить.

Чиновник вновь постучал. Гэрот махнул рукой, и дверь тотчас же раскрыли. Чиновник вполз внутрь на коленях, прижимая руки к груди.

— Мой бог, мой всемогущий король…

Гэрот сел в постели.

— Убирайся прочь! Ты явился с посланием от потаскушки Джадвин, правильно?

— Она доложила, что убила принца, однако ка'кари все равно исчез. Мне безумно жаль, ваше святейшество!

— Держу пари, это очередной обман, — произнес Гэрот, обращаясь к самому себе. — Корабли для нападения на Модай готовы?

Разобраться с Сенарией Гэрот мог когда угодно, однако поход на нее грозил затянуться на несколько недель или даже месяцев. Проклятый лорд Джайр превратил перевал на Воющих Ветрах в серьезное препятствие. Преодолеть его, естественно, было Гэроту по силам. Он мог одержать победу над любой армией мира, за исключением, наверное, алитэрской, но не желал терять людей или майстеров в самом начале войны. Тут следовало

действовать иначе.

К тому же нынешняя Сенария не представляла для Гэрота никакого интереса. Было выгоднее уничтожить ее, отправить туда своих людей и построить новую страну.

Следовало навеки подчинить Сенарию Халидору. Сопротивление сенарийцев забавляло короля-бога. Он знал из весьма надежных источников, что красный ка'кари находится в Модае. Если халидорцы захватят Модай, тогда Сенария окажется в окружении, и можно будет взять ее практически без боя. Дальше надлежит двинуться на Кьюру и прибрать к рукам сердце магического мастерства, Шо'сенди. Если все получится, тогда Халидор пойдет и на Алитэру.

— Два корабля еще плывут по сенарийским водам.

— Ладно. Тогда…

— Ваше святейшество?..

Голос чиновника превратился в писк, едва он осознал, кого посмел перебить.

— Прыгун?

— Да, ваше святейшество? — еле слышно прошептал Прыгун.

— Только попробуй еще раз меня прервать.

Прыгун, боязливо тараща глаза, закивал.

— Что ты еще хотел сказать?

— Леди Джадвин утверждает, что силы ка'кари кому-то передались. Этого человека видели, все происходило в доме Джадвинов… Имеется его точное описание.

— Кровь Хали! — пробормотал Гэрот. Только этого ему не хватало! Сам по себе магический шар был настолько мал, что мог запросто потеряться или лежать где-нибудь в надежном тайнике. Теперь же, если его силы в самом деле кому-то передались, он будет постоянно находиться рядом с владельцем. — Пусть корабли сменят курс. И распорядитесь, чтобы Рот приступил к убийствам. Пусть уберет Джайров, шингу — всех. Передайте ему, что в его распоряжении всего двадцать четыре часа.

Происходило что-то крайне странное. Регнус Джайр понял это, едва подъехав к воротам своего имения. Снаружи не оказалось стражников, что пугало, хоть в последние десять лет король умудрился уволить или забрать себе массу их слуг и воинов. Внутри до сих пор горели лампы, а дело было за полночь.

— Может, кого-нибудь позвать, милорд? — предложил Гурден Фрей, боец, сопровождавший герцога.

— Нет. — Регнус спрыгнул с лошади, нашел в одном из седельных вьюков ключи, открыл ворота и вытащил из ножен меч.

По обе стороны от входа лежало по телу. У обоих стражников были перерезаны шеи.

— Нет! — вскрикнул Регнус. — Нет!..

Он что было духу помчал к особняку, влетел в парадную дверь и увидел, что все вокруг залито кровью. В первые мгновения его разум отказывался принимать действительность. Повсюду лежали тела, в каждой комнате, в каждом коридоре. Видимо, обитателей застали врасплох. Ничего не было сломано, ничто не свидетельствовало о сражении. Но дом был полон покойниками. Судя по всему, не оказывали сопротивления даже стражники. Большинству жертв вспарывали глотки, клали мертвецов так, чтобы из тела вытекло как можно больше крови. В кресле лежал ногами кверху старик Даннел. На лестнице, головой на нижней ступени, растянулось тело Марианны, Логановой кормилицы. Казалось, по особняку прошлась сама смерть, и никто даже не попытался прогнать ее. На каждом шагу Регнусу попадались верные слуги, друзья. Все мертвые.

Он сорвался с места и помчал мимо статуи Грэкских близнецов на второй этаж, к покоям Катринны. Только здесь, по-видимому, шла борьба. Одно из окон было разбито, рама у портрета его деда — сломана. Стражники погибли в сражении. Смертельные раны краснели у кого в груди, у кого на лице. Но каждому перерезали горло и каждого положили к стене, ногами вверх. Кровь, вытекшая из дюжины человек, слилась на полу в настоящее алое

озеро. Гурден опустился на колени и провел пальцами по шее друга.

— Еще теплый, — прошептал он.

Регнус пинком распахнул дверь в свои покои. Она с грохотом ударилась о стену. Если на ночь ее и запирали на замок, сейчас дверь была открыта.

На полу лежали шесть голых мертвецов, две женщины и четверо мужчин. Над ними, тоже раздетая, привязанная одной ногой к люстре на высоком потолке, висела Катринна. Вторая ее нога была неестественно отставлена в сторону. На спинах трупов было вырезано по слову: «С любовью и поцелуями, Хью Висельник». Нож, воткнутый в позвоночник мажордома, Уэнделя Норта, играл роль точки.

Регнус помчал прочь, стал заскакивать в каждую комнату, выкрикивать имена, переворачивать покойников и заглядывать в их лица. Когда Гурден вцепился ему в руку и стал ее трясти, герцог с трудом понял, что происходит.

— Сэр! Сэр! Его здесь нет. Логана нет. Надо уходить. Бежим отсюда. Идемте же!

Гурден вывел хозяина из дома, и воздух, не пропитанный запахом крови, показался Регнусу райски ароматным. Кто-то без конца повторял:

— Господи… Господи… Господи…

Тут до него дошло, что слова слетают с его собственных губ. Он бредил. Гурден, не обращая на это внимания, вел хозяина дальше и дальше.

Как только они приблизились к парадным воротам, с другой стороны подъехали шестеро королевских лучников с луками наготове.

— Окружить их! — распорядился лейтенант. Регнуса и Гурдена заключили в кольцо. — Вы Регнус Джайр?

Услышав собственное имя, Регнус очнулся от полузабытья.

— Да, — ответил он, глядя на свою испачканную кровью одежду. — Да, я Регнус Джайр, — громче произнес он.

— Лорд Джайр, мне приказано вас арестовать. Очень сожалею, сэр.

Лейтенант был совсем молодой и смотрел на герцога широко распахнутыми глазами, будто сам не верил в то, что он делал.

— Арестовать?

К Регнусу медленно возвращался рассудок, точно лошадь, которая закусила удила и понесла, а теперь вновь покорилась хозяину.

— Да, милорд. За убийство Катринны Джайр.

Регнуса окатило ледяной волной. Следовало либо окончательно взять себя в руки, либо сдаться. Он стиснул зубы и произнес властным голосом, резко контрастировавшим со слезами на глазах:

— Когда вы получили это распоряжение?

— Час назад, сэр, — отчеканил лейтенант, с секундным опозданием сознавая, что он подчиняется тому, кого должен арестовать, и теряясь.

— Четверть часа назад она еще была жива. Что, черт возьми, у вас за приказы?

Лейтенант побледнел. Некоторые из лучников опустили луки.

— Наш капитан сказал, что кто-то видел, как вы это делаете, сэр. Сказал ровно час назад. — Он взглянул на Гурдена. — Так это правда или нет?

— Идите в дом, и сами все поймете, — ответил тот.

Лейтенант отправился в особняк, приказав лучникам не спускать глаз с подозреваемых. Некоторые из них заглянули в окна и тут же отвернулись. Регнусу хотелось одного: снова уйти в состояние полупомешательства, чтобы хоть несколько минут ни о чем не думать. Слезы катились и катились по его щекам. Почему — он не знал. Надлежало получше сосредоточиться. Выяснить имя лейтенанта не составило бы труда, но паренек просто выполнял указания. А отдали их либо Са'каге, либо король.

Несколько минут спустя лейтенант вышел из дома. В бороде светлела рвота, его всего трясло.

— Можете идти, лорд Джайр. Примите мои извинения… Пропустите их!

Лучники расступились. Регнус вышел на дорогу, сел на лошадь, однако уезжать не спешил.

— Сможете ли вы продолжать служить тем, кто уничтожил столько невинных людей? — спросил он. — Я намерен разыскать сына и найти мерзавца, который… — Голос задрожал, и ему пришлось прокашляться. — Поедемте со мной! Тогда, клянусь, вы сможете гордиться своей службой.

Он снова почувствовал, что голос ему изменяет, и замолчал. Лейтенант кивнул.

— Мы с вами, сэр.

Согласие выразили и все остальные. Так у Регнуса появился первый собственный отряд.

— Милорд, — сказал лейтенант. — Я… я перерезал веревку и снял ее. Не хотелось оставлять ее в таком… положении.

Регнус не мог говорить. Схватив поводья, он поскакал прочь. «А почему не я это сделал? — прозвучал в его голове вопрос. — Она была моей женой… Что я за муж?»

Лорд-генерал Агон был в числе немногих знатных горожан, не ездивших на вчерашний прием к Джадвинам. Его не пригласили, о чем он нисколько не жалел.

Солнце выплывало из-за горизонта, однако даже при утреннем свете положение дел оставалось прескверным. Убийства в городе совершались нередко, но в этот раз жертвой стал наследник престола. Расследование преступления возглавил лично Агон.

— Расскажите по порядку, что произошло, миледи, — попросил он, предчувствуя, что правды все равно не услышит.

Леди Джадвин шмыгнула носом. Казалось, она по-настоящему расстроена. Агон не понимал единственного — почему. Что ее огорчало? Смерть принца? Или же то, что обнаружилась ее с ним связь?

— Я ведь уже сказала, — проговорила она. — Мокрушник…

— Кто-кто?

Герцогиня растерянно моргнула.

— Откуда вы знаете, что такое мокрушник, Трудана?

Она покачала головой.

— Почему вы все время пытаетесь сбить меня с толку? Повторяю: в коридоре прятался убийца. Или, по-вашему, это я отрубила голову собственному стражнику? Думаете, у меня бы хватило сил? Выслушайте Элену. Она вам все объяснит.

Черт! Агон и сам понимал, что обезглавить стража леди Джадвин не могла, да и оружия такого у нее не было. К тому же если бы она сама зарезала принца, тогда не стала бы выскакивать из покоев, поднимать крик и созывать наверх гостей, во всяком случае, пока не смыла бы кровь с рук и лица.

— А об этом что вы скажете?

Агон развернул красное платье, в котором герцогиня была накануне вечером. Его люди обнаружили его скомканным, в шкафу. Полувлажная, пропитанная кровью материя постепенно затвердевала.

— Когда душегуб… зарезал принца, тот упал… прямо на меня. И умер у меня на руках. Я хотела немедленно позвать на помощь, но убийца задержался в коридоре. Я дрожала от страха. У меня помутился рассудок. А кровь все текла и текла…

— А как вы с принцем оказались наедине, в спальных покоях герцога?

Леди Джадвин впилась в Агона горящим взглядом.

— Да как вы смеете?

— А вы как посмели, Трудана? — спросил он. — Как вам не стыдно? Изменять мужу не только с королем, но и с его сыном! Тешиться столь извращенными играми! Из-за вас принц предал отца. Неужто вам это было в радость?

Леди Джайр попыталась залепить ему пощечину, Агон увернулся.

— Бить, кого душе угодно, вам никто не позволял, Трудана. В ваших покоях

обнаружили окровавленный нож. Согласно показаниям слуг, оружие принадлежит вам. Смею предположить, вам отрубят голову. Или, если так решит король, вас колесуют.

Трудана Джадвин побледнела, мгновение спустя позеленела, однако не прибавила ни слова. Агон сердито взмахнул рукой, и ее увели.

— Как низко с вашей стороны, — послышался женский голос.

Агон повернулся и увидел Элену Кромуилл, девушку-прислужницу Джадвинов, которую нашли в ее комнате, бесчувственную и избитую. Если бы не синяки и шрамы на лице, она была бы настоящей красавицей. Леди Джадвин воображала себя ценительницей искусств, поэтому и жила в окружении разного рода красот.

— Может, и впрямь низко, — ответил Агон. — Но то, что она натворила… у меня просто нет слов.

— Моя хозяйка совершила немало ошибок, — сказала Элена. — Причинила боль множеству людей, расстроила не один брак, но она не убийца, лорд-генерал. Я знаю, что приключилось вчера ночью.

— Тогда расскажите. Ведь больше никому ничего не известно.

Он произнес эти слова более сурово, чем намеревался, потому что в самом деле до сих пор ничего не мог понять и все пытался увязать одно с другим. Как вышло, что опытный воин в два счета простился с жизнью? Могла ли герцогиня тихо и хладнокровно убить принца, переодеться, но забыть вымыть лицо и руки, прежде чем поднимать шум?

Если бы она была способна на столь тяжкое преступление, пусть в состоянии ярости, вызванной отказом молодого любовника, то сумела бы должным образом замести следы. И только после этого выбежала бы с криком.

С другой же стороны, некоторые гости утверждали, что наверху закричал мужчина. Кто это был? Стражник? Неужели, увидев покойника, он завизжал от испуга, за что и лишился головы? Отрезать человеку голову не так-то просто, Агон это знал. Даже если выбрать место между позвонками, потребуется немалая сила. Агон лично осмотрел труп стражника. Нож прошел сквозь один из позвонков.

— Простите, — сказал Агон, поворачиваясь к Элене. — Ночь была не из легких. Если можете нам как-нибудь помочь, будем вам премного благодарны.

Она подняла на него глаза; в них стояли слезы.

— Мне известно, кто убил принца. Мокрушник, который притворяется аристократом. Я знала, кто он такой, и знала, что он придет, но не думала, что он кого-нибудь убьет. Его зовут Кайлар. Кайлар Стерн.

— Что?! — воскликнул Агон.

— Это его рук дело. Клянусь.

— Послушайте, ваша преданность хозяйке достойна восхищения, но не стоит бросаться в такие крайности. Если вы повторите то же самое еще раз, то немедленно отправитесь в тюрьму. В лучшем случае. А если выяснится, что вы соучастница преступления, даже случайная, вас повесят. Вы уверены, что ради спасения Труданы Джадвин готовы проститься с жизнью?

— Я делаю это не ради нее.

По щекам Элены катились слезы.

— Может, вам просто ненавистен Кайлар? Это тот молодой человек, который подрался с Логаном Джайром, правильно?

Элена отвела взгляд в сторону. Слезинки на ее лице в свете восходящего солнца поблескивали, точно бриллианты.

— Дело не в ненависти, сэр. Никакой ненависти нет.

— Лорд-генерал… — На пороге появился воин. На его лице отражался ужас. — Я только-только из имения Джайров… Там сотни людей, в каждой комнате — везде. Все мертвы, сэр.

— Возьмите себя в руки! Что значит «мертвы»? Убиты?

— Если точнее, зарезаны, сэр.

— Кто именно зарезан?

— Сэр… Все до одного.

43

Король ерзал, сидя на троне, изготовленном из слоновой кости и отделанном золотом. Трон был таким массивным, что правитель Сенарии казался в нем ребенком. В приемной палате сегодня царила тишь. На обычных постах дежурили стражники, семеро других прятались в потайных нишах. А перед королем стоял единственный человек — Дарзо Блинт. Палата казалась огромной пещерой. Стены украшали знамена и шпалеры; высокий потолок поддерживали семь пар столбов; к трону со всех сторон вели четырнадцать ступеней. Стоял жуткий холод: невозможно обогреть такое огромное каменное помещение.

Дарзо молча ждал, когда король начнет разговор. Если придется сражаться, у мокрушника уже возник план. Готовность драться никогда в нем не дремала. Первым погибнет майстер, что стоит возле трона, потом два стражника, потом и сам король. Дарзо, используя *талант,* возможно, сумеет перепрыгнуть с трона в расположенную над ним и занавешенную знаменем галерею, убьет скрывающегося в ней лучника и оттуда выпрыгнет наружу. Впрочем, план казался не слишком надежным, особенно потому, что Дарзо не имел понятия о замыслах врагов.

Он поймал себя на том, что намеревается засунуть руку в мешочек с чесноком, и усилием воли отказался от этой затеи. Обнаруживать волнение не следовало, однако соблазн был очень велик. Порой зубчики чеснока удивительным образом успокаивали нервы.

— Как ты допустил? — спросил король, вставая с трона. — Вчера вечером убили моего сына, прямо у тебя перед носом! Ты ничего не успел предпринять!

— В личные охранники к принцу я не нанимался.

Король схватил у одного из стражников стрелу и, сотрясаясь от ярости, метнул ее в несговорчивого собеседника. Дарзо подивился его меткости: если бы мокрушник стоял на месте, стрела вошла бы ему аккурат в грудину.

Разумеется, он отклонился в сторону. Ловко и без усилий, что наверняка взбесило короля пуще прежнего.

Стрела ударилась о стену, упала на каменный пол и отлетела чуть в сторону. Зазвенела броня, послышался шум вскидываемых луков. Однако никто не выстрелил.

— Пока не распоряжусь, не трогайте это дерьмо! — Король сошел по четырнадцати ступеням и остановился прямо перед мокрушником, невольно и по-глупому защищая его собой по меньшей мере от трех стрелков. — Дерьмо! Вот ты кто! Дерьмовое дерьмо!

— Ваше величество, — мрачно произнес Дарзо. — Человеку вашего высокого положения надлежит знать побольше ругательств, а то может показаться, что пространство между вашими ушами сплошь забито испражнениями.

Король на миг оторопел. Ошеломленные стражники переглянулись. Король взглянул на их лица, понял, что его серьезно оскорбили, и нанес мокрушнику удар слева. Тот решил не отражать его: стрелки и так были на взводе и с перепугу могли выпустить стрелу и без команды.

На каждом пальце короля поблескивало кольцо. Два из них оставили следы на щеке Дарзо. Мокрушник стиснул зубы, подавляя волну черной ярости, дважды вздохнул и произнес:

— Ты до сих пор жив, Алейн, вовсе не потому, что я боюсь отправиться из-за тебя на тот свет. Просто мне неохота становиться жертвой бездарей. Но запомни: еще раз тронешь меня хоть пальцем, сдохнешь в мгновение ока, твое величество.

Король Алейн Гандер IX приподнял руку и опустил ее, всерьез задумываясь о том, не станет ли он в следующую секунду покойным королем Алейном Гандером IX. В его взгляде блеснуло торжество.

— Я убил бы тебя, Дарзо, но не буду этого делать. У меня есть предложение

поинтереснее. Знаешь, мне все о тебе известно. Я выведал твой главный секрет.

— Ах, как страшно!

— У тебя есть ученик. Молодой человек, прикидывающийся благородным. Кайл какой-то там или что-то в этом роде. Он живет со святошами Дрейками и весьма неплохо владеет мечом, не так ли, мастер Тулии?

По спине Дарзо пробежал холодок страха. «Ночные ангелы, помилуйте!» — подумал он. Новость его напугала. Вышибла почву у него из-под ног. Если они знают, что Кайлар его ученик, значит, наверняка собирались повесить на него смерть принца. Положение осложнялось представлением, которое Кайлар устроил, затеяв накануне вечером драку с Логаном Джайром. Если ученика Дарзо обвинят в убийстве принца, тогда непременно заключат, что Кайлар действовал с помощью мастера или даже под его руководством.

Рот взбесится.

На зубах Блинта захрустел чеснок, и волнение мало-помалу пошло на спад. Вздохнув, мокрушник приказал себе окончательно успокоиться. «Откуда они узнали? — подумал он. — Мастер Тулии. Проклятье. Теперь все покатится к чертям собачьим. Как пить дать».

Возможно, никто и не предавал Дарзо. Не исключено, король получал сведения от шпионов, которые наблюдали за домом Дрейков. Некогда граф Дрейк был очень влиятельным в Сенарии человеком. Следить за ним могли до сих пор, на всякий случай. Кто-то из шпионов увидел, как Дарзо входит в дом, узнал его. Шпионил за Дрейками, вероятно, один из воинов, которые прятались в ту ночь за статуями в королевском саду. Впрочем, это не имело особого значения.

— Интересно, что бы сказал Брэнт, если бы взглянул сейчас на твое лицо, Дарзо Блинт. Кстати, а где Брэнт? — спросил король у управляющего.

— Только-только вернулся в замок, ваше величество; с минуты на минуту явится с отчетом. Он ездил в имение Джайров… сразу после расследования… в доме Джадвинов.

У Дарзо сдавило горло. Агон наверняка вычислил, что Кайлар на вчерашнем празднике устроил не только драку. Если Дарзо пробудет здесь до появления лорда-генерала, ему больше не жить.

Король пожал плечами.

— Что ж… — Тут его охватили тоска и ярость. Он внезапно стал другим человеком. — Моего мальчика убили у тебя перед носом! Ты позволил им! А я убью твоего! Его прикончит тот, от кого вы такого не ждете! Очень скоро.

— Я слышал, вы с Логаном немного повздорили вчера вечером, — сказал граф Дрейк.

Кайлар моргнул, прогоняя застилавший глаза туман, и вдруг напрочь забыл о своей смертельной усталости. Он спал всего несколько часов, и ему опять снился кошмар. После всякого убийства, совершаемого им или кем-то другим в его присутствии, ему непременно снился Крыс.

Они сидели за столом, Кайлар держал у рта вилку с куском яичницы. Отправив еду в рот, он принялся тщательно пережевывать, чтобы выиграть немного времени.

Все летело к чертям собачьим. Если граф Дрейк знал о драке, значит, возможно, слышал и о смерти принца. Кайлар рассчитывал встать пораньше, упаковать вещи и уйти без объяснений с Дрейками. Теперь съехать следовало непременно, иного выхода не было.

— Сэра сама не своя, — сказал граф. — Она отвезла Логана к тетке, соседке Джадвинов, чтобы ему обработали раны. А домой вернулась лишь несколько минут назад.

— О-о…

Кайлар машинально положил в рот очередную порцию и снова принялся старательно пережевывать.

Если Сэра ушла от Джадвинов сразу после драки, стало быть, ни она, ни граф еще не знали о принце. С одной стороны, вереница Кайларовых неудач, связанных с жизнью и смертью, казалось, заканчивалась. С другой же — то, что по возвращении домой Сэра рассказала отцу о случившемся, грозило повлечь за собой осложнения иного рода.

— Вчера я дал Логану согласие на их брак. Ты об этом знал?

Кайлар понял, что граф столь учтивым образом спрашивает у него: «Какого черта ты поцеловал мою Сэру и избил будущего зятя, своего лучшего друга, если заявил, что у тебя нет к ней нет никаких чувств?»

— Гм…

Кайлар заметил краем глаза, что кто-то быстро прошел мимо окна. Мгновение-другое спустя в комнату, шаркая ногами, вошел старый привратник. Казалось, он чем-то расстроен.

С шумом раскрылась парадная дверь, потом дверь столовой. На столе, звякая, подпрыгнули тарелки.

— Милорд… — запротестовал привратник.

В комнату влетел Логан — с красными глазами, но величественный как никогда. В руке он держал огромный палаш.

Кайлар так быстро вскочил, что стул отлетел и ударился о стену. Граф Дрейк тоже встал и что-то воскликнул, но он был чересчур медлителен. Остановить Логана теперь не могло ничто. До Кайлара дошло, что он стоит в углу, в самом невыгодном месте.

Логан вскинул руку с палашом. Кайлар схватил со стола нож для сливочного масла.

— Я помолвлен! — прокричал Логан, сгребая Кайлара в дружеские объятия.

У Кайлара бешено колотилось сердце. Как только Логан отпустил друга, граф Дрейк опять сел на стул и вздохнул с облегчением.

— Ах ты негодник! — воскликнул Кайлар. — Что ж, поздравляю! Я же говорил! Что я тебе говорил? Все получилось!

— Получилось? — переспросил граф Дрейк, видимо еще не вполне придя в себя.

Логан отошел на два шага в сторону, не обращая внимания на графа.

— Только не надо было так сильно мне вмазывать.

— Я хотел ее убедить, — ответил Кайлар.

— Еще чуть-чуть, и она бы стала вдовой! Давненько меня так не отделывали. Пожалуй, со времен турнира.

— Прошу прощения, — вмешался в разговор граф. — Получилось? Убедить ее? О чем вы толкуете?

Кайлар и Логан виновато взглянули на него.

— Понимаете… — пробормотал Логан. — Кайлар говорил, что Сэра меня по-настоящему любит. Следовало напомнить ей… — Его голос стих.

— Кайлар, ты что же, все заранее продумал? И специально выставил себя дураком перед целой толпой, ввел в заблуждение мою дочь и продал ее чувства как дешевую побрякушку?

— Не совсем так… — Кайлар не мог смотреть графу в глаза. — С другой же стороны… да, сэр.

— Еще и Логана в это втянул? А ты, Логан, неужели сразу не догадался?.. — спросил граф.

— Нет, сэр, не догадался, — поспешил ответить Кайлар, замечая боль во взгляде Логана.

Граф посмотрел на одного, потом на другого, широко улыбнулся и обнял Кайлара.

— Да благослови тебя Господь!

Он повернулся к Логану и со слезами на глазах заключил его в объятия.

— И тебя. Сын.

Лорд-генерал Агон, сопровождаемый охранниками, влетел в замок. Солнце поднялось всего три часа назад, но чувство было такое, будто прошло уже полдня.

Увидев его лицо, стражники у парадного входа тотчас смекнули, что двери он раскроет сам. Из коридоров вмиг исчезла вся прислуга.

Из приемной палаты навстречу лорду-генералу вышел человек в плаще и капюшоне. Его лица не было видно, однако Агону он показался знакомым. «Наверняка шпион, —

подумалось ему. — Сейчас мне не до него».

Новости он нес только скверные. Семейство Джайров было одним из самых известных в королевстве. Массовое убийство в их доме произошло в ту же ночь, в которую зарезали принца. Это пугало. Агону наследник престола всегда нравился. Джайры были его друзьями. Того, что генерал увидел в их имении, он не пожелал бы даже заклятому врагу. Разобраться в случившемся пока не представлялось возможным.

Ясно было одно: началась жестокая и решительная борьба за королевский трон. Но почему так? Убийство принца, естественно, коренным образом изменило положение дел, однако смерти слуг и леди Джайр не имели никакого отношения к политике. Или имели? Именно сегодня, в свой день рождения, в отсутствие отца Логан становился полноправным лордом Джайром. Если кому-то понадобилось уничтожить их род, следовало начать с наследников, а, насколько было известно Агону, и Логан Джайр, и его отец до сих пор оставались в живых.

Гибель принца нанесла сокрушительный удар по линии Гандеров не только сама по себе, но еще и тем, что обнажила неприглядную правду. Интрижки короля уже никого не удивляли, однако связь принца с отцовской любовницей бросила мрачную тень на весь их род. Его смерть ужасала и вместе с тем служила бесконечным позором.

Лорд-генерал на миг задумался о том, что тяготит короля сильнее — позор или ужас? Каково сейчас королеве?

Приблизившись к трону, Агон стал подниматься по ступеням. Король разговаривал с приближенными. Лорд-генерал не доверял ни одному из них.

— Всем прочь! — приказал он. — Сию минуту!

— Прошу прощения, — проговорил Фергунд Са'фасти. — Я как главный королевский…

— Вон! — рявкнул генерал прямо ему в лицо.

Маг весь съежился и последовал за остальными к выходу. Агон жестом велел уйти и своим охранникам. Король сидел потупившись.

— Я погиб, Брэнт. Что обо мне скажут историки?

«То, что ты был слабым, никчемным, самовлюбленным и развратным».

— Ваше величество, сейчас надо подумать о более насущных вопросах.

— Об этом уже трещат на каждом углу, Брэнт. Мой сын… Она убила моего мальчика… — Король захныкал.

«Стало быть, любить он способен не только себя, — подумал Агон. — Жаль, что проявляется это слишком редко».

— Ваше величество, принца убила не герцогиня.

— Что? — Король взглянул на Агона затуманенными глазами.

— Это дело рук мокрушника.

— Да мне плевать, чьих это рук дело, Брэнт! Стоит за убийством в любом случае Трудана. Трудана и Логан Джайр.

— Логан Джайр? Что вы такое говорите?

— Думаешь, ты единственный занимаешься расследованием, Брэнт? Шпионы уже все мне доложили. Убийство заказал Логан. А мерзавка Трудана была с ним в сговоре. Я уже распорядился его арестовать.

У Агона пошла кругом голова. Нет, такого не могло быть. Он ничуть в этом не сомневался.

— Зачем Логану убивать вашего сына? Он был одним из его самых близких друзей. А жаждой власти ничуть не страдает. Боги! Да ведь Логан только что помолвился с Сэрой Дрейк, дочерью графа!

— Жажда власти тут совершенно ни при чем, Брэнт. Дело было в обыкновенной злости. Логан посчитал, что мой сын его унизил в каком-нибудь пустяковом деле. Сам ведь знаешь, как это бывает у мальчишек. Проклятые Джайры! Всю жизнь вставляют нам палки в колеса! Логан угрожал моему сыну, Брэнт, у меня есть свидетели.

Все вдруг стало на свои места. Отдельные фрагменты, звеня, закружились и встали в общую картину. Кайлар Стерн, лжеаристократ, лучший друг Логана. В приступе ярости Логан попросил Кайлара убить принца. Все как будто совпадало, однако Агон до сих пор не верил в причастность молодого Джайра к преступлению.

— Кто из мокрушников это сделал, Брэнт? — спросил король.

— Кайлар Стерн, — ответил Агон.

Король фыркнул.

— Наконец-то боги решили мне помочь.

— О чем вы, ваше величество?

— Я только что велел его убить ученице Хью Висельника, девчонке-мокрушнице. Хочешь — верь, хочешь — не верь. А Кайлар — ученик Дарзо Блинта. Или был его учеником. Возможно, он уже мертв.

«Кайлар — ученик Дарзо Блинта?» — подумал Агон. Только что сложившаяся перед его глазами картина стала распадаться. Король же нанял Блинта! Значит, его ученик не мог убить принца. Или мог?

А на телах трупов в имении Джайров было вырезано имя Хью Висельника. Естественно, оставить свою роспись на месте кровавой резни мог только безумец. Тщательно обследовав тела, Агон пришел к выводу, что в доме орудовал всего один убийца. Провести подобный план в жизнь было по силам только опытному мокрушнику, а почерк убийств совпадал с тем, что Агон слышал о Хью Висельнике. Дарзо Блинт никогда не уродовал тела жертв. Он бы счел это дилетантством.

Хью Висельник же мог вырезать на месте преступления свое имя лишь в том случае, если был уверен, что власти до него не доберутся. Король сказал, что смерть принца не имела отношения к жажде власти, однако они жили в Сенарии, а здесь все было связано со стремлением повелевать.

Если принца и в самом деле убил ученик Блинта, тогда зачем он оставил в живых свидетельницу? Последователь Дарзо Блинта наверняка был профессионалом, как мастер, и убрал бы со своего пути любую помеху.

Все, что ни происходило, совершалось ради власти. Агон нахмурился.

— А от войска на Воющих Ветрах вестей не было?

— Нет.

— Значит, халидорцы нагрянут дня через четыре. Как поступим с сегодняшним праздником?

— Отмечать середину лета на следующий день после гибели сына? — воскликнул король. — Нет, я, естественно, не собираюсь этого делать!

На ум лорду-генералу пришла внезапная мысль.

— Может, лучше не менять планов?

— Устраивать праздник для убийц моего мальчика? Ни за что на свете! — Глаза короля вспыхнули, и он более чем когда-либо стал походить больше на правителя, нежели на избалованного ребенка. — Надо что-то предпринять! — воскликнул король. — Не то все подумают…

«Не то все подумают… — повторил про себя Агон. — Получается, это самое главное. А что подумают?»

Принц погиб, его зарезали самым неприглядным образом не то мокрушник, не то любовница короля. Леди Джайр и все ее слуги отправились на тот свет, Логана арестовали. Агон предположил, что один из мокрушников в эти самые минуты скачет к Воющим Ветрам, чтобы убить и Регнуса. Оставлять его в живых все равно не имело смысла.

Все подумают, что король в приступе ревности приказал убить собственного наследника, а неверную любовницу подставил, чтобы и ей было неповадно.

Кошмар, случившийся в доме Джайров, тоже увяжут с убийством. Каким образом?

Джайры в очереди претендентов на престол шли сразу после Гандеров, но никогда не проявляли желания занять трон. Слабому и ревнивому королю могли в два счета приписать

стремление убрать соперников. Джайров уважали куда больше, чем Гандеров. Все узнают о том, что вместо награды за доблестную службу лорд Джайр получил предательство и смерть.

Логана — нового лорда Джайра — уже схватили королевские воины с намерением упечь в тюрьму, скорее всего навсегда. Однако все прекрасно знали, что Логан — образец благородства и начисто лишен честолюбия. Его помолвка с дочерью Дрейка служила тому лучшим подтверждением.

Кто же займет место короля, если тот умрет?

Всеобщий любимец Логан Джайр будет в тюрьме, где его рано или поздно убьют. Принц погиб. Старшей дочери короля всего пятнадцать, остальным и того меньше — где им управлять страной, на которую вот-вот нападут халидорцы. Бразды правления могла бы взять в свои руки Налия, жена короля, однако он всю жизнь ее побаивался, поэтому, как только мог, отдалял от государственных дел, да она и сама не желала связываться с политикой. Джадвинов после вчерашнего можно было сбросить со счетов. Оставались еще два герцога — Грэзин и Уэссерос, отец королевы. Ее брат Хэврин жил за границей и вряд ли претендовал на сенарийский трон. Герцог Грэзин дышал на ладан. Заявить права на трон могли представители и менее родовитых семейств.

Однако стать настоящим правителем не мог ни один из них. Нестабильное положение грозило обернуться гражданской войной с четырьмя более или менее равносильными сторонами-участницами. Войной гораздо более страшной, чем та, которую, уступая трон Алейну, Регнус предотвратил десять лет назад.

Какие роли отводились наиболее опасным из игроков, Са'каге и Халидору? Халидор мог купить содействие Са'каге, если был готов предложить соответствующую сумму.

Внезапно все стало яснее прежнего. Лорд-генерал Агон громко выругался. Он сквернословил настолько редко, что изумленный король умолк на полуслове, взглянул на лицо генерала и побледнел.

— В чем дело? В чем дело, Брэнт?

Все эти годы они так много внимания уделяли Халидору, что не особенно заботились о внутренних опасностях. Халидорцы убрали с дороги целый ряд законных и толковых наследников, причем устроили все так, что король стал их невольным помощником. Покончив с этой операцией, они наверняка планировали устранить и его самого. Действовать надлежало быстро, пока не объявились новые сильные претенденты на трон, пока не восстановились связи и не возник приемлемый план. В Сенарии воцарится полная неразбериха. А Халидор пожалует, когда ему будет удобнее.

— Ваше высочество, выслушайте меня внимательно. Грядет государственный переворот, вчерашние события — только начало. В нашем распоряжении, возможно, всего несколько дней. Если хаос разразится, тогда наши приготовления для борьбы с Халидором лишатся всякого смысла. Первым убьют вас.

Лицо короля исказилось от страха.

— Говори дальше! Я внимательно слушаю.

44

Поздравив Логана еще несколько раз, Кайлар извинился и оставил молодого герцога наедине с будущим тестем. Сэра ушла в свою комнату переодеться. Они решили, что лучше ей не видеть, как Логан снова дружески общается с Кайларом, по крайней мере до свадьбы.

— Если вы меня не пригласите, я все пойму, — сказал Кайлар. — Но если вы еще вернетесь к этой теме, передай Сэре, что я надеюсь на прощение. Поздравляю!

Он поднялся в свою комнату, снял блузу, бросил ее в угол и уставился на свое отражение в зеркале.

— Поздравь и себя. Все знакомые женщины тебя ненавидят, а мастер вот-вот убьет.

Рядом с зеркалом лежала перевязанная лентой стопка писем. Кайлар их взял. Наверху белел клочок бумаги с выведенной рукой Блинта строчкой: «Раз ты переступил черту,

значит, больше нет смысла их прятать».

Что? Кайлар развязал ленту и принялся читать первое письмо. Написал его явно ребенок. Большими неровными буквами, весьма путано излагая мысли. «Большое-пребольшое спасибо большое. Тут очень хорошо. А вы волшебник. Сегодня у меня день рождения. Я вас люблю. Элена». Внизу было приписано рукой взрослого: «Пожалуйста, извините нас, граф Дрейк. Она случайно услышала, как мы разговариваем о ее лорде-добродетеле. А письмо мечтала написать с тех пор, как мы начали учить ее письму. Если ей что-нибудь придет на ум, то она ни за что не откажется от своей затеи. Пожалуйста, сообщите нам, можно ли ей писать эти послания. Ваш покорный слуга, Гэр Кромуилл».

Кайлар как завороженный читал и читал дальше. Письма приходили каждый год, становясь все складнее и длиннее. Ему казалось, что он наблюдает, как Элена взрослеет у него на глазах. Она тоже жила теперь под другим именем, но не простилась с незащищенностью и уязвимостью, от которых страдала и прежде.

Когда ей было пятнадцать, она написала: «Пол спросил, злюсь ли я на жизнь за то, что у меня на лице шрамы. Он говорит, что это несправедливо. А я ответила: „Несправедливо то, что я выбралась из Крольчатника, а многие другие девочки и по сей день там“. У меня теперь столько всего! Только благодаря Вам…»

Кайлар читал быстро, порой перепрыгивая через строку. Времени у него было в обрез. Весть о смерти принца грозила вот-вот облететь целый город. А Элена обожала писать. Отложив несколько писем, он взял последнее, написанное буквально на днях.

«Вы понятия не имеете, что для меня делаете. Я уже рассказывала Вам о том, как Ваши деньги не раз спасали мою семью, особенно в ту пору, когда умер мой приемный отец. И это далеко не все. Сама мысль о том, что где-то там есть молодой лорд, которому я небезразлична (я, рожденная в рабстве девушка со шрамами на лице!), озаряет всю мою жизнь. Я чувствую себя особенной. На прошлой неделе Пол сделал мне предложение. — Кайлара охватило желание разыскать этого Пола и хорошенько его отделать. — Знаю, я должна была ответить согласием, хоть мне и не нравится его характер… и многое другое. Но из-за Вас, из-за Вашей заботы я верю в то, что достойна чего-то лучшего, нежели безрадостный брак с первым парнем, который делает предложение изуродованной девушке. Я верю, что Бог приготовил для меня нечто более светлое».

«Да уж… — подумал Кайлар. — Божья избранница…»

Так вот откуда Элена знала Дрейков.

«Спасибо Вам за все, — писала она. — И пожалуйста, простите меня за прошлое письмо. О том, что я наговорила, стыдно даже вспоминать. Прошу Вас, забудьте об этом».

О чем? Кайлар распечатал предыдущее письмо и, начав читать, против воли заулыбался. Шестнадцатилетняя Элена страдала муками юношеской романтичности.

«По-моему, я Вас люблю. Я даже уверена в этом. В прошлом году, когда я ходила к Дрейкам, чтобы отдать им это письмо (даже не верится, что теперь мама позволяет мне относить послания лично), я, кажется, видела Вас. Может, это были не Вы. А может, Вы. У них живет молодой человек, тоже лорд. Очень красивый, и они все в нем души не чают. Я имею в виду, он им всем очень дорог, даже графу Дрейку. Конечно, он — не Вы, у него нет таких денег. Его семья обеднела, вот он и живет с Дрейками… — У Кайлара перехватило дыхание. Элена видела его. Видела год назад и находила красивым. Неужели же так оно и было? — Но что такое деньги в сравнении с любовью?»

Дальше шли… О нет! Да… Да, следующие строки были немного размазаны от упавших на бумагу слез.

Это не очень-то удивило Кайлара. Он взрослел бок о бок с тремя девицами. Его просто интересовало, когда Элена начала плакать.

«В общем, раз Вы не отвечаете на мои письма и не даете о себе знать, я решила называть Вас Кайларом. *Не исключено, что вы полный, непривлекательный, с огромным мясистым носом и…* (фраза зачёркнута) Ради бога, ПРОСТИТЕ! Надо бы переписать все сначала, но мама и так бранится, говорит, что я перевожу слишком много бумаги. Простите. Я скверная девчонка. Но хотела бы получить от Вас хоть единственное письмо… Пусть граф Дрейк передаст его мне в следующем году, когда я принесу ему очередное свое послание. Пол повторяет, что я пылаю страстью не к мужчине, а к суме с деньгами. — (Элена совсем ничего не знала о благодетеле, но ей было всего лишь шестнадцать лет. А Пол так и нарывался на взбучку.) — Однако он ошибается. И вовсе это не глупая страсть. Я люблю Вас, Кайлар».

Кайлара проняла дрожь. Ему безумно хотелось услышать эти слова. Услышать от нее. И вот он видел их прямо перед собой, они пробились сквозь сотни преград его двойной жизни. Элена сказала ему заветные слова, не подозревая о том, что он и есть ее благодетель, не зная, что граф Дрейк отдавал ее письма Дарзо. Не ведая о том, что Кайлар был Азотом, что работал убийцей, что видел ее сотни раз, наблюдал за ней дважды в неделю, на рынке близ Пути Сидлина. Элена даже не догадывалась о том, что Кайлар видел, как она расцветает, о том, что всякий раз обещал себе больше никогда не шпионить за ней, и о том, что не мог сдержать слова В какой-то момент он тоже воспылал к ней страстью, но не желал признаваться в этом даже самому себе и твердил, что она манит его, как запретный плод, или что ему просто надо знать, жива ли она, здорова ли. Если не помогало ни первое, ни второе, он пытался уверить себя, что все это глупости и скоро пройдет.

Теперь ему было двадцать лет, но чувство не покидало его сердце. Внезапно вспыхнувшая надежда (Элена любит его!) вдруг разбилась о действительность, как фарфоровая чашка — об пол. Нежное кружево несбыточных желаний растаяло без следа. Теперь имел значение только смертельный испуг в глазах Элены, с которым она смотрела на Кайлара вчера вечером. Беспощадная правда (я Кайлар, и Азот, и твой молодой благодетель, и тоже люблю тебя!) ударила по ней, как кузнечный молот. Я Кайлар, и Азот, и твой молодой благодетель… Я нуждаюсь в твоей помощи. Доверься мне, но я тебя предам.

На жалость к самому себе не было времени, Кайлар и так слишком уж ею увлекся. Он оставил свидетельницу, которая знала, что Кайлар Стерн — мокрушник, чья цель — забрать серебряный ка'кари и, не исключено, натворить других гнусных дел. Стало быть, вымышленный образ, на создание которого Кайлар потратил целых десять лет, больше не мог служить ему. И все из-за какого-то шарика, неизвестно где теперь находившегося.

Ведра, в которых служанка каждый день приносила ему горячую воду, сегодня стояли пустые. Бог знает почему, Кайлара это испугало. У него защипало глаза, будто от подступавших слез. Он чуть не рассмеялся над собственной глупостью. Воду не принесли наверняка из-за какого-нибудь ничтожного недоразумения, а ему уже представлялось, что боги или же единый Бог Дрейков начинают уничтожать его. Все шло наперекосяк.

Мастер Блинт собирался его убить. Девушка, ради которой он был готов умереть, ненавидела. Даже Сэра Дрейк, еще вчера вечером не знавшая, его она любит или Логана, теперь презирала его.

А худшим в этой истории было то, что все произошло по его вине. Сотня бед обрушилась на его голову из-за им самим принятых решений.

Разве что за отсутствие воды в ведрах отвечал не он. Схватив их, Кайлар выскочил из комнаты и чуть не столкнулся на лестнице со служанкой. Та несла два других ведра, наполненных горячей водой.

— Здравствуйте, — сказала она. Кайлар ее не узнал. Девушка была прехорошенькая, симпатичнее всех, кто прислуживал в доме Дрейков. — Доброе утро! Простите, я замешкалась. Я новенькая, сегодня мой первый рабочий день. Не знаю, где тут что… Пожалуйста, не гневайтесь!

Она протиснулась мимо Кайлара, чуть задевая его голую грудь своим пышным бюстом,

и вошла в комнату. Он последовал за ней, поставил на пол пустые ведра и протянул руки за теми, что до сих пор держала девица.

— Давайте.

— Нет-нет, что вы! — воскликнула она. — Умоляю, не рассказывайте графу Дрейку или экономке, что я опоздала. Она и так смотрит на меня косо, а если узнает, что я в первый день так оплошала, тут же укажет мне на дверь. Если я потеряю эту работу, просто не представляю, что буду делать, сэр.

Она наконец поставила ведра и заломила руки.

— Эй! — ответил Кайлар. — Успокойся. Ничего я никому не скажу. Кайлар. — Он протянул ей пятерню и улыбнулся.

Девушка просияла улыбкой, пожала Кайлару руку и окинула беглым, но восхищенным взглядом его обнаженную грудь и живот.

— Очень приятно. Виридиана.

Дворецкий ввел в кабинет красавца ладешца. Логан, желавший перекусить, остался в столовой, так что граф Дрейк был один.

— Сэр, — сказал дворецкий, — послание желают передать лично.

— И хорошо, — ответил граф Дрейк. — Спасибо.

Ладешец был настолько хорош собой и так богато одет, что явно не мог быть рассыльным. Он больше походил на придворного или хотя бы на барда. Тут взгляд графа Дрейка остановился на руках незнакомца. Тот держал стрелу, от наконечника до перьев хвоста выпачканную ярко-алой жидкостью, похожей на свежую кровь. Едва дворецкий удалился, гость произнес:

— Доброе утро, милорд. Хотелось бы познакомиться с вами при иных обстоятельствах, но я к вам с крайне важным сообщением от Дарзо Блинта. Он сказал: «Если мальчик еще жив, я должен встретиться с ним. Пусть приходит обедать в „Подвыпившую блудницу“».

Ладешец поклонился и протянул графу красную стрелу. Появившийся на пороге Логан добродушно рассмеялся.

— Говорите «если еще жив»? Надо понимать, кто-то из друзей Кайлара видел, как сюда явился я?

Граф Дрейк усмехнулся.

— Ты наверняка перепугал всех, кто встретился тебе на пути. — Он повернулся к посланцу. — Я все ему передам, спасибо.

— Милорд, — произнес ладешец, глядя на Логана. — Мы скорбим вместе с вами.

Поклонившись, он тут же ушел. Логан покачал головой.

— Это что, какая-то холостяцкая шутка?

— Не знаю. В Ладеше я был всего раз. Их юмор мне непонятен. Наверное, следует сразу отнести стрелу наверх.

— А я думал, мы серьезно поговорим о близости в семейных отношениях, как отец с сыном.

Граф Дрейк улыбнулся.

— Какой ты правильный.

— Сэра такая же, — ответил Логан.

— В семейных отношениях, поверь моему опыту, правильностей не бывает, Логан. — Граф Дрейк взглянул на стрелу и отложил ее в сторону. — Первое, о чем надо помнить при близости…

Виридиана потерла плечо и сказала:

— До чего же приятно познакомиться в этом доме с милым человеком. Экономка, когда я устраивалась, была со мной очень уж нелюбезна. Вы… не возражаете?

— Нет, конечно нет, — ответил Кайлар, хоть и не понимал, что она имеет в виду.

Виридиана без тени смущения развязала ленты корсажа, который, как успел заметить

Кайлар, был затянут чересчур туго.

— О! Так намного лучше, — воскликнула служанка, глубоко вздыхая. Она прошла к двери, закрыла ее, заперла замок, вернулась к ведрам, стянула с себя лиф и отбросила его в сторону.

— Гм… — произнес Кайлар.

Виридиана наклонилась и снова взяла ведра. Кайлару показалось, что между ее большими наполовину обнаженными грудями можно заблудиться. Он приоткрыл рот, не нашелся что сказать и невероятным усилием воли поднял глаза. Виридиана наблюдала за ним и, видя, как краснеют его щеки, сияла от радости. Уверенным движением руки она распустила волосы, и они упали ей на лицо и на плечи водопадом кудрей.

— Готовы искупаться, милорд?

— Нет! Я гм… к тому… я имею в виду…

— Желаете помыться после. — Виридиана шагнула к нему, на ходу расстегивая платье.

После? Кайлар попятился, чувствуя, что его сопротивление слабеет с каждой секундой.

«А почему бы и нет? — подумал он. — Чего, черт возьми, я жду все эти годы? Недопустимой возможности быть с Эленой?»

Все его мысли вдруг закружили вокруг Виридианы. Полные губы, божественные волосы… Ему уже представлялось, как он прикасается к ним пальцами, как они ласкают его плечи. А эти бедра, а грудь! Красотка явно желала его. Это будет просто минутная страсть, конечно же не любовь. Ни о какой романтике и серьезных отношениях тут не могло быть и речи. Они совокупятся, и все. Быстро и просто. Именно так призывала смотреть на жизнь Мамочка К.

Граф Дрейк, разумеется, учил другому. Но, черт побери, в данную минуту округлости Виридианы казались убедительнее любых праведных речей.

Кайлар попятился, врезался в кровать и чуть не упал.

— Вообще-то не слишком это удоб…

Виридиана прикоснулась рукой к его груди и вдруг быстро сжала пальцы в кулак и нанесла удар. Кайлар не устоял на ногах. Девица вскинула вторую руку, которую прятала за юбкой. В воздухе блеснул клинок.

Как только Кайлар упал спиной на кровать, Виридиана напрыгнула на него, коленями прижала его руки к бокам, одной рукой схватила его за волосы, а второй приставила нож к шее — так, что без труда могла проткнуть кожу и перерезать артерию.

— Не слишком удобно? — договорила она неоконченное им предложение.

Кайлар, втягивая в себя воздух, старался как можно меньше двигаться.

— А, черт! — пробормотал он. — Ты ученица Хью Висельника, Ви. Виридиана. Ну почему я сразу не догадался?

Девица улыбнулась ледяной улыбкой.

— На кого ты работаешь? Принца должна была убить я.

— Серьезно? Вот так незадача! Один мокрушник убивает жертву другого. Гм. Или ты называешься мокрушницей?

— Какая разница?

Виридиана плотнее обхватила Кайлара бедрами. Он покраснел.

Она ущипнула его за щеку.

— А ты весьма недурен собой. Даже немного жаль убивать тебя.

— И мне жаль, что такая девица…

— Успокойся, — перебила его Виридиана. — Роскошная наружность — часть моего *таланта.* Даже странно, что ты не очень-то пустил слюнки.

— Что ты имеешь в виду? Это что… сплошная иллюзия?

— Ты бы лучше попрощался с жизнью, — сказала она. — А формы у меня настоящие, спасибо за комплимент.

— Я выразил бы восторг многословнее, но его несколько притупляет нож возле шеи.

— Если надеешься избежать своей участи заигрываниями, можешь не стараться — тебе

не хватает опыта. На кого ты работаешь?

— А ты на кого? На короля, — сказал Кайлар. — Угадал?

— Ты, вижу, не из слабонервных, — заметила Виридиана. — Мне это даже нравится.

— Если бы я надул в штаны, нам обоим это не пришлось бы по вкусу, — сказал Кайлар. Мокрушница усмехнулась. Он улыбнулся, возможно, более милой улыбкой. — Ну как? Выходит у меня заигрывать?

— Не особенно, но даю тебе одно очко — за старание. Этот заказ я получила от короля, правильно. То, что принца зарезал ты, его немного рассердило. Если точнее: платит мне король, а распоряжения отдает Рот. Теперь отвечай ты.

Виридиана чуть сильнее вдавила нож в его кожу. Кайлару пришлось как можно дальше повернуть голову в сторону.

— Поставь себя на мое место, — сказал он, напрягая шею. — У меня два пути: если я не отвечу, ты убьешь меня медленно, и мне придется помучиться. Если отвечу, сделаешь то же самое, но быстро.

— Ты надеешься, что у тебя есть и третий путь. Ты протянешь время и каким-нибудь чудесным образом спасешься. Умен. Впрочем, иначе и не могло быть. Все удивляются, почему Блинт взял себе ученика без *таланта.* Видимо, его отсутствие компенсируется мозгами.

— Говоришь, все удивляются? Может, вы по этому поводу еще и заключаете пари? Постой-ка, а кто сказал, что у меня нет *таланта!*

— Не знаю. По большому счету это дело не мое, а Са'каге, — произнесла Ви. — Так ты ответишь, на кого работаешь, или нет? Наверняка тоже на Рота. Если уж ему нужно, чтобы работу непременно сделали, он сто раз подстрахуется. Болтают, будто и леди Джадвин была с ним в сговоре, но я в это не верю. Принца убрал профессионал, я сразу определила.

— А ты любительница поболтать, — заметил Кайлар.

Будь у него свободны руки, он наказал бы себя за глупую оплошность хорошей оплеухой. Желаешь выиграть время, ни в коем случае не насмехайся над болтливостью захватчика, а воспользуйся ею.

Прекрасное лицо Виридианы на мгновение сделалось отвратительным. Кайлар вдруг увидел в ней Хью Висельника. Она улыбнулась, но выражение Хью из глаз не исчезло.

— Встретимся в следующей жизни. Советую поупражняться в заигрываниях.

Кайлар, ожидая, что в его шею войдет сталь и по всему телу разольется тепло, в отчаянии весь напрягся. Раздался стук в дверь.

— Кайлар? — позвал граф Дрейк.

Ви вздрогнула и повернула голову.

Кайлар дернулся, пытаясь сбросить ее с себя. Разум подсказывал ему поступить именно так, но он и не подозревал, что вдруг почувствует в себе небывалую мощь. Казалось, он всю свою жизнь хворал, а теперь вдруг внезапно выздоровел. В нем говорил *талант,* о котором все время твердил Дарзо и которым теперь Кайлар мог пользоваться.

Мокрушница взлетела в воздух, хотя одна ее нога не расцепилась с ногой Кайлара, а рукой она до сих пор держала его за волосы. Поэтому, вместо того чтобы рухнуть на пол, она упала назад на Кайлара, и попыталась зарезать его, но теперь его руки высвободились, он вцепился в ее запястья и сделал перекат.

Они вдвоем свалились с кровати — Виридиана приземлилась на спину, а Кайлар на нее. Она выругалась и двинула коленом ему в пах. Кайлару показалось, будто у него в штанах взорвалось солнце. Он застонал, но не выпустил ее рук, однако позволил перевернуться и вновь оказался внизу.

— Кайлар? — закричал из-за двери граф. — У тебя там что, дама?

Назвать ее дамой язык не повернется, мелькнуло в голове Кайлара. Его ослепляла боль. Он не мог не то что драться, но даже просто двигаться.

— На помощь!

— Как ты жалок, — проговорила Ви.

Кайлар лишь снова застонал в ответ. Мокрушница спрыгнула с него. Он не без труда поднялся на ноги. Дверь с шумом распахнулась, но Кайлар не успел ничего предпринять. Виридиана уже бросала нож в графа Дрейка.

Тот сумел увернуться. Нож пролетел по воздуху, не причинив вреда. Мгновение, и оружие уже было в руке графа, однако тот не решался метнуть его в девушку. Ви, едва заметив, что граф поднимает руку, рванула к окну.

Кайлар выхватил нож у графа и метнул его в мокрушницу за мгновение до того, как она исчезла из вида. Ему показалось, что клинок вонзился ей в плечо. Достав из-под кровати меч, он подлетел к окну, но Виридианы уже и след простыл.

Ошеломленный граф по-прежнему стоял на пороге. В его руке краснела стрела.

— Я не осмелился, — произнес он. Из уст кого угодно другого эти слова прозвучали бы как признание в поражении. Граф же произнес их торжествующим голосом. — Мне было даже интересно, в самом ли деле я изменился. Ведь прошло столько лет… Видимо, это действительно так. Спасибо тебе, Господи.

Кайлар смотрел на него в растерянности.

— О чем это вы?

— Нам надо серьезно поговорить, Кайлар.

45

— Я через день-другой умру, Джарл, так что, пожалуйста, послушай меня внимательно, — попросила Мамочка К.

Джарл изумленно посмотрел на нее и отхлебнул оотая.

«Мальчишка умеет держать себя в руках, — подумалось ей. — Впрочем, потому-то я и разговариваю с ним, а не с кем-нибудь другим».

— Завтра или чуть погодя сюда явится Дарзо или Кайлар и убьет меня, — сказала она. — Потому что я послала Кайлара убрать человека, которого он принял за Хью Висельника. На самом же деле это был Дарзо Блинт, замаскированный под Хью. Кто из них уцелел — не знаю, но теперь правда наверняка открылась. Я предала их обоих… Когда-то вы с Кайларом были друзьями, Джарл…

— Мы и сейчас друзья.

— Замечательно. Не подумай, будто я пытаюсь спастись. Пусть восторжествует справедливость. Жизнь все равно — сплошное разочарование.

Мамочка К. заметила в глазах Джарла нечто вроде сострадания. Впрочем, теперь ничто не имело значения. Он ее поймет, если доживет до ее лет.

— Чем я могу вам помочь, Мамочка К.?

— Я не прошу тебя помогать мне. События развиваются стремительно. Чересчур стремительно. Рот планирует занять мест шинги. Пона Драдина наверняка вот-вот убьют.

— Вы что же, не собираетесь его предупредить? Нельзя смотреть сквозь пальцы на безумства Рота!

— Не собираюсь, Джарл. По двум причинам. Если ты о них узнаешь, можешь поплатиться за это жизнью. Ты готов стать участником настолько мерзкой игры?

Джарл нахмурился, по-видимому взвешивая все за и против, и кивнул.

— Во-первых, я не стану спасать Пона Драдина, потому что меня подставили. Рот шантажом вынудил меня предать Кайлара и Дарзо. Как именно — я рассказывать не буду. Скажу одно: это было крайне унизительно. Но важно другое: я теперь полностью в распоряжении Рота. Противостоять ему у меня нет возможности, любая попытка приведет к тому, что я потеряю нечто более ценное, чем моя жизнь. В общем, я готова умереть и хотела бы, чтобы ты занял мое место.

— Имеете в виду, место среди Девятерых?

Мамочка К. улыбнулась, глядя в чашку с оотаем.

— Я не только Госпожа Удовольствий, Джарл. Еще и шинга, вот уже девятнадцать лет.

Ее невозмутимый протеже изумленно округлил глаза и откинулся на спинку стула. Мамочку К. это порадовало.

— Боги… — пробормотал он. — Теперь мне кое-что становится понятным.

Она засмеялась — впервые за долгие годы по-настоящему. До нее вдруг дошло, почему Дарзо любил в своем деле опасность. Когда стоишь настолько близко к смерти, гораздо выше ценишь возможность жить.

— Объясните поподробнее, какие тут действуют законы, — попросил Джарл.

На его месте она поступила бы точно так же. Сразу прикинула бы, как следует действовать с учетом грядущих событий, и не стала бы распространяться о том, как ей жаль без пяти минут мертвого шингу. Или ограничилась бы несколькими словами, но и они были бы ложью. Джарл предпочел вовсе не ломать комедию, что восхитило Мамочку К. Он прекрасно усвоил ее уроки. Но ее это почему-то немного задевало.

— Ужасно, — проговорил Джарл, как ей показалось, без капли притворства. Может, ему и в самом деле было ее жаль. Или же его ужасало то, что, приближаясь к смерти, она, учившая его умению держать в узде свои огорчения и привязанности, ждет от него излияний по отношению к себе. Было сложно сказать наверняка. Джарл стал таким, каким она хотела его видеть. Смотреть на него было больнее, чем на собственное отражение в зеркале.

— В Са'каге каждый знает, кто над ним главный. Самым умным известно и то, кто из Девятерых представляет их интересы. Личность шинги — общеизвестный секрет, иными словами — не секрет вообще. Сложи все вышеперечисленное вместе, добавь к этому несколько воров и шлюх и сможешь вычислить, у кого сколько власти в Са'каге. Последние четырнадцать лет такое положение дел всех устраивало, потому что не случалось никаких встрясок.

— Благодаря вам или удачному стечению обстоятельств? — поинтересовался Джарл.

— Мне, — честно ответила Мамочка К. — По моему распоряжению убили предыдущего короля, и на трон взошел нынешний. При Девятом на нас никто не давил сверху, и мы спокойно решали внутренние вопросы. Но для Са'каге такая жизнь — ненормальность. Грабители, убийцы, воры-карманники и шлюхи не могут мирно сосуществовать. Многих свои же убирают с пути. В последнее время мы переживали необыкновенное затишье, а в первые пять лет, с тех пор как я стала шингой, убили восьмерых. Шестерых заказали извне. Двоих мне пришлось убрать самой, потому что они пытались отобрать у меня власть. Только двое из тогдашних Девятерых до сих пор занимают свои места. Пон Драдин вот уже четырнадцать лет смотрит на поступки своих заместителей сквозь пальцы. По сути, он только появляется на собраниях, а за рамки дозволенного никогда не выходит и больше помалкивает. Не думала, что он протянет так долго.

— Значит, только Девятерым известно, кто настоящий шинга.

— Еще мокрушникам, но они дают подкрепленную магией клятву на верность. Однако и в этой системе есть свои недостатки. Пон богат, почти как я, за счет взяток и поборов. Об этом узнаёт всякий, кто становится одним из Девятерых. Некоторые чуть не лопаются от злости, зато в наши дела не лезут посторонние. И самое главное, благодаря всему этому я до сих пор жива и не лишилась того, чего достигла.

— А каковы намерения Рота?

— Рот только-только к нам присоединился. Ему тайна неизвестна. Пон не сегодня-завтра умрет. Рот полагает, что, как только убьет его, сам станет шингой. Тут-то и обнаружится главный недостаток всей моей секретности: кто настоящий шинга, знают всего восемь человек. Стало быть, Рот должен убедить лишь этих восьмерых в том, что новый шинга — он.

— Если почти все Девятеро так его боятся, как же я займу ваше место?

Мамочка К. улыбнулась.

— Не переживай. Занимай, и все. О твоей безопасности я, разумеется, позаботилась. — Она достала из выдвижного ящика небольшой блокнот в твердом переплете. — Здесь имена моих шпионов. Надеюсь, не нужно тебе объяснять, что эту книжку надлежит как можно

быстрее сжечь?

Джарл взял блокнот.

— Я немедленно выучу записи наизусть.

Мамочка К. откинулась на спинку стула.

— Рот в очень выгодном положении, Джарл. Его все боятся.

— Это и все, что следует запомнить? — спросил Джарл.

— Прости, о том, где хранятся мои богатства, я рассказывать не буду. Старушке важно подстраховаться на случай, если удастся пережить весь этот кошмар. Если же я умру, у тебя будет масса времени на поиски.

— Можно кое о чем с вами посоветоваться? — сказал Джарл. Мамочка К. кивнула. — Я проследил за людьми, о которых вы говорили.

Она не стала засыпать его вопросами, зная наверняка, что он сам все выложит. Они достаточно работали вместе и прекрасно друг друга изучили.

— Да, они явно были колдунами. Устроили засаду Регнусу Джайру по дороге, к северу от города. Почти все воины погибли. Не выжил бы никто, если бы не сопровождавший их маг.

Мамочка К. удивленно приподняла бровь.

— Я наблюдал за ними с приличного расстояния, но, похоже, Регнус и маг поссорились сразу после битвы и поехали каждый своей дорогой. По моему предположению, лорд Джайр не знал, что этот человек — маг.

— Говоришь, он одержал победу над несколькими колдунами?

— Все самое неожиданное вытворяли они, но когда дым рассеялся — в прямом смысле, — на дороге стоял только этот маг. По-видимому, он сопротивлялся разумом. Двух колдунов просто сбил с толку, а потом их уничтожили воины лорда Джайра. Третьего колдуна убила собственная лошадь. Сам я в магических делах ничего не смыслю, так что, может, что-нибудь ускользнуло от моего внимания, но в общем и целом все случилось именно так.

— Продолжай.

— У лорда Джайра остался лишь один воин. Они проехали по городу окружным путем и приблизились к имению Джайров за полночь. Вы слышали, что там произошло?

— Всех, кто находился в доме, убили. Хью Висельнику предоставили полную свободу действий.

— Кто? Рот?

Мамочка К. кивнула.

— К сожалению, и клятва мокрушника не всесильна.

— Это не укладывается в голове. Закончилось все тем, что лорд Джайр убедил воинов, приехавших его арестовать, присоединиться к нему. Сейчас они в доме его двоюродного брата, тайком собирают как можно больше людей. А маг — сетец. Его имя — Солон. Фамилии и всего остального я пока не узнал. Полчаса назад он был в «Белой цапле».

— На тебя всегда можно положиться, Джарл.

Он только было собрался задать еще один вопрос, как в дверь постучали. Вошедшая служанка передала Мамочке К. клочок бумаги, а та протянула его Джарлу.

— В самом начале книги — тайнопись.

Через минуту Джарл расшифровал сообщение.

— Пон Драдин мертв. — Он взглянул на Мамочку К. — И что мне теперь делать?

— Решай сам, мой дорогой ученик, — ответила она.

— Кайлар, нам надо побеседовать о будущем, — сказал граф Дрейк.

Только побыстрее, подумал Кайлар.

Граф достал из жилетного кармана пенсне, но не надел его, а заговорил, размахивая им в воздухе:

— У меня для тебя есть предложение, Кайлар. Я долго раздумывал над этим. Не твое

это дело — быть мокрушником. Нет-нет, ты сначала выслушай. Я могу дать тебе возможность начать новую жизнь. Женись на Илене.

— Что, простите?

— Знаю, ты не ожидал услышать ничего подобного, однако подумай об этом.

— Ей всего пятнадцать!

— Нет, я же не говорю: немедленно. Сначала, как мне кажется, вам нужно обручиться. Ты нравишься Илене давным-давно. Подождем годик-другой, посмотрим, что из этого выйдет. А ты пока изучишь, как вести мои дела.

— Что-то я не очень понимаю, сэр. Вернее, совершенно ничего не понимаю.

Граф постучал пенсне по ладони.

— Я даю тебе шанс отказаться от прежней жизни, Кайлар. Обучись моему ремеслу и однажды займешь мое место. Я уже разговаривал с королевой, она готова дать согласие. Более того: можно устроить все так, что ты заберешь и мой титул. Ты станешь графом, Кайлар. Понимаю, ничего особенно заманчивого в этом нет, зато все будет по закону. И тебе больше не нужно будет никем притворяться.

Кайлар приоткрыл рот.

— Я заберу ваш титул? Что это значит?

— То, что мне он совершенно ни к чему. От него никакого проку. К тому же у меня нет сыновей и передавать титул по наследству некому. Тебе он нужен, а мне нет. Я передаем его тебе, даже если ты не желаешь обручаться с Иленой. И у тебя появится время. Время подумать о том, на что бы ты хотел потратить свою жизнь. Но самое главное, ты освободишься. От них от всех.

Освободишься. Граф имел в виду Са'каге. О более благородном поступке Кайлар не слыхивал никогда в жизни. После прошлой ночи, увы, что-либо менять было слишком поздно.

Он уставился в пол.

— Ничего не получится, сэр. Мне безумно жаль. Поверьте, я… Вы чересчур добры ко мне, я этого не заслуживаю. Понимаете, все это… — Он кивнул на окно. За садовым столом сидели Логан и Сэра. — Такая жизнь, по-моему, не для меня…

— Я знаю, что ты задумал съехать от нас, Кайлар.

— Да, сэр, — ответил Кайлар.

— Когда же?

— Мне следует уйти, не теряя ни минуты.

— По-видимому, сам Бог отправил меня сюда именно сейчас. Дарзо, наверное, не велит тебе слушать мои проповеди, угадал?

Граф Дрейк смотрел в окно. Его голос звучал печально.

— Он говорит, что, если я буду к вам прислушиваться, это меня погубит.

— Вполне справедливое утверждение. — Граф взглянул на Кайлара. — Раньше он работал на меня. Ты об этом знаешь?

— Работал на вас? Дарзо?

Губы графа Дрейка тронула улыбка.

— Когда? Прежде чем стать мокрушником?

Кайлар не мог себе представить Дарзо Блинта в другой роли, однако предполагал, что тот не всю жизнь был убийцей. Граф Дрейк покачал головой.

— Нет. Он принимал у меня заказы и убивал людей. Так мы и познакомились. Поэтому он и доверил мне тебя. Дарзо мало с кем общается, ты сам знаешь.

— Вы? Вы заказывали убийства?..

— Потише. Графиня, конечно, в курсе, но девочек пугать совсем ни к чему. Я не хотел читать тебе моралей, Кайлар. Вот и решил открыть правду, чтобы ты знал, какой у меня за плечами опыт. Может, зря. Один святой как-то раз сказал: «Проповедуйте при каждом удобном случае. Сделайте слово своим главным орудием». Уделишь мне несколько минут?

Кайлар чуть не ответил отказом. Он заранее не верил в то, что собирался ему поведать

глубоко уважаемый им человек, а главное, не хотел терять время. Казалось, вот-вот кто-нибудь вбежит и заявит, что вчера вечером Кайлар совершил кражу, и умиротворение сегодняшнего утра лопнет, точно мыльный пузырь. Логан узнает, кого числил ближайшим другом, Сэра возненавидит его больше прежнего. На лице графа отразится разочарование, и сердце Кайлара сожмется от боли. Граф никогда в жизни не узнает, сколько хорошего Кайлар совершил вчера вечером и как рисковал жизнью, и разочаруется в нем бесповоротно. Впрочем, сейчас не следовало об этом задумываться.

— Конечно, — ответил он, зная, что иначе нельзя.

Граф воспитал Кайлара, подарил ему невозможную для цехового крысенка жизнь. Кайлар был его должником.

— Мой отец унаследовал от деда приличное состояние, настолько приличное, что мог водить дружбу с Гордином Грэзином, Брэндом Уэссеросом и Дарвином Макеллом. О Макеллах ты, наверное, даже не слышал, их уничтожили во времена Восьмилетней войны. Но дело не в них. Отец старался произвести впечатление на герцогских сыновей, поэтому сорил деньгами. Устраивал веселые празднества, играл в азартные игры, платил за дружков в борделях. Он остался без отца совсем молодым, вот и начал дурить. Разумеется, кутежи и шикарная жизнь закончились разорением. Отец наложил на себя руки. А мне пришлось девятнадцатилетним мальчишкой стать во главе обнищавшей семьи. Я мог бы заняться коммерцией, благо умом меня Бог не обделил, но я считал ее ниже моего достоинства. Как многие другие, кому нечем гордиться, я чрезвычайно много мнил о себе.

Однако семейные долги надо было платить. Естественно, один из кредиторов моего отца предложил мне способ добыть «легкие деньги». Так я стал работать на Са'каге. Человека, который меня завербовал, звали Трематир. Будь он поумнее, он устроил бы все так, что мой долг только возрастал бы. Однако мне довольно скоро удалось вычислить, по каким законам деньги попадают к людям в руки, и вскоре я стал разбираться в делах лучше, чем Трематир. Как ни странно, я был куда менее брезглив.

С тех пор я стал вкладывать деньги во все, что только давало прибыль, особенно в бордели, которые предлагали все мыслимые и немыслимые услуги, совершенно не смущаясь их извращенностью. Я завел игорные дома и выписал со всего света лучших шулеров, чтобы обирать посетителей. Я снаряжал экспедицию за пряностями и платил стражникам, чтобы товар не проверяли. Когда над одним из моих дел нависла серьезная опасность, я нанял бандитов, и они все уладили. В тот первый раз один человек по случайности погиб. Я страшно переживал, хоть и недолюбливал его, а потом утешился мыслью, что иначе я поступить не мог и что стараюсь на благо семьи. Потом начались разногласия с Трематиром, и мне пришлось нанять Дарзо. Глупец! Я совсем не подумал о том, что сначала он пойдет за разрешением к шинге. Удивительно, но позволение дали. Так я стал в Са'каге мастером-монетчиком.

Кайлар отчетливо слышал каждое слово и не верил ни одному. Нет, граф Дрейк, в чьем доме Кайлар вырос, не способен на то, о чем толкует. Римболд Дрейк — один из Девятерых? Бред, да и только!

— Я много путешествовал, заключал сделки в других государствах, и мне сопутствовала удача. В ту пору меня и посетила одна безумная идея. Тогда я не задумывался о том, насколько это ужасно, даже гордился своей смышленостью. С долгами к этому времени я уже рассчитался, но теперь мне захотелось по-настоящему разбогатеть. Я продал свою идею Са'каге. На осуществление плана у нас ушло десять лет. Мы рассадили по определенным местам своих людей и легализовали рабство, конечно в ограниченной форме. Порабощать можно было лишь преступников и нищих — словом, тех, кто не в состоянии позаботиться о себе сам. В борделях стали работать девушки-рабыни, которым не надо было платить. Мы начали проводить «Игрища смерти» (еще одна моя блестящая придумка), и ими буквально заболело все королевство. Для этого построили специальную площадку, установили входную плату, издали закон, позволявший только нам торговать во время «Игрищ» закусками и напитками, принимали ставки на бои, исход которых обычно сами и

назначали. Словом, деньги потекли к нам рекой, а я стал так часто нанимать Дарзо, что мы подружились. Даже он принимал не все мои заказы. У него было железное правило: убивать только тех, кто пытался присвоить мои заработки. Чтобы убрать кого-то, кто просто желал меня остановить, я обращался к Андерсу Гурке, или Резаному Враблю, или Джонусу Рубщику, или Хью Висельнику.

— И, представь себе, я не считал себя дурным человеком. «Игрища смерти» меня не восторгали, я не ходил на них, не бывал ни на галерах, где умирали прикованные к веслам рабы, ни на детских дворах, многие из которых служили детскими борделями. Я ни разу в жизни не ездил на места совершенных Блинтом преступлений. Всего лишь говорил нужные слова, и деньги дождем сыпались мне на голову. Самое смешное, я не страдал жаждой власти. Просто знал, что я самый богатый человек в королевстве, если не брать в расчет некоторых герцогов, шингу и короля. И меня это устраивало. Я был живучим и умел конкурировать, в противном случае шинга бы давным-давно меня прикончила. К счастью, она не видела во мне угрозы, и Дарзо ей говорил, что я безопасен. — Граф покачал головой. — Объясняю путано, ты уж прости. Давненько я не вспоминал об этом. — Он вздохнул. — Потом я влюбился в одну женщину. Не знаю, почему меня так влекло к Улане. Нет, это было не просто увлечение, я совсем потерял голову и долго не мог понять почему. Какое-то время я умышленно избегал встреч, потому что в ее присутствии ужасно мучился. Потом мне все стало ясно. Я прикипел к ней душой, потому что она была совсем не такой, как я. Меня поражала ее чистота. Странно, но Улана меня тоже полюбила. Разумеется, ей и в голову не приходило, чем я занимаюсь. Все свои дела я проворачивал под вымышленными именами, люди понятия не имели, откуда берутся мои богатства. Чем глубже я погрязал в гнусности, тем сильнее любил Улану и тем больше терзался угрызениями совести. Как такое возможно? Жить в кромешной тьме и любить свет?

Кайлару захотелось кое о чем спросить, но он постеснялся.

— В конце концов Улана занялась вопросом рабства и однажды решила посетить детские дворы, галеры и арены для боев. Я не мог отпустить ее одну и впервые в жизни увидел плоды своих «трудов». — Взгляд графа устремился куда-то вдаль. — О, Кайлар! Если бы ты знал, как Улана вела себя с этими несчастными! Среди ужаса, вони и отчаяния она казалась дыханием надежды, светом в сотворенном мною мраке. Я видел, как раб-борец, убивший на арене пятьдесят человек, плакал от одного ее прикосновения.

Моя жизнь будто перевернулась с ног на голову. Я решил измениться, но, подобно большинству нравственных трусов, не хотел платить полную цену. Поэтому и отправился в Сет, где рабы живут совсем иначе, а вернувшись, тайно помог провести закон, ограничивающий срок рабства семью годами. Са'каге не стали возражать, однако добавили к указу хитрый пункт, и все оставалось почти по-прежнему. Как-то раз Улана, уже будучи моей невестой, пришла ко мне вся в слезах. Экипаж, в котором ехали ее родители, перевернулся. Мать была при смерти. Улана хотела, чтобы я побыл с ними рядом. А Девятеро в этот самый день устраивали в моем салоне собрание, потому что король Дейвин собирался запретить рабство, из-за чего мы бы, естественно, лишились миллионов. Угадай, кому я отказал, Кайлар?

— Девятерым? — в ужасе спросил Кайлар. Такая дерзость могла стоить графу жизни.

— Улане.

— Черт! Гм… Простите.

— Ты не зря вспомнил черта Я именно так себя почувствовал — переполненным чертовщиной. Потому и обратился к Богу. И понял, что не могу жить по-прежнему. Я как будто умер внутри. Однако я не мог порвать связь с Са'каге — меня бы сразу убили. Нельзя было и передать свою империю в руки человека, который в состоянии успешно вести дела, и я специально подыскал таких преемников, которые в два счета все загубили. Вот как я поступил. А деньги потратил на восстановление всего хорошего, что погибло моими стараниями, и на разрушение всех созданных мною мерзостей. Покончив с этим делом, я обнаружил, что остался без гроша, что мне больше не на что кормить семью и что вокруг

меня десятки богатых врагов. Я отправился к Улане, обо всем ей рассказал и расторг помолвку.

— Как она к этому отнеслась? — спросил Кайлар.

— Правда убила ее. Ей казалось, что она знает меня прекрасно, а выяснилось, что я для нее чужак. Прошло какое-то время, и Улана простила меня. Я не мог в это поверить. Сам я простил себя гораздо позднее. Через год после того, как рабство отменили окончательно (не без моих усилий), мы поженились. Мне пришлось двадцать лет работать, не покладая рук. Моя прошлая жизнь время от времени напоминает о себе, порой приходится страдать и из-за нынешней. Знаешь ведь, как аристократы смотрят на тех, кто зарабатывает собственным трудом. Но моя совесть чиста, потому что теперешние наши деньги не выпачканы кровью. Бог слишком добр ко мне. У нас есть все необходимое, дети не перестают радовать. К Сэре посватался Логан, она ответила согласием. У меня теперь появится сын. Я просто счастливец. А рассказать тебе о своем прошлом следовало давно. Может, кое о чем ты уже слышал от Са'каге.

— Нет, сэр. Я и предположить не мог… — ответил Кайлар.

— Теперь, думаю, ты сознаёшь, что я все прекрасно понимаю. Я не понаслышке знаю, что такое работать на Са'каге и чего стоит разрыв с ними. Господь ко мне милостив, не заставил меня платить по всем счетам. Но пока я сам не захотел изменить свою жизнь, все шло как прежде. Сожалеть о содеянном мало, надо искренне покаяться. Я понял, что рабство не привело к добру, и стал страдать, однако не сразу взвалил на свои плечи всю ответственность. А как только сделал это, Бог стал мне помогать.

— Но, сэр, как же вам удалось выжить? Вы ведь не просто отошли от дел, а разрушили то, на чем зарабатывались миллионы!

Граф Дрейк улыбнулся.

— Мне помогает Господь, Кайлар. Господь и Дарзо. Ему я почему-то нравлюсь. Конечно, он считает меня дураком, но защищает. Дарзо очень влиятелен.

Спасибо, что напомнили, подумал Кайлар.

— Я к тому это все говорю, чтобы ты понял: если очень захочешь изменить жизнь, все в твоих руках. Конечно, первое время тебе будет не хватать того, чем ты занимался, я имею в виду… Ты достиг в своем деле высот, а быть профессионалом — удовольствие. Может, тебе придется расплатиться за былые грехи, но еще не поздно прекратить грешить. Выход есть из любого положения. Если ты чувствуешь, что ради спасения готов на что угодно, Бог даст тебе возможность искупить вину. В общем, я хочу сказать: чудеса случаются. Как, например, вот это. — Граф посмотрел в окно и покачал головой. — Моя дочь выходит замуж за необыкновенно достойного человека. Да пребудет с ними Господь!

Кайлар заморгал, прогоняя из глаз слезы, поэтому не сразу обратил внимание на то, что граф наклонился ближе к стеклу и смотрит на парадные ворота. Кайлар проследил его взгляд и увидел проходящих мимо старого привратника воинов. Кайлар уже готов был выскользнуть из комнаты, но заметил, что воины не собираются заходить внутрь, а остановились перед Логаном и Сэрой. Граф распахнул окно. Капитан развернул свиток и громко прочел:

— Герцог Логан Джайр, вы арестованы по обвинению в государственной измене за убийство принца Алейна Гандера.

46

Граф Дрейк тотчас выбежал из комнаты. Кайлар последовал за ним, однако внизу, на том самом месте, где десять лет назад подрался с Логаном, замедлил шаг. Ему не следовало выходить. Времени раздумывать, что знают воины, у него не было, а раз уж Логана обвинили в убийстве принца, то могли и любого другого счесть виновным в чем угодно. Король совсем спятил. Словом, как бы ни обстояли дела, привлекать к себе внимание воинов не стоило.

Однако, заметив растерянность на лице Логана, Кайлар обозлился. Низкие и мелкие люди спокойно обезоруживали молодого лорда, а тот стоял и смотрел на них глазами собаки, которую без причины пнули. Выругавшись на себя за медлительность, Кайлар устремился вслед за графом Дрейком.

— Я требую объяснений! — воскликнул тот.

Двигаться ему, несмотря на хромоту, удавалось величественно. Все посмотрели на него.

— Мы… Нам приказано арестовать его, сэр, — неуверенно проговорил капитан, невысокий плотный человек с желтой кожей и миндалевидными глазами.

Казалось, что он охотно смылся бы отсюда и лишь неимоверным усилием воли держит себя в руках.

— Вы собираетесь арестовать герцога, но у вас нет соответствующих полномочий, капитан Артуриан. Согласно третьей поправке к общему праву, сделанной на восьмом году правления короля Гурола Второго, арестовывать герцогов в нашем королевстве можно лишь на основании специального предписания, веских доказательств и в присутствии двух свидетелей. Заключение в тюрьму может быть осуществлено тоже лишь при строгом соблюдении ряда условий.

Капитан Артуриан сглотнул.

— Гм… говорите, специального предписания и веских доказательств? Имеете в виду, мы должны предъявить труп и привести свидетелей?

— Никакого трупа у вас нет, — сказал граф Дрейк.

— Он как раз-таки имеется, сэр. Тело принца обнаружили вчера ночью в имении Джадвинов. А доказательства очевидны… Но об этом лучше не будем.

— Если вы немедленно не оставите герцога Джайра в покое, я как хозяин этого дома и представитель знати имею полное право, даже обязан встать на его защиту с оружием в руках, — пригрозил граф Дрейк.

— Да мы вас в два счета прикончим, — смеясь, сказал другой воин.

— Это будет расценено как разжигание гражданской войны. Желаете отправиться за решетку? — спросил граф.

Воин притих, а на лицо Вина Артуриана легла мрачная тень.

— Либо назовите причину, по которой в высшей степени благородный герцог Джайр мог убить одного из своих самых близких друзей, либо немедленно оставьте нас.

— Милорд, — сказал капитан Артуриан, потупляя взгляд. — Простите меня… но причина — обыкновенная ревность.

Кайлар посмотрел на Сэру. Она стояла, потрясенная новостью. Чем больше смущался капитан, тем сильнее Сэра напрягалась, будто догадываясь, что последует дальше.

— Герцог Джайр узнал, что принц… состоял в любовной связи с вашей дочерью.

— Вздор! — крикнул Логан. — Ничего более нелепого я в жизни не слыхивал! Она и со мной-то не состоит в связи, а я ее жених. Подумать только! И Алейн, хоть и любит поразвлечься, в жизни бы не позволил себе… — Он взглянул на невесту и умолк на полуслове. — Сэра, ты ведь?.. Нет, такого не может быть. Скажи, что ничего подобного не было…

Казалось, из его груди вырвали душу и обстреляли ее из всех луков в мире.

Сэра взвыла нечеловеческим голосом, но ни один из мужчин не двинулся с места. Она умчалась в дом, однако никто не проводил ее даже взглядом. Всеобщее внимание было приковано к убитому горем Логану.

Он повернулся к графу.

— Вы об этом знали?

Римболд Дрейк покачал головой.

— Я не знал, кто именно с ней был. Она мне сказала, что во всем тебе призналась и что ты ее простил.

Логан перевел вопросительный взгляд на Кайлара.

— Я знал ровно столько же, — тихо ответил тот.

Логан с трудом дышал.

— Капитан, — сказал он. — Я пойду с вами.

По сигналу капитана тот воин, который смеялся, вышел вперед и стал надевать на Логана наручники.

— Да уж, приятель, — почти шепотом произнес он, однако в полной тишине его слова услышали все. — Вставить не привелось, да еще и подставили…

Кайлар второй раз в жизни увидел, как Логан выходит из себя, но десять лет назад он был еще ребенком и не обладал и половиной нынешней мощи. То, как напружились его мышцы, заметить успел бы, пожалуй, только мокрушник, и только мокрушнику удалось бы увернуться от сокрушительного удара. Воин в любом случае ничего не смог бы предпринять. Вскинув руку за полсекунды до того, как к ней приблизился второй наручник, Логан вмазал обидчику по лицу. Кайлару в жизни не доводилось видеть столь впечатляющих ударов. На подобное был способен, наверное, лишь мастер Блинт с его подкрепленными *талантом* умениями. Однако даже в его руках не сосредотачивалось столько немыслимой силы.

Воин отлетел назад. В прямом смысле слова. Оторвался от земли и врезался в стоявших чуть поодаль товарищей. Кайлар выхватил из ножен кьюрский меч еще то того, как воин упал на землю, однако к битве присоединиться не успел — граф Дрейк схватил его за руку.

— Не надо! — воскликнул тот.

Логан ревел, как раненое животное; воины всей гурьбой ринулись к нему.

— Не надо… — повторил граф Кайлару. — Уж лучше… — Его лицо тоже искажалось от муки. — Лучше уж терпеть чужое зло, чем самому его творить. Я не позволю тебе убивать в моем доме невиновных.

Логан не стал продолжать драку. Воины повалили его на землю, сковали по рукам и ногам и лишь после этого подняли.

— Как граф вас назвал? — вдруг спросил капитан Артуриан, поворачивая голову. — Кайлар? Кайлар Стерн?

Кайлар кивнул.

— Именем короля вы обвиняетесь в измене, в сотрудничестве с Са'каге, в принятии денег за убийство и в убийстве принца Алейна Гандера. У нас есть и свидетели, и труп, и основания, граф Дрейк. Ребята, арестуйте его.

Капитан оказался не дурак. А Кайлара настолько потрясло происходившее с Логаном, что он и не заметил, как его окружили воины. По знаку капитана двое из них схватили Кайлара за руки.

Он дернулся вперед, тут же подался назад и вырвался из кольца. Это вновь разбудило его *талант,* и Кайлар опять почувствовал небывалую силу. Воины сбились в кучу, готовясь отразить удар Кайларова меча. Ему ничего не стоило, несмотря на их гамбезоны из вываренной кожи, выпустить кишки каждому, однако он не стал этого делать, а вернул меч в ножны и выпрямился (оттого что он толкнул первых двух воинов гораздо сильнее, чем рассчитывал, его до сих пор отклоняло в противоположную сторону; как ему удалось при этом выхватить из ножен меч и тут же убрать его, оставалось загадкой).

С легкостью сделав сальто назад, Кайлар повернулся, перебежал к двенадцатифутовой стене, огораживавшей небольшой садик графа Дрейка, подпрыгнул и с удивлением заметил, что стена сама перебросила его на другую сторону. Лишь благодаря тому, что Кайлар сжался в комок, и с помощью каких-то неведомых сил он сумел приземлиться без переломов и ушибов и тут же вскочил на ноги.

Изнутри раздавались крики, но Кайлар не разбирал слов. Теперь он был настоящим мокрушником и прикидывал, что бы по этому поводу сказал Блинт. Осуществилась мечта всей Кайларовой жизни, а на сердце, как никогда прежде, скребли кошки.

— Как все прошло? — спросил Агон у капитана Артуриана.

Они вместе шагали по коридору замка, направляясь в подземелье.

— Ужасно… Просто ужасно, сэр. Это задание было одним из самых неприятных в моей жизни.

— Мучаетесь угрызениями совести, капитан? Говорят, вы чуть не потеряли одного из бойцов.

— Может, не мое это дело, лорд-генерал, но видели бы вы лицо Логана. Он невиновен, голову даю на отсечение!

— Знаю, знаю и собираюсь сделать все, что в моих силах, чтобы его вызволить.

Они прошли мимо стражников у ворот, разделявших ходы под замком и подземную тюрьму. На верхнем уровне располагались темницы для знати — тесные, но не без некоторых удобств, а в сравнении со всеми остальными, можно сказать, даже роскошные. В одну из них Агон поместил и Элену, хотя по социальному положению она такого не заслуживала. Упечь ее в нижний ярус тюрьмы лорд-генерал не смог. «Если король начнет задавать вопросы, — решил он, — скажу, что не хотел отправлять ее слишком далеко, чтобы можно было беспрепятственно продолжать допрос».

Остановившись у камеры Логана, Агон спросил:

— А о том, что случилось в его доме, ему известно, Вин?

Капитан покачал головой.

— Одного из нас он и так чуть не убил, сэр. Сообщи мы ему такую новость, неизвестно, что бы последовало дальше.

— Разумно. Спасибо.

Своему подчиненному Агон спокойно сказал бы «свободен», однако, занимая нынешний пост, командиром королевской гвардии он формально не был. По счастью, они с капитаном Артурианом прекрасно ладили. Капитан тотчас понял намек, извинился и пошел прочь.

Сообщать человеку, которого только что незаслуженно обвинили в убийстве, о гибели его матери и всех домашних — задачка не из легких, но подобные дела входили в обязанности Агона. Уклоняться от выполнения долга было не в его правилах.

Прежде чем отомкнуть замок, он постучал в дверь, будто пришел в гости, и не к заключенному, а к хорошему знакомому. Ответа не последовало.

Лорд-генерал открыл дверь. Камеры аристократов были по десять квадратных футов каждая, со стенами из тщательно отшлифованного камня, что значительно снижало вероятность самоубийств. Каменная скамья служила кроватью, раз в неделю меняли сено. Подобие кровати и свежая соломенная подстилка считались роскошествами по сравнению с общими камерами; однако вонь узилища проникала и сюда.

Логан, казалось, пребывал в полузабытьи. Выглядел он ужасно. По избитому лицу катились слезы. Его взгляд переместился на вход, однако вошедшего Агона он увидел далеко не сразу. Создавалось впечатление, что Логан потерялся в пространстве и времени. Взлохмаченный и мрачный, он сидел, сгорбившись и держа руки ладонями вверх. На одной из его ручищ лежала женская ладонь: королева сидела рядом с Логаном и успокаивала его, точно ребенка.

«Благослови ее Господь», — подумал Агон, догадываясь, что королева сама сообщила Логану страшную весть.

Король Алейн IX не дорожил тем, что имел. Налия могла стать для него лучшим помощником и другом. Нет, с Алейном это было невозможно. Вот если бы его пост занимал Регнус Джайр… Налия даже радовалась, что муж не допускает ее до государственных дел, и сосредотачивала все свое внимание на четверых — теперь троих — детях. Алейн давно догадывался, что, если бы не сын и дочери, она бы погибла.

— Ваше величество. Милорд, — произнес Агон.

— Не возражаете, если я не буду вставать? — спросил Логан.

— Конечно. Не беспокойтесь.

— Одни говорят, что мой отец тоже мертв. Другие — что их всех зарезал именно он, что король отправил людей для его ареста за убийство моей матери. Как все случилось на

самом деле?

— Насколько мне известно, ваш отец жив. Он вернулся всего лишь с одним или двумя воинами — на въезде в город им устроили засаду. Кому-то понадобилось убрать всех Джайров, за исключением вас. Правильно, вашего отца собирались арестовать, но не по распоряжению короля. Кто отдал этот приказ, я пока не выяснил. А стражники либо уехали из города, либо присоединились к вашему отцу.

— Лорд-генерал, Алейна убил не я, — сказал Логан. — Он был моим другом. Даже если и в самом деле… совершил то, что они говорят.

— Знаю. Мы с королевой уверены, что его убили не вы.

— Вы знаете, что мы вчера вечером разговаривали? Он знал, что я собираюсь сделать предложение Сэре, и пытался отговорить меня. Напомнил мне о слухах, которые про нее распускают, даже высказал безумную мысль, что мне следует жениться на Дженин. Мне это показалось странным, но я решил, что в нем говорит великодушие. Оказывается, никаким великодушием там и не пахло. Он просто чувствовал свою вину. Чтоб его!.. — Логан взглянул на королеву. — Простите. Не следует мне так говорить… Я безумно зол и при этом тоже ощущаю себя виноватым. Я бы простил их, ваше величество. Ей-богу, простил бы. Почему они сами мне во всем не признались?

Какое-то время он и королева беззвучно плакали. Она сжимала его руку.

Наконец Логан взглянул на Агона.

— Еще они сказали, что это сделал Кайлар. Во дворе графа Дрейка. Он сбежал. Но… разве такое возможно?

Боги! Парнишка только что узнал о предательстве невесты и принца и хотел выяснить, не предал ли его и второй близкий друг. Агон понятия не имел, по силам ли Логану выдержать столько ударов, но он имел право знать правду. Усугублять его страдания ложью Агон не мог себе позволить.

— Я уверен лишь в том, что Кайлар был поблизости, когда погиб принц. И в том, что он мокрушник. Настоящие ли эти его имя и фамилия, пока не могу сказать. Мы отправили всадника в имение Стернов, но на дорогу туда и обратно ему потребуется не меньше двух недель. Ничего другого пока сообщить не могу. Делаю все, что в моих силах.

— Спасибо, что пришли ко мне, — сказал Логан, выпрямляя спину. — Боюсь ошибиться, но мне подсказывает чутье, что вам обоим что-то от меня нужно. Простите, я еще не пришел в себя. Дайте мне опомниться от всех этих ужасов.

Лорд-генерал и королева обменялись многозначительными взглядами. Генерал сказал:

— Вы правы, Логан. Видите ли, королевство в опасности. Я искренне сочувствую вам и хотел бы дать вам столько времени, сколько потребуется. Сами же знаете: ваш отец — мой очень дорогой друг. То, что случилось у вас дома, для меня трагедия. С подобными зверствами мне еще никогда не доводилось сталкиваться. Однако мы вынуждены попросить вас не предаваться чувствам. Не знаю точно, насколько велика опасность, однако предполагаю, что поводов для тревоги у нас более чем достаточно. Когда десять лет назад король задумал тем или иным способом отделаться от вашего отца, именно я предложил отправить его на Воющие Ветра. Благодаря ему перевал превратился в неприступную твердыню. Я думал, что халидорцы рано или поздно все равно прорвутся в Сенарию, но, очевидно, благодаря вашему отцу этого до сих пор не случилось. Большинство сенарийцев верит, что Халидор отказался от своих намерений. В противном случае нам не уцелеть. По-видимому, принц, ваша матушка и прислуга — первые невинные жертвы начавшейся войны. Война эта особенная, нового вида — людей убивают не воины, а наемные душегубы. Противостоять армии неприятеля мы умеем, ибо специально обучены этому делу. Убийцы — совсем другая история.

— Королева, прошу прощения, с какой стати я должен печься о том, слетит ли голова с плеч короля? Джайров он всегда недолюбливал.

— Хороший вопрос, — сказала Налия.

— Хотя бы из соображений самосохранения, — ответил Агон. — Только задумайтесь:

если король умрет, то вы либо навек останетесь в подземелье, либо убьют и вас. К тому же, если короля не станет, вспыхнет гражданская война. Войска отзовут к домам аристократов, и халидорцы беспрепятственно перейдут границу. А одержать над ними победу мы не сможем, даже действуя сообща. У нас есть единственный путь: настолько затруднить вторжение неприятеля, что он сам откажется от своих намерений. Если же наша армия распадется на мелкие группки, Сенарию вмиг захватят.

— По-вашему, короля вот-вот убьют? — спросил Логан.

— Не исключено. Это может случиться в ближайшем будущем. Однако планы Халидора осуществимы лишь при определенном развитии событий, Логан. Пока что все идет, как им нужно. Вас арестовали. По городу, вне всяких сомнений, распускаются слухи о том, что во всем произошедшем повинен король. Мы должны сделать что-нибудь такое, чего Халидор никак не ожидает.

— Что именно?

— Халидорцы наняли Хью Висельника, одного из лучших в Сенарии мокрушников, — сказала королева. — Если он согласится убить Алейна, думаю, запросто сможет это сделать. Надо сорвать планы Халидора. Вероятно, это наш единственный выход. Следует подготовить наследников. В мирные времена, или будь она взрослее, на трон могла бы взойти Дженин. Но мы на грани войны — многие дома в столь суровую пору откажутся подчиняться женщине. По этой же причине и мне не стоит пытаться брать власть в свои руки.

— Что же делать? Хотите обзавестись еще одним сыном?

Агон помрачнел.

— Вроде того.

— Наследником должен стать всеобщий любимец, — сказала королева. — Тот, кто сможет опять убедить народ в том, что король — опора и защита, что его слово нельзя подвергать сомнению.

Логан посмотрел на нее и вдруг догадался, к чему они клонят. На его лице отразилась путаница чувств.

— Вы сами не понимаете, о чем толкуете.

— Понимаю, — спокойно ответила королева. — Вы когда-нибудь беседовали обо мне с отцом, а, Логан?

— Бывало. С большим почтением, ваше величество.

— Мы с ним были обручены, Логан. И целых десять лет думали, что поженимся. Мы любили друг друга, надеялись, что когда-нибудь обзаведемся общими детьми, даже выбрали для них имена. У тогдашнего короля наследников не было, а наш брак с Регнусом обещал укрепить положение Джайров. Однако мой отец не сдержал данное твоему деду слово и тайно выдал меня замуж за Алейна Гандера. На церемонии присутствовало ровно столько людей, сколько требовалось для признания бракосочетания действительным. Накануне мне не позволили даже отправить твоему отцу записку. Прежний король прожил еще четырнадцать лет. У меня за это время появились дети, Регнус женился, родился ты, потом он стал главой дома Джайров. А Дом Гандеров выдумал нелепую историю, согласно которой Алейн получил право называться, будто прямой наследник, Алейном IX. После смерти короля Дейвина твоему отцу выдалась возможность побороться за трон, и он бы выиграл в этом сражении, но ради меня и моих детей не стал этого делать. Меня выдали замуж против воли, Логан, за человека, которого я никогда не любила и не смогу полюбить. Я знаю не понаслышке, что такое быть политической игрушкой. Знаю даже то, сколько выгод благодаря мне получило мое семейство.

Говорила она с иронией, спокойно и отчетливо, словом, истинно по-королевски.

— Я до сих пор люблю твоего отца, Логан. За двадцать пять лет мы с ним почти не общались. Ему после моего замужества, чтобы дом Джайров не исключили из общества и не уничтожили, как Макеллов, пришлось жениться на Катринне Грэзин, как я слышала, тоже не по любви. В общем, суди сам, понимаю я или нет, в какое положение тебя ставлю.

Отец Логана никогда не упоминал о своей помолвке с нынешней королевой, но мать всю жизнь на нее намекала, делая непонятные Логану комментарии, обвиняя мужа в связях на стороне, которых у него, насколько знал Логан, никогда не было. Регнус всего лишь раз, потеряв терпение, ответил, что на свете есть единственная женщина, к которой Катринна может его ревновать.

— Надеюсь, твой брак не будет кошмаром, — сказала королева.

Логан уронил голову на грудь и прижал руки к щекам.

— Ваше величество, словами не передать… как я зол на Сэру. Но я дал слово ее отцу, поэтому все равно женюсь на ней.

— Король в интересах королевства вправе аннулировать подобные договоренности, — сказал Агон.

— Мою честь он аннулировать не в состоянии! — воскликнул Логан. — Я поклялся графу! И… черт побери! Я до сих пор люблю Сэру. Да-да, люблю, несмотря ни на что. Послушайте, объясните мне попонятнее… Король что, намерен усыновить меня? Это нечто вроде театрального представления, так понимать? Он хочет, чтобы я побыл его наследником до тех пор, пока у него не появится еще один сын?

— Это представление поможет всему королевству пережить страшные времена, — сказал Агон. — А вашему роду — избежать уничтожения. Если желаете помочь всем вокруг, тогда вам следует выстоять. Конечно, насчет замыслов Халидора мы можем и ошибаться. Тогда вы хотя бы выйдите из тюрьмы и восстановите свое доброе имя.

— Логан, — снова спокойно и величественно произнесла королева. — Это вовсе не представление, но короля мы убедили в том, что это будет игра. Он низкий человек и, будь на то его воля, в жизни бы не позволил сыну Регнуса приближаться к трону.

— Ваше величество, — вмешался Агон. — Наверное, не стоит посвящать Логана…

— Нет, Брэнт. Человек обязан знать наверняка, за что он берется. — Королева выразительно посмотрела лорду-генералу в глаза, на миг потупилась и взглянула на Логана. — Я возлагаю море надежд на своих детей, Логан, а в смерти Алейна виню своего мужа. Если бы он не путался с этой шлюхой Джадвин… — Она часто заморгала, больше не желая лить слезы. — Дарить королю детей я больше не желаю. И никогда в жизни не лягу с ним в постель. Если он вздумает взять меня силой, я воспользуюсь услугами мокрушника и лучше умру. Я к тому это все говорю, Логан, что следующим королем можешь стать ты.

Логан ничего не ответил.

— Многие другие на вашем месте ухватились бы обеими руками за возможность получить такую власть, — сказал Агон. — Разумеется, большинство из них стали бы отвратительными королями. Вы же не просто подходите на эту роль, вы единственный, кто с ней справится.

— Логаном мы с Регнусом планировали назвать нашего первого сына, — сказала королева. — Я знаю, о чем прошу тебя, Логан. Я прошу…

47

Игра шла совсем не так, как хотелось. Отдельные фрагменты лежали перед Дорианом, подобно враждебным армиям. Впрочем, в его игре это и были армии, только большинство воинов не носили форму, и даже те, кто носил, двигались неохотно. Король Дурак позорил Командира. Король Нежелание преклонял колени. Засекреченный Маг спас его от гибели. Ходячая Тень и Куртизанка никак не могли решить, на чьей они стороне. Мальчик-по-Найму умел быстро двигаться, но был слишком медлителен. Принц Крыс командовал мерзавцами, готовившимися хлынуть из Крольчатника волной человеческих отбросов. Даже Принцу Негодяю и Кузнецу отводились роли, однако…

Бабах! Рассматривать картинки было непросто. Порой внимание сосредотачивалось лишь на одной, и тогда рядом возникали ее возможные варианты: в лицо Командиру кричит пьяный король; Ходячая Тень встречается с Учеником. Потом кусочки перемещались,

останавливались каждый в определенном месте, возникали изображения. Вот Кузнец семнадцать лет спустя. Он склонился над горном и приказывает сыну не отвлекаться от работы. Следовало вычислить, как устроить все так, чтобы Фир дожил до этих дней. Каким образом?

А куда подевался Похищенный?

Порой Дориану казалось, что сам он — легкий ветерок над полем брани. Ему открывалась полная картина, но вмешаться в ход событий он не мог, в его силах было разве что отклонить стрелу-другую с заданного смертоносного курса.

А Секретный Маг где? Ах да…

— Открой дверь, быстрее, — распорядился Дориан.

Точивший меч Фир поднял глаза. Друзья находились в небольшом домике, который сняли, поскольку Дориан предсказал, что здесь их никто не потревожит. Фир встал и открыл дверь.

Мимо проходил человек, направляясь куда-то по улице. Его прическа и поступь показались Фиру знакомыми. Заметив рассматривавшего его светловолосого здоровяка, прохожий схватился за меч и повернул голову.

— Фир?

Фир и Солон растерялись. Дориан крикнул:

— Идите сюда! Оба!

Солон и Фир вошли внутрь, Фир проворчал, что Дориан вечно ничего ему не рассказывает. Тот лишь улыбнулся в ответ и подумал: «Много будешь знать — скоро состаришься». Он и сам нередко до последнего не обращал внимания на главное.

— Дориан! — воскликнул Солон, обнимая старого друга. — Мне полагается свернуть тебе шею! Если бы ты только знал, чем для меня закончилась история с лордом Джайром!

Дориан засмеялся, пожимая руки Солона. Он все и так знал.

— О, мой друг! Ты отлично справился с задачей.

— И здорово выглядишь, — заметил Фир. — Уезжая, ты был толстоват. А после десятка лет военной службы стал просто красавцем!

Солон улыбнулся, но улыбка быстро растаяла на его губах.

— Дориан, послушай-ка, это очень важно: кого ты имел в виду? Логана или Регнуса? Ты сказал: «лорд Джайр», а не «герцог Джайр». Когда я приехал сюда, то обнаружил, что лорда Джайра два. Правильно ли я поступил?

— Да-да. Ты был нужен обоим и неоднократно спасал и первого, и второго. Знать все тебе и не следовало. — Пожалуй, самая большая заслуга Солона состояла в том, что он поддержал дружбу Логана и Кайлара, однако сам он об этом, скорее всего, даже не догадывался. — Буду с тобой честен: я не подозревал, что ты сумеешь держать язык за зубами, думал, что откроешь свою тайну при первой же возможности. А лорд Джайр, как мне видится, так или иначе скоро простится с жизнью.

— Я трус, — сказал Солон.

— Брось! — воскликнул Фир. — Называй себя кем угодно, только не трусом.

Дориан молчал; в его глазах отражалось сочувствие. Он-то знал, что Солон помалкивал из трусости, что десятки раз собирался с мужеством, чтобы сказать правду, но слишком боялся утратить дружбу Регнуса Джайра. Самое ужасное, что Регнус все бы понял, даже посмеялся бы. Ложь открылась внезапно, напомнив ему о невесте, тайком проданной другому мужчине.

— Твои силы теперь еще более внушительные, — сказал Солон.

— Ага! — воскликнул Фир. — Он стал совершенно несносным.

— Странно, что братья из Шо'сенди позволили тебе поехать сюда, — произнес Солон.

Дориан и Фир переглянулись.

— Вы что же, отправились в путь без разрешения? — спросил Солон.

Молчание.

— Или уехали вопреки их запрету?

— Хуже, — ответил Дориан.

Фир разразился смехом, и Солон тут же догадался, что у Дориана в голове возник очередной безумный план.

— Так что же вы натворили? — спросил Солон.

— Нет, в самом деле… Он наш, ведь мы его нашли. А у них нет никаких прав, — проговорил Дориан.

— Не верю…

Дориан пожал плечами.

— Где он? — спросил Солон, вдруг все понимая по хитрым взглядам друзей. — Вы привезли его с собой?!

Фир прошел к небольшой кровати и откинул покрывала. Под ними лежал Кьюрох. Ножны были из белой кожи, украшенной золотыми символами и золотым наконечником.

— А где настоящие ножны?

— Такие вот штуки отбивают у меня всякую охоту становиться производителем оружия, — сказал Фир. — Эти ножны и есть настоящие. Но они окутаны толстым слоем магии, она помогает коже сохраняться в первозданном виде. Ни порезов, ни пятен на ней никогда не появится. Украшения — не иллюзия. Они сделаны из чистого золота, закаленного настолько, что ему не страшно ни железо, ни даже сталь. Если бы мне удалось выведать способ подобного закала, двенадцать поколений моих наследников были бы богачами.

— Мы и вытаскивать из ножен-то его не решаемся, не говоря уже о том, чтобы пускать в ход, — сказал Дориан.

— И правильно делаете, — ответил Солон. — А зачем вы его привезли? Тебе явилось какое-нибудь видение, Дориан?

Предсказатель покачал головой.

— Такие мощные артефакты никогда не являются мне в видениях. Подобные вещи и пробуждаемые ими желания затуманивают глаза.

Внезапно он снова будто выпал из действительности. Перед его взором поплыли немыслимые картинки. Солон преодолевает невероятные испытания. Солон — седовласый старик, точнее, еще не старик… О! Изображение исчезло, не успел Дориан толком его рассмотреть. Солон, Солон, Солон… Солон умирает. Солон убивает. Солон на корабле, в сильный шторм. Солон спасает Регнуса от мокрушника. Солон обрекает Сенарию на гибель. Солон умерщвляет короля. Солон отправляет Дориана в Халидор. Прекрасная Женщина в покоях, украшенных портретами красоток. Дженин. У Дориана екнуло сердце. Гэрот Урсуул.

— Дориан? Дориан?

Голос слышался издалека, но предсказатель ухватился за эти звуки. Благодаря им он вернулся в действительность и жадно глотнул воздуха, будто вынырнул из холодного озера.

— Ты становишься мощнее и мощнее, но возрастает и опасность, — сказал Солон.

— Из-за видений он лишается рассудка, — добавил Фир. — И совсем не желает меня слушать.

— Для того, что я обязан сделать, здравомыслие необязательно, — просто сказал Дориан. — А без видений мне никуда.

Ему казалось, что он играет в кости с изображениями человеческих лиц. Солон намеревался уйти. Встреча с давними друзьями его необычайно радовала, однако он мечтал спасти Регнуса Джайра. Дориану явилось предчувствие. Они вечно не давали ему покоя. Порой он четко знал, что они значат, а порой был вынужден теряться в догадках.

— Эй, так на чем мы остановились? На Кьюрохе? Чтобы им пользоваться, Фиру недостает *таланта* — произнес Дориан, прикидываясь, будто раздумывал о посторонних вещах. — Стоит ему только попробовать, и его либо разорвет на части, либо поглотит огонь. Только без обид, дружище. Зато ты лучше нас обоих умеешь держать себя в руках. Я мог бы попытаться освоить способности Кьюроха, в качестве майстера, но мои магические дарования, думаю, недостаточно сильны. Если подключить к делу вир, даже не представляю, чем это обернется. В общем, я понятия не имею, что нам делать. Солон, ты среди нас

единственный маг, которому можно хотя бы безболезненно подержать меч в руках. С другой стороны, даже это грозит опасностью. Если ты вдруг надумаешь испробовать хоть каплю его силы, тут же умрешь. Гм…

Он вновь уставился в пустоту перед собой, будто опять увидел картинки о будущем. Перед глазами и впрямь возникли изображения.

— Не просто же так вы его привезли, — сказал Солон.

Картинки задрожали.

— Нет, не просто. Следовало увезти его от братьев. Нам выдался удобный случай. Уйди мы без меча, они бы поняли, что нам нельзя доверять, и спрятали Кьюрох в другом месте.

— Ты по-прежнему веришь в единого Бога, а, Дориан? — спросил Солон.

— У меня иногда складывается впечатление, что наш Дориан порой считает Богом самого себя, — сказал Фир.

Замечание задело Дориана, потому что было вполне справедливым. Нечто подобное происходило с ним и в эти минуты.

— Фир прав, — сказал он. — Солон, я чуть было не заставил тебя взять в руки меч, но не должен был этого делать. Ты заслуживаешь лучшей участи. Прости меня.

— Проклятье! — воскликнул Солон. — Ты что же, понял, что я собираюсь его взять?

Дориан кивнул.

— Не знаю, стоит ли тебе испытывать судьбу. И понятия не имел, войдешь ли ты в эту дверь до тех пор, пока ты не ступил на порог. Не исключено, что Кьюрох все перевернет с ног на голову. Если ты попробуешь им воспользоваться, его могут отнять у нас халидорцы. Тогда приключится беда пострашнее, чем смерть твоего друга Регнуса или даже гибель всей этой страны.

— По-моему, нельзя так рисковать, — сказал Фир.

— А если мы вообще не будем его трогать? В этом есть какой-нибудь смысл? — спросил Солон.

— Тогда он не попадет в руки вюрдмайстерам! — воскликнул Фир. — Это уже хорошо. В мире всего несколько магов, которые могут без опаски пользоваться Кьюрохом, ты сам это знаешь. И множество вюрдмайстеров. Если они завладеют Кьюрохом, их уже ничто не остановит.

— У меня есть одно предчувствие, — сообщил Дориан. — Может, эту подсказку мне посылает сам Бог. По-моему, так оно и есть… Меч каким-то образом связан с хранителем света.

— А я-то думал, ты давно выбросил из головы эти старые предсказания, — пробормотал Солон.

— Если ты возьмешь Кьюрох, тогда хранитель родится уже сейчас. — Дориан чувствовал, что не ошибается. — Я много лет твердил, что живу с верой в сердце, но это не совсем вера, просто жизнь в соответствии с видениями. Теперь, по-моему, Господь и впрямь хочет, чтобы мы пошли на немыслимый риск. Чует мое сердце, это к добру.

Фир вскинул руки.

— Дориан, вспомни, сколько раз Господь тебя подводил! Ты в который раз сознательно врезаешься в стену, утверждая, что так тебе велит Бог. Смех, да и только! Если этот твой единый Господь, как ты говоришь, создал все вокруг, значит, во всем есть смысл, правильно? Зачем тогда ему понадобилось посылать нам такие нелепые задания?

— Я знаю, что прав, и точка.

— Дориан, ты действительно считаешь, что мне можно воспользоваться мечом? — спросил Солон.

— Если ты им воспользуешься, все вокруг, по меньшей мере в радиусе пятидесяти миль, об этом узнают. Может, даже те, у кого вообще нет никаких дарований. Ты рискуешь вызвать слишком много магических сил, но твой верхний предел выше, чем нижний порог меча. Картинки слишком быстро меняются, я не успеваю все понять. Знаю одно, Солон:

захватчик направится на Модай. — «Если Кайлар не убьет Дарзо Блинта», — прибавил Дориан про себя. — Хоть и готовились они к другой войне. Завтра прибудут суда. На них шестьдесят майстеров.

— Шестьдесят! Больше, чем в некоторых из наших школ! — воскликнул Фир.

— И по меньшей мере три вюрдмайстера, способных вызывать адских змеев.

— Попадись мне на пути человечки с крылышками, я со всех ног помчу прочь, — сказал Солон.

— Ты сходишь с ума, Дориан, — проговорил Фир. — Надо уезжать отсюда. Это королевство обречено. Они заберут Кьюрох, схватят тебя, и тогда у целого мира не останется ни капли надежды. Ввязываться стоит лишь в ту борьбу, в которой можешь выиграть.

— Без Господа нам не выиграть ни в одной борьбе, Фир.

— Только не пудри мне мозги Богом! Я не позволю Солону брать Кьюрох в руки, а тебя увезу обратно в Шо'сенди. Ты лишаешься рассудка.

— Ты опоздал. — Солон взял с кровати меч.

— Я могу отнять его у тебя, ты же прекрасно понимаешь, — прогремел Фир.

— Ты сильнее меня, не спорю, — согласился Солон. — Если попытаешься забрать этот меч, я вызову магическую силу, и ты остановишься. А майстеры в радиусе пятидесяти миль, как и сказал Дориан, узнают, что артефакт у нас, и сбегутся сюда.

— Ты не посмеешь, — пробормотал Фир.

Лицо Солона напряглось так же, как когда он, облаченный в первую синюю мантию, покинул Шо'сенди. Сейчас в нем тоже больше говорил воин, нежели один из самых сильных магов современности.

— Я это сделаю, — сказал он. — Я десять лет провел неизвестно где, но ни о чем не жалею, потому что куда приятнее жить ради чего-то и стремиться к цели, нежели стоять в сторонке и осуждать тех, кто занят делом. Надо попробовать. Ты же и сам был таким! Куда подевался тот Фир Коусат, который пошел и отыскал этот меч? Нет, я непременно рискну, надеюсь, это принесет какую-нибудь пользу. А ты, пожалуйста, не мешай мне. Сам подумай: если у нас есть возможность противостоять Халидору, нельзя ею не воспользоваться.

— Да уж… Если ты вобьешь себе что-нибудь в голову, тебя уже не остановить. Совсем как Дориан! — проворчал Фир.

— Спасибо, — ответил Солон.

— Это вовсе не комплимент.

48

Человек, приказавший воинам арестовать Регнуса, не сообщил ничего особенно полезного. Его схватили у постоялого двора, куда он заглядывал перекусить в полдень. Допрашивали его недолго и жестко; он назвал имя своего командира — Таддеус Блэт.

Таддеус Блэт тем временем развлекался на верхнем этаже в борделе под названием «Подмигивающая красотка». Регнус и его люди сели ждать его внизу за разными столиками, тщетно стараясь не вызывать своим видом подозрений.

Регнуса не отпускала тревога. Во-первых, он совсем не знал этого человека, во-вторых, помнил о том, что воины ходят в бордель посреди дня только в том случае, если предчувствуют серьезную беду, точнее, если им кажется, что со следующего задания они, вероятно, не вернутся. Не нравилось Регнусу и то, что они сидят у всех на виду. Много лет назад горожане узнавали его с первого взгляда, видя в нем будущего короля. С тех пор прошло много времени, и теперь на него почти не обращали внимания. Он находился в Крольчатнике, был человеком крепким, высоким, с суровым лицом. Устрашающая наружность, по-видимому, делала менее заметными его аристократические манеры.

Наконец Блэт сошел вниз. Он был смуглый, с черными сросшимися бровями и застывшим на лице выражением недовольства. Регнус поднялся из-за стола и проследовал за Блэтом в конюшню. Конюха внутри не было — ему заплатили, чтобы он не мешал. Когда

Регнус вошел в конюшню, обезоруженного Таддеуса Блэта уже держали четверо воинов; из уголка его рта и из носа текла кровь. Он чертыхался.

— Ваши ругательства меня не интересуют, лейтенант. Я ожидаю услышать от вас кое-что поинтересней. — Регнус подал знак рукой, воины пнули Блэта сзади под колени, и он упал перед корытом. Регнус схватил его за волосы и засунул голову в воду. — Свяжите ему руки. «Уговаривать» его придется, не исключено, несколько минут.

Таддеус Блэт, задыхаясь и дергаясь, резко поднял голову, но его руки уже связывали. Он плюнул в сторону Регнуса, промазал и выругался.

— Очевидно, вы еще не поняли, как следует себя вести, — сказал Регнус, снова окуная голову пленника. На сей раз он удерживал ее в воде до тех пор, пока Блэт не перестал вырываться. — Если они прекращают сопротивление, — объяснил Регнус своим ребятам, — стало быть, сознают, что могут умереть. Думаю, теперь наш приятель будет повежливее.

Он поднял голову Блэта с прилипшими ко лбу черными волосами. Тот жадно глотнул воздуха и мгновение-другое приходил в себя.

— Кто вы такой? — спросил он.

— Герцог Регнус Джайр. Надеюсь, вы подробно расскажете мне, почему в моем доме погибло столько людей.

Блэт снова выругался.

— Поверните-ка его ко мне, — попросил Регнус.

Воины выполнили указание; Регнус нанес Блэту удар в солнечное сплетение, и тот чуть не задохнулся. Едва он успел втянуть в себя самую малость воздуха, его голова снова оказалась под водой.

Регнус не отпускал его до тех пор, пока на поверхности не появились пузыри, на миг поднял его голову, снова утопил и проделал то же самое еще четыре раза.

— У меня слишком мало времени, Таддеус Блэт, а твою жизнь я ни во что не ставлю. На твоем счету жена и все мои слуги, помнишь об этом? В общем, если мне придется еще раз засунуть твою голову под воду, тебе больше не жить.

На мокром лице лейтенанта отразился ужас.

— Мне ничего не объясняют… Нет-нет, подождите! Клянусь! Новый приказ поступит лишь сегодня вечером. Его отдадут с самого верха. С верхушки, понимаете?

— Кто? Са'каге?

— Да.

— Скверно. Прости, дружище.

Они снова опустили голову лейтенанта под воду. В этот раз тот задергался, как сущий демон, но добиться ничего не смог, потому что стоял на коленях, со связанными за спиной руками.

— Большинство людей на твоем месте уже умерли бы. Если им известно, когда наступает предел, они дают себе установку: «До такого-то момента я непременно продержусь, а там…» Поднимите его.

Лейтенант, тяжело дыша, стал выплевывать воду.

— Добавить ничего не желаешь? — спросил Регнус.

Ответить пленник не успел, потому что герцог снова утопил его голову.

— Сэр, — проговорил один из воинов. Казалось, ему вот-вот сделается дурно. — Если не возражаете, можно задать вопрос? Где вы этому научились?

Регнус улыбнулся.

— В молодости я побывал в плену у лэ'нотцев. Мы пустили бы в ход все, чему я у них научился, но у нас нет времени. Поднимайте.

— Подождите! — задыхаясь, прокричал Таддеус Блэт. — Я кое-что подслушал. Следующей жертвой Хью Висельника станет королева. Она и ее дочери. Больше мне не известно ничего. Боги! Ровным счетом ничего! Он собирается убить их сегодня в покоях королевы, после праздника. Пожалуйста, отпустите меня. Клянусь, я больше ничего не знаю!

Калдросе Уин обещали военный корабль, а подсунули морскую корову. Сетская пиратка отказалась бы выполнять задание, но не могла устоять перед деньгами. «Будь проклята моя мать за то, что родила меня! — подумалось ей. — Какого черта я взялась за это дело?» Посмотрев налево, она рявкнула команду, и ее подчиненные кинулись поправлять паруса.

Не паруса, а простыни, подумала Калдроса. Чертовски малы.

Судно было пузатое и неповоротливое, на таком не обгонишь даже гребную шлюпку, управляемую однорукой обезьяной. Одним словом, с минуты на минуту их могли нагнать сенарийские военные суда, и Калдроса Уин бессильна была что-нибудь изменить.

— Если у вас имеются какие-нибудь задумки, сейчас же пускайте их в ход, — сказала она кружку колдунов, сидевших на палубе.

— Ты, женщина! — воскликнул их предводитель. — Майстерам никто не указ, понятно тебе?

Только произнеся последнее слово, он перевел взгляд с ее обнаженной груди на лицо.

— Ну и черт с тобой!

Калдроса сплюнула за борт, стараясь не выказать отвращения, которое вызвало в ней выражение его лица. Мерзавцы всю дорогу пялились на ее голую грудь. Общаясь с иноземцами, она обычно прикрывалась, но халидорцев было занятно сбивать с толку, особенно колдунов.

Калдроса велела гребцам взяться за весла, однако и это не помогло. Халидорские мастера! Они даже толковых весел не могли изготовить. По крайней мере, нужной длины. Гребцов было несколько сотен, но их усилия почти не прибавляли скорости, потому что все одновременно работать не могли и потому что им не хватало места для полного размаха. Калдроса в который раз прокляла свою жадность и колдунов. Почти неслышным шепотом.

Спустя несколько минут их настигли сенарийские военные суда. Какой позор! Во всем сенарийском флоте было от силы двенадцать кораблей; эти три наверняка считались лучшими. На своем «Ястребе-перепелятнике» или на любом другом сетском корабле, с командой сетцев, Калдроса запросто спаслась бы.

Когда первое сенарийское судно подошло достаточно близко, колдуны наконец-то поднялись на ноги. Сенарийцы быстро приближались.

Колдуны взялись за руки и затянули монотонную песню. На палубе вдруг стало темнее, но ничего другого не происходило. Матросы и воины на сенарийском корабле что-то кричали им и друг другу, готовясь к битве.

— Черт бы вас побрал! — воскликнула Калдроса. — Делайте же что-нибудь!

Тут она заметила краем глаза, что мимо их судна проплыло нечто огромное. Примерно в это же мгновение корабль должно было тряхнуть от удара, но ничего не случилось, лишь заплескалась вода. Послышался оглушительный треск. Калдроса испуганно моргнула и вдруг увидела разлетающиеся по воздуху обломки сенарийского корабля.

То, что от него осталось, странным образом втянулось на глубину. Море вдруг почернело, как будто из-за грозовой тучи, заслонившей солнце, и заволновалось. Тут до Калдросы дошло, что под их кораблем движется что-то громадное. Колдуны продолжали петь, держась друг за дружку как будто не только руками. Казалось, их черные, пульсирующие от колдовской мощи татуировки тоже взаимодействуют. По лицам градом катился пот.

Поднялась гигантская волна, словно под поверхностью воды кто-то пустил немыслимых размеров стрелу. Волна обрушилась на второй сенарийский корабль. Люди на нем закричали, стали стрелять из луков в воздух и выхватывать из ножен мечи. Капитан безуспешно пытался повернуть корабль.

Секунд пять не происходило ничего нового, потом вдруг по палубе сенарийского судна ударили два диковинных серых столба. Сначала Калдроса не могла понять, что это такое, а потом, когда корабль подбросило на двадцать локтей вверх, поняла, что с ним расправляется исполинская серая рука. Едва рука исчезла под водой, волны разбили и поглотили судно. На

поверхности остались лишь щепки.

Черная вода вновь задвигалась, принимая очертания некой громадной фигуры. На последнем сенарийском корабле поднялся крик. Кто-то отдавал команды, но перепуганные люди их не слушали. Несмотря на то, сколь страшная участь постигла первые два судна, это подплыло к морской корове Калдросы почти вплотную.

Громадное морское чудовище с невообразимой прытью набросилось на сенарийский корабль, поднимая тридцатифутовые спинные иглы.

Одна из игл распорола судно напополам, а гигантский серый хвост потопил обе половины. Халидорские воины, высыпавшие на палубу — Калдроса не заметила, когда они вышли, — разразились торжествующими криками.

Она только было собралась приказать им возвращаться на свои места, когда улюлюканье внезапно стихло, а воины стали указывать куда-то пальцами. Калдроса проследила их взгляды и вновь увидела поднимающуюся волну. В этот раз вода устремлялась прямо на них. Колдуны пуще прежнего обливались потом и явно не знали, что предпринять.

— Нет! — крикнул один из них, молодой парень. — Ничего оно нам не сделает! Смотрите.

Что-то скользнуло от колдунов к морскому чудищу, оно вмиг растаяло, и все стихло. Воины закричали, давая выход безумному страху. Чудовище вновь показалось из-под воды и отправилось в другую сторону.

Воины снова заулюлюкали, а колдуны рухнули на палубу. Калдросе показалось, что их миссия не закончена. Отдавая распоряжения браться за весла и опять поправить паруса, она то и дело поглядывала на колдунов.

Их вожак заговорил с парнем, благодаря которому — как догадывалась Калдроса — им всем удалось спастись. Парнишка, глядя на палубу, покачал головой.

— Подчинение иногда все равно что смерть, — громко ответил он.

Вожак снова заговорил, но его слов Калдроса не расслышала. Одиннадцать остальных колдунов окружили его и парня, чуть погодя вся компания прикоснулась к молодому спасителю руками, и на его коже показались татуировки. Их появлялось все больше и больше, они бугрились и подрагивали, а потом вдруг будто разорвались, как вены, переполненные избытком крови. Парень, судорожно дергаясь, повалился на палубу, весь почернел, стал задыхаться, беспомощно дернулся и умер.

Все остальные, кто был на палубе, старательно не замечали колдунов. Наблюдала за ними одна Калдроса. Вожак что-то сказал, остальные колдуны схватили труп и выбросили за борт. Вожак повернул голову и уставился на Калдросу неестественно синими глазами.

Больше никогда в жизни, поклялась себе она. Ни за какие деньги!

— Знаешь, в чем секрет успешного шантажа, а, Дарзо? — спросил Рот.

Он сидел за изящным дубовым столом, не вписывавшимся в обстановку типичной для Крольчатника хибары. Дарзо стоял перед ним, точно придворный перед королем. Стул Рота для пущей важности даже стоял на возвышении.

— Знаю, — ответил мокрушник.

У него не было настроения играть в глупые игры.

— Напомни мне.

Рот поднял глаза от отчетов, которые просматривал, и устремил на собеседника ледяной взгляд.

Дарзо проклял себя и судьбу. Дабы избежать подобной участи, он пустил в ход все, что смог, перетерпел предельное унижение, однако ничто не помогло.

— Используй сведения до тех пор, пока они могут приносить выгоду.

— Верно, Дарзо. С тобой иметь дело непросто. Ты убедил всех вокруг в том, что тебе на все плевать.

— Спасибо.

Дарзо не улыбался. Играть в слугу и господина было не в его характере.

— Я все равно более умнее.

— Просто «умнее». Или хотя бы «более умный».

Рот, удивляясь бесстрастности Блинта, сузил свои близко посаженные глаза. У Рота было угловатое лицо, украшенное напомаженной черной бородкой и длинными волосами. Подбирать правильные выражения он никогда особенно не старался. И не любил людей. Протянув руку, он замер в ожидании.

Дарзо положил ему на ладонь кусочек посеребренного стекла. Рот покрутил его перед собой и бросил назад.

— Не смей со мной играть, убийца! Я знаю, что настоящий шар нашелся. Два моих шпиона видели, как его силы кому-то передались.

— Тогда они должны были видеть и того, кто его забрал.

— Серьезно.

Род задавал вопросы с утвердительной интонацией, явно копируя Мамочку К. Видимо, полагал, что это придает ему важности. Однако невозможно удержать в своих руках власть благодаря одному подражательству. Дарзо задумался, не сообщить ли Роту, что Мамочка К. — шинга. Тот этого явно не знал. Но Мамочка К. предала Дарзо, а расквитаться с ней мокрушник хотел лично. Гвинвера заслужила наказание. Ей надлежало умереть.

— Серьезно, — ответил Дарзо ровным голосом.

— Тогда, пожалуй, настало время познакомить тебя с моей следующей козырной картой.

Дарзо не заметил, чтобы Рот подал сигнал, но в хибару тотчас вошел старик. Низенький и сгорбленный, казалось, он живет на свете столько лет, сколько человеку не под силу вытерпеть. У него были внимательные голубые глаза, пронзительный взгляд и единственная прядь седых волос на лысой голове. Старик улыбнулся беззубой улыбкой.

— Я вюрдмайстер Неф Дада, советник и личный пророк его величества.

Не просто колдун. А вюрдмайстер. Дарзо Блинту показалось, что он вмиг постарел.

— Сколько чести! А почему не «его святейшество»? — спросил Дарзо.

— Его величество, — повторил Неф Дада. — Рот Урсуул, девятый наследник короля-бога. — Он поклонился Роту.

Ночные ангелы! Старик костлявой рукой взял мокрушника за подбородок, повернул его к себе лицом и не отпускал до тех пор, пока тот не посмотрел ему в глаза.

— Ему известно, кто забрал Шар беспредельных возможностей, — сказал Неф.

Отрицать это в присутствии вюрдмайстера не имело смысла. Болтали, что вюрдмайстеры могут читать мысли. Это было не совсем так, но очень близко к правде. Дарзо знал, что этой способностью наделен далеко не каждый вюрдмайстер и что даже избранные не то чтобы читали мысли, а умели рассмотреть обрывки картинок, возникавших в чужом воображении. Самые талантливые могли из нескольких обрывков сложить полную картину. Этого и следовало опасаться сейчас. «Нельзя ли как-нибудь воспользоваться тем, что увиденное мной не совсем совпадает с действительностью?» — подумал Дарзо.

— Шар взял мой ученик, — сказал он.

Рот Урсуул (ночные ангелы! Урсуул!) вскинул бровь.

— Ему неизвестно, что это, — сказал Дарзо. — И я понятия не имею, кто его прислал. Обычно я знаю обо всех его заданиях.

— Ты уверен в том, что говоришь правду? — спросил Неф.

— Я достану ка'кари. Дай мне еще немного времени.

— Ка'кари? — переспросил Рот.

Рот, вероятно, никогда в жизни не слышал этого слова. Дарзо допустил глупейшую ошибку. Ему это совсем несвойственно. Что с ним происходит?

— Шар беспредельных возможностей, — сказал он.

— Я давал тебе возможность вести игру честно. В общем, ты сам вынуждаешь меня прибегнуть к крайним мерам. — Рот взглянул на одного из стражников у входа и взмахнул

рукой. — Девочку!

Несколько мгновений спустя принесли малышку лет одиннадцати — то ли чем-то одурманенную, то ли околдованную. Она была худенькая и грязная, но не тщедушная, как цеховые крысята, а явно здоровая, с черными длинными вьющимися волосами и ангельски-демоническим материнским личиком. Через несколько лет она могла превратиться в еще более красивую, чем Вонда, женщину. Ростом девочка определенно пошла в отца, всем остальным, благодарение богам, — в мать. Ули оказалась на удивление милым ребенком. Дарзо видел свою дочь впервые в жизни.

Саднившую где-то глубоко в душе рану пронзил приступ нестерпимой боли.

— Как вижу, ты не горишь желанием мне помогать, — сказал Рот. — При других обстоятельствах я серьезно наказал бы тебя в назидание другим, но мы оба знаем, что я не могу этого сделать. Ты мне очень нужен, по крайней мере на ближайшие несколько дней. Как мы поступим? Может, отрезать девочке руку? И рассказать, что так случилось из-за ее отца? Из-за его упрямства? Тогда ты наконец образумишься?

Дарзо стоял будто завороженный и не сводил с дочери глаз. Дочь! Как так вышло, что она в руках этих людей? Король планировал использовать девочку в своих интересах, но Рот забрал ее прямо у него из-под носа.

— Ну так как тебе мой план? — спросил он. — Мы отрежем ей ручку, или ты сам отрежешь, скажем, палец?

Выход существовал. Даже сейчас. Один из ножей Дарзо был отравлен ядом белой кобры, специально для Кайлара. Смерть наступит мгновенно, и девочка ничего не почувствует. А Рот, возможно, удивится, что Дарзо и тут вывернулся. Возможно…

Он убьет дочь и, вероятно, тут же погибнет сам, а Кайлар выживет. Или так называемый Рот Урсуул заставит Дарзо убить Кайлара и найти ка'кари. Можно было бы надурить его, если бы не вюрдмайстер.

Хватит ли мокрушнику духу убить собственную дочь? Если он этого не сделает, они прикончат и Кайлара.

— Она ничего никому не сделала, — сказал Дарзо.

— Не смеши меня! — воскликнул Рот. — Не тебе разглагольствовать о несчастных и безвинных.

— Нет смысла причинять ей боль.

Рот улыбнулся.

— Смешно? Надеюсь, ты помнишь, что случилось, когда ты в прошлый раз назвал Урсуула обманщиком?

Дарзо не сумел справиться с чувствами — на его лице отразилась тоска.

— Кто бы мог подумать, — протянул Рот. — Мой отец убивает мать, а я — дочь. Неужто ты ничему не научился, а, Дарзо Блинт? Думаю, научился. Отцу будет приятно узнать, что я замыкаю круг. Он пытался шантажировать тебя из-за фальшивого ка'кари и проиграл. Я хочу заполучить настоящий и добьюсь своего.

При этих его словах глаза Нефа вспыхнули. Дарзо догадался, что вюрдмайстер не одобряет дерзость принца, но Дарзо это не утешило. Он не знал, как использовать в своих интересах маленькое разногласие между Ротом и Нефом.

— В общем, сделаем так: если я почувствую, что ты от меня что-то утаиваешь, то убью твою дочь. А прежде заставлю ее помучиться. Способов существует множество, ты прекрасно понимаешь. Обещаю, что она будет терзаться месяц за месяцем, а я испробую на ней каждую пытку — мне это в удовольствие. Я один из самых прилежных последователей Хали. Ты меня понимаешь, Блинт? Теперь я внятно изъясняюсь? Правильно?

— Вполне.

Дарзо стиснул зубы. Нет, он не мог ее убить. Ночные ангелы! Не мог, и все. Выход непременно отыщется, так бывало всегда. А потом он убьет обоих мерзавцев.

Рот улыбнулся.

— Расскажи мне все о своем ученике. Все-все. Слышишь?

49

Кайлар вышел из темного угла в кабинете «Синего кабана», схватил Джарла за горло и зажал ему рот.

— Мммф! — запротестовал тот.

— Тише, это я, — шепнул Кайлар другу на ухо.

Убедившись в том, что Джарл не поднимет крик, он медленно отпустил его. Джарл потер шею.

— Черт тебя дери, Кайлар! А полегче нельзя? Как ты сюда попал?

— Мне нужна твоя помощь.

— Я и сам хотел тебя разыскать.

— Что?

— Загляни в верхний выдвижной ящик. И прочти то, что там найдешь. Как можно быстрее.

Кайлар выдвинул ящик и пробежал глазами записку. Рот был Ротом Урсуулом, халидорским принцем. Его только что избрали шингой. Кайлара подозревали в убийстве принца и разыскивали. Он отбросил записку.

— Мне нужна твоя помощь, Джарл. Опять.

— Хочешь сказать, что обо всем этом ты уже знал?

— Это ничего не меняет.

— То, что я это выведал, грозит мне опасностью?

— Расскажи, где прячется Мамочка К.

Джарл прищурился.

— А зачем она тебе?

— Я должен ее убить.

— После всего, что она для тебя сделала?.. Как ты можешь?

— Она предала меня, Джарл, и ты об этом знаешь. Из-за нее я чуть не прикончил Дарзо Блинта. Причем ей удалось так все устроить, что я чуть было не счел, будто сам во всем виноват.

— Может, лучше сначала узнаешь, почему она так поступила? — спросил Джарл. — Может, не стоит тотчас убивать тех, кто сделал тебе столько добра?

— Она убедила меня в том, что ради спасения близкого друга я должен убрать Хью Висельника, но это был вовсе не Хью, а Дарзо. Мамочка К. предала нас обоих. Из-за нее я причинил страдание товарищу, растоптал его чувства.

— Прости, я не могу тебе помочь.

— Я не прошу.

— Собираешь выколотить из меня правду кулаками? — спросил Джарл.

— Я сделаю все, что придется.

— Да, она прячется, — бесстрашно заявил Джарл. — Они с Дарзо недавно крупно поссорились — из-за чего, не знаю. Я многим ей обязан и не собираюсь ее предавать.

— Она тебя, возникни такая необходимость, предаст, не раздумывая, — сказал Кайлар.

— Послушай, телом я торгую, да, но кое-что хотел бы сохранить в себе до гробовой доски. Не убивай во мне остатки достоинства.

— Понимаю: ты поклялся держать язык за зубами. Иногда приходится нарушать обещания. Я в жизни не прибегал к пыткам, Джарл, однако прекрасно знаю, как это делается.

— Можно сказать, ты уже начал пытку, мой друг.

Они уставились друг на друга. Кайлар первым отвел взгляд в сторону, проигрывая.

— Если тебе нужна какая-нибудь другая помощь, я сделаю, что угодно, Кайлар. Надеюсь, ты и сам это знаешь.

— Знаю. — С губ Кайлара слетел вздох. — Просто будь начеку, Джарл. События стали развиваться с умопомрачительной скоростью.

Раздался стук в дверь.

— Да?!! — воскликнул Джарл.

— К вам Дарзо Блинт, сэр, — сообщил, заглядывая внутрь, испуганный телохранитель.

Кайлар попытался окружить себя тенью, как сделал, когда пришел в «Синего кабана», но в этот раз у него ничего не вышло. Черт. Он практически нырнул под письменный стол Джарла.

— Сэр?

Телохранитель до сих пор держал дверь лишь немного приоткрытой, поэтому Кайлара не видел.

— Да-да, пригласи его, — ответил Джарл.

Дверь закрылась и вскоре снова открылась. Кайлар не смел пошелохнуться.

— Не буду занимать много времени — своего и твоего, — сказал Дарзо, подходя к столу и присаживаясь на него. — Знаю, ты друг Кайлара.

Теперь его голос звучал где-то прямо над Кайларом.

— Да, — подтвердил Джарл.

— Я хотел бы оставить для него сообщение, но надо связаться с ним как можно быстрее. Скажи, что нам необходимо срочно поговорить. Я буду ждать его в течение двух часов в «Подвыпившей блуднице». Передай, что все пройдет арутаиро.

— Лучше напишите.

Джарл приблизился к столу и взял из чернильницы перо. Дарзо записал слово. Джарл вдруг издал сдавленный протестующий звук. Кайлар догадался, что Дарзо схватил его за руку.

— Дело срочное, слышишь, мальчик на продажу? Кайлар должен получить сообщение немедленно, а ты за это в ответе.

Стол скрипнул, когда Дарзо встал и направился к выходу. Как только дверь закрылась, Кайлар выполз из-под стола. Джарл сделал квадратные глаза.

— Ты что же, все это время там прятался?

— Колдовство на каждом шагу в ход не пустишь.

Джарл покачал головой.

— Ты не перестаешь меня удивлять. — Он протянул Кайлару записку Дарзо и спросил: — Что значит «арутаиро»?

— Без крови. Это значит, что во время сегодняшней встречи мы друг друга не убьем.

— Ты ему доверяешь? Как-никак вчера вечером ты его чуть не убил…

— Блинт так или иначе меня прикончит, но сделает это профессионально. Он считает, что хотя бы такой милости я вполне заслуживаю. Можно воспользоваться окном? Перед встречей с ним мне еще много чего надо уладить.

— Да, конечно.

Кайлар распахнул окно и оглянулся на друга.

— Прости. Я подумал, что стоит попытаться. Понимаешь, я непременно должен ее убить, а ты мог бы облегчить мою задачу.

— Прости, что не могу тебе помочь.

Осторожно выбравшись из кабинета, Кайлар снова попробовал окружить себя тенью. На сей раз *талант* тотчас откликнулся. Замечательно. Почему сейчас все получилось, а несколько минут назад — нет, Кайлар не имел понятия.

Ночные ангелы! Кайлар уже догадывался, что и с помощью Дарзо научиться использовать *талант* будет не так-то просто, а если придется осваивать его самостоятельно, из этого вообще вряд ли выйдет толк.

Кайлар подполз назад к окну. Джарл выждал минуту, выглянул наружу, вернулся к столу, торопливо написал записку, вызвал мальчика-рассыльного и отдал ему послание.

Кайлар проворно обогнул здание, дождался, пока мальчик выйдет из боковой двери, и последовал за ним. В том, что Джарл не выдаст ему тайну, Кайлар не сомневался. И надеялся, что его друг никогда не вычислит, что правда все равно открылась благодаря ему.

Мальчики-курьеры работали по-разному. Одни просто слишком быстро бегали, и Кайлар едва мог поспеть за ними, другие передавали записки следующему посыльному.

Лишь через полчаса Кайлар наконец-то добрался до небольшого строения на восточном берегу и сразу узнал стражника, которому последний гонец вручил послание. То был иммурец с миндалевидными глазами и прямыми черными волосами, Кайлар не раз видел его прежде в доме Мамочки К. Отлично. Стало быть, она в самом деле обитает теперь здесь. Но разобраться с ней следует позднее.

Кайлар отправился в «Подвыпившую блудницу».

Дарзо Блинт сидел у стены. На столе перед ним лежал сверток. Кайлар подсел к мастеру, снял кушак и сложил на него все свое оружие: кинжал, вакидзаси, который был заткнут за кушак, кьюрский полуторник, два прятавшиеся в рукавах ножа, метательные ножи, дротики и танто из сапога.

— Это и все? — язвительно спросил Дарзо.

Кайлар завернул оружие и придвинул кушак к свертку Дарзо, который был ничуть не меньше.

— Похоже, скоро нам придется поработать.

Блинт кивнул и поставил кружку вонючего ладешского крепкого пива посередине одной из досок столешницы, подальше от щелей между ними.

— Вы хотели со мной побеседовать? — спросил Кайлар, гадая, почему Блинт пьет. Перед работой он не позволял себе ничего подобного.

— У них моя дочь. Они мне угрожают. И угрозы эти не шуточные. Рот — редкий извращенец.

— Они ее убьют, если вы не отдадите им ка'кари, — предположил Кайлар.

В ответ Блинт сделал еще один глоток.

— То есть вам следует убрать меня, — прибавил Кайлар.

Блинт посмотрел ему прямо в глаза, без слов говоря «да».

— Может, я что-то не так сделал? — спросил Кайлар, не в силах усмирить тревогу в душе.

— Не так? — Блинт снова посмотрел на него и усмехнулся. — На долю многих мокрушников выпадает так называемое Испытание. Порой с ним сталкиваются подмастерья, которым что-нибудь мешает стать полноценным знатоком своего дела. Иногда судьба испытывает мокрушника, когда он уже считается мастером. Поэтому-то до старости доживают лишь немногие из нас. Моим Испытанием была Вонда, младшая сестра Гвинверы. Мы думали, что любим друг друга, полагали, будто некоторые неотъемлемые составляющие жизни нас не касаются. Я страдал одной явной слабостью, и Гэрот Урсуул похитил Вонду. Он мечтал заполучить ка'кари и до сих пор его ищет. Я тоже.

— А что в нем такого ценного? — спросил Кайлар. — Мой *талант* срабатывает не всегда. И потом, как мне пользоваться этим самым ка'кари, если у меня его вообще нет?

— Не перебивай. Я не просто так обо всем этом рассказываю, тем более что мне действительно надлежит тебя убить. Неужели не понимаешь?! — воскликнул Дарзо. — О ка'кари скажу одно: его возможности по-настоящему безграничны. Я много лет мечтал раздобыть такой шар, и Гэрот Урсуул тоже. Он верит, что ка'кари поможет ему подчинить себе принцев и вюрдмайстеров и стать королем-богом, поэтому похитил Вонду и сказал, что, если я не откажусь от мечты присвоить ка'кари, он ее убьет.

— А угрозы вы всегда терпеть не могли, — сказал Кайлар.

— И находил выход из любого положения, — возразил Дарзо. — Однако тот случай был особенный. Видишь ли, у меня было слишком мало времени. Человек, который предположительно использовал мощь ка'кари, находился при смерти, а забрать у него шар следовало, как только он умрет. Гэрот и Вонда были где-то за городом. Я знал, что Са'каге собирались отравить его в ту же ночь. По-моему, об этом было известно и Гэроту. Попасть одновременно в два места я не мог; мне надлежало сделать выбор. Гэрота Урсуула я неплохо знаю. Он мастер ловушек и умнее меня, хитрее. В общем, я подумал, что если отправлюсь к

Вонде, то непременно попадусь в капкан или в лапы вюрдмайстеров, и тогда мне не жить. Более того: ловушки Гэрота обычно бывали такими, что когда срабатывала одна, к ней подключалась и вторая, связанная с первой, так что Вонде тоже грозила смерть. Тогда Гэрот без труда завладел бы ка'кари, и на этом история закончилась бы. Вот каково было мое Испытание, Кайлар. Я не знал, что мне делать. Добровольно угодить в западню и умереть героем? Или забыть о Вонде и отправиться за ка'кари?

— Вы выбрали шар.

— Мой план был гораздо хитрее. — Голос Дарзо дрогнул, и какое-то время он молчал, глядя в стол. — Чуть погодя я помчал туда, украл лошадь, загнал ее до смерти, но прилетел к тому дому, в котором держали Вонду, через полчаса после рассвета. Ее уже убили. Я проверил все углы и окна, ловушек нигде не обнаружил. Не знаю, убрал ли их Гэрот, или они были магические, или их вовсе не было. Сволочь. Он все специально подстроил. — Блинт хлебнул пива. — Я мокрушник, а любовь — петля. Мне оставалось единственное — стать лучшим из лучших.

К горлу Кайлара подступил ком.

— Вот почему нам нельзя никого любить, Кайлар. Вот почему я делал все, что было в моих силах, чтобы оградить от той же участи тебя. Я допустил ошибку единственный раз, позволил себе подобную слабость, но она аукается мне и по сей день. Ты умрешь не по своей вине, Кайлар. А по моей. Так вот все складывается. За мои промахи вечно расплачиваются другие. Мне казалось, что Испытание выпадает лишь раз в жизни. Это не так. Вся жизнь — сплошное испытание.

Насколько понимал Кайлар, Дарзо никогда не забывал о допущенной ошибке. Со стороны казалось, что он непробиваем. О нем как о мокрушнике ходили легенды. Кайлар всегда мечтал стать таким, как Дарзо, не переставал поражаться его мастерству. Дарзо Блинт стал лучшим из лучших, но что скрывалось у него внутри?

— Моим Испытанием была Элена, — сказал Кайлар, горько усмехаясь над царившей в его душе пустотой. — А другого пути нет? — спросил он. — Неужели нельзя с ними справиться?

— Рот грозится измучить пытками и убить мою дочь. На такой риск я пойти не могу, мальчик, и должен выбрать одно из двух: умрешь либо ты, либо она. — Он достал из сумы золотой гандер. — Упадет вверх короной — выиграет Рот; замком — я проиграю.

Монета блеснула в воздухе и — невероятно! — приземлилась на ребро.

— Всегда можно найти иной выход, — сказал Кайлар, медленно отпуская *талант.*

«Сработало!» — подумал он.

Блинт снова поставил уже пустую кружку посередине доски, поднял ее и опять опустил.

— Я почти пятнадцать лет искал ка'кари, Кайлар, и понятия не имел ни где он находится, ни пользуется ли кто-нибудь его силами, ни какие магические защиты его охраняют. Мне было известно лишь, что люди вроде тебя притягивают ка'кари и что твоя нужда в нем рано или поздно выведет нас на него. Поэтому-то я брал тебя на задания во все уголки города. Откуда мне было знать, что шар валяется во дворце, у короля Гандера, и выглядит как обыкновенная безделушка? О нем никто никогда не упоминал, потому что он не представлял собой ничего особенного. До него никому не было дела. К тому же я всегда сомневался в том, что твой канал просто заблокирован. Догадывался, что рано или поздно ты сможешь пользоваться *талантом,* поэтому всячески пытался его разбудить. Думаешь, после пятнадцати лет мне будет просто отказаться от ка'кари?

— Вы и так от него отказались.

— Нет, черт возьми! Раз уж шар попал мне в руки, я никому бы его не отдал! — воскликнул Дарзо.

Кайлар ему не поверил. Дарзо Блинт все это время планировал уступить ка'кари ученику. Осуществлению его планов помешал Рот.

— Мастер, поработайте со мной. Вдвоем мы непременно одолеем Рота.

Дарзо ответил не сразу.

— Знаешь, я был точно таким же, как ты, мальчик. Долгое время. Если бы ты познакомился со мной прежним, я бы тебе даже понравился. Мы бы подружились.

«Вы и так нравитесь мне, мастер. И я хочу с вами подружиться», — сказал Кайлар про себя. Произнести эти слова вслух почему-то было сложно. Может, они и не имели особого значения — Дарзо все равно бы ему не поверил.

— Рот — халидорский принц, мальчик. Ему служит вюрдмайстер. Вскоре у него будет больше колдунов, чем магов во всех южных землях, и собственная армия. Ему принадлежит Са'каге. Надежды нет никакой. Пытаться его одолеть нет смысла Даже ночные ангелы не стали бы этого делать.

Кайлар, устав от Блинтова фатализма и его дурных предчувствий, вскинул руки.

— Надо понимать, они непобедимы.

— Бессмертны. Это еще хуже. — Блинт закинул в рот зубок чеснока. — Если хочешь получше вооружиться, бери, что нужно, из моих домов-укрытий. Не желаю, чтобы ты умер лишь потому, что мой меч окажется острее.

— Я не стану сопротивляться, мастер.

— Станешь. И погибнешь. Мне будет тебя не хватать.

— Мастер Блинт?! — вдруг воскликнул Кайлар, вспомнив слова Дориана. — А что значит мое имя?

— Это слово произошло от глагола, у которого есть два противоположных значения. Первое — «разделять», «разрезать»; второе — «прилипать», «приклеиваться».

— «Клеиться» в смысле к женщинам? — спросил Кайлар.

Блинт усмехнулся, однако зависшая над ним мрачная туча не исчезла.

— В общем, твое имя означает «соединяться» и «разделяться». Если точнее: «тот, кто убивает, и тот, кого убивают».

— Не понимаю, — сказал Кайлар.

— Поймешь. Да пребудут с тобой ночные ангелы, мальчик. И запомни: у них по три лица.

— Что?

— Возмездие, Милосердие и Справедливость. Им всегда известно, каким лицом следует повернуться. Только не путай возмездие с местью. Итак, пойдем отсюда.

Кайлар поднялся на ноги и стал раскладывать по местам оружие. Повернувшись, он случайно задел стол, и монета, до сих пор стоявшая на ребре, полетела на пол. Кайлар не успел обратиться к *таланту,* чтобы остановить ее, а когда она упала, едва взглянул на нее, не желая становиться в зависимость от глупых знаков.

— Мастер Блинт, — произнес он, глядя мастеру в глаза и отвешивая поклон. — Кариаму лодок. Спасибо вам. За все.

— Спасибо? — Блинт фыркнул и поднял монету. Она лежала замком вверх. «Я проиграю», — подумал он. — Говоришь, спасибо? Негодный мальчишка!

50

В распоряжении Кайлара было около часа. Дарзо выпил полную кружку крепкого пива, а взяться за дело в подпитии не мог себе позволить. Следовало сходить в дом-укрытие. По отсутствующему оружию можно было вычислить, каким способом Блинт планировал убить ученика.

Во избежание неожиданных встреч Кайлар отправился к укрытию пустынными переулками. Ловко обезвредив ловушку на замке, он осмотрел дверь в поисках других. Его защищали тени — *талант* и на сей раз тотчас согласился ему помочь. Надежно ли они его скрывают, он до сих пор не имел понятия, но улица была безлюдная, и по ней не ездили экипажи, так что Кайлар не торопился. Вторая ловушка пряталась на косяке, рядом с задвижкой. Кайлар покачал головой. А Блинт утверждал, что западни — не его конек.

Создать ловушку, приводимую в действие отодвигаемой задвижкой, было не так-то просто.

Кайлар обезвредил ее и переключил внимание на замок. Блинт всегда повторял, что не имеет смысла облеплять дверь ловушками, что двух более чем достаточно. Если первую заметят и устранят, то сработает более хитрая вторая. После этого только дурак не догадается проверить дверь и все вокруг с особой тщательностью.

Крюк Кайлару не понадобился. На этом замке он тренировался не один год, поэтому сразу достал отмычку, уверенным жестом вставил ее в замочную скважину и тотчас почувствовал: что-то не так. Отдернув руку, он выронил отмычку и увидел выскочившую и едва не коснувшуюся пальцев черную иглу.

— Черт!

Игла была намазана смесью белены и киндерперила, от которых нельзя умереть, можно лишь слечь на несколько дней. Зачем мастеру Блинту понадобилось это делать? Как будто бы он по-прежнему испытывает Кайлара. «После двух ловушек только дурак не догадается проверить дверь и все вокруг с особой тщательностью». Боги!

Кайлар осторожно вошел внутрь. Этот дом-укрытие был значительно меньше того, в котором Кайлар провел свои первые месяцы после ухода с улицы. Из-за обилия животных тут вечно стоял шум, было грязно и жутко воняло.

Животные куда-то исчезли. Кайлар нахмурился, быстро осмотрел комнаты и понял, что еще утром они были здесь. Тут его взгляд упал на письменный стол и оставленную Дарзо записку. Взяв по ножу в каждую руку, Кайлар развернул письмо, не прикасаясь к нему руками. Вряд ли Блинт обработал бумагу отравой, с другой же стороны, и наткнуться на третью дверную ловушку Кайлар тоже не ожидал.

«Кайлар, — принялся читать он текст, выведенный плотным почерком Дарзо, — расслабься. Убить тебя листком бумаги было бы слишком неинтересно. Рад, что ты не притронулся к третьей ловушке, но если бы ты был менее осторожен, удостоился бы подобной участи.

Я буду скучать по тебе. Ты — вроде семьи, которой у меня никогда не было. Прости, что втянул тебя в такую жизнь. Мы с Мамочкой К. сделали все возможное, чтобы ты стал мокрушником, и в конце концов проиграли, наверное, к лучшему. Ты значишь для меня больше, чем кто бы то ни был».

Кайлар заморгал, прогоняя из глаз слезы. Убить человека, написавшего эти строки, он просто не мог. Дарзо Блинт был для него не только мастером, но и отцом.

«Сегодня вечером все закончится, — писал Блинт. — Если хочешь спасти друга, советую разыскать меня. Торне».

Какой еще Торне? Может, Торн?[1] Такое прозвище для мастера Блинта вполне подошло бы, но ошибок на письме он никогда не допускал. А о каком таком друге вел речь? Может, об Элене? Знал ли Дарзо, где она находится? И зачем ему понадобилось ей угрожать? Или, может, подразумевался Джарл? От Кайларова лица отлила краска.

Животные исчезли. Все остальные вещи Блинта оставались на привычных местах, стало быть, он не собирался отсюда съехать.

Животных можно было продать кому-нибудь на кухню. Принимаемая ими отрава начинала действовать лишь через несколько часов после приготовления блюд. Значит, как раз к тому времени, когда их должны были подать на стол.

Не мог же Блинт продать сразу всю скотину? Кто купит зараз столько животных?

— А, черт…

Очевидно, мокрушник планировал отравить знать, собиравшуюся на праздник середины лета. Элена туда, разумеется, не могла попасть. И Джарл тоже. Но вот Логан…

Не исключено, Рот уже сегодня вечером намеревался устроить государственный переворот.

---

[1] Thorn *(англ.)* — колючка, шип.

У Кайлара закружилась голова. Чтобы не упасть, он схватился за край стола, и пузырьки с отравами зазвенели, ударяясь друг о друга. Взгляд Кайлара приковал к себе тот, который он рассматривал долгие годы. В нем хранился яд белой кобры. Блинт не шутил. Поговорив с ним и прочтя его письмо, Кайлар мог предположить, что мастер не станет его убивать, но знал, что надеяться на чудо нет смысла. Блинт был профессионалом. Много лет назад он позволил умереть Вонде и оставался таким, как прежде, классическим Дарзо Блинтом. Однако Кайлару предоставлял последнюю возможность, раскрывая карты и побуждая его к борьбе. Если они столкнутся, Блинт сделает все возможное, чтобы выиграть. Как всегда.

Кайлар уже знал, что ему делать, хоть мысли и путались в его голове. Вставив крохотные кусочки материи в малюсенькие отверстия на клинке отравительного ножа, он накапал на материю яда кобры.

Крольчатину Логан не любил. Поэтому Кайлар взял противоядие для тех отрав, которыми они кормили фазанов и скворцов, надеясь, что Логану не захочется свинины. Сама по себе она убить не могла, и для нее не существовало противоядия. Если на Логана она подействует сильнее, чем предполагалось, Кайлар ничем не сможет ему помочь.

Обмывшись без мыла, чтобы кожа не пропиталась его запахом, он пристегнул ножи к голым предплечьям и танго к лодыжке; надел темно-серые, плотно облегающие тело штаны и рубаху из гандуанского хлопка; застегнул ремень с оружием; проверил, все ли необходимые противоядия и крючья прикрепил к внутренней стороне пояса, и опустил в ножны отравительный нож, кинжалы и кьюрский полуторник.

Тут он заметил огромный черный меч Возмездия. Блинт оставил его на стене, специально для Кайлара, наверняка пошутив сам с собой, что надо бы учиться жить без него или, если удача отвернется, меч ему вообще больше не понадобится.

Мастер настроен крайне серьезно, подумал Кайлар. Грядет битва не на жизнь, а на смерть.

Осторожно сняв меч Возмездия с крюка, юноша пристегнул его к спине. Оружие оказалось куда более тяжелым, чем все прочие, которыми Кайлару доводилось пользоваться, однако теперь он мог призвать на помощь *талант,* поэтому не растерялся.

Окончательно подготовившись, он прошел к двери, приостановился на пороге, уткнулся лбом в деревянный косяк и замер. Почему судьба складывалась именно так? Сегодня вечером или ему, или мастеру Блинту надлежало умереть. Кайлар понятия не имел, что предстоит сделать в замке, но знал, что, если не появится там, Логан погибнет.

51

Дарзо, окутанный тенями, полз по балкам парадной залы сенарийского замка. В ходе работы каких только заданий ему не приходилось выполнять. Большинство занятий он находил увлекательными. Только не труд уборщика.

Старательно протирая деревянные брусья влажной тряпкой, мокрушник медленно продвигался вперед. Странно, но балки, удаленные от пола футов на пятьдесят, не чистили давным-давно. Дарзо ненавидел пачкаться.

Как он ни старался осторожничать, время от времени кусочки пыльного покрова срывались вниз. Падая, они распадались на хлопья и указывали на то, что наверху происходит нечто странное.

К счастью, собравшиеся в зале аристократы на потолок не смотрели. Увеселения шли полным ходом. События прошлой ночи заставили съехаться ко двору даже самых закоренелых домоседов. Дамы и кавалеры, не умолкая, болтали о сегодняшнем празднике и делали предположения о том, что намерен предпринять король; звуки их голосов смешивались в безумный гвалт. Более всего прочего знать интересовал сидевший за королевским столом Логан. Весть о его утреннем аресте вмиг облетела весь город. Что он

тут делает?

Логан сидел с видом обреченного; Дарзо подозревал, что так оно и есть. По-видимому, Алейн вызвал несчастного затем, чтобы как-нибудь унизить его перед всей аристократией королевства. Или чтобы объявить ему о смертном приговоре. Или прямо за столом привести приговор в исполнение.

Продвигаясь дальше, Дарзо столкнул еще кусок пыли. Она полетела вниз, к одному из боковых столов, распалась на половины и частично рассеялась. Остатки приземлились на плечо оживленно жестикулировавшей дамы. Рассеянно проведя по нему рукой, она продолжала о чем-то говорить.

Дарзо, напряженно наблюдавший сцену, стиснул зубы и двинулся вперед. Он терял форму. Конечно, ему так казалось далеко не впервые, более того, именно ошибки заставляли его совершенствоваться. Однако нынешние неудачи пугали по-настоящему. Происходило слишком много неожиданностей. И очень мешали чувства.

Он дополз до пересечения двух больших балок. Следовало пробираться дальше либо внизу, либо в обход. Кто бы ни проектировал эту конструкцию, о том, будет ли удобно по ней ползать, архитектор явно не задумывался.

Надев на запястья крючья для лазанья, Дарзо просунул руки между двумя пересекавшимися под углом брусьями. Пальцы зажгло, но мокрушник давно приучил себя не замечать боли. «Что подумает та толстая дама, если ей на блюдо вдруг рухнет сгусток теней?» — мелькнуло у него в мыслях. Взявшись покрепче, он перенес вес всего тела на кончики пальцев, засунул их как можно дальше в щель, оттолкнулся от балки ногами, быстро разжал правую руку и ухватился за брус с другой стороны перекрестья, в том месте, где сходились все опоры.

Его пальцы чуть не выскользнули из забитой пылью щели. Ловко изогнув запястье, он зацепился за балку крюком, осторожно разжал пальцы левой руки и повис в воздухе, но уже не над блюдом, а над самой толстой дамой. Впившись в дерево металлическими зубьями крюка, он качнулся, ухватился за край балки рукой и какое-то время висел, удерживая свой вес только пальцами. Тут они снова заскользили на пыльной поверхности. Неужели ему в самом деле нравилась эта проклятая работа?

С отточенной годами ловкостью он качнулся в сторону, перевернулся, зацепился за брус ногой и взобрался на него, уже не обращая внимания на летящую вниз пыль. С чем-то всегда приходилось мириться.

«А с чем-то мириться нельзя, — напомнил себе он — Сегодня ты не особенно потрудился свести опасность к минимуму».

Задумываться об этом сейчас не следовало, но полностью сосредоточиться на чистке проклятых балок и продвижении вперед никак не получалось. Кайлара он предупредил, как только мог, о том, что планирует провернуть этим вечером Рот. И постарался все устроить так, чтобы Кайлар не сбежал из города, а тоже явился сюда.

«Началась полоса невезения, старик. Впрочем, что теперь значит везение или невезение? Ты проиграешь, как бы там ни сложилось».

Король, сидевший за главным столом, поднялся на ноги, пошатнулся и поднял бокал. Его щеки пылали.

— Друзья мои, мы собрались, чтобы отметить середину лета. Поводов для веселья множество, но не меньше и поводов для скорби. Я… словами не выразить то, что я чувствую из-за случившегося вчера. От руки беспощадного супруга умерли Катринна Джайр и все ее домашние. А еще… королевство потеряло всеми любимого принца.

Голос короля задрожал. Его горе было столь неподдельно, что в глазах некоторых гостей тоже заблестели слезы. Принц ушел из жизни полным сил, пусть и по собственной неосторожности; а семейство Джайров пользовалось всеобщим уважением.

— Сегодня праздник лета. Наверняка некоторые недоумевают: «До веселья ли, когда вчера стряслась такая беда?» Я объясню вам, почему решил не менять планов. Давайте порадуемся тому, что многие из наших близких живы и здоровы.

Лорд-генерал Агон, сидевший по левую руку короля, мрачно закивал. Дарзо задумался о том, какие из слов короля придуманы генералом. Возможно, большая часть.

Король осушил бокал, забыв, что не закончил тост. На лицах гостей отразилась растерянность. Что делать? Тоже выпить или еще немного подождать? Половина стали пить, половина — смотрели на короля. Он продолжал:

— Я скажу, почему мы собрались. Мы собрались, потому что негодяи, убившие моего мальчика, не в силах меня запугать. Они мне нипочем. И я буду и впредь жить, как хочу!

Лорд-генерал Агон встревожился. Алейн IX перескочил с королевского «мы» на себялюбивое «я». По-видимому, выпил он больше, чем казалось.

— Королевство останется независимым. И знаете почему? Сегодня в этой зале присутствуют и махинаторы, и заговорщики, и предатели! Да-да! Но я клянусь вам, проклятые изменники, вы умрете все до одного! — Король побагровел от ярости. — Я знаю, что вы здесь! Знаю обо всех ваших происках! Запомните: ни хрена у вас не выйдет!

«Ого! — подумал Блинт. — Их величество выучил новое ругательство».

— Нет, Брэнт! Сядь! — прокричал король, когда лорд-генерал поднялся на ноги.

Остальные в испуге помалкивали.

— Кто-то из вас продал нас всех Халидору. Вы убили принца! Моего дорогого мальчика! Логан Джайр, прошу вас, встаньте!

Сэра Дрейк, согласно своему невысокому положению, сидела в противоположном конце залы, но Дарзо даже с потолка заметил, как она побледнела от страха, наверняка подумав, что король прилюдно казнит Логана. Ее опасения разделяли многие присутствовавшие.

Логан Джайр, потерянный и мрачный, медленно поднялся с места. Он был на редкость хорош собой, крепок, высок и, насколько знал Дарзо, любим как высшей знатью, так и обычными горожанами.

— Логан! — воскликнул король. — Вас обвинили в убийстве моего сына. Однако сейчас вы здесь, празднуете. Ответьте же: вы ли его зарезали?

Несколько голосов в отчаянии закричали, что Логан не способен на такое зверство. Стражники встревоженно переглянулись и посмотрели на капитана Артуриана, ожидая распоряжений. Тот кивнул, и двое стражей тотчас приблизились к Логану.

«Что ж, — подумал Дарзо, наконец подползая к тому месту, под которым начинался главный стол. — Если Кайлар меня не убьет, убьет вопиющая несправедливость. Невиновные вечно проигрывают».

— Пусть сначала ответит! — проревел король.

С его уст слетел поток проклятий, гости опять притихли. В воздухе тяжелой тучей повисло напряжение.

— Ваше величество, — громко и четко заговорил Логан. — Ваш сын был моим другом. Выдвинутые мне обвинения нелепы.

Король долго молчал.

— Я верю вам, герцог Джайр, — наконец ответил он. — Лорд Джайр объявляется невиновным. Готовы вы служить королевству верой и правдой, Логан Джайр?

Потрясенный Дарзо на миг остановился. Лица аристократов вытянулись от изумления.

— Да, — уверенно ответил Логан, не сводя глаз с Сэры Дрейк. «Что, черт возьми, происходит? — подумал Дарзо. — Такое впечатление, будто они разыгрывают спектакль».

— В таком случае, лорд Джайр, мы объявляем вас наследником сенарийского престола. И сообщаем общественности о вашем браке с моей дочерью, Дженин. Лорд Джайр, до тех пор, пока не родится новый наследник королевского рода, им будете вы. Вы готовы принять оказанную вам честь и соответствующие обязанности?

— Да.

Всеобщий страх превратился в недоумение, потом в благоговение.

Дженин Гандер с неловкостью и смущением пятнадцатилетней девочки подошла к Логану. Дарзо услышал, как Сэра Дрейк приглушенно вскрикнула. Прижав руки ко рту, она

выбежала из залы. Остальные ничего не заметили, потому что уже приветствовали нового наследника и его супругу радостными возгласами.

Король опрокинул в глотку очередной бокал. Его примеру последовали остальные.

— Принц Джайр! Принц Джайр! Логан Джайр! — послышалось со всех сторон.

Алейн IX сел, однако шум не стихал. Взгляды гостей были прикованы к Дженин и Логану. Король явно начинал злиться. Аристократы кричали «принц Джайр», а не «принц Логан». Возможно, конечно, без всякого умысла, но не исключалась и вероятность того, что всех радовала принадлежность Логана к роду Джайров.

Логан, хоть и выглядел несколько заторможенным, принимал одобрение толпы с достоинством, кивал друзьям и покраснел, когда новоиспеченная жена взяла его за руку. У Дженин, так открыто проявившей обожание к мужу, тоже вспыхнули щеки. Толпа заулюлюкала с пущим неистовством; король сильнее и сильнее досадовал.

Не обращая на него внимания, знать, прислуга и даже стражники упоенно приветствовали нового наследника. Казалось, аристократы полагают, что мрачная туча над их головами уже начала рассеиваться. Тут и там восклицали: «Замечательный из Логана Джайра получится король!» Не смолкали восторженные «ура!».

Алейн Гандер снова побагровел, но о нем как будто забыли.

— Принц Джайр! Принц Джайр!

— Да здравствует принц Джайр! Ур-ра!

Король в бешенстве вскочил с места.

— Все! Ступайте! — закричал он Логану, стоявшему буквально в пяти шагах. — Закрепите свой брак!

Лорд-генерал попытался было встать, но король грубо толкнул его, без слов веля не вмешиваться.

Логан посмотрел на Алейна в полной растерянности. Гости притихли.

— Вы что, оглохли? — вскричал король. — Ступайте и поимейте мою дочь!

Молодожены побледнели. Принцесса вдруг густо покраснела. Казалось, от унижения она готова провалиться сквозь землю. Прилила краска и к щекам Логана. Его охватила ярость. Стражники, до сих пор стоявшие чуть позади него, будто окаменели.

«Король что, спятил?» — подумал Дарзо.

Воцарилась мертвая тишина. Аристократы затаили дыхание.

— Вон! Оба — прочь с моих глаз! Идите и трахайтесь! Трахайтесь! — завопил король.

Содрогаясь от ярости, Логан отвернулся и повел молодую жену прочь из залы. Ошарашенные стражники последовали за ними.

— А остальные, послушайте внимательно! — воскликнул король. — Завтра устроим день скорби по моему сыну. Клянусь, я выясню, кто его убил, и вздерну всех причастных к этой гнусности!

Он тяжело опустился на место и вдруг разрыдался, точно малый ребенок. Испуганные и смущенные гости глазели на него, не произнося ни звука.

Мысль Дарзо заработала в бешеном темпе. Рот наверняка не предвидел ничего подобного. Не мог. Но Дарзо не сомневался, что Рот сейчас в замке, может, даже в этой самой зале. Стражник одного из низших аристократов служил их сигнальщиком. Если он снимет шлем, значит, переворот отменяется.

На осмысление того, что случилось, мокрушнику потребовалось какое-то время. Выходка короля его не волновала, озадачивала женитьба Логана. Как они умно все придумали! Теперь, если короля убьют, последует не раздор четырех семейств, а немедленное восхождение на престол Логана Джайра. Подчиняться ему станут с намного большей готовностью, чем подчинялись предыдущему королю.

Ход был сделан блестящий, но, увы, с опозданием. Замок кишел людьми Рота. Отложить задуманное на потом он, скорее всего, не мог себе позволить. Если бы переворот планировался на завтра, женитьба Логана коренным образом изменила бы положение дел. При нынешнем же раскладе его и Дженин просто убьют вместе с остальными жертвами.

Дарзо выждал несколько минут. Похоже, Рот рассуждал примерно так же. К сигнальщику подошел слуга, что-то ему сказал, стражник кивнул и даже не притронулся к шлему. Государственный переворот не отменялся.

Роту предстояло внести в план кое-какие поправки, однако, какими бы они ни были, принца Логана Джайра ему следовало убить сегодня же. Молодоженов отправили в северную башню. Не исключено, Рот намеревался поручить это задание Дарзо, но тот не желал плясать под дудку халидорцев. То, что пообещал, он выполнит, убивать же Кайларова друга не станет.

Приобретенную у Дарзо крольчатину подавали на первое. Этих кроликов мокрушник целый год подкармливал ядом из болиголова. Дозы были настолько небольшие, что гости не могли ничего почувствовать, если только не угостились закусками из скворцов. Те же, кто отведал и того и другого, должны были занемочь примерно через полчаса. Отравление болиголовом начиналось почти незаметно. Сначала пропадала чувствительность ног или же в них появлялась тяжесть. Потом странные ощущения распространялись но всему организму, затем появлялась тошнота и рвота. Те, кто попробовал и второе блюдо, могли забиться в конвульсиях.

Предугадать что-либо точно было невозможно. Отравительство полно загадок и неожиданностей. Разные люди реагируют на яды по-разному. В любом случае, с минуты на минуту должны были обнаружиться первые жертвы. Дарзо следовало сделать дело прежде, чем кто-то объявит о своем плохом самочувствии.

Он привязал к балке конец веревки. Стоила она баснословных денег, но была самой надежной из всех, которыми ему доводилось пользоваться. Укрепив ремни с оружием, созданные специально для этого задания, Дарзо просунул под них веревку и приготовился к спуску.

Король, его жертва, находился прямо под ним. Терять не следовало ни секунды. Дарзо взялся одной рукой за веревку. Он мог либо быстро съехать вниз, либо, если потребуется, в любое мгновение остановиться. Спуститься надлежало максимально быстро: самого Дарзо, окутанного тенями, было почти не видно, однако веревку он замаскировать не мог.

Возникшая из ниоткуда веревка над головой короля грозила мгновенно приковать к себе внимание. Стражники среагируют тут же — Вин Артуриан тренировал их должным образом.

Свободной рукой Дарзо достал два крошечных шарика, изготовленных из смеси различных грибов. Несмотря на малые размеры, раствориться мгновенно шарики не могли, а использовать порошок было бы проблематично.

Гости до сих пор молчали. Король, почти успокоившись, всхлипнул и увидел, что все взгляды устремлены на него.

— Чего пялитесь? — Он полил всю толпу водопадом ругательств. — Мы, кажется, празднуем свадьбу моей дочери! Пейте же, черт вас дери! Не молчите!

Схватив бокал, он осушил его.

Гости через силу заговорили друг с другом, а минуту спустя в зале уже царил оживленный гул. Очевидно, все гадали, не сошел ли король с ума. Он, наверное, и сам об этом раздумывал.

Его бокал снова наполнили. Виночерпий сделал первый глоток, подержал вино во рту и протянул бокал королю. Тот с шумом поставил его на стол.

— Ваше величество, — проговорил лорд-генерал Агон, — я хотел бы кое о чем побеседовать с вами наедине.

Король повернул голову. Дарзо, как молния, съехал вниз и остановился футах в десяти над столом. Расстояние было немалым, однако его это не смущало. Внезапно веревка чуть дернулась, и Дарзо закрутило вокруг своей оси. Довольно-таки медленно, и все же…

Он постарался не сосредотачивать на этом внимания. Не начинать же все сначала. Первый шарик упал в бокал, второй стукнулся о край, отлетел в сторону, прокатился несколько дюймов и остановился на столе.

Дарзо, сохраняя удивительное спокойствие, достал третий шарик и бросил в вино.

Король взял бокал и уже было собрался поднести его к губам, как лорд-генерал Агон сказал:

— Может, вам больше не стоит пить, ваше величество?

Он протянул руку с намерением забрать у Алейна бокал.

Дарзо не стал ожидать, что последует дальше, а достал короткую духовую трубку и взглянул на королевского мага, Фергунда Са'фасти. Увы, выстрелить Дарзо не успел, так как веревка продолжала крутиться.

Попасть следовало в лодыжку. Мокрушник надеялся, что под воздействием болиголова ноги мага успели занеметь настолько, что он не почувствует боль от входящего в плоть дротика. Дарзо поднес трубку к губам, но, повернувшись, опять не выстрелил, потому что король и лорд-генерал оживленно жестикулировали и загораживали мага руками.

«Проклятые одеяния!» — подумал Дарзо. Мантия мага почти полностью скрывала лодыжки. Прокрутившись еще круг, Дарзо отказался от затеи попасть именно в лодыжку. Маг беспрестанно переставлял ноги, а дротик у Дарзо был всего один. Халидорцы обработали его чем-то таким, что обещало блокировать волшебные способности мага.

Дарзо дунул в трубку. Дротик воткнулся Фергунду Са'фасти в бедро. Маг недовольно поморщился и наклонил голову, но в это мгновение к нему подскочил прислужник, работавший на Са'каге.

— Простите, сэр. Еще вина?

Слуга ловко выдернул дротик. С такими удивительными способностями он мог стать лучшим в городе карманником. Впрочем, ничего удивительного здесь не было. На Рота работали лучшие мастера своего дела.

— Не видишь? Мой бокал полон! — воскликнул мат. — Болван! Налакался? Тебе положено разливать вино, а не хлебать его!

Дарзо стал взбираться по веревке наверх и вздохнул с облегчением, лишь вскарабкавшись на балку. Выпил ли король вино, он понятия не имел, но все, что требовалось, Дарзо выполнил.

52

— Хорошо! Если вам так этого хочется, напейтесь вдрызг, — сказал Агон.

Его не волновало, рассердится ли король.

«А я-то решил, что научился с ним разговаривать, — подумал лорд-генерал. — Бесстыдник! Осрамил собственную дочь и человека, который ради спасения королевства отказался от всего, что любит!»

Уговорить короля согласиться на брак Логана Джайра и Дженин Гандер Агону удалось, но Алейн до сих пор не мог с этим смириться. Он завидовал красоте Логана, его уму, злился, что народ принял известие с такой неподдельной радостью, и досадовал, что Дженин не отказалась от брака, а вступила в него не раздумывая.

Главная цель была достигнута: король объявил Логана наследником. Агон полагал, что за десять лет службы этому исчадию ада не совершил ничего более полезного.

Логан, конечно, затаил на него злобу, но у королевства появилась надежда на спасение. Порой долг побуждает делать то, что при иных обстоятельствах человек постарался бы любым способом избежать. Агон исключительно из чувства долга находился на службе у Алейна IX. Логан был тоже не из тех, кто уклоняется от обязанностей, но, подобно Агону, не мог заставить себя радоваться своей участи.

Логан будет до гробовой доски ненавидеть Агона, зато у Сенарии появится достойный король. Благодаря его честности, уму и популярности королевство, быть может, наконец перестанет быть скоплением воров и душегубов.

Агон знал, на что идет, и сознавал, на что обрекает Логана. Парнишка был вынужден выбрать тот путь, на который по собственному желанию не свернул бы никогда в жизни.

Агон видел, как приняла новость Сэра Дрейк, знал, что Логан будет век считать себя предателем, и так страдал, что сегодня вечером почти не прикасался к еде.

Король допивал остатки вина. Гости продолжали общаться друг с другом, но их голоса звучали не так, как обычно в праздник середины лета, и обстановка в зале царила совсем иная. Голоса звучали приглушенно, на короля то и дело бросали любопытные взгляды. Каждый явно терялся в догадках: что король замыслил? Зачем, едва объявив Логана наследником престола, так опозорил его?

Творилось какое-то безумие.

Король, снова залившийся слезами, вдруг успокоился и обвел всю залу исполненным ненависти взглядом. Его губы задвигались, но слов было не разобрать. Агон наклонился и ничуть не удивился, поняв, что Алейн, совсем ошалев от ярости, разразился очередным потоком проклятий.

Внезапно король рассмеялся. Гости опять притихли; Алейн захохотал еще сильнее и указал на скромника графа по фамилии Бурз. Все присутствовавшие уставились на графа Бурза.

Тот весь сжался и покраснел, но король так ничего и не сказал. Его взгляд сделался рассеянным, и он снова забормотал себе под нос ругательства. Гости еще долго смотрели на графа, потом повернулись к королю.

Тут канцлер Стиглор, сидевший за главным столом, с воплем вскочил и прокричал:

— Еда отравлена!

Пошатнувшись, он рухнул на стул и закатил глаза.

Его сосед, лорд Руэль, которого король терпеть не мог, вдруг упал лицом в тарелку и замер.

Король не переставал хохотать. Агон изумленно взглянул на него. Алейн не смотрел на лорда Руэля, но его смех был крайне неуместен.

Кто-то воскликнул:

— Нас отравили!

— Отравил король!

Агон повернулся в ту сторону, откуда раздались голоса, но не смог определить, кто кричал. Неужели слуги? — подумал он. Нет, они бы не посмели.

Послышался третий возглас:

— Король! Нас отравил король!

Алейн, смеясь, вскочил на ноги, пошатнулся от опьянения и стал осыпать гостей непристойностями. Тут начался полный кошмар. Дамы и кавалеры принялись вставать из-за стола, шумно отодвигая стулья. Некоторые тут же валились с ног. Одного пожилого лорда стошнило прямо на стол, а молодую даму повело в сторону и тоже стало рвать. Она упала.

Агон уже отдавал распоряжения стражникам. Вдруг распахнулась боковая дверь, расположенная напротив главного стола. Вбежал человек в ливрее Джайров, поднимая руки вверх в знак того, что он безоружен. Ливрея была разорвана и залита кровью, из алого пореза на лице тоже текла кровь.

Ливрея Джайров? — удивился Агон. Сегодня здесь не было ни одного из подчиненных Логана.

— Измена! — прокричал слуга. — На помощь! Принца Логана хотят убить! Воины короля собираются убить принца Логана! Кто-нибудь — помогите!

Агон повернулся к стражникам, доставая из ножен меч.

— Должно быть, произошло какое-то недоразумение. Ты, ты и ты, пойдемте со мной. — Он взглянул на окровавленного посланца. — Отведешь нас?..

— Нет! — проревел король, внезапно прекратив смеяться.

— Ваше величество, необходимо защитить…

— Не смейте уходить! Оставайтесь здесь! Все! Вы, и ты, Брэнт! Вы принадлежите мне! Мне!

Агону показалось, что он впервые в жизни видит перед собой настоящего короля.

Алейн так долго был для него лишь скверным избалованным ребенком, что Агон забыл о короне, дававшей даже скверному мальчишке пропасть возможностей.

Лорд-генерал перевел взгляд на королевских стражников. На их лицах отражалось отчаяние. Они явно всем сердцем рвались на помощь Логану, своему принцу, но чувство долга велело им подчиняться королю.

Логан, их принц…

Выход нашелся сам собой. Впервые в жизни долг и желание слились в Агоне воедино.

— Капитан Артуриан! — рявкнул он таким грозным командным голосом, что его услышали, наверное, все королевские стражники. — Капитан! Если король умрет, что вы будете делать?

Коренастый Артуриан моргнул.

— Сэр! Я стану служить новому королю. Нынешнему принцу.

— Да здравствует король! — воскликнул Агон.

Король недоуменно пялился на него. Лорд-генерал взмахнул мечом. Алейн выкрикивал ругательство, когда его голова полетела с плеч.

Тело повалилось на стол, шлепнулось на стулья, рухнуло на пол и замерло. Не успели стражники опомниться, как Агон поднял меч над головой.

— Клянусь, я отвечу за этот поступок. Если считаете нужным, убейте меня. А сейчас отправляйтесь к принцу. Спасите его!

Мгновение-другое никто не смел пошелохнуться. Царивший в зале переполох будто отошел на задний план. Женщины визжали, мужчины что-то выкрикивали, слуги, вооруженные столовыми ножами, суетились вокруг своих блюющих лордов. Воздух то и дело пронзали истошные выкрики «измена!» и «убийство!».

Капитан Артуриан вдруг опомнился и воскликнул:

— Король мертв; да здравствует король! К принцу! К королю Джайру!

Агон, королевские стражники и дюжина аристократов гурьбой выбежали из парадной залы.

Добежав до западного королевского моста, Кайлар перешел на шаг, представил, что превращается в тень, и взглянул на себя. Он выглядел как неровно вырезанный кусок темноты. Замечательно! Дарзо говорил, что рваные края тени помогают мокрушнику стать еще менее заметным. Кайлар надеялся, что *талант* приглушает его шаги, но понятия не имел, так ли это. Обнаружить в самый неподходящий момент, что его надежды напрасны, очень уж не хотелось.

Свернув за угол, он увидел стражников. От западного моста замок отделяли большие ворота, почти такие же, какие защищали парадный вход. Массивные, дубовые, обшитые железом, они достигали двадцати футов в высоту и были утыканы острыми шипами. За ними шли ворота пониже. Дюжие стражи в тяжелой броне казались встревоженными. Один беспокойно топтался на месте и беспрестанно смотрел по сторонам, второй вел себя сдержаннее, медленно поворачивал голову и вглядывался во тьму, не обращал внимания лишь на реку. Кайлар подошел ближе и, несмотря на шлемы, тут же узнал в стражниках близнецов, отнюдь не только потому, что у них на лицах темнели одинаковые татуировки — разряды молнии. Левша и Бернерд. У Левши был кривой нос. Оба знали толк в своем деле.

Кайлар посмотрел туда, куда не глядел Бернерд. К берегу реки подплыло неповоротливое, похожее на морскую корову судно. Двери были раскрыты, но фонари не горели. Получив доступ к магическим силам, Кайлар стал прекрасно видеть во тьме. Более того: чем сильнее сгущались тени вокруг него, тем острее делалось его зрение.

Из дверей судна повалили воины. Они были в сенарийских мундирах, но на руке каждого краснела повязка — у солдат на левой, у офицеров на правой.

Кайлар видел, что под их шлемами скрываются черные, как вороново крыло, волосы. Глаза воинов были голубые, как скованные льдом озера. Высокие, крепкие, закаленные суровым климатом и частыми боями, они явились явно с севера, причем не просто из

Халидора, а из халидорского высокогорья. Стало быть, это свирепые отборные воины короля-бога.

При свете дня это увидел бы любой сенариец в замке. Однако в темноте позднего вечера сенарийские стражники не сразу поймут, что на них напали иноземцы. Каждому следующему отряду придется заново разбираться, что повязки — отличительный признак врага.

По реке, на удалении сотни шагов, плыло второе судно. Халидорские горцы были шире в плечах, чем жители других частей страны. В горах до сих пор оставалось лишь несколько племен, остальные же подались в воины и нагоняли на неприятелей особенный страх.

С первого судна сошли четыреста или пятьсот горцев. Наверняка Кайлар знать не мог, но догадывался, что и на втором корабле явились воины. Это значило, что сенарийский замок планировали захватить теперь же. Вслед за ним, как обезглавленное тело, падет и все королевство.

Несколько колдунов, взбираясь на пригорок, разговаривали между собой и поглядывали на небо явно в ожидании какого-то знака.

Кайлар в нерешительности стоял на месте. Ему следовало либо проникнуть внутрь и попытаться спасти Логана (Рот наверняка нанял Хью или Дарзо, чтобы его прикончить, если те уже этого не сделали), либо оставаться здесь и выступить против целого войска.

В одиночку? — задался он закономерным вопросом. Безумие!

Второе судно приближалось к мосту. Кайлара вдруг охватила злость. У него не было причин быть преданным Сенарии, но он не желал допускать смерти Логана или графа Дрейка. Если халидорское войско проникнет в замок, то устроит там кровавую резню.

В общем, Кайлару надлежало сразиться с врагом снаружи, а потом еще и внутри. Прекрасно.

Он взглянул на ребят Са'каге, охранявших мост. Они не спешили ни защитить вход в замок, ни открыть его, лишь повернули рычаг, немного опустивший массивные железные речные ворота.

В небе над замком засветилась длинная арка сине-зеленого пламени. Кайлар, заметив ее, зашагал вперед.

Колдуны явно обрадовались, о чем-то посовещались с одним из офицеров, и тот стал выкрикивать команды. Кто-то из халидорцев поднял факел и дважды им помахал. Левша и Бернерд тоже взяли факелы, встали по обе стороны моста и два раза взмахнули факелами.

Все понятно, подумал Кайлар.

Он достал из ножен меч Возмездия. Близнецы, услышав лязг, повернули головы. Левша моргнул и наклонился вперед. Поскольку оба держали в руке по факелу, они увидели во тьме только стремительно рассекшую воздух узкую полоску черного металла.

Мгновение, и близнецы упали замертво. Кайлар вернул на место факел Бернерда и посмотрел на халидорцев. Они уже построились и поднимались к мосту по узким тропинкам.

Кайлар нашел ключи в кармане мертвого Бернерда, открыл замок и скользнул внутрь, прямиком к рычагу, регулировавшему речные ворота — увесистую решетку, которая опускалась в воду, а сейчас висела прямо над халидорским судном. Кайлар повернул рычаг. Послышался приглушенный металлический звук. Кайлар взглянул с моста вниз. Решетка опустилась в скопление магии, которое заискрилось и засияло во тьме. Колдуны, вернувшись на палубу второго судна, что-то закричали.

Кайлар вбежал на пост стражников. Над костром висел котелок с каким-то кушаньем, вокруг лежали кухонные принадлежности, шлем, несколько плащей, в выдвижных ящиках комода, по-видимому, хранились какие-то личные вещи, а на низком столике белели игральные бабки. Шкаф был до отказа набит потертыми коврами и прочим старьем.

Кайлар выскочил вон. Не могло такого быть, чтобы военный королевский мост охраняли только ворота. Деревянные сваи защищала металлическая огнеустойчивая обшивка, но древесина с годами все равно вбирала в себя воду и гнила, к тому же сваи давно не меняли. Почему короля волновала лишь защита от огня?

Тут Кайлар заметил длинные деревянные балки на штырях по обе стороны моста. По краям каждой из них были установлены огромные глиняные шары. Ширина каждого достигала Кайларова роста. Под глиной наверняка прятался металл — наверху одного шара темнела железная петля, к которой была привязана веревка, а из боков торчали небольшие ручки. Кайлар потянул за одну из них, заметил трубку, выдвинул ее, и ему в лицо хлынула масляная струя.

На то, чтобы сообразить, для чего предназначено хитрое сооружение, он потратил несколько драгоценных мгновений. Шары были наполнены маслом. Держатели при необходимости могли выдвинуть балки за пределы моста и сбросить шары на проплывающее внизу судно, чтобы без труда его сжечь.

Кайлар пулей вернулся к воротам, закрыл их, запер замки и схватил факелы. Первая группа халидорцев приближалась к мосту.

«Что я делаю?» — мелькнуло в мыслях Кайлара.

Судно под мостом готовилось к отплытию. Времени на раздумья не было. Кайлар пинком повернул крепление-защелку, удерживавшую балку, и изо всех сил толкнул брус. Он не двигался. Кайлар пошатнулся, наткнулся на туго натянутые внизу веревки, чуть не полетел вниз, выругался и снова навалился на балку. Очевидно, конструкцию давным-давно никто не смазывал.

Тут Кайлар вспомнил про *талант.* Он чувствовал циркулировавшую в нем мощь. Казалось, ему под силу даже поднять груженую повозку с земли. Скрывавшая его темнота задрожала — *талант* менял направление. Кайлар снова толкнул балку.

«Если повезет, они даже не узнают о моем присутствии, — подумал он. — А потом будет поздно».

Над одним из шаров, потрескивая, пролетел сгусток зеленого колдовского огня. Снизу послышались крики. Увидели колдуны Кайлара или только факелы — в любом случае их что-то встревожило.

Кайлар снова навалился на балку. Упереться ногами было не во что, и они скользили по доскам. Балка не поддавалась.

Следующий комок зеленого пламени, ударив по глиняному шару, подскочил в воздух. Кайлар не обратил на это внимания. Над палубой судна, прямо под ним, распространялся странный белый свет. Перед рыжеволосой колдуньей возникло нечто крошечное, типа птички колибри. Колдунья затянула монотонную песнь; ее вир запульсировал, направляя птицу. Та полетела вверх.

Кайлар хотел было отскочить в сторону, запнулся о веревки и чуть не упал. Перед ним возник человечек — белый, как мука, ростом самое большее в фут. Он был искаженной и уменьшенной копией рыжеволосой колдуньи. Мягко приземлившись на шаре, человечек вонзил в него, точно в сливочное масло, стальные когти, повернулся к Кайлару и зашипел.

Взглянув на его клыки, Кайлар попятился и опять чуть не упал с моста.

Внизу прозвучал удар. Воздух перед рыжеволосой заволновался, как вода в пруду, в который бросили камень. Казалось, что где-то под воздухом движется нечто огромное. Растягивалась и видоизменялась сама действительность…

Тут она прорвалась. Кайлар увидел, как прямо из ада, сотрясая все вокруг, к нему устремляется змей.

В радиусе двадцати футов от него все будто разрывалось на куски. Перед Кайларом раскрылась гигантская круглая пасть, которая, казалось, выворачивается наизнанку, превращаясь в покрытый шипами конус. Внезапно чудище изменило направление, вцепилось первым округлым рядом зубов в белого человечка и стало жадно поглощать все, что было вокруг.

Последний ряд зубов, самый большой, впился в металлический шар. Тут вдруг адский змей исчез. Воздух снова заволновался, успокоился, и все стихло, будто ничего и не происходило.

Человечка не было. Не было и трех четвертей шара. Их отъели, будто сало. Солдаты

улюлюкали. В воду возле отплывавшего судна капало масло. Второе судно тоже приближалось к мосту.

Обессилевший Кайлар сделал шаг в сторону, чуть было снова не налетел на веревки, громко выругался и тут заметил, что веревки идут к системе шкивов.

— Какой же я болван!

Схватившись за веревку, Кайлар изо всех сил потянул ее на себя. Держатель второго шара с легкостью наклонился в сторону реки. Послышался крик; мимо Кайлара пролетели два зеленых сгустка.

К шкиву крепилась еще одна веревка. Не исключено, игравшая немаловажную роль. Кайлар потянул за нее, и балка резко наклонилась. Шар полетел вниз. Кайлар на миг испугался, что выбросил в воду свое единственное оружие, и тут увидел, что шар, как маятник, раскачивается в футе от поверхности реки. Через мгновение он врезался в ватерлинию второго судна.

Взрыва не последовало. Оказалось, что бьющая сторона шара полностью из железа, ее покрывал лишь тонкий слой обожженной глины. Она ударила по корпусу судна и пробила его, будто тот был из березовой коры. Горцы сбились в кучки.

Вторая половина шара, полностью глиняная, разбилась. Изнутри хлестнуло масло, обильно поливая людей и деревянную палубу.

Кайлар наблюдал за происходившим сверху. Внутри пробитого корпуса поднялся крик. Но Кайлар надеялся, что вот-вот произойдет нечто более сокрушительное.

Ба-бах!

Судно взорвалось. Из дыры, пробитой шаром, вырвался оранжевый пламенный язык, пробоина вмиг увеличилась раза в три. Мгновение, и огонь запылал по всему судну. Крики воинов заглушил рев пламени.

Тех, кто стоял на палубе, сбило с ног, многие попадали в воду. Утяжеленные боевыми доспехами, они тут же пошли ко дну.

Огонь с той же внезапностью, с которой распространился по судну, внезапно погас. Из иллюминаторов повалил дым, воины стали поспешно выбираться на палубу. Капитан, не обращая внимания на льющую из пореза на голове кровь, принялся выкрикивать команды, но его будто никто не слышал. Солдаты прыгали в реку, надеясь доплыть до берега — казалось, до него подать рукой, — и один за другим тонули.

Огонь, сначала питавшийся маслом, перекинулся на деревянные доски, на несколько мгновений стих и, точно ненасытный зверь, запылал с новой силой. Пламя с ревом разлетелось по всем палубам. Судно не останавливалось, но Кайлар уже знал, что до берега ему не дотянуть. Лишь несколько воинов догадались, прежде чем прыгать за борт, скинуть с себя доспехи, другие ухватились за мостовые сваи, но сотни две халидорцев были обречены.

Ворота за спиной содрогнулись от удара. Кайлар выругался. Не следовало ему стоять на месте и терять время впустую, надлежало действовать дальше.

Сенарийские воины не показывались даже теперь, когда было очевидно, что на реке творится что-то неладное. Стало быть, в замке происходило нечто еще более страшное.

Ворота разлетелись на части. Колдуны, вооруженные магическими силами, устремились внутрь.

Кайлар побежал за ними.

53

Рот, сопровождаемый Нефом Дадой и дюжиной воинов в сенарийских мундирах, быстро шел по узкому коридору. Достигнув небольшой комнатки, компания свернула направо и взбежала по лестнице.

Дальше шел лабиринт переходов, коридоров и лестниц для слуг, но так попасть в северную башню можно было вдвое быстрее, а терять не следовало ни мгновения. Планы, которые Рот составлял, совершенствовал и оттачивал долгие годы, сегодня наконец обещали

принести плоды. Он, точно жадный ребенок, мечтал отведать каждый из них, да с таким смаком, чтобы по подбородку потек сладкий сок.

Королева и две ее младшие дочери в эти минуты наверняка прощались с жизнью. Рот досадовал, что не увидит, как закроются их глаза, и надеялся, что никто не обнаружит тела до тех пор, пока он не придет и не обследует их. Хью Висельнику можно доверять, наверняка он выполнил указания с большой точностью, но начиналась настоящая война, а в войнах сложно что-либо точно предопределить заранее.

Иного выхода у Рота не было. Он жаждал увидеть главным образом, как умрет король. Сцена поразила воображение Рота. Если бы он не прятался в углу и не зажимал себе рот, не удержался и покатился бы со смеху.

Ему целый вечер представлялось, как он прицеливается и собственноручно выпускает стрелу прямо в лоб королю. Мысль прикончить Алейна самому давно не давала ему покоя. Но охрана капитана Артуриана оказалась слишком бдительной. Проникнуть в парадную залу Роту удалось, но пронести с собой оружие он не смог. В какую-то минуту его даже охватило отчаяние. Если бы не Дарзо Блинт, вся операция пошла бы прахом, и Отец убил бы Рота.

Все удалось. Дарзо Блинт справился с заданием на славу. Отравление гостей превратилось в сущее представление. Пока кушанья готовили, Рот не раз проникал на кухню. Никто из пробовавших блюда не чувствовал даже легкого недомогания. Бросая яд в бокал короля, Дарзо продемонстрировал чудеса ловкости.

А эпизод со всеобщим отравлением прошел даже лучше, чем обещал мокрушник. Рот планировал работать с Блинтом и впредь, представлял, сколь изощренные пытки сможет проводить с его помощью. Травы! Рот даже не догадывался о том, какие в них таятся силы. Дарзо научит его пользоваться всеми известными ему растениями. Кто бы мог подумать, что из-за какой-то травы, добавленной в вино короля, Агон потеряет власть над собой?

Рот даже захихикал, когда лорд-генерал отрубал голову королю-глупцу. Пожалуй, все случилось лучше, чем если бы в него выстрелил Рот. Человек, неспособный на измену, вдруг в твоем присутствии совершает ее самым немыслимым образом. В этом есть что-то особенно захватывающее.

Убедившись, что лорд-генерал с толпой воинов покинули парадную залу, Рот со своими помощниками тотчас тоже пустились в путь.

Если все пойдет по плану — а планы Рот разрабатывал с особой тщательностью, — то вечер порадует еще не одной приятностью. Отец будет доволен.

Самое большее через полчаса в замок прибудут шестьсот воинов-горцев. На рассвете морем приплывет еще тысяча. А завтра сюда явится сам король-бог с армией завоевателей. До тех пор Рот должен продержаться, потеряв не больше половины воинов.

Рот рассчитывал потерять от силы четверть бойцов или даже намного меньше. Он сдаст уурдтан на отлично. И король-бог назначит его королем Сенарии, а себя объявит ее верховным королем. Пройдет время, и Рот станет полноправным правителем всего королевства.

Очнувшись от мечтаний про грядущую славу, Рот остановился в последнем узком коридоре. Остальные последовали его примеру. Темневшая перед ними дверь выходила на лестницу, а та вела на нижний уровень северной башни. Рот подал сопровождающим знак рукой.

Они разом навалились на дверь, срывая ее с петель; в воздухе заблестели клинки. Два стражника, охранявшие лестницу, не успев понять, что происходит, простились с жизнью.

— Останемся здесь и встретим Агона, — распорядился Рот. — Подняться наверх ему не судьба. Следующими умрут принц и принцесса. — Он провел рукой по арбалету.

Логан, сидя на краю кровати, закрыл глаза и потер виски. В эти минуты в спальных покоях северной башни он был один. Дженин Гандер — точнее, Дженин Джайр — ушла, чтобы приготовиться.

Приготовиться!

Логана подташнивало. Разумеется, порой он предавался мечтам о близости с женщиной, но старательно рисовал себе одну-единственную — не Дженин.

Когда Сэра приняла его предложение, он поверил, что его мечты сбываются. Еще сегодня утром они вдвоем строили планы о свадьбе…

С тех пор прошла как будто целая вечность.

Услышав шаги босых ног, Логан повернул голову. Дженин вернулась с рассыпанными по плечам роскошными волосами, в полупрозрачной белой сорочке и со смущенной улыбкой на губах. Она выглядела умопомрачительно. Все, что можно было вообразить себе, увидев ее во вчерашнем платье — боги! неужели же это случилось только вчера? — в действительности смотрелось даже более обольстительно. Взгляд Логана прошелся по округлым бедрам, по тонкой талии, по идеальной груди… Красота Дженин могла служить для скульпторов и художников источником неисчерпаемого вдохновения. Ее золотистая кожа в сиянии свечей казалась необыкновенной, на шее от волнения пульсировала венка, а соски, едва прикрытые полупрозрачной материей, так и манили к себе. Он желал ее. Хотел ею овладеть. Страсть и мысли о том, какое блаженство его ожидает, внезапно заслонили собой все вокруг. Мир сузился до прелестей Дженин.

Логан вдруг устыдился и отвернулся. К горлу подступил ком, и стало тяжело дышать.

— Я что, настолько некрасива? — спросила Дженин.

Логан взглянул на нее. Она стояла, прикрывая грудь руками. В ее глазах блестели слезы. Логан, жутко страдая, вновь отвернулся.

— Нет-нет, миледи… Пожалуйста, идите сюда.

Дженин стояла на месте, ожидая чего-то другого. Логан посмотрел ей в глаза.

— Пожалуйста. Вы настолько прекрасны, что у меня нет слов. Я восхищен вами до боли. Прошу вас, сядьте рядом со мной.

Дженин тоже опустилась на край кровати, близко к Логану, но не касаясь его. Он ее почти не знал. Даже его отец полагал, что она для него не пара, ибо чересчур богата. Логану было известно о ней лишь то, что ее все любят, называют «солнечной», что она «остепеняется» и что ей нет и шестнадцати. «Солнечной» ее звали не зря. За ужином Дженин вся так и светилась, во всяком случае до тех пор, пока ее папаша не раскрыл рот. Подонок. Логан не мог взять в толк, как нормальный отец может выдать замуж любимую дочь при таких вот обстоятельствах.

О покойном принце тоже говорили «остепеняется». Это означало, что он, по мнению общества, мало-помалу оставлял привычки молодого гуляки и начинал задумываться о возлагаемых на него обязанностях. Дженин же, по-видимому, всего-навсего недавно перестала играть в пятнашки.

Она ужасно не походила на Сэру. И теперь была Логану женой.

— Видите ли… еще сегодня утром я был помолвлен с другой девушкой. Я любил ее много лет… и до сих пор люблю, Дженин. Можно вас так называть?

— Называйте меня, как пожелаете, мой супруг, — холодно ответила она.

Он обидел ее, хоть и ничего подобного не имел в виду. Черт! Принцесса был слишком молода. Впрочем, дело было не только в ее молодости. Им обоим пришлось пережить в последнее время множество встрясок.

— Вы когда-нибудь кого-нибудь любили, Дженин?

На лице принцессы отразилась не свойственная пятнадцатилетним девочкам грусть.

— Мне нравились… мальчики.

— Это совсем другое, — отрезал Логан и тут же пожалел о том, что не ответил помягче.

— Вы собираетесь мне изменять? — в лоб спросила Дженин. — С ней?

Она будто нанесла Логану удар между глаз. Он вдруг понял, что и ей несладко. Каково это? Неожиданно выйти замуж за того, кто тебе нравится, но любит другую? Логан опустил голову и прижал руки к щекам.

— Я дал вам клятву лишь потому, что меня попросил об этом король, и потому, что это

важно для королевства. Но я ее дал, Дженин. И буду вам верен, ведь это теперь мой долг.

— Ваш долг? Имеете в виду, обзавестись наследником? — спросила Дженин.

Говорила она все тем же ледяным тоном.

Логану следовало промолчать, однако он ответил:

— Да.

Она упала на кровать, рывком задрала сорочку, расставила ноги и, отворачиваясь к стене, воскликнула:

— Давайте же, милорд, выполняйте свой долг.

— Дженин! Взгляните на меня! — Логан опустил подол ее сорочки, умудряясь смотреть только на ее лицо — о боги! — но мечтая о божественном теле и чувствуя себя животным. — Дженин, я постараюсь быть достойным мужем. Пока я не могу подарить вам свое сердце. Я смотрю на вас, и мне кажется, что неправильно это — желать женщину, не любя. Но вы теперь моя жена. Проклятье! Было бы проще, если бы вы не были такой чертовски красивой! Если бы я мог глядеть на вас спокойно и не хотеть того, чем мы должны заняться. Вы меня понимаете?

Наверняка она ничего не понимала, но села, поджала под себя ноги, вновь превратилась в девочку и покраснела, устыдившись своей дерзости. Тем не менее обида из ее глаз не исчезла.

Логан вскинул руки.

— Я ни в чем вас не виню. Я сам ничего не понимаю. Творится какое-то безумие! С тех пор, как умер Алейн…

— Прошу вас, давайте не будем о моем брате? Хотя бы сегодня. Пожалуйста.

— Я потерял все. Все на свете… Все идет черт знает как. — Логан осекся. Ему Алейн был другом. А Дженин — старшим братом. Конечно, она тоже страдала. — Простите, — проговорил он.

— Нет, это вы меня простите, — сказала Дженин. В ее глазах блестели слезы, но голос звучал ровно. — Я всю жизнь знала, что выйду замуж за того, за кого велят. Даже старалась не влюбляться, потому что отец мог в любую минуту вызвать меня и объявить о моем замужестве. Я целых два года старалась не думать о вас. Понимаю, вы считаете меня глупой девчонкой. Вы понятия не имеете, кого мне прочили в мужья. Кьюрского принца, который любит мальчиков, или шестидесятилетнего старика, или алитэрца, ему шесть лет от роду, или лодрикарца — он не говорит по-сенарийски, и у него уже есть две жены. Или халидорцев, для которых женщины все равно что рабыни, или модайца — две его бывшие супруги умерли при весьма подозрительных обстоятельствах. А мне нравились вы, всеобщий любимец. Умный король мог поженить бы нас для того, чтобы восстановить дружеские отношения между нашими семействами, мой же отец вас ненавидит. В общем, мне оставалось лишь смотреть на вас, слушать рассказы брата и других девиц, знать, что вы бесстрашный, умный, благородный, преданный. Мой брат полагал, будто вы — единственный на свете мужчина, который не испугался бы моей смышлености. Дабы обо мне не пошла дурная молва, мне нередко приходится умышленно обходиться краткими ответами или прикидываться, будто я чего-нибудь никак не могу взять в толк.

Логан не вполне ее понимал. Зачем женщине прикидываться глупой?

— Когда мне сказали, что я должна выйти за вас, я подумала, что сбываются мои самые светлые девичьи мечты. Несмотря на причуды отца, Сэру и гибель Алейна… — Дженин глубоко вздохнула. — Простите, милорд, мой муж. Спасибо, что вы со мной честны. Я прекрасно знаю, что вы не просили моей руки. И мне жаль, что Сэра вас потеряла, а я заняла ее место. Но в последнее время творится много странностей. — Она, как и подобает принцессе, чуть приподняла подбородок. — Я намерена сделать все, что в моих силах, дабы приятно удивить вас, милорд. Я хочу завоевать вашу любовь.

«Боги! — подумал Логан. — Ну и девушка!»

Накануне вечером он посмотрел на нее и увидел лишь грудь. Позднее заметил, как она, хихикая, перешептывается с подружками, и решил, что перед ним еще совсем ребенок. Он

ошибался.

Дженин Гандер — Дженин Джайр — была истинной принцессой, будущей королевой. Ее рассуждения, готовность принести себя в жертву и сила духа поразили его. Еще несколько минут назад он надеялся, что настанет день, и его жена, повзрослев, станет ему достойной парой. А теперь сознавал, что это ему необходимо подрасти, чтобы быть достойным этой женщины.

— И я сделаю все возможное, чтобы между нами возникла крепкая любовь, Дженин, — проговорил он. — Просто мне…

Она приложила палец к его губам.

— Может, вы будете называть меня Джени?

— Джени? — Логан прикоснулся к ее нежной щеке и позволил себе взглянуть на ее формы. «Мне позволено… Я имею право. Даже должен», — подумал он. — Джени? Можно вас поцеловать?

Дженин вновь превратилась в смущенную девочку. Их губы встретились, и она, несмотря на свою юность, наивность, сомнения и неуверенность, вдруг стала для Логана средоточием всего самого теплого, нежного, прекрасного и любящего в мире. В ней было все, что необходимо настоящей женщине. Логан обнял ее и привлек к себе. А когда через несколько минут наконец прервал поцелуй и повернулся к двери, она прошептала:

— Не останавливайся.

С лестницы доносился стук подбитых гвоздями сапог. Далеко не одной пары.

Не теряя времени даже на то, чтобы одеться, Логан вскочил с кровати и схватил меч.

54

Регнус Джайр скользнул назад, в темный коридор, пропуская мимо Брэнта Агона, дюжину королевских стражников и, как ни удивительно, нескольких жирных аристократов.

— Да здравствует король! За принца! — прокричал один из них.

За принца? Должно быть, кто-то что-то перепутал, ведь до Регнуса дошли слухи, что Алейна Гандера вчера убили.

Если бы лорд-генерал был один, Регнус бы его окликнул, но ему не следовало показываться на глаза Вину Артуриану. На Вине лежала ответственность за арест Регнуса, и капитан непременно арестовал бы его, пусть и не по собственному желанию.

Откуда-то со стороны к замку приближались крики, слов Регнус не разбирал. Из-за вереницы необъяснимых событий он пребывал в бесконечном напряжении, но предпринять почти ничего не мог, потому что вся его нынешняя армия состояла всего из шести человек; ни на одном из них не было брони. Проникнуть на территорию замка с оружием, под видом прислуги, и то оказалось непросто. Регнус желал одного: найти Налию и поскорее забрать ее отсюда.

Покои королевы располагались на втором этаже в северо-восточной части замка. Регнус и его воины шли по коридорам с невозмутимым видом, двумя группами, стараясь не привлекать к себе внимания слуг, но по его знаку перешли на бег и до самых покоев королевы не наткнулись ни на одного слугу или стражника. Им неслыханно везло. Если бы у дверей дежурили хотя бы два должным образом вооруженных стража, тогда почти безоружный Регнус и все его товарищи, вне всякого сомнения, простились бы с жизнью.

Регнус постучал в массивные двери и распахнул их. Придворная дама, приближавшаяся к двери с намерением ее открыть, испуганно отпрянула.

— Вы! — воскликнула она. — Миледи, спасайтесь! Убийца!

Налия Гандер сидела в кресле-качалке с вышивкой на коленях, к которой она явно даже не притрагивалась. Тотчас вскочив на ноги, королева жестом велела фрейлине уйти.

— Не глупите. Пожалуйста, оставьте нас.

Ее младшие дочери, Алайна и Элиза, выглядели заплаканными. Обе в некоторой растерянности встали, разумеется не узнавая герцога Джайра.

— Что вы здесь делаете? — спросила королева Налия. — Как вы сюда попали?

— Ваша жизнь в опасности. Человек, который вчера побывал в моем имении, сегодня должен убить вас. Прошу вас, Нал… Прошу вас, ваше величество.

Регнус отвернулся.

— Милорд, — ответила королева, обращаясь к непрошеному гостю как к уважаемому вассалу. Впрочем, точно так же представительница знати могла называть мужа. Регнус услышал в единственном слове: «Я всю жизнь любила только тебя». — Милорд… — повторила она. — Регнус, я пойду с тобой куда угодно, но только вместе с ними. Если опасность угрожает мне, значит, и им тоже.

— Девочек возьмем с собой.

— Я про Логана и Дженин. Сегодня днем они поженились.

«Да здравствует король! За принца!» — вновь прозвучали в голове Регнуса возгласы куда-то бежавших аристократов, и все вдруг стало на свои места. Очевидно, они имели в виду: «Король мертв; да здравствует король. Новый король!» То есть принц. Логан.

Гандер погиб. А Логан стал новым королем.

Более достойный человек в первую очередь подумал бы о чем-нибудь другом. Внимание же Регнуса сосредоточилось на том, что мужа Налии больше нет в живых. Презренный человечишка, причинивший окружающим столько страдания, был мертв; умерла и жена Регнуса. Они с Налией вдруг одновременно освободились от двадцатидвухлетних брачных оков. Регнус считал их пожизненным заключением. Приговор будто внезапно отменили.

Все прошедшие годы Регнуса утешали лишь подающий надежды сын и успехи в службе, он привык жить только этим, а в женитьбе находил одни страдания. Теперь же в его груди затеплилась надежда. До счастья было подать рукой; Налия стояла прямо перед ним и смотрела на него исполненным любви взглядом. С какой радостью он будет возвращаться домой и видеть Налию, разговаривать с ней, делить с ней постель и остаток жизни.

Если она согласится, он может вступить с ней в брак. И непременно это сделает.

Смысл второй новости Регнус осознал чуть погодя. Логан теперь — король? Если у Регнуса и Налии появятся общие дети, то историки запутаются в их биографиях. И пусть.

Он засмеялся, чувствуя небывалую легкость на сердце. И вдруг резко замолчал. Агон, стражники и вооруженные столовыми ножами аристократы бежали к его сыну.

Логану грозила опасность. Его пытались спасти. А Регнус помчал в другую сторону.

На разговор о том, что они с Налией теперь свободны, не было времени. Следовало действовать, не теряя ни мгновения.

— Они в опасности! Следуйте за мной! — прокричал Регнус, вскидывая меч. — Мы…

Что-то горячее пронзило его спину, но это ощущение тут же прошло.

Регнус, досадуя, потер грудь и вдруг заметил темноту, устремляющуюся в затененный угол. Из шеи одного его воина внезапно хлынула кровь. Потом, точно марионетки в чьих-то невидимых руках, попадали замертво и остальные. Регнус почувствовал липкую теплую жидкость, убрал руку от груди, опустил голову и взглянул на себя.

По мундиру расползалось алое пятно. Регнус посмотрел на Налию. Темнота стояла у нее за спиной, одна черная рука держала ее за подбородок, во второй был меч с узким клинком, тот самый, которым пронзили Регнуса. Налия смотрела на него с ужасом в глазах.

— Налия, — произнес он, тяжело опускаясь на колени.

У него стало белеть перед глазами; Регнус старался не закрывать их, но вдруг понял, что они и не закрываются. Только это больше не имело значения.

Лорд-генерал и его разношерстная команда теряли много времени даром. Замок за последние столетия несколько раз перестраивался, из-за чего превратился в сущий лабиринт. Дважды генерал и его люди останавливались перед запертыми дверьми, советовались, стоит ли их выбить, и выбирали другой путь.

Теперь от северной башни их отделял последний коридор. Стражники мчали во весь

опор, Агон бежал чуть медленнее, аристократы, пыхтя, едва поспевали за ними. Запал выбивавшихся из сил толстяков давно прошел, и они больше не кричали «За принца!» и «Да здравствует король Джайр!».

Когда Агон вбежал в переднюю, по двери, ведущей на лестницу, уже чертыхаясь, колотили воины. Один из них, полковник Гер, крикнул еще не добежавшим пузатым аристократам:

— Быстрее, милорды!

Осмотревшись по сторонам, лорд-генерал Агон велел наиболее молодым и крепким ребятам выбить дверь. Помещение было тесное, не более двадцати квадратных футов, почти без мебели, с таким высоким потолком, что он терялся во тьме, и с двумя дверями — в коридор и на лестницу.

Что-то было не так. Особенно настораживало отсутствие стражников. Судя по всему, их убили.

Лорд-генерал взглянул через плечо на полковника Гера, поторапливавшего последних аристократов и закрывавшего за ними дверь. Протиснувшись вперед мимо жирного Логанова кузена, Агон только было собрался обратиться к своей команде, как ему по челюсти ударил защищенный броней кулак полковника Гера. Повалившись с ног, Агон с пола наблюдал, как полковник Гер раскрывает дверь, выскакивает и закрывает ее за собой.

Мгновение спустя к двери подскочил один из королевских стражников, но с другой стороны уже гремела задвижка.

— Западня, — произнес лорд Уруэр.

Секунду-другую никто не смел шелохнуться. Лорд-генерал с помощью одного из стражников поднялся на ноги. Тут до него дошло, в каком они оказались положении.

Если даже среди них оказался предатель, значит, попытку убить принца четко спланировали. Все, что происходило в последнее время, начиная с гибели принца Алейна и заканчивая их теперешним заточением, было продумано заранее. Надежды на спасение почти не оставалось.

— Что будем делать, сэр? — спросил один из стражников.

— Надо прорваться сквозь дверь, — ответил лорд Агон, указывая на выход к лестнице.

Возможно, они опоздали. И даже если пробьют себе путь, не исключено, обнаружат, что ступени усеяны телами неприятелей и королевских стражников. Однако Агон был закален в боях и давно уяснил себе, что на сетования и раздумья о том, как следовало поступить, нельзя терять ни секунды. Посокрушаться можно потом. Если выживешь.

Стражники всей гурьбой навалились на дверь. Тут послышался свист стрелы.

Один из стражей упал. Стрела пронзила кольчугу с такой легкостью, будто то был шелк. Агон выругался и стал тщательно осматривать стены в поисках отверстий для стрелков-убийц, однако ничего не увидел.

Стражники опасливо озирались, не зная, как спасаться от невидимого врага.

Свист стрелы. Еще один страж пошатнулся в сторону товарищей и упал замертво. Агон и все остальные посмотрели наверх, в потолочную тьму. Из-за низко висевшей люстры было невозможно что-либо рассмотреть. Из мрака послышался ликующий смех.

Стражники и аристократы в панике бросились прятаться, кто где мог, но укрытий почти не было. Один воин скрылся за креслом с толстым сиденьем и изогнутой спинкой. Аристократ сорвал со стены портрет сэра Робина и прикрылся им, словно щитом.

— Дверь! — рявкнул Агон, невзирая на переполнявшее душу отчаяние.

Выхода не было. Стрелок или стрелки, убивавшие их, не только действовали заодно с многочисленными предателями по всему замку, но еще и знали все здешние тайны. При короле Гурлаке, одержимом навязчивыми идеями, замок изрешетили шпионскими отверстиями и потайными комнатами. Убийца, по-видимому, сидел в одном из секретных мест и без особых усилий убивал стражников. Остановить его не представлялось возможным.

Свист стрелы. Воин, прятавшийся за креслом, вздрогнул, когда стрела, легко пройдя

через спинку, вонзилась ему в грудь. Душегуб демонстрировал им, насколько безвыходно их положение.

— Дверь! — вновь крикнул Агон.

С отвагой, которую ждет от солдат любой командир, но не всякий получает, остальные стражники поднялись на ноги и устремились к двери. Они прекрасно понимали, что большинству не выжить, но сознавали и то, что это их единственная надежда на спасение.

Свист стрелы. Еще один стражник, наваливаясь на дверь, испустил дух. Лорд Анджерт, трясущимися руками державший перед собой портрет, взвыл, как маленькая девочка.

Свист стрелы. Следующего стража отбросило в дверной косяк — стрела вошла ему в ухо.

В двери образовалась трещина. Один из трех остававшихся в живых воинов издал торжествующий вопль. Полсекунды спустя вылетевшая из щели стрела воткнулась ему в плечо, а вторая, выпущенная с потолка, вонзилась в спину.

Двое других стражников отскочили в стороны. Один упал на колени и взмолился:

— Пожалуйста! Пожалуйста, не надо… Пожалуйста!..

Вторым был крепыш капитан Артуриан. Разбежавшись, он как сумасшедший, со всех сил бросился на дверь, потом ударил по ней еще и еще раз. Дверь заходила ходуном. Щель увеличилась, превратившись в дыру.

Из нее вылетели две стрелы, капитан успел увернуться и снова кинулся к двери. Третья стрела прошла сквозь его ухо, разрывая его напополам. Капитан Артуриан, крича от боли, воткнул в щель меч, просунул внутрь руку и оторвал от двери задвижку. Ему в плечо вошла следующая стрела. Не обращая на нее внимания, капитан вцепился в дверь и распахнул ее.

На лестнице их поджидали пять стрелков-халидорцев в сенарийских мундирах и с луками наготове, у них за спинами стояли шестеро мечников и колдун. У ног лучников лежал еще один стрелок, с мечом в животе.

Пять стрел вошли в Артуриана одновременно. Он упал назад и растянулся рядом со стоящим на коленях стражником. Тот закричал.

Свист стрелы. Крик закончился булькающим звуком. Парень повалился на пол, захлебываясь собственной кровью.

Затем последовало нечто странное. Подобное нередко случалось на поле брани, но лорд-генерал Агон никак не мог к этому привыкнуть.

Один из стрелков отдал товарищу свой лук, вошел в переднюю, схватился за дверь и сказал без язвительности, даже вежливо, обращаясь к капитану, которого они только что убили:

— Прошу прощения.

Разжав пальцы капитана, до сих пор державшегося за дверь, стрелок закрыл ее перед лицами изумленного лорда-генерала и аристократов. Агон посмотрел на лорда Анджерда, прятавшегося за портретом. Эти люди добровольно вызвались рискнуть жизнью ради спасения принца. Некоторым недоставало ума, но все, несомненно, отличались храбростью. Агон привел их на верную гибель.

Ловушку поставили хитрую. «Слуга Джайров», прибежавший с вестью о нападении на Логана, явно был одним из дружной компании. Враги увели из парадной залы не только королевских стражников, а еще и тех, кто был по-настоящему предан Логану и мог на деле доказать свою верность. Халидорцы планировали с легкостью уничтожить их. Блестяще!

Внезапно к предсмертному хрипу и бульканью присоединился еще один звук. Агон тотчас его узнал: кто-то переместил железный рычаг, натягивая тетиву арбалета. Щелк-щелк.

— Теперь вам известно, кого стоит проклясть перед смертью, — произнес смеющийся голос из потайного места под потолком. — Я принц Рот Урсуул.

— Урсуул!

Лорд Брэтон чертыхнулся.

— Нам оказывают честь, — пробормотал кузен Логана.

В его жирный живот вошла очередная стрела; ее обтянутый внутренностями

наконечник показался из спины. Лорд тяжело осел и привалился к стене.

Половина аристократов принялись проклинать Урсуула, как он и предложил, остальные склонились над умирающим и стали бормотать слова утешения. Лорд-генерал Агон не двигался с места, желая встретить смерть стоя.

Щелк-щелк.

— Должен поблагодарить вас, лорд-генерал, — сказал Рот. — Вы сослужили мне добрую службу. Сначала убили короля, иными словами совершили премилую государственную измену, потом любезно привели всех этих людей в мою ловушку. Вас ждет награда.

— Что? — воскликнул старик лорд Брэтон, приковывая к Агону возмущенный взгляд. — Скажите, что это неправда, Брэнт!

Следующая стрела вошла лорду Брэтону аккурат в сердце.

— Это ложь, — сказал Агон, но старик его уже не слышал. Щелк-щелк.

Лорд Анджерт в ужасе посмотрел на Агона, единственного, кто не терял самообладания. Картина в руках Анджерта дрожала сильнее прежнего.

— Пожалуйста, прикажите ему остановиться, — взмолился он. — Лично я вовсе не хотел идти с вами, меня отправила жена.

В полотне с изображением сэра Робина образовалось отверстие. Лорд Анджерт какое-то время продолжал держать картину в руках и с отвращением кривился, будто полагая, что она была обязана его защитить. Потом повалился на нее, и рама разлетелась в щепки.

Щелк-щелк.

— Мразь, — задыхаясь, выдавил из себя кузен Логана, глядя на Агона. — Мразь… вот ты кто. — Ему между глаз вошла очередная стрела.

Лорд-генерал вскинул руку с мечом. Рот засмеялся.

— Я не пошутил, лорд-генерал. Вас в самом деле ждет награда.

— Я тебя не боюсь, — ответил Агон. Щелк-щелк.

Стрела вонзилась лорду-генералу в область колена, дробя кость. Его покачнуло в сторону кресла, и он упал. Мгновение-другое спустя еще одна стрела воткнулась в его локоть. Ему показалось, что руку оторвало. Он сидел на полу и, как утопающий, изо всех сил держался за кресельный подлокотник.

— Мой мокрушник уверил меня, что вы помчите сюда очертя голову, — сказал Рот. — Будь вы поумнее, ни за что не стали бы ему доверять.

— Блинт!

— Совершенно верно. Впрочем, о том, что вы предадите короля, не догадывался даже он. Прекрасная работа! А уловка с женитьбой Логана на королевской дочери? Джайры — ваши друзья, правильно? Логан поплатится за это жизнью. Я знаю, что вы не боитесь смерти, лорд-генерал. Поэтому в награду не стану вас убивать. Живите, несите на плечах бремя позора. Проваливайте! Ползите отсюда, жалкий червяк.

— Остаток своих дней я потрачу на охоту за тобой, — процедил Агон.

— Нет, Брэнт, лучше уж вообще забудь об этом. Кто ты такой? Побитая собака. Ты мог остановить меня, но, наоборот, помог мне. Сейчас мы с ребятами отправимся наверх. Принц и принцесса умрут, потому что ты не принял должных мер. Еще раз спасибо тебе. Ты оказал мне огромную услугу.

Морально раздавленный, истекающий кровью лорд-генерал остался лежать на полу. Рот ушел.

55

Сержант Бамран по прозвищу Игрок держал большой алитэрский лук на мускулистой спине, ибо таскать его в руках было не по силам даже таким силачам, как он. Лук был сделан из толстого тиса, в ненатянутом состоянии достигал в длину семи футов, его стрелы

пробивали броню с расстояния в две сотни шагов. Рассказывали, будто кому-то удалось поразить из такого лука даже четырехфутовую мишень с пятисот шагов, но Игрок, слава богу, с подобной необходимостью не сталкивался.

Он стоял на крыше королевской казармы, расположенной во дворе замка. Выход забаррикадировал предатель, но поджигать казарму мерзавец не стал, то ли струсив, то ли не найдя огня. Солдаты Игрока пробили в крыше дыру, приподняли его, и он выбрался наружу.

Первый шар колдовского огня пролетел высоко над головой сержанта. Колдун во дворе был всего один; как видно, его отправили сюда на всякий случай. Игрок видел, что на восточном мосту собирается войско, но тревожил его в данную минуту главным образом колдун. Вернее, колдунья. Присмотревшись, Игрок определил, что это рыжеволосая белолицая женщина. Она тяжело дышала, будто утратив вместе с последним сгустком огня нечто жизненно важное, но уже брала себя в руки и затягивала монотонную песнь. На ее предплечьях все отчетливее проступал черный вир.

Если Игрок промахнется, второй возможности не выдастся. Колдунья нашлет огонь на соломенную крышу казармы, и тогда сорок подчиненных сержанта погибнут.

Сняв лук со спины, он принялся натягивать тетиву. Выстрелить предстояло почти наугад. Между ладонями колдуньи возник еще один огненный шар. Огромная стрела без труда пронзила сгусток волшебного пламени и вошла женщине в грудину. Ее отнесло в сторону и прикололо к массивной двери, перед которой она стояла.

Сержант Игрок не намеревался выпускать вторую стрелу. Ему следовало спрыгнуть с крыши и освободить ребят, но в жилах вдруг заиграла жажда битвы. За семнадцать лет службы он впервые почувствовал запах настоящего сражения.

Вторая стрела поразила еще одну колдунью, стоявшую на мосту в окружении горцев. Выстрел получился на удивление точным, одним из лучших в жизни сержанта. Стрела пролетела через три ряда переполошившихся воинов и вошла колдунье, которая испуганно вскинула руки, прямо под мышку. Отлетев к краю моста, колдунья неуверенно встала на ноги, покачнулась и упала в Плит.

Горцы продолжали собираться в отряды. Тут до сержанта Игрока дошло, что грядет чудовищная беда. Двое стрелков и колдун отделились от группы и стали крутить головами, ища, кто стреляет. Остальные не отвлекались. Лучники приставили к тетивам стрелы. Колдун прикоснулся к их наконечникам, и те загорелись.

Когда стрелы приземлялись на соломенную крышу, Игрок уже спрыгивал во двор. Пламя стало распространяться с немыслимой скоростью. Игрок быстро разбаррикадировал дверь. Изнутри повалил дым.

— Что будем делать, сэр? — спросил один из солдат, когда все сорок окружили сержанта.

— Захватить нас всех сразу они не смогут, поэтому попытаются разделить на части. Если не ошибаюсь, их — человек двести-триста. Надо перебраться ко второй казарме.

Во второй казарме располагалось около двухсот воинов. Впрочем, даже объединившись с ними, Игрок не мог противостоять халидорским горцам и колдунам.

— Да пошло оно все! — воскликнул молодой солдат. — Лично я не желаю умирать за Девятого. Второй мост еще свободен. Лучше, пока не поздно, смотаться.

— Сделай только шаг ко второму мосту, Джулс, и считай, что твоя песенка спета, — пригрозил сержант. — За это нам и платят. Любое уклонение от долга расценивается как предательство. Сбежать в такую ответственную минуту — похуже, чем забаррикадировать дверь в казарме.

— За подобное дерьмо нам никто не платил.

— Мы знали, на что идем, когда поступали на службу.

— Нет уж, сэр. — Джулс выхватил из ножен меч. — Вы поступайте как знаете, а я помчал. — Он повернулся к мосту.

Остальные тридцать девять солдат посмотрели на Игрока.

Тот глубоко вздохнул, прочел коротенькую молитву и выпустил из огромного лука

третью стрелу. Она вонзилась Джулсу в спину.

«Я почти герой войны, — мрачно подумал Игрок. — Легко и просто убиваю женщин и собственных ребят».

— Приготовиться к бою! — распорядился он. — Вопросы есть?

Кайлар прошмыгнул незамеченным в ту часть замка, где жили слуги. Дела шли прескверно. Казалось, никто и не подозревает о появлении халидорцев.

Внезапно он очутился в гуще сражения. Человек двадцать врагов укладывали одного за другим солдат гораздо более многочисленной сенарийской группы. Их командир, сержант, выкрикивал команды, но это не помогало. Кайлар взглянул на его лицо и на миг замер. Он знал этого человека. Это был Игрок, тот самый стражник, который приходил в северную башню в день первого Кайларова убийства.

Присоединившись к воюющим, он стал косить халидорцев, как пшеницу в поле. Это не составляло никакого труда, но и не дарило удовлетворения — противники его не видели.

Поначалу никто не замечал ничего странного. Кайлар был куском темени, а находились они в недрах замка, сооруженных из темного камня и тускло освещенных дрожащим пламенем факелов. Потом он спас загнанного в угол Игрока, обезглавив одного халидорца и выпустив кишки второму.

Кайлар не останавливался, убивал и убивал, вертясь, точно вихрь. Сегодня он был первым лицом ночных ангелов — возмездием. Убийство перестало быть для него работой, вдруг превратившись в обычное состояние. Кайлар сам стал убийством. Если спасение невиновных могло искупить вину за его былые убийства, тогда сегодня ночью он мог надеяться на прощение.

Чувствовать, как разрываются кольчуги и неумолимый меч Возмездия кромсает плоть, теперь доставляло удовольствие. В какой-то момент Кайлара охватило сущее безумие: крутясь, делая выпады, рассекая, пронзая, рубя, уродуя лица и ставя кресты на судьбах, он как будто пребывал в чудовищной задумчивости. Все происходило чересчур быстро. Через полминуты халидорцы были мертвы. Не умирали, а именно были мертвы.

Сенарийские воины, как стадо облаченных в броню баранов, стояли с разинутыми ртами и смотрели на расплывчатое пятно с опущенным оружием, совсем не в боевых стойках. Их спасло само воплощение смерти.

— За вас сражался ночной ангел, — сказал Кайлар.

Следовало бежать дальше и не терять больше ни секунды. Логан, не исключено, уже умирал. Кайлар понесся в глубь замка.

Все двери были закрыты, в коридорах царила зловещая тишина. Прислужники либо затаились в своих каморках, либо спаслись бегством.

Внезапно услышав торопливые шаги целой компании людей, Кайлар резко затормозил и нырнул к затемненной двери. Обычному человеку его было не увидеть, но сегодня в замке орудовали и гораздо более опасные существа.

— Их задержали внизу добрых две сотни солдат, — говорил один из них человеку, по худобе которого Кайлар, несмотря на тяжелую броню незнакомца и меч на его боку, сразу понял, что это колдун. — Им придется задержаться, возможно, минут на пятнадцать, майстер.

— А что со знатью в саду? — требовательно спросил колдун. Ответ заглушили шаги ног в подбитых сапогах — толпа как раз проходила мимо Кайлара и сворачивала за угол.

Стало быть, знать удерживали в саду. Кайлар там никогда не бывал (он вообще старательно избегал походов в замок), однако не раз видел изображение отдельных его уголков на картинах. Если художники не преувеличивали, отыскать сад не составит большого труда. Логан и Дарзо наверняка там.

Кайлар направился в сторону сада. Вскоре на его пути стали попадаться убитые, их кровь заливала пол. Пробегая мимо, Кайлар даже не сбавлял скорости. Мертвецы были в основном стражниками аристократов.

Бедняги. Тем, кто выбирал ремесло воина, но не тренировался, Кайлар не сочувствовал, однако эти ребята полегли в настоящей бойне. Их было человек сорок. Многие умерли на месте, другие еще мучились, бредили и метались от боли. Мертвых горцев Кайлар насчитал лишь восемь. Следуя по пути, усеянному телами, Кайлар прибежал к двойным дверям из орехового дерева, забаррикадированным снаружи. Отодвинув засов, он попытался открыть двери.

— Какого черта? — раздался с другой стороны грубый голос с халидорским акцентом.

Кайлар отошел к стене, остановился возле скульптуры — Девятого в героической позе — и вдруг увидел, что в комнате напротив, охраняемой несколькими халидорцами, толпятся аристократы. Мужчины, женщины и даже несколько детей выглядели потрясенными и испуганными. Некоторые плакали. Кое-кого рвало, явно от отравления.

Зазвучали шаги, но того, кто шел, Кайлар не видел. Халидорцы подняли оружие. Острие чьей-то алебарды зацепилось за дверь и раскрыло ее шире. Перед Кайларом возник одинаковый в ширину и длину человек.

По его сигналу изнутри выскочили двое воинов с мечами наготове. Оба смотрели прямо на статую, прямо на Кайлара, прижимавшегося к спине скульптуры и державшегося руками за ее руки, ногами — за ноги.

— Никого, сэр, — сказал один из халидорцев.

В саду, который вовсе не был таким дивным, каким его изображали на картинах, оказалось десять стражников и сорок-пятьдесят безоружных аристократов. Колдунов с ними, по счастью, не было. Кайлар предположил, что они в цене, поэтому и не занимаются такими пустяками, как охрана пленных.

Среди аристократов Кайлар узнал нескольких приближенных короля и других представителей высшей знати. То, что их всех держали здесь, означало, что Рот планировал захватить замок сегодня же и решить, кого он убьет, а кого возьмет к себе на службу.

На лицах людей отражался ужас. Они не верили, что все происходит в действительности, что их привычный мир за столь короткий срок перевернулся с ног на голову. Некоторых явно мучила тошнота, кое-кто был ранен, другие совсем не пострадали. Некоторые дамы с идеально уложенными локонами выли, другие же, с ранениями и в рваных юбках, сохраняли поразительное спокойствие.

Где-то за спиной у Кайлара прозвучал голос халидорца:

— Капитан! Кто раскрыл дверь?

— Наше дело охранять комнату. Остальное нас не касается.

— Но ведь надо выяснить, что происходит… сэр.

— Мы остаемся здесь, — не терпящим возражения тоном заявил капитан.

Кайлар почти посочувствовал молодому горцу. Чутье его не подводило. В будущем он мог бы стать достойным офицером.

Однако, несмотря на догадливость халидорца, Кайлар, находясь от него на расстоянии шага, снял с себя тенистый покров. Не ради справедливости, а чтобы сохранить запас магических сил на будущее.

Молодой халидорец едва успел выхватить из ножен меч, как Кайлар выпустил из него кишки. Второй горец метнул в появившегося из ниоткуда противника нож. Кайлар с легкостью увернулся, рассек броню из толстой кожи и ребра горца, ловко проткнул мечом третьего противника, схватился за его голову, повернул, и алебарда капитана, намеревавшегося заколоть Кайлара, с хрустом вонзилась в спину халидорца.

Кайлар пригнулся и всадил в пах врагу клинок вакидзаси, затем перекатился на спину, пнул горца и вскочил на ноги.

В живых оставалось четыре противника. Первый рванул на Кайлара в бешенстве, что-то крича про брата. Кайлар отразил его удар, вспорол ему живот, и халидорец отправился к брату. Трое последних двинулись на Кайлара стеной.

Тот взмахнул Возмездием, лишил первого из них меча и кисти, со вторым пять раз скрестил клинки, рассек ему лицо и лишил его глаз. Третий, офицер, взмахнул алебардой.

Кайлар нырнул вбок и проткнул солдата, поднявшего меч уцелевшей рукой.

Офицер вдруг отбросил алебарду и достал рапиру. Удивляясь разнообразию его оружейного вкуса, Кайлар улыбнулся и взглянул за халидорца. Тот тоже повернул голову.

В это мгновение хорошенькая аристократка ударила его по голове цветочным горшком. В разные стороны полетели обрывки растений и комки земли, а на горшке лишь образовалась небольшая трещина.

— Спасибо, что спасли нас, — тяжело дыша, проговорила красотка. — Но какого черта вы на меня посмотрели? Он же мог меня убить!

Она относилась к числу тех женщин, чья прическа и макияж ничуть не пострадали от всего того кошмара, из-за которого они очутились здесь. Даже то, что ей только что пришлось размозжить человеку голову, никак не отразилось на ее безупречной наружности. Она окинула свой наряд быстрым взглядом, смахнула с юбки пыль и проверила, не испачкан ли подол кровью. Кайлар удивился, что, бросаясь к халидорцу, она не выскользнула из лифа с неимоверно глубоким вырезом. Тут он вдруг узнал ее. Это была Тэра Грэзин.

— Вы так его ударили, что он мгновенно простился с жизнью.

Кайлар радовался, что его лицо скрывает черный шелковый платок. Маску он надел по привычке, чтобы его не узнавали.

— Понимаете, я никогда в жизни…

Раздался стук в дверь. Все в ужасе замерли. Стукнули еще три раза, потом два, снова три и два. Мужской голос крикнул:

— Новый приказ, капитан! Его величество распорядился всех убить. Потом отправляйтесь во внутренний двор. Надо уничтожить кучку мятежников.

— Немедленно уходите! — объявил Кайлар так громко, чтобы его услышали все пленники. — С западного королевского моста сюда идут по меньшей мере еще двести халидорцев. Возможно, они застряли во внутреннем дворе. Если желаете, вооружайтесь, чем можете, и бегите на подмогу солдатам, а потом уходите из замка. Его уже захватили, и город нам больше не принадлежит. Если не поторопитесь, лишитесь и жизни.

Новость ударила по аристократам струей ледяной воды. Некоторые еще сильнее съежились, другие, напротив, взяли себя в руки.

— Мы готовы к борьбе, сэр, — сказала Тэра Грэзин. — Но половина из нас отравлены…

— Я знаю, чем вас отравили. Если вы до сих пор живы, значит, бояться нечего. Доза была настолько мала, что в течение получаса вы придете в норму. Где Логан Джайр?

— Простите. Я Тэра Грэзин, теперь королева Грэзин. Если вы…

Кайлар прищурился.

— Я спросил, где Логан. Джайр?

— Мертв. Он мертв. И король мертв, и королева, и принцессы — все.

Земля содрогнулась под ногами Кайлара. Ему показалось, что он получил булавой под дых.

— Вы уверены? Вы сами все видели?

— Король погиб в парадной зале, у нас на глазах. Труп королевы и ее младших дочерей я увидела в ее покоях, чуть погодя. Потом меня поймали. Их… Это просто какой-то кошмар! — Тэра Грэзин покачала головой. — Логана и Дженин я не видела, но думаю, что их убили первыми. Король объявил об их женитьбе, они ушли, и буквально десять минут спустя начался переворот. Лорд-генерал и стражники побежали им на помощь, однако было слишком поздно. Эти гады похвастались перед нами, что перебили всех королевских стражников.

— Где?

— Не знаю… говорю же, теперь слишком…

— Кому-нибудь известно, куда отправился Логан? — прокричал Кайлар.

По лицам аристократов он понял, что некоторые знают ответ, но все молчали, боясь, что он от них уйдет. Трусы! Откуда-то из дальней части сада раздались стоны. Кайлар

протолкался сквозь толпу и увидел бледного как смерть, обливающегося потом человека. Губы в засохшей пене; рядом с головой пестрела лужица рвоты. Он выглядел настолько ужасно, что Кайлар насилу его узнал. Это был граф Дрейк.

Опустившись на колени, Кайлар поспешно достал из мешочка травы и стал запихивать их графу в рот.

— У вас что, есть противоядие? — спросил один из пострадавших, но державшихся на ногах аристократов. — Дайте и мне.

— И мне! — потребовал еще один голос.

Толпа заволновалась. К Кайлару стали протискиваться другие отравленные. Он выхватил из ножен меч Возмездия и приставил острие к шее ближайшего аристократа.

— Попробуйте прикоснуться ко мне или к нему, и я прикончу вас! Клянусь.

— Он всего лишь граф! — воскликнула жирная, содрогавшаяся от негодования дама. — Жалкий бедняк! А я щедро заплачу!

Кайлару хотелось послать их куда подальше, дабы отплатить им за низость и гнусность, но он сорвал с пояса мешочек и бросил его Тэре Грэзин.

— Раздайте тем, кто больше всего нуждается. Бесчувственным оно уже не поможет, а те, кто держится на ногах, выживут и без противоядия.

Тэра Грэзин приоткрыла было рот, возмущенная таким обращением, однако возражать не стала.

Время шло. Кайлар был здесь, в замке, но не имел понятия, куда ему следует бежать. Взглянув на графа, он на миг задумался о том, спасет ли того трава.

Граф шевельнулся. Его глаза раскрылись, взгляд постепенно сделался сосредоточенным. Похоже, тревожиться за его жизнь не стоило.

— Северная башня, — проговорил он, приподнимаясь.

— Туда отправился Логан?

Граф кивнул и вновь упал без сил.

— Им уже не поможешь, — воскликнула Тэра Грэзин. — Оставайтесь с нами! Давайте вместе сразимся с врагом. Я подарю вам земли, титулы, прощение…

Кайлар окружил себя тенью и что было духу помчал прочь.

Одиннадцать подчиненных Рота шумно взбежали по лестнице, пинком распахнули двери в спальные покои и с криками ввалились внутрь. За ними следом вошли Рот и Неф Дада. Рот не мог видеть, что происходит, но по звукам слышал, что творится нечто неприятно-неожиданное. Кто-то явно кого-то бил, чей-то меч вспарывал кольчугу, чья-то голова трещала, точно переспелая дыня.

Неф Дада вытянул отмеченные виром руки, что-то пробормотал себе под нос, и вир задрожал. Послышался неестественно глухой удар, и несколько воинов разлетелись в разные стороны.

Трое чуть не врезались в Рота, но стукнулись о возведенную перед ним колдуном невидимую защитную стену. Неф снова что-то пробормотал, и покои озарились светом. Рот и Неф прошли дальше. Логан попытался вскочить на ноги, однако его руки и ноги будто приковало к полу тяжелыми грузами. Он был голый и пыхтел от ярости. Рот вернул меч в ножны, а его воины принялись собирать с пола оружие. Шесть человек лежали с глубокими ранениями, истекая кровью. Трое тотчас простились с жизнью, еще трое были при смерти. Очевидно, Логан Джайр прекрасно владел мечом.

Принцесса, в задранной полупрозрачной сорочке, лежала на кровати. Ни жива, ни мертва от ужаса, она не могла прикрыться, потому что Неф заколдовал и ее. Рот присел на край кровати, окинул восхищенным взглядом ее пышные формы, облизнул палец, прикоснулся им к основанию ее шеи и провел по груди, талии и бедру.

— Надеюсь, я не отвлек вас от важных дел? — спросил он.

Глаза Дженин Гандер вспыхнули. Ее возмущала его наглость и тоже трясло от злобы. Не успела она вымолвить ни слова, как Рот прижал палец к ее губам.

— Я всего лишь пришел поздравить тебя с законным браком, моя голубка, — пробормотал он. — Как дела? Довольна финансовым положением мужа? — Его взгляд переместился на обнаженного Логана, брови сдвинулись. — Думаю, довольна. А вы, дорогой герцог Джайр… Поставь-ка его на ноги, — обратился он к колдуну. — Или теперь вас надо называть «принц Джайр»? Так или иначе, прошу вас, не беспокойтесь. Я видел обнаженной даже ее мать. Через некоторое время принцесса все равно…

Логан попытался рвануть вперед, но оковы были неимоверно прочные. Один из воинов ударил его по лицу.

Рот прищелкнул языком и продолжал как ни в чем не бывало:

— Через некоторое время все утратит значение. Чудесные бедра! И грудь!

Он улыбнулся, ущипнул принцессу за щеку, встал, и магия Нефа подняла ее и поставила рядом с мужем.

— Времени совсем не остается. Вам понравилась супружеская жизнь? Логан, мой друг, надеюсь, вы не тратили время на глупую любовную прелюдию. Ваш брак уже в прошлом.

Рот всматривался в жертв. Наблюдать, как растерянность на чьем-либо лице сменяется страхом, а потом отчаянием, — более приятных занятий для него не существовало.

— Кто ты такой? — спросил Логан, глядя на Рота без капли страха.

— Я Рот. Это я приказал убить твоего брата, Дженин. — Рот пронаблюдал игру чувств на девичьем лице. И продолжал, не позволяя ей ответить: — Я шинга Са'каге. И твоего отца, Дженин, убрали по моему распоряжению. Буквально десять минут назад ему отрубили голову, прямо за столом. Еще я халидорский принц, Рот Урсуул. Я велел убить твою мать, Дженин, и сестер. Если напряжешь слух, может, услышишь, как они кричат. — Он издевательски приставил к уху сложенную трубочкой ладонь и прикинулся сосредоточенным. — На моем пути к сенарийской короне стоите только вы. Корона, естественно, достанется мне. Если хочешь, реши сама, кому из вас двоих умереть первым.

Рот не сводил с принцессы глаз, смаковал отражавшуюся в ее взгляде умирающую надежду, жадно вбирал в себя ее отчаяние. Вытащив нож, он повернул Дженин лицом к мужу.

Логан издал крик, но магия Нефа тут же заткнула ему рот. Он снова попытался вырваться — предельно напряг мышцы и изо всех сил дернулся, однако высвободиться было невозможно. Достать с небес звезду, казалось, куда проще.

— Милорд, — раздался из коридора чей-то голос. — Один из кораблей уничтожен! Майстеры нуждаются в вашей помощи! Сенарийцы оказывают сопротивление.

В глазах Дженин вспыхнула надежда, отчего по спине Рот пробежал волнительный холодок.

— Сопротивление, — повторил он. — Может быть, они тебя спасут. А вообще-то подожди-ка, твой герой ведь здесь. Логан, ты так И будешь стоять истуканом? Или наконец избавишь ее от мучений?

Мышцы на руках и ногах Логана заметно взбугрились; магические оковы задрожали и немного ослабли. Неф снова что-то пробормотал, и узы окрепли вдвое. Логан не мог двинуться с места.

— По-видимому, от него помощи не дождешься, — сказал Рот, снова глядя на Дженин. — Но ведь ты принцесса! Наверняка тебе на выручку должны вот-вот прибежать королевские стражники. Готов поспорить, лорд-генерал уже ведет их сюда! — Он заправил волосы за покалеченное ухо. — Впрочем, не стоит обнадеживаться. Я убил и Агона, и всех королевских стражников. Героев больше нет. Спасать тебя, Дженин, увы, некому.

Рот подошел к принцессе и свободной рукой погладил ее по плоскому животу, грубо разорвал спереди сорочку и схватил округлую грудь. По щеке Дженин покатилась слезинка. Рот наклонил голову и, точно пылкий любовник, поцеловал ее в шею, насмешливо глядя на Логана.

Потом порезал то самое место, к которому только что прикасался губами, толкнул Дженин, и она, пошатнувшись, оказалась в объятиях Логана. Неф ослабил оковы настолько,

что Логан мог поддержать жену, но не мог остановить фонтанировавшую из ее шеи кровь.

В глазах Логана горели предельный ужас и сострадание. С губ сорвался возглас немыслимой муки; для Рота он прозвучал как божественная музыка. Логан прижал задыхающуюся девочку к своей груди. Рот впитывал их страх, старался запечатлеть в памяти мельчайшие подробности происходящего, чтобы вспоминать о них потом долгими темными ночами.

Логан вдруг наклонил голову и посмотрел Дженин в глаза, лишая Рота удовольствия видеть его взгляд.

— Я здесь, Джени. Я тебя не оставлю.

Нежность Логанова голоса разъярила Рота. Казалось, он перестал для них существовать. Своей ласковостью Логан будто вытягивал их обоих из мира тьмы. Они словно уплывали туда, куда Роту не было доступа.

Дженин, неотрывно глядя в глаза мужа, постепенно успокоилась. Не потому, что к ней подкрадывалась смерть, а потому что ее больше не мучило отчаяние.

— Ты в самом деле мог бы полюбить меня? — спросила она.

Роту следовало порезать ее глубже, повредить не только артерию, но и дыхательное горло. Он ударил Логана по лицу, однако тот не обратил на это внимания, даже не отвел взгляда от принцессы.

— Джени, Джени, — тихо произнес он. — Я уже люблю тебя. Мы очень скоро увидимся вновь.

— Да, да, потому что вы оба умрете! — прокричал Рот, но молодоженам его вопль показался шумом летнего ветерка.

У Дженин задрожали ноги. Логан обнял ее крепче и, прижимая к груди, стал что-то нашептывать ей на ухо. Жизнь покидала ее.

— Милорд, им нужна помощь! — настойчивее повторил посланец.

Дженин содрогнулась в руках Логана. Он продолжал утешать ее, не глядя на Рота. Она судорожно вздохнула еще три раза, закрыла глаза и вздохнула, умирая на груди мужа. Неф медленно убрал державшие ее оковы, и она упала на пол.

— Нет же! Нет! — завопил Рот. — Она ведь даже не боялась! Не боялась уходить из жизни! Все из-за него! Это неправильно, несправедливо! Смерти полагается бояться!

Он залепил Логану пощечину, потом вторую, третью, четвертую и прорычал:

— Ты у меня умрешь по-другому, Логан Джайр! — С трясущейся от злости челюстью он повернулся к воинам. — Отнесите его в темницу и отдайте мужеложцам!

— Милорд! — Посланец подбежал к Роту. — Вам следует…

Рот схватил его за волосы и стал в бешенстве тыкать в его лицо ножом, снова и снова, потом попытался порезать ему шею, но угодил в череп над ухом. Нож повернулся, скользнул вверх, и в руке Рота осталась лишь покрытая волосами полоска кожи. Посланец ревел от боли. Рот снова схватил его и стал перерезать ему глотку.

Неф тем временем открыл потайную дверь, поднял тело принцессы, и оно поплыло прочь из покоев.

— Неф, что ты делаешь?

— Король велел, чтобы ему доставили головы всех членов королевской семьи. Советую вам поторопиться.

Вюрдмайстер обратился к Роту, не упомянув о титуле. Все шло не так. А завтра приезжал Отец. Тяжело дыша, сотрясаясь от ярости и до сих пор держа в руке полоску окровавленной человеческой кожи с волосами, Рот обвел подчиненных горящим взглядом. Те побледнели.

— Когда его прикончат, принесите мне его голову. Но прежде чем отдать его мужеложцам, отрежьте ему яйца и тоже отдайте их мне. Я сделаю из них кошелек. Пусть эти звери его трахают, а он истекает кровью.

В передней северной башни резко пахло мочой и свежей кровью. Входя и глядя на окаменелые лица покойников, Кайлар старался не дышать.

Что здесь произошло, было сразу понятно. Людей закрыли в этой комнате, как в ловушке, и перестреляли из лука или арбалета. Стрелок? Кайлар нахмурился. В таком тесном помещении?

Он взглянул наверх и увидел во тьме под потолком узкую платформу. Другие ее наверняка не замечали, но Кайлар теперь дружил с тенями. Судя по расположению тел, убил королевских стражников и аристократов, точно рыб в бочке, единственный человек.

Вот какая участь постигла тех, кто помчался на помощь принцу. Широкие кровавые полосы на полу вели к выходу. По-видимому, уцелеть и уползти отсюда посчастливилось лишь кому-то одному.

Перебарывая приступ тошноты, Кайлар побежал наверх. В спальных покоях лежали шесть убитых халидорцев. О том, что приключилось здесь, тоже было нетрудно догадаться. Молодоженов застигли в постели — по всем покоям была раскидана одежда Логана, — он вскочил и стал защищаться. Ему удалось прикончить шестерых прекрасно вооруженных халидорских воинов, но, судя по отметинам на полу, его либо ранили, либо обезвредили при помощи магии.

Рядом алела огромная лужа крови. Стало быть, Рот или убивал Логана очень медленно, или разом умертвил и его, и принцессу. Их тел нигде не было. Халидорцы, конечно, забрали их с собой, равно как и остальные трупы членов королевской семьи, чтобы доказать всему королевству, что их действительно больше нет в живых и что наследовать трон некому.

Рядом с кровавой лужей валялась разорванная ночная сорочка. Не исключено, юную красавицу принцессу куда-нибудь унесли и изнасиловали до смерти.

Кайлар попытался отогнать от себя ужас и отчаяние и рассудить трезво. Могло ли случиться так, что принцессу убили, а Логан до сих пор жив? Нет, с ней они, не исключено, до сих пор удовлетворяли плотские потребности, а бойца, прославленного фехтовальщика и наследника престола, наверняка поспешили убрать с пути. Остальных членов королевской семьи убили жестоко, но с поразительной четкостью. Если кого-то Халидор и планировал на какое-то время оставить в живых, то этим счастливцем вряд ли был Логан.

Тоска нанесла Кайлару сокрушительный удар. Логан погиб. Его лучший друг простился с жизнью. Виноватым в его смерти Кайлар считал только себя.

Он мог не допустить этого безумия. Если бы вчера ночью убил Дарзо. Тот стоял к нему спиной, подставляя ее будто нарочно. Промазать было просто невозможно. Дориан предупреждал Кайлара. Предупреждал!

Из-за него Логану чего только не пришлось перенести! Кайлар допустил убийство его друга, принца Алейна, скрыл правду об их интрижке с Сэрой, позволил забрать Логана в тюрьму по обвинению в убийстве, из-за чего тому пришлось расторгнуть помолвку. В довершение всего его против воли женили на незнакомой девушке, чуть погодя молодую жену изнасиловали и убили, может, даже на глазах у Логана.

Тяжело опустившись на пол, Кайлар запричитал:

— Прости меня, Логан. Прости, все случилось по моей вине…

Он протянул руку с намерением опереться, случайно опустил ее в лужу и взглянул на окровавленную ладонь. Точно так же, в этих же самых покоях, пять лет назад, после первого совершенного в одиночку убийства, ему пришлось испачкаться кровью. Кровь невинных жертв не высыхала на его руках все эти годы, и вот чем все закончилось. Его мечта сбылась: он стал таким же, как Дарзо Блинт. Настоящим убийцей, что вечно ходит по самому краю. Да, крови на его руках прибавлялось с каждым заказом, и не случайно в эти минуты он смотрел на кровь Логана. Так и должно было случиться.

Дрейки любили порассуждать на тему божественной бережливости: о слезах, заканчивающихся смехом, и печали, перетекающей в радость. Мокрушники же признавали лишь сатанинскую расчетливость: всякое убийство влечет за собой новое убийство. За это,

как утверждал Дарзо, рано или поздно приходится платить.

«Неужели так будет всегда? — размышлял Кайлар. — Почему за мои ошибки расплачиваются другие? Неужто нет иного пути?»

Кровь на его руке ответила: «Нет, нет и еще раз нет. Это ужасно и не поддается объяснению, но такова действительность».

— Я нарушаю собственные правила, — произнес сгусток теней.

Кайлар даже не повернул головы. Умрет он или нет, плевать. Опять воцарилась тишина. Кайлар долго молчал, потом спросил:

— Только не надо играть в справедливость. Если хотите меня убить, убивайте.

Дарзо вышел из теней.

— Я научу тебя еще кое-чему, Кайлар.

— Чему, мастер?

— Теперь ты почти мокрушник и умеешь выходить победителем почти из любой битвы. Но запомни еще одно правило: если выиграть невозможно, не вступай в бой.

— Большое спасибо, — пробурчал Кайлар — Я понимаю ваш намек.

Дарзо помолчал.

— Все, что произошло, — это твое Испытание.

— По-вашему, такой и должна быть жизнь? — спросил Кайлар, наконец поворачиваясь к мастеру. — Сплошным испытанием и несправедливостью?

— Так устроен наш мир.

— Так не должно быть, — возразил Кайлар. — Этим людям следовало жить и жить, а Халидор просто не может выиграть. Все это неправильно!

— Я никогда не говорил, что это правильно. Мой мир не разделен на черное и белое, верное и неверное. И твой тоже. Вокруг есть лишь что-то более или менее приемлемое и кошмарное, более светлые и более темные тени. Сенария не могла выиграть у Халидора, независимо от того, что случилось этой ночью. Сегодня погибли несколько аристократов, а если бы халидорцы пошли иным путем, то уничтожили бы десятки тысяч простолюдинов. Пожалуй, все сложилось самым лучшим образом.

— Лучшим? Мой друг мертв, а его жену, возможно, и до сих пор насилуют! Я сижу здесь и ни черта не предпринимаю! А вы помогли этим гадам. Как такое могло случиться?

— Жизнь бессмысленна, — ответил Дарзо.

— Вздор! Если бы вы сами в это верили, то уже давно бы умерли!

— Я и так давно умер. Все проходит — плохое и хорошее, а мы бессильны изменить что угодно или кого угодно, Кайлар. Тем более самих себя. Нынешняя война уже началась и рано или поздно закончится, кто-то выйдет из нее победителем, и множество людей погибнет ни за что ни про что. Мы останемся в живых, как всегда. Во всяком случае я.

— Это неправильно!

— А чего ты хочешь? Справедливости? Справедливость — сказка. Приятный на ощупь и вселяющий надежду миф.

— Когда-то в этот миф верили и вы, — сказал Кайлар, кивая на слово «СПРАВЕДЛИВОСТЬ», вырезанное на клинке Возмездия.

— Я верил и во многое другое. Но это не значит, что все это правда, — сказал Дарзо.

— Так кто же достойнее — мы с вами или Логан? Он мог спокойно спать по ночам. А мне вечно снятся убийства, и я просыпаюсь в холодном поту. Вы вдрызг напиваетесь и спускаете деньги на шлюх.

— Логан мертв, — произнес Дарзо. — Быть может, он станет королем в следующей жизни, но теперь ему от этого не легче.

Кайлар изумленно взглянул на него.

— И это говорите вы, тот, кто вечно твердит: жизнь пуста и никчемна, мы не берем ничего ценного, когда отнимаем ее у других? Взгляните на себя! Вы держитесь за свою собственную жизнь обеими руками! Проклятый лицемер!

— Всякий человек, который хоть чего-то стоит, — лицемер. — Дарзо извлек из

нагрудного кармана свернутый лист бумаги. — Если убьешь меня, прочти вот это. Тут многое объяснено. Считай, что это твое наследство. Если же я убью тебя… в таком случае, когда умру сам, задержусь на пути в самую глубь ада, и мы поговорим.

Дарзо вернул бумагу на место и вытащил из ножен огромный меч с привязанной к рукояти красной лентой. Клинок был длиннее и увесистее, чем у Возмездия, но с помощью *таланта* Дарзо мог без труда держать оружие одной рукой.

— Не надо, — попросил Кайлар. — Я не желаю с вами сражаться.

Мокрушник сделал выпад. Кайлар встал на ноги, даже не пытаясь защищаться.

— Вы уже отдали ему Шар безграничных возможностей? — спросил он.

Мокрушник остановился и достал из сумы серебристый шарик.

— Этот? Он ничего не значит. Очередная подделка. — Он бросил шарик в окно. Тот ударился о подоконник, разбился и осыпался во тьму осколками.

— Что вы наделали?! — воскликнул Кайлар.

— Ради ночных ангелов! Мой ка'кари навек связан с тобой. Ты украл его у меня. Неужели ты до сих пор не понимаешь?

Кайлар в самом деле совершенно ничего не понимал. Навек связан? Да, Кайлар был уверен, что вобрал в себя силы ка'кари, потому что его *талант* теперь работал, но почему Дарзо назвал его подделкой?

— Невероятно. — Мокрушник покачал головой. — Доставай меч Возмездия, мальчик!

— Теперь он мой, правильно? — спросил Кайлар.

— Ненадолго. Ты не в состоянии одолеть меня.

Дарзо вскинул свое оружие.

— Я не желаю с вами сражаться, — ответил Кайлар, не прикасаясь к мечу Возмездия. — И не буду.

Дарзо напал на него. Кайлар выхватил Возмездие в последнее мгновение, и обладатели *таланта* скрестили клинки. От первого удара металл завибрировал.

— Я знал, что в тебе это есть, — сказал Дарзо, свирепо улыбаясь.

Кайлар тотчас же простился со слабой надеждой на то, что Дарзо не будет с учеником чересчур суров, ибо тот еще не научился пользоваться *талантом.* Мокрушник бросился на Кайлара с невообразимой прытью и яростью.

Кайлар, пошатываясь и блокируя удары, отскочил назад. Дарзо пускал в ход любую уловку, лента на рукояти его меча билась в воздухе, словно живая. Он привязал ее умышленно — чтобы отвлекать внимание противника от острия клинка. Как только он переведет взгляд на мечущуюся красноту, почувствует сталь в ребрах.

Кайлара сбивала с толку далеко не только лента. Удар по голове Дарзо сочетал с пинком в колено и тут же бил тыльной стороной ладони по лицу. Словом, применял одну убийственную комбинацию за другой, без малейших перерывов.

Кайлар, увертываясь и обороняясь, отходил дальше и дальше. Дарзо не давал ему ни полсекунды на размышления, но Кайлар знал эту комнату. Она занимала весь верхний уровень башни и образовывала круг, сплющенный с одной стороны, где располагался вход, и с другой, где была кладовая.

Мало-помалу Кайлар успокоился. В конце концов, сражаться с Дарзо ему приводилось сотни раз. Да, в прошлом мастер все время выигрывал, однако теперь исход мог быть иным.

Кайлар почувствовал, как по его рукам разливается мощь, отчего по его спине побежали мурашки. Отражая следующий удар, он откинул клинок Дарзо в сторону с такой легкостью, будто тот весил в четыре раза меньше, чем на самом деле. Блинт не растерялся, однако наступать перестал.

Кайлар стоял в ярде от стены, возле которой темнел комод из вишневого дерева. Блинт взмахнул рукой с мечом, и острие клинка промелькнуло прямо перед глазами Кайлара, но удар оказался ложным. Главным был пинок в колено опорной ноги. Кайлар упал к стене. Блинт размахнулся мечом, промазал и вогнал его в комод.

Стена позади Кайлара задрожала. Он уже поднимался и готовился к продолжению боя.

Блинт не стал вытаскивать из комода меч, а достал два других — с крюкообразными клинками.

— Я такие терпеть не могу, — сказал Кайлар.

— Знаю.

Кайлар сделал выпад, до сих пор привыкая к тому, как на его способность сражаться влияет *талант.* Мышцы как будто окрепли, а движения ускорились, но он не имел понятия, чем ограничивались его нынешние возможности. Принятие решений от *таланта* определенно никак не зависело, поэтому было сложно привести одно с другим в соответствие. Надлежало быть осторожнее; к тому же Кайлар не знал, может ли колдовство защищать его от неприятельских ударов. Оставалось и множество других вопросов. Например: если давно изучивший магию Блинт ухитрится пнуть Кайлара в ребра, проломятся ли они, или их тоже укрепляет *талант!*

На поиски ответов не было времени.

Блинт подпустил Кайлара поближе, оборонительно размахивая перед собой мечами. Потом вдруг, когда оба приблизились к кровати, перешел в наступление. Зацепив крюком клинок Возмездия, мокрушник отклонил его в сторону и нанес удар сверху вторым мечом.

Кайлар успел отскочить назад и тут понял, что приближается к широкому окну. Дарзо следовал за ним. Блокировав очередной Удар, он не отклонил клинок Кайлара, а зацепил его с другой стороны вторым мечом. Меч Возмездия оказался в ловушке.

Кайлар сделал выпад. Блинт нагнул голову, направляя клинок противника мимо себя, и выхватил его из Кайларовой руки. Меч Возмездия с грохотом упал на пол. Кайлар поспешил достать кинжалы, но Блинт изо всех сил пнул его в грудь.

Кайлара отшвырнуло к окну. Послышался звон бьющегося стекла, лязг срывающихся задвижек, треск ломающегося дерева. Кайлар почувствовал, что вот-вот выпадет.

Пытаясь за что-нибудь зацепиться, он, точно гибкая кошка, на лету развернулся, выпустил из рук кинжалы и схватился за деревянную оконную раму со стекольными зубцами. Окно распахнулось.

Кайлар очутился лицом к башенной стене. Осколки, прорезав его плоть, вонзились в кости. Одна рука сама собой соскользнула с рамы.

Кайлар, моргая, удерживался второй рукой. По ней текла кровь, лицо было тоже в крови. Он висел в двух сотнях футов над базальтовым основанием башни и широкой рекой. Из вулканического кратера на острове Вое выплывала лента дыма. Из-за него было почти не рассмотреть причалившего к берегу очередного халидорского судна, но даже с такой высоты Кайлар слышал гул голосов и лязг стали.

Во дворе вдруг показался сержант по прозвищу Игрок. За ним вышли аристократы и более двухсот сенарийских солдат. Следуя совету Кайлара, они пытались уйти подальше от замка, но им навстречу уже валили только что прибывшие халидорцы.

Считаные секунды спустя прямо во дворе вспыхнула битва. Война по-настоящему началась. Замок, как и весь город, почти перешел в руки неприятеля. Если халидорцы перебьют всех сенарийских аристократов, то без труда уничтожат и остальных жителей. Если же знати удастся дать врагу отпор и уйти по восточному мосту, тогда, возможно, разовьется движение сопротивления. Надежда на спасение была ничтожно мала, но в Сенарии ни на что не следовало надеяться безоглядно.

Послышался треск, и Кайлар опустился дюйма на четыре. Створка сорвалась со второй петли, а спустя секунду-другую и с третьей.

Кайлар успел схватиться за ставню. Пальцы скользнули по дощечкам, но ему удалось удержаться.

Оконная створка, кружа на ветру, умиротворенно пролетела вниз и приземлилась на камнях у реки. Примерно в этом же месте мог упасть и Кайлар.

Он взглянул наверх. Петли ставни тоже держались из последних сил, грозя вырваться из камня.

Замечательно.

Дарзо Блинт стоял на месте кровавого побоища, но не имел к нему никакого отношения. Пол спальных покоев был усеян телами. Рядом с королевским ложем благоухали недавно срезанные белые лилии. На их лепестках алели кровавые капли.

Полупрозрачная ночная сорочка, лежавшая у ног мокрушника, пропитывалась кровью. Рядом, на мозаичном полу, чернел выжженный неровный круг. Едкий запах колдовского огня перебивал изысканные ароматы духов.

Дарзо видел лишь раскрытое окно перед собой. На его рябом лице отражался ужас. С улицы дул ветер; занавеска трепыхалась, седые волосы мокрушника били по глазам.

Он рассеянно крутил в руках кинжал. Палец, палец, палец, остановка. Палец, палец, палец, перекат. Осознав, что он делает, Дарзо убрал оружие в ножны и запахнул черно-серый плащ, скрывая висевшие на поясе дротики, ножи, мешочки с отравами и чесноком и множество прочих приспособлений.

Не так все должно было закончиться, подумалось ему. Откуда эта чудовищная пустота?

Повернувшись к окну спиной, он уже было собрался уйти, но, услышав сквозь вой ветра странный звук, остановился и немного наклонил голову набок.

Кайлар разжал пальцы окровавленной правой руки и проверил ножны. Кинжалов не осталось ни одного, меч Возмездия выхватил Блинт. Чертыхаясь, Кайлар изогнулся, поджал ногу и достал танто из ножен на лодыжке. Израненные пальцы ослабли и занемели. Танто чуть не выскользнул из них.

Веревки, с помощью которых ставня крепилась к стене, разорвались сразу же. Петли зловеще скрипели. Кайлар замер, однако это не помогло. Он дважды неглубоко вздохнул, оттолкнулся от стены ногами, подпрыгнул к оконному проему и с помощью *таланта,* сработавшего, как гигантские качели, залетел на подоконник.

Ставня, за которую Кайлар до сих пор держался, оторвалась от стены. Кайлар спрыгнул вместе с ней в покои, проскользил по полу и врезался в Дарзо. Тот не устоял на ногах, упал на Кайлара и выпустил из руки крюкообразный меч. Тот вылетел в окно. Вторую руку мокрушника неудобно зажало ставней, которая, точно щит, загораживала собой Кайлара.

— Я не…

Кайлар со всей силы, подкрепленной *талантом,* ударил ставней по лицу мастера. Дарзо отлетел в сторону. Кайлар сделал перекат и вскочил на ноги.

Блинт уже тоже успел подняться, подхватил носком стульчик для ног и пнул его в ученика. Кайлар поставил блок, но от удара потерял равновесие и шлепнулся лицом на узорный ковер.

Блинт со скоростью молнии метнулся в сторону и схватил с пола второй крюкообразный меч. Кайлар не стал откатываться подальше, а вскочил, взялся за край ковра и дернул.

Дарзо полетел вперед быстрее, чем рассчитывал, нанес удар лишь по воздуху, а Кайлара только слегка задел локтем. Из комода до сих пор торчала рукоять Блинтова меча, но меч Возмездия оказался ближе. Кайлар схватил его и повернулся к противнику лицом.

— Я не хочу…

Мокрушник нырнул вниз, чтобы подобрать с пола оброненный крюкообразный меч. Кайлар напрыгнул на его клинок.

— …сражаться с вами! — договорил он.

Дарзо изо всей силы потянул оружие на себя. Мгновение-другое клинок сопротивлялся, потом выскочил на дюйм из рукояти.

— Хочешь ты умереть или нет, мальчик, но ты к этому явно не готов.

Дарзо отбросил сломанный меч в сторону и не стал доставать другое оружие.

— Мастер, не вынуждайте меня сражаться с вами, — попросил Кайлар, целясь острием клинка в горло Дарзо.

— Ты ослушался меня, тем самым сделав выбор.

— Зачем вам все это понадобилось?

— Я не взял бы тебя в ученики, но подумал, что ты не тот, кто ты на самом деле. Да простят меня ночные ангелы!

— Я не о себе! — Рука Кайлара дрогнула от злобы. — Зачем вам понадобилось все устраивать так, что я предал лучшего друга?

— Потому что ты нарушил правила. Потому что жизнь бессмысленна. И потому что я тоже переступил черту. — Дарзо пожал плечами. — Все взаимосвязано.

— Ничего подобного не должно было случиться!

Дарзо сложил руки домиком и поджал губы.

— Погибая, Логан кричал. Какая жалость!

Кайлар бросился к нему. Дарзо, не моргнув глазом, поймал клинок Возмездия рукой, будто острия у него вовсе не было. Тут Кайлар увидел, что ладони мокрушника до сих пор сложены домиком. Меч вонзился в пятерню, созданную магией.

Тут у Кайлара и вовсе отобрали Возмездие. Из воздуха, с разных сторон, по нему заколотили невидимые кулаки. Дарзо, переполненный пульсировавшей магией, спокойно продвигался вперед.

Кайлар ставил блоки быстрее и быстрее, чувствуя, что ему не выиграть. Его кулаки сами по себе ускорялись с каждым мгновением. Внезапно перед ним тоже возникли руки, порожденные его *талантом,* однако и их помощи было недостаточно. Дарзо неумолимо наступал на него.

В конце концов Кайлара прижали к стенке. Его руки и ноги как будто приклеились к ней; он не мог сдвинуться с места ни на дюйм.

— Эх, мальчик, — проговорил Дарзо. — Если бы я научил тебя пользоваться *талантом,* ты превратился бы в нечто совершенно исключительное.

Он достал метательный нож, покрутил его между пальцами, поднял руку, на миг замер, будто собравшись что-то сказать, и покачал головой.

— Мне очень жаль, Кайлар.

— А чего тут жалеть? Жизнь ведь бессмысленна.

Дарзо вздохнул. Он смотрел на меч Возмездия, черневший у Кайларовых ног. Кайлару он казался близким, как лунное сияние, и далеким, как сама луна. На испещренном шрамами лице Дарзо отражалось отчаяние и сожаление.

Кайлар тоже взглянул на Возмездие. Меч служил мастеру много-много лет… В памяти Кайлара вдруг шевельнулось воспоминание…

Дарзо, сильно хмурясь, схватил суму и перевернул ее. Ему на руку выпал серебряный шарик.

— Черт! — выругался Блинт. В тишине коридора Джадвинов его голос прозвучал резко и громко. — Я так и думал!

— Что вы имеете в виду? — спросил Кайлар.

Стало быть, ка'кари был ненастоящий. Очередная подделка.

Дарзо был не в том настроении, чтобы отвечать на вопросы.

— Девчонка видела твое лицо?

Кайлар промолчал, что говорило само за себя.

— Тогда сделай что следует. Это не просьба, Кайлар, а приказ. Убей ее.

— Нет, — ответил Кайлар.

Дарзо резко повернул голову.

— Что ты сказал?

С меча Возмездия капала на пол черпая кровь.

У Кайлара еще была возможность опомниться, подчиниться и жить дальше. Но убийство Элены грозило до гробовой доски окружить его мраком.

— Яне убью ее. И вам не позволю. Простите, мастер.

— Надеюсь, ты понимаешь, что это значит? — рявкнул Дарзо. — Из-за этой девчонки тебя будут преследовать до конца твоей недолгой… — Он резко замолчал. — Кто она

такая? Не Кукла ли?

— Да, это Кукла. Простите, мастер.

— Ночные ангелы! Не нужны мне твои извинения. Я требую беспрекословного подчи…

Дарзо опять резко замолчал и поднес к губам палец. Шаги звучали совсем близко. Распахнув дверь, Блинт с нечеловеческой прытью вылетел в коридор. Меч Возмездия блеснул серебром в тусклом лунном свете.

Серебром? Но ведь клинок меча был черный!

Послышался звук — на пол упал и покатился металлический предмет. Кайлар наклонился, протянул руку, и ка'кари запрыгнул в его ладонь.

— Нет! — закричал Блинт. — Отдай его мне!

Из ка'кари вытекла жидкость, похожая на темное масло.

Что все это значило? Дарзо сказал, что серебряный шар — подделка. И обвинил Кайлара в том, что тот украл его ка'кари. Мокрушник имел в виду вовсе не серебряный ка'кари. А черный. Тот, который был у Дарзо долгие годы, который жил в Возмездии.

Любой ка'кари сам выбирал себе хозяина. По той или иной причине черный предпочел Кайлара. Возможно, еще много лет назад, в тот день, когда Дарзо избил его за встречу с Куклой. Тогда черный клинок засветился синим пламенем, и оно перекинулось на руки Кайлара. А Дарзо закричал: «Нет, только не это! Он мой!» и выбил меч из рук ученика, прерывая передачу магических сил. Если бы она завершилась, Кайлар больше не смог бы притянуть к себе серебряный ка'кари. Теперь они оба знали, что этого так и не произошло, потому что серебряный оказался фальшивкой. В городе, помимо черного, вообще больше не было ка'кари.

Дарзо знал с самого начала и о том, что если он оставит Кайлара в живых, то рано или поздно к нему навек перейдут силы черного шара, даже умышленно оставил для него сегодня меч Возмездия, предоставляя возможность спастись.

Теперь было слишком поздно.

Дарзо выглядел так, будто хотел что-то сказать, каким-то образом дать понять, что ему больно, но много говорить было не в его характере. Вместо этого он метнул нож Кайлару в лицо.

Время не остановилось. Мир не сжался до рассекающего воздух клинка. Но в сердце Кайлара, согретом надеждой, вдруг забурлило отчаяние. Он не заметил, что вскинул руку, не знал, как сумел высвободить ее, и не имел понятия, каким образом ка'кари вышел из лежавшего на полу клинка и вспрыгнул ему на ладонь.

В считаные доли секунды черная вязкая жидкость выплеснулась из его пальцев и ударила по летящему ножу. Нож исчез.

Звяк!

Кайлар посмотрел вниз, ища, откуда раздался звук. По полу в его направлении катился ка'кари. Вздрогнув, шарик запрыгнул на носок Кайларова сапога и проник внутрь сквозь материю и кожу. Кайлар почувствовал мощный прилив сил, с легкостью вырвался из невидимых оков и ударил старого мастера.

Дарзо отлетел назад, будто жертва сильнейшего урагана, несколько раз перекувырнулся и впечатался в стену. Кайлар взял меч Возмездия и крепко сжал его в руке.

— Не вступай в бой, если знаешь, что проиграешь, — сказал он. — Или если не хочешь выигрывать. Правильно?

Безоружный Дарзо не без труда поднялся на ноги, встал в боевую стойку и ухмыльнулся.

— Порой сражаться приходится независимо от желаний.

— Это не тот случай, — ответил Кайлар.

Вскинув меч, он рванул вперед. Дарзо даже глазом не моргнул — стоял в полной готовности принять бой и смотрел прямо ученику в глаза. В последнюю секунду Кайлар резко свернул в сторону и выпрыгнул в залитую лунным светом ночь.

Рот в эти минуты прохаживался по палубе одного из халидорских кораблей.

57

Отдавать свои яйца на кошелек Логан не собирался никому, тем более Роту Урсуулу. Напротив, поклялся себе любой ценой убить мерзавца. То, что он до сих пор был обнажен и безоружен, нисколько его не смущало (а Рот наверняка полагал, что это страшно унижает его достоинство); ярость придавала Логану сил. Порочность и жестокость, с которыми он столкнулся в последние два дня, превратили его в совершенно другого человека. Вновь стать благородным и честным молодым лордом Логан планировал позднее, теперь же он был замороженным и прозрачным, как хрусталь, сгустком предельной злобы.

Убить стражников было несложно даже в наручниках. Остановить гнев Логана и помешать ему действовать не могло сейчас ничто.

Кроме магии. Рот тоже об этом знал, потому и велел колдуну, Нефу Даде, сопровождать пленника в темницу. Неф, по-видимому, изучил расположение здешних коридоров, задних лестниц и тюремных камер по чертежам, ибо ни на минуту не задумывался о том, куда идти.

Тюрьма в Сенарии была всего одна, с замком ее соединял единственный ход. Сейчас он кишел халидорскими горцами. От города темницу отделяли два рукава реки Плит. Узников привозили в тюрьму на барже. Бежать удавалось единицам. Большую же часть преступников будто погребали заживо.

Называли темницу Утробой. Быть может, потому, что сюда постоянно приносило ветром вонь серы с северного берега острова Вое, которая скапливалась в тюрьме и не выветривалась. Мерзкий запах ударил в нос Логану, и он малой частью сознания отвлекся от кипевшей в нем ярости.

Неф Дада приостановился перед дверью-решеткой. Один из стражников стал шарить по карманам в поисках ключей. Неф окинул его недовольным взглядом и взмахнул перед замком рукой, покрытой черными неподвижными завитками, которые, когда рука нырнула вниз, будто зависли в воздухе. Послышался щелчок.

Стражник нашел нужный ключ и чуть заметно улыбнулся.

— У меня полно других дел, — сказал Неф. — Надеюсь, дальше справитесь без моей помощи?

— Да, сэр, — ответил стражник, беспокойно поглядывая на Логана.

Тот мысленно улыбнулся. Сражаться в чем мать родила с двумя вооруженными стражами, конечно, занятие не из легких, однако это куда приятнее, чем стоять перед магом с парализованными руками и ногами.

— Хорошо. Оковы будут действовать еще минут десять, — сказал Неф.

— Этого вполне достаточно, — ответил один из стражей.

Неф фыркнул и ушел. Стражник с огромным носом ввел Логана внутрь и запер дверь. По обе стороны коридора, в котором они очутились, тянулись тускло освещенные тяжелые двери камер с решетчатыми окошками.

— Если тебе любопытно, это самые лучшие камеры во всей темнице, — сказал Нос, позволяя пленнику немного попривыкнуть к вонючему мраку.

Логан бесстрастно взглянул на него. Нос усмехнулся.

— Вон та наклонная площадка ведет наверх, но тебе она не понадобится.

Второй стражник, похожий на хорька, взглянул на товарища.

— Нравится дразнить покойников?

— Еще как, — ответил Нос, засовывая палец в ноздрю. — Что? — воскликнул он, поймав на себе еще один неодобрительный взгляд Хорька. — Я просто почесал.

— Заткнись, — ответил Хорек. — Куда его ведем? Вниз?

— Да, к Плакальщикам. Давай-ка поторопимся. — Проходя мимо, Нос постучал в четвертую дверь. — Скоро я к тебе приду, сладенькая моя!

Женщина, сидевшая внутри, всхлипнула, но даже не повернула головы.

— Сучка что надо, — сказал Нос. — Ты ее видел?

Хорек покачал головой.

— Шрамов у нее на лице больше, чем у горца блох, но на черта нам ее лицо.

— Притронешься к ней, и принц вспорет тебе глотку, — сказал Хорек.

— Откуда он узнает?

— Сегодня он сюда придет. Хочет освободить ребят из Са'каге, взглянуть на эту девчонку и на какого-то ребенка, — сказал Хорек.

— Я загляну к ней всего на пять минут, — смеясь, заявил Нос.

Они спустились на два уровня по выкопанным вручную ходам.

Вонь серы, грязных людей и отходов сгущалась. Логан время от времени проверял оковы, но надеяться до сих пор было не на что — он почти не мог двигать руками. Однако им до сих пор владело страстное желание осуществить свой замысел. Ограничиваться побегом не хотелось. Следовало убить обоих стражников, забрать у них ключи и найти путь назад.

Плакальщиков держали на нижнем уровне, однако, когда стражники и пленник спустились в пещеры с орудиями пыток, Логан не услышал никакого плача.

— Дальше идти неохота, — сказал Нос, останавливаясь возле укрепленной железной двери. — Скорее бы спихнуть его в Дыру, остальную работу сделают за нас эти сволочи. Лично я не собираюсь потом его вытаскивать. Входить к этому зверью? Нет уж, извольте.

— Дыра? — спросил Логан.

Нос бросил на него косой взгляд, однако не устоял перед соблазном нагнать страху.

— В Дыре обитают прожженные насильники, убийцы и извращенцы. Вешать их было бы слишком несправедливо и просто. Поэтому их сбрасывают сюда, а здесь они сжирают друг друга. Воду им приходится слизывать со стен, хлеба стражники приносят очень мало, а прежде, бывает, мочатся на него.

— А кто же… ну, сам понимаешь?.. — спросил Хорек, неуверенным движением доставая из ножен меч. — Кто знает, когда они исчезнут?

— Что «кто же»? — не понял Нос.

— Кто снимет кандалы?

Логан проверил оковы. Они до сих пор не ослабевали. Его руки точно приросли к бокам, ноги двигались ровно настолько, чтобы можно было идти. Стражники об этом прекрасно знали. «О боги!» — подумал Логан. Времени совсем не оставалось.

— Сейчас сделаем, — рыкнув, сказал Нос. Схватив палку, он накинул привязанную к ней петлю на шею Логана и отдал палку Хорьку. — Держи его. Рисковать нельзя. Дай-ка мне твой нож.

Хорек протянул ему нож. Он был обычный, но Логан приковал к клинку горящий взгляд. К его ярости начинал примешиваться страх, лед гнева таял. Надежды почти не оставалось. Нет же, нет! Логан попытался дернуться, вскинуть руки, извернуться, но двинуться не мог даже на какой-нибудь дюйм.

Нос рассмеялся. Хорек затянул петлю на шее пленника до такой степени, что его лицо сделалось лиловым. Логану было плевать. «Пусть лучше убьют меня здесь», — думал он.

— Жаль, что ты работаешь со мной всего ничего, — сказал Нос.

— Это еще почему? — спросил Хорек, старательно удерживая палку обеими руками.

Нос воткнул клинок Хорьку в глаз. Тот поднялся на носочки, судорожно дернулся и упал.

— Потому что я давно бы с тобой разделался.

Нос посмеялся над своей шуткой и перерезал петлю на шее Логана. Тот, потрясенный, смотрел на него во все глаза. Нос не обращал на него особого внимания.

— Когда сможешь двигаться, оденься. Размерчик, конечно, ты уж прости, прислали не тот.

Он принялся снимать одежду с мертвого Хорька.

— Кто ты, черт возьми? — спросил Логан.

— Не имеет значения. — Нос бросил ему штаны. — Важно то, на кого я работаю, — добавил он, понизив голос, чтобы его не подслушали узники. — На Джарла. Это друг твоего друга.

— Какого еще друга?

— Джарл велел сказать только это. — Нос принялся разрезать ножом подштанники Хорька. — Я передаю его слова, добавлять от себя ничего не…

— Что ты делаешь? — перебил его Логан.

— Хочу отрезать яйца.

— О боги!

Логан закрыл глаза и, если бы не магия, отвернулся бы. Нос спокойно делал свое дело.

— Черт! Получается не очень-то красиво, но, надеюсь, сойдет и так. Считай, что нам повезло: волосы у него такого же цвета, как у тебя. — Стражник поднялся и помахал перед Логаном куском окровавленной плоти. — Послушай, красавчик, не я это придумал. Зато, если Рот получит, чего хочет, а нас с этим «благополучно убьют во время столкновения», нам с тобой светит выжить. Понимаешь?

— Нет.

— Скверно. Времени на объяснения у нас нет. Помнишь, о чем мы разговаривали по пути? Рот и в самом деле собирается сюда наведаться. На верхнем уровне держат женщину и ребенка. Джарл велел увести их отсюда. Ему надо знать, зачем они нужны Роту. Оковы вроде как ослабевают. Бери его за ногу.

Логан обнаружил, что, если поднапрячься, он уже может двигать руками. Его ноги освободились от колдовства почти полностью. Схватив Хорька за ногу и стараясь не смотреть на его промежность, он вместе с Носом потащил мертвеца к черневшей в полу, на огромной дыре, железной решетке.

— А зачем ты мне все это рассказал? Просто чтобы я знал? — спросил Логан.

Они остановились. Дна ямы в тусклом свете факелов было не рассмотреть. Нос достал ключи и открыл небольшую дверцу сбоку решетки. Из Дыры несло нестерпимой вонью и доносилось приглушенное хрюканье. В то, что его издают люди, было трудно поверить.

— Ага. А с ним завел этот разговор, чтобы выяснить, не известно ли ему чего-нибудь еще, — ответил Нос. — Помоги-ка столкнуть его. Да ничего не бойся. Дыра достаточно глубокая, а по стенам не вскарабкаешься.

Логан нехотя подошел, но наклониться и раскрыть дверь шире пока не мог, так что дверь стал держать Нос, а Логан столкнул тело внутрь.

Спертый воздух пронзили демонически-ликующие вопли. В Дыре завязалась возня.

Содрогаясь, Логан отошел подальше.

— Как будем действовать?

— Действовать? — Нос заглянул в темноту Дыры и покачал головой. — Надо смыться отсюда. Если Рот сегодня выиграет, то бросит все силы на твои поиски. Джарл все устроил так, что несколько человек доложат Роту, будто видели твой труп. Другой скажет, что видел меня, даже признается, что обшарил мои карманы. Он же передаст Роту твой «кошелек».

— По-моему, все очень неубедительно, — ответил Логан. — Может, закроешь наконец проклятую дверь?

— Наверху гибнут сотни людей. Выяснить, что приключилось с каждым из них, будет невозможно. Рот это прекрасно понимает. В любом случае другого выхода у нас нет. Это твоя единственная возможность спастись. Надо ли пускать в ход трюк с «кошельком», решать Джарлу.

Нос посмотрел во мрак Дыры, откуда доносилось чавканье, взглянул на Логана и усмехнулся.

— Тебе ведь наверняка любопытно.

Логан, борясь с приступом тошноты, покачал головой. Тут изнутри вылетело лассо. Логан моргнул. Петля накинулась Носу на плечи. Логан рассмотрел, что она сплетена из сухожилий, и ему в голову пришла безумная мысль: «Откуда они? Что за гиганты чудовища

там водятся?»

В глазах Носа блеснул ужас. Петля затянулась, веревка дернулась, Нос повалился прямо на Дыру, судорожно расставил руки и ноги и уперся ими в края отверстия, чтобы не упасть внутрь. Петля съехала с его плеч и обхватила шею. Из ямы послышался дикий гогот. Логан пошел к Носу, двигаясь, как мог, быстро, но магия еще не до конца отпустила его из своих оков.

За веревку с силой потянули. Держали ее, наверное, человек пять. Нос беспомощно взглянул на Логана выпученными глазами. Его руки ослабли, и он полетел в Дыру.

Логан, стремясь поймать Носа, рванул вперед, споткнулся об остатки колдовства и сам полетел к яме. Схватившись за толстые прутья решетки, он против воли заглянул внутрь. Отдельных людей было не рассмотреть. Во мраке кишели десятки рук, слышались жуткие звуки разрываемой плоти и вопли Носа.

С минуту Логан наблюдал за этим кошмаром, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, не говоря уже о том, чтобы подняться. Наконец Нос умолк. Темные фигуры разошлись и принялись жадно есть.

Тут один из них заметил Логана и закричал. Логан отскочил в сторону, не помня себя от страха. Остатки магии вновь усилились. Логан не без труда перекатился на спину, сел и наконец закрыл дверь в решетке.

Ключ выпал из руки Носа, когда тот упал. Логан подобрал его, однако запереть дверь не смог — его всего трясло. Насилу поднявшись с неровного каменного пола, он вернулся туда, где Нос убил Хорька, и натянул на себя одежду. Хорошо, что на более низком и худом Хорьке она сидела свободно, в противном случае на Логане все тут же разошлось бы по швам. Надев сапоги, до невозможности сдавившие ноги, он поднялся с пола и попытался собраться с силами, чтобы вернуться к Дыре и запереть дверь. Идти туда не хотелось до умопомрачения. Случившийся там кошмар и так грозил преследовать Логана до конца дней. Однако нельзя было давать сидевшим внутри животным ни малейшей возможности сбежать.

Шел он медленно и осторожно, хоть и знал, что следует поторопиться, а в нескольких шагах от зарешеченной Дыры остановился и услышал, что внизу до сих нор раздирают плоть. Его сильно тошнило.

Вдруг сверху донеслись голоса, отчетливо звучавшие в каменном коридоре последнего перед Дырой уровня.

— Эй, ты! — произнес командный голос с халидорским акцентом.

Ему ответил кто-то из узников, сидевших в последних камерах, но Логан не разобрал слов.

— Тут не проходили двое стражников и заключенный?

Логан замер. Узник что-то пробормотал в ответ.

— Вот видишь?! — воскликнул стражник. — Они здесь вообще не показывались. Тащиться к Дыре не имеет смысла. Поверь мне на слово, от этого места лучше держаться подальше.

Логан мысленно благословил человека, который солгал, конечно, не из желания спасти Логана, а, видимо, по привычке врать надзирателям.

— По-твоему, уголовник сказал тебе правду? — спросил халидорец. — Принц желает удостовериться в том, что Логан Джайр мертв. Темницу обыскивают на всех уровнях, ваши люди подчиняются беспрекословно. А ты что, стараешься мне помешать?

— Нет, сэр!

В дальнем конце коридора показался неестественный красный свет.

«Колдун! — подумал Логан. — Куда мне деваться? — Он огляделся по сторонам. Ни углублений в стенах, ни дверей нигде не было. — Неужели я столько раз избежал смерти лишь для того, чтобы все же умереть?»

Он задумался о том, не наброситься ли на стражников. Одолеть их с одним ножом в руке будет непросто, но если сначала удастся убить колдуна, справиться со вторым будет легче.

— В здешнем воздухе разлито что-то мощное, даже голова кружится, — сказал третий голос.

— Точно, — ответил колдун. — Я не чувствовал так много зла, сосредоточенного в одном месте, пожалуй, с тех пор, как встречался со своими вассалами.

Неизвестно почему, его слова всех развеселили. У Логана упало сердце, когда он услышал, что смеются по меньшей мере шесть человек.

Шесть. Из них пятеро запросто могли оказаться колдунами. Даже если колдунов всего двое, Логану грозила верная гибель. Свет горел все ярче, голоса приближались.

С небывалым ужасом Логан заглянул в Дыру. Другого пути у него не было. Граф Дрейк всегда повторял: «Жизнь — самое ценное из всего, что у человека есть. Самоубийство совершают только трусы. Швырнуть Господу в лицо этот великий дар — значит, тяжко согрешить».

А что как-то раз сказал Кайлар? В тот день к ним подошли работавшие нелегально, то есть не на Са'каге, проститутки, девочки лет двенадцати. Предложили они такое, о чем Логан в жизни не слыхивал. Кайлар сказал: «Чтобы выжить, пойдешь на такое, о чем даже не подозреваешь».

«Чтобы выжить, пойдешь на такое, о чем даже не подозреваешь», — повторил про себя Логан.

Открыв дверь, он взялся за решетку, опустился в Дыру, запер замок на ключ, положил ключ в карман, достал нож и спрыгнул в ад.

58

Кайлар лишь на лету осознал, что путь до реки неблизкий. Несколько минут назад он висел на раме и смотрел на эти же самые виды. А теперь с невероятной скоростью приближался к ним. Ему предстояло либо врезаться в горы, либо лицом вниз шлепнуться на реку. Опытный ныряльщик, наверное, смог бы войти в воду и уцелеть, Кайлар же такого не умел.

Подлетая к реке, он выбросил вперед руки. Вокруг него образовался клин *таланта.*

Кайлар вошел в воду. Руками он ничего не делал, но с помощью *таланта* благополучно нырнул. Клин исчез, и по Кайлару ударило безжалостное холодное течение. Ему показалось, что его руки прижимаются к бокам лапами великана.

Ему опять снился сон. Если можно было назвать сном то, что… Что? Мысль, не успев сформироваться, ускользнула прочь.

Сталкиваясь со смертью на протяжении последних десяти лет, Кайлар всякий раз видел этот сон. В самом начале, как обычно, ему было понятно, что это всего лишь видение, но как только до него доходило, о чем оно, он уже ничего не мог поделать и вновь превращался в одиннадцатилетнего мальчика.

…В освещенной лишь лунным сиянием лодочной мастерской темно, безлюдно и холодно. Азот перепуган до смерти, хоть и все продумал заранее. Сейчас он повернется и увидит голого Крыса.

Азот смотрит на дыру, через которую когда-то затаскивали лодки из грязной воды Плита, и на веревку с петлей на конце, привязанную к камню.

— Поцелуй меня еще разок, — говорит Крыс, внезапно подходя и похотливо вцепляясь в Азота. — Поцелуй же.

Где петля? Азот оставил ее тут, на этом самом месте. Он ищет глазами камень, который должен лишить Крыса жизни, но… Крыс притягивает Азота к себе, обжигая горячим дыханием, и принимается раздевать его…

Кайлар ударился о дно реки, распахнул глаза и увидел в нескольких дюймах от себя меч Возмездия. Он выпустил его из руки. И к лучшему, не то бы изрезался. По счастью, меч опустился на дно вслед за ним.

Внезапно почувствовав, что его легкие чуть не разрываются, Кайлар схватил Возмездие

и устремился вверх. Долго ли он пробыл под водой? Несколько мгновений или вообще утонул и его куда-то отнесло течением?

Секунда, и он вынырнул, вдохнул воздуха и с удивлением обнаружил, что повреждений у него нет, во всяком случае новых. Из носа и пальцев, мутя воду, до сих пор капала кровь. Волна поднесла его к каменистому берегу. Кайлар выбрался из реки и понял, что он на острове Вое, под восточным мостом, напротив имения Джадвинов. Этот берег служил опорой замковой стены; чтобы продвинуться вверх по течению, предстояло полпути карабкаться, полпути плыть. Кайлар пробирался вперед минут десять и наконец, выбившись из сил, снова вышел из воды.

Рота он видел у причала, на северном склоне острова. Попасть туда можно было либо снова по воде и камням, либо через низкую вонючую постройку, под которой лежала расселина. Кайлар сомневался в том, что сможет еще минут десять — двадцать карабкаться по каменистым уступам и мокнуть в ледяной реке. Кровотечение из носа остановилось, а руку он обмотал, чтобы кровь хлестала не так сильно. Вновь опускать ее в воду не следовало. Рука пульсировала, наваливалась слабость. В любую другую ночь Кайлар просто ушел бы отсюда и даже не пытался бы кого-либо убить. Но сегодня, после всего, что натворил Рот, здравый смысл не имел особого значения.

В длину сооруженное над расселиной одноэтажное здание достигало шагов тридцати. Считалось, что это плод передового современного изобретательства, но Кайлар в подобных вещах ничего не смыслил и сомневался, что им восхищены аристократы, поскольку это «чудо» воняло протухшими яйцами.

Пытаться осуществить свой план было глупо. Кайлар настолько вымотался, что не мог даже размышлять о *таланте.* Каждая мысль давалась ему с трудом. Прислонившись к тяжелой двери, он попытался собраться с остатками сил. Меч Возмездия до сих пор был в его руке. Кайлар посмотрел на вырезанное в клинке слово «СПРАВЕДЛИВОСТЬ». И растерянно моргнул. Теперь, в том же самом месте, в серебре, как прежде в черном металле, было выгравировано «МИЛОСЕРДИЕ». А на рукояти, перпендикулярно первому слову, теперь тоже в серебре, было вырезано «ВОЗМЕЗДИЕ».

Ка'кари исчез. Кайлар чувствовал себя настолько уставшим и глупым, что на миг испугался. Потом ему вспомнилось, куда делся ка'кари. Магия проникла под Кайларову кожу. Нет, нет… Это ему явно примерещилось. Наверное, срочно следовало отдохнуть.

Он поднял руку ладонью кверху. Сквозь нее проступил, точно масло, черный пот. Жидкость вдруг загустела и превратилась в теплый металлический шарик — черный, точно непроглядная ночь, без единого изъяна. Ка'кари. Логан рассказывал только о шести шарах: белом, зеленом, коричневом, серебряном, красном и синем. Император Джорсин Алкестес и его маг Эзра отдали магические чудо-вещицы шестерым бойцам, оскорбили одного из лучших друзей Джорсина, и тот предал его. После войны за шарами многие стали охотиться. Их обладатели жили недолго.

Кайлар попытался вспомнить, как звали предателя. Акел Торне. По сути, Джорсин не оскорбил его, а дал ему возможность уйти и уберечь волшебную вещь от врагов. О существовании черного шара не знал никто, поэтому Акела не стали преследовать, и он уцелел.

Дарзо подписался в письме «Торне».

— О боги! — выдохнул Кайлар. Задумываться об этом сейчас не следовало. Размышления грозили отнять последние силы. — Помоги, — попросил Кайлар, глядя на ка'кари. — Пожалуйста. Сослужи мне службу.

Он сжал шарик в руке, и тот растворился, разлившись по одежде, коже и глазам. Кайлар моргнул. Все оставалось по-прежнему: он мог видеть во тьме так же, как днем. Его рука и черный меч вдруг содрогнулись от пульсировавшей в них магии и исчезли. Не просто спрятались в тени, а совсем пропали. В отличие от остальных мокрушников Кайлар не превратился в тень, как прежде, а стал настоящей невидимкой.

На восторги и удивление не было времени; надлежало быстрее сделать дело. С тех пор

как он увидел Рота на пристани, прошло минут десять или даже больше. Следовало поторопиться. Открыв замок, Кайлар вошел внутрь.

В постройке оказалось до невозможности жарко. Посередине располагалась громадная труба диаметром локтей двадцать, ее огибал и узкие дорожки. Труба была обшита скрепленными между собой широкими металлическими листами, ее поддерживала внешняя деревянная конструкция. Уходя на глубину, труба соединялась с расселиной.

Кайлар заглянул внутрь и понял, почему это сооружение называют чудом. Изобретатели не только заставили работать на благо людей энергию горячего воздуха, выдыхаемого землей, еще и не давали реке Плит стечь внутрь. Произойди нечто подобное, и вода закипит, рыба погибнет, рыбаков не станет, а Сенария лишится главного источника пропитания.

Здешние работники продолжали заниматься делами, не ведая, что творится в четверти мили. Одни проверяли веревки и блоки, другие смазывали механизмы, третьи меняли металлические листы.

Кайлар прошел по длинной деревянной дорожке, дважды свернул и очутился на площадке перед двумя дверьми. Одна располагалась ниже уровня земли, вторая вела как раз туда, где совсем недавно находился Рот.

Кайлар спустился к нижней. Чуть дальше темнели двойные ворота, через которые ввозили разного рода приспособления. Кайлар осторожно выглянул наружу.

В нескольких шагах от двери стояла молодая колдунья. Ее волосы были перекинуты через плечи назад, а руки с виром согнуты в локтях. Она смотрела куда-то вперед и с кем-то разговаривала, но Кайлар не мог видеть ее собеседника. Чуть дальше стояли другие колдуны, одетые в такую же одежду.

Кайлар закрыл дверь, вернулся на дорожку и приоткрыл дверцу, врезанную в горизонтальную секцию трубы. Этот ее участок был изогнут и больше походил на пропарочный тоннель, диаметр достигал шагов пятнадцати, а в том месте, где располагался последний вентилятор, труба резко сужалась до четырех шагов. Ее дно было укреплено металлом, так что работники могли входить внутрь и проверять вентиляторы. Через последний горячий воздух выходил наружу. Кайлар решил пробраться к маленькому вентилятору и посмотреть, здесь ли Рот.

Осторожно ступив внутрь, он проверил, не заскрипит ли под его весом половица. Пол не скрипел. Однако, еще не успев закрыть за собой дверь, Кайлар почувствовал: что-то не так.

Охлажденный серный воздух, пропутешествовав подлинной металлической трубе, лениво выплывал в ночную тьму. Нижнюю треть тоннеля заполнял густой струящийся пар. Света не было, внутрь сквозь лопасти работавшего вентилятора вливалось лишь сияние луны с улицы. В туманном царстве теней Кайлар видел как обыкновенный человек.

Здесь кто-то есть, подумал он.

59

Дарзо показалось, что в чертово окно выпрыгнуло его собственное сердце. Он наблюдал за Кайларом до тех пор, пока не убедился, что тот цел и невредим.

«Чудеса, — подумалось мокрушнику. — Я за все эти годы ни разу не пробовал вытворять таких безумий. А он отважился в первый же день — и у него все получилось».

Кайлар выбрался на берег и направился в сторону севера. Упрямый дурачина. В нем всегда это было, с тех самых пор, когда он не захотел признавать свой проигрыш в истории с Крысом. Через три часа извращенец простился с жизнью.

Кайлар неизменно поступал так, как считал правильным, а на последствия и на чье-либо мнение, в том числе и соображения Дарзо, чихать хотел. Мальчик напоминал мокрушнику Джорсина Алкестеса. Решив быть верным Дарзо, Кайлар, несмотря ни на что, не изменял себе. Он верил в Дарзо Блинта, как Джорсин — в Акела Торне. Кайлар был

просто мальчишкой-дьяволенком, но, подобно Джорсину, превозносил того, кто на самом деле был гораздо хуже.

Дарзо почувствовал боль, скопленную за всю его долгую жизнь. Ему вечно приходилось кого-нибудь обманывать, но остальные, все, кто ему доверял, не имели особого значения, Джорсин же и Кайлар его знали. Жить на земле, далеко не впервые за семь столетий, стало до невозможности тяжко. Дарзо показалось, что все вокруг — соль, а он — открытая рана. «В чем моя ошибка?»

Следовало уйти отсюда прочь, что-то предпринимать. Как и все остальные, кем доводилось бывать Акелу Торне, Дарзо был человеком действия. В его руках и ногах пульсировал *талант.* Забавно, что он работал даже после утраты ка'кари. Дарзо встал на подоконник и шагнул в ночь. Он не упал.

Магия, окружавшая его стопы, прочно держалась за камень подоконника, поэтому мокрушник перевернулся вниз головой и, точно насекомое, взялся за стену. Кайлар не изучил трюки Дарзо. Черт! Большинства из них он даже еще не видел.

Дарзо знал, куда пошел Кайлар, и знал, как туда добраться намного быстрее, поэтому не стал торопиться. Его внимание привлек лязг стали, доносившийся со двора. Окружив себя тенями, он сполз на место сражения.

Исход битвы был очевиден. Двести сенарийских солдат и человек сорок совершенно ни на что не годных представителей знати пытались одолеть сотню халидорцев, блокировавших восточный мост. Среди них было полдюжины майстеров, которые теперь если и принимали участие в сражении, то лишь с помощью сознания.

Дарзо, будучи опытным убийцей, тотчас определил ключевые позиции битвы. Это не составляло особого труда. Офицеры почти в любом бою и фал и наиболее важную роль, равно как и майстеры, но случалось и так, что основную ответственность брали на себя простые солдаты, а за ними шли остальные. Если уничтожить ключевые позиции, тотчас изменится вся картина. Халидорцами верховодили два офицера, три майстера и гигант горец. Сенарийцами — лишь два человека: сержант с алитэрским луком и Тэра Грэзин.

Сержант, по-видимому, несмотря на немолодой возраст, сражался всерьез впервые в жизни. По выражению его лица Дарзо сразу понял, что этот человек подался в солдаты, чтобы испытать себя, и лишь теперь сознавал, чего он стоит. Очевидно, нынешняя битва была его Испытанием, и он оставался вполне доволен собой. Это придавало сил не только ему, но и его подчиненным.

Тэра Грэзин, высокомерная грудастая красотка, видение в разорванном небесно-голубом платье, естественно, резко выделялась из разношерстной толпы. Она явно не сомневалась в том, что настоящая опасность непременно обойдет ее стороной и что все вокруг обязаны ей подчиняться. Окружавшие ее люди это чувствовали.

— Сержант, — произнес рядом с Дарзо знакомый голос. Сержант выпустил стрелу и убил майстера, увы, второстепенного. Приблизившись к командиру от главных ворот, граф Дрейк схватил его за руку. — Сюда направляются еще сотня халидорцев!

Его голос из-за соударявшихся мечей и возгласов был едва слышен. На рану Дарзо, которую разбередил Кайлар, будто высыпали очередную порцию соли. Мокрушник думал, что граф дома, а он был здесь, еще не совсем оправился от отравления и вместе с остальными смотрел в лицо смерти.

— Проклятье! — выругался сержант.

Дарзо отвернулся. Спасти всех сенарийцев не в его силах. Ему предстояло отправиться на собственное свидание со справедливостью.

— Ночной ангел! — закричал сержант. — Если ты помог нам в первый раз, помоги и теперь! Ночной ангел! Приди же!

Дарзо застыл на месте, догадываясь о том, что в дела воинов каким-то образом успел вмешаться Кайлар.

«Что ж, мой дорогой ученик, — подумал мокрушник. — Я сделаю это ради тебя. И ради графа, и ради Джорсина, и ради всех дураков, которые верят, что и убийцы способны

творить добро».

— Дай мне свой лук, — сказал он устрашающим голосом, который из-за магии звучал еще громче и басистее.

Сержант и граф Дрейк повернули головы и взглянули на тень у ворот. Сержант протянул ей лук и колчан со стрелами. Лук Дарзо взял настоящей рукой, а стрелы — магической. Приставив к тетиве первую стрелу и уже приготовив другую, он встал у ограды и в мгновение ока определил, кого должен убить.

Гигант горец пал первым, получив стрелу между глаз. За ним полегли все до одного майстеры, потом офицеры, потом клин горцев, занявших позицию прямо перед мостом. Двадцать стрел Дарзо выпустил секунд за десять, если не быстрее. И ему это даже понравилось. Еще бы! Гэлан Звездный Огонь умел обращаться с большим луком.

Он бросил оружие сержанту, который, казалось, никак не мог понять, что случилось. Граф Дрейк вел себя иначе. Его взгляд был прикован не к волне сенарийцев, устремившейся к мосту, и не к бросившимся врассыпную уцелевшим халидорцам. Граф смотрел на Дарзо.

Ошеломленный сержант пробормотал ругательство. А граф приоткрыл рот, явно чтобы благословить спасителя. Этого Дарзо вынести не мог. Поэтому поспешил уйти.

«Довольно благословлений, — подумал он. — Довольно сострадания. Довольно соли на рану. Довольно света в моих темных углах. Пусть все закончится. Пожалуйста».

60

Кайлара охватил страх. Он присел на корточки, прячась в тумане. Где-то над ним раздался щелчок и лязг металла. Сделав перекат, Кайлар увидел первый нож, показавшийся в дверном проеме, и второй — прорезавший металлический лист.

— Значит, ты догадался, что можешь быть невидимкой? — послышался голос Дарзо Блинта откуда-то из темноты возле последнего вентилятора.

— Черт возьми, Блинт! Я же сказал: сражаться не желаю.

Договорив последнее слово, Кайлар предусмотрительно перешел в другое место и стал всматриваться во тьму. Вообще-то Дарзо не мог делаться невидимым, но здесь, в густом тумане, подрагивающем свете и густых тенях был совершенно незаметен.

— Нырок получился знатный, мальчик. Мечтаешь тоже стать легендой?

Голос Дарзо прозвучал до странного печально, причем уже от другого вентилятора. Как он успел туда перебраться?

— Кто вы? — спросил Кайлар. — Акел Торне, правильно?

От волнения он чуть не забыл переместиться дальше.

Мимо пролетел и ударился о стену нож.

— Акел был дурак. Играл с дьяволом. А теперь я живу по дьявольским законам.

Голос Дарзо звучал хрипло и сдавленно. Он явно плакал.

— Мастер Блинт, — произнес Кайлар, впервые с тех пор, как к нему перешел ка'кари, обращаясь к учителю так почтительно. — Давайте действовать вместе? Помогите мне убить Рота. Он ведь здесь?

— Так, но рядом с ним целая толпа майстеров и вюрдмайстеров, — ответил Дарзо. — Все кончено, Кайлар. В течение часа замок полностью захватят халидорцы. На рассвете они ждут пополнения, их действующая армия прибудет чуть погодя. Любой, кто не желает с этим мириться, либо мертв, либо сбежал.

В трубе что-то звякнуло, звук разнесся по всей ее длине. Изнутри повалил теплый воздух.

Кайлару сделалось тошно. Выходит, он напрасно старался. Убийство нескольких халидорцев и спасение нескольких аристократов, по сути, ничего не изменили.

Он пошлепал рукой по лопасти последнего вентилятора, который вращался быстрее и быстрее. Сквозь него был виден Рот, совещавшийся с колдунами.

Дарзо все верно говорил. Колдунов было не счесть. Некоторые из них возвращались на

судно, но добрая половина вместе с дюжиной великанов горцев оставались с Ротом.

— Он убил моего лучшего друга, — сказал Кайлар. — А я убью его. Самое позднее сегодня вечером.

— Только через мой труп.

— Я не намерен с вами сражаться.

— Тем не менее всегда задавался вопросом, удастся ли тебе одолеть меня, если до этого дойдет, правильно? — сказал Дарзо. — Задавался, я знаю. Теперь у тебя есть *талант* и ка'кари. Мальчишкой ты поклялся себе, что больше никому не позволишь над собой издеваться, говорил, что хочешь стать убийцей. Я исполнил твое желание или нет?

— Проваливайте ко всем чертям! Не хочу я с вами сражаться, и точка! Кто такой Акел? — прокричал Кайлар.

Дарзо, повысив голос, чтобы ученик расслышал каждое слово сквозь шум вентиляторов и ветра, прочел:

Безбожник поднимет на него руку,
Но проиграет.
Их мечи уничтожат;
Его пронзит клинок нечестивца,
Но он выстоит,
Спрыгнет с крыш мира
И повергнет принцев…

Блинт замолчал.

— Мне не удалось сделать ничего подобного, — тихо прибавил он.

— О чем вы? Что это за слова? Это предсказание?

— Они не обо мне, а Джорсин не был хранителем света. Пророчество о тебе, Кайлар. Ты — дух возмездия, ночной ангел. И расплата, которой я заслуживаю.

«Возмездие порождается любовью к правде и стремлением восстановить справедливость. А расплата — проклятие. У ночных ангелов по три лица: Возмездие, Милосердие и Справедливость».

— Мне не за что вам мстить, — сказал Кайлар. — Я обязан вам жизнью.

Лицо Дарзо помрачнело.

— Жизнью, пропитанной кровью. Я служил проклятому ка'кари почти семьсот лет, Кайлар. Я служил мертвому королю и людям, которые не стоили его мизинца. Я жил в тенях и привык к ним. Я посвятил всего себя мечте о надежде, которую не понимал с самого начала. Что происходит, если срываешь с человека многочисленные маски и вообще не находишь под ними лица? Я подвел ка'кари единожды. Один-единственный раз за семьсот лет службы, и он покинул меня. Я не старел, Кайлар, не старел ни надень, на протяжении семи веков. А потом вдруг встретился с Гвинверой и с Вондой. Я любил ее, Кайлар.

— Знаю, — тихо ответил Кайлар. — Ужасно, что Вонда умерла.

Дарзо покачал головой.

— Нет. Вонду я не любил. Я всего лишь хотел показать Гвинвере, каково это — знать, что твой любимый человек делит постель с другими. Я спал и с первой, и со второй, но Гвинвере платил, а Вонду сделал шлюхой. Вот почему я мечтал раздобыть серебряный ка'кари. Я хотел отдать его Гвинвере, чтобы она не умерла, подобно всем остальным, кого я любил. Шар короля Дейвина оказался подделкой, и я оставил его для Гэрота Урсуула. Спасти Вонду можно было единственным путем — отдать ему свой ка'кари. Мне следовало выбрать между ее жизнью и своим бессмертием, своими магическими силами. Я не любил ее, поэтому решил, что цена слишком высока. И позволил ей умереть.

В тот день ка'кари перестал мне служить. Я начал стареть. О ка'кари мне напоминала лишь черная краска на моем мече и издевательское слово «СПРАВЕДЛИВОСТЬ». Справедливость восторжествовала, и я стал шаг за шагом приближаться к смерти. Ты был

моей единственной надеждой, Кайлар. Я с самого начала знал, что ты создан для ка'кари и можешь привлечь его к себе. Ходили слухи, что где-то в нашем королевстве есть еще один шар. Черный ка'кари меня отверг, однако я верил, что серебряный примет и тогда начнется моя новая жизнь. Надежда была мала, однако попытаться стоило. Но ты привлек лишь мой ка'кари. Ты начал вбирать его силы еще в тот день, когда я избил тебя за спасение той девчонки. Я почти лишился рассудка. Ты отнимал у меня единственное, ради чего я жил. У меня не оставалось ничего: ни славы, ни чести, ни былого мастерства. Мои друзья давно умерли, женщина, которую я любил, ненавидела меня… Ты забирал мою последнюю надежду — Он отвернулся и забросил в рот зубок чеснока. — Я хотел прикончить тебя. И не мог. К первому убийству ты был не готов. Даже извращенца Крыса тебе было жаль. Убрать его за то, что он еще не сделал, ты бы так и не отважился.

— Что? — По коже Кайлара побежали мурашки.

— На улице ты бы погиб. Мне следовало тебя спасти. Я сделал бы это, даже если бы знал, чем все закончится.

— О чем это вы? — спросил Кайлар.

«Нет, пожалуйста! — мысленно взмолился он. — Я ничего не желаю знать».

— Крыс не трогал Куклу, — сказал Дарзо. — Ее изуродовал я.

Туман заполнял тоннель уже наполовину. Большой вентилятор вращался медленно, а маленький, напротив, с умопомрачительной скоростью, шаловливо разбивая лунное сияние и бросая его пятнами на сгущавшийся пар.

Сердце Кайлара билось как сумасшедшее. Он не мог пошевелиться. Почти не дышал. И даже не думал возражать. Блинт лгал. Конечно лгал. Кайлар прекрасно знал замашки Крыса и видел его глаза, видел в них характерное злорадство.

С другой же стороны, порочности Дарзо он все эти годы предпочитал не замечать. Мастер убивал невинных людей, но Кайлар не позволял себе видеть в этом зло.

Теперь и большой вентилятор вращался быстрее. Его шум будто разрезал время на части, отмечал каждую минуту, словно видел в этом великий смысл.

— Нет, — произнес Кайлар, насилу заставив себя двигать скованные правдой губы.

Блинт был способен на это. «Жизнь бессмысленна. Жизнь никчемна. Бездомная девчонка стоит ровно столько, сколько ей платят за торговлю телом».

— Нет! — вскрикнул Кайлар.

— Все кончено, Кайлар.

Дарзо повернулся и исчез, обернувшись тенью. Кайлара охватила опаляющая неуемная ярость.

Из-за шума вентиляторов и горячего ветра он с трудом расслышал шаги. Мокрушник-тень остановился прямо перед ним. Звякнул извлекаемый из ножен меч. Кайлар, доставая Возмездие, резко развернулся и нырнул в сторону. Клинки скрестились, и меч Кайлара вылетел из руки. Сам он, напрягая все органы чувств, отскочил назад, бесшумно приземлился и присел в белом тумане. Злоба одержала верх над его усталостью. Кайлар использовал гнев, чтобы прояснить голову.

Он осмотрелся по сторонам. Спрятаться было негде. Ему на ум пришла мысль затаиться у большого вентилятора, но Дарзо мог спокойно вдавить его во вращающиеся лопасти. Их края были не очень острые, да и двигался вентилятор не слишком быстро, так что раздробить ребра не грозил, зато мог сильно изранить. Об остальном бы «позаботился» Дарзо.

На стенах и потолке темнели ручки-перекладины. Ими пользовались местные работники, когда следовало заменить отдельные составляющие трубы. До ближайшей от Кайлара, расположенной прямо у него над головой, было по меньшей мере десять футов.

Он подпрыгнул, чувствуя мощь *таланта.* И без труда ухватился за ручку, но тут ощутил приступ боли и чуть не рухнул вниз. Его пальцы были изрезаны, он об этом совсем забыл.

Раскачавшись, он закинул ноги на другую перекладину, чтобы попрочнее укрепиться.

Держаться правой рукой было чертовски больно и ненадежно, так что Кайлар решил взять в нее танто. В трубе опять что-то зазвенело. Кайлар взглянул на оружие. Клинок был прямой, восьмидюймовый, с чуть загнутым заостренным кончиком, предназначенным для протыкания плоти сквозь броню. Столь слабой рукой орудовать таким ножом не представлялось возможным.

Кайлар убрал его в ножны и достал вдвое более короткий нож с кривым лезвием. В четырех крошечных дырках на ребре клинка светлели кусочки ткани. Ножны были влажные. Кайлар понятия не имел, смыло ли речной водой яд белой кобры. Впрочем, выбирать не приходилось.

Ветер стих и вдруг совсем исчез. Вентиляторы продолжали крутиться вокруг смазанных маслом осей.

Кайлар замер в ожидании. Пар медленно оседал. Как только Дарзо двинется с места, Кайлар это заметит, хотя самого мокрушника, разумеется, не увидит.

Вентиляторы вращались все медленнее и все меньше шумели. Вскоре все стихло, лишь в ушах Кайлара продолжала пульсировать кровь. Он пребывал в предельном напряжении. Не только потому, что должен был все время быть начеку, но и потому, что ему следовало оставаться на месте и не издавать ни звука.

Если Дарзо поймет, где он, тогда пиши пропало. Ногами Кайлар держался за перекладину и соскочить с нее в мгновение ока не мог. Убить его в таком положении не составляло никакого труда.

Надеяться оставалось лишь на то, что он спрыгнет к Дарзо совершенно неожиданно. Однако искусству сражать неприятеля неожиданностью научил Кайлара именно Дарзо.

Прошла минута.

Вентиляторы молчали. Стих даже доносившийся снаружи гул голосов. Остывавший пар белел теперь лишь возле самого пола.

С невообразимой осторожностью, стараясь, чтобы даже его воротник не издавал ни единого звука, Кайлар повернул голову. Теперь, когда пар осел, вероятность заметить мокрушника — водоворот, малейшее движение тумана — значительно возросла. Дышать следовало так же неслышно, хоть и одна его ноздря, ибо Кайлар ударился носом о стену башни, была забита загустевшей кровью. Левая рука горела, ноги затекли, однако Кайлар терпел и совершенно беззвучно ждал.

В сердце прокрадывался страх. Стоило ли испытывать судьбу? Сколько людей убил за свой бесконечный век Дарзо? Сколько раз он избивал ученика, одерживая над ним одну победу за другой? Способен ли был измученный и раненый Кайлар сражаться как подобает? Дарзо находился внизу и мог играть в прятки сколь угодно долго. Не исключено, он стоял возле маленького вентилятора и в свете луны мог заметить Кайлара, как только тот спрыгнет.

По силам ли Кайлару убить легенду?

Он попытался унять сердце. Его горло сжимало. Чувства, бушевавшие в нем ночь напролет, постепенно остывали. Ему сделалось холодно, по груди разлилась пустота. Дарзо верно говорил: справедливости в этом мире нет места. Логан погиб. Элену пришлось избить. А отпетые мерзавцы праздновали победу. Так было и будет всегда.

Кайлара покидали силы. А сердце продолжало неистово биться в груди, грозя привлечь к себе внимание Дарзо. Кайлар заставил себя дышать спокойнее.

Терпение. Терпение!

Медленно выдохнув, он замер. В воздухе чем-то запахло. Чеснок!

Оказалось, ученик и мастер прибегли к одной и той же хитрости. Дарзо висел в точности так же, как Кайлар, всего в нескольких дюймах, но головой в другую сторону. И тоже наблюдал за паром, ожидая заметить его малейшее движение.

Кайлар резко повернул голову и прыгнул вверх. Висевшее над ним пятно мрака в то же самое мгновение рвануло к нему.

Кайлар, защищаясь от нападения, воткнул в мастера нож. Они вместе полетели на пол.

Кайлар приземлился в собравшуюся на дне тоннеля лужу и так сильно ударился о металл, что шею пронзила адская боль. Перекатившись, он вскочил на ноги.

Дарзо выхватил из ножен меч и отпустил тени. Кайлар тоже стал видимым. На удержание магической мощи у него не хватало сил. Он чувствовал себя мокрой выжатой тряпкой. Блинт сжимал в руке меч. Кайлар тоже.

— Все кончено, — сказал Дарзо. — Надеюсь, таких фокусов, как в башне, ты больше не затеваешь выкидывать?

— Я понятия не имею, как так вышло, что я выпрыгнул из окна, — сказал Кайлар. — И ничего не затеваю.

— Славно, что я не пустил тебя к Роту? — спросил Дарзо со своей проклятой ухмылкой.

Кайлар даже злиться больше не мог. В нем царила одна пустота.

— А что бы изменилось? Я предпочел бы умереть в схватке с ним, а не с вами.

Он убрал меч в ножны.

— Ты воспользовался ядом кобры, угадал? — смеясь, спросил Дарзо — Конечно. Я так и думал — Он отсалютовал ученику, тоже вернул меч в ножны, потом вдруг тяжело опустился на пол и, чтобы не упасть, схватился за перекладину. — А мне всегда было любопытно, что чувствуют отравленные им люди. — Он прижал руку к порезу на груди. Кайлар думал, что лишь слегка задел его, но из раны Дарзо до сих пор текла кровь.

— Мастер!

Кайлар бросился к учителю, чтобы поддержать его, когда того чуть повело в сторону.

Бледный как смерть, Блинт усмехнулся.

— Я долгое время вообще не думал о гибели. Оказывается, умирать не так уж и страшно. Но и приятного в этом мало. Кайлар, пообещай мне кое-что.

— Что угодно.

— Позаботься о моей крошке. Спаси ее. Мамочка К. наверняка знает, где ее держат.

— Не могу, — ответил Кайлар. — Хотел бы, да не могу.

Он повернул голову и вырвал из шеи дротик Дарзо. Ему казалось, что острую боль вызвал удар о пол, но чуть погодя сообразил, что произошло. Дротик тоже был отравлен. Кайлар умирал.

Дарзо засмеялся.

— Как метко! Вытащи-ка меня из этого тоннеля. Серой я и сам скоро завоняю.

Кайлар с трудом выволок мастера наружу, усадил его на дорожке и, совершенно без сил, сел напротив.

Возможно, дротик был намазан ядом королевской змеи и болиголовом, подумал он.

— А эту девушку, Элену, ты в самом деле любишь?

— Да, — ответил Кайлар. Он сожалел лишь об этом. Следовало прожить свою жизнь иначе, достойнее и порядочнее.

— Я уже должен был умереть, — сказал Дарзо.

— Нож побывал в реке.

У Кайлара закружилась голова. «От яда?» — задумался он.

Дарзо попытался рассмеяться, но его взгляд наполнился тоской.

— Джорсин сказал: «Шесть ка'кари предназначаются шести ангелам света, а седьмой — ночному дозорному». Черный выбрал тебя, Кайлар. Ты теперь ночной ангел. Дай этим жалким, неблагодарным людишкам нечто особенное. Подари им надежду. Это тебе задание от мастера: убей Рота. Ради нашего города. Ради моей дочери. Ради меня. — Его пальцы отчаянно впились в руку Кайлара. — Прости меня, сынок. Прости за все. Когда-нибудь ты, не исключено, сможешь это сделать…

Его глаза заволакивало туманной дымкой, и он был вынужден сделать над собой усилие, чтобы они не закрылись и чтобы оставаться в сознании.

Кайлар ничего не мог понять. Дарзо прекрасно знал, что и его ученику суждено умереть.

— Я вас прощаю, — сказал Кайлар. — Давайте считать, что мы умираем не по вине друг друга.

Глаза Дарзо внезапно озарились, будто, невзирая на яд в крови, ожили. Он улыбнулся.

— На дротике… не было отравы… Письмо…

Дарзо умер на полувздохе, не сводя взгляда с Кайлара. Его тело содрогнулось и застыло.

Кайлар закрыл мастеру глаза. Пустота у него внутри увеличилась до невозможных размеров, где-то во тьме, посреди горла, застрял дикий вопль. Он поднялся на одеревенелых ногах, отпуская труп. Тот, ударяясь головой, упал в неестественной позе на обитую металлом дорожку. И замер. Подобно любому другому мертвецу. При жизни каждый человек уникален. А после смерти всякий превращается в кусок мяса. Дарзо не был исключением.

Кайлар онемевшими пальцами достал из нагрудного кармана мастера письмо, свое наследство. Карман располагался прямо под тем местом, куда вошел клинок ножа.

Бумага пропиталась кровью. Слова размыло. Какие бы извинения ни желал принести Дарзо, что бы ни пытался объяснить, какой подарок ни мечтал подарить Кайлару — все исчезло вместе с мокрушником. Кайлар остался один.

Упав на колени, он почувствовал себя слабым и несчастным, сгреб тело мастера в объятия и долго-долго плакал.

61

Кайлар брел по улицам к одному из своих домов-укрытий. Занимался рассвет. Прежде чем уйти, он соорудил пирамиду из камней над телом Дарзо, которое так и осталось на северном выступе острова Бос. Поблизости не было ни души. Украв с причала лодку, но не в силах грести, Кайлар приплыл в Крольчатник по течению.

И вышел у той самой мастерской, в которой прикончил Крыса. Вокруг никого не было, на земле еще властвовала ночь. Мрак и безлюдье — лучшие друзья убийцы. Кайлар задумался о том, до сих пор ли Крыс прикован камнем ко дну, и о том, не смотрит ли его неупокоенный дух на маленькую Кайларову лодку, не опаляет ли ее ненавистью и злобой, некогда жившими в молодом сердце Крыса.

Утро как нельзя лучше подходило для одиноких размышлений. Машинально сняв с двери ловушки, Кайлар ввалил внутрь. Блинт все верно говорил. Пытаться убрать Рота прошлой ночью было равносильно самоубийству. Кайлар настолько вымотался, что не одолел бы и одного майстера.

Умереть за освобождение мира от Рота Урсуула он согласился бы с радостью, а пропадать ни за что ни про что отнюдь не желал. Заперев дверь на замок, он было сделал шаг внутрь, но приостановился, повернулся, закрыл, открыл и снова закрыл каждый из трех замков.

— В память о вас, мастер.

Налив в таз воды из кувшина и взяв мыло, Кайлар принялся тщательно смывать с рук кровь учителя. Его лицо, отражавшееся в зеркале, было спокойным, почти равнодушным. Немного крови осталось на ручке кувшина. Небольшая полосочка, отпечаток испачканного пальца.

Кайлар схватил кувшин и швырнул в зеркало. И то и другое разбились, обрушились водопадом брызг и зеркально-фарфоровых осколков на пол, на одежду Кайлара, попадая даже ему в лицо.

Он рухнул на колени и снова зарыдал. Чуть погодя доплелся до кровати, лег и уснул, а проснулся таким бодрым, каким не имел права быть. Помылся, принялся бриться перед большим зеркальным осколком и поймал себя на том, что улыбается.

«Блинт вообще не хотел меня убивать, но все же не удержался и всадил мне в шею дротик, — подумалось ему. — Чтобы показать, что он мог меня прикончить. Старый

негодник. По-настоящему старый…»

Он засмеялся. То был черный юмор, но отвлечься следовало на что угодно.

Одеваясь и вооружаясь, Кайлар мрачно размышлял обо всем, что потерял прошлой ночью. О кинжалах, ядах, крючьях, метательных ножах, танто, отравительном ноже — он лишился всего своего любимого оружия, кроме меча Возмездия.

«Скорблю не по Логану, Элене или Дарзо, а по железкам», — пришла на ум мысль. Оттого, насколько это было нелепо, он снова рассмеялся.

По-видимому, с ним происходило нечто вроде легкого умопомешательства. Неудивительно. Никогда прежде ему не доводилось терять близких. А в прошлую ночь жизнь отняла у него сразу троих.

Когда он под вечер наконец вышел из дома, на улицах было полно народа. Тут и там рассказывали о том, что случилось ночью в замке. Чуть ли не из воздуха объявилась целая армия. Она выскочила из расселины острова Вое. Целое полчище магов с юга. Нет, колдунов с севера. Горцы убили в замке всех до единого. Халидор собрался стереть с лица земли весь город.

Лишь немногие из любителей распускать слухи казались обеспокоенными. Некоторые семьи грузили на повозки имущество и уезжали из города, но таких было раз-два и обчелся. Остальные не верили, что опасность нешуточная и что нависла она в том числе и над ними.

Укрытие Мамочки К. до сих пор охранял крепыш, притворявшийся, будто занят починкой забора. Кайлар не стал превращаться в невидимку, а сразу подошел к охраннику, стал расспрашивать, как пройти туда-то и туда-то, и будто между прочим положил руку на рукоять меча с коротким клинком, прятавшегося под одеждой стражника. Тот и глазом не успел моргнуть, как оружие оказалось у Кайлара. Воткнув меч в грудь крепыша, Кайлар оставил его ловить ртом воздух, точно выброшенную на берег рыбу, снял ключи с его пояса, вошел в дом, запер дверь изнутри и окружил себя тенями.

Мамочка К. сидела в кабинете и просматривала отчеты из борделей. Кайлар, встав позади, принялся читать их через ее плечо. Она явно пыталась сообразить, что случилось вчера вечером в замке.

В обнаженную подряблевшую руку воткнулась игла. Мамочка К. вскрикнула, выдернула иголку и медленно повернулась. Она выглядела старухой.

— Привет, Кайлар. Я ждала тебя вчера.

Кайлар, воплощение молодой смерти, отпустив тени, развалился на другом стуле.

— Как вы узнали, что это я?

— Дарзо намазал бы иглу ядом, от которого я умерла бы в страшных муках.

— Я выбрал настойку корня ариаму и граната. Муки последуют чуть погодя.

— Отрава замедленного действия. Понятно. В общем, ты решил дать мне еще немного времени. Для чего, Кайлар? Чтобы я извинилась? Поплакала? Поползала перед тобой на коленях?

— Поразмыслила. Повспоминала. Раскаялась.

— Ах, значит, это акт возмездия! Подумать только! Молодой убийца определяет, какой смерти заслуживает старая шлюха!

— Именно. Я хочу, чтобы вы лишились того, чего вам вполне хватило, когда вы решили предать Дарзо.

— Чего же мне хватило, о, великий мудрец? — Мамочка К. улыбнулась змеиной улыбкой.

— Самообладания, — равнодушным тоном произнес Кайлар. — Звонить в колокольчик не советую. У меня есть миниатюрный самострел, однако его точность оставляет желать лучшего, так что я могу попасть не в веревку, а в руку.

— Самообладание? Вот как ты это называешь?! — воскликнула Мамочка К. Стражник у дальней стены стоял, не двигаясь. — А знаешь ли ты о том, что даже продажным девочкам насилие достается не в равной мере? С одними это приключается снова и снова, а с другими вообще никогда. Те, кого насилуют, называются жертвами. Спроси у этих сволочей

насильников, они тебе расскажут. Тут речь не о самообладании, Кайлар. А о чести. Как по-твоему, много ли достоинства в четырнадцатилетней девочке, которую отказывается защищать даже сутенер? Когда мне было четырнадцать, Кайлар, меня на пятнадцать часов отвезли в дом одного аристократа, у которого гостили десять близких друзей. После этого мне следовало сделать выбор. Я выбрала достоинство. В общем, если ты полагаешь, что после твоего яда я обделаюсь и стану о чем-то тебя умолять, ты глубоко заблуждаешься.

Кайлара не растрогал ее рассказ.

— Почему вы нас предали?

Мамочка К. не отвечала минуту, пять минут. Ее воинственное желание что-то доказать мало-помалу сошло на нет. Кайлар ждал с терпеливостью самой смерти и знал, что сейчас Мамочку К. должно затошнить.

— Я любила Дарзо, — наконец сказала она.

Кайлар моргнул.

— Что-что?

— Я спала с сотнями женатых мужчин, поэтому семейная жизнь никогда не представлялась мне в розовом свете. Но если бы меня позвал замуж Дарзо Блинт, я бы вышла за него. Дарзо ведь… Точнее, был — ты ведь его убил? Я так и подумала. По-своему Дарзо был хорошим человеком. Честным. — Губы Мамочки К. дрогнули. — А мне с честностью сложновато… Он сказал про меня слишком много неприглядно-правдивых вещей, а темнота, что во мне живет, не переносит света. — Она засмеялась горьким неприятным смехом. — К тому же он до сих пор любил Вонду, хотя она была его недостойна.

Кайлар покачал головой.

— Поэтому вы и решили его убить? А если бы он убил меня?

— Дарзо любил тебя как сына, поведал мне об этом, когда ты чуть не отнял у него ка'кари. «Жизнь за жизнь» — так он сказал. И назвал это божественной бережливостью. Он уже тогда знал, что готов умереть за тебя, Кайлар. Да, порой ему хотелось казаться безразличным, но беспринципным Дарзо не был никогда. К тому же после смерти Вонды он сильно изменился. Я предупреждала его, Кайлар. Она была красивой пустоголовой девочкой. У таких женщин нет сердца, поэтому они не боятся разбивать чужие сердца. Дарзо она восхищала. Он же для нее был просто капризом, но понять это Дарзо не успел — Вонда умерла, так что для него она навсегда осталась идеалом. И святой. А на меня он смотрел как на плевок в пиве.

— Дарзо не любил ее, — сказал Кайлар.

— Я это знала. А Дарзо нет. Во всем остальном он был уникален, в этом же ничем не отличался от других мужчин: близость с женщиной, дополненную симпатией к ней, он считал любовью. — Почувствовав приступ резкой боли в животе, Мамочка К. внезапно согнулась над столом.

Кайлар снова покачал головой.

— Дарзо признался мне, что просто хотел заставить вас ревновать, показать вам, что он чувствовал, когда вы бывали с другими мужчинами. После гибели Вонды Дарзо думал, что вы вовек ему этого не простите. Гвинвера, он любил вас.

Мамочка К. недоверчиво фыркнула.

— Стал бы он тебе такое рассказывать! Нет, Кайлар. Его дочь собирались убить. А Дарзо ничего не пожелал предпринимать.

— Поэтому вы его предали?

— Я не могла допустить ее смерти, Кайлар! Неужели ты ничего не понимаешь? Ули — дочь Дарзо, но мне она не племянница.

— Кто же тогда ее мать?.. Нет…

— Мне не следовало ее рожать, я прекрасно это понимала. Я и раньше ненавидела пить отвар пижмы, а в тот раз вообще не смогла это сделать. Сидела с чашкой в руке, отвар остывал. Я внушала себе, что должна избавиться от ребенка, и не могла себя заставить

выпить и глотка. Шинга с младенцем! Меня бы тут же уничтожили. Все тотчас же узнали бы, в чем моя слабость. Хуже того, на меня стали бы смотреть просто как на женщину. Я лишилась бы всего. В общем, я уехала из города, родила дочь в тайне от всех и спрятала. В любом случае — как он мог допустить, чтобы ее убили? Даже если думал, что она — ребенок Вонды? Как он мог? Рот ему пригрозил, но Дарзо не обратил на это особого внимания. Ты не знаешь Рота. Он бы запросто это сделал. У меня был единственный выход — устроить все так, чтобы Дарзо умер первым. В таком случае Рот не стал бы осуществлять свою угрозу. Мне следовало выбрать мужчину, которого я любила пятнадцать лет, или собственную дочь, Кайлар. Я выбрала дочь. Дарзо все равно мечтал умереть. Теперь и я об этом мечтаю. Ты не отнимаешь у меня ничего такого, чего я не желала бы отдавать.

— Дарзо еще как обратил внимание на их угрозу.

Мамочка К. уже не вполне понимала, что ей говорят.

— Угу, — промычала в ответ она, качая головой. Кайлар думал о том, насколько все запутанно. Дарзо шантажировали, и он любил дочь, хоть и никогда ее не видел. Он был способен на любовь. Гвинвера пыталась его разлюбить, потому что думала, будто ему на нее плевать, но не смогла. Иными словами, она пятнадцать лет скрывала свою любовь к мужчине, который тайно ее любил. Значит, и предала того, кого любила. — Угу. Нет…

— Умирая, он попросил меня спасти ее. Сказал, вы знаете, где она.

— О боги…

Гвинвере становилось трудно говорить. Ее лицо исказилось от нового приступа боли, но ее это как будто радовало. Казалось, она и впрямь желает умереть.

— Я спасу ее, Мамочка К. Только скажите, где ее прячут.

— В Утробе. В одной из камер для благородных, вместе с Эленой.

— С Эленой? — Кайлар вскочил со стула и вытянулся по струнке. — Я побегу.

Он уже направился к двери, но вернулся и извлек из ножен меч. Мамочка К. посмотрела на оружие рассеянным взглядом, до сих пор пытаясь понять, что значат Кайларовы слова.

— Я все гадал, почему Дарзо называет его «Возмездием», не «Справедливостью», — сказал он, вызывая из меча ка'кари и показывая выдавленное на его поверхности слово «МИЛОСЕРДИЕ». — Или не «Милосердием»? Теперь я знаю почему. Ответ подсказали мне вы, Мамочка К. Порой людям лучше не получать того, что они заслуживают. Если в мире есть нечто большее, чем справедливость, оно ничего не стоит.

Он извлек из мешочка крохотный пузырек с противоядием и поставил на стол перед Мамочкой К.

— Вот что называется милосердием. Принимать его или нет — решать вам. На раздумья у вас полчаса. — Он раскрыл дверь. — Надеюсь, вы воспользуетесь возможностью уцелеть, Мамочка К. В противном случае мне будет вас не хватать.

— Кайлар! — позвала она, когда он уже выходил. — Дарзо в самом деле… в самом деле сказал, что любил меня?

Ее губы не дрожали, лицо было спокойным, взгляд — почти холодным, но по щекам катились слезы. Кайлар никогда в жизни не видел ее плачущей. Кивнув, он ушел, а Гвинвера, сутулясь и плача, осталась наедине с пузырьком жизни.

62

Кайлар поспешил в замок. Бежал он, как мог, быстро, тем не менее знал, что может опоздать. Последствия государственного переворота чувствовались на каждом углу. Ребята, работавшие на Са'каге, первыми вычислили, что переменами можно воспользоваться: необходимость отчитываться сама собой отпала, и стражники, которым перестали платить жалованье, тотчас наплевали на свои обязанности. А если нет стражей, нет и порядка. Бесчестные охранники, долгие годы служившие Са'каге, первыми занялись грабежом. Их примеру последовали многие другие, и воровство, точно чума, распространилось по всему

городу. Халидорцы, не желавшие, чтобы грабеж выходил за пределы Крольчатника, расставили на восточном берегу Плита и на Ванденском мосту майстеров и горцев. Очевидно, предводители захватчиков либо стремились сохранить в городе спокойствие, либо планировали присвоить самое ценное себе.

Кайлар убил двух парней, чуть не зарезавших женщину, на остальных же грабителей не обращал особого внимания. Окружив себя тенями, он пересек мост прямо перед носом у майстеров. Те не заметили ничего необычного.

Перебравшись на восточный берег, Кайлар украл лошадь. Все это время он раздумывал о ночных ангелах. Дарзо постоянно о них упоминал, но Кайлар не придавал этому значения. Ему они казались глупым суеверием, блеклым следом древних, мертвых богов.

Потом ему представилось, как на него взглянет Элена, если он все же успеет ее спасти. От этой мысли сделалось тошно. Она по его вине сидела в темнице, думала, что это он убил принца, и ненавидела его. Кайлар попытался придумать, как убить Рота, прекрасно понимая, что тот будет постоянно окружен майстерами, горцами и, скорее всего, убийцами из Са'каге. Легче не стало, напротив, груз на сердце потяжелел. Чем больше Кайлар раздумывал, тем мрачнее представлялось ему будущее.

Он не имел понятия даже о том, могут ли его увидеть майстеры сквозь защитный покров. Проверки и эксперименты грозили обернуться полным провалом. Тут Кайлару на ум пришла элементарная мысль: взглянуть на себя в зеркало. Он разинул рот от изумления. Мокрушники постоянно хвастали, что могут становиться призраками, что их нельзя увидеть. Но это не вполне соответствовало действительности.

В лучших случаях они превращались в громадные бледные пятна. Замаскированный Блинт выглядел шестифутовым куском серо-черной тьмы, что как нельзя лучше подходило для любого дела, выполняемого не днем. Когда он замирал, казался тенью тени.

Кайлар же был совершенно невидим. Даже когда он двигался, со стороны это смотрелось приметным волнением воздуха.

Его даже взяла злость: какого черта он так упорно учился оставаться незаметным без магических сил? Зачем потратил столько времени даром? Потом ему вспомнились колдуны, с которыми предстояло столкнуться, и Кайлар подумал, что в нынешнем положении любой его навык может оказаться незаменимым.

Проскакав по пути Сидлина, он выехал на дорогу Горак, обогнул имение Джадвинов, спрыгнул с лошади и сделался невидимым. Солнце клонилось к горизонту. Кайлар приблизился к восточному королевскому мосту и проверил, как обстоят дела.

Чутье его не обмануло: все подступы к замку строго охранялись. Перед воротами стояло целое подразделение халидорских воинов, вокруг них прохаживались два майстера. Еще двое дежурили по другую сторону ворот. Вокруг острова Вое кружили по меньшей мере четыре лодки.

Хорошо, что Кайлару не требовалось проникать внутрь замка. И замечательно, что при нем было не слишком много оружия. Перепрыгивая с камня на камень, шмыгая от дерева к кусту, он прокрался к самому мосту и достал из сумы тяжелый арбалет, которые вообще-то не переваривал. Арбалеты громоздки, им не хватает скорости, а стрелять из них по плечу любому дураку.

Кайлар положил в желобок стрелу, проверил тетиву и перегнулся через перила моста. Что нередко повторял Блинт? Что с нелюбимым оружием следует тренироваться старательнее.

Нахмурившись, Кайлар прицелился. Из-за металлической обшивки на сваях его цель была крошечной. Ему следовало попасть в незащищенный деревянный участочек верхней сваи, шириной дюйма в четыре, с сорока шагов, к тому же в ветреную погоду. Точность арбалета на таком расстоянии колебалась в пределах двух дюймов. То есть у Кайлара в запасе было еще два.

Если уж промахиваться, то следовало промахиваться верно. То есть выстрелить так, чтобы стрела ни в коем случае не ткнулась в металл (не то поднимется грохот, от которого

воскреснут мертвые) и не улетела левее, в каменную ограду замка, от которой могла отскочить рикошетом и с громким плеском шлепнуться в реку.

Кайлар не переваривал арбалеты.

Он дождался того момента, когда к мосту подплыла очередная лодка. Если удастся попасть в цель, тогда можно воспользоваться сгущающимися сумерками и осуществить свой план. Кайлар неслышно потянул на себя рычаг, взводя тетиву.

Стрела пронзила воздух и пролетела четырьмя дюймами правее последней сваи. Кайлар схватился за привязанную к ней почти размотавшуюся веревку и стал, как мог быстро, сматывать ее, но она зацепилась за балку чуть дальше той сваи, в которую Кайлар целился. Стрела со звоном ударилась о металлическую обшивку.

Один из майстеров, торопливо приблизившись к поручню, посмотрел вниз. Проплывавшая мимо лодка как раз скрывалась под мостом.

— Эй! — крикнул майстер. — Поосторожнее!

Легковооруженный воин в лодке задрал голову и прищурился, не в состоянии рассмотреть в полумраке, кто перед ним.

— Ты, кусок…

Он резко замолчал, вдруг сообразив, что чуть не обозвал майстера.

Майстер ушел, а воин разразился потоком брани. О странном звуке оба забыли.

Кайлар, не тратя времени на размышления о том, как крупно ему повезло, крепко привязал конец веревки к поручню и убрал арбалет в суму. Следующая лодка была еще далеко. Взявшись за веревку и перекинув ногу через перекладину, Кайлар нырнул вниз.

Веревка провисла, и несколько мгновений казалось, что он вот-вот погибнет, но она выдержала его вес. Схватившись за нее руками и ногами, Кайлар дополз до предпоследней опоры и взглянул на обшивку. Она была старая, вся в порезах и зазубринах, еще и вертикальная. Карабкаться по такой — сущая пытка.

Выбирать не приходилось. Следовало перебраться с веревки до приближения следующей лодки. Сам Кайлар был невидим, а вот провисавшая шелковая веревка сразу бросалась в глаза.

Он перепрыгнул с нее на опору и обхватил металлическую поверхность руками и ногами, но опора оказалась слишком толстой. Шероховатость металла не удержала Кайлара на месте, а когда он поехал вниз, разорвала его одежду и расцарапала кожу.

По счастью, он вошел в воду не слишком быстро и не поднял шума. К тому же успел снова схватиться за опору и переждать, пока мимо проплывет лодка.

Плыть даже с тем количеством оружия, которым он запасся, было невозможно. Однако глубина в этом месте оказалась не слишком большой. Кайлар повторно спрыгнул в воду, часть пути до берега прошел по дну и вынырнул, когда стал задыхаться.

Выйдя из реки, он тем же путем, по которому следовал вчера, направился на север. Хорошо, что Блинт мертв. А то десяток лет изводил бы ученика насмешками из-за промашки и глупых царапин на ногах. Кайлар почти слышал голос мастера: «Помнишь, как ты пытался взвалить себе на спину мост?»

Отыскав удобное местечко под навесом для лодок, Кайлар проверил оружие. Отравы, побывав в воде, возможно, утратили свои свойства. Это случалось с ним второй раз подряд! Выжав одежду, он решил не ждать, пока она высохнет. Не следовало терять ни минуты. Надлежало проникнуть внутрь, сделать дело и как можно быстрее выбраться наружу. Лодки никто не охранял. Очевидно, халидорцы решили, что это ни к чему.

По длинной наклонной площадке, что вела к Утробе, прохаживались двое стражников. Лица у обоих были сердитые, видимо, их не устраивало это задание. Кайлар их прекрасно понимал. Ему тоже не понравилось бы торчать в том месте, где нестерпимо воняет, время от времени слышатся крики и доносится приглушенный гомон из-под земли.

Два взмаха Возмездием, и оба стражника упали замертво. Кайлар оттащил тела к кустам и взял из их карманов ключи.

Вход в Утробу должен был смертельно пугать тех, кого туда заточали. Открывая

ворота, Кайлар заметил, что наклонная площадка выглядит точно язык, уходящий в гигантскую глотку. По обе стороны темнели вырезанные из черного вулканического стекла зубья, а вверху, над дверью, за красным стеклом, горели два факела, и казалось, то светятся адским пламенем чудовищные глаза.

Замечательно. Кайлар ни на что не обращал внимания, за исключением людских криков. Съехав вниз по площадке, он направился по коридору к камерам аристократов. Где они располагаются, он примерно знал по рассказам Блинтовых приятелей, однако сам здесь никогда не бывал и, разумеется, не горел желанием тут очутиться.

Отыскав нужную камеру, он проверил, нет ли на двери ловушек, и мгновение-другое прислушивался. Безумие! Его страшила перспектива открыть дверь. Встреча с Эленой и Ули казалась ему более тяжким испытанием, чем необходимость пробираться сквозь толпу колдунов или столкновения с Са'каге.

Боги! Он пришел, чтобы спасти Элену от гибели, и боялся того, что она скажет. Смех, да и только! Или, может, даже не ее слов, а просто взгляда. Ради нее он пожертвовал всем! Впрочем, Элена об этом не знала. Ей было известно лишь, что она ни в чем не повинна, но вынуждена томиться в тюрьме.

Тянуть в любом случае не имело смысла.

Кайлар открыл замок, стал видимым и натянул на лицо маску.

В камере размером десять на десять на нарах сидела Элена с малышкой на коленях. Сначала Кайлар не заметил девочку. Все его внимание сосредоточилось на Элене. Она уставилась на него в полном ошеломлении. Ее лицо выглядело ужасно и походило на морду енота — под обоими глазами чернели синяки от Кайларовых ударов.

Если бы это была не Элена и если бы ее побил не он, Кайлар засмеялся бы.

— Папа! — вскрикнула девочка, вскакивая с колен Элены. Та, по-прежнему глядя на Кайлара, как будто ничего не заметила. Ули кинулась к Кайлару с объятиями.

— Мама сказала, что ты придешь! Дала честное слово, что спасешь нас. А где она? С тобой?

Отрывая взгляд от Элены, вдруг прищурившей глаза, Кайлар попытался высвободиться из объятий девочки.

— Гм… ты, наверное, Ули?

«Кого она называет мамой? — возник в его голове вопрос. — Мамочку К.? Или няню?»

Насчет папы сейчас вообще не следовало задумываться. Что было отвечать? «Прости, твоя мать, не исключено, мертва. Это я ее отравил, а в последнюю минуту передумал и оставил ей противоядие, так что если ее больше нет, значит, она сама захотела умереть. Кстати, твоего отца я тоже прикончил. Вчера ночью. Хотя я его друг. Прости…»

Он наклонился и посмотрел ребенку в глаза.

— Твоей мамы со мной нет, Ули. Но я в самом деле пришел, чтобы спасти тебя. Ты можешь вести себя очень-очень тихо?

— Как мышка, — ответила девочка.

Казалось, она ничего не боится. То ли из-за невероятной бесчувственности, то ли благодаря тому, что Элена старательно разгоняла все ее страхи.

— Здравствуй, Элена, — сказал Кайлар, выпрямляясь.

— Здравствуйте, кто бы вы ни были.

— Его зовут Дарзо, но мы можем звать его Зои, — сказала Ули.

Кайлар подмигнул ей, радуясь, что она встряла в разговор. При других обстоятельствах это ему, может, и не понравилось бы, но выяснения отношений с Эленой прямо здесь, в тюрьме, следовало избежать любым способом.

Элена взглянула на Ули и вопросительно посмотрела на Кайлара, без слов интересуясь: «Она твоя?»

Кайлар покачал головой.

— Идем?

Элена нахмурилась. Он расценил это как «да» и сказал Ули:

— Ступай за мной. Тихонько, словно мышка. Договорились?

Надлежало срочно выбраться отсюда. А эмоции оставить на потом или вообще о них забыть.

Узницы последовали за Кайларом к выходу. Он шел без магического покрова, ужасно нервничая. Элена вела Ули за руку, а когда они вышли к зубьям, привлекла ее к себе и заговорила убаюкивающим голосом. Кайлар приблизился к двери и осторожно приоткрыл ее.

Дверь содрогнулась — снаружи в нее вонзились три стрелы.

— Черт! — сорвалось с губ Кайлара.

Конечно! Почему он сразу этого не предусмотрел? Видимо, надеялся, что если их и встретят за дверью, то не стрелы, а воины, которых ему удастся раскидать. Он вставил в замочную скважину ключ, повернул его и сломал.

«Если хотите войти, взламывайте дверь, сволочи!»

— Бежим назад! Меня вы видеть не будете, но знайте, что я здесь. Я вас защищу. Слушайте мои команды! — сказал он, выпуская из ладоней черную жидкость ка'кари.

Когда его не стало видно, Элена либо не удивилась вовсе, либо не подала вида.

— Нам бежать или идти? — спросила она у воздуха, не выпуская ручку Ули и уже переходя на бег.

— Идите, но быстро, — ответил Кайлар.

Ворота, ведшие из подземелья в замок, по счастью, никто не охранял. Кайлар мысленно поблагодарил богов и понадеялся, что, увлеченные захватом целого королевства, халидорцы их не заметят. Лучники у наружного выхода появились, возможно, из-за того, что кто-то обнаружил в кустах тела стражников.

Заперев за собой ворота, Кайлар опять сломал ключ. Они осторожно поднялись по лестнице, очутились в той части замка, где обитала прислуга, и прошли по первому коридору до пересечения со вторым. В нем, в дальнем конце, перешучивались два халидорца. Кайлар велел девочкам оставаться на месте, приблизился к воинам и услышал, что они переговариваются с кем-то, кто находился в комнате с раскрытыми дверями.

Если Кайлар убьет двух воинов, то остальные, те, кого он не видел, поднимут тревогу. Самому ему ускользнуть было несложно, но Элена и Ули попадутся. Он вернулся и сказал Элене:

— По моему знаку идите вперед. Давайте!

Элена накинула на голову шаль, сгорбилась, наклонила голову, отставила ногу в сторону и, хромая, пошла дальше. Ули под шалью почти не было видно. Площадку-пересечение двух коридоров они проходили довольно долго, однако, когда один из халидорцев взглянул на них, он даже не счел нужным что-либо говорить товарищам.

— Отличный трюк, — похвалил Кайлар, догоняя Элену. Она уже шла обычным торопливым шагом.

— Там, где я выросла, глупые девицы быстро лишаются девственности.

— Ты выросла на восточном берегу, — сказал Кайлар. — С Крольчатником его не сравнить.

— По-твоему, очень просто быть служанкой, окруженной аристократами, у которых на уме лишь одно?

— Куда мы идем? — спросила Ули.

— Ш-ш, — произнес Кайлар.

Они приближались к пересечению с другим коридором. Впереди располагалась кухня, но из нее доносился шум голосов — вести туда Элену и Ули не следовало. Дверь справа была заперта, а коридор слева пустовал.

Кайлар, опасаясь, как бы кто не вышел из кухни, достал отмычку. Дверь открылась без труда, однако с другой стороны ее удерживало что-то тяжелое. Не исключено, кто-то из слуг, не желая мириться с переворотом, решил оставаться в комнате до последнего и теперь блокировал ее собою.

— Куда мы идем? — опять поинтересовалась Ули.

Кайлар знал, что рано или поздно ее любознательность выведет его из себя, но надеялся, что его терпения хватит на более долгий срок. На сей раз он знаком попросил Элену объяснить ребенку, что следует молчать.

Выбить дверь при помощи *таланта* для него не составило бы труда, однако на шум сбегутся те, кто в кухне, а чутье подсказывало ему, что надо поторопиться.

— Налево, — шепотом скомандовал он.

Коридор изгибался и заканчивался несколькими лестничными пролетами, ведшими наверх. Позади раздался звон кольчуги и шаги ног в подбитых железом сапогах.

— Быстрее! — велел Кайлар.

Воины не бежали — торопливо шли, видимо не преследуя беглых узников, а просто выполняя приказ. Кайлар немного вернулся назад, увидел по меньшей мере двадцать человек, догнал Элену и Ули, которые уже поднялись наверх, и, не особенно заботясь о том, услышит ли кто-нибудь шум, принялся проверять задвижки и замки на дверях. Все были надежно заперты.

— Зачем мы идем в тронную залу? — полюбопытствовала Ули.

Кайлар замер. Элена изумленно уставилась на ребенка.

— Что ты сказала?

— Зачем мы идем?..

— Откуда ты знаешь, что там тронная зала? — спросил Кайлар.

— Я здесь живу. Моя мама — служанка. Наша комната…

— Ули, тебе известно, как отсюда выбраться? Не через тронную залу, как-нибудь еще? Быстрее же!

— Мне нельзя сюда приходить, — ответила девочка. — А то накажут.

— Черт знает что! — воскликнул Кайлар. — Я спрашиваю: знаешь ли ты, как отсюда выйти, или не знаешь?!

Ули испуганно покачала головой.

Это было бы слишком просто, подумал он.

— Ты «умеешь» общаться с детьми, ничего не скажешь, — проговорила Элена.

Она присела перед малышкой на корточки, заглянула ей в глаза, ласково потрепала ее по щеке и спокойно спросила:

— Ты когда-нибудь сюда приходила, Ули? Если да, мы не рассердимся, даю честное слово.

Ули была слишком напугана и ничего не ответила. Шаги воинов приближались.

— Бежим!

Кайлар схватил Элену за руку, та едва успела взять за ручку Ули. От тронной залы вел единственный коридор. Кайлар не верил, что ход всего один.

В этом замке путей отовсюду — множество, мелькнуло в мыслях.

На ходу он осматривал стены и потолки, но двери, мимо которых они пробегали, даже не пытался открывать. Еще один поворот. Свернув, Кайлар резко затормозил и стал видимым.

— Элена, ты видишь ту третью панель?

— Нет, — ответила она. — Что нужно делать?

— Надави на нее. Я тебя подниму. В замке повсюду потайные ходы. Постарайтесь выбраться отсюда. Может, Ули тебе поможет.

Элена кивнула. Кайлар подошел к стене и присел на корточки. Элена наступила ему на ногу, нахмурилась, сознавая, что ее юбки окажутся у него над головой, но без промедления встала ему на плечи, а потом и на ладони и, придерживаясь за стену, осторожно выпрямилась. Кайлар выпрямился и поднял руки. Элена толкнула панель и забралась в тесное помещение. Когда она выглянула оттуда, Кайлар уже поднимал Ули.

— Поймаешь? — спросил он.

— Постараюсь, — ответила Элена.

Халидорцы должны были вот-вот показаться. Кайлар с легкостью подбросил ребенка.

С *талантом* намного проще, подумал он.

Элена, схватив Ули, чуть не выпала наружу, но, видимо, успела за что-то взяться, пробормотала себе под нос какое-то ругательство и, не без помощи Ули, затянула ее внутрь.

— О! Я же здесь была! — воскликнула девочка.

Кайлар достал кинжал и бросил его Элене.

— А это еще для чего? — спросила она, ловя оружие.

— Ты что, не понимаешь? — спросил Кайлар.

— Спасибо. Теперь твоя очередь. Места здесь хватит. Быстрее!

Кайлар не двигался. Дориан предупредил: «Если ты повторно совершишь то, что должен, сам лишишься жизни». Блинт говорил: «Есть вещи поважнее, чем жизнь». А граф Дрейк сказал: «Выход есть из любого положения. Если ты чувствуешь, что ради спасения готов на что угодно, Бог даст тебе возможность искупить вину».

Кайлар взглянул на Элену и подумал: «Ее спасение и есть бесценная возможность». Он улыбнулся. Она посмотрела на него как на сумасшедшего.

— Скорее же!

— Это западня, Элена. Если они меня здесь не обнаружат, станут обыскивать все потайные ходы, а наверху, в столь тесном помещении, я не смогу вас защитить. Уходите из замка. Отправляйтесь в «Синий кабан», к Джарлу. Он вам поможет.

— Они тебя убьют. Если это и впрямь западня, тогда…

— А знаешь, я посмотрел… — перебил ее Кайлар. — У тебя отличные ноги.

Он подмигнул и исчез.

63

Вюрдмайстер Неф Дада проклял Рота Урсуула сотый раз на дню. Казалось бы, служить отпрыску самого короля-бога — великая честь. Однако, как и все, что было связано с королем-богом, эта работа отличалась серьезными недостатками. Если отпрыск проваливал уурдтан, то вюрдмайстер тоже нес наказание. К тому же от него требовали беспрекословного повиновения. Во всем, за исключением того, что могло не прийтись по сердцу самому королю-богу.

В подобных случаях Неф и чертыхался. Ослушаться Рота он вообще-то не смел, но одно дело, начатое Ротом, самовольно переделывал. Рот полагал, что с этим уже покончено. А Неф тратил чуть ли не все свои силы, чтобы исправить ошибку. По счастью, Рот был слишком занят укреплением замка и города, поэтому не задавался вопросом, где пропадает его вюрдмайстер. Тем более что сейчас его окружали шестьдесят майстеров, три из них были вюрдмайстерами и почти не уступали Нефу в магических способностях. Даже если бы Роту приспичило найти его, комнатка для слуг, в которой скрывался Неф, располагалась в таком укромном местечке, что ее было невозможно обнаружить.

Награда за неповиновение Нефа, за его опасную игру и бунт, — все на благо короля-бога — лежала перед ним на кровати. То была красавица девушка, но не обычная — их у короля-бога водилось без счета, — а умная и с характером. Главное же ее достоинство состояло в том, что она овдовела, не успев лишиться девственности, и в том, что была принцессой. Дженин Джайр могла стать редкостным украшением в гареме короля-бога. Неф вырвал ее из когтей смерти.

Разумеется, вюрдмайстер, доживший до его лет, знал массу занятных вещей о сохранении жизни. Тем они и спасались.

«К тому же я не обыкновенный колдун, — повторял про себя Неф. — А гений. Настоящий гений».

Его план возник, как только из Рота хлынул поток бессмысленных слов. По счастью, порез оказался неглубоким, а дыхательное горло совершенно не пострадало. Неф сделал так, что Дженин истекла кровью и ослабла, надавил небольшим количеством магии на ее

диафрагму и выкачал из легких воздух. Потом мысленно велел ей закрыть глаза, обезопасил рану на шее и с помощью элементарного трюка отвлек общее внимание от ее тела, чтобы никто не заметил, что принцесса еще дышит. Так она оказалась в его полном распоряжении.

В поисках нужной крови ему пришлось убить семь девушек-служанок. Шрам для пущей исключительности он решил оставить, а для собственной безопасности разыскал в городе похожую на Дженин девушку. Ее голову насадили на крюк восточных ворот вместе с остальными головами членов королевской семьи. По сути, схожими были лишь волосы. Пришлось лишь уложить их так, как лежали волосы Дженин, а лицо посильнее изуродовать.

Неф остался очень доволен проделанной работой, хоть и потратил на нее пропасть сил.

Завтра утром прибудет король-бог, и Рот Урсуул либо получит награду, либо будет наказан. Нефа в любом случае похвалят.

Он уже было собрался выйти, но почувствовал нечто странное, приостановился у двери, прошел к окну, распахнул деревянные ставни — стекла на слуг жалели — и выглянул в кошмарный, уставленный статуями сенарийский сад.

Майстеры расположились в нем лагерем, решив, что это будет центр их мощи. Вюрдмайстер Горэль обожал покрасоваться в завоеванных странах перед изображениями мертвых королей и богов. Конечно, все это было глупым представлением: куда удобнее жить в комнатах, в замке. Но Горэль, являясь с войной в чужую страну, любил показать королю-богу, что майстерам все нипочем.

На одну из статуй кто-то забрался. Лица Неф рассмотреть не мог, но видел, что это явно не халидорец. Может, сетец? — подумал он. Какого черта вооруженному сетцу понадобилось в этом саду в разгар войны? Внизу, беспокойно озираясь по сторонам, стоял гигант со светлыми волосами, возможно, кузнец. Неф покачал головой. Вюрдмайстер Горэль подобного оскорбления не потерпит.

— Колдуны короля-бога! — прокричал незнакомец трубным голосом, усиленным магией.

«Маг?» — удивился Неф.

— Колдуны фальшивого короля-бога, послушайте! Подойдите ближе! Сегодня, на этой горе, вас разобьют наголову! Вот чем обернется ваша самонадеянность!

Если бы незнакомец говорил о чем угодно другом, тогда колдуны позволили бы разобраться с ним вюрдмайстеру Горэлю. Ересь же следовало прекратить немедленно. Все тридцать майстеров стали вызывать вир.

Внутри Нефа будто прогремел взрыв. Прислонившись к стене, он в полном изнеможении сполз на пол. Ему показалось, будто в каждое его ухо одновременно закричали по тысяче демонов. Невиданная магия, точно громадный костер или второе солнце, опалила замок. Вир Нефа защипало, потом зажгло. Он не удерживал его, благодаря чему и спасся. Такой колдовской мощи, какая хлынула на замок, он и вообразить себе не мог, ничего подобного никогда не бывало в распоряжении даже самого короля-бога.

Этой немыслимой силе попытались противостоять жалкие капли колдовства — способности майстеров, как тотчас определил Неф. Только их потуги были равносильны стайке мух, старавшихся ветром от своих крыльев затушить огромный пожар. Мощь окружила каждого из майстеров и превратила их в столбы пепла. Неф слышал, как, разлетаясь вдребезги, потрескивало и щелкало колдовство.

Странно, что столь небывалое событие произошло в жутком сенарийском саду со статуями. Что следовало делать Нефу? Навек остаться тут? Но хватит ли ему смелости встретиться лицом к лицу с такой мощью? Примет ли его этот маг-титан? А если не примет, как обойдется с Нефом король-бог?

По пути к тронной зале Кайлару в голову пришла странная мысль: «Вот почему стражники перед Утробой так нервничали. Они знали, что служат приманкой. Теперь эту роль выполняю я».

Потом он вспомнил любимое изречение Дарзо: «Жизнь бессмысленна». Мокрушник

доказал, что это только слова. Они не спасли его и не облегчили его участь, быть может, лишь служили для него некоторой защитой, блокируя совесть. Во всяком случае, отчасти. Дарзо стремился смотреть на мир с этой точки зрения, однако ему всегда мешало прирожденное благородство.

Кайлар задумался о том, почему Дарзо закончил именно так. Почему он до самого финала доказывал, что готов бесконечно бросать вызов судьбе? Из гордости? И зачем задался целью спасти Ули? Потому что считал это своим долгом? Или из желания отплатить ненавистному Роту? Или же из-за любви?

«Из-за любви? — подумал Кайлар. — Какой я дурак!»

Да, он испытывал к Элене что-то странное. Нечто глубокое, пьянящее и необъяснимое. Может, то и была любовь, но что именно он любил? Саму Элену или ее увиденный издалека и дополненный фантазиями образ?

Или в нем говорили остатки романтичности, отзвуки историй про принцев и доблестных героев, которые ему читала Улана Дрейк. Не слишком ли много времени он провел с людьми, верившими в ложные добродетели — отвагу и самопожертвование? Дарзо пытался внушить Кайлару, что эти глупости следует презирать. Быть может, он, несмотря на советы учителя, заразился наивностью Дрейков.

Причина, по которой он примчался сегодня в замок, не имела особого значения. Кайлар знал, что поступает правильно, и этого было достаточно. Его жизнь ничего не стоила. Если спасение Злены обернется для него смертью, он умрет со спокойной душой. Только этим ему можно было гордиться. Если уцелеет Ули, Кайлар будет вдвойне доволен.

Его не покидала и другая мысль — об убийстве Рота. В остальные сражения он вступал с уверенностью в своих силах. Нынешняя же история отличалась от предыдущих. Входя в тронную залу, Кайлар чувствовал себя почти умиротворенным.

Воздух пронзил громкий вой. Воины, стоявшие внутри, крепче взялись за оружие.

«Стало быть, о моем приближении им сообщила магия», — подумал Кайлар.

Разумеется, его встретили горцы. Он был к этому готов, только не думал, что их будет аж тридцать; знал, что наткнется и на колдунов, но не рассчитывал, что на пятерых сразу.

Двери в тайную комнату, куда Кайлар поднял Элену и Ули, распахнулись, из дальнего конца коридора к тронной зале прибежали еще десять горцев.

Кайлар сделал несколько быстрых шагов, пригнулся к полу и, рассчитывая избежать первых ударов, залетел в залу. Помещение было огромное. Трон из слоновой кости возвышался над сиденьями для приближенных и четырнадцатью широкими ступенями, разделенными посередине небольшой площадкой. Рот восседал на троне, по обе стороны стояло по колдуну. Остальные майстеры располагались ниже. Горцы выстроились по периметру залы.

Прыжок спас Кайлара от верной гибели: стоявшие у дверей два воина стали бить мечами по воздуху, надеясь зацепить невидимого мокрушника.

Кайлар сделал перекат, вскочил на ноги и достал из ножен на спине меч Возмездия. Колдуны затянули монотонную песнь, и в пустоте появился рой крошечных ручек. Они ощупали пространство вокруг, опустились к самому полу и, толкаясь и щипая друг дружку, с немыслимым рвением стали искать Кайлара.

Кайлар ударил по ним Возмездием, отпрыгивая в сторону, но меч прошел сквозь ручки, не причиняя им ни малейшего вреда. Рубить и резать было нечего.

Обнаружив его и облепив со всех сторон, руки стали увеличиваться и делаться сильнее и сильнее. Колдуны продолжали петь. Когда магические руки встряхнули Кайлара, заставляя его выпрямиться, он почувствовал, что его держит и что-то еще. Ему показалось, что он младенец и зажат гигантскими пальцами.

Чудовище дернуло его, и защита ка'кари распахнулась. Кайлар отпустил магические силы. Оставаться наполовину невидимкой и быть не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой — какой в этом смысл?

Да уж, замечательно! — подумал он. Умышленно попал в ловушку, еще и настолько

по-глупому!

Кайлар надеялся — даже рассчитывал, — что успеет убить хоть несколько воинов. Возможно, и колдуна, а лучше двоих. Дарзо, если бы все это увидел, пренебрежительно покачал бы головой.

— Я знал, что ты придешь, Блинт, — прогремел с трона Рот. Вскочив на ноги, он подал знак колдунам. Кайлара подняли с пола, протащили вперед и поставили перед троном на площадке между ступенями.

«Блинт? — удивился он. — Боги! Выходит, все еще интереснее. Я угодил в ловушку, поставленную не для меня!»

Магические пальцы сорвали с его лица маску.

— Кайлар?! — воскликнул пораженный Рот. Из его груди вырвался дикий смех.

— Мой принц, осторожнее, — сказал стоявший рядом с троном рыжеволосый колдун. — У него ка'кари.

Рот хлопнул в ладоши и снова покатился со смеху, будто не веря в удачу.

— Очень вовремя! О, Кайлар! Будь на моем месте кто-нибудь другой, тебе бы, наверное, позволили жить.

Кайлар хотел было ответить колкостью, но, посмотрев в глаза Роту, вдруг передумал. У большинства людей, которых Кайлару довелось убить, в душе жила темень. А во взгляде Рота была целая бурная река дьявольского мрака, черный неостановимый водопад. Дополнял картину низкий раскатистый голос. Этот человек явно ненавидел все красивое.

— Капитан, — произнес Рот. — Где девочка и девица со шрамами?

— Они ушли, ваше величество, — ответил один из воинов, вбежавших вслед за Кайларом.

— Очень плохо, капитан, — сказал Рот, но его голос прозвучал ликующе. — Найдите их.

— Будет сделано, ваше величество, — отчеканил воин, уже поворачиваясь к выходу вместе с подчиненными.

Рот взглянул на Кайлара.

— Что ж, мой дорогой Кайлар… Знаешь, как давно я тебя ищу?

Кайлар моргнул и сумел мысленно отгородиться от стоявшего перед ним воплощения зла.

— Наверное, с тех пор, как догадался, что рано или поздно я тебя прикончу, — почти беспечным тоном ответил он. — Или с тех пор, как взглянул на себя в зеркало и осознал, что ты урод.

Рот снова хлопнул в ладоши.

— Очень смешно. Знаешь, меня много лет подряд преследует чувство, будто ты ходишь за мной тенью и во всем мне перечишь. Больше всего меня разозлило то, что ты украл мой ка'кари.

— Очень рад.

Кайлар слушал его вполуха. Во всем перечишь? Много лет подряд? Рот точно был со сдвигом. Кайлар о нем знать не знал. Но говорить об этом сейчас не считал нужным. Магические оковы не отпускали. Кайлар постарался незаметно напрячь мышцы.

Путы были точно стальные. Все складывалось хуже некуда. Что делать дальше — Кайлар не знал. Ему в голову не приходило ни одной дельной мысли. Впрочем, он чувствовал, что даже если заставит себя построить некий план, все равно проиграет. Воины-халидорцы заключили его в кольцо, колдуны смотрели на него, точно стервятники. Их вир угрожающе подрагивал. А Рот был очень доволен собой.

— Вижу, ты безумно рад. Оказывается, ты любишь появляться точно снег на голову, — проговорил он.

— Совсем как сыпь, которую подцепляешь от торгующих телом мальчиков.

— Ах, ты еще и остряк. Прекрасно. Знаешь, я со вчерашнего дня не тешил себя занятными убийствами.

— Все очень обрадуются, если ты наткнешься на собственный меч.

— А ведь у тебя была возможность убить меня, Кайлар. — Рот пожал плечами. — И ты упустил ее. Я и не подозревал, что ты теперь мокрушник. До вчерашнего дня не знал даже твоего теперешнего имени. Я планировал убить тебя позднее, после того, как я завоюю для своего отца королевство.

— Но убьешь чуть раньше. Ничего, я не затаю на тебя зла.

«Когда у меня была возможность убрать его?» — задумался Кайлар.

— Благородное поражение. Этому тебя научил Дарзо?

Кайлар не ответил. Наверное, было глупо с его стороны вдруг утратить интерес к словесному сражению, но, будь он умнее, вообще не стоял бы сейчас в этой зале.

— Должен заметить, ваше поколение мокрушников — сплошное разочарование. Ученица Хью тоже ни на что не годна. Я серьезно. Окажись на твоем месте Дарзо, он сначала убил бы парочку моих воинов, а уж потом, может, и попался бы. Согласен? Ты же — блеклая тень своего мастера, Кайлар. Кстати, а где он? Не в его это духе — отправлять на задание, связанное непосредственно с ним, своего подчиненного.

— Вчера ночью я его убил. За то, что он работал на тебя.

Принц торжествующе хлопнул в ладоши и захихикал.

— Ничего более занятного в жизни не слыхивал. Дарзо предал меня и спас тебя, а ты предал его, потому что он действовал по моей указке. Кайлар, Кайлар… — Он сошел по ступеням и остановился прямо перед пленником. — Если бы я хоть немного доверял вам, мокрушникам, без раздумий нанял бы вас всех. Но вы слишком опасны. А ты, помимо всего прочего, украл мой ка'кари.

Колдун Рота переминался с ноги на ногу, явно тревожась из-за того, что Рот стоит так близко к Кайлару.

«Видимо, ему известно нечто такое, чего не знаю я, — подумал Кайлар. Он до сих пор не мог пошевелиться и был совершенно беспомощен — Так-так-так… Ах, да! Он дергается, потому что видит угрозу в ка'кари. А если он ее видит, значит, неспроста…»

Рот вытащил из ножен на боку отменный меч с длинным клинком.

— Ты меня разочаровываешь.

— Это еще почему? — спросил Кайлар, напряженно раздумывая, как воспользоваться ка'кари.

Что он вообще знал о шаре? То, что тот открывал ему доступ к *таланту,* позволял видеть сквозь тени, превращал его в невидимку, просачивался сквозь кожу и мог спрятать его от окружающих так, как не маскировался ни один другой мокрушник.

Но каким образом все это происходило?

— Я надеялся, что наша встреча меня порадует, — сказал Рот. — Давно планировал рассказать тебе, во что ты превратил мою жизнь. Жаль, что ты такой же, как Блинт. Тебе плевать, жив ты или мертв.

Рот приподнял руку с мечом.

— Вовсе мне не плевать! — воскликнул Кайлар, умышленно показывая страх. — Во что я превратил твою жизнь?

— Прости, но сейчас мне неохота об этом говорить. Не желаю доставлять тебе такого удовольствия.

— Я спрашиваю не ради своего удовольствия. — «Ну же!» — молил про себя Кайлар. — Ты ведь знаешь, что майстеры и воины твоего отца доложат ему обо всем, что здесь случилось? Так пусть же не остается неясностей.

Он понимал, что несет бред, но, будучи на волосок от смерти, пускал в ход все, что приходило на ум. Рот призадумался.

Ка'кари не желал работать. Давал о себе знать, когда ему вздумается. Прошлой ночью, например, он поглотил нож. По каким законам шар действует и по законам ли, оставалось полной загадкой.

Впитывать. Поглощать. Да, на это он способен! После того как ка'кари поглотил нож,

Кайлар почувствовал прилив сил. Дарзо назвал шар Пожирателем. Кайлару казалось, что он приближается к разгадке.

— Прошу прощения, — сказал наконец Рот. — Ломать перед кем-либо комедию я не намерен. Даже перед тобой. Но это между нами, Азот.

Он отдал меч стоявшему слева от него колдуну и заправил длинные волосы за уши…

Точнее, просто поправил их. Ушей у него почти не было. От левого оставалась половина, а правое было отрезано.

…Азот упал на колени посередине мрачной лодочной мастерской. Заманить сюда Крыса оказалось очень непросто, но он справился с задачей. Теперь Крыс стоял одной ногой в петле, которую Азот положил на пол. Ему было не пошевельнуться, даже дышать удавалось с трудом. Крыс стоял всего в нескольких дюймах, пугая своей наготой и давая указания. От удара, нанесенного им Азоту, тот чувствовал во рту кровь. Наконец, собравшись с духом, он рванул вперед, схватил веревку и затянул петлю вокруг ноги Крыса. Крыс вскрикнул и пнул Азота коленом в лицо.

Азот упал на громадный камень, оцарапал спину и съехал к самому краю дыры, через которую некогда спускали на воду лодки. Но тут же вскочил на ноги, ухватился тощими руками за камень и оглянулся, боясь, что Крыс сейчас пристроится к нему и начнет утолять свою гнусную страсть.

Крыс посмотрел на Азота, на дыру, на камень и на веревку, привязанную к его ноге. Азот навек запомнил его взгляд. В нем горел страх. Потом Крыс бросился к Азоту, и тот спихнул камень в воду.

Веревка тотчас натянулась, и Крыса потащило к дыре. Он вскинул руки, попытался вцепиться в Азота, промазал, схватился за прогнившую половицу и соскользнул в реку. Послышался плеск, потом крик. Азот подошел к дыре и заглянул внутрь.

Крыс держался за край пола кончиками пальцев и смотрел на Азота с мольбой. Азот не верил своим глазам. Тут он заметил, что камень приземлился на широкой решетчатой балке, державшей мастерскую над водой, и покачивается, но, поскольку веревка была натянута, валун не мог упасть и утянуть Крыса ко дну.

Азот прошел к одежде Крыса и нашел в одном из карманов кинжал. Крыс молил о пощаде, по прыщавым щекам текли слезы, но Азот слышал лишь рев крови в собственных ушах. Осторожно и бесстрашно он присел на корточки. Крыса трясло. Мерзавец был жирный, удерживал собственный вес слишком долго и не мог разжать пальцы и схватить Азота.

Тот быстро взял Крыса за ухо и отрезал его. Крыс завопил и отпустил половицу.

Камень шлепнулся на глубину. Азот заметил ужас, отразившийся на физиономии тонущего Крыса, но мгновение спустя видел уже лишь дергающиеся, белеющие в мутной воде руки. Крыс жаждал за что-нибудь схватиться и ничего не находил.

Азот еще некоторое время сидел и чего-то ждал. Потом встал и поплелся назад…

Теперь прыщей не было. Он отрастил бороду, чтобы спрятать оставшиеся на щеках рябины. Телосложение оставалось прежним, хоть и исчезла полнота, а неровно отрезанное ухо и глаза — боги! почему Кайлар сразу не обратил внимания на эти убийственные мертвые глаза? — было не спутать ни с чьими другими.

— Крыс… — на выдохе произнес Кайлар.

Его потуги изобрести план лопнули как мыльный пузырь. Сердце будто остановилось. Он снова почувствовал себя ребенком, ожидающим своей порции побоев и от страха способным только похныкать.

— Ты думал, я мертв? Забавно, мне то же самое рассказывали про тебя. — Рот говорил тихо и покачивал головой. — Неф сжег мне половину второго уха за то, что ты со мной вытворил. Ты отнял у меня три года, Азот. Три года я мучился, прежде чем снова возглавил цех. Мне казалось, им никогда не будет конца, я в это время почти не жил. Я бросил все силы на то, чтобы развязать на ноге проклятый узел, лишился едва ли не всей крови, после чего Неф наконец вытащил меня из вонючей воды. Оказывается, он наблюдал всю сцену,

даже не знал, стоит ли меня спасать. Ему пришлось убить одного из моих дружков — помнишь Рота? — и погрузить его в ту самую дыру, чтобы вы с мастером ничего не заподозрили. А я переселился на другую окраину Крольчатника и начал сначала во вшивом цехе. Из-за тебя я чуть не навлек на себя гнев отца. — Весь трясясь от ярости, он снова обнажил искалеченное ухо. — Это мое наказание было последним. А ты внезапно «умер». В твою смерть я никогда не верил, Азот, знал, что ты жив и еще попортишь мне кровь. Клянусь, будь у меня сейчас больше времени, я истязал бы тебя год за годом. Ты познал бы предел человеческого страдания, даже то, что людям почти не дано испытывать. Я лечил бы тебя и снова уродовал. — Он прикрыл глаза и заговорил еще тише: — К сожалению, у меня такой возможности нет. Если я оставлю тебя в живых, отец, не исключено, что-нибудь затеет. Придумает, как можно использовать твой ка'кари. Но я заплатил за шар и намерен сию минуту забрать его силы. — Он мрачно улыбнулся. — Не желаешь что-нибудь сказать перед смертью?

Кайлар стоял потерянный и, вместо того чтобы искать выход, пребывал во власти ужаса и страха. Чему его учил Дарзо? Признай, что боишься, и забудь об этом. На чем Кайлар остановился? На Пожирателе? На магии?

— Черт, — рассеянно пробормотал он.

Рот изогнул бровь.

— Гм. Скучновато, зато четко.

Он схватил меч и занес над головой, собираясь обезглавить врага. Кайлар всем существом взмолился о помощи.

Где-то на пределе слышимости прогремел странный грохот, но Кайлару показалось, что звук прозвучал внутри него. От прилива магии перед глазами все сделалось сине-белым. Колдовство заполнило собой пространство вокруг и стало перемещаться по воздуху настоящей живой стеной со скоростью выпущенной из лука стрелы.

Замок содрогнулся, все попадали на пол. На лице каждого отражалось ошеломление. Рот, все еще с мечом в руке, растянулся на ступенях и разинул пасть.

Тут Кайлар почувствовал, что одна из удерживавших его оков странно щелкает, и наклонил голову. Внезапно явившаяся магия, которая выглядела как бело-синий косой ливень и свободно проходила сквозь стены и людей, сосредоточилась вокруг колдовских пут и била по ним. Они теперь были черные, как вир; соприкасаясь с чернотой, бело-синяя магия шипела и плевалась.

Мгновение спустя она с ревом накинулась на колдунов, которые создали оковы и не позволяли им исчезнуть. Колдуны разразились криками, залу осветили три живых голубых факела, и путы Кайлара исчезли. Он не сводил глаз с самого себя. Силы ка'кари покрывали его, точно черная кожа; голубая магия, поливая его, танцевала, как лужицы под грибным дождем, потом растворялась, и мощь ка'кари усиливалась.

Пожиратель поглощал даже магию.

Ударная магическая волна внезапно исчезла.

Секунду-другую в зале царила мертвая тишина. Ее нарушил Рот, завопивший двум колдунам, которые не использовали вир и остались в живых:

— Схватить его!

Он поднял со ступени оброненный меч и швырнул в Кайлара.

Удивительно, но колдуны повиновались. Руки и ноги Кайлара тотчас снова оказались в кандалах, он обратился к ка'кари, и магические силы тут же побежали сквозь путы, сжирая их.

Кайлар, призывая на помощь все силы *таланта,* вырвался из оков, не успели они полностью исчезнуть. Меч Рота пролетел несколькими дюймами левее его горла. Встряхнувшись, Кайлар достал нож и метнул его почти наугад.

Один из халидорцев со стоном повалился на пол. Кайлар рванул к ступеням, перепрыгнул через первый пролет и приземлился спиной на площадке. От удара у него на миг перехватило дыхание, однако он уже доставал меч. Справа и слева будто из-под земли

возникли горцы. Кайлар дважды ударил мечом, перерезая сапоги и ноги всех подряд. Трое воинов тотчас упали, остальные еще держались. Кайлар перекувырнулся и вскочил, готовый к бою.

64

Солон попытался сползти со статуи. Король Логан Вердрэкан был одним из первых правителей Сенарии, возможно вообще выдумкой. Чем он отличился, Солон не помнил, но знал, что неспроста Регнус Джайр назвал сына в его честь. Статуя была необыкновенная: огромная, с занесенным над головой мечом. Солон выбрал ее не потому, что видел в этом некий глубокий смысл, а потому, что желал показаться всем майстерам, которые были в саду. Все, кто пользовался виром и находился в радиусе пятисот шагов, за считаные секунды, пока Солон держал Кьюрох, погибли.

Теперь Кьюрох лежал внизу, на камнях. Фир подскочил и стал оборачивать его покрывалом. Он что-то кричал Солону, но тот не мог понять слов. Ему до сих пор казалось, будто его обжигает пламя. Жилы подрагивали, пальцы не чувствовали даже каменный меч Вердрэкана. Солон сидел на плечах мраморного короля, одной рукой держался за его меч, а во второй еще несколько мгновений назад сжимал Кьюрох. Содрогнувшись, он невольно ослабил хватку и полетел вниз. Фир не то чтобы поймал его, но не дал ему разбиться.

— Я не могу идти, — сказал Солон. Его мозг горел, лицо жгло, перед глазами все расплывалось. — Как замечательно, Фир. И это лишь малая толика того, на что он способен…

Фир схватил друга, взвалил себе на плечи, точно ребенка, и что-то сказал. Солон не расслышал слов. Фир повторил вопрос.

— А! Я убил почти пятьдесят штук. Осталось еще около десяти, — ответил Солон. — Один сейчас стоит на восточном мосту. — Он старался вспомнить, что ему втайне от Фира сказал Дориан. Нечто очень важное.

«Не дай Фиру умереть. Его жизнь ценнее меча».

— Сейчас я опущу тебя на землю, — предупредил Фир. — Не волнуйся: это ненадолго.

У восточных ворот собрались халидорские солдаты, выряженные в броскую сине-зеленую форму. Солон и не заметил, как Фир вынес его из сада. Поняв, что друг собирается предпринять, Солон засмеялся. Фир взял Кьюрох, чтобы воспользоваться им как обычным оружием.

Наблюдать за Фиром, орудующим мечом, было истинным наслаждением, если не сказать — подарком. Фир поражал необыкновенной быстротой и ловкостью, а бил с невероятной мощью; каждое его движение отличалось почти танцорской четкостью и фацией. Он уничтожил халидорцев в считаные минуты. По сути, это даже не называлось схваткой. Самым везучим удалось перед смертью лишь взмахнуть оружием и промазать или увидеть, как противник отбивает их удар.

Фир выругался. Солон проследил за его взглядом и увидел куда более многочисленную пеструю толпу. Друг-великан опять перекинул его через плечо и побежал. Перед глазами Солона замелькали темные доски моста.

— Держись покрепче, — сказал Фир.

Солон вытянул руки и схватился за пояс Фира. Тот резко свернул к краю, и его плечи покачнулись. Ноги Солона торчали впереди Фира, а голова билась о его широкую великанскую спину. Видеть Солон мог лишь ударявшийся о Фирову ногу Кьюрох. Фир резко повернулся — но так, что Солон не слетел с его плеча, — и Кьюрох, отскакивая от его ноги, снова целиком показался Соло-ну. Фир прибавил скорости. Солон увидел оставшиеся позади три тела. Фир убил противников на бегу, с другом на плече. Невероятно!

Фир сказал:

— По словам Дориана, наше спасение в воде, но прыгать в реку нельзя. Ищи веревку!

Солон приподнял голову. Можно ли заметить веревку, если, словно тряпичная кукла,

висишь на спине бегущего друга? Веревки Солон не увидел, зато увидел создававшего огненный шар майстера и попытался крикнуть, но у него перехватило дыхание.

— Чтоб тебя, Дориан! — пропыхтел Фир. — Какая еще, к черту, веревка?

— Вниз! — воскликнул Солон.

Фир упал сию секунду, ибо был опытным мастером клинка. Колдовской огонь пролетел над ними и ударил по дюжине халидорских воинов, собравшихся впереди, у дальних ворот. Солон рас тянулся на мосту, чуть не ударившись головой о громадный котел для разжигания пожара.

Старый колдун позади — по толщине вира Солон сразу определил, что это вюрдмайстер — опять вызывал магию. Фир схватил Солона за шиворот и перекинул через котел на самый край моста. Солон оказался в относительной безопасности, а Фир, напротив, остался прямо перед колдуном. На сей раз вюрдмайстер прибегнул к помощи не огня, а чего-то такого, с чем Солон в жизни не сталкивался. Зловещий красный луч не то чтобы перелетел, а вырисовался в направлении Фира. Тот поставил магическую защиту и нырнул вбок.

Защита чуть изменила направление луча, и магия снова вонзилась в воина, бежавшего на помощь товарищам. Колдовская мощь отшвырнула Фира и щит в сторону. Кьюрох вылетел из руки.

Солон, собравшись с силами, о наличии которых у себя он и не подозревал, схватил Фира и затащил за котел. К вюрдмайстеру бежали два майстера, за ними следом спешили солдаты. Ворота в дальнем конце раскрылись, и через них тоже повалили воины.

Фир сел и взглянул на Кьюрох, лежавший в двадцати футах, у всех на виду.

— Я могу им воспользоваться. Надо забрать его.

— Нет! — воскликнул Солон. — Ты погибнешь!

Воины и солдаты распределились по группам и осторожно двинулись вперед.

— Ну и что же, Солон? Нельзя отдавать им его!

— Ты умрешь раньше, чем успеешь им воспользоваться. Так что не губи свою жизнь понапрасну, Фир!

— Он прямо перед нами.

— Прямо перед нами и кое-что еще, — сказал Солон, кивая куда-то на край моста.

Фир посмотрел вниз.

— Это что, шутка?

От поручня к опоре тянулась шелковая веревка. Она показалась, только когда подул ветер. Фир смотрел не на веревку, а на поверхность реки, удаленную от моста на приличное расстояние.

— Эй! В предсказании так и говорится. Значит, все у нас получится, — сказал Солон. — Только бы перестали мелькать перед глазами проклятые желтые вспышки…

— Пророчества Дориана никогда не бывают точными!

— Если не веришь ему, зачем вообще сюда пришел?

— Не знаю. Только не надо так многозначительно кивать! Кивками меня измучил Дориан! — Фир посмотрел на приближавшихся воинов и майстеров. — Выбора нет. Ты полезай первым.

А он попробует забрать Кьюрох, подумал Солон. Дурачина герой!

— Не могу, — сказал он. — Я еще недостаточно окреп, чтобы держаться за веревку. Если полезу один, наверняка сорвусь.

Фир поднялся на ноги.

— Позволь мне хотя бы попробовать…

Он вызвал *талант,* наклонился и схватил меч. Послышалось потрескивание сгущавшегося колдовства. Солон с помощью своей магии тотчас отключил магию Фира.

Перед глазами Солона пуще прежнего замелькали вспышки.

— Не надо. Не делай этого, прошу! О! — взмолился Фир.

— Перекинь меня через плечо, Фир.

На разговоры не оставалось времени — майстеры были от них в двух шагах.

— Я сумасшедший, а ты толстый.

Фир снова взвалил товарища на спину.

— Еще мы оба наделены магическими способностями. Кстати, у меня есть план. И вовсе я не толстый.

Несмотря на то, что в спокойные времена он воспринимал с издевкой любые планы товарищей, перед носом у врагов Фир предпочитал не вступать в споры. Быстро открывшись, он допустил Солона к своему *таланту.* Солон прикрепился к спине друга магией и быстро прочел пять небольших заклинаний. Они тоже причиняли боль, но не такую ужасную, как если бы он пользовался своим колдовством.

— Приготовились. Прыгай!

Фир взялся за веревку и прыгнул с моста. Веревка понесла их, будто живая, — не потому, что ее направлял ветер, и не из-за сил предсказания, а потому что Солон командовал ею с помощью магии.

Еще несколько заклинаний образовали в боках котлов отверстия, воздух в них внезапно сжался, и масло изнутри хлынуло на мост. Последнее заклинание бросило искорку в середину масляного озера.

Послышался обнадеживающий свист. Реку осветило оранжево-белым пламенем, по падающим магам ударила мощная волна жара.

Дальнейшие события стали развиваться с умопомрачительной скоростью. Фир, держась за веревку руками и ногой, внезапно перевернулся вниз головой. Солон, резко изменив положение, схватился за плечо Фира. Если бы не магические силы, то Солон, точно камень, уже летел бы к реке. Сначала веревка всего лишь провисла, и Фир с Солоном, еще не добравшиеся до середины, со свистом пролетели расстояние шагов в пятнадцать. Тут конец веревки, укрепленный со стороны замка, оборвался.

Солон наблюдал за взрывом на мосту и не вполне понимал, что они на невообразимой скорости летят к поверхности реки. Языки огня, поглотившего мост, весело взмывали в темное небо. Или этот взрыв и огонь пылали в голове Солона? Тут они с Фиром ударились обо что-то холодное и твердое.

У Солона перехватило дыхание. Видимо, они в чем-то просчитались. Холод вокруг оказался еще и мокрым. До Солона дошло, что их тянет ко дну. Он кашлянул. Фир внезапно вынырнул. Солон смутно подумал о том, что либо его друг отменный пловец, либо их кто-то спас.

Фир стоял на коленях, на мели, подняв руки вверх. Солон взглянул на них из-за Фирова плеча. Его пальцы разодрало веревкой в клочья, до самых костей.

— Вы справились с заданием лучше, чем я ожидал, — послышался голос Дориана. Это он с помощью магии вытащил друзей из реки. — Эй! Довольно обниматься! Едем в Халидор, а то будет поздно.

— Обниматься?! — воскликнул Солон, радуясь, что у него хватает сил гневаться.

— В Халидор? — спросил Фир.

— Там меня ждет невеста. Жуть как хочется поскорее узнать, кто она такая. Кьюрох, думаю, тоже сумеет туда попасть.

Фир чертыхнулся, а Солон — со сломанной рукой и пурпурной пеленой перед глазами — лишь рассмеялся.

65

Едва Кайлар вскидывал руку с оружием или наносил удар ногой либо кулаком, воины падали, точно песчинки после летней бури. Для Кайлара, одаренного бойца, все вдруг стало на свои места. Разразившийся хаос вмиг превратился в упорядоченное замысловатое представление.

Определить, как следует действовать в столкновении с каждым отдельным

противником, Кайлар мог с первого взгляда на его лицо. Отражение удара левой, выжидание, бросок вперед, взмах мечом. Тела Кайлар отбрасывал подальше, чтобы не затрудняли движений. Следующий. Удар правой с размаху, поворот, удар в нос «медвежий кулак». Вращение, подколенное сухожилие, горло. Парирование, ответный удар. Смертельное ранение.

У боя, как у музыки, был особый ритм, перекликавшийся с биением Кайларова сердца. Звуки сливались в дивную музыку. Тенор поющей стали сочетался с басом бьющих по плоти кулаков и ног — тише, громче, тише, громче. К ним присоединялся баритон проклятий, украшенный стаккато рвущейся кольчуги.

Кайлар, слушая музыку своего *таланта,* чувствовал себя виртуозом. Он сражался будто в легком умопомешательстве, напоминая влюбленного в ритм танцора. Время шло в обычном темпе. Кайлар не искал никаких знаков и ничего не высчитывал. Просто поворачивался, уклонялся от ударов, нападал с немыслимой скоростью и изяществом ангела смерти, действуя интуитивно.

Поначалу горцы думали, что одолеют его лишь потому, что их гораздо больше. Свист их клинков, рассекавших воздух, звучал в дюйме от его уха, в полудюйме от живота, в четверти дюйма от бедра. Кайлар успевал разобраться с каждым. Тела падали все ближе и ближе, их становилось столько, что было все сложнее вести бой.

Кайлар убрал Возмездие в ножны, схватил за руку тощего горца, намеревавшегося выпустить ему кишки, резко развернул его и толкнул на другого воина. Клинок первого вошел во второго. Кайлар тотчас достал кинжал и, отражая удар следующего меча, проткнул его владельцу глаз.

От двух летящих в него копий он спасся, нырнув вниз. Копья пронзили двух горцев; Кайлар вскочил на ноги и пинком превратил в кровавое месиво лицо еще одного врага.

Тем не менее, несмотря на искусность и ловкость, положение было безвыходным. Перебить всех горцев Кайлар не мог. Еще несколько мгновений, и его загонят в ловушку.

Легкий, точно кошка, он вспрыгнул на спину умиравшего на коленях воина, оттолкнулся от плеча другого, проткнутого копьем, и полетел по воздуху вбок. В него метнули зеленый огненный шар размером с кулак. Пламя, едва прикоснувшись к Кайларову плащу, разлетелось на сотни капель. Он приземлился в другом конце залы, тотчас отразил удар мечом, сорвал с себя вспыхнувший зеленым огнем плащ и присел, увертываясь от очередных двух летящих копий.

Вскочив, схватил пылающий плащ и накинул его на следующего нападающего. Зеленый огонь проворно добрался до кожи халидорца и загорелся пуще прежнего, окрашиваясь в синий цвет. Воин закричал нечеловеческим голосом.

От еще одного шипящего огненного шара Кайлар спрятался за толстой колонной, что поддерживала высокий потолок. Ему выдалась возможность мгновение-другое передохнуть. Половину халидорцев он уничтожил, но оставалось еще немало. Хватит ли ему сил, Кайлар не имел понятия.

— Все к капитану! Не загораживать майстера! — крикнул Рот.

Воины устремились к командиру и стали образовывать клин между Кайларом и Ротом, который вернулся на трон и наблюдал бой с возвышения.

Кайлар, стоя за столбом, не терял времени даром. Он знал, что, если хочет убить Рота, должен сначала убрать колдунов. Оба во все глаза смотрели туда, откуда должен был появиться Кайлар.

Он же вызвал ка'кари и, чувствуя на ладонях магию, мысленно велел ей покрыть клинок Возмездия. Ка'кари, будто услышав приказ, тотчас его выполнил. Шар и клинок задрожали и стали невидимыми.

Едва Кайлар выскочил из-за колонны, его тут же схватили пальцы-оковы. Он успел порубить их мечом, схватил край длинного гобелена, украшавшего стену, и рванул к колонне, но один из магов вновь запустил в него огненный шар.

Будь у Кайлара хоть пара мгновений на раздумья, он не стал бы прикасаться к

колдовскому пламени мечом (попытка блокировать магию — безумие). Он же среагировал машинально: плоская сторона клинка ударила по шару. Тот не распался на отдельные части, а со свистом проник внутрь меча.

С гобеленом в одной руке и видимым из-за потрескивающего зеленого огня внутри Возмездием в другой, Кайлар обогнул колонну и, призывая все силы *таланта,* подпрыгнул.

Его подбросило в воздух; гобелен обтянул колонну, Кайлар резко изменил направление и полетел к ступеням. По-видимому, кто-то из колдунов снова запустил огненный шар: материя вспыхнула и разорвалась, не успел Кайлар разжать пальцы. Он приземлился на площадке между ступенями, бросил восемь футов горящей ткани на горцев и ударил мечом по колдуну, стоявшему в нескольких шагах и певшему монотонную песнь.

Верхушка черепа отлетела, обнажая мозг. Маг дернулся, но успел дочитать заклинание. Толстые черные изгибы, дрожавшие под кожей его предплечий, вдруг увеличились в несколько раз и вырвались наружу.

Мощь с ревом хлынула из умирающего колдуна и принялась искать Кайлара. Тот прыгнул магу за спину и так сильно его пнул, что тот взмыл в воздух, отлетел в сторону и упал на горцев.

Извивающиеся черные ленты метнулись туда же и принялись рассекать воинов, точно пила — дрова. Кайлар, наблюдая эту сцену, скорее почувствовал, нежели увидел вспыхнувший позади белый свет и повернул голову. По воздуху за его спиной летел крохотный человечек. Кайлар взмахнул мечом, но человечек шустро увернулся и впился мелкими когтями Кайлару в грудь.

Тот, отпрыгивая в сторону, вдруг услышал удар и заметил волнение воздуха. Действительность запузырилась и будто устремилась к нему. Воздух изогнулся, распахнулись невидимые двери. Кайлар приземлился у стены и едва не получил в лицо очередной зеленый шар.

Адский змей рванул вперед. Дыра становилась все больше и больше, змей, яростно дергая хвостом, обхватил огненными когтями два столба. Кайлар оторвал от груди человечка и бросил его в лицо одного из воинов. Змей снова рванул вперед, Кайлар прыгнул в сторону. Пасть змея обхватила кричащего воина и засосала его внутрь, в дыру. Когда Кайлар приземлился, ни того, ни другого уже не было. Он резко повернулся, перескочил на верхнюю ступень, заметил устремляющийся к нему столб света, метнул меч в последнего колдуна и почувствовал, как магия бьет ему в левое плечо. От удара, едва приземлившись на самом верху, он кувырком покатился вниз и впечатался в мраморный пол перед троном, сильно ударившись левым коленом.

Перед глазами долго стояла тьма. Он моргал и моргал, потом догадался стереть с век кровь. Меч Возмездия, черный от ка'кари, воткнулся в колдуна по самую рукоять. Кайлар сообразил, что между ним и мертвым магом кто-то стоит, медленно поднял голову и увидел Рота.

— Встать!

Он ткнул длинным клинком меча Кайлару в поясницу, потом в область почки и убрал оружие. Что-то поставило Кайлара на ноги.

Он почувствовал такую боль, что все вокруг будто заволокло туманом. Кайлар, ничего не понимая, смотрел на мертвых колдунов и раздумывал: «Кто меня поднял?»

— Все отпрыски короля-бога наделены колдовским даром, — объяснил Рот. — Ты что, не знал об этом?

Кайлар растерянно взглянул на заклятого врага. «У Рота тоже есть *талант!»* Невидимые руки отпустили пленника, и он, не в силах держаться на поврежденной ноге, снова упал и ударился о каменный пол.

— Встать!

Рот ткнул Кайлара мечом в пах и выругался. Кайлар даже не поднял головы. Оглушенный нестерпимой болью, криков Рота он не слышал.

Тот снова ткнул его острием клинка, на сей раз в живот, и Кайлара окатило новой

волной боли. Потом Рот, по-видимому, опять поставил противника на ноги, потому что Кайлар почувствовал, как его голова падает набок. Ему показалось, что он умирает.

Все тело словно опалили огнем, облили спиртом и посыпали солью. В веки врезались осколки битого стекла, в зрительные нервы будто впивались крошечные зубы. Изнывали все ткани, мышцы, сухожилия и органы. Из груди вырывались крики.

А сознание не отключалось.

Кайлар моргнул. Он стоял перед Ротом, не лишался чувств и понимал, насколько чудовищно его положение. Нога отказывала. В животе, судя по всему, сплошное кровотечение. Внутренности словно перемешались и горели, почки кровоточили чернотой. Левое плечо выглядело так, будто поцеловалось с гигантским молотом.

— На легкую смерть не надейся, — сказал Рот. — Я такого не допущу. За все, что ты натворил, ты ответишь! Только посмотри вокруг! Отец придет в ярость.

Вот и все. Кайлар умирал. Стоять на одной ноге худо-бедно он мог, но о продолжении боя без оружия не смел даже мечтать. Его меч, а с ним и ка'кари находились на расстоянии шагов десяти, но Кайлару казалось, что его отделяет от них целый океан. Пустить в ход руки он не мог: Рот даже теперь предусмотрительно стоял так, что Кайлару до него было не дотянуться. Надеяться оставалось разве только на нож.

— Ты готов умереть? — спросил Рот, злобно сверкая глазами.

Кайлар неотрывно смотрел на свою правую руку. На нем не было живого места, но пальцы этой руки выглядели целыми и невредимыми. «Не их ли буквально накануне ночью я порезал о разбившееся оконное стекло?»

— Да, готов, — ответил он, удивляя самого себя.

— В чем-нибудь раскаиваешься? О чем-нибудь сожалеешь? — спросил Рот.

Кайлар взглянул на него и вдруг все понял. И в Кайларовой душе всегда жило достаточно мрака, так что вычислить, что творится внутри других пропитанных злобой людей, для него не составляло большого труда. Рот желал довести ненавистного врага до предельного отчаяния, убить его в ту минуту, когда тот будет в страданиях раздумывать обо всем, чего не успел совершить. Рот жаждал увидеть в глазах Кайлара ужас безысходности.

— Умереть просто, — сказал тот. — Мгновение смелости — и все. Гораздо труднее хорошо прожить жизнь. Мне это не удалось. Что такое смерть в сравнении со всем остальным?

— Скоро узнаешь, — выпалил Рот.

Кайлар ухмыльнулся. К его удовольствию, Рота охватил приступ ярости.

— Убивать Логана было намного занятнее, — сказал он, вонзая меч в грудь Кайлара.

Логан!

Мысль пронзила сознание, причиняя больше боли, нежели сталь клинка. Кайлар взрослел с оружием в руках. Погибнуть от него было естественно и даже справедливо. Логан же никогда никому не причинял вреда. То, что Рот его убил, не укладывалось в голове. Шло вразрез с любой логикой.

Кайлар уставился на вошедшую ему в грудь сталь. Потом схватил руку Рота и воткнул ею меч глубже — по самую рукоять. Рот изумленно округлил глаза.

— Я ночной ангел, — задыхаясь, проговорил Кайлар. — Вот это справедливо. Я делаю это в память о Логане.

Послышалось звяканье, по мраморному полу покатилось что-то металлическое. Ка'кари вспрыгнул в руку Кайлара…

Но шар схватил Рот. В его глазах вспыхнуло торжество. Он засмеялся.

Кайлар вцепился ему в плечи и заглянул прямо в глаза.

— Я ночной ангел. Вот что называется справедливостью. Это в честь Логана.

Он поднял правую руку.

Рот растерялся и посмотрел на свою ладонь, на которой лежал ка'кари. Шар стал превращаться в жидкость и вытекать сквозь его пальцы. Рот хватался за воздух, точно так же, как много лет назад — за дощатый пол лодочной мастерской, но ничего не ловилось.

Ка'кари возник в руке Кайлара и вложил ему в кулак огромный кинжал.

Кайлар всадил его в грудь Рота.

Тот в ужасе наклонил голову. В глазах отразился страх и нежелание верить, что кровь из его сердца льет прямо на легкие.

На миг задумавшись о собственной смертности, Рот издал отчаянный вопль.

Кайлар опустил руку и попытался отойти подальше, однако не смог сделать ни шага. Больше не в силах стоять на одной ноге, он рухнул на пол рядом с халидорским принцем.

Они лежали лицом к лицу у подножия трона, глядя друг на друга и умирая. И первый, и второй содрогались, обоим давался с трудом каждый вздох. Страх Рота, горевший в глазах, перерос в парализующую панику, в невообразимое отчаяние. Казалось, он больше не видит перед собой Кайлара. Его взгляд, исполненный глубочайшего ужаса, устремился в никуда.

Кайлар не паниковал. Ночной ангел нес людям смерть и наконец умирал сам. Приятного в этом было мало, однако ничего другого и не следовало ожидать. Он получил то, чего заслуживал. Наблюдая за тем, как глаза Рота стекленеют, Кайлар всем сердцем желал рассмотреть в смерти нечто более красивое, чем голая справедливость. Но отвернуться от собственной жизни, от смерти и от справедливости у него не хватало сил.

Внезапно его кто-то перевернул. Женщина. Кайлар с трудом разглядел ее лицо. Это была Элена. Положив его голову себе на колени, она принялась гладить его по волосам. На ее щеках блестели слезы. Шрамов Кайлар не видел. Протянув ослабевшую руку, он прикоснулся к лицу Элены. Она походила на ангела.

Тут его взгляд переместился на собственную руку. Невредимую, здоровую и поразительно чистую. Настолько чистой она не бывала никогда в жизни.

За ним явилась смерть. Кайлар и не думал сопротивляться.

66

Тэра Грэзин заплатила целое состояние красавцу мужчине, каких она в жизни не видывала. Джарл заявил, будто ведет разговор от имени шинги, но держался он с такой уверенностью, что Тэра задумалась, не сам ли Джарл — шинга. Платить Са'каге такие деньжищи она не желала, но у нее не было иного выхода. Армию короля-бога ждали на рассвете, а Тэра и так потеряла слишком много времени.

Государственный переворот прошел не по плану короля-бога. Халидорцы охраняли мосты, замок, городские ворота, но на некоторых постах стояло всего по несколько человек. С прибытием остальных воинов положение грозило измениться. Тэре Грэзин и остальным представителям знати следовало исчезнуть немедленно. Не заплати она Джарлу половину своего состояния, упустила бы единственную возможность спастись. Королевам во все времена приходится принимать сложные решения. А поскольку остальные наследники погибли, Тэра и была королевой.

Дело близилось к полночи. Повозки стояли нагруженные. Люди ждали. Следовало трогаться в путь.

Тэра приостановилась на крыльце фамильного имения. Подобно прочим герцогским особнякам, их дом был старинный, обнесенный крепостной стеной. Сегодня его разграбили. Позднее в каждой комнате, поверх тяжеловесных фамильных ценностей, которые было невозможно увезти с собой, расплескали масло. Маслом заполнили и углубления, выпиленные в каждой вековой балке. Следовало трогаться в путь. Ровно в полночь мокрушники Джарла должны были уничтожить халидорцев, охранявших восточные городские ворота. Остальные аристократы в эти самые минуты тоже стояли перед своими домами. Некоторых, проживавших на Горак-стрит, Тэра видела со своего высокого крыльца. Все желали удостовериться, что предводительница не передумает.

Тэра мысленно закрыла дверь на замок. Когда она вернется, построит для своей семьи новый дом, еще более прекрасный.

Выйдя на дорогу, Тэра Грэзин взяла факел у сержанта Игрока. Ее окружили лучники, и

она лично подожгла каждую стрелу. По ее кивку воины выстрелили.

Особняк охватило пламя. Огненные языки, выскакивая из окон, весело устремлялись в небо. Королева Тэра Грэзин не смотрела на громадный костер. Забравшись на лошадь, она повела свою жалкую армию из трехсот солдат и шестисот слуг и лавочников к восточным воротам.

По всему восточному берегу, как погребальные костры целых состояний, один за другим вспыхивали имения аристократов. Лишались всего не только представители знати, но и все те люди, чьи судьбы годами зависели от хозяев. Однако служили эти костры еще и маяками надежды. Сенария будто говорила: «Пусть вы победили, но не очень-то радуйтесь. Мы вынуждены покинуть родные дома, однако врагу в них жить не позволим. Пусть довольствуется лишь землей да кучами пепла».

В ответ по всему городу стали вспыхивать более мелкие пожары. Лавочники поджигали лавки. Кузнецы до такой степени раскаляли горны, что те трескались. Пекари уничтожали пекарни. Мельники топили в Плите жернова. Владельцы складов предавали их огню. Скотоводы резали скотину. Моряки, чьи суда приковало к берегам реки магией, нещадно потопляли их.

К бежавшим из города присоединялись тысячи. Ручеек аристократов и их слуг превратился в сущий потоп, в настоящую армию, покидавшую родину, но с поднятыми головами. Некоторые ехали в экипажах, другие верхом, третьи шли по земле босыми ногами, с пустыми желудками. Кто-то чертыхался, кто-то молился.

Кое-кому пришлось покинуть сестер, братьев, родителей или детей, но каждый из уходивших осиротевших сыновей и дочерей Сенарии нес в сердце слабую надежду.

«Я вернусь, — звучало в их мыслях. — Я вернусь».

Неф стоял с краю в толпе майстеров, генералов и солдат, встречавших короля-бога Гэрота Урсуула, который в сопровождении свиты ехал по западному королевскому мосту. На короле-боге был отороченный горностаем плащ, подчеркивавший бледность его северной кожи. Обнаженную грудь по давней традиции украшали тяжелые золотые цепи. Пышущий здоровьем, он был толстоват, но мускулист и, несмотря на солидный возраст, полон сил. Перед воротами замка король-бог остановил лошадь. Его поприветствовали насаженные на крючья шесть голов. Седьмой крюк оставался пустой.

— Полковник Гер!

— Да, ми… гм… то есть, мой бог, ваше святейшество… величество.

Бывший офицер сенарийской армии прочистил горло.

Дела шли неважно. Планы Нефа и Рота как будто осуществились, но в общем и целом Халидор понес гораздо больше потерь, чем рассчитывал. Одно из судов, полное горцев, поглотил огонь. Толпа аристократов, которых следовало убить, сбежала. Город полыхал. Все, на чем держалась промышленность и торговля Сенарии, в одночасье превратилось в пепел.

Сопротивление еще не началось, но, поскольку аристократия уцелела, должно было вспыхнуть в ближайшем будущем. Группа майстеров, которых планировали перекинуть в Модай как основную ударную силу, погибла. Пятьдесят колдунов сгинули в считаные секунды! Каким образом? Никто толком не знал. Болтали, будто их уничтожил маг, обладатель такой мощи, каких свет не видывал со времен Безумца Эзры и Джорсина Алкестеса. Захват Сенарии закончился, по сути, даже не начавшись. Сына короля-бога убили, едва он сдал уурдтан.

Са'каге предстояло приструнить, пожары затушить, подавить мятежный дух, плюс ко всему найти виноватого. Неф Дада напряженно раздумывал, как бы все подать так, чтобы король-бог не решил, будто в ответе за беспорядки — он, Неф.

— Почему на моей дороге пустует крюк? — требовательно спросил Гэрот Урсуул. — Кто-нибудь может объяснить?

Полковник Гьюрин Гер поерзал в седле, глупо пялясь на ворота.

— Мы так и не нашли тело принца… гм… я имею в виду — самозванца… Э-э… Логана Джайра. Пока что, ваше величество. Но мы… мы знаем, что он мертв. Его видели убитым три человека, только тут такое творилось… Мы, гм… мы продолжаем поиски.

— Как же! — Король-бог Урсуул не смотрел на Гьюрина Гера, а изучал лица покойницких голов. — А эта Тень? Тот, кто убил моего сына? Надеюсь, он тоже мертв?

Услышав скрытую угрозу в негромком голосе короля-бога, Неф поежился. Когда они вошли в тронную залу, то решили, что воинов перебило специально обученное и зверски натренированное подразделение сенарийских солдат, но когда Неф оживил одного из халидорцев, парня с отрезанными ступнями, тот поклялся, что бой вел единственный человек. Тень. Ночной ангел — он так сам себя называл. О нем уже ходили легенды.

Этот ангел мог становиться невидимым, он сумел зараз убить тридцать воинов, пятерых майстеров и даже одного из сыновей короля-бога. Его не брали ни колдовство, ни сталь. Все это больше походило на бред. Судя по луже крови в том, месте, где он лежал, ночной ангел должен был умереть. Но его тело исчезло…

— Кто-то утащил его, мертвого, сэр. Кровавый след тянется сквозь тайные ходы. Крови вытекло очень много. Если только из него одного — значит, он наверняка мертв.

— Что-то слишком много у вас мертвецов без тел, полковник. Найдите их. А пока насадите сюда другую голову. Желательно кого-нибудь похожего на Логана Джайра.

До чего же несправедливо все складывалось! Ферл Кхалиус ступил на сенарийскую землю одним из первых. Он и несколько его товарищей успели спрыгнуть со вспыхнувшего судна и спаслись, потому что додумались перед прыжком скинуть с себя тяжелую броню. Примкнув к другому отряду, Ферл какое-то время сражался голыми руками, потом взял оружие и кольчугу горца, погибшего во время первого сражения на заднем дворе, и убил шесть сенарийских солдат, двух аристократов и четверых детей, которых, впрочем, он не брал в расчет.

И как его отблагодарили за проявленный героизм, за боевую находчивость? Заставили заниматься бог знает чем! Других послали грабить один район на западном берегу — местные варвары называли его Крольчатником, — а самым везучим даже посчастливилось вместе с офицерами повторно прочесать уже ограбленный богатый восточный берег. Отряд Ферла целиком погиб, поэтому ему и еще нескольким воинам велели навести порядок на восточном мосту.

Там было не только до чертиков грязно, но еще и опасно. Пожар колдуны потушили, однако доски прожгло, и некоторые из них трещали и рассыпались прямо под ногами. Опоры, обитые металлическими листами, не пострадали, только Ферлу от этого было не легче.

Больше всего ужасали трупы. Некоторые из них походили на жареное над костром мясо — внутри кроваво-красные, сверху — черная корка. Вонь горелой плоти и паленых волос сводила с ума. Ферл осматривал тела, брал у них все, что еще могло пригодиться, и скидывал мертвецов в реку. Другой на его месте сволок бы их с моста, чтобы потом как следует похоронить, но Ферл не желал возиться с покойниками. Для них в любом случае все было кончено.

Тут ему на глаза попался меч. Когда вспыхнул пожар, на него упал один из трупов, поэтому оружие осталось невредимым. Восхитительную рукоять с резьбой — изображением драконов — даже не покрыло копотью. Такого меча был достоин, пожалуй, лишь главнокомандующий. Великий полководец. Если Ферл оставит оружие себе, весь клан будет смотреть на него с благоговейным страхом. Он этого заслуживал. Увы, все необычные и ценные находки полагалось сдавать вюрдмайстеру. «Но они так по-свински обошлись со мной…» — мелькнуло в мыслях.

Осмотревшись по сторонам и убедившись в том, что товарищи по неприятной работе не глядят в его сторону, он вытащил из ножен свой обычный меч и вложил в них найденный. Ножны не слишком подходили чудо-клинку, но на первое время годились и они. Рукоятку с

драконами Ферл обмотал кожаными завязками, уже придумывая, как замаскировать драгоценность понадежнее.

Его настроение значительно улучшилось. Конечно, меча недостаточно в награду за его доблесть, но все только начиналось.

Майстерша шла по последнему коридору, приближаясь к тому месту, которое дикари южане называли Дырой. Ее все сильнее и сильнее окутывал убийственно-тошнотворный запах предельного страдания. Споткнувшись, она покачнулась к стене. Сопровождавший ее воин повернул голову. На его лице отражался страх.

— Все в порядке, — сказала колдунья. Приблизившись к решетке, покрывавшей яму, она пробормотала несколько слов, и перед ней загорелся красный свет.

Существа внутри прищурились и разбежались в разные стороны. Колдунья снова что-то сказала, и свет опустился в Дыру. Она изучила каждого заключенного. Десятерых мужчин, одну женщину и беззубого умалишенного. Никто из них не мог оказаться самозванцем.

Колдунья повернулась и, чувствуя легкое головокружение, зашагала прочь. Минуту спустя из углубления в каменной стене выкатился здоровяк.

Женщина-узница взглянула на него и покачала головой.

— Ты дурак. Лучше уж сдаться им, чем торчать здесь. Посмотри на себя! Ты слишком мягок. Дыра тебя погубит, Тринадцатый.

Логан упрямо глядел на нее. Она была грязная, в рваном платье, без половины зубов. Но на ее лице отражалось подобие доброты — самое светлое из всего, что обитало в Дыре.

— Да, сюда сбрасывают всех, кому не дозволено жить на земле, и тут царит предельное отчаяние. Но я не погибну, — твердо ответил Логан.

— Затейливо говорит, — произнес крупный мужчина по имени Плавник, обнажая в улыбке кровоточащие от цинги десны и играючи обматывая себя веревкой из сухожилий. — И мясца на нем хоть отбавляй. Покушаем на славу!

Цинга возникает вследствие голодания. Плавник провел в Дыре довольно долгое время. Он был живучим. Логан перевел на него взгляд и достал нож — свое единственное оружие против этих животных.

— Объясню по-простецки, — произнес он, на ходу решая сказать «по-простецки» вместо «просто». — Вам меня не одолеть. Эта Дыра мне нипочем. Я выстою. Я. Не. Сломаюсь.

— Как тебя зовут, красавчик? — спросила женщина.

Логан поймал себя на том, что улыбается. В нем пробуждалось нечто лютое и первобытное. Какой-то доселе дремавший голос говорил: там, где другие спотыкаются, падают и умирают, я стану победителем; я не такой, как они; слеплен из нового теста. Я выйду на волю!

— Зовите меня Королем, — ответил он, чувствуя свою силу и продолжая улыбаться царству ужаса и тоски.

В этом и заключался секрет успеха. Только так можно было выжить. Внутри его израненного опаленного сердца еще горел огонь. Следовало лишь сохранить его.

ЭПИЛОГ

Элена, с платком на голове, горбясь и выгибая ногу, постучала в дверь бондарской мастерской. Халидорская армия явилась вчера. Король Гэрот Урсуул в награду своим воинам позволил им творить что ни пожелает душа. Быть красавицей в нынешней Сенарии не желала ни одна женщина.

Элена разыскивала это место два мучительных дня подряд. Бондарь открыл дверь, жестом пригласил Элену войти и указал на комнату в дальнем конце мастерской. Джарл сидел за столом, уложенным стопками бумаг. Возле его ног стояли мешки, набитые

деньгами.

— Я придумал, как тебе сбежать, — сказал он. — Владелец халидорского каравана согласился взять тебя с собой. Пока не выедете за ворота, будешь прятаться в отделении для запрещенных товаров. Места вам с девочкой там хватит. В путь отправитесь сегодня в полночь.

— А ты доверяешь этому халидорцу? — спросила Элена.

— Я не доверяю никому, — устало ответил Джарл. — Он халидорец, а ты красивая девушка. С другой стороны, с халидорцем удобнее всего выехать за пределы города. К тому же мы работаем с ним вот уже двадцать лет. Я сказал ему, что в его интересах доставить тебя до места назначения целой и невредимой.

— Наверное, пришлось заплатить целое состояние? — пробормотала Элена.

— Пока только половину. — Губы Джарла тронула улыбка. — Остальное получит, когда ты пришлешь мне весточку.

— Спасибо.

— Кайлару я могу помочь только так. — Джарл виновато потупился. — Больше я ничего сделать не в силах…

Элена обняла его.

— Этого более чем достаточно.

— Девочка внизу. Не представляю, как она расстанется с его те… С ним.

Он узнал это место. Бело-золотистый свет грел и утешал. Он пошел по тоннелю легко и уверенно. Не торопясь, но готовый действовать.

…Нежные пальцы закрыли его глаза.

Вскрикнул ребенок. Сожаление. Печаль. Темнота. Холод…

Он моргнул, прогоняя жуткое видение. Глубоко вздохнул. И вновь отдался живительному теплу бело-золотистого света.

«…Возьми его за руку, Ули. Помоги мне».

Под его спиной задвигалась холодная каменная поверхность. Боль. Отчаяние. Ужас…

Внезапно все исчезло — и удары, и толчки, и озноб.

Он шел и шел по тоннелю. Потом побежал. Вот где ему следовало быть. Здесь, без мук и боли.

…На лицо упала слезинка. Послышался женский голос, но было невозможно разобрать слов…

Он споткнулся, упал и, испугавшись, замер в ожидании. Кошмар не возвращался. Он встал на колени, медленно выпрямился. Сделал шаг вперед и споткнулся о… пустоту.

Вытянув вперед руки, он нащупал невидимую преграду. Она была холодная, как металл, и гладкая, точно стекло. Где-то за преградой разливалось тепло, бело-золотистый свет звал к себе. Что там? Какие-то люди?

Что-то потянуло его в сторону, прочь от преграды. Он, выгнувшись, присмотрелся и вдруг увидел перед собой палату, полную людей. Очертания были размазанными, разглядеть лица не получалось. Четко вырисовывались лишь черты сидевшего перед ним на низком троне человека и две двери. Дверь справа была из чеканного золота. Сквозь щели лился свет, такой же, бело-золотистый, который только что манил Кайлара. Вторая дверь была обычная, деревянная, с простенькой металлической задвижкой. На лице человека выделялись блестящие, желтые, как у волка, глаза. Он был невысокий, но излучал силу и власть.

— Где я? — спросил Кайлар.

Незнакомец улыбнулся во весь зубастый рот.

— Не в раю и не в аду. Если хочешь, называй это место Преддверием тайны. Правлю здесь я.

— А кто ты такой?

— Акел любил называть меня Волком.

— Акел? Ты имеешь в виду Дарзо? — спросил Кайлар.

— Тебе предстоит сделать выбор и выйти через одну дверь или через другую. Если предпочтешь золотую, тогда я верну тебя туда, откуда ты явился, и извинюсь за то, что прервал твое путешествие.

— Мое путешествие?

— Путешествие на небеса, или в ад, или в небытие, или к перевоплощению. Словом, туда, куда ведет смерть.

— Может, дашь мне совет? — спросил Кайлар.

— Это Преддверие тайны, Азот. Здесь нет ответов, предоставляется лишь право выбора. — Волк улыбнулся невеселой хищной улыбкой. — Через деревянную дверь ты сможешь вернуться в свою жизнь, в свое тело, в свое время… по крайней мере почти. На выздоровление тебе потребуется несколько дней. Ты станешь настоящим ночным ангелом, тем же, кем до тебя был Акел, твоя плоть будет неподвластна времени. Оценить все достоинства этого дара можно, конечно, лишь состарившись. Более того: оправляться от ранений и болезней ты будешь гораздо быстрее, чем смертные. А то, что вы называете *талантом,* станет расти и крепнуть. Убить тебя можно будет, но ты будешь воскресать. И превратишься в живую легенду.

Кайлар не верил ушам. Ему предлагали невероятное.

«Я стану таким, как Акел Торне. Как Дарзо», — подумал он. Эта мысль насторожила. Груз бессмертия — по каким бы законам оно ни работало — в конце концов превратил принца и героя Акела Торне в безнадежного циничного убийцу.

Кайлар вспомнил, как однажды язвительно заметил в разговоре с Дарзо: «Надо понимать, ночные ангелы непобедимы?» «Бессмертны, — ответил он. — Это еще хуже».

— А зачем вам это нужно? — спросил Кайлар.

— Предположим, что лично я ничего и не собираюсь делать. Предположим, что всю работу выполнит ка'кари.

— А что потребуется от меня?

— Ага. Дарзо научил тебя всему, чему следовало. — Волк как будто погрустнел. — Я ничего не знаю наверняка. Но более просвещенные, чем я, утверждают, будто воскресение из мертвых — настолько серьезное нарушение правил, что плата за сверхъестественное существование — жизнь после смерти. Семь веков Дарзо предпочел бесконечности. Но так ли это — неизвестно. Быть может, одно никак не связано с другим. Или бесконечности вообще нет. Иными словами, ответов я не знаю… ведь сам выбрал такую жизнь.

Кайлар подошел к золотой двери. От нее веяло уютом и спокойствием. Какой дурак мог отказаться от вечного умиротворения и счастья и вернуться к кровавой, безобразной, жалкой, бесчестной и двуличной жизни, которую он вел на земле?

Кайлар приблизился к двери еще на шаг, и она вдруг изменилась. Золото в мгновение ока стекло на пол, а перед Кайларом распахнулась зубастая пасть ада. Мгновение спустя он снова видел перед собой озаренную светом дверь. Кайлар взглянул на волка.

— Бесконечность, — сказал тот, — может оказаться для тебя отнюдь не радостной.

— Ты показал мне преисподнюю?

— Это была просто иллюзия. Но задумайся сам: заслужил ли Кайлар Стерн право нежиться в вечном раю?

— По-моему, тебе небезразлично, какой выбор я сделаю, угадал?

— Ты — участник игры, ночной ангел. Твой выбор интересует всех.

Долго ли Кайлар простоял на месте, он не имел понятия. Было ясно одно: если он сделает неверный выбор, сожалеть об этом будет очень долго. Как следовало поступить? Вычислить правильный ответ он не смог бы даже с помощью математики. Что сулила вечная жизнь на грешной земле? Избавление от бесконечных мук ада? Или отказ от райского блаженства? Кайлар не верил, подобно графу Дрейку, в единого любящего Бога и не мог утверждать, как Дарзо, что никакого Бога вообще нет. Он знал, что совершил много зла. Иначе, как ни крути, назвать это было невозможно. Но помнил и о том, что делал и добро. Ради Элены он не пожалел жизни.

Элена. Его сознание и сердце вдруг так наполнились ею, что стало больно. Если он выберет жизнь и Элена примет его, то она состарится и умрет, не успеет он моргнуть глазом. А больше всего пугало то, что она никогда не простит его и не захочет знать.

Сомнения и предположения выстраивались в высокие башни и рушились, а Элена оставалась. Кайлар любил ее. Всегда.

Из-за нее он всякий раз шел на риск.

Он побежал к деревянной двери, издал вопль…

…и приподнялся.

Элена и Ули закричали.

Кайлар, хрипя, разорвал на груди куртку.

Его кожа оказалась чистой и гладкой. Изуродованное плечо — здоровым, как и пальцы на недавно израненной руке. На всем теле не нашлось ни шрамчика.

Моргая и не глядя на замерших в изумлении Элену и Ули, он сел и сказал:

— Я жив. Я жив?

— Да, Кайлар, — ответила Мамочка К., входя в комнату.

Ее спокойствие казалось противоестественным.

Мгновение-другое Кайлар, как дурак, не смел пошевельнуться.

Все происходило в действительности.

— Невероятно, — наконец сказал он. — Кайлар — тот, кто убивает и кого убивают. Дарзо все знал заранее.

Ули, беря пример с невозмутимых Мамочки К. и Кайлара, отбросила страх и забыла о том, что минуту назад Кайлар лежал мертвый. Элена на подобное была неспособна. Резко вскочив, она направилась к двери.

— Элена, подожди, — сказал Кайлар. — Ответь всего на один вопрос.

Элена приостановилась и оглянулась. В ее глазах стояли слезы и отражались растерянность, страх и вместе с тем надежда.

— Кто тебя порезал? Ведь не Дарзо? Это сделал Крыс?

— Ты воскресаешь из мертвых и спрашиваешь о порезах? Конечно же Крыс!

Она выскочила вон.

— Подожди! Элена! Прости! — Кайлар попытался встать, но ему не хватило сил. Элену было не догнать. — Постойте… а за что я извиняюсь?

Ули взглянула на него с укоризной.

— Ты не позволишь ей убежать. Ведь не позволишь?

Кайлар, держась за спинку как за спасательный трос, поднялся с кровати, посмотрел на девочку, беспомощно приподнял руку и, чтобы не упасть, поспешил снова взяться за спинку.

— Как же я ее остановлю?

Ули притопнула ножкой и выбежала из комнаты.

Мамочка К. засмеялась так, как никогда не смеялась прежде: от души, по-настоящему счастливо, будто решение остаться в живых уничтожило в ней былой цинизм.

— Я знаю, почему ты спросил у нее об этом, Кайлар. Дарзо тебе солгал, сказав, что это он поиздевался над Эленой. И правильно сделал. Иначе тебя было не спасти. Чтобы стать его полноценным продолжателем, ты должен был убить его. Ка'кари не может окончательно перейти к новому хозяину, пока жив прежний.

Какое-то время они сидели в тишине. Кайлар думал о том, насколько изменится его жизнь после смерти Дарзо. Кайлар был чудовищно несправедлив к мастеру, в какой-то момент поверив, что Куклу изуродовал именно он, и посчитав его последним мерзавцем. От этих мыслей делалось не по себе, и вместе с тем воспоминания о Дарзо грели душу. Дарзо Блинт, легенда, был Акелом Торне, героем. Кайлар задумался о том, сколько других имен носил его мастер, и вдруг почувствовал приступ боли, пустоту в груди. Захотелось плакать, но Кайлар держал себя в руках.

— Мне будет его не хватать, — проговорил он сдавленным голосом.

Во взгляде Мамочки К. отражались те же самые чувства.

— Мне тоже. Со временем боль уляжется. Не знаю почему, только я в этом не сомневаюсь.

Кайлар кивнул.

— Итак, вы выбрали жизнь, — сказал он, прогоняя слезы из глаз.

Раскисать перед Мамочкой К. было неловко.

— Ты тоже. — Она изогнула бровь. В ее глазах светилась печаль, но при этом они счастливо поблескивали. — Элена любит тебя, Кайлар. Может, не давая себе в этом отчета. Она без чьей-либо помощи вытащила тебя из замка, не смогла уйти одна. Ее разыскали люди Джарла. Только когда вас привезли сюда, Ули заметила, что у тебя заживают раны.

— Элена злится на меня.

— Так, как разозлилась бы любая влюбленная женщина. Уж я-то знаю.

— Вы сказали Ули, кто ее настоящая мать? — спросил Кайлар.

— Нет, и никогда не скажу. Незачем ее травмировать.

— Ей нужна семья.

— Я подумала, может, вы с Эленой желаете подзаработать?

Ночь нависла над восточным берегом реки Плит громадной дымной тучей. Город полыхал целый день, пожары горели и до сих пор. Огонь отражался в темной воде, пропитанный пеплом воздух казался поднятой над городом гигантской подушкой.

На улицу с грохотом свернула повозка. Возчик сутулился, пряча нос от едкой гари. Увидев горбунью с вывихнутой ногой, он приостановился и крикнул:

— Подвезти?

Женщина повернула голову. Ее лицо было почти целиком укутано шалью, но молодые глаза поблескивали, хоть под ними и темнели синяки.

Ей сказали, что халидорец будет темноволосым и тучным, этот же оказался блондином, довольно худым, в мешковатой одежде. Элена покачала головой и отвернулась.

— Элена, пожалуйста! — воскликнул Кайлар обычным голосом.

Она вздрогнула.

— Мне лучше держаться от тебя подальше.

— Я больше никогда в жизни не причиню тебе боли, — пообещал он.

Брови над глазами, которые Кайлар собственноручно подбил, вопросительно приподнялись.

— Я имею в виду, физической боли, — смущенно пояснил он.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Элена, осматриваясь по сторонам.

На улице больше не было ни души.

— Хочу забрать тебя с собой, — сказал Кайлар, откидывая с лица прядь осветленных волос и улыбаясь замаскированными губами. — Тебя и Ули. Поедем, куда захотим. Сейчас мы съездим и заберем ее.

— Зачем ты это делаешь, Кайлар?

Элена застала его врасплох.

— Потому что я все делаю ради тебя. Ведь л…

— Только не говори о любви, — перебила его Элена. — Можно ли такое любить? — Она стянула с лица шаль и указала на шрамы. — Уродцы не достойны такого счастья.

Кайлар покачал головой.

— Я люблю не шрамы, Элена. Их я ненавижу…

— Ты всегда будешь видеть только их.

— Дай договорить, — попросил он. — Элена, я наблюдал за тобой с детства. До некоторых пор да, я видел только твои шрамы. Я не собираюсь лгать тебе, заявлять, будто они красивы. Они безобразны, а ты — совсем наоборот. Когда я смотрю на тебя теперь, вижу прекрасную женщину. Она умна, у нее здорово подвешен язык, а в ее груди такое доброе сердце, что порой мне кажется, несмотря на все те гадости, которые я наблюдал всю свою

жизнь, есть на свете место и чему-то хорошему.

Кайлар видел, что Элена слушает его и начинает ему верить. «Мамочка К., — взволнованно думал он. — Скажите, что я таки научился у вас искусству слова. Несмотря на то что поначалу мне никак не давалась эта наука…»

Руки Элены приподнялись, точно вспорхнувшие птицы.

— Как ты можешь такое говорить? Ты меня совсем не знаешь!

— Ты что, больше не Кукла?

Ее руки безвольно опустились.

— Кукла, — сказала она. — А вот ты давно перестал быть Азотом.

— Да, — согласился Кайлар. — Перестал. Я и сам не знаю, кто я теперь. Но уверен в одном: я не мастер Блинт и жить как он не желаю.

Глаза Элены как будто озарились надеждой.

— Кайлар…

Кайлар понял, что она не случайно называет его именно этим именем.

— Я всегда буду тебе благодарна, — продолжала Элена. — Но быть вместе нам нельзя. Ты меня погубишь.

— Что ты имеешь в виду?

— Мамочка К. сказала, что все мои письма забирал твой мастер.

— Верно, однако он дал мне возможность наверстать упущенное, — сказал Кайлар.

Элена печально улыбнулась.

— Ты до сих пор ничего не понимаешь?

С девчонками никогда ничего не поймешь, подумал Кайлар, качая головой.

— В детстве только ты защищал меня и заботился обо мне. Ты нашел для меня настоящую семью. Я хотела быть с тобой до гробовой доски. Потом ты стал моим благодетелем, и я чувствовала себя избранной. Моим прекрасным молодым лордом, в которого я была так безумно и так по-глупому влюблена. Еще ты был моим Кайларом, моим обедневшим дворянином, о котором девочки Дрейк рассказывали разные истории. Потом ты пришел и вызволил меня из темницы.

Кайлар смотрел на нее в полном недоумении.

— Ты говоришь обо всем об этом как о какой-нибудь беде.

— О, Кайлар… Представь себе, что может статься с девушкой, если она выясняет, что недостойна мужчины, которого любила всю свою жизнь?

— Ты недостойна меня?

— Все это сказка, Кайлар. Это не для меня. В конце концов приключится что-нибудь ужасное. Ты найдешь себе более красивую или просто устанешь от меня и уйдешь, и я этого не переживу. Предложить я могу единственное: глупую, слепую любовь. Она настолько глубока и сильна, что даже просто чувствовать ее, кажется, не вполне мне по силам. А просто раз-другой переспать с тобой я не могу, потому что ты спокойно исчезнешь, и поминай как звали. А я никогда не воспряну духом…

— Я прошу тебя не переспать со мной.

— Потому что я слишком уродлива для?..

Проклятье! Что бы Кайлар ни говорил, Элена все понимала по-своему.

— Хватит! — выпалил он, вкладывая в крик столько чувств, что Элена испуганно притихла. — На мой взгляд, ты самая красивая женщина на земле. И самая чистая. И самая лучшая. Я предлагаю тебе не перепихнуться!

Элена застыла. То, что Кайлар повысил голос, ей явно не нравилось.

— Прости, что я кричу, — спокойно произнес он. — Прости, что ударил тебя, — клянусь, так было нужно для твоего же блага. В последние несколько дней я дважды чуть не умер — а может, и умер. Не знаю. Но мне четко известно одно: каждый раз перед смертью я сожалел о тебе. Нет! Твои шрамы тут ни при чем! — поспешил объяснить он, едва Элена прикоснулась к рубцу на своей щеке. — Я жалел, что не стал достойным тебя. Такой человек, каким был я, не может делить жизнь с подобной женщиной, даже если она

согласится его принять. Мы оба — выходцы с грязной улицы, но судьба повернулась так, что Кукла превратилась в тебя, а я — в себя.

То, чем я занимался, мне не совсем по душе. Я хотел бы стать другим. Говоришь, ты не заслуживаешь сказки? Это я не заслуживаю возможности начать новую жизнь, однако всей душой прошу тебя об этом. Ты полагаешь, что любить — слишком большой риск? Настоящая беда приключается с теми, кто предпочитает не рисковать. Мамочка К. и мой мастер любили друг друга, но оба считали, что проявлять чувства слишком небезопасно. Это их погубило. Что бы мы ни делали — всегда чем-то рискуем. Я же готов отдаться любви, Элена. Хочу взглянуть на мир твоими глазами, получше тебя узнать, стать достойным тебя. Моя мечта — однажды посмотреть на себя в зеркало и увидеть в нем нормального человека. Не знаю, как это случится, но мне нужно, чтобы рядом была ты, Элена. Я не зову тебя в постель. Но может быть, в один прекрасный день смогу попросить тебя кое о чем более серьезном…

Он взглянул на нее. Смотреть ей в глаза было сложнее, чем готовиться к бою с тридцатью халидорскими горцами. Кайлар протянул руку:

— Пожалуйста, Элена… Поедем со мной?!

Элена нахмурилась и отвернулась. В ее глазах блестели слезы. Может быть, от пропитывавшей воздух гари. Она несколько раз моргнула, повернула голову и долго всматривалась в лицо Кайлара. Их взгляды встретились. Кайлар нередко боялся этих больших карих глаз, предполагая, что Элена вдруг разглядит, кто он на самом деле такой. И всякий раз спешил отвернуться, пока она не почувствует отвращение к его порочности. А теперь впервые в жизни выдержал ее взгляд, не стал прятать ни свой мрак, ни любовь. Позволил ей увидеть себя таким, каким он был.

К его удивлению, в глазах Элены отразилось нечто более мягкое, чем справедливость, и более теплое, чем милосердие.

— Я так боюсь, Кайлар.

— Я тоже, — ответил он.

Элена взяла его за руку.

Благодарности

Все началось после седьмого класса. В тот год учительница по английскому, Нэнси Хелгат, посоветовала мне почитать ребятам во время ланча Эдгара Алана По, и меня зауважали. Я читал «Колодец и маятник», «Беренику», «Ворона», а одноклассники слушали, глядя на меня квадратными глазами. Я же посматривал лишь на одну девчонку, высокую и умную Кристи Барнс. Я был к ней неравнодушен и побаивался ее.

Вскоре я приступил к своему первому роману, уверенный в том, что когда-нибудь стану учителем английского и женюсь на Кристи Барнс.

Эта книга не появилась бы на свет, не помоги мне мама. Читать я научился поздно и возненавидел это занятие. Крики учительницы в первом классе «Сбивчиво! Что за предложения!», злившейся на меня за запинки и ошибки в чтении, естественно, ничуть не помогли. Мама забрала меня из школы и целый год занималась со мной дома (тут можете отпустить шутку насчет моих коммуникативных способностей). Благодаря ее стараниям и терпению я полюбил читать.

Спасибо младшим сестренкам, Кристе и Элизе, вечно просившим рассказать им на ночь сказку. Подающему надежды автору-подростку без благодарных слушателей никуда. Все принцессы в моих книгах — их вина.

Одно дело много читать, совсем другое — любить писать. Моя учительница по английскому в старших классах, Джил Презо, была преподавателем от Бога. Она из тех, кто может и поругать, и подбодрить; на ее уроках всерьез работаешь, а ее твердыми четверками гордишься. Миссис Презо сказала, что грамматические правила, которым она нас учила, я не

имею права нарушать до тех пор, пока не опубликуют мою первую работу. Я примирился с этим постановлением.

Учась в колледже, я какое-то время раздумывал, не податься ли мне в политику. Ужас. Я не совершил чудовищную ошибку благодаря нескольким людям. Во-первых, промышленному шпиону, с которым мы познакомились в Оксфорде. Он прочел один мой рассказ и воскликнул: «Хотел бы и я так». Представляете? Во-вторых, мой лучший друг Нейт Дейвис, будучи редактором студенческого литературного журнала, провел конкурс на лучший короткий рассказ. И — о чудо! Я выиграл денежный приз, заработав чуть больше прожиточного минимума, что вскружило мне голову (потом я долгое-долгое время не получал подобных сумм). В-третьих, когда я начал писать новый роман и вечерами пытался засесть за домашнюю работу, ко мне неизменно приходил Джон Лоу и спрашивал: «Уикс, готова новая глава?» Меня это раздражало и вместе с тем радовало. Тогда я понятия не имел, что Бог посылает мне редактора.

Благодарю организаторов программы по поддержке писателей Айовы — за то, что дали мне от ворот поворот. Я и теперь порой люблю носить черную одежду и пью кофе латте, но благодаря им уяснил нечто крайне важное: я должен писать то, что идет от души, и не подстраиваться под чужие вкусы.

Я в неоплатном долгу перед женой, Кристи, и ни капли не преувеличиваю. Благодаря ее вере в меня я шел и шел вперед. Ее способность жертвовать собой не перестает поражать воображение. Если бы не мудрость Кристи, моя писательская карьера закончилась бы, не успев начаться. Хочешь, чтобы издали твою книгу, преодолей массу препятствий. Мечтаешь жениться на женщине вроде Кристи — научись почти не замечать их.

Мой агент, Дон Маасе, понимает роман настолько, что я вижу в нем соперника. Дон, ты моя надежная проверочная служба, мудрый учитель и вдохновитель. С твоей помощью я стал писать намного лучше.

Огромное спасибо удивительной команде редакторов издательства «Орбит». Деви, благодарю за понимание, внимательность и за то, что ты помог мне разобраться в незнакомых мне тонкостях. Тим, спасибо, что поверил в меня. Дженнифер, ты первый человек, с кем я познакомился в «Орбит». То, что на мое электронное письмо ты ответила без промедлений, сыграло для меня очень важную роль. Потом ты же прислала документы, и я наконец понял, что не сплю. Алекс, спасибо за великолепный дизайн веб-страницы, за потрясающие рекламные постеры, за полностраничную рекламу в «Нью-Йорк тайме» и за отличные плакатики в «Бордерс». Они — просто загляденье. Лорен, спасибо, что приняла мои черновики и превратила их в настоящую книгу. Хилари, первоклассная литературная сотрудница редакции, тебе особое спасибо за подсказанные два слова. Они украсили роман.

Благодарю и всех остальных сотрудников «Орбит» и «Гашетт». Вы по-настоящему трудитесь, а мы, вольные художники, разгуливаем себе в черной одежде, сидим в кафе и потягиваем кофе латте. Я назвал бы каждого в отдельности, но, увы, не знаю всех имен. Однако еще раз повторю: я признателен всему издательскому коллективу за то, что они приняли набор моих слов и сделали из них что-то толковое. В общем, верстальщики, художники-оформители, офисные работники, бухгалтеры, юристы и курьер — всем большое спасибо!

Сумасшедшим мечтателям требуется серьезная поддержка. Кевин, то, что ты мной гордишься, — лучший подарок от старшего брата младшему. Отец, я помню, как маленьким мальчишкой поделился с тобой опасениями о том, что космические корабли пробивают дыры в атмосфере, через которые с Земли может утечь весь воздух. Ты не стал ничего мне доказывать, а внимательно выслушал. Слушаешь и до сих пор. Джейкоб Кляйн, твоя вера в меня и наша многолетняя дружба бесценны. Ты был рядом с самого начала (если не ошибаюсь, в четыре утра, на Нидфелд). Ребята из колледжа Хиллсдейл (Джон «Недостающее Звено» Лоу, Нейт «Голова, как задница миротворца» Дейвис, А. Д. «Подружка уберет» Сигманн, Джейсон «Люблю сливочное масло» Сигманн, Райан «Таинственная морщина» Дауни, Питер «Боевая тревога» Колер, Чарльз «Камуфляж пустыня» Робисон, Мэтт «Любой

соус» Шрэмм): вы лучшие соседи по съемному жилью в трущобах. Деннис Фоли, ты первый из писателей-профессионалов согласился уделить мне внимание и помочь советом. Ты пообещал честно сказать, стоит ли мне продолжать это дело или лучше найти нормальную работу. И сказал: стоит. Коди Ли, вспоминаю, как ты все это время восторгался, и каждый раз улыбаюсь. Спасибо! Шон и Диана Макней, Марк и Лив Потофф, Скотт и Кэрианн Бокс, Скотт и Керри Рюк, Тодд и Лизел Уиллиамс, Крис Гиш, Блейн Хансен, Брайан Рапп, Дана Пирсолл, Джефф и Сэнди Ньювилл, Кейт и Джен Джонсон — спасибо всем за то, что верили в нас. Благодаря вам ожидание и многолетний труд показались не только вполне приемлемыми, но еще и занятными.

Благодарю и тех, кто, узнавая, что я писатель, первым делом не спрашивал: «А твои книги издают?»

И наконец, спасибо тебе, любознательный читатель, который прочитывает все, включая выражения благодарности. Ты прекрасно понимаешь, что эти странички важны лишь для тех, чьи имена здесь упоминаются. Если ты такой чудак и оригинал, значит, мы с тобой найдем общий язык. Ты купил эту книгу, хоть и не знаешь, что я за писатель, стало быть, тоже поверил в меня. Предлагаю сделку: ты присылаешь мне пару страниц, а я дарю тебе сногсшибательное путешествие.

Интервью с автором

Чем вы занимались, прежде чем стать писателем?

Я начал не как все, то есть сразу стал писать. Большинство авторов сначала пробуют себя во множестве странных профессий и через них приходят к писательству. Я же знал, чему посвящу свою жизнь, с тринадцати лет. Я подумал, что попробовать стоит сразу, не убивать время на освоение более практичного ремесла и не ждать более подходящего момента. На жизнь зарабатывал за барной стойкой, потом преподаванием английского. Когда женился, мы с супругой решили, что мне стоит целиком посвятить себя писательству. Если ваша жена не находит бедность романтичной, не умеет быть немыслимо терпеливой и невероятно заботливой и не может жить без развлечений, тогда для вас этот путь закрыт. Нам же повезло.

Какие книги вы читаете? В основном фэнтези или что-нибудь еще?

Фэнтези — моя страсть, однако, как и многие другие писатели, я читаю книги совершенно разных жанров. Люблю историю. Она помогает понять психологию человека в отрыве от предрассудков современной культуры. Если сталкиваешься с чем-то необычайным в фэнтези, думаешь: «Что ж… понятное дело». Если о не менее странных вещах пишется в исторической книге, ты задаешься вопросом: «Возможно ли подобное? Почему люди с этим мирились?» Делается забавно, когда натыкаешься на нечто такое, что явно «позаимствовали» другие авторы. Как-то я читал об итальянском роде Борджа и внезапно понял, что Папа Александр VII — «Крестный отец». Марио Пьюзо этого не отрицает. Меня тоже увлекают любопытные исторические описания, я никогда не обхожу стороной полки с бестселлерами, к тому же литература была одним из моих основных предметов.

Трилогия «Ночной ангел» — вещь довольно мрачная и полна сурового реализма. Как родилась идея написать такие книги?

На этот вопрос можно ответить по-разному.

Во-первых, хоть писатели и редко в этом сознаются, рождение идей — одна из самых сложных составляющих писательской работы. Лично я плачу одному человеку в Болгарии, он подкидывает мне дельные мысли, а я без особого труда превращаю их в романы. А если серьезно, идеи возникают в ходе тайной интернет-дискуссии, в Нью-Йорке. Попасть в список участников невозможно до тех пор, пока твою работу не напечатают, но никто не желает тебя печатать, если твоего имени нет в списке рассылки.

Во-вторых, самая мрачная часть трилогии — начало «Пути тени», в ней описывается насилие над детьми. Когда я приступил к работе, моя жена (она магистр психологии) занималась вопросами растления малолетних. Жертвы сексуальных домогательств нередко сами становятся насильниками. Жутко даже представить, как восьмилетний ребенок издевается над пятилетним. Возникает масса вопросов. Способен ли восьмилетний творить подобное зло? В состоянии ли взрослый насильник оправиться от нанесенных ему в детстве травм, виноват ли он в том, что и сам причиняет страдания? А подросток? Где проходят границы? Жена делилась со мной далеко не всем — разглашать подробности она не имела права, к тому же щадила мою психику. Однако и из того малого было понятно, что речь о настоящих преступлениях. Задумаешься о том, что подобное происходит с современными детьми, за которыми, так или иначе, присматривают взрослые, и делается жутко. Я совсем немного сгустил краски, чтобы все выглядело правдоподобно, но потом, признаюсь честно, несколько смягчил тон. Кстати говоря, недавно я прочел в одной статье, в «Лос-Анджелес тайме»: один член бандитской группировки утверждает, будто насилие в их среде процветает, но об этом не принято упоминать даже в гангста рэпе. По его словам, сексуальной агрессии подвергаются девяносто процентов молодых людей и все девушки. Если поверить ему хотя бы наполовину, становится понятным, почему эти ребята стремятся забыться с помощью наркотиков, совершают убийства и сами мечтают о смерти.

В-третьих, заявить, что трилогия мрачная и полна сурового реализма, все равно что сказать, будто Джордж Клуни был непривлекательным ребенком, которому не светило добиться успеха. Я к тому, что важно видеть цельную картину. Да, в этих книгах немало мрака и суровости, однако их вполне компенсирует надежда на спасение. Все зависит от того, сколько значения вы придаете надежде, сильна ли она или слаба и что вообще собой представляет. Что это? Стремление умной девочки, которая старательно выполняет домашнее задание, сдать экзамен на «отлично»? Или мечта получить премиальный купон в продовольственном магазине? Надежда наиболее сильна и ценна, если рождается в страдании. Спасение — пустой звук, если речь не об избавлении от такой тьмы, от которой даже бесстрашные герои предпочли бы где-нибудь спрятаться. На мой взгляд, эти книги — о борьбе с мраком за свет. Это отражено в названиях. Да, правильно, действия начинаются с мрака и суровости, однако без них свет и умиротворение были бы пресными, скучными, бессмысленными.

Под влиянием кого или чего вы решили написать трилогию?

Стивен Дж. Каннел как-то раз сказал: если у писателя спрашивают, кто на него повлиял, то он выдает «список имен покойных авторов». Мне, наверное, следует привести такие имена: Элиот, Стейнбек, Бовуар, Чехов, Фуко, Йейтс, Кьеркегор, но это будет нечестный ответ. По правде говоря, я и сам точно не знаю, под влиянием чего написал эти книги. Опа! Сейчас сформируется мой имидж. И на конвентах со мной будут беседовать только Клинтоны.

В юности меня зачаровал мир Толкина. Я ужасно злился: он разбудил во мне такую любовь к фэнтези, но написал всего лишь четыре романа. Я брал в руки книги других писателей фэнтези, однако они оказывались настолько скверными, что приходилось возвращаться к Толкину и перечитывать «Властелина колец». Потом я прочел Роберта Джордана. Написав в тринадцать лет свой первый роман, я до опасного приблизился к плагиату, а потом долгое время пытался освободиться от тени Джордана. Еще один гигант — Джордж Р. Р. Мартин. Именно он научил меня тому, что если ты убиваешь или калечишь кого-нибудь из главных героев, то, когда в очередной раз ставишь главного героя в опасное положение, читатели пугаются. Очень занятно создавать образы детей, особенно смышленых. Рисовать их не по годам развитыми и милыми — одно удовольствие. В этом смысле мне нравятся работы Орсона Скотта Карда. По-моему, это он назвал свое видение «непреклонно простым»: маленькие дети в его романах в основном сообразительные, невинные, потому что их внутренний мир раскрывается лишь частично, но не образцы

добродетели.

Этого автора упоминать не хотелось бы, но и он на меня очень повлиял. Шекспир. Его герои, даже злодеи, настолько сложные, что ими невозможно не восторгаться. У Шекспира я позаимствовал мысль о короле, раздумывающем, как быть с нарушившим закон другом.

Есть ли у вас любимые герои? Если да, то почему?

Самый любимый, признаюсь, — Дарзо Блинт. Он настолько ужасен! Я на днях читал статью о бесстрашных и чарующих героях, которые непреклонны в преследовании цели и используют других, потому что не отличаются ни слабостями, ни сострадательностью. Вспомните Джеймса Вонда. Психология называет таких социопатами. Блинт настолько силен и настолько загадочен, что писать о нем было особенно интересно. Ему плевать, что про него думают окружающие. На ложь и иллюзии у него нет времени, однако вся его жизнь — иллюзии и ложь. Он суров, на его лице — отпечатки пережитых испытаний. Он озадачивает, потому что сделал много добра и натворил много зла. Таковы все великие исторические персонажи. Константин сохранил Римскую империю, но уничтожил выступивших против него тридцать тысяч человек. Вашингтон и Джефферсон основали государство, в котором все люди считались равными, но имели рабов. Мартин Лютер Кинг и Джон Фицджеральд Кеннеди изменяли женам. Разумеется, тут все зависит от того, как мы смотрим на жизнь и на что можем закрыть глаза, но, так или иначе, все вышеперечисленные небезгрешны. Дарзо считает себя менее достойным человеком, чем он есть на самом деле, а на подобное способны лишь люди высоконравственные.

Еще, может чуть меньше, мне нравится Ви. В самом начале она не представляет собой ничего особенного, но потом превращается в такого персонажа, каких я никогда не встречал в фэнтези. Общая тенденция связана, наверное, со стремлением писателей создавать сильные женские образы. Зачастую в результате мы получаем тех же героев-мужчин, но с бюстами, иными словами — социопатов Джеймсов Бондов, только в женском обличье. Если они и способны на какие-нибудь эмоции, то эти эмоции никогда не бывают «слабыми». Все усложняется, если автор — мужчина, потому что ему над созданием таких героинь приходится работать кропотливее. В общем, не буду вдаваться в подробности, скажу кратко: мне понравилось, какой получилась Ви.

Однако, несмотря на всю мою симпатию к обоим героям, ни с тем, ни с другой я бы предпочел не сталкиваться. Они наверняка просто шутки ради отделали бы меня, живого места бы не осталось.

Кто из героев больше всего похож на вас?

О! Это очень просто. Мамочка К. Следующий вопрос?

Вы закончили работу над сагой о Кайларе. Планируете ли вернуться в его мир? Или у вас уже родилась идея для новой истории?

Планирую, но есть и новая идея. Парень в Болгарии времени даром не теряет. Над тем, что случится с Кайларом после «По ту сторону тени», проделана уже масса работы. События продолжают развиваться семнадцать лет спустя, главное действующее лицо — сын… Впрочем, лучше почитайте. Это будет тоже трилогия; вовсе не обязательно знакомиться сначала с трилогией «Ночной ангел», однако тем, кто уже ее прочтет, будет занятно провести с любимыми героями еще какое-то время.

Вместе с тем, хоть и Мидсайру — холст огромный, и на нем еще рисуй и рисуй, я уже создаю новый мир, и он меня восторгает. Другое колдовство, другие культуры… Художественное оформление получилось отличным, основные сюжетные моменты, по-моему, очень удачны. А остального — второстепенных героев, кто что будет делать, кто куда пойдет — я еще не придумал.

Вашу работу опубликовали впервые. Что в этом процессе вам больше всего

понравилось?

В тот день, когда тебе звонят и говорят, что книги продаются, ты настолько потрясен, что радоваться не в состоянии. Это слишком волнительно. Ты до вечера ходишь с улыбкой до ушей и еще толком не понимаешь, что происходит.

Но самым удивительным для меня был звонок от редактора-француза, который сказал, что читал «Путь тени» ночь напролет и что подобное за двенадцать лет его работы случается нечасто. Я мечтал о том, чтобы люди не спали по ночам с моими книгами в руках, с тех пор как тринадцатилетним подростком написал свой первый роман. Но понимал, что для этого надо дождаться хотя бы первой публикации. Однако мне представлялось, что это будет какой-нибудь бедный парнишка, который на следующий день проспит весь урок математики. Никак не ожидал, что подобная участь постигнет редактора. Тот день был одним из лучших.